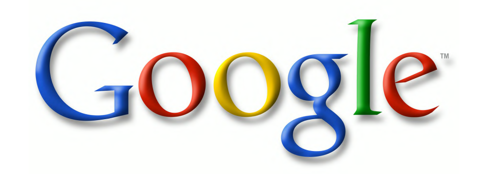
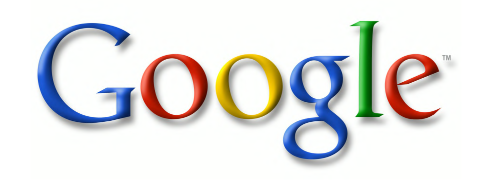
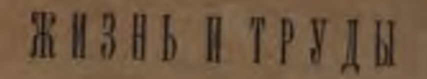

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

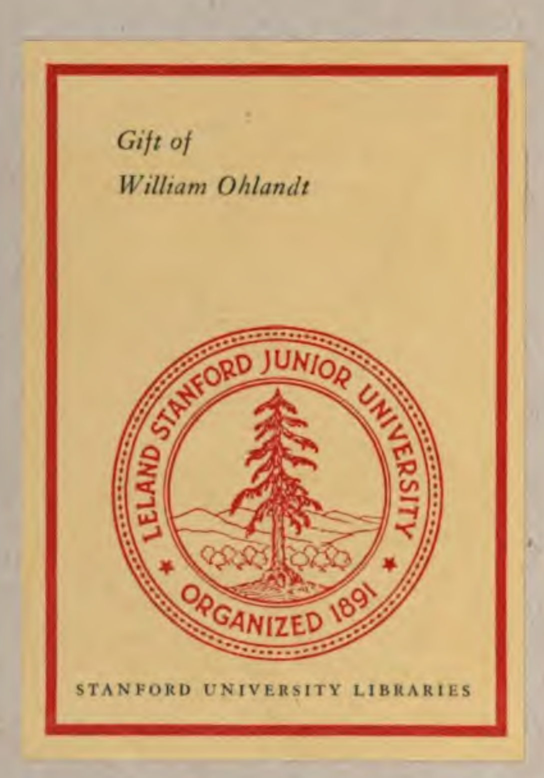
> Дни минувшіе и рѣчи
> Ужъ замолкшія давно.
>
> *Князь Вяземскій.*
>
> Г[illegible] въ сердцѣ воскреси
> И въ немъ сокрытаго глубоко
> Ты духа жизни допроси!
>
> *Хомяковъ.*
>
> И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
>
> *В. Истоминъ.*
>
> «Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
>
> *(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).*
>
> «Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
>
> *Погодинъ.*
>
> «Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898

7/14

Gift of
William Ohlandt
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

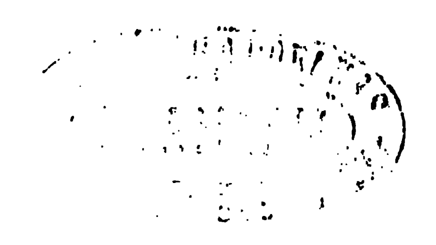
Николая Барсукова

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898

2643

ИЗДАНІЕ

Потомственнаго Почетнаго Гражданина

Александра Николаевича

МАМОНТОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

Годъ 1852-й былъ по истинѣ годомъ роковымъ для Русской литературы. „Я не запомню“,—писалъ С. Т. Аксаковъ И. С. Тургеневу,—„такого ужаснаго високоса“ [1]).

25 февраля, какъ мы уже знаемъ, опустили въ могилу Гоголя. Извѣстіе о кончинѣ его застало князя П. А. Вяземскаго въ Парижѣ, и онъ оттуда писалъ Погодину: „Наканунѣ того дня, въ который получили мы печальное извѣстіе о смерти Гоголя, продиктовалъ и отправилъ я къ нему письмо съ приложеніемъ выписокъ изъ Французской книги, недавно вышедшей здѣсь, въ которой много говорено о Русской литературѣ и о Гоголѣ. Въ то самое время, какъ вы въ Москвѣ о немъ безпокоились и наконецъ оплакивали его, мы здѣсь съ удовольствіемъ читали довольно безпристрастныя и дѣльныя сужденія о его дарованіяхъ. Мнѣ пріятно было думать, что я потѣшу его сообщеніемъ этихъ выписокъ. Вотъ едва ли не послѣдняя знаменитость царствованія Пушкина сошла съ лица Русской земли. Какъ все это царствованіе было не живущее: самъ Пушкинъ, Веневитиновъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ. Страшно и подумать, чтò за смертность на нашихъ литературныхъ вершинахъ. Письмо мое къ Гоголю было адресовано на имя графа Александра Петровича Толстаго. Не худо было бы перевести и напечатать въ *Москвитянинѣ* присланную мною статью, разумѣется, съ нѣкоторыми исключеніями ради цензуры. Не

нужно называть книги, изъ которой сообщается эта статья, но можете, если угодно, сказать, что статья была прислана мною, и уже не застала Гоголя. Сегодня (т.-е. 19 марта 1852) въ Русской церкви у обѣдни была служба и панихида въ память Гоголя".

Замѣчательно, что 19-е же марта былъ днемъ рожденія Гоголя. Лично о себѣ князь Вяземскій въ томъ же письмѣ писалъ: „О себѣ ничего сказать хорошаго не могу, а худого говорить не хочется. Это пока моя стереотипная фраза. Ожидаю съ нетерпѣніемъ теплыхъ дней, чтобы выѣхать отсюда, а куда—и самъ еще не знаю" [2]):

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Какъ я обрадовался вашему письму, вашему почерку, нашъ добрый, дорогой князь Петръ Андреевичъ. Да выздоравливайте поскорѣе, пріѣзжайте къ намъ, въ Москву, въ Остафьево. Здѣсь вы успокоитесь лучше всего. Что за чудеса совершаетъ судьба, гнетущая нашу бѣдную литературу: только что человѣкъ созрѣетъ, приготовится дѣйствовать, какъ вдругъ, Богъ знаетъ откуда, поднимется вихрь, и вонъ его съ пути. Жестоко поразила насъ всѣхъ смерть Гоголя. Надо-жъ такъ случиться, что именно на этой недѣлѣ я долженъ былъ выѣхать въ Суздаль, по высочайшему повелѣнію, для изслѣдованія о гробѣ князя Пожарскаго. Посылаю свои страницы, облитыя слезами..... Хоть изрѣдка пишите намъ по строчкѣ: я теперь чувствую себя тяжело и весьма этимъ буду доволенъ".

Посылаемыя Погодинымъ „страницы, облитыя слезами", есть его статья о кончинѣ Гоголя, которая едва не причинила ея автору большихъ непріятностей. Дѣло въ томъ, что на статью эту обрушился Булгаринъ и въ своей *Пчелкѣ* писалъ: „Статья въ пятомъ нумерѣ *Москвитянина* о кончинѣ Гоголя напечатана на четырехъ страницахъ, окаймленныхъ траурнымъ бордюромъ! Ни о смерти Державина, ни о смерти Карамзина, Дмитріева, Грибоѣдова и всѣхъ вообще свѣтилъ Русской словесности, Русскіе журналы не печатались съ черной каймою! Всѣ самомалѣйшія подробности болѣзни че-

ловѣка сообщены М. П. Погодинымъ, какъ будто дѣло шло о великомъ мужѣ, благодѣтелѣ человѣчества, или о страшномъ Аттилѣ, который наполнялъ міръ славою своего имени! Описаны съ величайшею точностью всѣ причуды, всѣ слабости больного Гоголя! М. П. Погодинъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Будемъ удивляться великому художнику, и молиться, кто можетъ, о слабомъ человѣкѣ". Такъ не говорили и о Тассѣ!—Если почтенный М. П. Погодинъ удивляется Гоголю, то чему же онъ не удивляется, полагая, что онъ такъ же знакомъ съ иностранною словесностью, какъ съ Русской Исторіей!" [3])

Написавъ отвѣтъ Булгарину Погодинъ, отправилъ его на цензуру А. О. Смирновой, отъ которой вскорѣ получилъ совѣтъ не печатать отвѣта [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. О. Смирнова писала Погодину: „Прочитавши статью въ *Сѣверной Пчелѣ*, меня страхъ пробралъ: что вы или кто-нибудь другой порядочный человѣкъ вздумаетъ въ первую минуту негодованія отвѣчать на нее. Сегодня пріѣздъ брата подтвердилъ мое опасеніе и боязнь, что письмо мое опоздаетъ. Сдѣлайте одолженіе, хотя и ваша личность затронута, не отвѣчайте. Надобно съ *Ѳ. Б.* дѣлать (не дописываю этой гадкой фамиліи, потому что слишкомъ противно), какъ съ лужей на улицѣ: ее бережно обходить. Повѣрьте, что онъ довольно уменъ, чтобы понять ваше презрительное молчаніе и это-то его и взбѣситъ. Всякая полемика журнальная неприлична въ сію пору надъ свѣжей могилой Гоголя, и въ особенности съ такимъ *не*человѣкомъ. Гоголь мнѣ часто говорилъ, что всегда можно себя поблагодарить за то, что промолчалъ, и не разъ себя ударишь по лбу за то что говорилъ. Я не прошу извиненія за нѣчто похожее на совѣтъ; въ устахъ моихъ это *просьба*. Много васъ уважающая. Переговорите съ Шевыревымъ объ этомъ, мнѣ сдается, что онъ будетъ со мною согласенъ" [5]).

Но Погодинъ не внялъ благоразумному совѣту, и свой отвѣтъ напечаталъ. „Тяжело говорить",—писалъ онъ,—„о не-

остывшемъ еще прахѣ, но нельзя и пройти молчаніемъ обвиненій г. Булгарина; нельзя, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ нашемъ мало еще установились мысли объ искусствѣ, и мнѣніе газеты имѣетъ свой ходъ и значеніе. По крайней мѣрѣ постараюсь говорить какъ можно короче.

Г. Булгаринъ обвиняетъ Гоголя, зачѣмъ онъ не изобразилъ намъ добродѣтельныхъ людей.

По моему мнѣнію, искать и требовать добродѣтельныхъ людей отъ комедіи и сатиры есть то же, что жаловаться, зачѣмъ въ больницѣ нѣтъ здоровыхъ, а одни только чахоточные и разслабленные. Здоровымъ въ больницѣ нѣтъ мѣста, точно какъ идеаламъ добродѣтели въ комедіи и сатирѣ. Фонъ-Визинъ представилъ намъ самое разительное доказательство, какъ неумѣстны тамъ Стародумы и Правдины, которые наводятъ только скуку и мѣшаютъ впечатлѣнію цѣлой его комедіи. Для прославленія добродѣтели есть другіе живописцы, кромѣ комиковъ и сатириковъ. Впрочемъ, возбуждать отвращеніе къ пороку развѣ важно меньше возбужденія любви къ добродѣтели, замѣчу я старой апоѳегмой г. Булгарину.

Второе обвиненіе г. Булгарина выражено въ слѣдующихъ словахъ:

„Кромѣ того, въ этой комедіи (*Ревизоръ*) обнаружено со-„вершенное незнаніе человѣческаго сердца. Плуты говорятъ „между собою о своихъ продѣлкахъ, какъ будто о дѣлахъ „добрыхъ и полезныхъ. Напротивъ! Именно отъявленные плуты „и вопіютъ о своей честности!

„Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ...
Онъ плачетъ... и мы всѣ рыдаемъ!

„Вотъ живой портретъ плута, написанный безсмертнымъ „Грибоѣдовымъ. Это натура!“

Удивляюсь невинности г. Булгарина: слѣдя такъ внимательно за нашими нравами съ перваго своего сатирическаго и нравоописательнаго романа, избравъ исключительнымъ пред-

метомъ своихъ наблюденій людскіе пороки, неужели онъ не замѣтилъ, что они измѣнились значительно въ своихъ формахъ? Неужели онъ изъ ежедневныхъ опытовъ не убѣдился, что нынѣ никто уже не вѣритъ Грибоѣдовскимъ плутамъ, вопіющимъ о своей честности, и потому они давно умолкли, а если хотятъ обмануть кого, то уже не ложью, а правдой. Гоголевскіе плуты, говоря между собою искренно о своихъ продѣлкахъ, какъ будто общими мѣстами, не видя въ нихъ ничего позволительнаго, производятъ тѣмъ болѣе дѣйствія.

Наконецъ, г. Булгаринъ обвиняетъ меня за черную каемку, въ коей напечатано скорбное извѣстіе о кончинѣ Гоголя. Отвѣчаю ему, что во время Державина и Карамзина не было такого обыкновенія, но что впослѣдствіи многія подобныя извѣстія печатались такимъ образомъ, и если бъ я имѣлъ подъ руками свою библіотеку, то могъ бы привесть нѣсколько примѣровъ, чуть ли даже не изъ его собственныхъ изданій. Мнѣ помнится извѣстіе о кончинѣ Пушкина такъ напечатанное въ *Молвѣ* или *Наблюдателѣ*, о кончинѣ Дельвига—въ *Литературной газетѣ*, о кончинѣ Языкова—въ *Москвитянинѣ*" [6]).

Въ то же время въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья о Гоголѣ же, написанная И. С. Тургеневымъ, которая имѣла несчастіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе Третьяго Отдѣленія, и начальникъ онаго, графъ А. Ѳ. Орловъ, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Въ февралѣ мѣсяцѣ, жительствующій въ Петербургѣ помѣщикъ Орловской губерніи Иванъ Тургеневъ написалъ статью объ умершемъ въ Москвѣ литераторѣ Гоголѣ и желалъ помѣстить оную въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Такъ какъ Тургеневъ въ этой статьѣ отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣрно пышныхъ, то Попечитель С.-Петербургскаго Округа не дозволилъ печатать оную. Тургеневъ же вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и тамъ, при содѣйствіи почетнаго гражданина Боткина и кандидата Ѳеоктистова, напечаталъ статью въ *Московскихъ*

Вѣдомостяхъ. Государь Императоръ, по моему всеподданнѣйшему докладу, собственноручно написать соизволилъ: „За явное ослушаніе, посадить Тургенева на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ; а съ другими предоставить графу Закревскому, распорядиться по мѣрѣ ихъ винъ“ [7]).

Это удивило и оскорбило С. Т. Аксакова и онъ писалъ пострадавшему: „Я никакъ не могу повѣрить, чтобъ сѣтованіе о потерѣ Гоголя, котораго я зналъ лучше всѣхъ, и который былъ самый христіанскій и монархическій писатель, могло быть поставлено въ вину кому бы то ни было“ [8]). Но графиня Ростопчина писала Погодину: „Дѣло Тургенева не литературное, у него личность съ Мусинымъ-Пушкинымъ. Это скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ, а вы гладите по головкѣ“ [9]).

Когда до Погодина дошло объ арестѣ Тургенева, то онъ, подъ 19 апрѣля 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слухъ, что Тургеневу не велѣно жить въ столицахъ! Неужели это правда! Думалъ о своей статейкѣ“.

Между тѣмъ, по Москвѣ разнесся забавный слухъ объ арестѣ Погодина за его отвѣты Булгарину. Слухъ этотъ привезъ изъ Петербурга и разгласилъ по Москвѣ инспекторъ студентовъ Иванъ Абрамовичъ Шпейеръ, который, по свидѣтельству Соловьева, „носилъ названіе Ивана Строителя“ [10]). Въ то же время Погодинъ получаетъ отъ И. С. Аксакова слѣдующее извѣщеніе: „Вчера поздно вечеромъ я получилъ изъ довольно *вѣрныхъ* источниковъ свѣдѣніе, что вы арестованы. Правда ли это? И откуда берутся такіе нелѣпые слухи! До свиданія; къ вамъ теперь, я думаю, вовсе проѣзда нѣтъ“ [11]). Послѣ личнаго свиданія съ И. С. Аксаковымъ, Погодинъ, подъ 28 апрѣля 1852 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ Иванъ Аксаковъ разсказывалъ объ извѣстіи отъ Львова и Альфонскаго обо мнѣ. Будто Назимовъ спрашивалъ даже Закревскаго... Слухи безпрерывные о заточеніи“.

Пріѣхавшій изъ Петербурга Загряжскій сообщилъ Пого-

дину, что тамъ по поводу этихъ слуховъ „было сильное движеніе въ его пользу...“ Пока Погодинъ былъ у Загряжскаго, у него на дому „перебывало много народу“ [12]).

Встревоженный этимъ слухомъ Ѳ. И. Прянишниковъ просилъ А. Я. Булгакова, „въ *ту же минуту* его увѣдомить правда ли, что М. П. Погодинъ посаженъ въ Москвѣ на гаупвахту?!“ Сообщая объ этомъ Погодину, Булгаковъ писалъ: „Каково это вамъ покажется? Я не слыхалъ, чтобы вы посажены были на гаупвахту, но вѣрно, что много другихъ можно бы давно посадить въ сумасшедшій домъ“. Съ своей стороны и Шевыревъ писалъ Погодину: „какая охота была тебѣ распустить слухъ, что ты уѣхалъ въ Петербургъ! Уже молва засадила тебя въ крѣпость и много соболѣзнуютъ. Или это умножитъ подписчиковъ *Москвитянину?*“ Въ другомъ письмѣ Шевыревъ писалъ: „О твоемъ отъѣздѣ въ Петербургъ меня увѣдомилъ Шуваловъ и подтвердила Контора. Эти слухи не изъ Университета вышли. Соловьевъ слышалъ о твоемъ отъѣздѣ отъ Аксаковыхъ и спрашивалъ меня съ участіемъ. Я сказалъ ему, что ты уѣхалъ, не написавъ мнѣ ни слова о причинѣ отъѣзда; а объ отъѣздѣ знаю я черезъ Контору. Слухи о твоемъ заключеніи здѣсь въ Москвѣ распространились еще прежде вмѣстѣ со слухами о Тургеневѣ“ [13]).

По свидѣтельству И. С. Тургенева, въ то время въ Петербургѣ „имя Гоголя не велѣно упоминать“. Закревскій на похоронахъ въ Андреевской лентѣ присутствовалъ: этого здѣсь переварить не могутъ“ [14]); а Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, по свидѣтельству того же Тургенева, „не устыдился назвать Гоголя писателемъ лакейскимъ“ [15]). Но защитникомъ Гоголя въ Петербургѣ явился пребывавшій тогда тамъ М. С. Щепкинъ, и Е. Ѳ. Коршъ писалъ Погодину: „М. С. Щепкинъ у меня и проситъ передать вамъ его усердный поклонъ. Онъ ратуетъ за Гоголя съ изумительнымъ рвеніемъ и жаромъ и разогрѣлъ уже многихъ не только значительныхъ, но и высокихъ особъ“.

Намъ уже извѣстно, что Погодинъ напечаталъ въ *Москви-*

тянинъ, въ формѣ письма къ А. О. Смирновой, свое описаніе поминокъ по Гоголѣ *), и это описаніе вызвало неудовольствіе къ автору братіи Данилова монастыря, о чемъ Шевыревъ и сообщилъ Погодину: „Позабылъ я тебя погонять тоже за описаніе поминокъ. Ужъ кстати. Написано очень неловко. Ты компрометировалъ бѣднаго Пармена и всю обитель. 9 мая я былъ тамъ и замѣтилъ по нѣкоторымъ признакамъ, что могила добраго Гоголя у нихъ уже не въ такомъ уваженіи".

II.

По смерти Гоголя, разборомъ бумагъ его, уцѣлѣвшихъ послѣ сожженія, занялся Шевыревъ. Онъ писалъ Погодину: „Грустно! тяжело! мы потеряли его вдвойнѣ. До послѣдней строки все сжегъ онъ передъ смертью. Всю эту плачевную повѣсть я знаю отъ его хлопца". Но на самомъ дѣлѣ оказалось, что не всѣ бумаги погибли, и, по словамъ того же Шевырева, нашлось Объясненіе на Литургію и четыре главы черновыя второго тома *Мертвыхъ Душъ*. Отыскалась еще и Автобіографія Гоголя. Изъ опасенія, чтобы бумаги эти не были вытребованы въ Петербургъ, графъ А. П. Толстой совѣтывалъ Шевыреву „ничего не печатать о томъ, что найдетъ въ бумагахъ Гоголя". Но это нисколько не помѣшало Шевыреву прочесть на вечерѣ у В. И. Назимова *Объясненіе на Литургію*. Прослушавъ это чтеніе, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16 мая 1852 года: „Вечеръ у Назимова. Слушалъ Литургію Гоголя. Нѣтъ, слабо, хоть и есть нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ. Шевыревъ читалъ вподрядъ все съ амфазомъ". Но Шевыревъ писалъ Погодину: „Съ мнѣніемъ твоимъ о *Литургіи* я нисколько не согласенъ. Такого объясненія на Русскомъ языкѣ еще не было. Что скажетъ митрополитъ, не знаю. Удовлетворить его, конечно,

---

¹) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1897. Книга XI, 548—552.

трудно. Маленькія неисправности могутъ быть, конечно, исправлены".

Другое сохранившееся сочиненіе Гоголя, Автобіографію, Шевыревъ читалъ у Хомякова, въ день его именинъ, 20 мая 1852 года. На этомъ чтеніи присутствовалъ также Погодинъ, и подъ тѣмъ же числомъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ужиналъ у именинника Хомякова и слушалъ Записки Гоголя. Все кажется у него недоношеннымъ. Можетъ быть, это сознаніе и замучило его. А замышлялъ много. Это былъ художникъ и христіанинъ (можетъ быть искуственный), которыхъ хотѣлъ помирить Малороссіянинъ. Жаль, что языкъ зналъ не твердо".

Лѣтомъ того же года Шевыревъ предпринялъ путешествіе въ Полтавскую губернію, для посѣщенія матери Гоголя, въ селѣ Васильевкѣ, и предъ отъѣздомъ, 20 іюня 1858 года, писалъ Погодину: „Отъ матери Гоголя получилъ еще письмо. Она зоветъ къ себѣ. Это святое дѣло. Какъ его не исполнить? Да и мнѣ надобно освѣжиться и укрѣпиться силами". Погодинъ изъ Порѣчья написалъ ему напутственное письмо: „Ѣхать въ Васильевку—спроси въ Почтовой Конторѣ въ Полтавѣ, кажется, на Жуки. Поклонись Данилевскому и попроси написать для меня воспоминаніе о покойникѣ. Заѣзжай къ Максимовичу: изъ Васильевки на Миргородъ, изъ Миргорода въ Лубны. Не забудь монастыря Мгаръ подъ Лубнами. Изъ Лубенъ въ Золотоношу. Изъ Золотоноши на Михайлову Гору".

20 іюля 1852 года, мать Гоголя писала Погодину: „Не могу вамъ описать, какъ я была утѣшена пріѣздомъ почтеннаго Степана Петровича, жаль только, что на такое короткое время; одну недѣлю прожилъ онъ у насъ и намъ показалось однимъ мгновеніемъ. Щитаю себѣ обязанностью служить вамъ, за присылаемый вами мнѣ журналъ *Москвитянинъ*, изъ втораго тома *Мертвыхъ душъ*, второй главы и тремя письмами, писанными ко мнѣ моимъ безцѣннымъ сыномъ, снятыми со всего этого копіями для напечатанія гдѣ вамъ угодно".

13-го августа Шевыревъ былъ уже въ Москвѣ и писалъ

къ Погодину: „Гоголя оставшіяся бумаги еще не успѣлъ переписать. По возвращеніи, напали на меня пріемные экзамены“.

Не смотря на вышеприведенное мнѣніе Погодина о сочиненіяхъ Гоголя, онъ, однако, вознамѣрился пріобрѣсти всѣ бумаги покойнаго писателя и съ этою цѣлью отправилъ къ М. И. Гоголь тысячу рублей. Это крайне не понравилось Шевыреву, и онъ писалъ своему другу: „Сожалѣю очень о томъ, что ты, не сказавъ мнѣ ни слова, рѣшилъ самъ послать тысячу руб. сер. Марьѣ Ивановнѣ. Я никакъ не могъ думать, что ты до того прострешь скорость свою. Марья Ивановна можетъ весьма оскорбиться твоею внезапною присылкою и еще подумать, что я былъ тому виною. Твое предложеніе и необдуманно и неделикатно—я долженъ тебѣ сказать искренно. Если бы можно было воротить эти деньги, всего бы лучше. Если бы деньги были имъ крайне нужны, они могли бы воспользоваться тѣми своими деньгами, которыя у меня, а не пользоваться твоими. Марья Ивановна отъ имени дочерей своихъ черезъ меня отвѣчала тебѣ самымъ деликатнымъ образомъ, а ты въ отвѣтъ на ея деликатность, лѣзешь къ ней съ тысячью р. сер. и хочешь точно насильно отнять статьи. Я вчера хотѣлъ быть у тебя къ обѣду, но просидѣлъ долго у Муханова; дома, получивъ записку твою, не могъ рѣшиться поѣхать къ тебѣ, потому что былъ на тебя сердитъ. Рукописи я тебѣ пришлю, если не самъ привезу. Какъ же это ты рѣшилъ, что всѣ бумаги Гоголя, по смерти его оставшіяся, стоютъ только тысячу р. сер. и что ты можешь изъ великодушія прибавить еще что-нибудь, если стоютъ онѣ дороже“.

М. И. Гоголь вернула Погодину посланную имъ тысячу, при слѣдующемъ деликатномъ письмѣ: „Проѣзжая Полтаву къ племянницѣ моей *Синѣльниковой*, получа съ почты объявленіе на посылку съ деньгами, спѣшу отвѣчать вамъ и благодарить васъ за пренимаемое участіе въ дѣлахъ нашихъ; но такъ какъ дѣла детей моихъ уже устроены Степаномъ

Петровичемъ, то посылаю обратно ваши деньги, и желая вамъ со всѣмъ любезнѣйшимъ симействомъ вашимъ всѣхъ благъ, пребуду навсегда съ таковымъ моимъ къ вамъ желаніемъ".

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1853 года (№ 35), С. Т. Аксаковъ напечаталъ *Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя.* Статья эта чуть опять не поссорила автора ея съ С. П. Шевыревымъ.

Чтобы дѣло кончить миромъ, С. Т. Аксаковъ обратился къ посредничеству Погодина, и въ письмѣ къ нему (22 марта 1853 года) изложилъ ходъ дѣла. „На всякій случай прошу васъ",—писалъ онъ,—„принять участіе въ нижеслѣдующемъ: Я напечаталъ статейку: „*Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя.* Я не смѣлъ надѣяться, чтобъ Назимовъ пропустилъ ее, потому что всѣ считаютъ его самого причиною остановки новаго изданія Гоголя; но, напротивъ, Назимовъ поступилъ прекрасно и всю статью напечатали. Вообразите себѣ, что Степанъ Петровичъ, для котораго статья моя, какъ голосъ публики, могла служить точкою опоры для настоятельныхъ требованій скорѣйшаго разрѣшенія, до того разсердился, что не только бранитъ и жалуется на меня всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ, но ѣздилъ жаловаться на меня оффиціально Назимову и просить, чтобъ мнѣ не дозволяли печатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о Гоголѣ, прибавляя къ тому, что моя статья раздражаетъ публику и что всѣ обвиненія падаютъ на него и пр. и пр. Все это до такой степени нелѣпо, такъ по-ребячьи, что не заслуживаетъ досады и я остаюсь совершенно спокоенъ. Но я боюсь одного, чтобъ онъ не вздумалъ возражать мнѣ печатно и не разсердилъ бы меня. Мало того, что это потѣшитъ недоброжелателей Гоголя,—это можетъ повредить дѣлу. Если вы имѣете вліяніе, то уймите Шевырева; я писалъ письмо самое кроткое къ нему и считаю мой поступокъ христіанскимъ подвигомъ... Не говорите Шевыреву, что я писалъ къ вамъ".

Вскорѣ Погодинъ получилъ отъ Шевырева слѣдующее разъясненіе: „Въ статьѣ Аксакова напечатано: *Ожиданіе*

всѣхъ обращено на семейство Гоголя или на тѣхъ, кому поручены литературныя дѣла, слѣдовательно, на меня. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы напомнить В. И. Назимову объ изданіи сочиненій Гоголя и сказалъ: „если цензура позволяетъ сказать, что ожиданіе все устремлено только на семейство Гоголя да на меня, то, стало быть, она признаетъ всякія препятствія, ей извѣстныя, по которымъ остановлено изданіе, уже не существующими, если только не хочетъ свалить на одного меня вину ожиданія. Я готовъ давно уже, какъ извѣстно вашему превосходительству, сдѣлайте милость только пропустите. И вслѣдствіе разговора, съ разрѣшенія Владиміра Ивановича, подалъ о томъ просьбу въ Цензурный Комитетъ, но едвали что выйдетъ полезное. Касательно тона статьи я выразилъ сожалѣніе, что въ ней есть выходки раздраженія и что это можетъ только повредить самому дѣлу, разбудивъ ихъ вновь, что горячностью мы не достигнемъ цѣли, какъ уже примѣръ прошедшаго показалъ довольно. Въ разговорѣ замѣчено было Владиміромъ Ивановичемъ, что имя Аксакова, какъ автора статьи, не можетъ быть также полезно дѣлу, потому что Гоголя выставили начальникомъ Славянофильской партіи. Владиміръ Ивановичъ нападалъ самъ на Аксакова и даже припоминалъ, что ему когда-то было запрещено писать вообще. Я взялъ его сторону, хвалилъ его статью о Загоскинѣ, его книгу объ охотѣ, и просилъ не поднимать старины, для него непріятной. Нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ, особенно Кошелеву и Хомякову, я говорилъ, что Аксаковъ, слагая вину ожиданія на одного меня, тѣмъ убаюкиваетъ цензуру и стоитъ за нее передъ публикою. Цензурѣ пріятно напечатать то, что можетъ служить къ ея оправданію. Пропуская такое выраженіе, она тѣмъ даетъ знать, что препятствія не отъ нея, а въ медленіи издателей. Къ чему же польза такихъ статей? Съ одной стороны онѣ будятъ злобу, только что было заснувшую; съ другой—покрываютъ цензуру, которая рада высвободиться изъ-подъ публичнаго обвиненія. Кромѣ того,

всякому изъ насъ надобно же знать свои отношенія къ правительству. Аксакову-отцу слѣдовало бы, если онъ дѣйствительно желаетъ, чтобы сочиненія Гоголя были изданы, не протестовать публично отъ своего имени, которое подъ опалою правительственнаго мнѣнія. Что касается до меня, мнѣ конечно тяжело. Никто не скажетъ о томъ, что̀ уже мною сдѣлано по смерти Гоголя. Все свободное время я отдавалъ на приготовленіе текста Мертвыхъ Душъ, Размышленій о Литургіи и Авторской исповѣди. Въ отчетѣ академическомъ это напечатано. Аксаковъ о томъ не скажетъ. *Московскія Вѣдомости*, разумѣется, рады будутъ скрыть это. Спасибо *Современнику*: враги открываютъ, но, разумѣется, не все. Въ отчетѣ сказано, что текстъ всѣхъ трехъ главныхъ сочиненій уже приготовленъ къ изданію; *Современникъ* же говоритъ, что я только еще занимаюсь его приготовленіемъ. Всему Петербургу и всей Москвѣ уже извѣстно, что рукописи уже пошли по рукамъ изъ кабинета великаго князя Константина Николаевича. Никто мнѣ не помогалъ и до сихъ поръ не поможетъ въ этомъ дѣлѣ, а только каждый дѣйствуетъ въ утѣшеніе своего самолюбія. Аксаковъ рыцарствуетъ не впопадъ и только вредитъ дѣлу, бросая изъ-за угла камни въ Булгарина съ братіею. Но правда то, что надобно быть при всемъ томъ спокойнымъ и не горячиться, а я виноватъ, можетъ быть и погорячился, сказавши не другимъ, а про себя лишнее. Обнимаю" [16]).

III.

За два дня до кончины Гоголя и за два мѣсяца до кончины Жуковскаго, 19 февраля 1852 года, скончался, въ Москвѣ, князь Андрей Петровичъ Оболенскій. По матери своей, княжнѣ Вяземской, онъ состоялъ въ родствѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ своемъ *Московскомъ Семействѣ стараго быта* запечатлѣлъ образъ почившаго живыми чертами. „Можно положительно сказать,—писалъ князь Вя-

земскій,—что князь А. П. Оболенскій оставилъ по себѣ добрую и честную память въ Московскомъ обществѣ и даже въ Московскомъ Университетѣ, котораго былъ нѣсколько лѣтъ Попечителемъ, хотя, конечно, ни приготовительныя условія, ни самыя личныя склонности и желанія, не предназначали его на подобное званіе. Онъ былъ, какъ сказано выше, честный, высокой нравственности, здраво-мыслящій и духовно-религіозный человѣкъ. Эти качества, и не безъ нѣкоторой основательности, обратили на него вниманіе и выборъ императора Александра I и министра Просвѣщенія князя Голицына... Вовсе не будучи англоманомъ, князь А. П. Оболенскій живалъ большую часть года въ подмосковной своей, селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Подмосковная была настоящимъ и любимымъ мѣстопребываніемъ его. Тамъ онъ жилъ, въ Москвѣ гостилъ" [17]).

Съ своей стороны и Погодинъ помянулъ добрымъ словомъ своего бывшаго начальника. „Непростительную вину принялъ бы на себя *Москвитянинъ*",—писалъ онъ,—„еслибъ не посвятилъ, хотя сколько-нибудь словъ въ память о *князѣ Андреѣ Петровичѣ Оболенскомъ.* Отсутствіе редактора было причиною ихъ замедленія,—по возвращеніи онъ думалъ о собраніи нужныхъ свѣдѣній, какъ появилась въ *Вѣдомостяхъ* прекрасная статья Д. Н. Свербеева. Собирать свѣдѣнія оказалось теперь совершенно ненужнымъ: ничего нельзя собрать и сказать вѣрнѣе, лучше, къ сердцу—успѣшнѣе. Мы украсимъ нашу лѣтопись слѣдующимъ отрывкомъ изъ статьи: „Мирно скончался, исполненный дней, князь Андрей Петровичъ, на 83-мъ году своей доброй жизни. Боленъ онъ былъ недолго: дней пять, шесть—не болѣе. До самаго послѣдняго дня занимался текущими дѣлами и заботами о своемъ семействѣ. Еще наканунѣ кончины, уже болѣзненный, и какъ бы внезапно одряхлѣвшій, принималъ онъ родныхъ, всегда близкихъ его сердцу, и разспрашивалъ съ любовію о ихъ собственныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Жена, сыновья, дочь, зятья и братья не оставляли его ни на одну минуту. Для нихъ,—для того,

чтобы не возбудить въ нихъ преждевременныхъ за себя опасеній,—видимо боролся онъ съ болѣзнію, и не уступалъ ей, сколько могъ. Со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію принялъ онъ Святыя Тайны, съ живою вѣрою въ неистощимое милосердіе Божіе, окруженный чистою и пламенною къ нему любовію супруги, дѣтей и братьевъ, тихо переселился къ отцамъ.—Почти послѣднія слова его были: „Какъ сладко мнѣ быть больнымъ; сколько любви меня окружаетъ“.

Князь Андрей Петровичъ, еще при жизни своего родителя, князя Петра Александровича, получилъ преемство полнаго старѣйшинства надъ своими пятью братьями и четырьмя сестрами. Отецъ князя, по смерти своей жены, а его матери, урожденной княжны Вяземской, будучи еще въ порѣ мужества и силы, рѣшился всю остальную жизнь свою посвятить самому строгому уединенію; отказался отъ свѣта, перешелъ въ отдаленный уголокъ своего дома, передавъ старшему сыну хозяйство и управленіе дѣлами, самъ пребывая въ тишинѣ и молитвѣ. Съ любовію по временамъ принималъ онъ своихъ дѣтей и умножавшихся внуковъ; но принималъ только у себя, въ своихъ небольшихъ комнатахъ, и не всѣхъ вмѣстѣ, чтобы не возмутить своего молитвеннаго покоя даже и семейнымъ не безшумнымъ веселіемъ. Онъ уже не садился за благословенную семейную трапезу, на которую сходились его потомки: въ его мѣсто былъ тамъ другой старшій — князь Андрей Петровичъ. Такъ просто началось это старѣйшинство, продолжавшееся болѣе полувѣка. Молитвенный родоначальникъ скончался тихо, какъ бы незамѣтно, оплаканный дѣтьми своими: мѣсто его давно было занято. И вотъ, съ того самаго времени, за пятьдесятъ лѣтъ, до дней послѣднихъ собирается благословенная семья въ отеческомъ домѣ, за благословенную трапезу, въ великіе дни святыхъ праздниковъ; въ веселые дни семейные—зимою въ Москвѣ на Рожественку, лѣтомъ въ подмосковное село Троицкое. Начинаетъ рядѣть старшее поколѣніе: постигаютъ неизбѣжныя, раннія утраты и второе: прибываетъ

земскій,—что князь А. П. Оболенскій оставилъ по себѣ добрую и честную память въ Московскомъ обществѣ и даже въ Московскомъ Университетѣ, котораго былъ нѣсколько лѣтъ Попечителемъ, хотя, конечно, ни приготовительныя условія, ни самыя личныя склонности и желанія, не предназначали его на подобное званіе. Онъ былъ, какъ сказано выше, честный, высокой нравственности, здраво-мыслящій и духовно-религіозный человѣкъ. Эти качества, и не безъ нѣкоторой основательности, обратили на него вниманіе и выборъ императора Александра I и министра Просвѣщенія князя Голицына... Вовсе не будучи англоманомъ, князь А. П. Оболенскій живалъ большую часть года въ подмосковной своей, селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Подмосковная была настоящимъ и любимымъ мѣстопребываніемъ его. Тамъ онъ жилъ, въ Москвѣ гостилъ" [17]).

Съ своей стороны и Погодинъ помянулъ добрымъ словомъ своего бывшаго начальника. „Непростительную вину принялъ бы на себя *Москвитянинъ*",—писалъ онъ,—„еслибъ не посвятилъ, хотя сколько-нибудь словъ въ память о *князь Андреѣ Петровичѣ Оболенскомъ*. Отсутствіе редактора было причиною ихъ замедленія,—по возвращеніи онъ думалъ о собраніи нужныхъ свѣдѣній, какъ появилась въ *Вѣдомостяхъ* прекрасная статья Д. Н. Свербеева. Собирать свѣдѣнія оказалось теперь совершенно ненужнымъ: ничего нельзя собрать и сказать вѣрнѣе, лучше, къ сердцу—успѣшнѣе. Мы украсимъ нашу лѣтопись слѣдующимъ отрывкомъ изъ статьи: „Мирно скончался, исполненный дней, князь Андрей Петровичъ, на 83-мъ году своей доброй жизни. Боленъ онъ былъ недолго: дней пять, шесть—не болѣе. До самаго послѣдняго дня занимался текущими дѣлами и заботами о своемъ семействѣ. Еще наканунѣ кончины, уже болѣзненный, и какъ бы внезапно одряхлѣвшій, принималъ онъ родныхъ, всегда близкихъ его сердцу, и разспрашивалъ съ любовію о ихъ собственныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Жена, сыновья, дочь, зятья и братья не оставляли его ни на одну минуту. Для нихъ,—для того,

чтобы не возбудить въ нихъ преждевременныхъ за себя опасеній,—видимо боролся онъ съ болѣзнію, и не уступалъ ей, сколько могъ. Со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію принялъ онъ Святыя Тайны, съ живою вѣрою въ неистощимое милосердіе Божіе, окруженный чистою и пламенною къ нему любовію супруги, дѣтей и братьевъ, тихо переселился къ отцамъ.—Почти послѣднія слова его были: „Какъ сладко мнѣ быть больнымъ; сколько любви меня окружаетъ".

Князь Андрей Петровичъ, еще при жизни своего родителя, князя Петра Александровича, получилъ преемство полнаго старѣйшинства надъ своими пятью братьями и четырьмя сестрами. Отецъ князя, по смерти своей жены, а его матери, урожденной княжны Вяземской, будучи еще въ порѣ мужества и силы, рѣшился всю остальную жизнь свою посвятить самому строгому уединенію; отказался отъ свѣта, перешелъ въ отдаленный уголокъ своего дома, передавъ старшему сыну хозяйство и управленіе дѣлами, самъ пребывая въ тишинѣ и молитвѣ. Съ любовію по временамъ принималъ онъ своихъ дѣтей и умножавшихся внуковъ; но принималъ только у себя, въ своихъ небольшихъ комнатахъ, и не всѣхъ вмѣстѣ, чтобы не возмутить своего молитвеннаго покоя даже и семейнымъ не безшумнымъ веселіемъ. Онъ уже не садился за благословенную семейную трапезу, на которую сходились его потомки: въ его мѣсто былъ тамъ другой старшій — князь Андрей Петровичъ. Такъ просто началось это старѣйшинство, продолжавшееся болѣе полувѣка. Молитвенный родоначальникъ скончался тихо, какъ бы незамѣтно, оплаканный дѣтьми своими: мѣсто его давно было занято. И вотъ, съ того самаго времени, за пятьдесятъ лѣтъ, до дней послѣднихъ собирается благословенная семья въ отеческомъ домѣ, за благословенную трапезу, въ великіе дни святыхъ праздниковъ; въ веселые дни семейные—зимою въ Москвѣ на Рожественку, лѣтомъ въ подмосковное село Троицкое. Начинаетъ рядѣть старшее поколѣніе: постигаютъ неизбѣжныя, раннія утраты и второе: прибываетъ

новое третье и занимаетъ убылыя мѣста. Князь Андрей Петровичъ бодро и весело остается на своемъ, встрѣчая радушнымъ привѣтомъ и добрымъ словомъ новыхъ гостей — своихъ внуковъ, приходящихъ въ возрастъ и представляемыхъ ему прежде вступленія ихъ въ общественную жизнь. Всѣхъ онъ любитъ, и всѣ его любятъ и уважаютъ въ отца мѣсто. Старшіе по немъ этому уваженію и этой любви подаютъ примѣръ, которому такъ легко, такъ пріятно слѣдовать среднимъ и младшимъ членамъ семейства. Братья его и сестры, изъ коихъ меньшему и меньшей теперь близъ семидесяти лѣтъ, передъ нимъ какъ нѣжные и послушные сыновья и дочери. Ничего важнаго не начинается ни въ одной изъ боковыхъ линій безъ его совѣта и благословенія.

Такъ жила эта семья, и такъ собиралась она (въ полномъ своемъ собраніи доходившая до восьмидесяти человѣкъ во второмъ поколѣніи, и до ста пятидесяти въ третьемъ) подъ кровъ этого дома. И всегда неизмѣнно одинакова была ласковая встрѣча всѣмъ и каждому отъ старѣйшины семейства. Нужно ли послѣ этого говорить, что каждый изъ этихъ восьмидесяти членовъ благовременно и безвременно могъ приходить къ князю Андрею Петровичу за добрымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, за покровительствомъ и помощію. И всякій выходилъ отъ него съ пособіемъ, наставленіемъ, утѣшеніемъ.

Московское общество не могло равнодушно смотрѣть на такую семью, и князь Андрей Петровичъ былъ часто призываемъ на совѣты людьми посторонними. Многіе ввѣряли ему судьбу своихъ сиротъ, и ему же поручали по смерти значительныя суммы для дѣлъ тайной благотворительности.

И вотъ тамъ, гдѣ, бывало, такъ долго и часто трапезовала, — собралась она, вся эта семья и стѣснилась около его гроба, съ горькими о немъ слезами, съ горячими о немъ молитвами; потомъ проводила его, 22-го февраля, до мирной Донской обители, опустила въ могилу, засыпала землею. Крестьяне подмосковныхъ селъ князя отнесли туда на рукахъ своего добраго помѣщика.

Да! правдивы были послѣднія слова твои, добрый, милый нашъ старецъ: сладко было тебѣ быть и больнымъ. Столько любви тебя окружало!

Будемъ желать одного: чтобы память о князѣ Андреѣ Петровичѣ не оставляла благословенную эту многовѣтвистую семью; чтобы его добрая жизнь и тихая кончина были для нея союзомъ взаимной любви, и надолго остались для всѣхъ примѣромъ семейныхъ добродѣтелей".

Къ этимъ краснорѣчивымъ строкамъ Д. Н. Свербеева, Погодинъ съ своей стороны прибавилъ: „Послѣднія строки (онѣ начинаются впрочемъ почти съ начала) мы желали бы перепечатать золотомъ въ своемъ журналѣ, котораго любимая мысль, завѣтная цѣль, самое горячее желаніе, всегда было, есть и будетъ возбуждать, питать, развивать воспоминанія объ этой семейности, искренности, задушевности, патріархальности, которая составляла искони драгоцѣннѣйшее отличіе и украшеніе Русской Исторіи и Русской жизни. Намъ всегда казалось (неужели мечталось?), что мы можемъ сохранить, удержать, это священное наслѣдіе предковъ, этотъ Богомъ дарованный плодъ Русскаго сердца, легкаго, добраго, живобьющагося,—нисколько не отказываясь отъ плодовъ Европейской, такъ называемой, цивилизаціи. Намъ всегда казалось, что небольшое усиліе и движеніе, вполнѣ почтительное, изъ-подъ ея бремени, что малое желаніе придти въ себя, не дѣлаться, ни Французами, ни Нѣмцами, ни Англичанами, ни Турками, принесло бы много пользы, оказало бъ много добра, прибавило бъ много радости, и въ нашей домашней, и въ нашей общественной, и въ нашей государственной жизни.

„Читатели",—продолжаетъ Погодинъ, — „могутъ теперь судить, съ какимъ удовольствіемъ мы помѣстили у себя изображеніе лица, въ извѣстныхъ отношеніяхъ живого представителя нашихъ началъ, почтеннаго гражданина, который, не бывъ министромъ, полководцемъ, писателемъ, прослужилъ всю долговременную жизнь свою отечеству и человѣчеству, — честно, полезно, безобидно, въ кругу своей

семьи, родныхъ и ввѣренныхъ его попеченію меньшихъ братій. Я не выписалъ изъ некролога князя Оболенскаго словъ, относящихся къ его управленію Московскимъ Университетомъ, потому что самъ, кончивъ курсъ въ Гимназіи и прошедъ весь курсъ, достигши магистерской степени подъ его начальствомъ, могу о немъ здѣсь засвидѣтельствовать, желая Университету всегда такихъ *добрыхъ* начальниковъ, какъ покойный князь Андрей Петровичъ Оболенскій“ [18]).

IV.

„Еще утрата!“—писалъ Шевыревъ Погодину.—„Грустно и больно! Вчера былъ я на похоронахъ. Нынѣ изъ дома ѣдутъ на похороны. Вездѣ болѣзни. Какое грустное время. Хочется къ тебѣ, но не урвешься. И хлопоты и нужды. Вотъ наша жизнь. Но надо жить, слѣдовательно трудиться и надѣяться... Кончина Жуковскаго, кончина праведника, спокойная и радостная. Есть письма жены къ А. П. Елагиной. Недѣлю ослабѣвалъ, читалъ молитвы, пріобщался, имѣлъ видѣніе,—и скончался совершенно спокойный, оставляя дѣтей на попеченіе Божіе“.

Подъ 24 апрѣля 1852 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Къ Елагиной. Извѣстіе о смерти Жуковскаго. Что за черный годъ! Плакали. Съ Хомяковымъ и Свербеевымъ“. Другъ и товарищъ Жуковскаго А. В. Булгаковъ писалъ Погодину: „Вѣрю горести вашей. Какой же Русскій не дастъ сердечной слезы Жуковскому? Могъ бы онъ еще пожить и много прибавить томовъ къ незабвеннымъ своимъ сочиненіямъ. Конечно, лѣта его были болѣе, чѣмъ зрѣлые, но память его была свѣжа, умъ свѣтлъ, сердце молодо, страсть къ трудамъ велика. Я тотчасъ подумалъ о бѣдномъ Вяземскомъ, коего здоровье и безъ того не въ цвѣтущемъ состояніи, но къ крайней моей радости получилъ отъ него весьма успокоительное письмо. Онъ знаетъ уже о потерѣ нашей общей. Я жду сейчасъ къ себѣ князя Ѳ. Ѳ. Гагарина, коему имѣю

препорученіе прочесть письмо князя Петра Андреевича. Какъ скоро выполню коммиссію сію, не премину вамъ сообщить письмо князя, тѣмъ болѣе, что въ ономъ сказано именно: „Передай Шевыреву и Погодину печальное мое извѣстіе о Жуковскомъ". Вдова нашего добраго Василія Андреевича пишетъ мнѣ между прочимъ, что какъ скоро соберется съ духомъ, то сообщитъ друзьямъ своего мужа всѣ подробности его кончины. Письмо Вяземскаго меня чрезвычайно успокоило и разрушило совершенно всѣ бредни коими наполнена была Москва на его счетъ".

Посылая Погодину два письма князя Вяземскаго, Булгаковъ писалъ: „Дайте ихъ прочесть также С. П. Шевыреву. Я увѣренъ, что въ Москвѣ нашему общему пріятелю (князю Вяземскому) будетъ лучше и что, по его словамъ, въ Сокольникахъ *сосна* склонитъ ко сну".

„Образъ блаженныя кончины Жуковскаго",—писалъ Стурдза Погодину,—„наполнялъ мои безсонныя ночи, тѣмъ живѣе и поучительнѣе, что я читалъ описаніе его послѣднихъ дней въ превосходномъ письмѣ его духовника священника Базарова. Слѣдовало бы, по-моему, всѣмъ нашимъ журналамъ перепечатать этотъ правдивый разсказъ очевидца, въ которомъ христіанская смерть проповѣдуетъ христіанамъ о жизни вѣчной" [19]).

За нѣсколько мѣсяцевъ до блаженной кончины, Жуковскій писалъ:

Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасный мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій [20]).

Графиня Е. П. Ростопчина почтила память Жуковскаго стихотвореніемъ, подъ заглавіемъ: *Прощальная пѣснь Русскаго*

Лебедя, посвященная семейству и друзьямъ, и напечатала оное въ *Сѣверной Пчелѣ*, при слѣдующемъ письмѣ къ Булгарину: „Прошу васъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, напечатать въ *Сѣверной Пчелѣ* это поминовеніе признательной дружбы тому, кого и вы, и я, и все, что на Руси не заражено безразсуднымъ поклоненіемъ уродливаго въ ущербъ прекрасному и высокому, должны чтить и оплакивать какъ перваго и лучшаго изъ современныхъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ поэтовъ нашихъ, какъ примѣрнаго благороднѣйшаго и добрѣйшаго человѣка“ [21]).

Само собою разумѣется, Погодинъ остался очень недоволенъ, что это стихотвореніе было напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ*, и написалъ къ графинѣ Растопчиной укорительное письмо, на которое немедленно же получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Не *злой духъ* внушилъ мнѣ тѣ слова, которыя вы называете письмомъ къ Булгарину, а я, припискою въ редакцію при доставленіи оффиціальной статьи для не менѣе оффиціальной газеты; *не злой духъ*, а негодованье противъ тѣхъ, кто громко говорили и кричали, что Жуковскій не имѣетъ никакого значенія, ни для литературы, ни для Россіи, что онъ умеръ давно,—и что не зачѣмъ о немъ тужить, онъ, видимо, рифмоплетъ, а такъ какъ онъ кабаковъ и залавокъ не описывалъ, грязи не воспѣвалъ, то въ немъ нѣтъ ничего *обще-человѣческаго*, вовсе никакой *гуманности*, ни *конкрета*, ни *субъективности*, ни *абсолюта*, словомъ, ничего такого, что нынче признается *геніальностью*. Вы сами слышали и читали эти возгласы, — чтожъ вы дивитесь, что они воспламенили во мнѣ сердце поэта и душу друга, искренно преданнаго высокому покойнику? *Можете*, и *прошу* васъ показывать, эти строки,—оглашать ихъ; я горжусь моимъ разногласіемъ съ новою литературою, съ партіею прозы, матеріальности и *простоты*, и всѣми любителями, превозносителями и производителями *грязи* и *нечистоты*, какъ въ *Петербургскихъ* журналахъ, такъ и въ Московскихъ бесѣдахъ; говорю смѣло свое мнѣніе, но, посылая стихи въ *Пчелу*, я не просила печатать моей приписки, и не ожидала, чтобъ ее тиснули: Булгаринъ

захотѣлъ мною, какъ орудіемъ, поразить натуральную школу,— тѣмъ лучше или тѣмъ хуже,—но я не отопрусь, — да, *это точно мое мнѣніе!* Люблю поэзію и поэтовъ, ненавижу и презираю нынѣ царствующую литературу лавочниковъ и черныхъ уголковъ!—Прошу васъ показывать эту записку — вы меня обяжете! Прощайте, Михаилъ Петровичъ, желаю вамъ успѣха при дѣлѣ Музея,—но еще, *не увлекаться юношескими порывами, не судить вдругъ, знать тѣхъ, кого вы любите, и понимать, какъ и почему они говорятъ и дѣйствуютъ*, соображаясь съ ихъ характеромъ и положеньемъ".

Погребеніе Жуковскаго описалъ почтенный археографъ М. А. Коркуновъ, въ слѣдующемъ письмѣ своемъ къ Погодину: „Жуковскій въ Россіи, въ нашей Русской землѣ, но вѣщее слово его умолкло на вѣки, только пѣсни, сложенныя имъ прежде, поются попрежнему, и, вѣрно, еще долго, очень долго будутъ пѣть ихъ во всѣхъ концахъ необъятной Россіи. Жуковскій на родинѣ, но не для пѣсенъ: вокругъ него раздается теперь многозначительное пѣніе Русскаго духовенства... Какъ встрѣтили его друзья, спросите вы, знавшіе его лично? Не знаю; я видѣлъ только проводы и слезы, слезы Наслѣдника Русскаго Царства и его сестры. Въ повѣсткѣ, полученной мною, сказано было, что 28 іюля, въ 5 часовъ пополудни, будетъ выносъ тѣла Жуковскаго изъ Ѳедоровской въ Духовскую церковь. Товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Норовъ, узнавъ объ этомъ, пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Въ 5 часовъ мы были въ Невскомъ монастырѣ. Ѳедоровская церковь, въ которой я не бывалъ прежде, очень очень невелика; она находится близъ монастырской стѣны, отдѣляющей Лавру отъ Духовной Академіи. Въ этой-то церкви стоялъ гробъ Жуковскаго, покрытый золотою парчею. Въ церкви мы нашли духовника ихъ величествъ протопресвитера В. Б. Бажанова, съ другими духовными лицами и студентовъ С.-Петербургскаго Университета. Въ 6 часовъ, по прибытіи преосвященнаго Макарія, епископа Винницкаго *),

*) Скончался въ санѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго.

пропѣта была литія надъ усопшимъ; вслѣдъ затѣмъ снятъ парчевый покровъ и гробъ Жуковскаго, обитый фіолетовымъ бархатомъ и серебряными позументами, перенесенъ, въ предшествіи духовенства, товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и университетскими студентами въ Духовскую церковь и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отпѣвали Крылова. Тутъ была отслужена панихида. На другой день, 29 іюля, я пріѣхалъ въ Невскій монастырь, въ началѣ 12 ч. Литургію совершалъ ученый богословъ нашъ, преосвященный Макарій; въ церкви, на правой сторонѣ находились почетнѣйшія лица столицы: товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія, академики, знаменитый Рикордъ, Гречъ, Краевскій и многіе другіе Русскіе литераторы; на лѣвой — ректоръ, профессоры и студенты Университета. Хоры были заняты дамами. Къ началу панихиды прибыли Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна. Гробъ Жуковскаго несли до могилы: Его Императорское Высочество, Русскіе ученые и литераторы; за гробомъ слѣдовали Ея Императорское Высочество и многочисленная толпа лицъ разнаго званія. Жуковскій похороненъ подлѣ Карамзина, недалеко отъ могилъ Крылова и Гнѣдича" [22]).

Гробъ Жуковскаго вдохновилъ одного изъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета, впослѣдствіи извѣстнаго профессора, Ореста Өедоровича Миллера, и онъ написалъ прекрасное стихотвореніе на *Смерть Жуковскаго*, и напечаталъ оное въ *Сѣверной Пчелѣ*:

И онъ угасъ, нашъ старецъ, духомъ юный,
Нашъ лебедь сладостный, нашъ голубь чистотой!
. . . .
. . . .
. . . .
Святымъ довѣріемъ къ нему руководимый
Царь первенца ему съ надеждою вручилъ,
И памятникъ себѣ, во вѣкъ не сокрушимый,
Въ душѣ Наслѣдника онъ самъ соорудилъ [23]).

V.

Въ то время, когда въ Александро-Невской Лаврѣ опускали въ могилу Жуковскаго, ближайшій другъ его графъ Д. Н. Блудовъ, съ своею дочерью графинею Антониною Дмитріевною, путешествовалъ по Западной Европѣ; но и на чужбинѣ они поминали Жуковскаго. 18 августа 1852 года, П. И. Бартеневъ писалъ Погодину: Посылаю вамъ выписку изъ письма ко мнѣ графини Антонины Дмитріевны: „Во Франкфуртѣ, на дняхъ, мы имѣли грустное утѣшеніе читать нѣсколько стиховъ, оставшихся послѣ Жуковскаго. Кромѣ неоконченной большой поэмы, которой только отрывки остались, есть много маленькихъ пьесъ. Двѣ особенно мнѣ понравились, одна: *Розы*,—по христіанскому, глубоко утѣшительному чувству, другая: *Египетская тьма*, —по силѣ стиховъ и мрачной фантазіи картины.—Самые первые стихи поэмы *Странствующаіо Жида*, прекрасны, но врядъ ли позволитъ цензура, а остальное трудно теперь разобрать, пока не сдѣлана копія чисто. Дѣти Жуковскаго премилыя, и мальчикъ семилѣтній—живой портретъ Василія Андреевича. Если будете писать М. П. Погодину, попросите его сказать отъ меня графу Уварову, что этотъ мальчикъ совершенный двойникъ того портрета Кипренскаго, который въ Порѣчьѣ“. Я передалъ вамъ больше, нежели поручила графиня, въ надеждѣ, что вы съ удовольствіемъ прочтете извѣстіе объ оставшихся драгоцѣнностяхъ. Надѣюсь въ скоромъ времени пробыть въ Москвѣ недѣлю и лично засвидѣтельствовать вамъ мое уваженіе. Заранѣе прошу позволенія поработать и пересмотрѣть кое-что въ вашемъ драгоцѣнномъ хранилищѣ. Сдѣлайте милость, передайте мое глубокое почтеніе Степану Петровичу Шевыреву и Ивану Дмитріевичу Бѣляеву, когда увидите ихъ“ [24]).

Едва опустили въ могилу Жуковскаго, какъ благодарная муза Кліо вступаетъ въ свои права. Въ *Москвитянинѣ* того же 1852 года появляются *Воспоминанія о В. А. Жуковскомъ*,

съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Погодина: „Года три тому назадъ была напечатана въ *Москвитянинѣ* статья о дѣтствѣ Жуковскаго. Она такъ любопытна,—писалъ Погодинъ,—что мы рѣшаемся перепечатать ее теперь; недавняя кончина незабвеннаго нашего поэта возвышаетъ цѣну всякаго о немъ воспоминанія;—впрочемъ, извѣстная статья обновляется здѣсь еще многими новыми подробностями, сообщенными тогда же редактору *Москвитянина* ея авторомъ, по поводу его вопросовъ, но ненапечатанными имъ въ то время, вслѣдствіе другихъ соображеній“ [25]).

Воспоминанія эти вызвали слѣдующія любопытныя строки М. А. Дмитріева, въ письмѣ его къ Погодину (изъ села Богородскаго, 3 ноября 1852 г.): „Статья о Жуковскомъ, хотя и была прежде напечатана, но интересна и пришлась кстати. Только въ ней сказано, что Жуковскій не былъ въ Дерптѣ. Нѣтъ, онъ былъ, въ то время, какъ Воейковъ былъ профессоромъ, и, кажется, въ 1815 году. Тамъ онъ познакомился съ Эверсомъ: что свидѣтельствуетъ его посланіе *къ Старцу Эверсу* и примѣчаніе, въ которомъ сказано: „писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго Университета“.—Изъ самаго посланія видно, что онъ былъ на этомъ праздникѣ лично:

Тамъ Эверсъ мнѣ на братство *руку далъ*.
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ усты съ лобзаньемъ,
Когда *стоялъ ты*, старецъ, *предо мной*
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ?

Я узналъ Жуковскаго или въ концѣ 1813 года, или въ началѣ 1814, и помню, что онъ потомъ былъ въ Дерптѣ, а стихи свидѣтельствуютъ, что это было въ 1815 году. Жена Воейкова А. А. Протасова, которой посвящена *Свѣтлана*. У нихъ-то и былъ Жуковскій въ Дерптѣ. Послѣ того, гдѣ сказано, что Жуковскій прислалъ *Пѣвца* къ Тургеневу, надобно было прибавить, что онъ его тогда же и напечаталъ. Это было 1-е изданіе 1813 года. А въ статьѣ, кажется, смѣшаны два

изданія. Вотъ исторія второго: Императрица Марія Өеодоровна, восхищавшаяся *Пѣвцомъ*, поручила И. И. Дмитріеву напечатать его вторымъ великолѣпнымъ изданіемъ, и отослать отъ ея имени къ Жуковскому бриліантовый перстень. Вслѣдствіе этого, по письму Ивана Ивановича, Жуковской прислалъ къ нему рукописнаго *Пѣвца*, умноженнаго именами военныхъ людей, которыхъ въ первомъ изданіи не было. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ нарисовалъ прекраснѣйшія три виньета, которыя были отлично выгравированы; и въ такомъ видѣ явилось въ томъ же году второе изданіе. Оно у меня есть. По порученію И. И. Дмитріева, имъ занимался Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, бывшій впослѣдствіи тоже министромъ Юстиціи. Два министра Юстиціи, настоящій и будущій, занимались изданіемъ стиховъ молодого стихотворца. Дашковъ писалъ и примѣчанія къ *Пѣвцу*, которыя и донынѣ печатаются съ буквами: ДД. Но посвященіе императрицѣ: „Мой слабый стихъ царица ободряетъ“! которое Жуковскій прислалъ къ И. И. Дмитріеву вмѣстѣ съ *Пѣвцомъ*, и которое онъ хотѣлъ помѣстить въ началѣ этого изданія, государыня, по скромности, не позволила напечатать; оно было издано уже послѣ. Я сказалъ: „по скромности“, потому что такъ выразился мнѣ объ этомъ мой дядя. Но я скажу: „по христіанскому смиренію“; потому что въ этомъ посвященіи говорится о благодѣяніяхъ государыни сиротамъ и всѣмъ призрѣваемымъ и воспитываемымъ въ ея заведеніяхъ“.

Въ томъ же письмѣ Дмитріевъ прибавляетъ: „У насъ хлѣбъ ни почемъ; да и того не берутъ. — Вьюги мѣшаютъ молотить; и при порядочномъ урожаѣ мы ничего не продаемъ, а у крестьянъ лошади безъ корму. Молотьбы нѣтъ; нѣтъ и корму“.

Въ другомъ письмѣ Дмитріевъ писалъ Погодину: „О Жуковскомъ однако мало пишутъ въ журналахъ; но много врутъ! Въ *Библіотекѣ* напечатано, что онъ былъ сотрудникомъ Карамзина въ изданіи *Вѣстника Европы;* а у Карамзина никогда и никого не было сотрудниковъ! Такъ и видно, что

нынѣшнее поколѣніе начинаетъ свои литературныя свѣдѣнія съ Лермонтова; что даже и Жуковскій имъ уже не знакомъ" [26]).

Признавая необходимымъ собирать матеріалы для біографіи Жуковскаго, князь П. А. Вяземскій писалъ (изъ Дрездена, 19 ноября 1852 г.) Плетневу: „И намъ съ вами хорошо бы это сдѣлать... Съ нами пропадутъ и всѣ преданія. Они у насъ на сохраненіи и должны быть переданы нами въ сохранности обществу и потомству, въ надеждѣ, что и у насъ когда нибудь да будутъ общество и потомство" [27]).

Седьмой пунктъ *Завѣщанія* Гоголя гласитъ: „Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ я не хотѣлъ этого и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, еслибы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединилось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировить его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне..... Теперь планъ мой разрушенъ... Но еслибы случилось такъ, что послѣ моей смерти письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую нибудь общественную пользу, и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые завели у себя какой нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же, по прочтеніи сихъ строкъ и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: *Гравировалъ Іордановъ*" [28]).

На основаніи этого пункта, знаменитый нашъ художникъ А. А. Ивановъ, по смерти Жуковскаго, предъявилъ Погодину слѣдующее требованіе: „Живя двадцать лѣтъ въ захолустьѣ отъ Русской литературы, слышалъ какъ-то я весьма порицательные отзывы Гоголю, за то, что онъ напечаталъ при жизни своей *Завѣщаніе*. Теперь смерть совершилась. Я, услышавъ о сей важной утратѣ, сейчасъ же вслѣдствіе его печатнаго *Завѣщанія*, написалъ къ Василію Андреевичу Жуковскому, какъ къ старшинѣ литераторовъ Русскихъ, просьбу исполнить *Завѣщаніе* покойнаго: одолжить портретъ мною съ него писанный для гравированія Ѳедору Ивановичу Іордану въ Петербургѣ съ обстановкой приличной на сей конецъ подписки. Но письмо мое застало, какъ видно, на столѣ самого Василія Андреевича. Нѣсколько строкъ отъ имени вдовы, присланныхъ мнѣ на оборотѣ печатнаго траурнаго ея ко мнѣ билета, даютъ знать, что она хотя и съ удовольствіемъ дастъ портретъ, но не знаетъ гдѣ онъ? Въ такомъ трудномъ положеніи, желая нисколько не медлить этимъ дѣломъ, я рѣшился писать къ вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой же портретъ съ него, мною писанной, подаренъ вамъ, что уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ то желалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему теперь прошу васъ покорнѣйше, во имя памяти общаго нашего друга, переслать портретъ вамъ принадлежащій въ Петербургъ, въ Академію Художествъ, для передачи профессору Ѳ. И. Іордану, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатать во всѣхъ журналахъ воззваніе къ друзьямъ Гоголя о его желаніи, напомнивъ имъ слова его *Завѣщанія*, чтобъ составить такимъ образомъ достаточную подписку для отличнаго нашего гравера, столь мало цѣнимаго у нихъ. Надѣюсь, что и Степанъ Петровичъ Шевыревъ тутъ приметъ дѣятельное участіе“.

„Когда во Французской Академіи кто умираетъ“,—писалъ Бецкій Погодину,—„кресло его не остается долго порожнимъ. Кто же теперь займетъ мѣсто, столь высоко занимаемое покойникомъ. Есть ли у васъ на виду, почтеннѣйшій мой на-

ставникъ, молодые таланты съ направленіемъ В. А. Жуковскаго, которые могли бы основать школу вѣрную, школу мудрую, школу славную; школу не разрушительную, а созидающую?... На нашей широкой Русской землѣ нужно строить, а не разрушать". На первый изъ этихъ вопросовъ отвѣчаетъ Погодинъ, въ письмѣ своемъ къ Шевыреву: „Я у Уварова, который тебѣ кланяется и приглашаетъ къ себѣ. Между тѣмъ, я спѣшу поздравить: ты назначаешься ординарнымъ академикомъ, вмѣсто Жуковскаго. Давыдовъ представилъ Шихматову, а тотъ Уварову, который былъ недоволенъ такимъ обходомъ. Для меня не нужна никакая рекомендація для Шевырева, говоритъ онъ, котораго я знаю и уважаю больше всѣхъ. Я самъ хотѣлъ его представить. Вотъ тебѣ примѣръ, какъ бѣдный Давыдовъ попадается и въ добрыхъ дѣлахъ. Уваровъ разсказалъ мнѣ это среди Давыдовскаго же представленія обо мнѣ,—и я не могъ много вступиться" [29]).

VI.

23 іюня 1852 года, скончался въ Москвѣ М. Н. Загоскинъ, какъ извѣстно, занимавшій до конца жизни должность директора Оружейной Палаты и Театровъ. Незадолго до кончины, посѣтилъ его И. С. Тургеневъ, который зналъ его еще съ дѣтства своего. „Послѣднее мое свиданіе съ Загоскинымъ",—вспоминалъ Тургеневъ,—„было печально. Онъ уже не выходилъ изъ своего кабинета и жаловался на постоянную боль и ломоту во всѣхъ членахъ. Онъ не похудѣлъ, но мертвенная блѣдность покрывала его все еще полныя щеки, придавая имъ тѣмъ болѣе унылый видъ. Взмахи бровей и таращеніе глазъ остались тѣ же; невольный комизмъ этихъ движеній только усугублялъ чувство жалости, которую возбуждала вся фигура бѣднаго сочинителя, явно клонившаяся къ разрушенію. Я заговорилъ съ нимъ объ его литературной дѣятельности, о томъ, что въ Петербургскихъ кружкахъ снова стали цѣнить его заслуги; упомянулъ о значеніи *Юрія Ми-*

лославскаго, какъ народной книги... Лицо Загоскина оживилось. „Ну, спасибо, спасибо,—сказалъ онъ мнѣ; — а я уже думалъ, что я забытъ, что нынѣшняя молодежь въ грязь меня втоптала и бревномъ меня накрыла... Спасибо, повторилъ онъ не безъ волненія и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку... Помнится, довольно горькія мысли о такъ-называемой литературной извѣстности пришли мнѣ въ голову тогда. Внутренно я почти упрекнулъ Загоскина въ малодушіи. Чему, думалъ я, радуется человѣкъ? — Но отчего же было ему и не радоваться? — Онъ услыхалъ отъ меня, что не совсѣмъ умеръ... А все-таки я радъ, что я, совершенно случайно, доставилъ доброму Загоскину передъ концомъ его жизни — хотя мгновенное удовольствіе [30]).

Предъ отъѣздомъ въ Порѣчье, Погодинъ посѣтилъ Загоскина и, подъ 2 іюня 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Очень ласково принятъ Вельтманомъ и его женою. Къ Загоскину. Въ Оружейную Палату, очень дурно устроенную".

Кончину Загоскина оплакалъ старинный его другъ С. Т. Аксаковъ и почтилъ память его краснорѣчивымъ словомъ воспоминанія. „Не даромъ считаютъ,—писалъ онъ,—високосные года тяжелыми годами. Ужасенъ настоящій високосъ для Русской литературы! 21-го февраля потеряли мы Гоголя, 12-го апрѣля—Жуковскаго, и наконецъ 23-го іюня—Загоскина. Нисколько не сравнивая этихъ писателей въ талантахъ, положительно можно сказать, что Загоскинъ пользовался гораздо большею народностью, принимая это слово въ его извѣстномъ у насъ значеніи. Почти все, что знаетъ грамотѣ на Руси—читало и знаетъ Загоскина; къ этому числу должно присоединить всѣхъ безъ исключенія торговыхъ грамотныхъ крестьянъ... Въ четыре мѣсяца угасли у насъ три славы, три знаменитости, три послѣднихъ писателя, которые продолжали писать, которыхъ талантъ былъ всѣмъ извѣстенъ, всѣми признанъ. Такая быстрая утрата славныхъ именъ была бы поразительна во всякой литературѣ, гораздо обильнѣйшей и полнѣйшей, а у насъ—это опустошеніе!... Высшія

ступени поприща Русской литературы остаются пусты, мрачны, одѣты глубокимъ трауромъ“.

Высказавъ это, Аксаковъ продолжаетъ: „Много есть на свѣтѣ добрыхъ людей, но трудно найти человѣка, въ характерѣ котораго соединялось бы столько простоты душевной, доброты сердечной и ясной, неистощимой веселости, происходившей отъ спокойной, безупречной чистоты сокровенныхъ помышленій и отъ полнаго преобладанія доброты надъ всѣми другими качествами, какъ это было въ покойномъ М. Н. Загоскинѣ. Живой, откровенный и вспыльчивый отъ природы, онъ могъ сказать въ горячемъ, пріятельскомъ спорѣ что-нибудь оскорбительное другому, но едва вылетало огорчительное слово, какъ уже раскаяніе овладѣвало Загоскинымъ, и, чтобъ загладить свою вину, онъ готовъ былъ сдѣлать все для этого человѣка. Эта веселость, не оставлявшая его вовсе до послѣдняго дня жизни, была въ высшей степени сообщительна и увлекательна, какъ все происходящее искренно изъ глубины души. Эта добродушная веселость, разлитая во всѣхъ его сочиненіяхъ, передаваемая языкомъ легкимъ, яснымъ и живымъ, въ соединеніи съ неподдѣльною національностію, произвела, безъ сомнѣнія, тотъ восторгъ во всѣхъ читающихъ сословіяхъ, съ которымъ былъ принятъ первый романъ Загоскина *Юрій Милославскій*, — восторгъ общій, котораго не производилъ ни одинъ Русскій писатель. Около тридцати лѣтъ жилъ Загоскинъ постоянно въ Москвѣ, любимый и уважаемый всѣми: мудрено найти человѣка, который бы не зналъ его лично или не слыхалъ о немъ. Утро посвящалъ онъ дѣятельности литературной и служебной, а вечера проводилъ въ обществѣ, которое потеряло въ немъ человѣка, одушевлявшаго Московскія бесѣды и пріятельскіе кружки своимъ присутствіемъ, своими веселыми и живыми разговорами. Даже въ послѣдніе два года, будучи постоянно боленъ, онъ выѣзжалъ сначала почти ежедневно, и увлекаясь живостью и веселостью своего характера, горячо предавался шумному потоку споровъ о разныхъ современныхъ интересахъ и вопросахъ. Бу-

дучи по преимуществу Русскимъ человѣкомъ въ складѣ своего ума и рѣчи, не рѣдко простымъ и мѣткимъ словомъ обличалъ онъ запутанность отвлеченнаго предмета, о которомъ шелъ споръ, и громкимъ смѣхомъ признавали обѣ спорныя стороны вѣрность живописнаго эпитета. Тяжело, грустно его друзьямъ и всѣмъ близкимъ знакомымъ привыкать къ мысли, что они никогда уже не увидятъ Загоскина и не услышатъ его голоса, звучавшаго добродушіемъ и жизнью. Грустно должно быть и всѣмъ добрымъ и честнымъ людямъ, что не стало добраго и честнаго человѣка. Смѣло можно сказать, что въ продолженіе всей своей жизни, служебной и домашней, Загоскинъ не сдѣлалъ никому зла, и, по добротѣ своей природы, даже не могъ его сдѣлать, но добра сдѣлалъ онъ много и многимъ. Я не говорю уже о томъ духовномъ добрѣ, которое произвели и будутъ производить большая часть его сочиненій безукоризненною чистотою своего нравственнаго направленія" [31]).

Въ частномъ же письмѣ своемъ С. Т. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Загоскинъ во многихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ весьма оригинальный, добродушный и забавный въ высшей степени" [32]).

Съ своей стороны и Тургеневъ, въ письмѣ своемъ къ С. Т. Аксакову, высказалъ о Загоскинѣ слѣдующее: „Въ 1832 и 33-мъ годахъ, я часто видывалъ Загоскина въ домѣ моего отца, съ которымъ онъ былъ очень друженъ; впечатлѣніе, которое онъ производилъ на меня, далеко не соотвѣтствовало уваженію, которое я питалъ къ его роману... Причина, почему я передъ самимъ Загоскинымъ не благоговѣлъ, была двоякая: съ одной стороны, онъ былъ слишкомъ простъ и добръ; иногда даже спорилъ со мной — а мальчишка, какимъ я былъ тогда, не можетъ благоговѣть передъ тѣмъ, кто становится съ нимъ рядомъ; съ другой стороны, въ Загоскинѣ была какая-то добродушная хвастливость на счетъ женщинъ, которая мнѣ тѣмъ болѣе не нравилась, что онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ выражался Французскимъ, весьма

неправильнымъ, языкомъ. Но, вспоминая всѣхъ тѣхъ литераторовъ, съ которыми мнѣ потомъ пришлось сблизиться—и изъ которыхъ едва-ли одинъ стоилъ Загоскина,—приводя себѣ въ память всю ихъ мелочную раздражительность, кичливое самолюбіе и ломаніе, я уже не смѣю упоминать о собственныхъ грѣхахъ въ этомъ родѣ, я не могу довольно надивиться скромности автора, который дѣйствительно нѣкоторое время не имѣлъ себѣ равнаго въ народной любви—да и до конца сохранилъ ее; Загоскинъ, съ которымъ я, тринадцатилѣтній мальчишка, могъ обходиться безцеремонно, былъ отличный человѣкъ!" [33]).

Хотя Загоскинъ большую часть жизни прожилъ въ Москвѣ и слылъ кореннымъ типичнымъ Москвичемъ, тѣмъ не менѣе Ф. Ф. Вигель, въ своей сатирѣ *Москва* и *Петербургъ*, писалъ слѣдующее: „Въ Петербургѣ выросъ, возмужалъ, женился и началъ авторствовать Загоскинъ; въ Петербургѣ возгорѣлъ онъ священнымъ огнемъ любви къ отечеству. Наконецъ, онъ переселился въ давно желанную Москву. У меня цѣлы письма, въ которыхъ выражаетъ онъ горесть свою и глубокое негодованіе на все его окружающее. Онъ свыкся съ своимъ положеніемъ: съ необыкновенною добротою души онъ никакъ не умѣлъ возненавидѣть заблуждающихся братій; онъ даже ихъ любилъ, но безпрестанно роптал на нихъ... Не отдавая ни малѣйшей справедливости его золотому сердцу, его наблюдательному уму, искусству вѣрно изображать нравы, Москва злилась на него, поносила его, и если ему оказываема была нѣкоторая снисходительность, то благодаря занимаемому имъ мѣсту. Увы, его уже нѣтъ, а на него и доселѣ нападаютъ, въ особенности щеголихи, и за что же? За дурное его Французское произношеніе" [34]).

Уединившійся отъ центровъ литературной дѣятельности въ свое Симбирское село Богородское, М. А. Дмитріевъ, 15 августа 1852 года, писалъ Погодину: „Наши литературныя потери—вмѣстѣ и потери сердца! Не говорю о томъ, что мы всѣ любили Гоголя, Жуковскаго и Загоскина; но если кто

любитъ не ихъ, а Россію, и для того эти три смерти должны быть ударъ въ сердце!.. А объ Гоголѣ друзья его пишутъ слишкомъ много; не потому, чтобы Гоголь не заслуживалъ и больше; но потому, что это одни холодныя восклицанія и самая кривая оцѣнка! Гоголя я цѣню очень дорого; но много, много и много пристрастія въ его пріятеляхъ: они его цѣнятъ выше мѣры! Можно хвалить весьма справедливо, и не называя геніемъ! Особенно жаль, что бранятся надъ его могилой! Я не пишу ни объ одномъ изъ нихъ по случаю ихъ кончины, хотя она горько меня огорчила! Не знаю почему, однако объ Гоголѣ я заплакалъ, а о тѣхъ слезъ не было, хотя я съ ними былъ ближе, — но всѣхъ трехъ я записалъ въ поминанье вмѣстѣ съ родными, и ихъ поминаютъ у меня въ двухъ церквахъ, находящихся въ моемъ небольшомъ имѣніи, передъ моимъ домомъ! Всего лучше написалъ Аксаковъ о Загоскинѣ: былъ добрый и веселый человѣкъ. И справедливо!“ [35]).

Замѣчательно, что въ то же число и часъ, когда въ Москвѣ умеръ Загоскинъ, въ Италіи, въ мѣстечкѣ Манціана, въ тридцати миляхъ отъ Рима, скончался Карлъ Павловичъ Брюловъ [36]).

VII.

Во время кончины и погребенія Загоскина въ Дѣвичьемъ монастырѣ, Погодинъ пребывалъ въ Порѣчьѣ, и оттуда писалъ Шевыреву: „Вчера узналъ о кончинѣ Загоскина. Грустно было. И Загоскинъ — потеря. Теперь объ немъ пожалѣютъ, станутъ хвалить, а жилъ онъ или доживалъ жизнь обруганный! Жалкая литература! Теперь уже мы старшіе!“

Кончина Загоскина возбудила въ Погодинѣ, по обычаю, желаніе занять его мѣсто директора Оружейной Палаты; а доселѣ онъ домогался, но также по обычаю безуспѣшно, занять вакантное мѣсто, за выходомъ Валеріана Николаевича Муравьева, помощника попечителя Московскаго Учебнаго

Округа. Слѣды этого домогательства сохранились въ его *Дневникѣ*:

Подъ *5 марта 1852*: „Рѣшился было сказать Назимову: зачѣмъ не предлагаетъ мнѣ помощничества, но у него чужое лицо".

— *18* — —: „Слухъ о помощничествѣ, которое, разумѣется, поправило бы мои обстоятельства".

— *9 апрѣля* —: „Вечеръ у Назимова, и не успѣлъ ничего сказать. Пріѣхалъ Грановскій. Толковали о политикѣ".

— *3 мая* —: „Обѣдъ великолѣпный у Щепкина. Пріятно. Грановскій зоветъ обѣдать въ понедѣльникъ. Къ Назимову".

Въ вышеприведенномъ письмѣ Погодина, изъ Порѣчья, къ Шевыреву, въ которомъ оплакивается кончина Загоскина, мы также читаемъ: „Нынѣ подумалъ объ его мѣстѣ. Вотъ это мѣсто по мнѣ, и, кажется, имѣю право; но, можетъ быть, Вельтманъ имѣетъ виды".

На другой же день похоронъ Загоскина, то-есть 28 іюня, Погодинъ пишетъ въ Петербургъ, къ Ѳ. И. Прянишникову: „Пишу изъ деревни два слова къ вашему превосходительству. Я услышалъ, что въ Москвѣ открылось мѣсто директора Оружейной Палаты, кончиною М. Н. Загоскина. Вотъ это мѣсто мнѣ по праву, по занятіямъ, по знакомству съ предметомъ, по службѣ. Я желалъ бы занять его, и надѣялся бы принесть на немъ пользу. Графъ Адлербергъ, въ 1849 году, спрашивалъ меня, чего я желаю. Я отвѣчалъ — ничего. Не угодно ли вамъ теперь напомнить его сіятельству, что онъ оказалъ бы мнѣ великую милость, еслибъ указалъ на меня государю императору, какъ на порядочнаго кандидата". Въ тотъ же день, онъ писалъ и В. И. Назимову: „Вчера я узналъ о кончинѣ М. Н. Загоскина, и погрустилъ о новой потерѣ бѣдной Русской литературы, на которую пришелъ черный годъ. Нынѣ — живой живое думаетъ, — мнѣ пришло на мысль, что это мѣсто совершенно сходно съ моимъ правомъ, предметомъ занятій, службою, обстоятельствами. Не похлопочете ли вы для меня, и, смѣю сказать,

для общаго дѣла? В. Д. Олсуфьева нѣтъ въ Петербургѣ: я попросилъ бы васъ написать письмо къ государю цесаревичу. Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи пишу къ вамъ просто и кратко: поступите, какъ Богъ на сердце положитъ, и вѣрьте въ моей искренней благодарности, при всякомъ случаѣ".

Пустивши эти письма, Погодинъ обратился къ помощнику директора Оружейной Палаты А. Ѳ. Вельтману, съ странною просьбою, дать ему позволеніе занять его мѣсто, на что Вельтманъ (30 іюля 1852) отвѣчалъ ему: „Добраго Михаила Николаевича не стало; открылись двѣ ваканціи: литератора и директора Оружейной Палаты. О первой никто не заботится; на вторую тьма уже охотниковъ. Странно! Вступивъ въ должность по старшинству, и имѣя ничѣмъ не нарушенныя права на наслѣдіе, я смиренно ожидаю высшей воли, признать или не признать эти права; и потому благодарю васъ за присланныя мнѣ къ свѣденію письма, которыми вы ходатайствуете, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, о томъ, чтобъ васъ назначили директоромъ Оружейной Палаты, и возвращаю ихъ вамъ, предоставляя вашему соображенію рѣшить, — чему соотвѣтственно и чему не соотвѣтственно это ходатайство".

Это обращеніе къ Вельтману изумило Б. Н. Алмазова, и онъ не безъ ироніи писалъ искателю: „Что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы просите позволенія у Вельтмана занять мѣсто Загоскина? Разумѣется онъ не позволитъ! Это мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ вамъ; ни Загоскинъ, ни Вельтманъ не должны бы у васъ оспаривать. Пишите-ка лучше къ Адлербергу и Корнилову и всѣмъ кому нужно и хлопочите объ этомъ мѣстѣ".

Подъ 5 сентября 1852 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вельтманъ—директоръ".

---

20 декабря 1852 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Надѣюсь, что вы воротились благополучно изъ холернаго Петербурга и что вы развязались теперь со всѣми вашими

хлопотами, съ чѣмъ и поздравляю васъ. Константинъ вручитъ вамъ біографію Загоскина. Вотъ вамъ первый мой дебютъ послѣ *реставраціи!* Такого объемистаго труда въ вашъ журналъ, конечно, вы никогда отъ меня не ожидали! Я желаю, чтобъ онъ былъ напечатанъ при первой возможности. Хотя я писалъ, имѣя безпрестанно въ виду одурѣлую нашу цензуру, но предметы попадались такіе, что еще безцвѣтнѣе сказать о нихъ, я не имѣлъ духу. Если, противъ моего ожиданія, привязки цензуры будутъ значительны, то я совѣтую вамъ послать біографію къ графу Адлербергу, ибо Загоскинъ служилъ по Министерству Двора. Напишите къ нему письмо и между прочимъ скажите, что біографія писана мною, тридцатисемилѣтнимъ другомъ Кавелина, о чемъ онъ безъ сомнѣнія знаетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ просилъ Погодина „послѣднюю корректуру" біографіи Загоскина „поручить Т. И. Филиппову", и что „правописаніе и знаки препинанія" отдаетъ „на его (Филиппова) волю".

Но Погодинъ не исполнилъ просьбы Аксакова и не поручалъ Т. И. Филиппову наблюдать за корректурой. Въ первой книжкѣ *Москвитянина* 1853 года появилась біографія М. Н. Загоскина, написанная С. Т. Аксаковымъ, но искаженная „значительными опечатками и важными пропусками".

Это возмутило пылкую душу автора, и онъ написалъ Погодину (16 января 1853) рѣзкое письмо: „Не хочу скрывать отъ васъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, что я крѣпко посердился на васъ за напечатаніе біографіи Загоскина. Я совершенно убѣжденъ, что мы теперь поссориться уже не можемъ, а потому я выскажу вамъ безъ всякихъ церемоній, голую и всегда непріятную правду. По истинѣ, вы для меня человѣкъ непостижимый! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы любите меня и что теперь для васъ, равно какъ и для меня, возстановленіе нашей дружеской связи отрадно и дорого. Какъ же вы не обратили особеннаго вниманія на мою первую статью (послѣ долгаго отсутствія моего имени въ вашемъ журналѣ), статью, которая непремѣнно будетъ прочтена всѣми

знающими на Руси грамотѣ, отъ государя до послѣдняго сидѣльца въ мучной лавкѣ включительно: ибо дѣло идетъ о единственномъ народномъ Русскомъ писателѣ?.. Вы поступили со мною безсовѣстно, безчеловѣчно. Я написалъ вамъ, что несогласенъ печатать, если цензура выкинетъ что-нибудь значительное. Цензура уничтожила все, что даетъ характерную цвѣтность моей статьѣ, все, что намекаетъ на мой собственный затаенный образъ мыслей, а вы напечатали статью... Какое вы имѣли на это право? Какъ вы могли поступить такъ неуважительно съ человѣкомъ, котораго вы не можете не уважать по многимъ отношеніямъ? Но этого мало. Вы напечатали мою статью съ такими ошибками, съ такими пропусками, съ такими поправками, которыя исказили смыслъ и слогъ моей пьэсы. Если вы сами не имѣли времени заняться корректурой, что весьма вѣроятно, то неужели у васъ нѣтъ неглупаго и грамотнаго человѣка, который бы съ точностью занялся этимъ дѣломъ. Я знаю, что теперь поправить этого невозможно, особенно, если уже отпечатаны отдѣльные экземпляры. И такъ, прошу васъ напечатать въ концѣ слѣдующей книжки Москвитянина прилагаемое *объявленіе отъ Редакціи* и помѣстить о немъ въ оглавленіи статей. Если вы не захотите этого сдѣлать, то я напечатаю въ газетахъ. Я дѣлаю теперь по-своему; если вы со мной, при особенныхъ нравственныхъ обстоятельствахъ, поступили такъ грубо и небрежно, какъ же вы поступаете съ другими во всѣхъ своихъ дѣлахъ? И вотъ отсюда происходитъ то дурное мнѣніе о васъ, которое вы умѣли вселить во многихъ. Не оправдывайтесь передо мною историческими занятіями: какое мнѣ, какъ сочинителю, дѣло до того, что вы постригаетесь въ историки? Вы отвѣтственный редакторъ и отвѣчаете за свое! Вѣрьте, что въ душѣ моей не остается досады. Я протягиваю вамъ дружелюбную руку попрежнему".

Такимъ образомъ, Погодинъ вынужденъ былъ печатно заявить о своей неисправности; но и въ самое это заявленіе вкралось опечатка. Было напечатано въ *Москвитянинѣ:* „Въ

статьѣ Біографія М. Н. Загоскина допущены значительныя опечатки и важные *проступки*" (вмѣсто *пропуски*).

Къ числу искаженій въ своей статьѣ, Аксаковъ отнесъ и слѣдующее: „Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго". По поводу послѣдняго Аксаковъ вскипѣлъ негодованіемъ. „*Я ни за что на свѣтѣ*",—писалъ онъ Погодину,— „не хочу назвать великимъ Петра, котораго я считаю чудовищемъ. Вы навязали мнѣ такое убѣжденіе, которое для меня отвратительно. Да какъ же смѣлъ цензоръ исправлять мой слогъ? Онъ можетъ исключить—и только".

Не взирая на опечатки, искаженія, пропуски, біографія Загоскина, написанная С. Т. Аксаковымъ, была оцѣнена по достоинству. „Съ большимъ удовольствіемъ читалъ біографію Загоскина",—писалъ Погодину В. И. Панаевъ,—„спасибо Сергѣю Тимоѳеевичу... Разсказъ прекрасный, покойникъ изображенъ вѣрно, сужденія о произведеніяхъ его справедливы. Я согласенъ съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, что Мирошовъ чуть ли не лучше Милославскаго. Послѣдній слишкомъ напоминаетъ Вальтеръ Скотта и сверхъ того холодноватъ; въ Мирошовѣ болѣе жизни, болѣе самобытности; а изображеніе дядьки—верхъ совершенства".

„Статья С. Т. Аксакова о Загоскинѣ",—писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ,—„прекрасно написана. Каково пишутъ наши старички, наши современники! Сколько ума и мѣры! А каковъ слогъ! Точенъ и благороденъ! Каждое слово взвѣшено и поставлено на своемъ мѣстѣ, и каждая часть періода слита съ другою незамѣтнымъ оттѣнкомъ; а между тѣмъ, какъ живо! И языкъ простой, натуральный! — Нынче такъ писать не умѣютъ! Аксаковъ требовалъ отъ меня строгаго суда, я это исполнилъ; но онъ судитъ себя еще строже. Да иначе и нельзя, чтобы писать хорошо! — Писать хорошо прозой несравненно труднѣе, чѣмъ стихами (разумѣется, не нынѣшними) потому что въ стихахъ поддерживается стиль балансомъ мѣры, ритма; а въ прозѣ этотъ балансъ стиля сохраняется только искусствомъ! Иной авторъ прекрасно заставляетъ говорить

дѣйствующія лица (а не дѣйствующихъ лицъ), какъ, напр., Гоголь, или иной даровитый комикъ; но это только вѣрная копія натуры! Нѣтъ, заставьте его написать страницу отъ своего лица, тогда только вы и увидите умѣетъ ли онъ писать по-Русски и знаетъ ли что̀ такое языкъ и стиль! Можетъ быть окажется, что онъ не имѣетъ объ этомъ и понятія! Натура писать не умѣетъ: она безграмотная; писать—это искусство!"

Наконецъ вотъ что писалъ И. С. Тургеневъ самому автору: „Вчера получилъ я первый нумеръ *Москвитянина*, любезный и почтеный Сергѣй Тимофеевичъ, и вчера же прочелъ вашу біографію Загоскина. Я не читалъ подобной біографіи на Русскомъ языкѣ! По глубокому и ясному пониманію характера и таланта того человѣка, которому она посвящена, по теплотѣ сочувствія, разлитого въ каждой строкѣ, по внутренней ея соразмѣрности и спокойному мастерству изложенія, біографія эта можетъ назваться образцовой. Иныя выраженія изумительны своей мѣткостью. Особенно поразило меня то мѣсто, гдѣ вы говорите, что, читая Загоскина, „чувство народности незамѣтно поднимается со дна души". Это совершенно вѣрно... Да, такая народность завидна и дается немногимъ" [37]).

VIII.

Годъ 1852-й былъ роковымъ и для Славянской литературы. „И у насъ",—писалъ Ганка изъ Праги,—„безжалостная смерть отняла зимою пѣвца *Дщери Славы*, а теперь отнимаетъ пѣвца *Столистой розы*".

О послѣднихъ минутахъ Коляра, Погодинъ получилъ извѣстіе отъ Шафарика, который писалъ: „...Вы желаете слышать отъ меня о послѣднихъ минутахъ Коляра. Онъ уснулъ тихо. Предъ самой кончиной попросилъ онъ своихъ приподнять его, чтобъ могъ онъ еще разъ взглянуть на Божій міръ. И такъ, въ минуту смерти онъ снискалъ покой мудраго:

въ жизни—нѣтъ. Его послѣдніе годы были бурны; онъ жилъ въ яростной ненавистной распрѣ съ своими земляками Словаками; его внутреннее было страшно возмущено и растерзано. Это и снѣдало его. А содержаніе его, благодаря милости нашего великодушнаго монарха, было достаточно обезпечено въ это время. Вдова и дочь живутъ въ Вѣнѣ и получаютъ пенсію. Посмертныя его сочиненія: 1) *Славянская Италія* и 2) *Оботритская Древность*—въ печати. Пользу ихъ для науки окажетъ время. Для насъ останется Коляръ незабвеннымъ, какъ поэтъ и другъ! Честь его памяти".

Помянувъ умершаго, Шафарикъ не забываетъ и живыхъ: „Вы хотите получить также свѣдѣніе о всѣхъ своихъ здѣшнихъ друзьяхъ и знакомыхъ? Пуркиня—все тотъ же прежній, спокойный мудрецъ, основатель и путеводитель здѣшняго Физіологическаго Института, дѣйствующій на поприщѣ преподованія. Палацкій живетъ уединенно, посвятивъ себя исключительно историческимъ изысканіямъ; происшествія послѣднихъ лѣтъ отняли изъ подъ ногъ его ту почву, на которой онъ стоялъ. Смертью тестя, адвоката Мехуры, онъ, или, собственно, жена его, получили независимое состояніе. Воцель—профессоромъ Славянской археологіи въ Университетѣ. Томекъ—профессоромъ исторіи; оба работаютъ много и для литературы. Ербенъ — городской архиваріусъ, какъ писатель, основателенъ и дѣятеленъ. Его Regesta Исторіи Чешской въ печати, капитальное сочиненіе. Штульцъ—законоучитель въ Гимназіи. Ганка—все тотъ же, какимъ вы его знаете. Клацель—живетъ покойно въ своемъ монастырѣ, въ Брюннѣ. Въ Аграмѣ работаетъ дѣльно Кукулевичъ, который выдалъ недавно вторую часть *Arkiv za povestnicu Jugoslavensku.* Въ Боннѣ вышла книжка *Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache...*"

Въ томъ же письмѣ Шафарикъ упрекаетъ Русскихъ ученыхъ: „Постарайтесь, чтобъ кто-нибудь издалъ у васъ *Апостолъ* и *Псалтирь* по древнѣйшимъ спискамъ, какъ издано *Евангеліе* по Остромиру. Горе, что вы ничего не дѣлаете для

древняго Славянскаго языка. Для изученія недостаетъ древнихъ текстовъ".

По замѣчанію Погодина, Шафарикъ былъ всегда противъ историческихъ фантазій Коляра. „Въ 1846 году,—пишетъ Погодинъ, — Коляръ, во время пребыванія моего въ Пестѣ, показывалъ мнѣ свои изслѣдованія о происхожденіи, древностяхъ и имени Славянъ и читалъ многіе отрывки. Я слушалъ его предубѣжденный, и былъ пораженъ нѣкоторыми его указаніями. Думая объ нихъ впослѣдствіи и соображая новѣйшія догадки и, пожалуй, мечтанія о Славянахъ въ разныхъ углахъ Европы, я пришелъ къ заключенію или вопросу, что Славяне были первымъ слоемъ Европейскаго заселенія. Неприлично сказать это мнѣ здѣсь, въ углу случайнаго примѣчанія, но пришлось къ слову: пусть такъ и останется. Впрочемъ, въ наше время не надо беречь и таить мыслей; отъ скорѣйшаго обращенія ихъ, тренія, выигрываетъ истина".

Къ краткимъ свѣдѣніямъ о Колярѣ Шафарика, Погодинъ присоединяетъ и свои. „Могу теперь",—пишетъ онъ,—„сообщить нѣкоторыя подробности, любопытныя для читателей. Коляръ первый началъ войну Славянъ съ Мадьярами, заступаясь за своихъ соотечественниковъ, которыхъ послѣдніе хотѣли омадьярить. Жизнь его часто подвергалась опасности. Въ 1839 году, онъ получилъ безъименное письмо, въ коемъ ему возвѣщался кинжалъ, въ извѣстный срокъ, если онъ не откажется отъ своего образа дѣйствія. Я былъ тогда въ чужихъ краяхъ, и получивъ о томъ свѣдѣніе, кажется, чрезъ г. Бодянскаго, написалъ тотчасъ бывшему тогда министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову, прося его о покровительствѣ знаменитому Славянину. Министръ отвѣчалъ мнѣ немедленно, что ученое мѣсто для Коляра всегда готово, и онъ можетъ пріѣхать въ Россію когда угодно, заниматься спокойно своими изслѣдованіями. Коляръ, однакожъ, не нашелъ въ себѣ силъ принять это предложеніе, когда дошло дѣло до окончательнаго рѣшенія, и отвѣчалъ мнѣ, что жизнь его принадлежитъ отечеству, и онъ не оставитъ своихъ, что̀ бы ни случилось съ

въ жизни—нѣтъ. Его послѣдніе годы были бурны; онъ жилъ въ яростной ненавистной распрѣ съ своими земляками Словаками; его внутреннее было страшно возмущено и растерзано. Это и снѣдало его. А содержаніе его, благодаря милости нашего великодушнаго монарха, было достаточно обезпечено въ это время. Вдова и дочь живутъ въ Вѣнѣ и получаютъ пенсію. Посмертныя его сочиненія: 1) *Славянская Италія* и 2) *Оботритская Древность*—въ печати. Пользу ихъ для науки окажетъ время. Для насъ останется Коляръ незабвеннымъ, какъ поэтъ и другъ! Честь его памяти".

Помянувъ умершаго, Шафарикъ не забываетъ и живыхъ: „Вы хотите получить также свѣдѣніе о всѣхъ своихъ здѣшнихъ друзьяхъ и знакомыхъ? Пуркиня—все тотъ же прежній, спокойный мудрецъ, основатель и путеводитель здѣшняго Физіологическаго Института, дѣйствующій на поприщѣ преподованія. Палацкій живетъ уединенно, посвятивъ себя исключительно историческимъ изысканіямъ; происшествія послѣднихъ лѣтъ отняли изъ подъ ногъ его ту почву, на которой онъ стоялъ. Смертью тестя, адвоката Мехуры, онъ, или, собственно, жена его, получили независимое состояніе. Воцель—профессоромъ Славянской археологіи въ Университетѣ. Томекъ—профессоромъ исторіи; оба работаютъ много и для литературы. Ербенъ — городской архиваріусъ, какъ писатель, основателенъ и дѣятеленъ. Его Regesta Исторіи Чешской въ печати, капитальное сочиненіе. Штульцъ—законоучитель въ Гимназіи. Ганка—все тотъ же, какимъ вы его знаете. Клацель—живетъ покойно въ своемъ монастырѣ, въ Брюннѣ. Въ Аграмѣ работаетъ дѣльно Кукулевичъ, который выдалъ недавно вторую часть *Arkiv za povestnicu Jugoslavensku*. Въ Боннѣ вышла книжка *Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache*..."

Въ томъ же письмѣ Шафарикъ упрекаетъ Русскихъ ученыхъ: „Постарайтесь, чтобъ кто-нибудь издалъ у васъ *Апостолъ* и *Псалтирь* по древнѣйшимъ спискамъ, какъ издано *Евангеліе* по Остромиру. Горе, что вы ничего не дѣлаете для

древняго Славянскаго языка. Для изученія недостаетъ древнихъ текстовъ".

По замѣчанію Погодина, Шафарикъ былъ всегда противъ историческихъ фантазій Коляра. „Въ 1846 году,—пишетъ Погодинъ, — Колярь, во время пребыванія моего въ Пестѣ, показывалъ мнѣ свои изслѣдованія о происхожденіи, древностяхъ и имени Славянъ и читалъ многіе отрывки. Я слушалъ его предубѣжденный, и былъ пораженъ нѣкоторыми его указаніями. Думая объ нихъ впослѣдствіи и соображая новѣйшія догадки и, пожалуй, мечтанія о Славянахъ въ разныхъ углахъ Европы, я пришелъ къ заключенію или вопросу, что Славяне были первымъ слоемъ Европейскаго заселенія. Неприлично сказать это мнѣ здѣсь, въ углу случайнаго примѣчанія, но пришлось къ слову: пусть такъ и останется. Впрочемъ, въ наше время не надо беречь и таить мыслей; отъ скорѣйшаго обращенія ихъ, тренія, выигрываетъ истина".

Къ краткимъ свѣдѣніямъ о Колярѣ Шафарика, Погодинъ присоединяетъ и свои. „Могу теперь",—пишетъ онъ,—„сообщить нѣкоторыя подробности, любопытныя для читателей. Колярь первый началъ войну Славянъ съ Мадьярами, заступаясь за своихъ соотечественниковъ, которыхъ послѣдніе хотѣли омадьярить. Жизнь его часто подвергалась опасности. Въ 1839 году, онъ получилъ безъименное письмо, въ коемъ ему возвѣщался кинжалъ, въ извѣстный срокъ, если онъ не откажется отъ своего образа дѣйствія. Я былъ тогда въ чужихъ краяхъ, и получивъ о томъ свѣдѣніе, кажется, чрезъ г. Бодянскаго, написалъ тотчасъ бывшему тогда министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову, прося его о покровительствѣ знаменитому Славянину. Министръ отвѣчалъ мнѣ немедленно, что ученое мѣсто для Коляра всегда готово, и онъ можетъ пріѣхать въ Россію когда угодно, заниматься спокойно своими изслѣдованіями. Колярь, однакожъ, не нашелъ въ себѣ силъ принять это предложеніе, когда дошло дѣло до окончательнаго рѣшенія, и отвѣчалъ мнѣ, что жизнь его принадлежитъ отечеству, и онъ не оставитъ своихъ, что̀ бы ни случилось съ

зодчества, сохранившіеся въ Суздалѣ, Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ другихъ городахъ Суздальскаго княжества, сверхъ того, значеніе и развитіе, которыя это княжество получило при потомкахъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, подкрѣпляло мое мнѣніе. Графъ Перовскій принялъ это предложеніе, и весною 1851 года отправилъ меня въ Суздаль для начатія работъ. Съ тѣхъ поръ до 1854 года были производимы археологическія изслѣдованія въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Переяславскомъ и Ростовскомъ" [40]).

При исполненіи возложеннаго порученія, графу А. С. Уварову пришла счастливая мысль, вскопать пространство въ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ около придѣла преподобнаго Евфимія, и вскорѣ близъ указаннаго мѣста нашелъ онъ фундаментъ одной стѣны, которая довела его до другой, третьей, четвертой; въ срединѣ ихъ открылось пространство, уставленное гробами въ три ряда [41]). Объ открытіи этой усыпальницы графъ А. С. Уваровъ довелъ до свѣдѣнія министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, который, съ своей стороны, довелъ объ этомъ открытіи до свѣдѣнія государя. Такимъ образомъ, образовалась Временная Коммиссія для освидѣтельствованія открытой на дворѣ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря гробницы. Въ концѣ января 1852 г., Погодинъ получилъ слѣдующее предписаніе президента Академіи Наукъ: „Г. министръ Внутреннихъ Дѣлъ, отношеніемъ, отъ 17-го января за № 171, увѣдомилъ меня что вслѣдствіе доклада его, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, быть вамъ членомъ Временной Коммиссіи для освидѣтельствованія открытой на дворѣ Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря гробницы, въ которой, по соображеніямъ производившаго тамъ археологическія розысканія, камеръ-юнкера, коллежскаго ассесора графа Уварова, покоится прахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Вмѣстѣ съ симъ графъ Перовскій сообщилъ, что открытіе означенной гробницы, согласно съ высочайше

утвержденнымъ постановленіемъ Святѣйшаго Синода, будетъ произведено въ присутствіи преосвященнаго Владимірскаго, а со стороны Министерства Внутреннихъ дѣлъ, при освидѣтельствованіи оной, будутъ находиться назначенные по высочайшему повелѣнію: 1) членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ тайный совѣтникъ Арсеньевъ, 2) исправляющій должность Владимірскаго гражданскаго губернатора статскій совѣтникъ Муравьевъ и 3) чиновникъ особыхъ порученій Министерства Внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой".

Почти одновременно съ этого оффиціальною бумагою, графъ С. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Сынъ мой, который заболѣлъ не во-время, но будетъ здоровъ, какъ я надѣюсь, чрезъ нѣсколько дней, проситъ васъ не заботиться о переѣздѣ изъ Москвы въ Суздаль; онъ беретъ на себя все сіе устроить и вмѣстѣ съ вами отправиться изъ Москвы въ Суздаль и обратно. Мое здоровье поправляется, но медленно, и проводя время дома, мнѣ весьма пріятно будетъ васъ принять здѣсь; о сихъ распоряженіяхъ я прошу васъ переговорить съ сыномъ, когда вы его увидите.—Заключаю эти строки увѣреніемъ въ прежнемъ моемъ постоянномъ участіи. Весь вашъ"...

Съ своей стороны и И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Графъ А. С. Уваровъ, по нездоровью, отложилъ поѣздку свою на нѣсколько дней. Къ 1-му февраля непремѣнно будетъ онъ въ Москвѣ съ Арсеньевымъ, чтобы и васъ пригласить съ собою въ Суздаль. Вы, думаю, уже получили оффиціальное объ этомъ увѣдомленіе. Что-то тамъ откроете? А дѣло любопытное и весьма важное".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Давыдовъ писалъ Погодину: „Не забудьте справиться касательно князя Пожарскаго у Троицы. Тамъ, подъ трапезной церковью, тоже указываютъ на гробницу спасителя отечества. Въ родовомъ имѣніи князя, въ Нижегородской губерніи, еще третью гробницу показываютъ. Разрѣшите общее недоумѣніе и укажите намъ на великаго Русскаго".

Пользуясь этимъ указаніемъ, Погодинъ за справкою обра-

тился къ А. В. Горскому; но получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующія строки: „О умершихъ, по неизвѣстности мнѣ дѣла и недостатку опытности въ изысканіяхъ такого рода, не много глаголю. *Остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы.* Одно имѣю въ виду сказать вамъ, что гробницы такого рода, о которыхъ идетъ дѣло, находятся не *въ* церкви, но *подъ* церковію или въ склепѣ, или усыпальницѣ своего рода". Еще прежде, К. И. Невоструевъ писалъ Погодину: „Говорилъ я А. В. Горскому о мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго. Онъ тоже сказалъ, что свѣдѣнія объ этомъ должны быть отпечатаны В. М. Ундольскимъ въ Лаврской Вкладной книгѣ".

Наконецъ, 27 января 1892 года, И. И. Давыдовъ извѣщаетъ Погодина: „Графъ Алексѣй Сергѣевичъ будетъ въ Москвѣ на первой недѣлѣ великаго поста. Вы съ нимъ поѣдете въ Суздаль, а потомъ изъ Москвы пріѣзжайте сюда. Теперь, при желѣзной дорогѣ, все равно жить ли въ Питерѣ, или на Дѣвичьемъ полѣ. Графъ Сергій Семеновичъ предлагаетъ вамъ комнату у себя, когда я говорилъ ему, что вы можете и у насъ остановиться. И такъ не болѣе ли я забочусь о вашихъ внѣшнихъ дѣлахъ, нежели вы сами? Карамзинъ не былъ такъ безпеченъ, какъ вы безпечны" [42]).

Передъ своимъ выѣздомъ въ Суздаль Погодинъ, подъ 9 февраля 1852 года, записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Кажется, что за Пожарскаго я получу награду и проч., т.-е. даромъ, и за труды не получу ничего. Отъ помысловъ не отобьюсь".

Исполнивъ возложенное порученіе, Погодинъ сдѣлалъ донесеніе императорской Академіи Наукъ о мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

„Въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ",—докладываетъ Погодинъ,—„издавна велось преданіе, что тѣло незабвеннаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго погребено было въ его стѣнахъ,—*вмѣстѣ съ его родителями.* Это преданіе засвидѣтельствовано и въ литературѣ нашей... Монахи

указывали даже мѣсто, гдѣ по слухамъ, до нихъ дошедшимъ, находилась усыпальница Пожарскихъ. Монастырскіе документы, до сихъ поръ сохранившіеся подтверждаютъ устное преданіе. Но что всего важнѣе, мы находимъ въ числѣ пожертвованныхъ по князѣ Д. М. Пожарскомъ вещей именно тѣ три, которыя обыкновенно оставляются при покойникѣ въ церкви, мѣстѣ его погребенія т.-е., Псалтырь, по немъ читанную, образъ предпоставляемый гробу, и покровъ. Въ описи 1660 г. находимъ слѣдующія извѣстія: „По сторонь праваго клироса, у столпа, ниже церковныхъ дверей, изъ палатки *отъ родителей* боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, да князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, образовъ: четыре образа Пречистыя Богородицы Умиленія и пр. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ монастырѣ Спасо-Евфимьевскомъ была особая палатка, или склепъ, усыпальница, съ гробами князей Хованскихъ и Пожарскихъ, которая называлась палаткою князя Ивана Никитича Хованскаго и князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, построившихъ, безъ сомнѣнія, оную: иначе почему бы ей, заключая двадцать два гроба, по числу покровъ, называться только этими двумя именами. Слѣдовательно, извѣстіе, выраженное словами: „изъ палатки отъ родителей князя Ивана Никитича Хованскаго и князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго“, по мнѣнію Погодина, „даетъ право заключить, что и настоящіе ихъ родители, т.-е. князь Никита Андреевичъ Хованскій (женатый на старшей сестрѣ князя Д. М. Пожарскаго Дарьѣ) и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій были тамъ погребены. Преданіе о палаткѣ велось также въ монастырѣ. Осталось только открыть мѣсто, гдѣ находилась эта палатка, которой слѣды были видны еще въ 1810 году, и изгладились только впослѣдствіи.

„Графу А. С. Уварову, среди археологическихъ его разысканій въ Суздалѣ, пришла счастливая мысль вскопать пространство около придѣла преподобнаго Евфимія,—и вскорѣ близъ указаннаго мѣста нашелъ онъ фундаментъ одной стѣны, которая довела его до другой, третьей, четвертой; въ срединѣ

ихъ открылось пространство, уставленное гробами въ три ряда. Обнаружившіяся надписи съ именами князя Никиты Андреевича Хованскаго и князя Өедора Дмитріевича Пожарскаго послужили очевиднымъ доказательствомъ, что эта усыпальница есть именно та, о коей говорится въ монастырскихъ описяхъ. Даже количество гробовъ соотвѣтствовало почти совершенно количеству покрововъ, взятыхъ изъ палатки".

Теперь Погодинъ ставитъ вопросъ: которая же гробница изъ обнаруженныхъ принадлежитъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому? На основаніи описанія графа Уварова открытой усыпальницы, Погодинъ предполагалъ, что гробница князя Д. М. Пожарскаго должна была находиться въ третьемъ ряду. „И эта гробница",—говоритъ Погодинъ,—„къ вящшему доказательству нашего предположенія, изъ всѣхъ гробницъ усыпальницы оказывается бывшею въ свое время предметомъ особеннаго вниманія и попеченія". Осталось открыть эту гробницу, что и было исполнено съ разрѣшенія Св. Сѵнода. Въ гробницѣ найденъ остовъ престарѣлаго человѣка, обвернутый саваномъ изъ шелковой матеріи, съ остатками богатыхъ боярскихъ украшеній, какихъ не могъ имѣть никто изъ рода князей Пожарскихъ, не имѣвшихъ боярскаго достоинства, кромѣ князя Д. М. Пожарскаго.

Такое открытіе послужило окончательнымъ подтвержденіемъ предположенія и заключенія, что именно эта гробница должна хранить его останки.

Донесеніе свое Академіи Погодинъ заключаетъ: „Такимъ образомъ нынѣшнее царствованіе, славное обнародываніемъ безчисленныхъ историческихъ свидѣтельствъ о древней Русской жизни, славное сооруженіемъ многихъ новыхъ памятниковъ достойнымъ сыномъ отечества, ознаменовывается открытіемъ, драгоцѣннымъ для всѣхъ Русскихъ, любящихъ свое отечество и ревнующихъ о славѣ его,—открытіемъ мѣста гдѣ погребены смертные останки незабвеннаго избавителя Россіи въ несчастную годину бѣдствій 1612 года, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго".

X.

Надъ прахомъ князя Д. М. Пожарскаго, 24 февраля 1852 года, была совершена торжественная панихида. День этотъ, по свидѣтельству Погодина, останется надолго въ памяти жителей Суздаля. „Съ самаго ранняго утра, — говоритъ Погодинъ, — услышавъ о какомъ-то необычайномъ событіи въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ, поспѣшили они, старъ и младъ, въ святую обитель, находящуюся на краю города. Начался благовѣстъ, и съ каждымъ ударомъ колокола народныя толпы увеличивались. Всѣ мѣстные начальники, въ полныхъ парадныхъ формахъ, собрались въ церковь. Купечество и мѣщанство, съ городскимъ главой и прочими должностными лицами, уже давно ожидали тамъ божественной службы. По прибытіи г. управляющаго, вмѣстѣ съ членами высочайше назначенной Коммиссіи, началась литургія, которую совершалъ отецъ архимандритъ Іоакимъ со всѣмъ монастырскимъ духовенствомъ соборнѣ. Лишь только она кончилась, какъ вышелъ изъ царскихъ дверей преосвященный епископъ Суздальскій и Владимірскій Іустинъ и въ краткомъ, изъ сердца излившемся, словѣ призвалъ всѣхъ присутствовавшихъ къ участію въ молитвѣ за упокой души боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Тогда объяснилось для нихъ все дѣло“.

„...Было несчастное время“,—сказалъ преосвященный,—„когда отечеству нашему грозили отовсюду опасности, когда на престолъ Русскій со всѣхъ сторонъ устремлялись возсѣсть алчные иноплеменники, когда самой православной вѣрѣ нашей предстояла гибель,—тогда возстали по всѣмъ городамъ добліе граждане, которые рѣшились положить животъ свой за святую Русь, принесть ей въ жертву все, имущество, и семейство и жизнь!... Они сдѣлали свое дѣло... Между сими то гражданами одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій... Но, прошли годы; знаменитый

избавитель России скончался, и мѣсто его погребенія, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, покрылось мракомъ неизвѣстности... Только въ прошедшемъ году, одинъ достойный любитель священной Русской старины, во исполненіе воли высшаго начальства, послѣ усиленныхъ разысканій, дошелъ до твердаго убѣжденія, что прахъ незабвеннаго князя Дмитрія Михайловича точно покоится въ стѣнахъ сего монастыря. Государю императору угодно было обратить особенное вниманіе на счастливое открытіе и поручить назначеннымъ лицамъ повѣрить оное на мѣстѣ, что теперь и исполнено съ желаннымъ успѣхомъ. При семъ радостномъ для сердца Русскаго событіи, благословимъ Бога и вознесемъ ему молитву объ упокоеніи души нашего знаменитаго соотечественника. Молитва есть единственная дань, которую мы можемъ ему принесть въ знакъ нашей благодарности...“

Выслушавъ это, возвратимся къ повѣствованію Погодина: „Съ послѣднимъ словомъ преосвященнаго,—писалъ онъ,—выступило изъ алтаря многочисленное, монастырское и городское, духовенство и начало торжественную панихиду. Зажглись погребальныя свѣчи, воздымились кадила, раздались священные гласы, и послышалось въ безпрерывныхъ славословіяхъ любезное всякому Русскому имя „*боярина князя Димитрія*“, соединенное съ молитвами о прощеніи грѣховъ и упокоеніи души его. Вся церковь была наполнена, такъ сказать, свидѣтельствами объ его благочестіи, жизни и подвигахъ: вездѣ были видны многочисленные, богатые дары покойнаго и его семейства: образа, сосуды, церковныя книги, пелены, паникадило. Отецъ архимандритъ Іоакимъ служилъ въ ризѣ, устроенной „*изъ вкладной шубы*“ князя Пожарскаго, алаго бархата, еще яркаго. Предстоявшіе перенеслись въ его время,—такъ живо стало воспоминаніе! Среди благоговѣйной тишины совершалось священнослуженіе. Народъ молился, кажется, такъ же усердно нынѣ, чрезъ двѣсти лѣтъ по кончинѣ князя Пожарскаго, какъ и въ самый день его отпѣванія. Съ послѣднимъ возгласомъ протодіакона: *во бла-*

женномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи успшему рабу твоему боярину князю Димитрію и сотвори ему вѣчную память, вся церковь поклонилась въ землю... Умилительна была эта минута! Вотъ когда чувствуется отечество, забываемое иногда нами среди ежедневныхъ заботъ и суетъ. По окончаніи панихиды вынесены были изъ царскихъ дверей два образа — Святыя Троицы и Казанскія Божія Матери". При этомъ, преосвященный сказалъ, вышедъ вновь изъ алтаря, уже разоблаченный: „Православные! эти образа пожертвованы въ нашу церковь родными князя Пожарскаго, въ поминъ по его душѣ. Вѣроятно одинъ изъ нихъ стоялъ и предъ гробомъ его. Помянемъ же предъ ними еще разъ его душу, и помолимся вмѣстѣ о благоденствіи отечества, государя императора и всего августѣйшаго дома".

Присутствовавшіе бросились къ налою; всякій хотѣлъ приложиться поскорѣе къ завѣтнымъ святынямъ.

Поздно уже разошелся народъ, съ грустнымъ, но пріятнымъ, сладкимъ чувствомъ, оставивъ церковь, и говоря дорòгою о трудахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, котораго имя искони соединилось въ преданіи съ памятью объ избавленіи Россіи отъ Поляковъ, вспоминая давно прошедшее время, славя Бога за избавленіе отъ золъ, и благодаря царя, который любитъ народную славу и старается, рано или поздно, воздавать каждому по дѣламъ его" [43]).

Въ то время, когда въ Суздалѣ пѣлась панихида по князѣ Д. М. Пожарскомъ, въ Москвѣ, въ домѣ на Никитскомъ бульварѣ, стояло еще непогребенное тѣло Гоголя, о кончинѣ котораго Погодинъ узналъ у гроба князя Пожарскаго.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа С. С. Уварова:

„...Я узналъ съ прискорбіемъ, сколько васъ огорчила смерть Гоголя; я навѣрное предполагалъ видѣть васъ здѣсь и мы съ сыномъ готовили вамъ комнату. Мое здоровье поправляется такъ трудно, что всѣ свои надежды я отложилъ до лѣта. Сынъ также не совсѣмъ здоровъ и мы часто тол-

куемъ о васъ. Арсеньевъ, о которомъ сказали здѣсь самыя печальныя новости, напротивъ возвратился совершенно здоровъ и въ такомъ восхищеніи до котораго рѣдко историки доходятъ. Все это можетъ со временемъ составить любопытную статью въ вашемъ журналѣ, но не прежде, когда будетъ все кончено и обнародовано. На счетъ же вашихъ собственныхъ дѣлъ будетъ, по мѣрѣ возможности, исполнено къ лучшему, о чемъ и сообщитъ вамъ И. И. Давыдовъ. Напишите мнѣ, каковъ Шевыревъ и поклонитесь ему отъ меня".

Между тѣмъ, возвратившійся въ Петербургъ, графъ Д. Н. Толстой сообщилъ Погодину (2 марта 1852) весьма пріятныя вѣсти: „Вчера, въ 9 часовъ утра, пріѣхалъ я въ С.-Петербургъ, а въ 11 былъ съ докладомъ у моего министра, которому объяснилъ, что описаніе *панихиды* вы обѣщали для него приготовить. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ее, чтобы представить государю. Его императорское величество изволили принять живѣйшее участіе въ нашемъ открытіи. На письмѣ Арсеньева, представленномъ ему въ подлинникѣ, собственноручно написано: *Очень радъ, жду подробностей.* Нашъ актъ представленъ въ подлинникѣ и теперь находится у государя. Вообще это дѣло возбудило всеобщій интересъ. Поспѣшите присылкой панихиды, адресуя, какъ хотите, на мое имя или прямо на имя графа Льва Алексѣевича въ собственныя руки, что̀ еще лучше". Съ своей стороны и П. С. Савельевъ сообщалъ Погодину: „Петербургская литература, и изящная, и ученая, дремлютъ или ждутъ лучшаго времени. Утѣшительно хоть то, что вездѣ дѣятельно собираются и сохраняются матеріалы для будущихъ писателей. Графъ Перовскій пристрастился къ археологіи и принялъ дѣйствительныя мѣры къ сохраненію и отысканію древностей по всей Россіи. Археологическое Общество спитъ уже три мѣсяца, избравъ въ вице-призеденты графа Блудова".

Вслѣдъ за симъ, Погодинъ удостоился получить оффиціальную бумагу отъ президента Академіи Наукъ (№ 44, 31 марта 1852), которая гласила: „Г. министръ Внутрен-

нихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что по всеподданнѣйшему его докладу объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ высочайше назначенной Коммиссіи для окрытія въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, указанной камеръ-юнкеромъ коллежскимъ ассесоромъ графомъ Уваровымъ, гробницы, въ которой покоится прахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить Монаршее Его Величества благоволеніе всѣмъ членамъ означенной Коммиссіи. О сей Высочайшей волѣ объявляю вашему высокородію".

Изслѣдованіе Погодина о мѣстѣ погребенія князя Пожарскаго было читано въ засѣданіи Академіи Наукъ 20 августа 1852 г. и напечатано въ *Ученыхъ Запискахъ* Академіи.

Когда статья Погодина была напечатана, то она вызвала не печатную, и, такъ сказать, кабинетную полемику съ графомъ Д. Н. Толстымъ. Началъ ее Погодинъ. Графъ Толстой въ отвѣтѣ своемъ, 23 ноября 1852 года, писалъ ему: „Начинаю мой отвѣтъ не тою формою, которую употребили вы (*Милостивый Государь*), а по прежнему обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку котораго и заслуги и характеръ искренно уважаю. Уваровъ сказалъ вамъ правду, но онъ не понялъ меня. Я дѣйствительно говорилъ, что въ статьѣ вашей, которая по сущности доказательствъ, а не по изложенію тоже, что моя,—вы опустили или измѣнили одно, что̀ ослабило по моему мнѣнію силу моей статьи,—но отнюдь на это не жаловался, и говорилъ ему на единѣ, потому что не имѣлъ времени или лучше не успѣлъ сказать вамъ самимъ. Опущеніе это я нахожу въ слѣдующемъ: вы приписывая устройство палатки князю Ивану Никитичу Хованскому и князю Ивану Дмитріевичу Пожарскому, спрашиваете: иначе почему ей называться ихъ именемъ? Если допустить эти предположенія, то можно допустить случайное погребеніе обоихъ родовъ безразлично, а въ такомъ случаѣ гробница нами осмотрѣнная можетъ принадлежать не только не Дмитрію Михайловичу, но даже и вовсе не Пожарскому, тогда какъ

я *положительно* увѣряю, что начало погребенія Пожарскихъ въ этой палаткѣ совпадаетъ со временемъ вступленія ихъ въ родственную связь съ Хованскими чрезъ замужество княжны Дарьи Михайловны и погребенія въ ней происходили по порядку и времени смерти членовъ обоихъ семействъ. Названа же палатка въ описи именами двухъ князей потому, что ко времени ея составленія, только эти два лица остались въ живыхъ. Вотъ что, я хотѣлъ сообщить вамъ и что сообщилъ Уварову. Если это васъ оскорбило, то охотно исполняю ваше желаніе и прошу у васъ гласно извиненія. Но къ этому прибавлю: я не литераторъ, что̀ какъ сказалъ Грибоѣдовъ,— „и по всему замѣтно", —слѣдовательно, не имѣю раздражительности писателя. Знаю также, что еслибъ и хотѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ въ журнальномъ мірѣ, то чрезъ одну подобную статью этого достичь нельзя,—а изъ всего этого слѣдуетъ, что сердиться мнѣ и встрѣчаться съ вами „сухо" было бы глупо, а дуракомъ я себя не считаю. И такъ, это послѣднее обвиненіе отвергаю уже всею силою моего убѣжденія и говорю: вамъ такъ показалось и я рѣшительно не виноватъ. Не знаю, удовлетворитъ ли мой отвѣтъ, но я искренно желаю, чтобъ онъ разсѣялъ всякое недоразумѣніе..."

Прочитавъ статью Погодина, графъ А. С. Уваровъ писалъ ему изъ Суздаля: „Спасибо за любовь вашу къ Пожарскому; здѣсь уже получили приказаніе объ открытіи подписки на памятникъ. Жаль, что онъ на вѣкъ будетъ лежать теперь въ близи арестантскаго отдѣленія" [44]).

XI.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Археологическаго Общества, по свидѣтельству С. М. Шпилевскаго, „въ 1847 году, былъ поднятъ вопросъ: какимъ образомъ дополнить свѣдѣнія о памятникахъ древности, сохранившихся на берегахъ Чернаго моря и мало изслѣдованныхъ? Предположено было отправить на мѣсто кого-либо изъ членовъ Общества, занимаю-

щагося изученіемъ классическихъ древностей, открываемыхъ въ нашемъ отечествѣ; но Общество не имѣло для того средствъ. Тогда графъ А. С. Уваровъ вызвался на собственный счетъ исполнить предположеніе Общества. Путешествіе было совершено имъ лѣтомъ и осенью 1848 года, въ концѣ котораго графъ Уваровъ предложилъ Обществу издать результатъ своихъ изысканій на свой собственный счетъ. Въ 1851 году, появился первый выпускъ ученаго труда графа Уварова, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о Древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря*" [45]).

Передъ Суздальскою экспедиціею, 7 января 1852, графъ А. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Помните ли вы еще какъ я вамъ надоѣдалъ въ Порѣчьѣ моими изысканіями объ Ольвіи; теперь присылаю вамъ экземпляръ перваго выпуска, и прошу васъ принять его, какъ знакъ моего почтенія и дружбы". Въ томъ же письмѣ Уваровъ прося передать также экземпляръ профессору Леонтьеву, писалъ Погодину: „Цѣлое лѣто полагалъ я что буду имѣть счастіе лично съ нимъ познакомиться и лично его благодарить (за *Пропилеи*), но къ несчастію моему, Суздаль меня не выпускалъ, и вы сами знаете, что я всего пробылъ въ Москвѣ день" [46]).

Изслѣдованіе графа А. С. Уварова обратило на себя вниманіе ученыхъ и вызвало нѣсколько критическихъ разборовъ, въ томъ числѣ и извѣстнаго знатока классическихъ древностей П. М. Леонтьева, который говорилъ, что это изслѣдованіе займетъ первое мѣсто между всѣми появившимися до сихъ поръ сочиненіями о классическихъ древностяхъ Южной Россіи. „Это",—говоритъ Леонтьевъ,—„не книга, написанная между другимъ дѣломъ, среди всѣхъ удобствъ ученаго кабинета: для составленія ея и собиранія матеріаловъ требовались и познанія ученаго и практическая энергія; нужна была неутомимость путешественника, непугающагося передъ напряженнымъ трудомъ и неудобствами жизни; наконецъ, нужна была патріотическая готовность пожертвовать на благо отечественной науки значительными деньгами". Эти слова,—замѣ-

чаетъ С. М. Шпилевскій,—„я считаю очень знаменательными, они отлично характеризуютъ всю послѣдовательную дѣятельность графа А. С. Уварова“ [47]).

По указанію Уваровыхъ, графъ Л. А. Перовскій избралъ П. М. Леонтьева произвести археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ Азова. Посредникомъ же для переговоровъ по этому предмету съ Леонтьевымъ, графъ Перовскій избралъ Погодина. Вслѣдствіе сего Погодинъ обратился къ Леонтьеву съ письменнымъ предложеніемъ. Въ нашихъ рукахъ имѣется только отвѣтъ послѣдняго (7 іюня 1853), въ которомъ читаемъ: „Прежде всего считаю долгомъ благодарить васъ за память обо мнѣ и твердо надѣюсь отвѣчать на ваше безпристрастіе полною добросовѣстностью. Порученіе, для меня весьма лестное и согласное съ моими занятіями и желаніями, я принялъ бы съ большимъ удовольствіемъ и даже благодарностію, еслибы оно было дано мнѣ на условіяхъ, допускающихъ возможность успѣха. Могу обѣщать съ своей стороны всевозможную ревность, но именно для того, чтобы отвѣтственность могла лежать на мнѣ, желаю, чтобы мнѣ была дана возможность дѣйствовать самостоятельно. Прошу слѣдовательно прежде всего сообщенія, въ какомъ положеніи я былъ бы поставленъ относительно подчиненности. Это первое. Во-вторыхъ, такъ какъ работы могутъ требовать моего присутствія въ окрестностяхъ Азова въ продолженіи болѣе нежели одного мѣсяца, а вакаціонное время оканчивается 22-го іюля, то я просилъ бы покорнѣйше, чтобы графъ Левъ Алексѣевичъ снесся съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о дозволеніи мнѣ пробыть на югѣ Россіи до окончанія самонужнѣйшихъ работъ, и притомъ не въ отпуску, а въ командировкѣ. Съ другой стороны, обстоятельства, для меня слишкомъ важныя, требуютъ моего присутствія въ Москвѣ не позже половины сентября, а потому, во избѣжаніе неудобствъ отъ недостатка времени, я долженъ былъ бы отправиться въ путь не позже половины іюня, чтобы имѣть на пребываніе въ Азовѣ и проѣздъ туда и обратно не менѣе

трехъ мѣсяцевъ. Это второе существенное условіе. Я желалъ бы также получить извѣстіе о мѣрѣ предполагаемыхъ къ выдачѣ на издержки изслѣдованій и раскопокъ денегъ, и о томъ, изъ какихъ мѣстъ онѣ будутъ выдаваемы. Смѣю надѣяться, что заслужу одобреніе и въ экономическомъ отношеніи, но рѣшаюсь спросить объ этомъ пунктѣ, припоминая, сколько экспедицій было неудачныхъ лишь вслѣдствіе экономическихъ недоразумѣній. Было бы крайне желательно получить предварительно проектъ инструкціи или по крайней мѣрѣ спеціальныя указанія на ближайшую цѣль и предполагаемые предѣлы изысканій. Для сбереженія времени было бы, по моему мнѣнію, удобнѣе дать мнѣ обстоятельную инструкцію на бумагѣ, нежели вызывать меня въ С.-Петербургъ, хотя я не отказываюсь и отъ поѣздки въ Петербургъ, чтобы имѣть честь лично выслушать наставленія его сіятельства. Вотъ главные пункты, на которыхъ я остановился при первомъ размышленіи о сдѣланномъ вами запросѣ. Что касается до подъемныхъ столовыхъ и прогонныхъ денегъ, я желаю только, чтобы, при моихъ умѣренныхъ потребностяхъ, мнѣ не пришлось затратить своихъ денегъ. Тарантасъ, дорожная кровать, палатка, вещи, кажется, необходимыя. Считаю также нужнымъ прибавить, что до 18-го іюня думаю пробыть въ Москвѣ, а съ того времени буду жить въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи (село Красное), т.-е. ежели не состоится путешествіе, о которомъ вы сообщаете. Я покорнѣйше прошу васъ передать графу Перовскому, что̀ вы сочтете нужнымъ изъ содержанія этого письма, и почтить увѣдомленіемъ“.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ.

Великимъ утѣшеніемъ графа С. С. Уварова въ послѣдніе годы было его Порѣчье. Зимою 1852 года графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Графъ Уваровъ, слава Богу, поправился и зоветъ опять въ Порѣчье лѣтомъ“ [48]). Въ началѣ же апрѣля, Г. В. Грудевъ посѣтилъ Погодина съ порученіемъ отъ Уварова: „приготовиться въ Порѣчье“ [49]).

Въ маѣ, самъ Уваровъ былъ уже въ Москвѣ. 25 мая 1852 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Я все думалъ встрѣтить тебя у графа Сергія Семеновича. Онъ, слава Богу, молодцомъ".

Въ то же время (11 мая 1852), А. А. Куникъ просилъ Погодина: „Если вы увидите президента въ Москвѣ, то постарайтесь его убѣдить, что Академія Наукъ должна также существовать на то, чтобы давать работу *другимъ*. Если мы будемъ ежегодно издерживать пять тысячъ рублей на гонорары, то мы можемъ издавать множество нашихъ рукописей и обработывать различнаго рода темы для пользы Россіи и науки. Въ этомъ отношеніи я до сихъ поръ проповѣдую передъ глухими".

Въ концѣ іюня, Погодинъ отправился въ Порѣчье и приглашалъ П. М. Леонтьева туда ему сопутствовать. На это приглашеніе Леонтьевъ отвѣчалъ: „Теперь, къ сожалѣнію, никакъ не могу послѣдовать вашему приглашенію. Надобно сначала кончить статьи, предназначенныя въ Пропилеи. Но мнѣ было бы пріятно, еслибы вы допустили меня въ товарищи себѣ, ежели поѣдете въ Порѣчье въ августѣ мѣсяцѣ. Іюль я проведу въ Тульской губерніи". Въ августѣ Леонтьевъ спрашивалъ Погодина: „Не поѣдете ли въ Порѣчье къ 25 августа? Мнѣ хочется туда отправиться и было бы весьма пріятно ѣхать вмѣстѣ съ вами" [50]).

Во время пребыванія въ Порѣчьѣ, Погодинъ, какъ гласитъ его *Дневникъ*, „писалъ Всеволода и началъ исторію Руси. Также о Пожарскомъ. Нѣсколько минутъ пріятныхъ и нѣсколько грустныхъ. Наблюденіе надъ Уваровымъ, который мѣшается на самолюбіи. Гулялъ, купался сначала. Мысль о гривнахъ и рубляхъ" [51]).

Обстоятельства помѣшали Шевыреву посѣтить Порѣчье. Объ этомъ онъ, 25 іюня 1852, писалъ Погодину: „На меня, любезный другъ Михаилъ Петровичъ, опять напала лихорадка. Во второе ея нападеніе я былъ жертвой экзаменовъ и службы, а въ это, третье — жертвой дружбы. Былъ чичероне у Веневитинова: никто не нашелся, чтобы достать

ему билетъ во Дворецъ и въ Оружейную; я взялъ его въ первый и во вторую, гдѣ сдалъ на руки Вельтману, а у тебя, по твоему порученію, чичеронствовалъ самъ; но сырое время и разъѣзды меня доканали. Я опять слегъ. Сильный пароксизмъ съ ужасною головною болью пригвоздилъ меня къ постели. Теперь опять на хинныхъ порошкахъ. Едва начинаю владѣть головой. Доложи о моей бѣдѣ нашему доброму графу Сергію Семеновичу и объясни причины, почему я, при всей моей готовности и желаніи быть у него поскорѣе, не могу этого сдѣлать теперь. Докторъ меня гонитъ въ Сокольники. Мнѣ нужно по крайней мѣрѣ девять дней самаго безпечнаго отдыха и діэты, чтобы оправиться отъ болѣзни".

Это извѣстіе очень огорчило Погодина и онъ съ грустью писалъ своему другу: „Какъ мнѣ жаль, что ты не пріѣхалъ въ Порѣчье. Я разсчитывалъ на то. Хотѣлось и надо было поговорить на *досугѣ* и *просторѣ*, чего намъ не случается въ Москвѣ, среди нашихъ заботъ. А эти разговоры принадлежатъ къ важнѣйшимъ моментамъ жизни. Объ нихъ-то мы и не думаемъ! Жаль и жаль! Жалѣю о твоей болѣзни. Я и самъ занемогалъ здѣсь, но, слава Богу, не надолго. Теперь здоровъ и работаю".

Въ другомъ своемъ письмѣ Шевыревъ писалъ: „Веневитиновы были въ восторгѣ и въ удивленіи, какъ кажется, отъ твоего собранія. Тутъ былъ еще какой-то Итальянскій Славянинъ, графъ Орсанъ Порза отъ Загорья, рекомендованный Сушковымъ. Тутъ былъ и графъ Чапскій—богачъ и любитель древностей. Семья Веневитинова очень мила. Аполлина Михайловна мнѣ душевно полюбилась. Сынки его прелесть. Меньшой—какъ двѣ капли покойникъ Дмитрій: его улыбка, глаза, волосы, окладъ лица и ямочки на щекахъ. Заяви мое душевное почтеніе нашему доброму Порѣцкому меценату и мою глубокую скорбь о препятствіяхъ быть у него теперь; но авось я вырву изъ всего лѣтняго времени недѣлю, чтобы отдать и не ему, по моему удовольствію быть у него". Но на это письмо Погодинъ отвѣчалъ меланхолически: „Было дня

три-четыре свѣтлыхъ у меня, а большею частію грустно. Еще цѣлую. Графъ плохъ, хоть по временамъ и оживляется. Здѣсь никого не было, пріѣхалъ недавно князь Давидовъ" [52]).

XII.

Въ концѣ лѣта, въ Порѣчье начали съѣзжаться, и одинъ изъ гостей написалъ и напечаталъ въ *Москвитянинѣ*: *Письмо изъ Порѣчья къ редактору Москвитянина*, подписавшись подъ нимъ: *Любитель изящнаго*. „О селѣ Порѣчьѣ было много говорено",—пишетъ анонимный авторъ,—„много писано и печатано; я не беру на себя описывать его со всѣми подробностями. Ограничусь только передачею впечатлѣній, которыя остались у меня отъ прежнихъ и новѣйшихъ украшеній этого, столь щедро отъ природы и искусства надѣленнаго мѣста, и о нѣсколькихъ новыхъ предположеніяхъ Порѣцкаго помѣщика, какъ бы украсить его уединенное жилище. Вопервыхъ,—всегда приводитъ меня въ восхищеніе главный домъ, гдѣ Русскій просторъ, Англійскій комфортъ и Итальянская архитектура, въ ея заманчивой, красивой простотѣ, соединились такъ дружелюбно въ одно стройное, изящное цѣлое. О внутренности дома не буду здѣсь говорить: вы ее подробно знаете. Гербъ новыхъ графовъ Уваровыхъ и гербъ погасшаго рода графовъ Разумовскихъ судьба сочетала вмѣстѣ. Фамильныя воспоминанія, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдки у насъ, и потому пріятно находить ихъ слѣды въ уединенномъ жилищѣ просвѣщеннаго вельможи. Тутъ найдете современные портреты, во весь ростъ: Льва Кириловича Нарышкина, брата царицы Натальи Кириловны, и дѣда графини Екатерины Ивановны Разумовской; тутъ же хранится рѣдкій портретъ графа Алексѣя *Кириловича* (sic!) Разумовскаго, которому эта фамилія обязана своимъ возвышеніемъ, подлинный портретъ гетмана Кирилы Григорьевича Разумовскаго, отлично писанный славнымъ живописцемъ Токе, и прекрасно гравированный Шмидтомъ портретъ ихъ матери, въ ея національномъ скромномъ убран-

ствѣ... Не ожидайте отъ меня описанія всѣхъ художественныхъ драгоцѣнностей, хранящихся въ Порѣчьѣ; это требовало бы продолжительныхъ наблюденій, а въ немногіе дни, проведенные мною здѣсь, я не нашелъ времени взять пера въ руки. Кстати, скажу вамъ съ особымъ удовольствіемъ о намѣреніи графа Сергѣя Семеновича соединить въ одной изъ залъ Порѣцкаго дома портреты, писанные масляными красками, славныхъ ученыхъ и поэтовъ, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ я здѣсь портретъ Гете, писанный не задолго до его кончины, портретъ Германа, послѣдняго изъ знаменитыхъ эллинистовъ въ Германіи, который скончался въ прошломъ году. Изъ Парижа ожидается портретъ извѣстнаго оріенталиста Сильвестра де-Саси, по указаніямъ и планамъ котораго было учреждено преподаваніе восточныхъ языковъ въ нашихъ университетахъ. Кажется, что изображеніе знаменитаго Гумбольта, одного изъ старѣйшихъ пріятелей Порѣцкаго владѣльца, будетъ въ скоромъ времени присоединено также къ прочимъ портретамъ. Но особенно восхитилъ меня портретъ Жуковскаго, писанный покойнымъ Кипренскимъ, въ 1818 году. Даровитый нашъ А. П. Брюловъ, будучи въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года въ Порѣчьѣ, не могъ оторваться отъ этой замѣчательной картины,—одного изъ лучшихъ произведеній живописца, столь рано похищеннаго у насъ смертью. Нашъ славный поэтъ изображенъ въ то время его жизни, когда, покидая поэтическое поприще, онъ начиналъ другое, требовавшее по своей важности, чтобъ въ немъ поэтъ сосредоточилъ всѣ мысли и весь духъ свой. Когда Кипренскій писалъ этотъ портретъ, Жуковскій издалъ уже столько славныхъ своихъ произведеній, которыми онъ сталъ любезенъ всѣмъ соотечественникамъ, и неизгладимъ въ памяти благодарной ему Россіи! Графъ намѣренъ просить знаменитаго Іордана, который нынѣшнимъ лѣтомъ также ожидался въ Порѣчьѣ, выгравировать это прекрасное произведеніе Русской кисти. Портретъ Кипренскаго, превосходный по исполненію,

какъ будто заключаетъ художественную часть жизни Жуковскаго. Онъ напоминаетъ мнѣ невольно прекрасную мысль, которую нынѣшнимъ лѣтомъ начерталъ графъ Сергій Семеновичъ,—мысль о памятникѣ Жуковскому. А. П. Брюловъ, будучи здѣсь, составилъ изъ этой мысли очаровательный проектъ памятника, и когда вы узнаете, что этотъ памятникъ Жуковскому производится уже въ Москвѣ, у Кампіони, подъ наблюденіемъ А. А. Мартынова, съ тѣмъ, чтобы будущей весной онъ былъ воздвигнутъ на прекраснѣйшемъ мѣстѣ Порѣцкаго парка, то, конечно, вмѣстѣ со многими поблагодарите искренно и Порѣцкаго помѣщика, и художниковъ, олицетворяющихъ столь превосходную мысль, къ утѣшенію многочисленныхъ почитателей Жуковскаго, имя котораго несомнѣнно принадлежитъ всему отечеству. Я остаюсь въ полной надеждѣ, что помѣщикъ Порѣцкій проститъ мнѣ нескромность въ обнародованіи этого извѣстія, принявъ въ уваженіе, что это происходитъ отъ избытка душевнаго восхищенія и отъ желанія раздѣлить это чувство съ многочисленными почитателями незабвеннаго нашего Жуковскаго. Если говоря о поэзіи и художествѣ, я рѣшаюсь пройти молчаніемъ Порѣцкій музеумъ, обогащаемый безпрерывно новыми пріобрѣтеніями, то какъ умолчать о саркофагѣ, названномъ Винкельманомъ *овальной урной*, который нѣсколько столѣтій украшалъ въ Римѣ *палацио Альтемпсъ*. Въ художественномъ отношеніи ничто, кромѣ сокровищъ Рима, Флоренціи и Мюнхена, не можетъ сравниться съ изяществомъ этого памятника лучшей эпохи Греческаго искусства; а если къ сему присоединить, что онъ представляетъ единственное, можетъ быть, указаніе на тайные обряды вакхическаго поклоненія древней Греціи, то не трудно постигнуть, какое важное значеніе пріобрѣтаетъ этотъ памятникъ въ глазахъ изъяснителей классической древности въ сокровеннѣйшихъ ея преданіяхъ! Но объ этомъ памятникѣ легко написать книгу. Это чудное созданіе искусства Грековъ окружено произведеніями новой скульптуры: тутъ двѣ колоссальныя мра-

морныя фигуры *Финелли*, двѣ пріятныя группы *Кановы*, четыре большія фигуры извѣстнаго *Бартолини*, и наконецъ шесть прекрасныхъ полуколоссальныхъ бюстовъ Флорентійскаго скульптора *Санторелли*, представляющихъ Данта, Макіавелли, Микель-Анжело, Рафаеля, Тасса и Аріоста. Легко вамъ постигнуть чувство, съ какимъ смотришь на такія драгоцѣнности въ скромномъ углу Можайскаго уѣзда. Недоставало произведеній Русскаго рѣзца въ Порѣцкой трибунѣ; но вотъ уже даровитый нашъ ваятель Н. А. Рамазановъ, по приглашенію графа, занимается исполненіемъ колоссальныхъ барельефовъ, которыми довершится украшеніе Порѣцкаго музеума. Трудно разстаться со всѣмъ этимъ изяществомъ. Скажу вамъ нѣсколько словъ о библіотекѣ, приведенной въ этомъ году въ совершенный порядокъ; здѣсь въ лучшихъ изданіяхъ собрано все то, что произвела мысль человѣческая совершеннѣйшаго въ древнемъ и новомъ мірѣ. Здѣсь произведенія типографіи, начиная съ первыхъ изданій въ XV столѣтіи до нашего времени. Особенно замѣчательны превосходные экземпляры первыхъ изданій авторовъ, напримѣръ, первое, изданіе Гомера, напечатанное въ 1488 году (editio princeps), равное важностью рукописи, и множество подобныхъ рѣдкостей типографическихъ. Эта библіотека начата была графомъ Сергіемъ Семеновичемъ съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ, почти съ дѣтства, и, возрастая постепенно, составила мало-по-малу отличное и обширное книгохранилище въ двадцать пять тысячъ томовъ. Собраніе гравюръ, одно изъ первыхъ въ Россіи, которому графъ положилъ основаніе еще въ первой молодости, служивъ въ Вѣнской миссіи, приведется также скоро въ порядокъ. Собраніе ботаническихъ растеній, которому служитъ главнымъ украшеніемъ отличное собраніе растеній покойнаго Ѳеодора Семеновича Уварова, одного изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ ботаники и садоводства, вѣнчаетъ красоты Порѣчья. Число иноземныхъ растеній простирается, какъ говорятъ, до нѣсколькихъ тысячъ. Желательно бы было, чтобъ знатокъ взглянулъ на ботаническія сокровища и описалъ

ихъ. Очаровательный паркъ обнимаетъ роскошный прiютъ искусства. Мнѣ давно не случалось видѣть такого обилiя разнородныхъ деревъ, такого богатаго собранiя цвѣтовъ всякаго рода,— и все это оживлено зеркалами обильныхъ водъ, извивающихся то въ чащѣ лѣсовъ, то по коврамъ луговой зелени. Порѣцкiй паркъ растетъ и развивается не по годамъ, а будто по днямъ и часамъ. Въ теченiе лѣта предпринято множество новыхъ украшенiй, и между прочимъ положено начать будущей весной по рисунку и совѣту А. П. Брюлова, перестройку павильона, вблизи того мѣста, гдѣ сооружается памятникъ Жуковскому. Но я спѣшу окончить мое вамъ донесенiе. Видавшимъ Порѣчье (а число ихъ ежегодно возростаетъ) прiятно будетъ, надѣюсь, вспомнить о немъ и узнать, какъ оно украшается; въ невидавшихъ его желалъ бы возбудить охоту къ недалекой поѣздкѣ, за которую наградятъ ихъ наслажденiя изящнымъ, испытанныя мною. Я не могъ не раздѣлить ихъ съ другими. Дѣлежъ во всемъ изящномъ тѣмъ выгоденъ, что только умножаетъ богатство нашихъ собственныхъ наслажденiй“ [53]).

Письмо это было прочитано хозяиномъ Порѣчья съ полнымъ вниманiемъ, отъ котораго не укрылась и вкравшаяся опечатка. „Въ послѣднемъ нумерѣ *Москвитянина*“,—писалъ онъ редактору,—„находится опечатка, лишающая смысла всю фразу и которую прошу исправить такъ: „Графъ Алексѣй *Кирилловичъ* читай: *Григорьевичъ*. Я надѣюсь скоро васъ видѣть здоровымъ“.

Предъ разъѣздомъ гостей, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо (отъ 9 сент. 1852), отъ управляющаго Порѣчьемъ: „Я имѣлъ честь получить ваше письмо, отъ 6 сентября. Не знаю, остались ли довольны прiемомъ здѣсь почтенные гости, сего дня отсель выѣхавшiе, но графъ былъ имъ очень радъ и все, что отъ меня зависѣло касательно обратнаго ихъ отправленiя и безостановочнаго проѣзда, мною сдѣлано... ...Здоровье графа Сергiя Семеновича довольно хорошо нынѣ, слава Богу, и я думаю, что онъ будетъ въ Москвѣ во

второй половинѣ нынѣшняго мѣсяца. Кажется, я также буду его туда сопровождать и надѣюсь имѣть удовольствіе лично засвидѣтельствовать вамъ искреннее чувство совершеннаго почтенія и преданности".

Переѣхавши въ Москву, графъ С. С. Уваровъ остался въ ней на постоянное жительство и уже болѣе не ѣздилъ въ Петербургъ. 3 октября 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Получивъ изъ Петербурга извѣстіе о пожалованіи сына въ надворные совѣтники, приглашаю васъ къ обѣду завтра. Увѣренъ, что вы не откажите выпить рюмку шампанскаго за его здоровье. Мое же не совсѣмъ хорошо отъ вліянія погоды" [54]).

О своихъ посѣщеніяхъ Уварова Погодинъ записывалъ въ своемъ *Дневникѣ*. Такъ, подъ 20-мъ числомъ декабря 1852 года, записано: „Обѣдъ и вечеръ у Уварова. Уменъ, хоть и при смерти".

XIII.

Въ бумагахъ академика Круга нашлось изслѣдованіе о томъ, что годомъ основанія Русскаго Государства должно считать 852, а не 862 годъ. Это побудило Погодина, въ 1852 г,, написать и напечатать статью: *Когда Русскому Государству исполнится тысяча лѣтъ?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Погодинъ, между прочимъ, писалъ: „Есть въ Исторіи священныя числа, священныя имена, священныя убѣжденія, къ коимъ прикасаться должно съ крайнею осторожностью, и безъ достаточныхъ причинъ не колебать ихъ въ народныхъ вѣрованіяхъ. Рюрикомъ начинается Русская Исторія; въ 862 году положено основаніе Русскому Государству,—такъ записано въ первой нашей лѣтописи; такъ учились мы; такъ думали наши отцы; такъ повторяетъ весь Русскій народъ. Найдись новое непреложное свидѣтельство, напримѣръ, какое-нибудь древнее лѣтосчисленіе, какая-нибудь надпись на камнѣ, какое-нибудь лѣтописное указаніе, свое или иностранное, но

современное, со всѣми признаками подлинности и достовѣрности, безъ малѣйшаго повода къ сомнѣнію, о—это другое дѣло! Тогда мы съ чистой исторической совѣстью должны будемъ перемѣнить свое мнѣніе, и отнесемъ начало нашего государства къ какому окажется году, 852, 853, 854 или 855. А пока его нѣтъ, не должно, не позволительно мѣнять положеніе на гаданіе, и достовѣрному предпочитать сомнительное.—Первое недоумѣніе о 862 годѣ имѣлъ Миллеръ, потомъ поколебался Шлецеръ, и въ посвятительномъ письмѣ предъ своимъ Нестеромъ намекнулъ, что начало государства, вѣроятно, было ранѣе, и что по законамъ человѣческой жизни, покойный императоръ Александръ I могъ дожить до тысячелѣтія своей имперіи“.

Между тѣмъ, Булгаринъ,—замѣчаетъ Погодинъ,—„взводитъ на меня напраслину, будто я считаю 852-й—годомъ основанія Русскаго Государства, тогда какъ я первый возсталъ противъ этой нелѣпости“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ заявляетъ, что „Академія Наукъ, въ лицѣ А. А. Куника, вооружилась теперь также противъ послѣднихъ безотчетныхъ утвержденій и назвала ихъ миѳомъ новаго времени, die moderne Mythe“ [55]).

Когда въ нашей литературѣ возникъ этотъ вопросъ, тогда министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ академикамъ Бередникову и Устрялову съ требованіемъ, „чтобы они высказали свое мнѣніе по поводу этого обстоятельства“. Заручившись мнѣніемъ двухъ академиковъ, министръ (19 августа 1852 г.), сдѣлалъ докладъ государю, въ заключеніи котораго сказано: „Нѣтъ рѣшительно никакихъ основательныхъ причинъ сомнѣваться въ годѣ призванія великаго князя Рюрика и отодвигать десятью годами назадъ эпоху тысячелѣтія Россійскаго Государства, которое по ясному и неоспоримому свидѣтельству Нестора наступитъ въ 1862 году. Всеподданнѣйше донося о семъ вашему императорскому величеству, долгомъ считаю присовокупить, что я, съ своей стороны, признаю совершенно справедливымъ держаться строго лѣтосчисленія преподобнаго Нестора и руководствоваться онымъ въ точности во всѣхъ

учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго мнѣ Министерства, въ которыхъ преподается Русская Исторія"...

На докладѣ собственною его императорскаго величества рукою, въ Петергофѣ, 21 августа 1852 года, начертано: *Того мнѣнія и я, ибо такъ ученъ былъ въ свою молодость, и слишкомъ старъ, чтобъ вѣрить другому.*

Между тѣмъ, П. А. Мухановъ устремляетъ свои, по выраженію нашихъ лѣтописцевъ, *„сердечныя очи"* и за предѣлы 862 года, и туда же влечетъ вниманіе своего друга Погодина. Въ письмѣ своемъ, изъ Варшавы, 2 января 1852 года, онъ указываетъ ему на слѣдующую, по его выраженію, „книженку" и совѣтуетъ ее купить: *Guide to Northern Archaelogy by the royal Society of Northern Antiquaries of Copenhagen by the Earl of Ellesmere.* London 1848. Въ томъ же письмѣ Мухановъ приводитъ свои „кое какія замѣтки", найденныя имъ „у себя подъ ноябремъ 1848 года". Вотъ его замѣтка: „*Англы*, отъ нихъ Англія получила названіе съ незапамятныхъ временъ, жили въ Даніи, и пр. и пр. (стр. III введенія). Много доказательствъ. Сравните съ Несторомъ, т.-е. какъ онъ разселяетъ народы. Византійскія монеты находятся въ Даніи. Въ 1845 году нашли на островѣ Бернгольмѣ золотую монету императора Льва I (457—474), слѣдовательно, сношенія съ Византіею въ V—VI вѣкахъ слѣдовали черезъ Россію. О находкахъ куфическихъ (стр. 32) тоже любопытно, онѣ принадлежатъ къ періоду 750 до 950. Почему именно къ сему періоду?"

Въ другомъ своемъ письмѣ Мухановъ сообщаетъ Погодину мнѣніе Польскаго ученаго Маціовскаго о славянствѣ Свевовъ. „Маціовскій",—писалъ Мухановъ (въ апр. 1852)— „вамъ кланяется усердно. Онъ теперь *подробно* доказываетъ, что Свевы (Suevi), занимавшіе нѣкогда большую часть Германіи, были Славяне. Знаменитый Гриммъ (Берлинскій), всегда оспаривалъ это мнѣніе, но теперь въ новомъ сочиненіи (кажется, *Исторія Нѣмецкой Литературы*) сознается въ славянщинѣ Свевовъ. Обширное поле для новыхъ гипотезъ". Но А. А. Куникъ былъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ,

и 13 іюля 1852 года писалъ Погодину: „Свевы были Верхнегерманцы и какъ таковые за 100 лѣтъ по Р. Х. граничали только съ Готскими Вандалами (Лигійцами), съ Готскими Бургундами, но отнюдь не съ Литовцами и Славянами. (Между Славянами и Свевами не существуетъ никакихъ *ближайшихъ* точекъ соприкосновенія Гриммъ представилъ вздорную этимологію имени Свевовъ и больше ничего). Верхнегерманцы (т.-е. предки нынѣшнихъ Тюринговъ, Баварцевъ и Швабовъ) были отдѣлены отъ Славянъ Готскими племенами и послѣдніе, конечно, имѣли больше соприкосновеній съ Славянами и Литовцами".

Въ іюлѣ 1852 года, самъ П. А. Мухановъ, съ своею дочерью Маріею Павловною (впослѣдствіи княгиня Щербатова), посѣтилъ Москву.

Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія записи: Подъ *22 іюля 1852*: „Мухановъ пріѣхалъ, и часа три показывалъ ему Музей и говорилъ о всѣхъ обстоятельствахъ".

— 23 — — : „Обѣдъ у Муханова. Дочь его Польская красота".

— 28 — — : „На нашей улицѣ праздникъ *). Съ Мухановымъ наблюдалъ народъ. Есть желаніе веселиться, но какъ все огрубѣло и одичало! Грустно!"

При посредствѣ профессора Университета Св. Владиміра А. И. Ставровскаго и студента того же Университета С. И. Пономарева, Погодину удалось, въ 1852 году, пріобрѣсти Лѣтопись Нестора въ спискѣ XVI вѣка.

О своемъ пріобрѣтеніи онъ довелъ до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича и министра Народнаго Просвѣщенія.

4 августа 1852 года предсѣдатель Археографической Коммиссіи, А. С. Норовъ, писалъ Погодину: „Г. министръ Народнаго Просвѣщенія передалъ въ Археографическую Коммиссію

---

*) Т.-е., престольный въ Московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ (Смоленской Божіей Матери).

письмо ваше на имя его сіятельства, отъ 6 минувшаго іюля, о пріобрѣтенной вами Лѣтописи Нестора въ спискѣ XVI вѣка. Коммиссія, основываясь на изложенномъ въ письмѣ вашемъ описаніи означенной Лѣтописи, находитъ пріобрѣтеніе ваше заслуживающимъ особеннаго вниманія и ближайшаго разсмотрѣнія, о чемъ и доводила до свѣдѣнія г. министра Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе сего, имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи въ Археографическую Коммиссію, на время, принадлежащей вамъ Лѣтописи" [56]).

Правитель дѣлъ Археографической Коммиссіи М. А. Коркуновъ донесеніе Погодина министру Народнаго Просвѣщенія доставилъ главному редактору Лѣтописей Я. И. Бередникову, который, 28 іюля 1852 года, представилъ, съ своей стороны, Археографической Коммиссіи слѣдующее донесеніе: „Г. правитель дѣлъ М. А. Коркуновъ, при отношеніи, отъ 16 сего іюля, за № 70, доставилъ мнѣ письмо къ его сіятельству г. министру Народнаго Просвѣщенія академика Погодина, о пріобрѣтеніи имъ новаго списка Ипатіевской лѣтописи, напечатанной во второмъ томѣ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*. На письмѣ г. Погодина его сіятельствомъ отмѣчена резолюція о передачѣ мнѣ его на заключеніе. Г. Погодинъ купленную имъ рукопись называетъ *Лѣтописью Нестора*, Кіевскою и Волынскою, присовокупляя, что она писана въ XV вѣкѣ; начала не имѣетъ и оканчивается четырьмя страницами раньше печатной, т.-е. въ ней не достаетъ четырехъ страницъ противъ текста Ипатіевской лѣтописи, изданной Археографической Коммиссіею. Называть эту лѣтопись *Кіевскою* и *Волынскою*, вмѣсто *Ипатіевской* (т.-е. напечатанной по основному Ипатіевскому списку), въ чемъ упрекалъ меня г. Погодинъ, не слѣдуетъ, потому что она собственно заключаетъ въ себѣ двѣ лѣтописи, изъ которыхъ въ первой описываются событія не только Кіева и Волыни, но и другихъ Южныхъ и Западныхъ княжествъ, и даже княжества Суздальскаго, а во второй повѣствуются происшествія

и 13 іюля 1852 года писалъ Погодину: „Свевы были Верхнегерманцы и какъ таковые за 100 лѣтъ по Р. Х. граничали только съ Готскими Вандалами (Лигійцами), съ Готскими Бургундами, но отнюдь не съ Литовцами и Славянами. (Между Славянами и Свевами не существуетъ никакихъ *ближайшихъ* точекъ соприкосновенія. Гриммъ представилъ вздорную этимологію имени Свевовъ и больше ничего). Верхнегерманцы (т.-е. предки нынѣшнихъ Тюринговъ, Баварцевъ и Швабовъ) были отдѣлены отъ Славянъ Готскими племенами и послѣдніе, конечно, имѣли больше соприкосновеній съ Славянами и Литовцами".

Въ іюлѣ 1852 года, самъ П. А. Мухановъ, съ своею дочерью Маріею Павловною (впослѣдствіи княгиня Щербатова), посѣтилъ Москву.

Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія записи: Подъ *22 іюля 1852*: „Мухановъ пріѣхалъ, и часа три показывалъ ему Музей и говорилъ о всѣхъ обстоятельствахъ".

— 23 — — : „Обѣдъ у Муханова. Дочь его Польская красота".

— 28 — — : „На нашей улицѣ праздникъ *). Съ Мухановымъ наблюдалъ народъ. Есть желаніе веселиться, но какъ все огрубѣло и одичало! Грустно!"

При посредствѣ профессора Университета Св. Владиміра А. И. Ставровскаго и студента того же Университета С. И. Пономарева, Погодину удалось, въ 1852 году, пріобрѣсти Лѣтопись Нестора въ спискѣ XVI вѣка.

О своемъ пріобрѣтеніи онъ довелъ до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича и министра Народнаго Просвѣщенія.

4 августа 1852 года предсѣдатель Археографической Коммиссіи, А. С. Норовъ, писалъ Погодину: „Г. министръ Народнаго Просвѣщенія передалъ въ Археографическую Коммиссію

*) Т.-е., престольный въ Московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ (Смоленской Божіей Матери).

письмо ваше на имя его сіятельства, отъ 6 минувшаго іюля, о пріобрѣтенной вами Лѣтописи Нестора въ спискѣ XVI вѣка. Коммиссія, основываясь на изложенномъ въ письмѣ вашемъ описаніи означенной Лѣтописи, находитъ пріобрѣтеніе ваше заслуживающимъ особеннаго вниманія и ближайшаго разсмотрѣнія, о чемъ и доводила до свѣдѣнія г. министра Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе сего, имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи въ Археографическую Коммиссію, на время, принадлежащей вамъ Лѣтописи" [56]).

Правитель дѣлъ Археографической Коммиссіи М. А. Коркуновъ донесеніе Погодина министру Народнаго Просвѣщенія доставилъ главному редактору Лѣтописей Я. И. Бередникову, который, 28 іюля 1852 года, представилъ, съ своей стороны, Археографической Коммиссіи слѣдующее донесеніе: „Г. правитель дѣлъ М. А. Коркуновъ, при отношеніи, отъ 16 сего іюля, за № 70, доставилъ мнѣ письмо къ его сіятельству г. министру Народнаго Просвѣщенія академика Погодина, о пріобрѣтеніи имъ новаго списка Ипатіевской лѣтописи, напечатанной во второмъ томѣ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*. На письмѣ г. Погодина его сіятельствомъ отмѣчена резолюція о передачѣ мнѣ его на заключеніе. Г. Погодинъ купленную имъ рукопись называетъ *Лѣтописью Нестора*, Кіевскою и Волынскою, присовокупляя, что она писана въ XV вѣкѣ; начала не имѣетъ и оканчивается четырьмя страницами раньше печатной, т.-е. въ ней не достаетъ четырехъ страницъ противъ текста Ипатіевской лѣтописи, изданной Археографической Коммиссіею. Называть эту лѣтопись *Кіевскою* и *Волынскою*, вмѣсто *Ипатіевской* (т.-е. напечатанной по основному Ипатіевскому списку), въ чемъ упрекалъ меня г. Погодинъ, не слѣдуетъ, потому что она собственно заключаетъ въ себѣ двѣ лѣтописи, изъ которыхъ въ первой описываются событія не только Кіева и Волыни, но и другихъ Южныхъ и Западныхъ княжествъ, и даже княжества Суздальскаго, а во второй повѣствуются происшествія

Чермной Руси или Галицкаго княжества; слѣдовательно, эта лѣтопись ни *Кіевскою*, ни *Волынскою* исключительно назваться не можетъ. Карамзинъ, а не я первый, назвалъ ее *Ипатіевскою*, по списку, принадлежавшему Ипатіевскому монастырю, чтобы отличить отъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, каковы: Лаврентьевскій, Софійскій, Воскресенскій и проч. Если Ипатіевскую лѣтопись называть Кіевскою и Волынскою, то какъ назвать Лаврентіевскую, въ которой также содержатся происшествія Кіевскія, Суздальскія и другія, Кіевскою или Суздальскою? Г. Погодину не нравятся названія *Ипатіевской* и *Лаврентіевской* лѣтописей, но заглавія *Воскресенской*, *Никоновской*, *Софійской* употребляются имъ безъ спора, хотя онѣ составляютъ также компиляцію первобытныхъ хроникъ и представляютъ собраніе фактовъ разныхъ мѣстностей, отчего и называются лѣтописными сборниками: каждая изъ этихъ лѣтописей, подобно Ипатіевской и Лаврентіевской, имѣетъ по нѣскольку списковъ, но названія этимъ лѣтописямъ даны по основнымъ спискамъ: Воскресенскому—по имени монастыря, Никоновскому—по имени владѣльца, Софійскимъ спискамъ—по имени собора, которому эти списки принадлежали. Ученымъ свѣтомъ принято за правило называть древніе кодексы по мѣстамъ, гдѣ они найдены или хранятся, по авторамъ, переписчикамъ, владѣльцамъ и проч. Такъ доселѣ назывались и наши лѣтописи, а тѣ, которыхъ событія ограничиваютя одною страною, или городомъ, отмѣчались по именамъ ихъ (Новгородскія, Псковскія, Двинскія, Сибирскія). Здѣсь главное дѣло не въ указаніи содержанія, а въ томъ, чтобы по заглавію отличать одну лѣтопись отъ другой и не смѣшивать списковъ одного разряда съ другимъ. Если мы, вопреки Карамзину, будемъ называть лѣтописи каждый по своему, то не только запутаемъ нашу исторіографію, но и дойдемъ до того, что въ ссылкахъ нашихъ на древніе кодексы не будемъ понимать другъ друга. Выраженіе г. Погодина: „рукопись писана отчасти съ разрозненныхъ тетрадей“, кажется мнѣ довольно неяснымъ. Значитъ ли это, что писецъ XVI вѣка перепуталъ тетради

своего подлинника, и въ такомъ видѣ приготовилъ списокъ, или что въ рукописи нѣсколькихъ тетрадей недостаетъ? Въ первомъ случаѣ нелегко будетъ справиться съ нею будущему издателю. Мнѣ кажется, однакожъ, что рукопись г. Погодина не въ такомъ дурномъ состояніи, но что листы ея просто перемѣшаны при переплетѣ, особенно если она переплетена въ недавнее время. Варіанты (числомъ два), указанные г. Погодинымъ, не такъ важны, какъ ему кажутся: первый, о Малушѣ, ключницѣ Ольгиной, названной „милостинцей", находится въ Ипатіевскомъ спискѣ (см. *Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей*, т. I, стр. 29); второй варіантъ (вмѣсто Половцы пришли селалукомъ находится въ ней: Половцы пришли 7,000 луковъ) есть позднѣйшая поправка книжниковъ XV или XVI вѣка. Не смотря на неважность такихъ варіантовъ, попавшихся г. Погодину, какъ онъ говоритъ, нечаянно на глаза, я никакъ не считаю купленной имъ рукописи незаслуживающею вниманія. *Ипатьевская лѣтопись* есть основной камень нашей историографіи; и потому всякій вновь открываемый ея списокъ долженъ быть примѣчателенъ въ историческомъ смыслѣ. Желательно, чтобы Археографическая Коммиссія обратилась къ г. Погодину съ просьбою о доставленіи въ оную, на время, означеннаго списка. Г. предсѣдатель Коммиссіи просилъ г. Погодина о доставленіи въ оную на время пріобрѣтеннаго имъ списка Ипатіевской лѣтописи. Г. Погодинъ отвѣчалъ ему, что списокъ этотъ вскорѣ будетъ препровожденъ въ Императорскую Публичную библіотеку, но что онъ доставитъ въ Коммиссію подробное его описаніе" [57]).

XIV.

26 августа 1852 года, Погодинъ писалъ великому князю Константину Николаевичу: „Спѣшу донести вашему императорскому высочеству о драгоцѣнномъ открытіи для Русской Исторіи, какъ счастливо наше время въ этомъ отношеніи,— около Нѣжина найденъ кладъ: шесть фунтовъ монетъ Вла-

диміра, Ярослава, Святополка. Мы думали, что извѣстныя по одному, по два экземпляра, монеты, Ярослава и Владиміра, были чеканены только для образца, по случаю, въ родѣ медалей; другіе даже сомнѣвались въ ихъ подлинности или принадлежности нашимъ князьямъ, а теперь оказывается, что онѣ были въ общемъ употребленіи! Жду съ нетерпѣніемъ экземпляровъ отъ своихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ уже двое сообщили мнѣ извѣстіе о находкѣ".

Кіевскій корреспондентъ Погодина С. И. Пономаревъ, 24 октября 1852 года, писалъ ему: „Въ проѣздъ свой черезъ Нѣжинъ, въ среднихъ числахъ іюля, я пріобрѣлъ себѣ двадцать монетъ съ единственною цѣлію отправить ихъ вамъ всѣ. Почти совершенное мое невѣжество въ оцѣнкѣ монетъ было причиною, что я, бывши въ Нѣжинѣ, не принялъ мѣръ къ возможно большему собранію монетъ, и что я не поспѣшилъ отправить пріобрѣтенныя мною вамъ. Но собрать всѣ монеты я не могъ бы никакъ, потому что монеты найденыя въ маѣ мѣсяцѣ, разбрелись уже въ нѣсколько рукъ, преимущественно къ профессору Лицея М. А. Тулову, который въ іюлѣ послалъ нѣсколько монетъ кому-то въ Петербургъ и двадцать четыре монеты—помощнику попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа дѣйствительному статскому совѣтнику М. В. Юзефовичу. Это было сдѣлано еще до пріѣзда моего въ Нѣжинъ. Далѣе: отправкою пріобрѣтенныхъ мною монетъ къ вамъ я не спѣшилъ потому, что полагалъ, что подобныя монеты уже существуютъ въ достаточномъ количествѣ и что онѣ, безъ сомнѣнія, есть и у васъ;—я былъ почти увѣренъ, что мои монеты не представятъ для васъ большого интереса. Вотъ въ чемъ моя единственная вина,—въ невѣжествѣ; вы видите, что она произошла безсознательно, неумышленно; такъ что я теперь безъ вины виноватъ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, я немедленно написалъ къ вамъ. Случайно показалъ я монеты Должикову, который всячески домогался получить отъ меня хоть одну, но я рѣшительно сказалъ, что берегу ихъ для васъ. Болтунъ-Должиковъ сказалъ объ этомъ М. В. Юзефовичу, который въ

тотъ же день призываетъ меня къ себѣ. Полуласково, полусерьезно онъ заставилъ меня показать ему четырнадцать монетъ лучшихъ, очень ясныхъ и четкихъ, которыя были въ то время при мнѣ. Остальныя шесть были у меня на квартирѣ. Его превосходительство требовалъ у меня и тѣ. Крѣпко отстаивалъ я свои монеты, но его превосходительство намекнулъ мнѣ, что „для меня будетъ недурно, если я уступлю ихъ ему“. Чтó мнѣ было говорить послѣ этого? Смѣлъ ли я противорѣчить и упорствовать? Къ вамъ же велѣлъ мнѣ М. В. Юзефовичъ написать, что онъ у меня *просто отнялъ монеты* и что онъ постарается собрать ихъ какъ можно болѣе съ тѣмъ, чтобы составить нѣсколько коллекцій, которыя онъ разошлетъ въ Петербургъ и Москву — въ Академію Наукъ, въ Археологическое Общество, къ графу Уварову, графу Строгонову, Черткову, вамъ, Снегиреву и другимъ. Этимъ онъ меня успокоилъ и убѣдилъ оставить ему четырнадцать монетъ, за которыя, однако, онъ далъ мнѣ *по полтиннику*, потому что, такъ давалъ мнѣ Должиковъ. Разумѣется, я отказывался отъ денегъ, но онъ настойчиво и сурово отдалъ ихъ мнѣ. Остальныя шесть монетъ *выманилъ* у меня Должиковъ обѣщаніемъ *предоставить мнѣ право пользоваться книгами изъ его магазина, постоянно, и безплатно, и всѣми.* Кромѣ того, онъ далъ мнѣ *по цѣлковому* за монету. Признаться ли, я и тому былъ радъ. Особенно радъ я былъ обѣщанію Должикова на счетъ всегдашняго пользованія книгами. Но... Должиковъ надулъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ: чрезъ нѣсколько дней онъ вѣжливо отказалъ мнѣ въ пользованіи книгами. У, какъ это меня раздосадовало! Одно только нѣсколько утѣшаетъ меня, что монеты у Должикова самыя истертыя, не чистыя, почти невидныя, такъ что онъ, кажется, и до сихъ поръ не успѣлъ сбыть ни одной, тѣмъ болѣе, что требуетъ за каждую двадцать пять рублей. Такъ расточилъ я свои монеты! За Должикова я наказанъ, и наказанъ больно имъ самимъ. Что касается до его превосходительства, то, мнѣ кажется, что я поступилъ въ

отношеніи къ нему такъ, какъ должно поступить въ отношеніи къ начальнику или наставнику, какъ поступали, вѣроятно, и ваши воспитанники въ отношеніи къ вамъ. Притомъ, я надѣялся на то, что Юзефовичъ непремѣнно пошлетъ вамъ нѣсколько монетъ; а онъ обѣщалъ это, надѣясь пріобрѣсть себѣ сотни двѣ монетъ. Съ послѣдней цѣлью предпринялъ онъ поѣздку въ Нѣжинъ и пригласилъ меня сопутствовать ему. Разумѣется, что я съ радостію и гордостію принялъ этотъ знакъ вниманія ко мнѣ. Своей привѣтливостію ко мнѣ во время дороги онъ такъ меня тронулъ, что я, пріѣхавши въ Нѣжинъ, тотчасъ собралъ самыя точныя свѣдѣнія, открылъ самые вѣрные слѣды къ отысканію монетъ, потомъ представилъ Юзефовичу въ даръ двѣ чудныя, ясныя монеты, наконецъ нашелъ человѣка, у котораго оказалось двадцать девять монетъ. Выбравъ изъ нихъ десять самыхъ лучшихъ, я представилъ ихъ Юзефовичу. Владѣлецъ этихъ монетъ требовалъ за каждую три р. сер. Но Юзефовичу не угодно было купить всѣ, онъ выбралъ двѣ монеты изъ десяти, рѣдкіе и лучшіе экземпляры, какихъ еще у него не было и заплатилъ только за эти двѣ по три р. с. Остальныя двадцать возвращены мною владѣльцу ихъ. Жаль восьми лучшихъ, а о прочихъ девятнадцати и говорить нечего. Говорю жаль, потому что владѣлецъ монетъ уже кому-то продалъ всѣ, а кому, не знаю; онъ не сказалъ никому, не смотря ни на какія просьбы. Въ поѣздку въ Нѣжинъ, Юзефовичу удалось пріобрѣсть разными путями, наиболѣе чрезъ подчиненную братію, монеты. Изъ числа ихъ пять (по экземпляру каждаго вида) представлены государю императору, во время проѣзда его чрезъ Кіевъ, въ началѣ октября; часть уступлена его высокопревосходительству Д. Г. Бибикову, часть оставлена Юзефовичемъ у себя, наконецъ часть отдана въ здѣшній Университетъ. Кромѣ этого, никому не досталось ни одной монеты. Эта-то часть (около тридцати монетъ) будетъ описана, съ нея уже сняты рисунки и брошюра скоро выйдетъ въ свѣтъ. Заранѣе обѣщаю прислать ее вамъ немедленно. Вотъ вамъ пол-

ный разсказъ о ходѣ дѣла, вотъ вамъ мое чистосердечное, вполнѣ откровенное сознаніе! Теперь судите меня и помилуйте. Я не могъ поступить иначе; такъ поступить меня заставили обстоятельства, а моя единственная воля—повторяю отъ глубины души — была послать вамъ монеты. Наконецъ, я долженъ вамъ сказать, что *я и до сихъ поръ не получилъ ни копѣйки отъ васъ за монеты, хотя вы въ двухъ письмахъ говорите о деньгахъ ко мнѣ.* Не проказитъ ли это Контора ваша?.. Продажа вами своего Древлехранилища заставила меня думать, что вы уже разстались съ охотою пріобрѣтать вновь какія бы то ни было древности. Такъ говорилъ мнѣ и Юзефовичъ. Вотъ почему я и до сихъ поръ отложилъ всякое попеченіе о монетахъ".

Во время пребыванія своего въ Кіевѣ, Шевыревъ видѣлся съ М. В. Юзефовичемъ и уже по возвращеніи въ Москву писалъ Погодину (13 августа 1852): „Объ открытіи Нѣжинскомъ я слышалъ отъ Юзефовича, который и показывалъ мнѣ монету съ именемъ Святополка... Монеты уже въ Кіевѣ. Юзефовичъ поручилъ мнѣ поговорить съ тобою о памятникѣ Нестору и о серебряной ракѣ для него".

Къ Нѣжинскому открытію А. Ѳ. Бычковъ отнесся скептически: „Находка Нѣжинскихъ монетъ весьма замѣчательна; но, боюсь, не поддѣлка ли это Анненкова? А онъ уже отчасти извѣстенъ съ этой стороны".

Еще до Нѣжинскаго открытія, П. А. Мухановъ писалъ Погодину изъ Варшавы (2 янв. 1852): „Я собираю теперь монеты; что за странность: на Литвѣ и Польшѣ, близъ насъ, чеканютъ славную монету, у насъ же въ это время бьютъ молоткомъ гнусныя копѣйки? — Почему это такъ? Неужели торговля была только мѣновая? Неужели мы не могли перенять у сосѣдей талеры вмѣсто палки, называемой гривной или гривенкой?"

Въ это же время Погодинъ получаетъ изъ Кишинева, отъ тамошняго чтителя древностей Ѳаддея Александровича Гиждеу древнюю рукопись. Въ письмѣ своемъ Гиждеу дѣ-

лаетъ ей подробное описаніе: „Посылаю вамъ рукопись Священнаго Писанія, рукопись, которая, сколько я могъ замѣтить, писана не позже XIII-го столѣтія, и притомъ, по всѣмъ признакамъ, въ Молдавіи или Валахіи. Въ отношеніи къ правописанію я скажу слѣдующее. Въ ней чрезвычайно часто употреблена буква юсъ, отличительный признакъ правописанія Славянъ Дунайскихъ, по справедливымъ доказательствамъ молодого ученаго Билярскаго; по этому признаку онъ прекрасно вывелъ, что Кирилловская половина Реймскаго Евангелія писана въ Валахіи. Въ древнихъ рукописяхъ юсъ вездѣ употреблено вмѣсто Польскаго Ę... А Румыне по сію пору употребляютъ юсъ какъ Польское Ę... Вотъ признаки, замѣченные мною въ рукописи, которую я успѣлъ разсматривать только два дня, считая долгомъ тотчасъ же отослать ее на разсмотрѣніе ваше, какъ извѣстнѣйшаго знатока Славянскихъ древностей".

Въ томъ же письмѣ Гиждеу сообщаетъ Погодину о своихъ трудахъ: „Считаю обязанностью увѣдомить васъ, какъ дѣйствительнаго члена Московскаго Общества Исторіи и Древностей, что, посвятивъ все свое время на изысканія Славянской Исторіи, я успѣлъ набросать нѣсколько сочиненьицъ, которыя вскорѣ намѣренъ отослать на разсмотрѣніе Московскаго Историческаго Общества, льстясь надеждою, что они не будутъ отвергнуты.— Прежде всего я думаю отослать свое разсужденіе: *Кого Несторъ называетъ Волохами?* А вскорѣ, если оно благосклонно будетъ принято Обществомъ, я постараюсь и другими трудами по части Славянской Исторіи оправдать эту благосклонность. Кромѣ упомянутаго разсужденія, у меня уже готовы: 1) *О Хорсѣ, древнемъ* божествѣ *Славянъ*. 2) *О давнемъ желаніи Молдавіи быть подъ покровительствомъ Россіи*. 3) *Исторія Славянскихъ письменъ у Румыновъ*" [58]).

Самъ же Погодинъ въ это время усердно занимался біографіями древнихъ князей, о чемъ гласитъ *Дневникъ* его:

Подъ *23 января 1852:* „Писалъ біографію князей и радовался".

— *15 февраля*—: „Кончилъ списокъ до Ярослава и записалъ его кончину, увидѣлъ, что это было именно нынѣ. Нельзя не помянуть".

Среди этихъ занятій у Погодина блеснула „мысль написать Царю о просвѣщеніи" [59]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ это же время, Погодинъ былъ очень утѣшенъ вниманіемъ Географическаго Общества къ его трудамъ по Древней Русской Географіи. Вице-президентъ Общества М. Н. Муравьевъ, 16 ноября 1852 года, писалъ ему: „Какъ дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вы, безъ сомнѣнія, не откажетесь содѣйствовать трудамъ его на поприщѣ отечественнаго самоизученія, на которомъ вы сами подвизаетесь уже столько лѣтъ и съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ.—Вполнѣ увѣренный, что въ ученомъ, проникнутомъ столь дѣятельною любовью къ наукѣ, всякій призывъ къ полезному дѣлу найдетъ живое сочувствіе, Совѣтъ Общества поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, подѣлиться съ нимъ хотя нѣкоторыми плодами вашей многолѣтней и неутомимой дѣятельности.—Среди обширныхъ работъ, совершонныхъ или предпринятыхъ вами на пользу Русской Исторіи, вы никогда не теряли изъ виду разработыванія Исторической Географіи Россіи, и не мало содѣйствовали успѣхамъ этой важной науки въ нашемъ отечествѣ. Но Историческая Географія, какъ вамъ извѣстно, принадлежитъ къ числу предметовъ, непосредственно входящихъ въ кругъ дѣйствій нашего Общества. Поэтому всякое сообщеніе, какое вамъ угодно будетъ сдѣлать по этой части, будетъ принято Обществомъ съ искреннѣйшею признательностью".

Съ своей стороны, Погодинъ задаетъ графу А. С. Уварову задачу изъ области Древней Русской Географіи: опредѣлить мѣстность Липицы, извѣстной въ нашей Древней Исторіи по сраженію. На это предложеніе графъ Уваровъ отвѣчалъ Погодину, изъ Суздаля (26 мая 1852 года): „Вы мнѣ совѣтуете опредѣлить мѣстность *Липицы*; я уже этимъ занялся, и сообщу

вамъ впослѣдствіи окончательныя соображенія. Ваши *Изслѣдованія* для меня рѣшительно спасительны, это моя Аріаднина нить".

Къ этому же времени относится возобновленіе дружескихъ ученыхъ сношеній Погодина съ знаменитымъ академикомъ Шегреномъ. 24 марта 1852 года, почтенный старецъ писалъ ему по-*Русски*: „Много лѣтъ прошло въ взаимномъ безмолвствованіи между нами, такъ что ни вы не писали ко мнѣ (хотя, кажется, мимоходомъ о *мнѣ*), ни я къ вамъ. Пора прервать это долговременное безмолвствованіе, тѣмъ болѣе какъ мы во время продолженія онаго, бывши уже прежде знакомы и друзья, давно сдѣлались сущими товарищами. Были иногда слухи, что вы пріѣдете въ Петебургъ, гдѣ я слѣдственно надѣялся видиться съ вами; но эти слухи не осуществились. Что мнѣ теперь сказать вамъ про себя? Особеннаго и паче хорошаго ничего нѣтъ. Какъ вы видите, я пока еще по крайней мѣрѣ живъ. Да, живу я и даже тружусь по старому и обыкновенному; но то и другое довольно плохо. Старъ сталъ и дряхлъ. Если и въ короткіе наши лѣтніе мѣсяцы нѣсколько оживаю, то, напротивъ, зимою опять падаю въ разные вкоренившіеся и все болѣе усиливающіеся недуги, отъ которыхъ вѣроятно нѣтъ спасенія, какъ только въ гробѣ. Между тѣмъ, однакожъ, *so lang' man lebt, sei man lebendig*, сказалъ Гете; а жизненныя хлопоты всегда обыкновенно бываютъ сопряжены съ утружденіями другихъ ближнихъ. И такъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, не осудите меня, что я осмѣливаюсь васъ утруждать, во-первыхъ, съ просьбою о пересылкѣ приложенныхъ трехъ экземпляровъ послѣдней моей мелочи, кому и куда слѣдуетъ, а именно господину Черткову, Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ и вамъ самимъ. Есть у меня еще и другая просьба, которая относится къ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ то время, когда Бодянскій былъ секретаремъ этого Общества, онъ мнѣ высылалъ весьма аккуратно издаваемыя Обществомъ періодическія книги; но послѣ его отбытія начали являться въ присылкѣ безпорядки;

такъ что у меня въ цѣломъ собраніи значительные недостатки... О дополненіи этихъ недостатковъ, а равнымъ образомъ и о вышедшемъ впослѣдствіи продолженіи *Русскао перевода Славянскихъ Древностей, Шафарика* (у меня только *три книжки перваго тома*, изданныя въ годахъ 1837 и 1838) я уже давно хлопочу и въ разныя времена писалъ объ этомъ предметѣ тому и другому въ Москвѣ; но до сихъ поръ безъ всякаго успѣха, не получивъ ни книгъ, ни даже отвѣта. Теперь обращаюсь, наконецъ, къ вамъ, съ покорнѣйшею моею просьбою, чтобы по старому знакомству и новому товариществу, не отказались въ вашемъ содѣйствіи къ доставленію мнѣ книгъ вышеупомянутыхъ, для комплектованія того и другого въ своемъ родѣ важнаго сочиненія. Ежели и какія будутъ при томъ, можетъ быть, издержки, я радъ буду по извѣщенію платить, и сверхъ того, съ своей стороны, готовъ ко всякимъ услугамъ".

XV.

Во время долговременнаго пребыванія своего въ Константинополѣ, въ качествѣ секретаря нашего Императорскаго Посольства, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій погрузился тамъ въ изученіе драгоцѣннѣйшаго памятника нашей *Классической* Древности, *Слова о полку Игоревѣ*, за которымъ признавалъ онъ всемірное значеніе. Этому изученію онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни и на самое учрежденное имъ, въ 1877 году, Общество Любителей Древней Письменности слѣдуетъ смотрѣть, какъ на комментарій къ этой дивной древней пѣсни. Но, занимаясь этимъ памятникомъ, князь Вяземскій и не помышлялъ печатать свои о немъ изслѣдованія. Лишь только по настоятельному требованію Александра Николаевича Попова, онъ рѣшился напечатать ихъ въ 1851 году, во *Временникѣ* Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Когда изслѣдованіе это было напечатано, отецъ автора

писалъ Погодину, изъ Парижа (19 марта 1852): „Въ письмѣ моемъ къ Гоголю *) просилъ я его узнать отъ васъ и Шевырева мнѣніе ваше о работѣ сына моего надъ пѣснью о *полку Игоревомъ*. Не зная какъ оцѣнена она въ Россіи свѣдущими людьми, онъ неохотно продолжаетъ работу свою. Придайте ему бодрости, но впрочемъ скажите искренно мнѣніе свое". На это Погодинъ отвѣчалъ: „Разсужденію о *Словѣ Игоря* я порадовался только снаружи. Весь годъ я сидѣлъ (а теперь досиживаю) надъ составленіемъ формулярныхъ списковъ всѣхъ удѣльныхъ князей, и чтобъ не выпускать нити, въ это время не читалъ ничего, кромѣ необходимаго. Я теперь нахожусь въ пристани, и вѣрно чрезъ мѣсяцъ, много два, скажу молодому, любезному, хотя и незнакомому мнѣ, литератору свое искреннее мнѣніе" [60]).

Годъ спустя по выходѣ изслѣдованія князя Вяземскаго, 17 іюля 1852 года, редакторъ *Временника*, въ которомъ оное было напечатано, И. Д. Бѣляевъ, писалъ А. Н. Попову: „Вуколъ Михайловичъ Ундольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я, по обычаю, пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ, между прочимъ, подаетъ мнѣ одинъ рукописный сборникъ и говоритъ, что здѣсь есть *Слово о Мамаевомъ побоищѣ*. Читаю *Слово*, и что же! Чудная вещь, *Слово* вовсе неизвѣстное, и просто-за-просто почти цѣликомъ *Слово о полку Игоревѣ*, подлаженное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка; слѣдовательно, *Слово о полку Игоревѣ* было давно извѣстно Русскимъ людямъ; мы только, несчастные, до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому *Слову*... Посылаю вамъ *Слово* въ корректурномъ листѣ... Вѣроятно и графъ Д. Н. Блудовъ будетъ интересоваться этою находкою, ибо его, кажется, занимаетъ *Слово о полку Игоревѣ*" [61]).

О томъ же писалъ Бѣляевъ и Погодину: „Жаль, что я

---

*) Письмо это не застало Гоголя въ живыхъ.

не могу быть у васъ самъ. Впрочемъ, вы и безъ меня разрѣшите вопросъ о новомъ *Словѣ на Мамаево побоище*, вотъ вамъ корректурный листъ. Здѣсь *Слово о полку Игоревѣ* не упоминается, но что сочинитель зналъ это Слово, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ Софоніевомъ *Словѣ* должно отыскивать сходство съ *Словомъ о полку Игоревѣ*, а здѣсь цѣликомъ это *Слово* только приложено къ Донскому" [62]).

Французскій живописецъ Ивонъ, приступая къ писанію картины Куликовской битвы, обратился къ Погодину за свѣдѣніями объ этой битвѣ. Послѣдній, исполняя желаніе Ивона, писалъ ему: „Вы намѣрены написать намъ Куликовскую битву, и желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ нѣкоторыя историческія подробности. Признаюсь, мнѣ очень жаль, что ни одинъ изъ отечественныхъ живописцевъ не предупредилъ васъ, — эти господа никакъ еще не могутъ выйти изъ развалинъ Колизея и переступить границы заколдованнаго круга Ватиканскаго. Que le bon Dieu les bénisse! Скрѣпя сердце, развертываю лѣтописи и предлагаю вамъ находимое. Есть три момента въ битвѣ Куликовской: начало, средина и конецъ. Вы избираете средину. Первымъ лицомъ долженъ быть великій князь Димитрій. Какъ изобразить его, чтобъ онъ составилъ средоточіе картины, и чтобъ зритель тотчасъ остановилъ на немъ свое вниманіе? Затрудненіе состоитъ въ томъ, что онъ сражался въ одеждѣ простого ратника. Лѣтопись представляетъ намъ одно счастливѣйшее обстоятельство для живописи: это моментъ, когда Димитрій обороняется отъ четырехъ Татаръ, со всѣхъ сторонъ на него нападающихъ. Доспѣхи его всѣ избиты; раненая лошадь подлѣ. Недалеко дерево, береза, подъ которое онъ спасается. Одинъ молодой князь Стефанъ Новосильскій, увидѣвъ его опасность, спѣшитъ къ нему на помощь, но не можетъ пробраться чрезъ наваленые трупы. Его стараются остановить Татары. Двухъ онъ убилъ, а третій побѣжалъ отъ него, но издали спѣшатъ къ нему еще многіе. Близъ Димитрія должно представить поверженное тѣло любимаго его боярина Бренка, который

одѣтъ былъ въ княжеское платье. Это вмѣстѣ и покажетъ зрителю, что князя должно искать не въ княжеской одеждѣ, т.-е. обратить его къ описанной сценѣ. Здѣсь же должно развѣваться и великокняжеское черное знамя въ рукахъ у рынды. Есть извѣстіе, что знамя было подсѣчено; мнѣ кажется, можно воспользоваться и этимъ извѣстіемъ,—это самая критическая минута, въ которую является Владиміръ и рѣшаетъ дѣло. Вообще можно изобразить натискъ Татаръ къ знамени, которое едва могли оборонить Русскіе. Вотъ центръ картины. На одной сторонѣ, на пригоркѣ, вы представите князя Владимира Андреевича и боярина Волынскаго, которые по данному симъ послѣднимъ знаку изъ-за лѣса устремляются къ сражающимся рѣшить битву,—доставить побѣду Русскому воинству. Вѣтеръ былъ имъ благопріятенъ. А на другой сторонѣ долженъ стоять предводитель Татаръ Мамай, съ пятью вельможами, который, замѣтивъ движеніе Русской подмоги, предается отчаянію. Ближайшіе полки Татарскіе, разумѣется, испугались. На другихъ можетъ быть изображена усталость. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ непремѣнно должно представить Ослябю, монаха въ схимнической одеждѣ съ крестомъ на шлемѣ. Товарищъ его Пересвѣтъ съ Татарскимъ богатыремъ, начавшіе сраженіе поединкомъ, должны лежать поверженные другъ подлѣ друга. *Онъ же даде имъ оружіе* (Св. Сергій) *крестъ Христовъ нашитъ на схимахъ, и сіе повелѣ имъ вмѣсто шоломовъ возлагати на главы*. Сраженіе было въ началѣ осени, 8 сентября, по *дніи солнечни и свѣтли сіяюще и теплота велія*. Изъ оружія упоминаются, кромѣ мечей, щитовъ, копій: Стремя златокованное. Злаченые колантыри (доспѣхи). Колчари (копья) золоченныя. Байданы (значки). Корды (кривыя Татарскіе сабли). Златые шеломы. Еловцы (гребни на шлемы). Трубы. Рекомендую вамъ прекрасное изданіе г. Висковатова. Въ нашей Оружейной Палатѣ вы видѣли многія вещи въ натурѣ. Въ Археографической Коммиссіи есть нѣсколько лѣтописей въ лицахъ. Къ исторіи Димитрія Донского относится, кажется, картинъ пятьдесятъ. Начальство ея вѣрно доста-

витъ вамъ всѣ средства воспользоваться ими, и вы найдете тамъ богатое собраніе костюмовъ. Мѣстность вы обозрѣли сами, и знаете лучше всѣхъ, чѣмъ можно воспользоваться. Преданіе говоритъ о волкахъ, вранахъ, орлахъ, гусяхъ, лебедяхъ, уткахъ, которыхъ вы можете пустить по землѣ и воздуху. Въ добычу достались многія стада коней, верблюды, волы, аргичныя овцы великія,—и оружіе ихъ и доспѣхи и порты и товары безъ числа много. О наружности Донского мы знаемъ вотъ что̀: отъ рода ему было около тридцати лѣтъ, „крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы черкъ, взоромъ же дивенъ зѣло“. Желаю вамъ отъ души успѣха, хоть этотъ успѣхъ и причинитъ намъ стыдъ“ [63]).

Погодинъ былъ постояненъ какъ въ своихъ житейскихъ, такъ и историческихъ привязанностяхъ. Жизнь и труды Сильвестра, Благовѣщенскаго протопопа и духовника царя Іоанна, неизмѣнно привлекалъ къ себѣ его вниманіе. Директоръ Тверской Гимназіи Коншинъ, 23 сентября 1852 года, писалъ ему: Списки *Домостроя, всѣ*, возвращены покойному Дмитрію Павловичу Голохвастову; у него осталась еще выписка моя изъ Новгородской Библіотеки, крайне любопытная, и еще кое-что о Сильвестрѣ. Кажется, все это пропало; надобно разузнать отъ того, кто по этой части рылся въ его домѣ, по кончинѣ его“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коншинъ жалуется Погодину: „Кажется, во *Временникѣ* я прочиталъ недавно *росписаніе кушанья*, подававшагося царю; это *мной* тоже было *списано* и *приготовлено къ изданію*, и доставлено Голохвастову. Какъ же оно очутилось въ печати? Вотъ путь, по которому можно вамъ будетъ добраться до теперешняго хозяина чужой собственности, и отобрать все, и свое, и мое. — Жаль и сердечно больно, если пропадетъ все собранное о Сильвестрѣ, котораго такъ *всецѣло* намъ удалось отрыть изъ-подъ трехъ столѣтій!“

Все касающееся до Сильвестра, Погодинъ поручилъ разы-

одѣтъ былъ въ княжеское платье. Это вмѣстѣ и покажетъ зрителю, что князя должно искать не въ княжеской одеждѣ, т.-е. обратить его къ описанной сценѣ. Здѣсь же должно развѣваться и великокняжеское черное знамя въ рукахъ у рынды. Есть извѣстіе, что знамя было подсѣчено; мнѣ кажется, можно воспользоваться и этимъ извѣстіемъ,—это самая критическая минута, въ которую является Владиміръ и рѣшаетъ дѣло. Вообще можно изобразить натискъ Татаръ къ знамени, которое едва могли оборонить Русскіе. Вотъ центръ картины. На одной сторонѣ, на пригоркѣ, вы представите князя Владимира Андреевича и боярина Волынскаго, которые по данному симъ послѣднимъ знаку изъ-за лѣса устремляются къ сражающимся рѣшить битву,—доставить побѣду Русскому воинству. Вѣтеръ былъ имъ благопріятенъ. А на другой сторонѣ долженъ стоять предводитель Татаръ Мамай, съ пятью вельможами, который, замѣтивъ движеніе Русской подмоги, предается отчаянію. Ближайшіе полки Татарскіе, разумѣется, испугались. На другихъ можетъ быть изображена усталость. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ непремѣнно должно представить Ослябю, монаха въ схимнической одеждѣ съ крестомъ на шлемѣ. Товарищъ его Пересвѣтъ съ Татарскимъ богатыремъ, начавшіе сраженіе поединкомъ, должны лежать поверженные другъ подлѣ друга. *Онъ же даде имъ оружіе* (Св. Сергій) *крестъ Христовъ нашитъ на схимахъ, и сіе повелѣ имъ вмѣстѣ шоломовъ возлагати на главы.* Сраженіе было въ началѣ осени, 8 сентября, но *дніи солнечни и свѣтли сіяюще и теплота велія.* Изъ оружія упоминаются, кромѣ мечей, щитовъ, копій: Стремя златокованное. Злаченые колантыри (доспѣхи). Колчари (копья) золоченныя. Байданы (значки). Корды (кривыя Татарскіе сабли). Златые шеломы. Еловцы (гребни на шлемы). Трубы. Рекомендую вамъ прекрасное изданіе г. Висковатова. Въ нашей Оружейной Палатѣ вы видѣли многія вещи въ натурѣ. Въ Археографической Коммиссіи есть нѣсколько лѣтописей въ лицахъ. Къ исторіи Димитрія Донского относится, кажется, картинъ пятьдесятъ. Начальство ея вѣрно доста-

вить вамъ всѣ средства воспользоваться ими, и вы найдете тамъ богатое собраніе костюмовъ. Мѣстность вы обозрѣли сами, и знаете лучше всѣхъ, чѣмъ можно воспользоваться. Преданіе говоритъ о волкахъ, вранахъ, орлахъ, гусяхъ, лебедяхъ, уткахъ, которыхъ вы можете пустить по землѣ и воздуху. Въ добычу достались многія стада коней, верблюды, волы, аргичныя овцы великія,—и оружіе ихъ и доспѣхи и порты и товары безъ числа много. О наружности Донского мы знаемъ вотъ что̀: отъ рода ему было около тридцати лѣтъ, „крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы черпъ, взоромъ же дивенъ зѣло". Желаю вамъ отъ души успѣха, хоть этотъ успѣхъ и причинитъ намъ стыдъ" [63]).

Погодинъ былъ постояненъ какъ въ своихъ житейскихъ, такъ и историческихъ привязанностяхъ. Жизнь и труды Сильвестра, Благовѣщенскаго протопопа и духовника царя Іоанна, неизмѣнно привлекалъ къ себѣ его вниманіе. Директоръ Тверской Гимназіи Коншинъ, 23 сентября 1852 года, писалъ ему: Списки *Домостроя, всѣ,* возвращены покойному Дмитрію Павловичу Голохвастову; у него осталась еще выписка моя изъ Новгородской Библіотеки, крайне любопытная, и еще кое-что о Сильвестрѣ. Кажется, все это пропало; надобно разузнать отъ того, кто по этой части рылся въ его домѣ, по кончинѣ его".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коншинъ жалуется Погодину: „Кажется, во *Временникѣ* я прочиталъ недавно *росписаніе кушанья,* подававшагося царю; это *мной* тоже было *списано* и *приготовлено къ изданію,* и доставлено Голохвастову. Какъ же оно очутилось въ печати? Вотъ путь, по которому можно вамъ будетъ добраться до теперешняго хозяина чужой собственности, и отобрать все, и свое, и мое. — Жаль и сердечно больно, если пропадетъ все собранное о Сильвестрѣ, котораго такъ *всецѣло* намъ удалось отрыть изъ-подъ трехъ столѣтій!"

Все касающееся до Сильвестра, Погодинъ поручилъ разы-

скивать своему Новгородскому корреспонденту И. К. Купріянову, который о своихъ розыскахъ, 15 ноября 1852 года. сообщалъ Погодину: „О Сильвестрѣ я кое-что было нашелъ, да затерялъ. Вотъ какъ это случилось: я зналъ, что въ Софійской Библіотекѣ есть посланіе Сильвестра къ князю Горбатому-Суздальскому, о которомъ упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ *Словарѣ Писателей духовнаго чина*. Перечитывая каталогъ Библіотеки, я отыскалъ сборникъ, въ которомъ значилось по оглавленію это посланіе. Попросилъ себѣ на разсмотрѣніе этотъ сборникъ, — и посланія этого не нашелъ: оно было вырѣзано. Я уже потерялъ было надежду найти что-нибудь здѣсь о Сильвестрѣ, какъ однажды, послѣ продолжительнаго уже занятія въ Библіотекѣ, попался мнѣ огромнѣйшій сборникъ XVI вѣка, въ листъ; перебирая его, я (къ немалому удивленію) нахожу въ немъ искомое посланіе, и еще не одно, а цѣлыхъ два къ князю Горбатому; оба посланія листахъ на двадцати мелкаго письма. Справившись по каталогу о сборникѣ, упоминаній о посланіяхъ не нахожу. Съ радостію хотѣлъ-было я приняться за списыванье; но библіотекарь объявилъ мнѣ, что время прекратить занятія. Въ надеждѣ, что сборникъ не ускользнетъ отъ моего любопытства, я развернулъ его на посланіи, оставилъ на столѣ и удалился изъ Библіотеки. Дорогою вспомнилъ я, что нумера сборника не замѣтилъ и не записалъ;—впрочемъ, считаю это не важнымъ. Къ несчастію, послѣ этого посѣщенія мнѣ никакъ нельзя было попасть въ Библіотеку по разнымъ причинамъ, конечно, отъ меня не зависѣвшимъ. Уже спустя мѣсяцъ послѣ того, я пришелъ въ Библіотеку; началъ искать сборникъ и его не нашелъ: злодѣй-библіотекарь, ожидая посѣщенія митрополита, всѣ рукописи, валявшіяся до того по полу и по окнамъ, заблагоразсудилъ поставить по шкапамъ, разумѣется, съ соблюденіемъ симметріи и наружнаго благообразія. Съ тѣхъ поръ всѣ мои исканія безуспѣшны. Вотъ и былъ, какъ говорится, въ рукахъ кладъ, да не умѣлъ брать. Впрочемъ, я его все-таки отыщу, какъ только наступятъ теплые

дни и возможность пробыть въ Библіотекѣ нѣсколько времени Будьте такъ добры, увѣдомьте меня, не изъ пустяковъ ли я хлопочу".

4-го февраля 1852 года, П. И. Мельниковъ писалъ Погодину: „Лѣтомъ проѣхалъ весь путь Іоанна Грознаго отъ Мурома до Казани, нанесъ на карту всѣ курганы, оставшіеся на мѣстѣ его становъ, разрывалъ нѣкоторые, собралъ всевозможныя преданія, повѣрья, пѣсни о Казанскомъ походѣ, осмотрѣлъ церкви Грознымъ построенныя, видалъ въ семействахъ, происходящихъ отъ царскихъ вожатыхъ, жалованныя иконы, списки съ грамотъ. Все вмѣстѣ любопытно бы кажется, да Богъ знаетъ, когда придется заняться этимъ дѣломъ. Надѣясь на свою небезъизвѣстную вамъ память, много не записываю, да и побаиваюсь, чтобы не забыть чего-нибудь".

Въ томъ же письмѣ Мельниковъ сообщаетъ: „Какой я видѣлъ у Ѳеодотія, епископа Симбирскаго, образъ св. Ольги!—Чудо.—Древній, а древнихъ образовъ Ольги, кажется мало. А въ Казани, у В. И. Григоровича, поминанье съ Аѳонской горы XVI а можетъ и XV столѣтія, гдѣ вписано много великихъ князей и удѣльныхъ и не князей. А Васильевъ, китаецъ, говоритъ, что въ Китаѣ есть потомки Русскихъ, уведенныхъ Батыемъ, совершенно, разумѣется, окитаевшіеся, но сохранившіе Русскую печку, которую зовутъ пе-чи".

Одновременно съ открытіемъ въ Суздалѣ гроба князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ Нижнемъ - Новгородѣ, 26 февраля того же года, преосвященный Іеремія освятилъ въ соборной церкви придѣлъ Козьмы и Даміана, въ честь Козьмы Минина. „Придѣлъ", — свидѣтельствуетъ П. И. Мельниковъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину,—„устроенъ на лѣвой сторонѣ, т.-е. на той, гдѣ погребенъ Мининъ. Во время ярмарки будетъ освященъ придѣлъ Димитрія Солунскаго, въ честь князя Пожарскаго, съ правой стороны. Въ церковь приготовляютъ три иконы: Іакова епископа, празднуемаго 21 марта,—день выступленія рати Пожарскаго изъ Нижняго; Самуила пророка, 20 августа—день приступа къ

Москвѣ; Казанской Богородицы, 22 октября — день сдачи Москвы. Я приготовилъ надписи, которыя представлю вамъ въ Москвѣ". Въ томъ же письмѣ Мельниковъ сообщаетъ: Справочныя цѣны на хлѣбъ во время воззванія Минина: рубль за четверть. Монастыри платили на ополченіе князя Пожарскаго, который—хлѣбомъ, который—деньгами. А до того точно такой же былъ сборъ для ополченія князя Рѣпнина, что былъ подъ Москвою съ Ляпуновымъ" [64]).

XVI.

На Петербургской сценѣ имѣла большой успѣхъ драма Кукольника (изъ временъ Петра Великаго), подъ заглавіемъ *Денщикъ* и, по словамъ Булгарина, „оживила Русскую сцену, явно доказала любовь нашей публики къ народному, обнаружила Русскій патріотизмъ" [65]).

Одинъ изъ сотрудниковъ *Москвитянина* прочелъ Погодину слѣдующіе стихи изъ этой драмы, относящіеся къ Петру Великому:

Я видѣлъ, какъ великій анатомъ
Разсѣкъ Россіи *одряхлѣвшей* тѣло,
Перемѣнилъ въ ней внутренность *гнилую*,
Сложилъ ея *очищенные* члены,
Искусно всю *перевязалъ* порядкомъ,
За *уши* поднялъ на ноги поставилъ,
И *степь Московская, Китай Европы*,
За дивныя заслуги Государя,
Въ Имперію возведена соборнѣ!

Эти стихи до глубины души возмутили Погодина и онъ написалъ и напечаталъ: „Благоговѣя съ Кукольникомъ передъ великимъ преобразователемъ Россіи, я все-таки считаю долгомъ замѣтить: Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ старшій братъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, который уничтожилъ мѣстничество и основалъ Академію. Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ отецъ, царь Алексѣй Михайловичъ, который далъ *Уложеніе* и пріобрѣлъ Мало-

россію. Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ дѣдъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, который избавилъ отечество отъ Поляковъ и Шведовъ, самозванцевъ и измѣнниковъ. Господинъ Кукольникъ забылъ, что за двадцать пять лѣтъ предъ этимъ избраннымъ царемъ царствовалъ Иванъ Васильевичъ, который издалъ *Судебникъ*, и подарилъ Россіи: Казань, Астрахань и Сибирь. Господинъ Кукольникъ забылъ, что этотъ Иванъ Васильевичъ имѣлъ дѣдомъ другого Ивана Васильевича, который собралъ во едино Русскую землю: Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, землю Сѣверскую и даровалъ ей того двуглаваго орла, подъ сѣнію котораго мы теперь живемъ, есмы и движемся. Мнѣ цитовали еще стихи изъ драмы Кукольника:

Но если выбирать изъ двухъ невѣжествъ,
То лучше сгнить въ Татарской сторовѣ,
Задохнуться въ пуховикахъ отцовскихъ и пр.

Могу увѣрить господина Кукольника, что кромѣ этихъ двухъ невѣжествъ есть еще третье—не зная Отечественной Исторіи, произносить хулу надъ цѣлыми поколѣніями и періодами, въ которыхъ есть столько святого, мудраго, совершеннаго, что никому изъ насъ, сыновъ XIX столѣтія, не мѣшало бы, руководствуясь высокими примѣрами, справляться съ нашею стариною чаще, вдумываться поглубже въ ея завѣщанія и стараться объ употребленіи въ пользу ея священныхъ уроковъ“ [66]).

Статья эта возбудила сочувствіе многихъ. Незнакомый лично съ Погодинымъ, Н. Жеребцовъ писалъ ему (1 марта 1852): „Будучи однимъ изъ постоянныхъ подписчиковъ на почтенный журналъ, вами издаваемый, я вполнѣ сочувствую тому истинно полезному духу, которымъ проникнуты всѣ статьи въ немъ помѣщенныя по части Отечественной Исторіи; радуюсь успѣху ихъ, видимо проявляющемуся значительнымъ распространеніемъ въ обществѣ здоровыхъ сужденій о нашей славной старинѣ. Не всякому дано быть учителемъ. Но выражать сочувствіе никому невозбранно, и совершенное безмолвіе въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, даже вредно, ибо

лишаетъ учителя способа оцѣнить числительную силу своихъ единомышленниковъ. По этой причинѣ я не могъ отказать себѣ въ пріятной обязанности Русскаго человѣка, выразить вамъ искреннѣйшую благодарность за то глубокое умное слово, сказанное вами поэту, въ послѣдней февральской книжкѣ *Москвитянина*. Оно караетъ невѣжду, но, къ сожалѣнію, еще не по заслугамъ: дерзостныя выраженія поэта, заслуживали бы достойнѣйшаго бичеванія. Вы не наказали его за послѣдній стихъ, напечатанный въ первой цитатѣ *Москвитянина*, въ которомъ онъ ставитъ въ великую честь Россіи именоваться имперіею. Какъ будто титулъ царство ниже? Поэтъ не понимаетъ, что слово имперія чуждо Русскому народу, что царизмъ есть его вѣрованіе, что Царемъ небеснымъ Русскій народъ называетъ Бога—Царемъ, псалмопѣвцемъ—Давида, а Бѣлымъ царемъ—настоящаго своего владыку. Извините почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что не имѣвъ чести васъ знать лично, написалъ вамъ; но пеняйте на себя: вы коснулись живой струны Русскаго сердца и оно невольно отозвалось выраженіемъ истинной благодарности и глубокаго уваженія... Многіе изъ пріятелей моихъ, думая и чувствуя точно такъ же, какъ и я, хотѣли писать къ вамъ, но удержались въ опасеніи обременить васъ. За тѣмъ, прошу васъ принять письмо сіе, какъ выраженіе не моей только благодарности, а весьма многихъ“.

Не менѣе сочувственно писалъ къ Погодину и графъ Д. Н. Толстой: „Нѣсколько словъ вашихъ къ Кукольнику возбудило къ вамъ сочувствіе многихъ добрыхъ людей. Собрались писать къ вамъ благодарственное письмо, за подписью многихъ лицъ, но я удержалъ, опасаясь навлечь вамъ непріятности и вы получите его за подписью только одного лица. Если я сдѣлалъ дурно и вамъ не угодилъ, скажите мнѣ прямо и письмо сейчасъ пойдетъ...“

Не безъ удовольствія Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 6 марта 1852 года: „Письма благодарственныя изъ Петербурга за Кукольника“.

Когда эта статья Погодина приготовлялась къ печати, любящій Погодина А. А. Григорьевъ писалъ ему: „Если вы вѣрите иногда въ темныя предчувствія души, то умоляю васъ исключить выходку противъ *Денщика*. Я боюсь со стороны нашихъ литературныхъ враговъ всего на свѣтѣ. Протестъ весьма благороденъ, но опасенъ. Вспомните Телеграфъ и *Руку Всевышняго* *). Дѣло наше идетъ — но осторожность не мѣшаетъ, иногда даже излишняя. Ради Бога уступите въ этомъ случаѣ моему внутреннему голосу. Вѣдь мы—не западные рыцари съ правиломъ: pereat mundus fiat justicia! *Все* успѣемъ сказать въ свое время и въ своемъ мѣстѣ! Мнѣ не даетъ покою эта мысль; мнѣ—человѣку, какъ вамъ извѣстно, не отличающемуся осмотрительностью... Вспомните слова писанія: *Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія*" [67]).

Предчувствіе Григорьева оправдалось. Въ *Пчелѣ*, Булгаринъ напалъ на Погодина, и за Гоголя, и за Кукольника [68]). Погодинъ отвѣчалъ вмѣстѣ, и на то, и на другое. „Г. Булгаринъ" — писалъ онъ,— „напечаталъ двѣ статьи противъ меня. Считаю нужнымъ отвѣчать на его обвиненія. Первая статья относится къ стихамъ Кукольника о Древней Россіи. „Отъ поэта не должно требовать",—говоритъ г. Булгаринъ.— „такой точности, какъ отъ историка, въ описаніи происшествій". Точность имѣетъ разныя степени, равно какъ и происшествія бываютъ совершенно разныхъ родовъ. О *Гамлетѣ*, *Макбетѣ* и *Эдипѣ* вы можете говорить, что угодно, но въ предметѣ Отечественной Исторіи, предметѣ слишкомъ близкомъ къ сердцу зрителя, всякія уклоненія, личныя мнѣнія, еще болѣе обвиненія, осужденія, по моему мнѣнію, непозволительны.

„Н. В. Кукольникъ разсматривалъ въ свой піитическій „телескопъ только *солнце*, и не видалъ *въ эту минуту* дру„гихъ свѣтилъ." Ни слова не сказалъ бы я противъ г. Ку-

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, кн. IV, Спб. 1891, стр. 226.

кольника, еслибъ онъ говорилъ только о солнцѣ, но за что же *обругалъ* онъ прочія свѣтила?

Далѣе, г. Булгаринъ оправдываетъ стихи г. Кукольника о дряхлости, гніеніи, перевязяхъ и ушахъ (вотъ слова его: „Н. В. Кукольникъ изобразилъ Россію *до* Петра Великаго картинно или метафорою, и изобразилъ справедливо"), и приводитъ свидѣтельства лѣтописей о развращеніи нравовъ со временъ царя Іоанна Васильевича IV. Г. Булгаринъ забылъ, скажу теперь ему въ его очередь, между духовными: Гермогена, Іоасафа, Діонисія, Палицына... Г. Булгаринъ забылъ, между боярами: Пожарскаго, Шеина, Скопина, Ляпунова... Г. Булгаринъ забылъ, между простолюдинами: Минина, Сусанина, всѣхъ Нижегородцевъ и проч. и проч. Вотъ какія имена возсіяли на небѣ Русской Исторіи въ эпоху, осужденную г. Булгаринымъ, и они сторицею вознаграждаютъ насъ за тѣхъ негодяевъ, которые были, есть и будутъ, всегда и вездѣ, и о которыхъ я нисколько не буду спорить съ г. Булгаринымъ, принимая всѣ его свидѣтельства.

„Для прежней Россіи страшны были всѣ сосѣди, и Шведы, и Поляки, и Крымскіе Татары, и Турки",—говоритъ г. Булгаринъ. Опять одностороннія и неосновательныя положенія: Шведовъ поучилъ порядкомъ еще Александръ Невскій, Поляки едва спаслись при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и если съ Золотой Ордой какъ-нибудь могла справиться старая Русь, то Крымскіе Татары не могли причинять ей слишкомъ много страха.

„Какими примѣрами совѣтуетъ намъ руководствоваться „М. П. Погодинъ?" — продолжаетъ г. Булгаринъ. Отвѣчаю — тѣми, которые исчислилъ я выше, и къ которымъ могу присоединить сколько ему угодно, начиная съ Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, Преподобнаго Сергія... Хотите ли современниковъ Іоанна Грознаго? Сильвестръ, Адашевъ... Да Шереметевъ, Долгорукій, Голицыны, Рѣпнинъ, развѣ не принадлежатъ старой Россіи, осужденной г. Кукольникомъ старой Россіи, которая доста-

вила Петру I всѣ средства и всѣ силы для великихъ его преобразованій!

„Какіе уроки, заключаетъ г. Булгаринъ, велитъ онъ брать изъ завѣщаній старины до Петра I?“ Вотъ какіе, — употреблю ея выраженія, — умирать за домъ Пресвятой Богородицы, матушку святую Русь и за царя православнаго, какъ умирали наши дѣды на Куликовѣ полѣ, подъ Казанью и въ Москвѣ, служить отечеству вѣрой и правдой, терпѣливо сносить всякія насылаемыя Богомъ бѣдствія... Но г. Булгаринъ самъ въ заключеніи исчислилъ многія древнія добродѣтели (къ которымъ за невниманіе я и позволилъ себѣ извѣстную, можетъ быть слишкомъ горячую, извиняюсь, выходку противъ г. Кукольника), и оправдалъ меня наконецъ слѣдующими словами:

„М. П. Погодинъ могъ критиковать картину Россіи, если она ему не нравилась, но не мысль поэта, которая совершенно справедлива“. Я долженъ замѣтить только г. Булгарину, что до мысли г. Кукольника я не касался, не видавъ и не читавъ его піесы, а говорилъ только о десяти стихахъ, которые были мной приведены. Замѣчанія корректурныя дѣльнѣе историческихъ: я не употребилъ бы самъ въ какомъ-нибудь сочиненіи, ни „цитовать“, ни „имѣлъ дѣдомъ“, но на летучій листокъ, виноватъ, онѣ сорвались съ языка. Впрочемъ, г. корректоръ гораздо лучше сдѣлалъ бы, еслибъ исправилъ въ моихъ словахъ ошибку, собственно принадлежащую къ его обязанности, и напечаталъ бы вмѣсто академій Академію, т.-е. Словено-Греко-Латинскую (основанную царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ). За чистоту и правильность Русскаго языка я уважаю *Сѣверную Пчелу*, но зачѣмъ она распространяетъ предѣлы этого языка далѣе восьми частей рѣчи и синтаксиса!“ [69]).

Подъ 20 апрѣля 1852 года, А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Погодина велѣно отдать подъ надзоръ полиціи за статью, напечатанную въ *Москвитянинѣ* на пьесу Кукольника *Денщикъ*, и за то еще, что онъ выпустилъ пятый нумеръ своего журнала съ чернымъ бордюромъ на обложкѣ,

по случаю смерти Гоголя. А. Булгаринъ тѣмъ временемъ въ *Пчелѣ* такъ и колотитъ лежачихъ: Гоголя, Тургенева, Погодина. Послѣдняя статья Булгарина, въ субботнемъ фельетонѣ *Сѣверной Пчелы*, возбудила всеобщее омерзѣніе. Въ ней что ни строка, то доносъ“ [70]).

Въ то время, когда Погодина за Кукольника и Булгарина чуть не засадили въ полицію, къ нему обращается актриса Синецкая съ слѣдующею просьбою: Простите меня, что безпокою васъ моею просьбою. Вы нѣкогда были такъ добры, что ходатайствовали за меня у Александра Сергѣевича Пушкина, на счетъ піесы Цыгане, и я получила успѣхъ. Не можете ли вы и теперь помочь мнѣ вашимъ словомъ. Несторъ Васильевичъ Кукольникъ написалъ драму: *Денщикъ*, въ пяти актахъ; я прошу ее въ мой бенефисъ;—не можете ли замолвить словечко за театральную ветеранку и круглую сироту; ужасно женщинѣ хлопотать на счетъ бенефисныхъ піесъ“.

XVII.

Родословіе, познаніе родственныхъ связей, Погодинъ признавалъ однимъ изъ главныхъ пособій Исторіи.

„Родство“,—писалъ онъ,—„играетъ и играло всегда значительную роль. У насъ мало обращалось вниманія на него въ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ новой Исторіи. Свѣдѣнія даже собирать бываетъ трудно. Въ послѣднее время принялись за нашу дворянскую генеалогію, и имена Бороздина, князя Долгорукаго, Головина, князя Оболенскаго, должно назвать съ благодарностью. На дняхъ мнѣ случилось узнать, среди различныхъ историческихъ розысканій, объ одномъ родствѣ, которое вѣрно занимательно будетъ и для читателей *Москвитянина*, потому что въ этомъ родствѣ услышатъ они имена Потемкина, Ломоносова, Раевскаго, Ермолова, Давыдова, Орлова, а именно: У Потемкина были двѣ сестры, одна была въ замужествѣ за Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ

меръ сенаторомъ). У нихъ остались сынъ и дочь. Сынъ лександръ Николаевичъ (родной племянникъ Потемкина), впоѣдствіи графъ и генералъ прокуроръ. Дочь Екатерина Николаевна была въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, и имѣла отъ сего рака сына Николая—знаменитаго героя войны 1812 года, ѣдовательно, Раевскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемина. Раевскій былъ женатъ на Константиновой, внукѣ *Ломоосова*, и имѣлъ двухъ сыновъ, съ которыми бросался впередъ ь одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, дочь, въ замужествѣ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. о второмъ бракѣ, Екатерина Николаевна Раевская – за енералъ-маіоромъ Львомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, отъ отораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ рафинь Орловыхъ. Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру Марью енисовну, мать славнаго Ермолова, Алексѣя Петровича, и рата Василія Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, оэтъ - партизанъ, слѣдовательно, двоюродный братъ Ермоову. Мать Раевскаго была за роднымъ дядей Ермолова. По ей Ермоловъ былъ въ свойствѣ и съ ея братомъ, т.-е. енералъ-прокуроромъ Самойловымъ, въ домѣ котораго и илъ въ Петербургѣ, при началѣ своей службы, въ царствоаніе императрицы Екатерины II.

Вторая сестра Потемкина была за Энгельгардтомъ. Ея очери, т.-е. родныя племянницы Потемкина, были: 1) за рафомъ Браницкимъ; 2) за княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ олицынымъ; 3) за Шепелевымъ; 4) за графомъ Скавронскимъ;) за Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, и во второмъ ракѣ за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, — кончалась недавно въ глубокой старости.

Потемкинъ имѣлъ еще дальнихъ родственниковъ Потемкиыхъ же: Михаила Сергѣевича, женатаго на его племянницѣ; авла Сергѣевича, возведеннаго въ графское достоинство, и етра Сергѣевича. Приглашаю любителей генеалогіи сообщать одобныя извѣстія“ [71]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ поддерживаетъ дружескія сно-

шенія съ извѣстнымъ родословомъ княземъ П. В. Долгоруковымъ, и тотъ познакомилъ его съ драгоцѣннымъ архивомъ князя М. Ѳ. Голицына. 12 февраля 1852 года, князь Долгоруковъ писалъ Погодину: „У князя Михаила Ѳедоровича Голицына хранятся оригинальныя письма Петра I, Екатерины I, царицы Прасковьи Ѳедоровны, императрицы Анны, царевенъ Екатерины и Прасковьи Іоанновенъ и царевича Алексѣя Петровича къ пра-пра-бабкѣ его княжнѣ Анастасіи Петровнѣ Голицыной (одной изъ первыхъ, имѣвшихъ портретъ статсъ-дамы), и къ ея отцу боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому. Князь М. Ѳ. Голицынъ съ удовольствіемъ соглашается на напечатаніе писемъ этихъ въ *Москвитянинѣ* съ тѣмъ, разумѣется, чтобы копіи съ этихъ писемъ сняты были у него на дому присланнымъ отъ васъ копіистомъ, и ему будетъ весьма пріятно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы имѣть честь завести съ вами знакомство. Князь Михайло Ѳедоровичъ Голицынъ (Звенигородскій уѣздный предводитель), живетъ на Покровкѣ, у Покровскихъ воротъ, въ своемъ домѣ. Застать его можно всегда часовъ въ 11 утра, кромѣ пятницъ и воскресеній“ [72]).

Кромѣ того, князь П. В. Долгоруковъ обогощаетъ отдѣлъ Историческихъ Матеріаловъ въ *Москвитянинѣ* грамотами временъ царей Михаила, Алексѣя, Іоанна и Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Долгоруковъ доставилъ Погодину: *Экстрактъ, составленный въ Новосильской воеводской канцеляріи изъ производившагося тамъ подлиннаго дѣла о происшедшемъ, въ августѣ 1768 года, сраженіи между крестьянами села Теплаго съ крестьянами села Богословскаго*. Экстрактъ этотъ хранился въ вотчиной конторѣ села Богословскаго, Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи, принадлежавшаго князю П. В. Долгорукову“ [73]).

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета М. М. Стасюлевичъ сообщаетъ Погодину свою археологическую находку, содержащую въ себѣ Родословіе Князей Мышецкихъ.

„Нынѣшнее лѣто“,—писалъ онъ (20 сентября 1852),—„я провелъ въ деревнѣ и сдѣлалъ археологическую находку въ

избѣ одного крестьянина. Между образами въ его божницѣ находилось Родословное Древо Князей Мышецкихъ, съ приложеніемъ внизу біографическаго очерка лицъ этого дома. Я изслѣдовалъ, насколько умѣлъ, эту древность и заключилъ, что содержаніе ея относится къ началу XVI стол. Сама родословная состоитъ изъ портретовъ, писанныхъ рукою и разкрашенныхъ. Важно то, что нѣкоторые намеки бросаютъ другой свѣтъ на иные вопросы нашей старины. Если вы найдете сколько-нибудь интересною подобную находку, то я вамъ перешлю ее въ оригиналѣ въ Москву.

Вотъ списокъ съ Родословнаго Древа:

1530 г. . . . . . Борисъ Александровичъ Мышетскій.
Кн. Области Новгород. (?)

1565 г. . . . . Іоаннъ

1600 г. . . . . Евстафій Порфирій

1635 г. . . . . Іаковъ Діонисій

1670 г. . . . . Прокофій Іоаннъ Семенъ Андрей Соломонія

1705 г. . . . . . . Татьяна Февронья Петръ

1735 г. . . . . Мавуйла

Въ подлинникѣ родословная составлена, наоборотъ, т.-е. родоначальникъ внизу, а его потомство идетъ отъ него вверхъ, на подобіе вѣтвей дерева“.

Извѣстный путешественникъ Анатолій Николаевичъ Демидовъ князь Санъ-Донато просилъ г. Поаре войти въ сношеніе съ его двоюроднымъ братомъ Павломъ Демидовымъ, а также съ профессорами *Фишеромъ* и *Погодинымъ*, для доставленія ему слѣдующихъ свѣдѣній. *Во-первыхъ*, существуютъ ли какія-либо сочиненія Демидовыхъ о какомъ бы то ни было предметѣ и на какомъ бы то ни было языкѣ? Самъ А. Н. Демидовъ знаетъ только два такихъ сочиненія: 1) Никиты Акинфьевича Демидова, книгу подъ заглавіемъ: *Журналъ путешествія Н. А. Демидова, статскаго совѣтника и кавалера ордена св. Станислава, за границу, со дня его отъѣзда изъ Петербурга, 17 марта 1772 года, до возвращенія въ Россію, 22 ноября 1772* (на Русскомъ языкѣ). Москва,

1786. 2) Павла Григорьевича Демидова, ученаго наблюдателя и коллектора, опубликовавшаго сочиненіе въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: *Систематическій Каталогъ книгъ библіотеки Павла Демидова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кавалера ордена Владиміра первой степени и пр. пр., составленный по его библіографической системѣ.* Съ предисловіемъ профессора Фишера (на Французскомъ языкѣ). Москва. 1806 г. *Во-вторыхъ*, А. Н. Демидовъ желалъ бы получить подробныя, оффиціальныя свѣдѣнія о всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ Россійской Имперіи, основанныхъ кѣмъ-либо изъ Демидовыхъ. За все за это А. Н. Демидовъ обѣщаетъ тѣмъ лицамъ, которыя бы занялись этимъ, приличное вознагражденіе, но при этомъ требуетъ, чтобы эти лица ограничились простымъ перечисленіемъ означенныхъ учрежденій въ Россіи и заграницей, предоставляя себѣ право обработки этого матерьяла.

Исполняя это порученіе А. Н. Демидова, Поаре обратился къ Погодину съ просьбою о доставленіи ему вышеозначенныхъ свѣдѣній. При этомъ Поаре выражаетъ увѣренность, что глубокія познанія и высокое положеніе Погодина даютъ ему возможность „легко произвести тѣ изысканія, которыя въ такой высокой степени интересуютъ семейство Демидовыхъ, и въ особенности Анатолія Николаевича".

Вслѣдъ за симъ, А. Н. Демидовъ, изъ Санъ-Доната, отнесся непосредственно къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ (26 марта 1852): „Обращаюсь къ вамъ съ просьбою объ оказаніи мнѣ ученаго вашего содѣйствія по дѣлу, для меня весьма интересному. Приводя въ порядокъ всѣ документы и свѣдѣнія, касающіеся до *Рода Демидовыхъ*, я не нахожу никакихъ извѣстій объ ученой и литературной дѣятельности лицъ моего рода, исключая двухъ сочиненій, находящихся у меня. Однако же, я имѣю причины предполагать, что и другими членами рода Демидовыхъ изданы были въ свѣтъ другія еще сочиненія, кромѣ вышеупомянутыхъ. Я не сомнѣваюсь, что посреди прекрасныхъ и многополезныхъ занятій

вашихъ всѣмъ отечественнымъ, вашего вниманія не могли избѣжать и произведенія, о которыхъ я желалъ бы теперь имѣть свѣдѣнія, и которыя, быть можетъ, послужатъ немаловажными документами и украшеніями для исторіи моихъ предковъ или софамильниковъ. Сверхъ того, такъ какъ вамъ доступны и постоянно служили вашимъ ученымъ розысканіямъ и занятіямъ архивные разнообразнѣйшіе документы, я прошу васъ сообщить мнѣ, вмѣстѣ съ предыдущими свѣдѣніями, извѣстія, какія только вы могли встрѣтить, о всѣхъ богоугодныхъ и общеполезныхъ устройствахъ и заведеніяхъ, которыя обязаны своимъ началомъ кому бы то ни было изъ фамиліи Демидовыхъ. Какъ первыя, такъ и послѣднія свѣдѣнія не только доставятъ мнѣ много удовольствія, — они еще мнѣ и необходимы для Исторіи Демидовыхъ, для которой я собираю теперь матеріалы и которая, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, связана съ исторіею нашего отечества". Въ томъ же письмѣ А. Н. Демидовъ сообщаетъ Погодину, что онъ отправляется „въ непродолжительномъ времени въ Петербургъ".

Предложеніе Демидова пришлось по душѣ Погодину, ибо онъ постоянно питалъ уваженіе къ этой фамиліи, и въ одной изъ своихъ перекличекъ восклицалъ: „А Русскіе богачи, которые гораздо щедрѣе Девонشировъ и Норфольковъ, наши Голицыны, Шереметевы, Орловы, Яковлевы, Бекетовы— не говоря уже объ имени священномъ въ лѣтописяхъ Русскаго Просвѣщенія, объ *имени Демидовыхъ* *).

Въ маѣ 1852 года, мы видимъ А. Н. Демидова въ Москвѣ, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма Поаре къ Погодину (31 мая 1852): „Я поспѣшилъ передать въ собственныя руки А. Н. Демидова письмо, адрессованное вами ему черезъ мое посредство. Г. Демидовъ поручилъ мнѣ благодарить васъ и передать вамъ, что состояніе здоровья его не позволяетъ ему, въ настоящее время, посѣтить васъ и осмотрѣть всѣ ваши богатыя и интересныя коллекціи. Но что впослѣдствіи онъ не преминетъ доставить себѣ это удовольствіе".

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1894. IV, 66.

Но, кажется, дѣло и ограничилось только этою перепискою.

Мы уже знаемъ, что проживавшій въ Москвѣ, бывшій начальникъ Тайной Полиціи временъ министра Александра Дмитріевича Балашова, Яковъ Ивановичъ Де-Санглен, служилъ для Погодина живымъ источникомъ, изъ котораго онъ почерпалъ свѣдѣнія о новой Исторіи. 1 марта 1852 года, Де-Санглень писалъ Погодину: „Имя Петра Великаго занимаетъ такое высокое мѣсто и такъ тѣсно соединено съ Исторіею той эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣятелемъ былъ, что оно затмеваетъ все, въ то время его окружавшее. Направленіе, данное имъ своему народу на двѣсти и болѣе лѣтъ впередъ, заставило, кажется, Сегюра сказать: „Россія и нынѣ дышетъ жизнью Петровой!“ — Дѣйствительно, великія событія, явившіяся и при великихъ предшественникахъ его, какъ бы отдалены отъ насъ ни были, продолжаютъ совершаться въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. И въ наше время имя Петра Великаго приводитъ и будетъ приводить въ восторгъ каждое Русское сердце. Мы дорожимъ всякимъ, оставшимся послѣ него предметомъ, напоминающимъ намъ его обширные планы и всеобъемлющую его дѣятельность. Мы дорожимъ почеркомъ руки его. Это возбудило во мнѣ желаніе сообщить публикѣ, сильно участвующей во всемъ, что касается до Петра Великаго, отчасти оригинальныя, отчасти рукою его подписанныя письма къ бригадиру Өедору Николаевичу Балкъ, которыя послужить могутъ пополненіемъ къ Военной Исторіи того времени. Фамилія Балкъ происходитъ отъ древняго Германскаго рода фонъ-Балкенъ; нѣкоторые изъ членовъ сей фамиліи съ давнихъ временъ поселились въ Ливоніи. Основателемъ оной въ Россіи былъ Николай Николаевичъ Балкъ, вступившій въ нашу службу въ 1653 году. Онъ находился во многихъ походахъ и жалованъ былъ чинами. Извѣстнѣе сдѣлался сынъ его, Өедоръ Николаевичъ Балкъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ противъ Карла XII. За взятіе въ Курляндіи замка

Бауска, произведенъ въ бригадиры, а за взятіе приступомъ города Эльбинга, наградилъ его Петръ своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, и назначилъ его комендантомъ взятаго имъ города Эльбинга. Онъ умеръ въ званіи генералъ-лейтенанта и Московскаго губернатора, въ 1739 году. У него было два сына, Павелъ и Петръ. Первый женился на Марьѣ Ѳедоровнѣ Полевой, послѣдней въ своемъ родѣ, и съ соизволенія Петра Великаго онъ и родъ его сталъ именоваться *Балкъ-Полевымъ*. У Павла былъ сынъ Ѳедоръ. Сынъ его Петръ Ѳедоровичъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, камеръгеромъ и посланникомъ при Дворѣ Бразильскомъ. Дочь его, Евгенія Петровна, нынѣ въ замужествѣ за отставнымъ г. ротмистромъ Николаемъ Васильевичемъ Левенецъ, сыномъ извѣстнаго доблестями своими и недавно умершаго генералъ-майора Василья Михайловича Левенецъ. Евгенія Петровна съ достодолжнымъ благоговѣніемъ сохранила представляемыя здѣсь въ копіи драгоцѣнные эти документы. Супругъ ея довѣрилъ мнѣ сіи письма, съ позволеніемъ предать ихъ тисненію, что я исполняю съ величайшимъ удовольствіемъ, препровождая всѣ эти письма къ вамъ, съ просьбою помѣстить ихъ въ вашемъ *Москвитянинѣ*, журналѣ, посвященномъ всему историческо-отечественному. Письма эти начинаются съ 1711 года и продолжаются по 1713, всѣ на имя бригадира Балка" [74]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Де-Сангленъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* свои любопытныя *Воспоминанія во время прогулки по Московскимъ улицамъ*. Въ этихъ воспоминаніяхъ, онъ между прочимъ пишетъ: „Вижу знакомый деревянный домъ (на Дѣвичьемъ полѣ); какъ не поговорить о его хозяинѣ, о которомъ вспомнить нельзя, не приведя себѣ на память и драгоцѣнный его музей Россійскихъ древностей. Здѣсь хранятся вѣковыя рукописи, Славянскія книги, автографы знаменитѣйшихъ мужей, старинныя иконы, кресты, панагіи, разныя утвари, объясняющія намъ домашнюю и общественную жизнь Русскаго народа. Все это любопытно, занимательно для знатока и любителя" [75]).

XVIII.

Намъ многократно приходилось указывать на благородное стремленіе Погодина поддерживать, поощрять, ободрять тѣхъ скромныхъ трудолюбцевъ, которые въ тиши и неизвѣстности трудились на *благое просвѣщеніе.*

Прочитавъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* одно изслѣдованіе о Новгородскихъ лѣтописяхъ, подписанное неизвѣстнымъ ему дотолѣ именемъ Прозоровскаго, Погодинъ тотчасъ же записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 28 августа 1852 года, слѣдующее: „Съ великимъ удовольствіемъ прочелъ изслѣдованіе какого-то Прозоровскаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Обрадовался и написалъ запросы Сербиновичу объ авторѣ“.

Вскорѣ послѣ того, самъ авторъ написалъ Погодину (20 сент. 1852) любопытное автобіографическое письмо: „*Редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*“, — писалъ онъ, — „увѣдомила меня объ отзывѣ вашемъ, которымъ вы удостоили мою статью: *Кто былъ первымъ* писателемъ *первой* (т.-е. синодальной) *Новгородской лѣтописи?* Лестный этотъ отзывъ и изъявленное вами участіе ко мнѣ налагаютъ на меня пріятнѣйшую обязанность сердечно благодарить васъ за незаслуженное мною вниманіе, тѣмъ болѣе для меня драгоцѣнное, что я всегда уважалъ вашу особу и ваши труды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нахожусь въ необходимости открыть вамъ то, о чемъ знаютъ немногіе и что я скрываю отъ прочихъ, какъ поводъ къ сомнѣнію въ правдивости моихъ трудовъ: ибо наша братья выскочки вообще мало пользовались правами ученыхъ. Еслибы пренебреженіе ограничивалось одною личностью такихъ выскочекъ—нужды нѣтъ, а то горько, что и труды, каковы бы они ни были, подвергаются тому же, и весьма часто. Я принадлежу къ числу такъ называемыхъ самоучекъ; учился въ школѣ при Гимназіи только

до девятилѣтняго возраста; родители мои не имѣли никакихъ средствъ дать мнѣ образованіе; съ тринадцати лѣтъ я началъ ходить въ одинъ изъ здѣшнихъ департаментовъ; четырнадцати поступилъ на службу; слишкомъ десять лѣтъ былъ писцомъ, и вотъ исходитъ восемнадцатый годъ моей службы. Но то, что, по премудрому устроенію Божію, должно было совершиться, совершилось само собою. Каждый человѣкъ при рожденіи получаетъ какое-либо особенное дарованіе, какую-либо исключительную способность, которая съ возрастомъ обнаруживается невѣдомымъ влеченіемъ къ особеннымъ занятіямъ, сначала имѣющимъ видъ школьныхъ разсужденій, а потомъ, по мѣрѣ увеличенія свѣдѣній и опыта,—расширяющимся, упорядочивающимся и побуждающимъ идти по протоптанной тропинкѣ все далѣе и далѣе. Безъ всякаго сомнѣнія, склонность къ литературѣ врожденная и во мнѣ; съ малыхъ лѣтъ, я любилъ читать книги, что̀ однакоже не мѣшало мнѣ подвергаться въ училищѣ наказаніямъ по крайней мѣрѣ по три раза въ недѣлю, за *лѣность*. Съ десяти лѣтъ я уже пораженъ былъ страстью къ чтенію; разумѣется, чтеніе это не переходило за границы легкаго, но я съ наслажденіемъ прочиталъ нѣсколько разъ переводы древнихъ Греческихъ поэтовъ. Пятнадцати лѣтъ я остался въ Петербургѣ одинъ, и тогда мнѣ открылась возможность записаться, вмѣстѣ съ однимъ изъ сослуживцевъ, въ библіотеку Смирдина, которую я пожиралъ года три; въ департаментъ ходилъ не иначе какъ съ книгою; ночи просиживалъ за книгами; я не довольствовался чтеніемъ: цѣлыя статьи—отъ легкихъ до философскихъ—выписывалъ, прибавляя къ нимъ свои замѣчанія или излагая своимъ образомъ. Лѣтъ девятнадцати я сдѣлалъ первую попытку *сочинить* что нибудь; за первою слѣдовала другая, третья и т. д.; потомъ принялся за стихи—и опять просиживалъ ночи, выдумывая одну или двѣ рифмы, и года въ четыре такимъ образомъ выдавилъ изъ себя безтолковую поэму, стиховъ во сто. Все это, конечно, пошло̀ въ печь, точно также какъ и философскія попытки. Въ началѣ 1842 года,

я рѣшился послать статейку въ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ, подписавъ ее псевдонимомъ; ее напечатали. Тогда мнѣ открылось широкое поле; до тѣхъ поръ я съ трудомъ доставалъ книги; отселѣ имѣлъ даромъ ученый журналъ и могъ пользоваться библіотекою редактора. Предѣлы журнальной смѣси показались мнѣ тѣсными; я перешелъ въ отдѣлъ словесности: черезъ нѣсколько времени количество свѣдѣній и опыта ввели меня въ отдѣлы наукъ и критики. Журналъ этотъ былъ—*Маякъ*; мой псевдонимъ Ѳ. Костыга. Не разъ я покушался представить вамъ одну изъ статей моихъ; но... плохи финансы тогда были. Не имѣя же уваженія къ здѣшнимъ вольномыслящимъ журналистамъ, я печаталъ статьи (болѣе рецензіи) въ *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, съ подписью Д. П.,—и это по прекращеніи *Маяка*. Между прочимъ, въ газетѣ (1847) помѣстилъ отрывки изъ составленнаго мною *Обзора древней Русской гражданской службы*. Особенно я обязанъ г. Бурачку, который научилъ меня мышленію, указалъ способы къ отысканію истинъ и, словомъ, побудилъ меня углубляться въ предметы, а не скользить по ихъ поверхности. Вотъ вся исторія моего образованія, бѣднаго содержаніемъ, но пріобрѣтеннаго цѣною здоровья и успѣховъ по службѣ. Изъ всего сказаннаго вы изволите усмотрѣть, что я не могъ быть подъ чьимъ либо исключительнымъ вліяніемъ, и не принадлежу ни къ какой исторической школѣ, а только слѣжу, сколько для меня возможно, за ходомъ историческихъ работъ, какъ посторонній зритель, и что замѣчу, о томъ считаю долгомъ сообщить ученому свѣту, въ видѣ простого указанія, наведенія, а отнюдь не въ видѣ спора. Спорить я не могу по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не знаю чужихъ языковъ; но положивъ, что, умѣя читать, я, съ помощію словарей и грамматики, выразумѣлъ бы смыслъ нужныхъ мнѣ иностранныхъ сочиненій; за то вторая—невозможность обзавестись необходимыми книжными пособіями и посѣщать Публичную Библіотеку—полагаетъ рѣшительную преграду моей ретивости.

Итакъ, я собираю по зернышку свѣдѣнія и принужденъ былъ возиться съ *Обзоромъ службы* болѣе шести лѣтъ. Все это я счелъ долгомъ высказать вамъ, въ надеждѣ *), что вы примете мою исповѣдь съ христіанскою снисходительностію, что ваше Русское чувство встрѣтитъ труды самоучки не съ тѣмъ презрѣніемъ, коимъ нѣкогда Нѣмцы-академики встрѣтили незабвеннаго Кулибина, столько милаго, славнаго и полунесчастнаго. Ваша доброта даетъ мнѣ смѣлость ожидать отъ васъ не суроваго суда, но благодушнаго руководства, котораго я доселѣ былъ лишенъ на археологическомъ поприщѣ, и въ заключеніе просить о томъ, чтобы исповѣдь моя, извѣстная прежде двоимъ постороннимъ лицамъ, а нынѣ троимъ, осталась тайною для всѣхъ прочихъ. Кому какая надобность до путей, которыми Богъ меня ведетъ и велъ по тропинкѣ жизни? Я не многихъ почитаю имѣющими право на завѣтныя мои тайны, и ввѣряю ихъ людямъ, къ которымъ лежитъ мое сердце. Простите, ради Бога, моей болтовнѣ, отнявшей у васъ столько времени! Но она еще не кончена; еще осмѣливаюсь прибавить кое-что. Выше сказалъ, что у меня составленъ „*Обзоръ древней гражданской службы*;“ онъ составляетъ до двухсотъ, если не болѣе, письменныхъ листовъ убористаго письма и раздѣленъ на три части: въ первой описаны собственно чины до XVIII вѣка и исчислены Приказы, также объяснены обязанности каждой должности; во второй—изображены способы содержанія чиновниковъ; въ третьей — общія принадлежности службы, какъ-то: порядокъ опредѣленія и увольненія, повинности, отличія, награды, заслуги, проступки, наказанія и проч. Кромѣ сего *Обзора*, я составилъ *Обозрѣніе древней нашей Метрологіи*, въ которой старался вывести, сколько можно, точное понятіе о мѣрахъ, посредствомъ аналогіи ихъ съ современными иностранными и нынѣшними нашими мѣрами, на основаніи указаній въ актахъ и лѣтописяхъ. О сихъ двухъ книгахъ (кои требуютъ еще исправленія), я

*) А также и въ отвѣтъ на обыкновенный при первой встрѣчѣ вопросъ: „гдѣ вы воспитывались и у кого слушали Русскую Исторію?“

писалъ въ маѣ сего года къ г. секретарю Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, обѣщая представить: первую къ концу года, а послѣднюю—въ настоящей трети. Теперь же, удостоившись вашего расположенія, смѣю всепокорнѣйше просить вашего посредства между мною и Обществомъ и позволенія представить означенные труды на ваше усмотрѣніе".

Въ Москвѣ жилъ, трудился и бѣдствовалъ почтенный ученый Мстиславскій. Погодинъ и ему простираетъ руку помощи. 20 января 1852 года, онъ пишетъ о своемъ бѣдномъ собратѣ, къ графу Д. Н. Блудову, слѣдующее: „Честь имѣю представить вашему сіятельству копію съ *Судебника*, которую вамъ угодно было имѣть. Писалъ ее, съ подборомъ варіантовъ, титулярный совѣтникъ Мстиславскій, бывшій кандидатъ нашего Университета, тотъ самый, о которомъ я просилъ ваше сіятельство въ Порѣчьѣ. Онъ желаетъ всего болѣе принять участіе въ вашихъ историческихъ изданіяхъ, въ Петербургѣ или Москвѣ. Вы окажете истинное благодѣяніе молодому, достойному человѣку, доставивъ ему случай вступить въ службу именно по его склонности".

Возвратившись изъ Петербурга, Мстиславскій писалъ Погодину: „Освободившись нѣсколько отъ болѣзни, полученной мною на желѣзномъ пути изъ Петербурга—отъ долгаго стоянія среди поля, спѣшу исполнить долгъ мой извѣстить васъ о послѣдствіяхъ свиданія моего съ особами, къ которымъ имѣлъ я отъ васъ письма. А. В. Веневитиновъ, у котораго былъ я раза четыре, сказалъ мнѣ, при отъѣздѣ моемъ, что онъ въ столь короткое время ничего не успѣлъ сдѣлать для меня, потому что былъ у министра всего одинъ разъ и то когда представлялся ему и потому не могъ говорить съ нимъ обо мнѣ; обѣщалъ, впрочемъ, свое содѣйствіе и присовокупилъ, что если удастся ему что либо выхлопотать для меня, то будетъ писать къ вамъ, при чемъ поручилъ мнѣ передать вамъ поклонъ его. Его превосходительство г. Сербиновичъ, не сказалъ даже и этого. Я былъ у него всего одинъ разъ

и наше свиданіе кончилось ничѣмъ. Впрочемъ, я тутъ виноватъ самъ. Прочитавъ письмо ваше, онъ сначала какъ будто выразилъ нѣкоторую готовность принять участіе въ моемъ дѣлѣ и сталъ было говорить о службѣ подъ вѣдомствомъ г. оберъ-прокурора Св. Синода; но потомъ, когда я имѣлъ неосторожность сказать, что оставилъ прежнюю службу по неудовольствію съ бывшимъ вице-губернаторомъ, то мнѣ показалось, что онъ какъ будто выжидалъ этого случая, чтобы сказать, что онъ не можетъ ничего обѣщать мнѣ. На томъ мы и разстались. Слѣдовательно, успѣха нѣтъ пока никакого, если не поможетъ мнѣ ваше личное содѣйствіе. При этомъ не могу не сказать, что въ замѣнъ вышеозначенныхъ неудачъ, мнѣ посчастливилось познакомиться съ Н. И. Надеждинымъ и представить ему статью мою о *Русской Правдѣ*. Статья эта, какъ недавно узналъ я отъ одного изъ знакомыхъ моихъ, пріѣхавшаго изъ Петербурга, заслужила нѣкоторое одобреніе отъ его превосходительства, обѣщавшаго мнѣ свое покровительство. Я васъ прошу всепокорнѣйше, подкрѣпить дѣло мое, существующее пока въ одномъ предположеніи, вашимъ добрымъ словомъ обо мнѣ и попросить бывшаго сотоварища вашего доставить мнѣ средство быть полезнымъ семейству и обществу. Что касается до статьи, то Я. И. Бередниковъ, читавшій ее, совѣтовалъ мнѣ помѣстить ее въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, о чемъ говорилъ я Н. И. Надеждину. Я прошу васъ также посодѣйствовать мнѣ въ этомъ случаѣ. Я увѣренъ, что редакторъ Журнала, прочитавши статью, во многомъ измѣненную противъ прежняго, получитъ лучшее понятіе объ ея авторѣ, и тѣмъ скорѣе согласится принять ее къ напечатанію, когда услышитъ и вашъ о ней отзывъ. Не оставьте, прошу васъ, помочь мнѣ въ чемъ можете. Всякое содѣйствіе съ вашей стороны будетъ для меня истиннымъ благодѣяніемъ“ [76]).

Между дѣятелями въ области Ярославскихъ древностей не послѣднее мѣсто занимаетъ Вадимъ Ивановичъ Лѣствицынъ.

Сынъ священника села Ареѳина, Ярославской губерніи,

Вадимъ Лѣствицынъ, родился 15 августа 1827 года. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославскомъ Духовномъ Училищѣ и Семинаріи; высшее же—въ Московской Духовной Академіи. По окончаніи курса, онъ занялъ мѣсто учителя Варшавскаго Духовнаго Училища. Въ 1851 году, онъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ изъ Варшавы въ Москву [77]). Тамъ онъ является къ Погодину. О пріемѣ, который сдѣлалъ маститый историкъ бѣдному, отставному учителю Духовнаго Училища, съ признательностію свидѣтельствуетъ послѣдній.

Разставшись съ Варшавою, Лѣствицынъ поселился въ селѣ Сменцовѣ, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, и оттуда, 15 февраля 1852 года, написалъ автобіографическое письмо къ Погодину: „Памятуя вашъ обязательный пріемъ, вашу благосклонность къ моей статьѣ, вашъ именной вызовъ на это, хочу разсказать вамъ о своемъ положеніи. Можетъ быть, вамъ будетъ небезъинтересно слышать продолженіе разсказа, начатаго мною устно въ вашемъ домѣ. Запасшись свѣдѣніями по части Польскаго языка, Литературы, Исторіи и пр., я ѣхалъ въ Москву остаться тамъ, чтобъ сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ какой-либо газеты или журнала по части Польской Литературы. Мои надежды не исполнились. Мѣста, которое бы обезпечило мои литературныя занятія, мнѣ не нашлось. Редакторамъ обезпечить меня, какъ человѣка имъ неизвѣстнаго, было нельзя. Журнальная поденщина не по моему характеру. Слѣдовательно, надо было бросить эти затѣи. Попавшись въ деревню, я рѣшилъ заняться Археологіей и Исторіей тѣхъ монастырей, селъ, урочищъ и пр., гдѣ мнѣ случится быть. Вслѣдствіе такой мысли я пріобрѣлъ: 1) жизнь Паисія Угличскаго и 2) Исторію Югской Дороѳеевой Пустыни, вмѣстѣ съ „Сказаніемъ“ о ея началѣ, но здѣсь былъ и конецъ работѣ, частію потому, что законоучитель Лицея, протоіерей Іоаннъ Троицкій, уже занимается историческо-статистическимъ описаніемъ Ярославской губерніи въ церковномъ отношеніи, частію по слѣдующимъ обстоятельствамъ: I. Недостаетъ духа работать надъ постороннимъ предметомъ, когда самъ стоишь

на одной ногѣ и мысли твои преосновательно разбиваются мыслями важнѣйшими. II. Занятія эти требуютъ непремѣнныхъ: издержекъ для переѣздовъ, переписокъ и пр.. а у меня въ карманѣ *тощу вавощу*. III. Наши владѣтели старинныхъ вещей скрываютъ ихъ отъ любопытнаго, не говорятъ объ чемъ знаютъ или просто не знаютъ цѣны того, что находится подлѣ нихъ. IV. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ, старины и даже исторіи совсѣмъ нѣтъ никакой. Въ Покровскомъ монастырѣ, въ Угличѣ, Іероѳей сказывалъ, что лѣтъ за шесть назадъ, сторожка при монастырскихъ воротахъ была облѣплена старинными рукописями (гдѣ онъ видѣлъ между прочимъ грамоту съ шестью свинцовыми печатями) и что также подволоки настоятельскихъ келлій были ими завалены; но теперь ничего этого не существуетъ. Почти подъ самымъ носомъ у меня пропали *Покормежныя книги Покровскаго монастыря*, судя по нѣкоторымъ указаніямъ чрезвычайно любопытныя для исторіи монастыря, Угличской мѣстности, даже въ смыслѣ государственномъ (такъ какъ есть записи, что̀ давалось на столъ Грознаго, Алексѣя Михайловича и т. д.). Года за три и едва-ли не за два, онѣ еще существовали, но теперь, не смотря на всѣ мои усилія, ихъ не нашли. Кто нибудь или вывезъ изъ монастыря или бросилъ въ печку. V. Подобный трудъ, признаться сказать, не совсѣмъ пріятенъ: нѣтъ свободы дѣятельности, нѣтъ повѣрки фактовъ; а какъ найдешь разсказъ у перваго писаки старриннаго, такъ и переписывай въ сласть свою и своей публики. А вѣдь это весьма несправедливо. Не находимъ ли противъ этого прямыхъ, совершенно вразумительныхъ выраженій: „Извѣстія эти записаны черезъ сто лѣтъ по смерти святаго, рукопись, ихъ содержавшая, истлѣла, едва я разобралъ что тутъ“; и изъ этого „что“ человѣкъ неизвѣстный и необразованный мастеритъ магическій кругъ, алкоранъ, изъ котораго никто не вправѣ выступать!!! И развѣ современная рукопись непремѣнно совпадаетъ съ первоначальною и позднѣйшія вставки не имѣютъ мѣста здѣсь, какъ вездѣ? VI. Да и трудиться надъ этимъ,

наконецъ скажу, не совсѣмъ утѣшительно. Хлопочешь, работаешь, держишься, а кончишь—выходитъ—послужилъ своему идолу, пользы же ни себѣ, ни Богу, ни людямъ никакой. Говорю это не съ вѣтру, не по слуху, а по собственному, многократному опыту. Ради этихъ причинъ и придумалъ было я предложить свои услуги одному, довольно важному человѣку, занимающемуся тѣмъ же, которому вдобавокъ лѣтъ десятокъ побольше я лично извѣстенъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ своимъ авторитетомъ далъ мнѣ доступъ къ скрываемымъ стариннымъ памятникамъ и, еслибъ было удобно, возможность переѣздовъ. И Боже мой! какимъ же безцеремоннымъ образомъ отвергнуто было мое желаніе дѣятельности и пользы, общественной пользы! Какой же помелой погналъ меня отъ себя этотъ охранитель и представитель науки и образованности! Почтенныя воспоминанія! Достолюбезные факты! Это отсутствіе всякаго занятія и мѣста для меня въ здѣшнемъ духовно-учебномъ вѣдомствѣ заставило меня бросить мечты о родныхъ, о родной сторонѣ, и рѣшиться еще разъ ѣхать вдаль. 30 января я подалъ просьбу въ Духовно-Учебное Управленіе—дать мнѣ какое-либо мѣсто въ одной изъ семинарій, не очень далекихъ отъ здѣшней губерніи. Не знаю, успѣетъ ли она и что будетъ ея слѣдствіемъ. Только теперь я живу въ этомъ ожиданіи. Безъ сомнѣнія, я не упалъ духомъ. Моя дѣятельность, натурально, не такъ живая и энергическая, продолжается. Мнѣ не совсѣмъ скучно, и если мое положеніе не очень пріятно, по крайней мѣрѣ, я самъ въ себѣ легокъ и спокойно смотрю на будущее, будучи готовъ на всякую неожиданность" [78]).

Наконецъ, послѣ долгихъ шатаній, почтенный труженикъ нашелъ себѣ пріютъ въ Ярославскомъ Губернскомъ Правленіи. Съ 1856 года и до конца жизни онъ былъ начальникомъ газетнаго стола и редакторомъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

При этомъ В. И. Лѣствицынъ былъ полоненъ страстію къ собиранію древнихъ рукописей, которыя, по смерти его,

были пріобрѣтены И. А. Вахрамѣевымъ и описаны А. А. Титовымъ. Кромѣ того, А. А. Титовъ напечаталъ списокъ сочиненій В. И. Лѣствицына (1851—1887) [79]).

XIX.

„Перессорившись въ Ярославлѣ со всѣми отъ губернатора до послѣдняго чиновника, и въ цѣлой губерніи найдя только двухъ порядочныхъ людей: одного мѣщанина и одну бабу“ [80]), И. С. Аксаковъ, въ 1851 году, вышелъ въ отставку и поселился въ Абрамцовѣ, моля Провидѣніе:

Не дай мнѣ опытомъ и лѣнью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мнѣ силъ и Помощь Божью,
Мой духъ усталый воскреси,
Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.
Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни, —
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!

Въ концѣ іюня того же 1851 года, И. С. Аксаковъ сопровождалъ отца и брата въ поѣздкѣ за Волгу, предпринятой для обзора имѣній и положенія крестьянъ, оставленныхъ помѣщикомъ двадцать пять лѣтъ! Вернувшись оттуда осенью, И. С. Аксаковъ проживалъ, то въ Абрамцовѣ при родителяхъ, то въ Москвѣ, пріискивая для себя службу; но противъ послѣдняго намѣренія сильно возсталъ А. И. Кошелевъ, обѣщая найти соотвѣтственную его наклонностямъ дѣятельность. Вскорѣ желаемая дѣятельность нашлась. Кошелевъ предложилъ И. С. Аксакову приступить къ продолженію изданія *Московскаго Сборника*, обезпечивая изданіе своими средствами [81]).

Съ жаромъ приступилъ И. С. Аксаковъ къ этому дѣлу, и 26 ноября того же 1851 года писалъ И. С. Тургеневу: „Помните, я говорилъ вамъ о несогласіи, изъявленномъ братомъ, на участіе въ *Сборникѣ* нѣкоторыхъ сотрудниковъ,

вполнѣ имъ уважаемыхъ, но печатающихъ свои статьи въ Петербургскихъ журналахъ. Вы знаете брата, слѣдовательно и не удивились этому экцентричному требованію. Однако, на общемъ совѣтѣ теперь рѣшено: непремѣнно произвести реформу въ характерѣ изданій нашихъ, расширить кругъ сотрудниковъ, полагая только непремѣннымъ условіемъ нравственное съ ними сочувствіе и права ихъ на наше искреннее къ нимъ уваженіе, избѣгать всякой излишней исключительности и односторонности. Это рѣшеніе принято и Константиномъ Сергѣевичемъ, какъ защитникомъ принципа единогласія. Самъ же онъ внутренно очень радъ этому, потому что любитъ васъ искренно... Грановскій также участвуетъ и уже пишетъ статью. Братъ и я просимъ васъ, прислать непремѣнно что нибудь для нашего *Сборника*: какую статью — вамъ не нужно сказывать; разумѣется, не въ родѣ *Провинціалки*, а больше въ духѣ *Записокъ Охотника*" [82]).

По предположенію И. С. Аксакова, изданіе *Московскаго Сборника* должно было состоять изъ четырехъ частей. Главнѣйшею цѣлію изданія было „содѣйствовать къ распространенію истиннаго Русскаго Просвѣщенія, основаннаго на началахъ истинной христіанской религіи и на тщательномъ изученіи Русской Исторіи и быта!" [83]).

Наконецъ, 21 Апрѣля 1852 года, явился первый томъ *Московскаго Сборника*, содержащій въ себѣ: 1) Нѣсколько словъ о Гоголѣ. 2) О характерѣ Просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ Просвѣщенію Россіи (письмо къ графу Е. Е. Комаровскому), И. В. Кирѣевскаго. 3) О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ), К. С. Аксакова. 4) *Мы родъ избранный*, стихотвореніе А. С. Хомякова. 5) *Могучимъ юности призывамъ*, стихотвореніе И. С. Аксакова. 6) Поѣздка Русскаго земледѣльца въ Англію на всемірную выставку, А. И. Кошелева. 7) Псковъ и Ливонія, С. М. Соловьева. 8) Русскія Народныя Пѣсни (изъ приготовленнаго къ изданію Собранія П. В. Кирѣевскаго), съ предисловіемъ

А. С. Хомякова. 9) Служилые люди въ Московскомъ Государствѣ, И. Д. Бѣляева. 10) Отрывки изъ первой части *Бродяги*, И. С. Аксакова.

Въ самый день выхода въ свѣтъ этого перваго тома, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Извините меня, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что до сихъ поръ не былъ у васъ. Бѣды, грозившія *Сборнику*, отчасти его постигшія, но, большею частью, миновавшія, непроѣздныя дороги и всякаго рода хлопоты—тому причиной. Посылаю вамъ *Московскій Сборникъ*—и прошу васъ произнести надъ нимъ искренній, безпристрастный и строгій судъ въ *Москвитянинѣ*“ [84]).

Но *бѣды, постигшія Московскій Сборникъ*, какъ мы увидимъ, далеко не миновали. *Московскій Сборникъ* былъ встрѣченъ враждебно Петербургскою печатью и цензурою [85]).

Исполняя желаніе И. С. Аксакова и по собственному побужденію, Погодинъ написалъ подробный разборъ перваго тома *Московскаго Сборника*. Но цензура этотъ разборъ не пропустила, и В. И. Назимовъ писалъ Погодину: „Разборъ вашъ *Московскаго Сборника*, я прочелъ и возвращаю, но печатать его въ *Москвитянинѣ* я бы совѣтовалъ вамъ погодить немного, по случаю возникшихъ разныхъ толковъ на счетъ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ *Сборникѣ*. Въ четвергъ я ѣду къ Троицѣ. Если сегодня или завтра будете въ нашихъ краяхъ, то часовъ въ 7 послѣ обѣда меня найдете дома“ [86]).

На первый томъ *Московскаго Сборника* обратилъ особенное вниманіе министръ Народнаго Просвѣщенія князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ. Тотчасъ же по выходѣ его въ свѣтъ, разсмотрѣлъ содержаніе его подробно и сдѣлалъ замѣчанія, которыхъ результатъ, 19 мая 1852 г., представилъ государю, пребывавшему въ то время въ Варшавѣ.

26 февраля 1852 года, И. С. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Вчера мы похоронили Гоголя... Теперь все лопнуло. Надо начать жить *безъ Гоголя!* Онъ изнемогъ подъ тяжестію неразрѣшимой задачи, отъ тщетныхъ усилій найти

примиреніе и свѣтлую сторону тамъ, гдѣ ни то, ни другое невозможно въ обществѣ... Вся мученическая, художественная дѣятельность Гоголя, все его существованіе, писаніе *Мертвыхъ Душъ*, сожженіе ихъ и смерть,—все это составляетъ такое огромное историческое событіе, съ такимъ необъятнымъ значеніемъ, отъ котораго духъ захватываетъ. *Ну, кажется, теперь больше хоронить некого*, сказалъ намъ Грановскій. И дѣйствительно, мы похоронили не только послѣднюю свою славу, но, кажется, и послѣдняго художника, не только для Россіи, но и для цѣлаго міра. И этотъ послѣдній художникъ міра былъ Русскій и, какъ говоритъ братъ, христіанинъ, подвижникъ, монахъ...“ и пр. По словамъ Л. Н. Майкова, это письмо составляетъ какъ бы черновой набросокъ статьи И. С. Аксакова, *Нѣсколько словъ о Гоголѣ*, помѣщенной въ *Московскомъ Сборникѣ* [87]).

По мнѣнію князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, статья эта „неясна и загадочна по отрывистымъ намекамъ и мыслямъ недоконченнымъ, причемъ безотчетное расточеніе, выходящихъ изъ всякой мѣры, похвалъ Гоголю можетъ подать даже поводъ къ предположенію, что онъ имѣлъ притязаніе сдѣлаться у насъ какимъ-то преобразователемъ и такимъ образомъ наводитъ тѣнь сомнѣнія на его намѣренія и дѣйствія, котораго покойный писатель нашъ не заслужилъ, ни жизнію, ни христіанскою своею кончиною“ [88]).

Погодинъ, въ своемъ недозволенномъ разборѣ *Московскаго Сборника*, объ этой статьѣ замѣтилъ лаконически: „Нѣсколько сильныхъ словъ о Гоголѣ помѣщено въ началѣ книги; но ихъ нельзя бы оставить безъ коментарія, а коментаріи писать теперь не время и не мѣсто. Жаль, что краткость статьи помѣшала автору выразиться яснѣе и отчетливѣе. Нѣкоторыя преувеличенія и увлеченія можно извинить чувствомъ неожиданной горькой утраты“.

Въ своемъ *Письмѣ о характерѣ Просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ Просвѣщенію Россіи*, И. В. Кирѣевскій пришелъ къ слѣдующему результату: Корень образован-

ности Россіи живетъ еще въ народѣ и, что всего важнѣе, въ святой православной церкви. Потому, на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе Просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе, будетъ вырабатывать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ, полнѣе убѣдится въ односторонности Европейскаго Просвѣщенія, когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждой полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры Отечества въ прежней родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ Европейскаго любомудрія, — Русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцевъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни Отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности. Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ Просвѣщеніе Европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ разцвѣтающее. Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность западная“.

Какъ бы оправдываясь предъ И. С. Тургеневымъ въ помѣщеніи этого письма въ *Московскомъ Сборникѣ*, И. С. Аксаковъ (29 мая 1852) писалъ ему: „Если вы прочли *Сбор-*

никъ, то васъ можетъ быть смутила статья Кирѣевскаго. Знайте, что ни Константинъ, ни я, ни Хомяковъ, не подписались бы подъ этою статьею. Во второмъ томѣ *Сборника* будетъ дополненіе къ этой статьѣ со стороны Хомякова" [89]).

Но если И. В. Кирѣевскій своимъ православнымъ міросозерцаніемъ не угодилъ своимъ собратьямъ Славянофиламъ, то онъ также не угодилъ и князю Ширинскому-Шахматову, который писалъ: „И. Кирѣевскій утверждаетъ, что западное Просвѣщеніе не соотвѣтствуетъ пользамъ Россіи; что у нея были особенныя начала Просвѣщенія, неоцѣненныя Европейскимъ умомъ, которыми она жила прежде и которыя теперь еще замѣчаются, помимо Европейскаго вліянія, въ Русскомъ бытѣ, уцѣлѣвшемъ почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа. Сочинитель изъявляетъ желаніе, чтобы Россія возвратилась къ этимъ началамъ, которыя хранятся въ ученіи святой православной Церкви, чтобъ эти высшія начала вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ: чтобъ они, господствуя надъ Просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣлость бытія*, которую мы замѣчаемъ въ Древней, была навсегда удѣломъ настоящей *Православной Россіи*. Что разумѣетъ г. Кирѣевскій подъ цѣльностію бытія Православной Россіи,—неизвѣстно, но явно, что въ этой, повидимому благонамѣренной статьѣ, онъ не отдаетъ должной справедливости безсмертнымъ заслугамъ великаго преобразователя Россіи и державныхъ его преемниковъ, которые не щадили трудовъ и издержекъ для усвоенія намъ образованности Запада, и только такими средствами могли возвысить могущество и славу нашего Отечества до настоящаго ихъ величія. Начиная съ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, предусмотрительное правительство наше обращало при томъ надлежащее вниманіе и на сохраненіе неприкосновенными основныхъ началъ нашего быта, какъ это доказываютъ многія государственныя постановленія, особенно послѣ-

довавшія въ настоящее благополучное царствованіе. Желаніе сочинителя статьи, чтобы ученіе православной Церкви господствовало надъ Просвѣщеніемъ Европейскимъ, болѣе или менѣе выражено во всѣхъ учрежденіяхъ о Просвѣщеніи народномъ, которыми въ послѣднее двадцатипятилѣтіе замѣнены прежнія по этой части узаконенія, и въ довершеніи всего его императорскому величеству еще такъ недавно благоугодно было произнести слѣдующія достопамятныя слова: *Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію*" [90]).

Погодинъ, предвидя, что статья Кирѣевскаго возбудитъ много преній, особенно въ Москвѣ, приглашалъ Грановскаго и Кудрявцова, какъ представителей Всеобщей Исторіи, „пояснить, оправдать, дополнить яркую, хотя и слишкомъ строгую картину Запада, которая теперь предъ нами развернута" Кирѣевскимъ.

Въ письмѣ къ отцу, И. С. Аксаковъ (27 апрѣля 1852 года) писалъ: „Статья Кирѣевскаго очень многихъ раздражаетъ. Грановскій, котораго я видѣлъ, объявилъ мнѣ, что хоть онъ рѣшительно не согласенъ съ Кирѣевскимъ, но находитъ статью превосходною во многомъ, прекрасно изложенною и пр. Я очень радъ этому мнѣнію Грановскаго, потому что нѣкоторые твердятъ о томъ, что возражать статьѣ Кирѣевскаго нельзя, что она въ духѣ правительства и проч., слѣдовательно бросаетъ нѣкоторую тѣнь на *Сборникъ*" [91]).

Самъ же И. В. Кирѣевскій, посылая оттиски своей статьи А. В. Веневитинову, писалъ ему (29 апрѣля 1852): „Милый другъ Веневитиновъ. Посылаю тебѣ мою статью (которую моя болѣзнь... помѣшала мнѣ окончить концемъ), и прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе, разослать и частію передать другіе экземпляры по принадлежности. Тотъ экземпляръ, который идетъ при этомъ письмѣ, тоже для тебя: въ немъ обозначены тѣ мѣста, которыя цензура у меня вычеркнула. Прошу тебя, другъ мой, прочесть мою статью со вниманіемъ и сказать мнѣ объ ней не только искреннее твое мнѣніе, но и всѣ

частныя замѣчанія, которыя придутъ тебѣ въ голову во время чтенія. Ибо я думаю, черезъ нѣкоторое время, издать ее еще разъ, и потому твои совѣты будутъ для меня очень полезны. Комаровскому скажи, что заключительное обращеніе къ нему, которое было уже написано, но только еще не переписано, исключено было изъ статьи особеннаго рода цензурой, воспаленіемъ въ боку, которое стоитъ Шихматова и всѣхъ его ангеловъ, такъ что у меня статью взяли, печатали не показывая мнѣ корректуры, и прислали наконецъ отпечатанные экземпляры, прежде чѣмъ я успѣлъ выздоровѣть" [92]).

Не знаемъ, исполнилъ ли А. В. Веневитиновъ возложенное на него порученіе, но знаемъ, что своякъ его графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій не остался въ долгу предъ Кирѣевскимъ и написалъ ему замѣчательное письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Ваша статья (право у меня не хватаетъ духа назвать это письмомъ ко мнѣ) истинно производитъ впечатлѣніе какого-то путешествія въ новооткрытыя страны: столько тутъ новаго и въ стилѣ, и въ идеяхъ, даже во многихъ отношеніяхъ въ самомъ *направленіи*. Ручаюсь, что весьма многіе православные и многіе патріоты способны почувствовать, благодаря вашимъ строкамъ, несказанную радость Робинзона, когда онъ вдругъ на своемъ необитаемомъ островѣ нашелъ слѣды человѣка. Для меня, который васъ такъ близко знаетъ, эти страницы напомнили со всею живостію тѣ добрыя вечернія Охтинскія бесѣды, когда у насъ цѣлые часы протекали — тихи и безмятежны, какъ Нева, за теченіемъ которой слѣдили наши взоры въ виду великаго града, о назначеніи котораго мы разрѣшали цѣлыя проблемы. Къ счастію, оттуда онъ представлялся намъ осіянный храмомъ Смольнаго монастыря... Позвольте мнѣ прямо вамъ признаться: никто лучше васъ, благодаря вашему глубокомыслію и учености, не былъ бы въ состояніи оцѣнить всю гармонію нашего національнаго облика; никто не разъяснитъ лучше васъ причинъ тѣхъ диссонансовъ, которые звучатъ у насъ отголоскомъ съ Запада. Въ числѣ послѣднихъ, вы осо-

бенно удачно останавливаетесь на одномъ, именно на вопросѣ о современномъ искусствѣ, въ которомъ не уцѣлѣлъ *смыслъ красоты и правды въ связи неразрывной*. Это напомнило мнѣ слово Платона о томъ, что *красота есть сіяніе истины;* эта мысль, въ своей языческой формѣ, какъ будто предчувствуетъ тотъ текстъ Апостола, въ которомъ онъ называетъ *Слово сіяніемъ славы Отчей*“?

XX.

18 Августа 1850 года, изъ Ярославля, И. С. Аксаковъ, не безъ ироніи писалъ А. О. Смирновой: „Вы еще ничего не слыхали про родовой бытъ? Эта новѣйшая мода въ ученомъ мірѣ въ большомъ ходу: пишутъ книги о родовомъ бытѣ, спорятъ о родовомъ бытѣ, ссорятся за родовой бытъ. Дѣло въ томъ, засталъ ли у насъ *Рюрикъ* родовой патріархальный бытъ или общинный бытъ, и какое значеніе въ нашей Исторіи имѣетъ родовое начало. Какъ вы объ этомъ думаете? Способны ли толки о 950-мъ годѣ заставить забыть васъ 1850-й? Если способны, то какъ же вы счастливы, а съ вами и всѣ эти господа! Что касается до меня, то не скажу, чтобъ я былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ; но сердце мое въ нихъ не участвуетъ, и въ душѣ одно только постоянное ощущеніе тоски, гнета и духоты“ [93]).

Въ 1852 году, братъ писавшаго эти строки, К. С. Аксаковъ, напечаталъ въ *Московскомъ Сборникѣ*, по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ, изслѣдованіе *о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности*. Изслѣдованіе это обратило на себя вниманіе и явной и тайной цензуры. Представитель первой, князь Ширинскій, писалъ: „К. Аксаковъ старается доказать историческими свидѣтельствами, что мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ у Славянъ и Русскихъ, которое принимаютъ и наши позднѣйшіе писатели, несправедливо. Родоваго или патріархальнаго быта, по

словамъ сочинителя статьи, у насъ въ древности не существовало; вездѣ, гдѣ лѣтописи употребляютъ слово *родъ*, должно понимать *семью*. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что въ древней Руси было общинное устройство или общественный бытъ; другими словами, въ ней преобладало начало демократическое. По мнѣнію К. Аксакова, примѣръ такого быта можно видѣть въ Новгородскомъ вѣчевомъ управленіи, а въ наше время онъ сохранился въ сходкѣ крестьянъ. Хотя, съ одной стороны, эта статья имѣетъ форму историческаго изысканія, а съ другой — сухостью изложенія и длиннотою, отталкиваетъ отъ себя любителей легкаго чтенія, не менѣе того, она заслуживаетъ вниманіе цензуры, какъ по новости взгляда на предметъ, давно уже обсуженный, такъ и по распространившемуся демократическому направленію общественнаго мнѣнія въ иностранныхъ государствахъ, отъ котораго мы должны ограждать себя всѣми возможными мѣрами. По моему убѣжденію, демократическое начало было вообще чуждо древнему Рускому быту, и общинное устройство въ Новгородѣ и Псковѣ, безъ сомнѣнія, приписать должно разнымъ торговымъ сношеніямъ ихъ съ Нѣмцами; сношеніямъ, которыя впослѣдствіи образовали Ганзейскій союзъ. Приводимые К. Аксаковымъ примѣры событій въ другихъ княжествахъ, ничего болѣе не доказываютъ, какъ, съ одной стороны, временное ослабленіе монархической власти отъ раздѣленія Россіи на удѣлы, а съ другой,—своевольство подданныхъ, которые, пользуясь междоусобіями, отказывались иногда повиноваться своему князю, поддерживавшему по большей части такое призваніе силою оружія. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, рѣшеніе вѣча или народнаго собранія, безъ согласія князя, также мало значило, какъ приговоръ крестьянъ, безъ воли помѣщика на сходкѣ, на которую указываетъ К. Аксаковъ“ [94]).

Съ своей стороны, и предсѣдатель негласнаго Комитета генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ обратилъ особенное вниманіе на „примѣчательную статью“ К. С. Аксакова *о*

древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности, и 4 іюня 1852 года писалъ о ней министру Народнаго Просвѣщенія: „Главная задача этой статьи заключается въ томъ, чтобы доказать, что въ древней Руси совсѣмъ не было выводимаго нѣкоторыми изъ иностранныхъ, а за ними и Русскими писателями, *родоваго* начала, и что въ ней, напротивъ, преобладалъ бытъ *семейный* и *общинный*.

Извлекая свои данныя изъ разныхъ изданій Археографической Коммиссіи и другихъ отечественныхъ источниковъ, входя при семъ и въ историческія, неразрывныя съ предметомъ, изысканія касательно древняго государственнаго устройства Руси и вліянія, которымъ пользовался народъ,—авторъ всѣ частные свои выводы заключаетъ слѣдующимъ общимъ: „Русская земля была *изначала* наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная, — именно общинная“.

Комитетъ 2 апрѣля 1848 года остановился сперва на формѣ сей статьи, и съ одной стороны, отдавая всю справедливость ученымъ изслѣдованіямъ автора, а съ другой, не имѣя отнюдь повода, не позволяя себѣ даже и мысли предполагать, въ такомъ возобновленіи въ памяти исконнаго устройства Руси, какую-нибудь предосудительную цѣль,—замѣтилъ однако, что подобное разсужденіе, приличное, въ томъ или иномъ видѣ, среди трудовъ ученыхъ и археологическихъ, къ которымъ правительство само у насъ вызываетъ открытіемъ всѣхъ способовъ и поощреніями, ни въ какомъ случаѣ не должно было найти себѣ мѣсто въ *Сборникѣ* литературномъ, назначенномъ для легкаго чтенія и обращающемся въ массѣ *всей* публики; такъ какъ въ составѣ сей послѣдней всегда есть люди легкомысленные, поверхностные, или недоброжелательные, готовые истолковать все имъ предлагаемое, при малѣйшемъ призракѣ двусмысленности, въ дурную сторону. Переходя отъ сего къ сущности вопроса, разобраннаго Аксаковымъ, Комитетъ находилъ, что открытіе исторической истины тогда только получаетъ практическую свою пользу и

перестаетъ быть одною суетною игрою ума, когда, вмѣстѣ съ этою истиною, открываются и ея послѣдствія...; но если неоспоримо, что до Татарскаго періода въ устройствѣ Славянскихъ общинъ господствовали нѣкоторыя начала народнаго правленія, и, напримѣръ, въ удѣлахъ нерѣдко народъ призывалъ князей къ себѣ на княженіе и даже изгонялъ ихъ, слѣдовательно изысканія автора въ семъ отношеніи не отклоняются отъ исторической истины: то неоспоримо, однакоже, и то, что по сверженіи Монгольскаго ига, указавшаго горькимъ опытомъ, какихъ послѣдствій ожидать должно отъ своевольства и безначалія, въ жизни Русскаго народа постепенно возникало совсѣмъ другое начало, именно начало единовластія и неограниченнаго самодержавія, утвержденное потомъ могучею рукою Петра Великаго, на началахъ Европейской государствнной жизни. Слѣдственно, Аксакову надлежало указать, съ тѣмъ же неоспоримымъ его талантомъ, и всѣ помянутые перевороты, приведшіе насъ къ нынѣшнему порядку вещей — единственной основѣ покоя и благоденствія Россіи. Но онъ не дорисовалъ своей картины и остановясь на однихъ явленіяхъ, показывающихъ, въ глубокой древности существованіе между нашими предками демократическихъ началъ, тѣмъ самымъ далъ поводъ къ тому виду двусмысленности, о которомъ выше упомянуто... Безъ объясненія перехода обновленной Россіи къ другимъ понятіямъ и къ другимъ формамъ, статья Аксакова, по мнѣнію Комитета, не слѣдовала быть допущена къ напечатанію не только въ литературномъ Сборникѣ, но даже въ изданіи спеціально посвященномъ ученой цѣли“.

Погодинъ, будучи ярымъ противникомъ системы родоваго быта, считая ее *проказою*, былъ очень обрадованъ появленіемъ изслѣдованія К. С. Аксакова. „Читатели знаютъ“,—писалъ онъ,—„наше мнѣніе объ этой системѣ, выраженное съ перваго ея появленія. Наши отрывочныя указанія оправдались въ полной мѣрѣ. Система эта, съ какой стороны ни подойти къ ней, не выдерживаетъ никакой критики. Аксаковъ съ удиви-

тельнымъ терпѣніемъ обошелъ, кажется, всѣ ея закоулки и не нашелъ нигдѣ даже легкихъ слѣдовъ родоваго быта въ самомъ древнемъ предъ-историческомъ періодѣ Русской Исторіи. Вездѣ и всегда видны были семья и община, а не родъ. Мы замѣтимъ только, что напрасно онъ нападаетъ и на патріархальность: нападаніе это происходитъ отъ того, что подъ патріархальностью онъ подозрѣваетъ родство, родъ съ патріархомъ, какъ родоначальникомъ; но патріархальностью мы обыкновенно называемъ простоту, естественность, искренность, близость къ природѣ — отношеній, не только семейныхъ, но и общественныхъ. Патріархальность можетъ существовать не только въ семьѣ, но и въ обществѣ, и въ государствѣ". Будучи доволенъ этою статьею, Погодинъ остался не доволенъ только тѣмъ что Аксаковъ „не упомянулъ ни слова о прежнихъ возраженіяхъ родовому быту, изъ коихъ многія совершенно сходятся съ его собственными".

Замѣчательно, что эта статья К. С. Аксакова чрезвычайно понравилась Т. Н. Грановскому и „поразила его умѣренностью тона, отчего никто не затрудняется признать ее *чрезвычайно дѣльною*", и что Грановскій совершенно соглашается съ К. С. Аксаковымъ и говоритъ, что „ошибки Соловьева и Кавелина очевидны, но что, конечно, обломки доисторическаго родоваго быта могли встрѣчаться и потомъ" [95]).

По настоянію К. С. Аксакова, И. С. Тургеневъ, прочитавъ его статью, писалъ ему изъ своего Спасскаго (16 янв. 1853): „Насколько я могу судить въ этихъ вещахъ, согласенъ съ вами на счетъ *родоваго быта*. Мнѣ всегда казался этотъ родовой бытъ — такъ, какъ его представляетъ Соловьевъ и Кавелинъ,—чѣмъ-то искусственнымъ, систематическимъ, чѣмъ то напоминавшимъ мнѣ наши давно-прошедшія гимнастическія упражненія на поприщѣ философіи. Всякая система— въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ этого слова—не Русская вещь; все рѣзкое, опредѣленное, разграниченное, намъ не идетъ — оттого мы, съ одной стороны, не педанты, хотя за то съ другой стороны... Я Русскую Исторію знаю, какъ только

можетъ знать ее человѣкъ, не изучавшій источниковъ; сужденіе мое о ней вытекаетъ болѣе изъ сочувствія къ тому, что теперь дѣлается въ Русской жизни; стоитъ хорошенько присмотрѣться къ современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность Соловьевскаго родоваго быта. Собранные вами факты были для меня интересны и новы, взглядъ вашъ вѣренъ и ясенъ, но, признаюсь вамъ откровенно,—въ выводахъ вашихъ я согласиться не могу: вы рисуете картину вѣрную и, окончивъ ее, восклицаете: *какъ это все прекрасно!..* Я никакъ не могу повторить этого восклицанія вслѣдъ за вами. Я, кажется, уже сказывалъ вамъ, что, по моему мнѣнію, трагическая сторона народной жизни—не одного нашего народа—каждаго — ускользаетъ отъ васъ; между тѣмъ, какъ самыя наши пѣсни громко говорятъ о ней! Мы обращаемся съ Западомъ, какъ Васька Буслаевъ съ мертвой головой—подбрасываемъ его ногой—а сами... Вы помните, Васька Буслаевъ взошелъ на гору да и сломалъ себѣ на прыжкѣ шею. Прочтите, пожалуйста, отвѣтъ мертвой головы".

XXI.

Наканунѣ 1853 года, въ первомъ томѣ *Московскаго Сборника*, было напечатано знаменитое стихотвореніе Хомякова:

„Мы родъ избранный", говорили
Сіона дѣти въ старину,
„Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину.

Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.

Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса".

„Поэтъ“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„произноситъ свой судъ надъ тщеславнымъ народомъ:

Не терпитъ Богъ людской гордыни.

И заключаетъ:

Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ“.

Стихотвореніе это тоже не ускользнуло отъ вниманія князя Ширинскаго. „Не представляя ничего неблагонамѣреннаго“,—писалъ онъ,—„можетъ по своей неопредѣленности подлежать толкованіямъ“.

Стихотвореніемъ этимъ воспользовался Погодинъ въ своихъ возраженіяхъ И. В. Кирѣевскому. „Мы“,—писалъ онъ,—„занимающіеся по преимуществу Русскою Исторіею, видимъ можетъ быть только лучшія стороны у себя, и худшія на Западѣ, вспоминая притчу о сучцѣ и бервнѣ; точно какъ западные люди видятъ нашъ сучекъ и не видятъ своего бревна. Не осуждайте, не судимы будете, говоритъ Евангеліе. То же Провидѣніе дало Западу его задачу, которое дало другую—Востоку. Западъ въ высшей экономіи видно также необходимъ, какъ и Востокъ. Не въ задачѣ главное дѣло, а въ рѣшеніи, не по количеству талантовъ (кому десять, кому пять, кому два и одинъ), а по образу ихъ употребленія обѣщается награда. Вспомнимъ, что въ этомъ же *Сборникѣ* любезный нашъ поэтъ осуждаетъ такъ Евреевъ въ стихотвореніи:

Мы родъ избранный“...

Высказавъ это, Погодинъ призываетъ своихъ читателей къ прочтенію примѣчательной статьи А. И. Кошелева: *Поѣздка Русскаго земледѣльца въ Англію на всемірную выставку*. „Въ первыхъ разсмотрѣнныхъ нами статьяхъ“,—пишетъ онъ,—„дѣло шло о поэзіи, исторіи, отвлеченностяхъ, а здѣсь о землѣ, о хлѣбѣ, объ удобствахъ, объ облегченіяхъ, о дешевизнѣ, объ удовлетвореніи первыхъ потребностей. Статью Кошелева прочесть

долженъ всякій, чтобъ получить понятіе объ успѣхахъ новой промышленности, и благотворное вліяніе ея на благосостояніе человѣческихъ обществъ. Говоримъ — всякій, не только земледѣлецъ, промышленникъ, помѣщикъ. Прочитавъ двѣ статьи Кирѣевскаго и Кошелева, проникнутыя впрочемъ однимъ духомъ, мнѣ представились, употреблю этотъ галлицизмъ временъ св. Владиміра, въ угоду Хомякову, образы Мароы и Маріи, изъ которыхъ одна пеклася и молвила о мнозѣ службѣ, а другая благую часть избра, яже не отнимется отъ нея. Дай Богъ намъ приближаться къ священному идеалу, а не довольствоваться однимъ наружнымъ бездѣйствіемъ Маріи и одною наружною суетливостію Мароы".

Среди писателей, украсившихъ трудами своими *Московскій Сборникъ* 1852 года, мы встрѣчаемъ имя и почтеннаго историка нашего С. М. Соловьева. Его *Псковъ* и *Ливонія* не обратили на себя вниманія цензуры, но о которой даже Погодинъ отозвался благосклонно. „О разсужденіяхъ автора",— писалъ онъ,—„мы часто имѣли случай говорить, но въ этой статьѣ онъ не разсуждаетъ, а излагаетъ событія, и потому она читается легче и пріятнѣе".

По поводу предисловія Хомякова къ *Русскимъ Народнымъ Пѣснямъ*, напечатаннымъ въ *Московскомъ Сборникѣ*, изъ Собранія П. В. Кирѣевскаго, Погодинъ писалъ: „Предисловіе Хомякова исполнено мыслей. Мысли бьютъ у него живымъ ключемъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ ихъ источнику неизсякаемому. Жаль, что иногда слова не поспѣваютъ у него за мыслями (какъ у другихъ мысли въ словахъ утопаютъ), и статьямъ его, богатымъ поэзіей, живописью, музыкой, не достаетъ только архитектуры. Бисеръ свой онъ мечетъ щедрой рукой, но оправы ему не даетъ, развѣ иногда нанижетъ на нитку, или монисто. Золота у него не оберешься, но для золотыхъ дѣлъ мастерства у него не достаетъ терпѣнія, спокойствія или снисходительности. Хомяковъ есть сокровище Русской литературы и науки, но сокровище далеко не приносящее той пользы, какую могло-бъ принести;

по моему—надо бы устроить общество, чтобъ его разработывать (exploiter), какъ учреждаются въ Англіи общества для разработки рудниковъ Калифорніи и Австраліи. Добычи въ виду не меньше, а работы почти никакой: искры сыплются, чуть прикоснись огнивомъ, и даже не огнивомъ, а чѣмъ угодно, хоть простою лучинкою".

За симъ, Погодинъ продолжаетъ: „Выпишемъ однако нѣсколько строкъ о предметѣ для насъ близкомъ и любезномъ. Археологія Россіи принесла и приноситъ намъ ту же пользу, которую она принесла нашимъ Южнымъ и Западнымъ соплеменникамъ. Но этимъ не ограничивается ея дѣйствіе. Нѣтъ, она сама измѣняетъ свое значеніе и получаетъ новое, еще высшее: она не есть уже наука древностей, но наука древняго въ настоящемъ; она входитъ, какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное. Наши старыя сказки отыскиваются не на палимпсестахъ, не въ хламѣ старыхъ и полусогнившихъ рукописей, а въ устахъ Русскаго человѣка, поющаго пѣсни старины людямъ, не отставшимъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни, когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой родинѣ, но про которыя мы утратили было воспоминаніе. Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились еще во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести, и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Наука о прошедшемъ является знаніемъ настоящаго, и, углубляясь въ старину и знакомясь съ нею, мы узнаемъ современное и сживаемся съ нимъ умомъ и сердцемъ. За то и труды археологическіе, начатые у насъ подражателями Западнаго міра, сдѣлались теперь по преимуществу достояніемъ людей, связанныхъ глубокою и искреннею любовію съ нашею святою Русью. Благодареніе имъ, они помогаютъ намъ совершить великій шагъ въ своемъ перевоспитаніи; они обогащаютъ насъ источникомъ благородныхъ и ду-

шевныхъ наслажденій. Многаго лишило насъ ложное направленіе нашего просвѣщенія. Введеніемъ стихій иноземныхъ въ языкѣ и бытѣ оно уединило, такъ-называемое, образованное общество отъ народа: оно разорвало связь общенія и жизни между ними. — Вслѣдствіе этого у насъ составился сперва искуственный книжный языкъ, черствый и педантской, испещренный школьными выраженіями, холодный и безжизненный. Мало-по-малу онъ сталъ измѣняться. Мѣсто школьной пестроты заступила пестрота словъ и, особенно, оборотовъ, взятыхъ изъ современныхъ языковъ иностранныхъ: черствость, тяжелая важность и пышная растянутость замѣнились вялою слабостью, вѣтренною легкостью и болтливымъ многословіемъ; но и прежняя книжность не вполнѣ потеряла свои права, украшая новую легкость—старою неуклюжестью и слабую пошлость—школьною важностью. Наконецъ, вся эта книжная смѣсь уступила мѣсто новому нарѣчію. Созданное въ гостиныхъ, въ которыхъ недавно еще говорили только по-Французски и теперь еще говорятъ на половину не по-Русски, обдѣланное и подведенное подъ правило грамотѣями, совершенно незнакомыми съ духомъ Русскаго слова, похожее на рѣчь иностранца, выучившагося чужому языку, котораго жизни онъ себѣ усвоить не могъ, мертвое и вялое, оно выдаетъ себя за живой Русской языкъ: воздушная и нарумяненная кукла, поддѣланная подъ одушевленнаго и здороваго человѣка. Но вотъ раздается пѣснь народная, сказывается старо-Русская сказка, читается грамота прежнихъ вѣковъ, и слухъ почуялъ простое слово человѣческое, полное движенія и мысли, и на душу повѣяло дыханіемъ жизни. Таково на насъ дѣйствіе старины; но почему? Потому, что у насъ долго не было старины, потому, что ея дѣйствительно нѣтъ и теперь. Шла жизнь простая и естественная, волнуяся, боряся и измѣняясь въ нѣкоторыхъ формахъ, но сохраняя свой коренной и основный типъ средь борьбы, волненій и измѣненій, — и вдругъ, такъ сказать, въ одинъ день, она сдѣлалась стариною вся, цѣликомъ, отъ одежды до грамоты, отъ богатырской сказки и веселой присказки до

той духовной пѣсни, лучшаго достоянія Русскаго народа, которая даритъ свои высокія утѣшенія сельской хатѣ и смѣетъ явиться въ городскіе хоромы только въ печати, какъ любопытное воспоминаніе объ утраченномъ настроеніи Русской души. Но, къ счастію нашему, то, что̀ называемъ стариною мы заговорившіе на всѣхъ иностранныхъ нарѣчіяхъ и на всѣ иностранные лады, не для всѣхъ сдѣлалось стариною: оно живетъ свѣжо и сильно на великой и святой Руси. Мы, люди образованные, оторвавшись отъ прошедшаго, лишили себя прошедшаго; мы пріобрѣли себѣ какое-то искусственное безродство, грустное право на сердечный холодъ; но теперь грамоты, сказки, пѣсни языкомъ своимъ, содержаніемъ, чувствомъ пробуждаютъ въ насъ заглохнувшія силы; онѣ уясняютъ наши понятія и расширяютъ нашу мысль; онѣ выводятъ насъ изъ нашего безроднаго сиротства, указывая на прошедшее, которымъ можно утѣшаться, и на настоящее, которое можно любить. Обрадованное сердце, долго черствѣвшее въ холодномъ уединеніи, выходитъ будто изъ какого-то мрака на вольный свѣтъ, на Божій міръ, на широкій просторъ земли родной, на какое-то безконечное море, въ которомъ ему хотѣлось бы почувствовать себя живою струею. Благодаренье археологической наукѣ и ея труженикамъ!"

Укоряя К. С. Аксакова за умолчаніе „о прежнихъ возраженіяхъ родовому быту", Погодинъ говоритъ: „Въ особенности нашъ авторъ виноватъ предъ И. Д. Бѣляевымъ, помѣстившимъ въ прошломъ или третьемъ году *Временника*, пространное розысканіе о всѣхъ свидѣтельствахъ древняго быта, относящихся къ этому вопросу. Впрочемъ, Бѣляевъ получилъ въ этомъ умолчаніи достойное наказаніе за свое собственное умолчаніе. Въ 1850 году, въ третьей книгѣ *Временника*, напечаталъ онъ разсужденіе о боярскихъ дѣтяхъ, коего основаніемъ была самая ложная и несправедливая мысль о происхожденіи боярскихъ дѣтей изъ бояръ. Разбирая это разсужденіе, я спросилъ его: если бояре обратились и переименовались въ боярскихъ дѣтей, то куда же дѣлись древніе

отроки и дѣтскіе? Вопроса этого было достаточно для уничтоженія всей его системы. Такъ онъ и поступилъ въ разсужденіи своемъ, помѣщенномъ въ Сборникѣ: „*Служивые люди въ Московскомъ Государствѣ, слуги или дворяне, а въ послѣдствіи дѣти боярскіе*",—онъ развиваетъ мой вопросъ, толкуетъ и о молоди, и о младшей дружинѣ, и объ отрокахъ, какъ прародителяхъ боярскихъ дѣтей, не давая ни мало разумѣть, чтобъ когда-нибудь онъ думалъ иначе. Не стану распространяться здѣсь болѣе, ибо мое разсужденіе о дружинѣ и раздѣленіи ея на старшую и младшую, на бояръ и отроковъ, издастся скоро въ седьмомъ томѣ *Изслѣдованій*, съ собраніемъ всѣхъ свидѣтельствъ лѣтописей".

Первый томъ *Московскаго Сборника* заключается отрывкомъ изъ первой части *Бродягъ*, И. С. Аксакова. Это произведеніе остановило на себѣ вниманіе князя Ширинскаго, и онъ писалъ: „Хотя по отрывкамъ и нельзя судить о цѣломъ стихотвореніи, не менѣе того разсказываются въ немъ похожденія бродягъ, взаимная ихъ откровенность и совѣты другъ другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и не наказанности, могутъ неблагопріятно дѣйствовать на читателей низшаго класса" [96]).

Иное впечатлѣніе произвело это произведеніе на Погодина. „Случалось ли вамъ, читатели",—писалъ онъ,—„встрѣчать утро лѣтомъ на чистомъ воздухѣ, по выходѣ изъ душной комнаты? Разумѣется, случалось. Вы помните, разумѣется, это чувство свѣжести, которое пахнетъ на васъ вдругъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ это чувство *свѣжести* производятъ отрывки изъ новаго стихотворенія, появляющагося въ нашей Словесности. Живое, молодое, крѣпкое, хоть кое-гдѣ и жесткое, еще не установившееся, оно вѣрно порадуетъ всѣхъ друзей Русскаго слова".

Вообще же по поводу явленія *Московскаго Сборника*, Погодинъ писалъ: „Въ Москвѣ въ послѣднее время оказалась примѣчательная литературная дѣятельность: безпрестанно слы-

шишь о новыхъ трудахъ, о новыхъ предпріятіяхъ, книгахъ, статьяхъ. Намъ вздумалось составить списокъ Московскихъ литераторовъ, и мы удивились, увидя передъ своими глазами около ста именъ. Между ними вы не найдете и пяти лицъ, которыя бы не имѣли опредѣленнаго предмета своихъ занятій, которыя бы не смотрѣли на литературу и науку съ важной точки зрѣнія! Всѣ принимаютъ живѣйшее участіе въ ея явленіяхъ, и ни одна примѣчательная статья, книга, изданная гдѣ бы то ни было, не пройдетъ, чтобъ въ теченіи недѣли всѣ объ ней не узнали, всѣ объ ней не говорили и не судили. При такой дѣятельности, пять журналовъ не могутъ физически помѣстить у себя всѣ произведенія (мы считаемъ здѣсь и Петербургскіе журналы, которые на-половину наполняются Московскими статьями); и вотъ происхожденіе специальныхъ сборниковъ. *Московскій Сборникъ* есть какъ бы продолженіе двухъ книгъ *Сборника*, изданныхъ покойнымъ Валуевымъ, и двухъ книгъ *Сборника*, изданныхъ Пановымъ".

Въ заключеніе Погодинъ сказалъ: „Давно не проводилъ я такого пріятнаго вечера, какъ читая эту книгу и пишучи объ ней. *Пропилеи* Леонтьева доставили мнѣ много удовольствія, но мы не Греки и не Римляне; мы не вѣримъ ихъ преданіямъ, и слѣдовательно, *Московскій Сборникъ*, съ Русскимъ своимъ содержаніемъ, долженъ былъ порадовать меня сторицею".

Посвященный во всѣ тайны Министерства Народнаго Просвѣщенія и Цензуры, А. В. Никитенко, подъ 28 апрѣля 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Москвѣ опять переполохъ. Тамъ изданъ *Сборникъ* Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, въ которомъ, говорятъ, напечатаны очень сильныя вещи. Мнѣ удалось прочесть только статью о Гоголѣ, изъ имени котораго очевидно хотятъ сдѣлать знамя. Гоголь тамъ названъ „великимъ сатирикомъ христіаниномъ" и т. д. Путь его былъ печальный, потому что ему суждено было проходить его среди общества, какое выставлено въ его *Мертвыхъ Душахъ* и т. д. Стихи Хомякова еще сильнѣе. О

Сборникъ уже много толкуютъ въ публикѣ. Тучи собираются: быть грозѣ. А кто виноватъ?" [97]).

Тревожные слухи долетѣли и до Москвы. Наканунѣ этой записи, И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „О *Сборникѣ* продолжаютъ утверждать, что онъ, или запрещенъ, или его непремѣнно запретятъ; всѣ говорятъ, что въ частности придраться нельзя ни къ чему, но что-то въ немъ есть дерзкое, что-то такое, что, съ 1848 года, въ Россіи не бывало... Вслѣдствіе усилившихся толковъ о *Сборникѣ*, вчера вечеромъ ѣздилъ я къ Львову—и узналъ отъ него слѣдующее: что въ Петербургѣ ждали его появленія съ нетерпѣніемъ, т.-е. не публика ждала, а правительство; что въ прошедшую пятницу получено отъ Назимова, изъ Петербурга, письмо, чтобы не выдавать пока билета на *Сборникъ*; но письмо уже опоздало, а потому Львовъ послалъ изданный *Сборникъ* Назимову, котораго во вторникъ или въ среду ждутъ сюда. Онъ думаетъ, что если достанется за что, то это за статью о Гоголѣ, и не потому, чтобъ она въ себѣ что-либо заключала, а потому, что она является въ то время, какъ Тургеневъ сидитъ на гауптвахтѣ, и такъ рѣзко противорѣчитъ фельетону Булгарина, выражающему, конечно, правительственный взглядъ на Гоголя" [98]).

Съ своей стороны и Погодинъ, подъ 26 апрѣля 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Ржевскій о *Сборникѣ* и цензурѣ. Потомъ Крыловъ.—Страхъ нагоняется. Наконецъ является Снегиревъ, разумѣется, какъ злой духъ съ намѣреніемъ узнать, и проч. Ахъ какая бестія! И его бойся!"

Разсмотрѣвъ *Московскій Сборникъ* „отъ доски до доски", князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ пришелъ къ заключенію, столь роковому для Русской литературы. „Когда я кончилъ разсмотрѣніе цѣлой книги",—писалъ онъ,—„мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія на неудовлетворительность для Русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Объ этомъ по-

дробно разсуждаетъ Кирѣевскій и повторяетъ К. Аксаковъ; о томъ же говоритъ Кошелевъ и упоминаетъ Хомяковъ. Это, такъ сказать, господствующая мысль въ *Московскомъ Сборникѣ* едвали можетъ быть признана дѣломъ случайнымъ и невольно приводитъ къ вѣроятности предположенія, что она не чужда цѣли изданія. Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ. Повергая все сіе на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, считаю долгомъ всеподданнѣйше донести, что мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) Цензору статскому совѣтнику князю Львову, разсматривавшему первый томъ *Московскаго Сборника*, за необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ; причемъ я внушилъ ему лично, что за подобную впредь неосмотрительность, онъ будетъ подвергнутъ строжайшему по законамъ взысканію. Цензоръ князь Львовъ принялъ такое внушеніе съ искреннимъ сознаніемъ вины своей и съ изъявленіемъ полной готовности загладить ее усерднымъ и точнымъ исполненіемъ своей обязанности. 2) Я обратилъ вниманіе Московскаго Цензурнаго Комитета на собранія сочиненій разныхъ писателей, извѣстныя у насъ подъ названіемъ *Сборниковъ*. Эти изданія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ журналы, представляютъ ту же удобность развивать и распространять между читателями одну или нѣсколько главныхъ идей, съ сохраненіемъ, при видимомъ разнообразіи статей своего содержанія, постояннаго направленія къ одной и той же цѣли, особливо если такія изданія будутъ появляться послѣдовательными томами и переходить изъ года въ годъ. Возможность злоупотребленія со стороны неблагонамѣренныхъ издателей здѣсь очевидна, и потому цензурное разсмотрѣніе сборниковъ требуетъ всей возможной осмотрительности, чтобъ они не сдѣлались отголосками ка-

кого-либо политическаго мнѣнія, несогласнаго съ видами правительства. 3) Признавая необходимымъ и съ своей стороны имѣть за сборниками самый бдительный надзоръ, я предложилъ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ Цензурномъ Комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію остальныхъ трехъ томовъ *Московскаго Сборника*, представлять ихъ въ рукописяхъ въ Главное Управленіе Цензуры съ заключеніемъ Комитета объ общемъ направленіи каждаго тома и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности" [99]).

„Существованіе *Сборника*",—писалъ (6 августа 1852) Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину,—„подвергается еще не малому сомнѣнію. Прежде, меня взялъ бы смѣхъ, еслибы такое сомнѣніе существовало; но теперь беретъ досада или, лучше сказать, горе. Когда жизнь потеряла свою чисто личную прелесть и когда только то, что можетъ быть полезнымъ, осталось доступнымъ: тогда грустно, что нельзя пользы приносить; а какую пользу можемъ мы принести, если намъ нельзя будетъ другихъ людей наводить на добрый путь, тогда когда все сбиваетъ всѣхъ на ложныя дороги? Объ моей статьѣ и ея содержаніи вы уже вѣроятно слышали. Она—отвѣтъ Кирѣевскому, и отчасти можно назвать ее оправданіемъ современнаго противъ старой Руси, не какъ лучшаго, но какъ законнаго и въ этомъ смыслѣ высшаго вывода изъ дурныхъ началъ, таившихся въ старинѣ... Поэтому статья моя, чисто историческая и нисколько не касающаяся прямо современныхъ вопросовъ, могла бы быть полезною особенно въ томъ отношеніи, что она совершенно безстрастна и могла бы успокоить сдавленныя, но не погаснувшія страсти. Грустно, если не пустятъ въ ходъ изданія, которое принесло бы непремѣнно добрые плоды" [100]).

XXII.

Не взирая на зловѣщія предзнаменованія, И. С. Аксаковъ имѣлъ дерзновеніе сдать въ Московскій Цензурный Комитетъ второй томъ *Московскаго Сборника.* 2 августа 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Очень мнѣ досадно, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что не успѣлъ повидаться съ вами передъ отъѣздомъ; сейчасъ ѣду въ деревню, и все это время былъ въ страшныхъ хлопотахъ. *Сборникъ* подалъ вчера въ Присутствіе Цензурнаго Комитета. Откладывать нельзя было, ибо на будущей недѣлѣ не будетъ Присутствія, по случаю праздника. Васъ ждутъ въ Абрамцево, а потому прощайте, до свиданія“ [101]). Въ то же время И. С. Аксаковъ съ увѣренностью писалъ И. С. Тургеневу: „Я продолжаю изданіе *Сборника.* Второй томъ выходитъ къ 1-му октября. Дайте, прошу васъ, статью. Мнѣ непремѣнно хочется, и теперь больше, чѣмъ когда-либо, чтобы вы приняли участіе въ нашемъ честномъ изданіи. Пришлите хоть бездѣлицу, разумѣется *не* въ родѣ *Трехъ Встрѣчъ*“ [102])...

Между тѣмъ, еще 14 іюля 1852 г., Л. В. Дубельтъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Г. Московскій военный генералъ-губернаторъ всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ Общество Славянофиловъ; что цѣль этихъ людей состоитъ въ томъ, дабы сдѣлать переворотъ въ Русской Литературѣ, не подражать иностраннымъ западнымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего Общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго, но какъ Общество это, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ получить вредное политическое направленіе, и какъ члены онаго бо́льшею частію литераторы, то онъ, графъ Закревскій, признавалъ совершенно необходимымъ, кромѣ личнаго за ними

кого-либо политическаго мнѣнія, несогласнаго съ видами правительства. 3) Признавая необходимымъ и съ своей стороны имѣть за сборниками самый бдительный надзоръ, я предложилъ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ Цензурномъ Комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію остальныхъ трехъ томовъ *Московскаго Сборника*, представлять ихъ въ рукописяхъ въ Главное Управленіе Цензуры съ заключеніемъ Комитета объ общемъ направленіи каждаго тома и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности“ [99]).

„Существованіе *Сборника*“,—писалъ (6 августа 1852) Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину,—„подвергается еще не малому сомнѣнію. Прежде, меня взялъ бы смѣхъ, еслибы такое сомнѣніе существовало; но теперь беретъ досада или, лучше сказать, горе. Когда жизнь потеряла свою чисто личную прелесть и когда только то, что можетъ быть полезнымъ, осталось доступнымъ: тогда грустно, что нельзя пользы приносить; а какую пользу можемъ мы принести, если намъ нельзя будетъ другихъ людей наводить на добрый путь, тогда когда все сбиваетъ всѣхъ на ложныя дороги? Объ моей статьѣ и ея содержаніи вы уже вѣроятно слышали. Она—отвѣтъ Кирѣевскому, и отчасти можно назвать ее оправданіемъ современнаго противъ старой Руси, не какъ лучшаго, но какъ законнаго и въ этомъ смыслѣ высшаго вывода изъ дурныхъ началъ, таившихся въ старинѣ... Поэтому статья моя, чисто историческая и нисколько не касающаяся прямо современныхъ вопросовъ, могла бы быть полезною особенно въ томъ отношеніи, что она совершенно безстрастна и могла бы успокоить сдавленныя, но не погаснувшія страсти. Грустно, если не пустятъ въ ходъ изданія, которое принесло бы непремѣнно добрые плоды“ [100]).

XXII.

Не взирая на зловѣщія предзнаменованія, И. С. Аксаковъ имѣлъ дерзновеніе сдать въ Московскій Цензурный Комитетъ второй томъ *Московскаго Сборника*. 2 августа 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Очень мнѣ досадно, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что не успѣлъ повидаться съ вами передъ отъѣздомъ; сейчасъ ѣду въ деревню, и все это время былъ въ страшныхъ хлопотахъ. *Сборникъ* подалъ вчера въ Присутствіе Цензурнаго Комитета. Откладывать нельзя было, ибо на будущей недѣлѣ не будетъ Присутствія, по случаю праздника. Васъ ждутъ въ Абрамцево, а потому прощайте, до свиданія“ [101]). Въ то же время И. С. Аксаковъ съ увѣренностью писалъ И. С. Тургеневу: „Я продолжаю изданіе *Сборника*. Второй томъ выходитъ къ 1-му октября. Дайте, прошу васъ, статью. Мнѣ непремѣнно хочется, и теперь больше, чѣмъ когда-либо, чтобы вы приняли участіе въ нашемъ честномъ изданіи. Пришлите хоть бездѣлицу, разумѣется *не* въ родѣ *Трехъ Встрѣчъ*“ [102])...

Между тѣмъ, еще 14 іюля 1852 г., Л. В. Дубельтъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Г. Московскій военный генералъ-губернаторъ всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ Общество Славянофиловъ; что цѣль этихъ людей состоитъ въ томъ, дабы сдѣлать переворотъ въ Русской Литературѣ, не подражать иностраннымъ западнымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего Общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго, но какъ Общество это, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ получить вредное политическое направленіе, и какъ члены онаго бóльшею частію литераторы, то онъ, графъ Закревскій, признавалъ совершенно необходимымъ, кромѣ личнаго за ними

надзора, обратить особенное вниманіе Цензуры на ихъ сочиненія. Генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, увѣдомляя объ этомъ, присовокупилъ, что, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить о вышеизложенномъ, для исполненія, шефу Жандармовъ, и доставить списокъ извѣстнымъ ему Славянофиламъ. По всеподданнѣйшему моему докладу о сихъ обстоятельствахъ, государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть, дабы на представляемыя, какъ отъ поименованныхъ въ означенномъ спискѣ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ Славянофиловъ, было обращаемо со стороны Цензуры особенное и строжайшее вниманіе. За отсутствіемъ г. генералъ-адъютанта графа Орлова, увѣдомляя ваше сіятельство о такой монаршей волѣ и прилагая копію упомянутаго списка Славянофиламъ, для зависящаго распоряженія, имѣю честь присовокупить, что проявленіемъ вреднаго направленія Славянофиловъ, по отзыву г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора, можно считать помѣщенные въ изданномъ Аксаковымъ *Московскомъ Сборникѣ* стихотвореніе Хомякова: „Мы родъ избранный" и отрывки изъ сочиненія Аксакова *Бродяга*".

Князь П. А Вяземскій, въ *Старой Записной Книжкѣ*, сохранилъ слѣдующій оффиціальный списокъ Славянофиловъ, присланный изъ Москвы:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ. Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ. Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ. Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ. Дмитріевъ-Мамоновъ, Эмануилъ Дмитріевичъ. Кошелевъ, Александръ Ивановичъ. Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Армфельдъ, Александръ Осиповичъ. Бестужевъ, Сергѣй Михайловичъ. Ефремовъ, Александръ Павловичъ. Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ.

„Смѣшно видѣть", — замѣчаетъ князь Вяземскій, — „въ этомъ спискѣ, между прочими, Чаадаева. Вотъ съ какимъ толкомъ, съ какимъ знаніемъ личностей и мнѣній наша высшая полиція доноситъ правительству на лица и мнѣнія"!

Само собою разумѣется, Ив. Серг. Аксаковъ не зналъ о письмѣ Дубельта, когда 1 августа того же года представлялъ въ Цензурный Комитетъ второй томъ *Московскаго Сборника*. По доведеніи объ этомъ представленіи до свѣдѣнія графа А. Ѳ. Орлова, послѣдній, 4 ноября 1852 г., писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, извѣстивъ меня, что въ Московскій Цензурный Комитетъ представленъ надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Аксаковымъ второй томъ *Московскаго Сборника*, въ которомъ, между прочимъ, находятся нѣкоторыя статьи вреднаго политическаго содержанія, присовокупилъ, что случай этотъ вновь побуждаетъ имѣть особенный секретный надзоръ, какъ за изданіемъ упомянутаго *Сборника*, такъ и вообще за Славянофилами и ихъ сочиненіями“.

Прочитавъ эту бумагу, князь Ширинскій написалъ карандашомъ: „Если у насъ о семъ нѣтъ свѣдѣній, предложить о доставленіи ихъ немедленно Попечителю“.

Въ своемъ отвѣтѣ, В. И. Назимовъ знакомитъ насъ, какъ съ содержаніемъ второго тома *Московскаго Сборника*, такъ и со взглядомъ на оный тогдашней Цензуры. Во главѣ угла поставлена статья Хомякова, *Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго*, помѣщенной въ первой книгѣ *Московскаго Сборника*: „Сочинитель поставилъ себѣ цѣлію защитить статью Кирѣевскаго, которую онъ находитъ справедливою и прекрасною, и въ то же время высказать свои мнѣнія о разныхъ предметахъ Исторіи, политики, полемической Богословіи и философіи, кои у него смѣшиваются въ статьѣ его. Хотя убѣжденія свои и направленія онъ облекаетъ въ темноту, не всегда проникаемую, не менѣе того нѣкоторыя его мысли и выраженія Комитетъ находитъ или противорѣчущими предписаніямъ высшаго начальства, или обоюдностію и неточностью своей могущими дать поводъ къ неблагопріятнымъ для него толкамъ и сужденіямъ; да и самъ Хомяковъ, оправдывая Кирѣевскаго, оговаривается, что онъ, „опредѣляя задачу и отчасти уясняя ее, приготовляетъ, можетъ быть,

надзора, обратить особенное вниманіе Цензуры на ихъ сочиненія. Генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, увѣдомляя объ этомъ, присовокупилъ, что, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить о вышеизложенномъ, для исполненія, шефу Жандармовъ, и доставить списокъ извѣстнымъ ему Славянофиламъ. По всеподданнѣйшему моему докладу о сихъ обстоятельствахъ, государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть, дабы на представляемыя, какъ отъ поименованныхъ въ означенномъ спискѣ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ Славянофиловъ, было обращаемо со стороны Цензуры особенное и строжайшее вниманіе. За отсутствіемъ г. генералъ-адъютанта графа Орлова, увѣдомляя ваше сіятельство о такой монаршей волѣ и прилагая копію упомянутаго списка Славянофиламъ, для зависящаго распоряженія, имѣю честь присовокупить, что проявленіемъ вреднаго направленія Славянофиловъ, по отзыву г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора, можно считать помѣщенные въ изданномъ Аксаковымъ *Московскомъ Сборникѣ* стихотвореніе Хомякова: „Мы родъ избранный“ и отрывки изъ сочиненія Аксакова *Бродяга*“.

Князь П. А Вяземскій, въ *Старой Записной Книжкѣ*, сохранилъ слѣдующій оффиціальный списокъ Славянофиловъ, присланный изъ Москвы:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ. Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ. Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ. Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ. Дмитріевъ-Мамоновъ, Эмануилъ Дмитріевичъ. Кошелевъ, Александръ Ивановичъ. Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Армфельдъ, Александръ Осиповичъ. Бестужевъ, Сергѣй Михайловичъ. Ефремовъ, Александръ Павловичъ. Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ.

„Смѣшно видѣть“, — замѣчаетъ князь Вяземскій, — „въ этомъ спискѣ, между прочими, Чаадаева. Вотъ съ какимъ толкомъ, съ какимъ знаніемъ личностей и мнѣній наша высшая полиція доноситъ правительству на лица и мнѣнія“!

Само собою разумѣется, Ив. Серг. Аксаковъ не зналъ о письмѣ Дубельта, когда 1 августа того же года представлялъ въ Цензурный Комитетъ второй томъ *Московскаго Сборника*. По доведеніи объ этомъ представленіи до свѣдѣнія графа А. Ѳ. Орлова, послѣдній, 4 ноября 1852 г., писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, извѣстивъ меня, что въ Московскій Цензурный Комитетъ представленъ надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Аксаковымъ второй томъ *Московскаго Сборника*, въ которомъ, между прочимъ, находятся нѣкоторыя статьи вреднаго политическаго содержанія, присовокупилъ, что случай этотъ вновь побуждаетъ имѣть особенный секретный надзоръ, какъ за изданіемъ упомянутаго *Сборника*, такъ и вообще за Славянофилами и ихъ сочиненіями“.

Прочитавъ эту бумагу, князь Ширинскій написалъ карандашомъ: „Если у насъ о семъ нѣтъ свѣдѣній, предложить о доставленіи ихъ немедленно Попечителю“.

Въ своемъ отвѣтѣ, В. И. Назимовъ знакомитъ насъ, какъ съ содержаніемъ второго тома *Московскаго Сборника*, такъ и со взглядомъ на оный тогдашней Цензуры. Во главѣ угла поставлена статья Хомякова, *Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго*, помѣщенной въ первой книгѣ *Московскаго Сборника*: „Сочинитель поставилъ себѣ цѣлію защитить статью Кирѣевскаго, которую онъ находитъ справедливою и прекрасною, и въ то же время высказать свои мнѣнія о разныхъ предметахъ Исторіи, политики, полемической Богословіи и философіи, кои у него смѣшиваются въ статьѣ его. Хотя убѣжденія свои и направленія онъ облекаетъ въ темноту, не всегда проникаемую, не менѣе того нѣкоторыя его мысли и выраженія Комитетъ находитъ или противорѣчущими предписаніямъ высшаго начальства, или обоюдностію и неточностью своей могущими дать поводъ къ неблагопріятнымъ для него толкамъ и сужденіямъ; да и самъ Хомяковъ, оправдывая Кирѣевскаго, оговаривается, что онъ, „опредѣляя задачу и отчасти уясняя ее, приготовляетъ, можетъ быть,

ея разрѣшеніе, но не имѣетъ притязанія разрѣшить ее". Предполагая на Руси, до призванія Рюрика, единство и цѣльность, Хомяковъ поставляетъ причинами нарушенія этой цѣльности, перешедшей въ такъ-называемое имъ раздвоеніе: 1) Князя и дружину его иностранную, что подтверждаютъ его слова: „Князь съ дружиною на Руси были чужды землѣ и общинѣ до эпохи Московскаго Княженія". — Княжеской дружинѣ Хомяковъ противопоставляетъ земскую, народную, которая съ первою была въ борьбѣ; она произведена Русскимъ бытомъ изстари по преимуществу общиннымъ. По словамъ его, въ Россіи, съ самаго начала, существовала крайность личной отдѣленности, которая будто имѣла неблагопріятное вліяніе на весь ходъ общественнаго развитія; изъ этой раздѣльной личности онъ выводитъ мѣстничество, чуждое общей земской жизни. Въ вольномъ Новгородѣ, говоритъ онъ, не было мѣстничества; земщина не мѣстничилась. Рюриковъ родъ часто раздиралъ землю Русскую неправильными или сомнительными притязаніями своихъ членовъ. Княжескій родъ, съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ, былъ склоненъ къ раздорамъ. 2) Учрежденія, заимствованныя у Византійской Имперіи чужды духу Христіанства, равно какъ и ложныя постановленія Римско-Византійскаго права. Духъ Христіанства чуждъ учрежденіямъ самой Имперіи. Россія легко могла принимать ложныя постановленія Римско-Византійскаго права за явленія христіанскія. — Большая часть Русскихъ были христіанами по обряду, а не по разуму". Но Греко-Римское право, подъ фирмою *Номоканона*, признанное Восточною Церковію, вошло въ законодательство Русское, имѣло и до нынѣ имѣетъ силу закона не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и въ гражданскихъ. Чтожъ касается до выраженія: „Христіанство по разуму", то оно кажется неточнымъ и несоотвѣтственнымъ, потому что оно бываетъ по вѣрѣ, по отрожденію, а не по разуму, который св. Писаніе именуетъ кичливымъ. Далѣе, Хомяковъ утверждаетъ, „будто народу неизвѣстна была церковная свобода въ отношеніи обряда"

и что будто „вѣра соединена съ мысленною свободою“. Такимъ образомъ, говоря о дѣйствіи Церкви и о вліяніи ея на Исторію Русскую, самъ сочинитель боится, чтобы его словамъ не дали ложнаго толкованія. Опасеніе его справедливо; при всемъ ученомъ его достоинствѣ, сбивчивость, темнота и шаткость нѣкоторыхъ его мыслей и выраженій вызываютъ противорѣчія и приводятъ въ недоумѣніе, если не въ подозрѣніе, напримѣръ: Частныя страданія только налагали вѣнецъ мученичества на ослѣпленную голову. Желѣзныя формы административнаго Просвѣщенія. Западъ былъ счастливо бѣденъ, а Востокъ богатъ ересями. Таблица счетоводства между Богомъ и Его твореніемъ“ и т. д. [103]).

Этотъ жестокій приговоръ до глубины души огорчилъ Хомякова, и онъ писалъ А. Н. Попову: „Вы меня столько знаете, что вполнѣ можете быть увѣреннымъ, что я никогда и никакъ не могу заслужить упрека по своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ общественнымъ. Много имѣлъ я пріятелей, которые были или скептики, или вовсе невѣрующіе и почти всѣ сдѣлались людьми искренно вѣрующими. Много было либераловъ, даже въ крайней степени, и они сдѣлались монархистами... Теперь здѣсь ходитъ слухъ о какомъ-то негодованіи на *Московскій Сборникъ*. Я статей другихъ не знаю кромѣ своей, а въ ней я сохраняю и отчасти развиваю свое всегдашнее убѣжденіе, что истинное Просвѣщеніе имѣетъ по преимуществу характеръ консерваторства, которое есть постоянное усовершенствованіе, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрывъ гибеленъ... Всѣ прежнія мои статьи того же содержанія, всѣ бесѣды того же смысла“.

Статья К. С. Аксакова: *Богатыри временъ великаго князя Владиміра по Русскимъ пѣснямъ*, обратила также на себя строгое вниманіе Цензуры. „Цѣль этой статьи“,—замѣчаетъ цензоръ,—„по словамъ сочинителя, опредѣлить характеристику богатырей и указать на художественную сторону древней народной поэзіи. Но въ тоже время сочинитель желалъ выска-

зать и свои мысли и свои взгляды на древній быть, который онъ какъ бы ставитъ въ противоположность съ новымъ. Изображая равенство и братство богатырей за пирами у великаго князя Владиміра, у котораго они имѣли все Русское значеніе, сочинитель говоритъ, что „аристократическое право породы, образовавшееся на Западѣ, не существовало въ древней Руси; у великаго князя Владиміра всѣ богатыри за столомъ были равны: и бояринъ Ставръ и крестьянинъ Илья Муромецъ“. Но этому противорѣчатъ самыя слова Владиміра богатырямъ, приводимыя Аксаковымъ: „По имени можно вамъ мѣсто дать, по отчеству—пожаловать“. Продолжая описаніе двора Владимірова, Аксаковъ говоритъ, что богатыри собирались вокругъ него вольно, безъ подобострастія; съ великою княгинею еще меньше чинились. Тугаринъ, въ присутствіи князя, цѣлуетъ княгиню; она отвѣчаетъ ему на ласки его, привѣтствуя его милымъ другомъ; одинъ богатырь называетъ княгиню „сукою“; а соловей-разбойникъ великаго князя — воромъ: „не тебя князя вора я слушаю“; великій князь Владиміръ, чтобы отбить у мужа законную жену, посылаетъ его на явную смерть. Супруга великаго князя Владиміра влюбляется въ калику прохожаго. Добрыня беретъ къ себѣ свою жену, обвѣнчанную въ присутствіи его съ другимъ. Всѣ сіи противозаконные поступки, выставленные здѣсь какъ бы напоказъ, совершаются не въ язычествѣ, но въ христіанствѣ равноапостольнаго князя. Самыя названія св. Владиміра и Ильи Муромца—сказочными, равносильны слову миѳическій, баснословный, напримѣръ: „сказочный образъ Ильи Муромца, причтеннаго къ лику святыхъ нашею церковію“. Представляются также сомнительными сравненіе хоровода съ Русскою общиною и указаніе нравственной силы: „воля и приволье богатырской жизни“.

Обращено также вниманіе и на примѣчанія К. С. Аксакова къ статьѣ барона Шепинга: *Купало*, въ которыхъ часто повторяемыя слова община, общинная сторона жизни могутъ наводить на сходство сихъ началъ, предполагаемыхъ въ Рус-

ской древней жизни, съ коммунизмомъ, хотя бы, вѣроятно, и не разумѣлъ его сочинитель. Противно праву собственности положеніе Аксакова, что лѣсъ, поле и рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ".

За статью Аксакова о *Богатыряхъ* заступился впослѣдствіи князь П. А. Вяземскій, который писалъ: „Я никакъ не могу доискаться въ ней политическаго значенія, и во-первыхъ просто потому, что не могу признать автора ея сумасшедшимъ, а одному безумію можно было бы приписать намѣреніе противодѣйствовать существующему законному порядку полуисторическою, полубаснословною картиною нравовъ, обычаевъ и повѣрій, существовавшихъ въ Россіи почти за тысячу лѣтъ до насъ" [104]).

XXIII.

Самъ И. С. Аксаковъ намѣревался украсить второй томъ *Московскаго Сборника* и своими стихами и своею прозою; но и то и другое возбудили негодованіе Цензуры.

Самое названіе стихотворенія его *Подражаніе Еврейской поэзіи*, не говоря уже о содержаніи, поставило цензора въ недоумѣніе. „Неизвѣстно",—пишетъ онъ,— „что разумѣетъ авторъ подъ *Еврейскою поэзіею*, новѣйшую ли какую мірскую, или священную, свыше вдохновенную. Источники той и другой совершенно различны; одна есть произведеніе человѣческаго духа, другая есть твореніе духа Божія. Самое названіе *Еврейская поэзія* не есть Русское, православное, а переводъ съ Нѣмецкаго и Французскаго. Если подъ Еврейскою поэзіею дѣйствительно Русскій стихотворецъ разумѣлъ священныя пѣснопѣнія Боговдохновенныхъ Пророковъ, то почему же не указываетъ изъ какихъ книгъ Ветхаго Завѣта почерпаетъ свое подражаніе, иначе можно подумать, что подражатель-стихотворецъ, подъ именемъ *Еврейской поэзіи*, только высказываетъ свои мысли и чувства и при томъ такъ

свободно и загадочно, что легко можетъ дать поводъ къ разнымъ догадкамъ. Въ подражаніи его выставляется человѣкъ, вокругъ коего мольбы и плачи, торжествующее зло, а онъ

> На царство лжи глядитъ не злобно,
> И примирнется удобно
> Съ неправдой быта своего,—

тогда, какъ бы ему надобно было „стряхнуть ярмо благоразумья, не знать ни страха, ни стыда, позорить, гремѣть укорнымъ словомъ, подвигнуть насъ горячимъ зовомъ на дѣло общаго труда“.

Въ такомъ духѣ написано и другое стихотвореніе на борьбу съ неправдой и порокомъ. Поэтъ видитъ препятствіе, невозможность, въ настоящее время, въ его положеніи, идти на жаркій бой, на подвигъ испытаній, потому что

> подвиговъ живыхъ,
> Высокихъ жертвъ, борьбы великодушной
> Пора прошла, и намъ въ замѣну ихъ
> Борьбы глухой достался жребій скучный.
> Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни.

Но въ замѣну того, есть путь иной:

> — Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка,
> Онъ точитъ дубъ... долбитъ и капля камень!

Хотя Комитетъ не можетъ угадывать смыслъ такихъ загадокъ, ибо уставъ о цензурѣ № 6 не позволяетъ произвольнаго толкованія рѣчи въ другую сторону, но какъ по дознаннымъ опытамъ, читатели подобныя обоюдности скорѣе толкуютъ въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону, то онъ и сомнѣвается пропустить такія стихотворенія“.

Раздѣлавшись такимъ образомъ со стихами Аксакова, Цензура не пощадила и его статьи прозаическія.

Во время пребыванія своего въ Ярославлѣ, уѣздныхъ городахъ и селахъ Ярославской губерніи, И. С. Аксаковъ написалъ нижеслѣдующій рядъ статей: 1) О общественной жизни въ губернскихъ городахъ. 2) О ремесленномъ устройствѣ

въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи. 3) Отвѣтъ крестьянъ помѣщику о работѣ на фабрикахъ и 4) Мірской приговоръ Рыбинской Ловецкой слободы, Ярославской губерніи. Всѣ эти статьи И. С. Аксаковъ намѣревался также напечатать во второмъ томѣ *Московскаго Сборника*; но ни единой изъ нихъ Московская Цензура не допустила къ печати и о каждой изъ нихъ дала свой неблагопріятный отзывъ: Въ первой изъ этихъ статей, „изображая все растлѣніе и развратъ провинціальнаго общества, заимствованные будто бы отъ столицъ, сочинитель касается злоупотребленій губернскаго начальства и помѣщиковъ. Явленіями провинціальнаго прогресса, по словамъ его, служатъ: учрежденіе клубовъ, наполненныхъ эманципированными дамами и дѣвицами, дѣтскіе балы, которые онъ называетъ нравственнымъ душегубствомъ, отягощеніе крестьянъ для пособія бѣднымъ дамскаго общества. Въ провинціяхъ, говоритъ онъ, смотрятъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія. Тамъ существуетъ радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ, хлѣбосольство со всякимъ порокомъ, будь только онъ въ знатной и богатой оправѣ. Помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетговена, помѣщицы рядятся на деньги, собранныя съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся у нихъ отъ принужденнаго замужества. Въ провинціяхъ всякія формы и письменность сокращаются чрезвычайно, всякое дѣло обдѣлывается очень запросто, стоитъ только попросить П. И. и И. И.; грязныя дѣлишки тамъ не осуждаются, потому что всѣ исполнены необыкновенной терпимости. Самыя увеселенія связаны съ оффиціальными событіями, съ пріѣздомъ и отъѣздомъ губернатора и ревизора; тогда даются для нихъ обѣды по подпискѣ; отъѣздъ того и другого сопровождается заочнымъ ругательствомъ. Служебныя злоупотребленія не возбуждаютъ негодованія; честный пылъ и бодрое негодованіе въ службѣ встрѣчается холодностью. Какъ, повидимому, все зло происходитъ отъ вліянія столицъ, хотя въ нихъ, по словамъ сочинителя, найдется многочисленный кругъ людей, пре-

данныхъ живымъ, современнымъ интересамъ, то сочинитель въ предупрежденіе зла совѣтуетъ провинціямъ, вмѣсто подражанія столицамъ, сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ коему они естественно ближе, чѣмъ столицы, чтобы получить вѣрное значеніе въ дѣлѣ истинно Русской образованности" и т. д.

По мнѣнію цензора, „статья эта есть не что иное, какъ крайне неприличная и непрерывная насмѣшка надъ нравами и обычаями губернскихъ дворянскихъ обществъ, не столько дѣйствительно существующими, сколько воображаемыми авторомъ".

Въ статьѣ *О ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи*, выставляется на показъ и какъ бы въ образецъ ремесленный союзъ пяти селеній, какъ проявленіе общиннаго быта. Крестьяне, управляющіеся сами собою, безъ вмѣшательства своихъ помѣщиковъ, которые съ ними на это согласились, по своему призванію, занимаются дѣланіемъ ящиковъ для купцовъ, — поровну дѣлятъ между собою выработанныя деньги, и сходка ихъ называется *всемірною*, которая выбираетъ бурмистра и старшинъ на неопредѣленное время: „пока міру будутъ любезны". Сочинитель въ заключеніи благодаритъ помѣщиковъ, „которые не насилуютъ крестьянскаго быта и не вмѣшиваются въ ихъ дѣла, давая имъ жить и устраиваться по своему". Въ противоположность этому сельскому союзу ремесленному, выставляется городская производительность, которая, по словамъ сочинителя, „существуетъ не совсѣмъ на Русскихъ основаніяхъ". Цивилизація на почвѣ корпорацій, привилегій и тому подобныхъ стѣснительныхъ учрежденій, противна Русскому общинному быту. За тѣмъ, слѣдуетъ выписка изъ X т. *Свода*, объ устройствѣ ремеслъ въ городахъ. Фабричной жизни противополагается вольный и свободный трудъ, а не принужденный; словомъ, трудъ по призванію.

На это цензоръ возражаетъ: „Такое особенное явленіе въ жизни народной, какъ единственное въ своемъ родѣ, за-

висящее отъ мѣстности и нравовъ, едва ли можетъ быть всеобщимъ въ разноклиматной и разнохарактерной Россіи, гдѣ все приводится къ спасительной для нея цѣлости самодержавіемъ и православіемъ и подъ высокимъ покровительствомъ самодержца вѣрноподданными ему помѣщиками, гдѣ, какъ и вездѣ, невозможны нелѣпыя фаланстеры Фурьера, ни западныя средневѣковыя общины".

Извѣстный впослѣдствіи дѣятель, знаменитыхъ Редакціонныхъ Коммиссій и учредитель гражданскаго порядка въ царствѣ Польскомъ и въ освобожденной Болгаріи, князь В. А. Черкасскій, прислалъ для напечатанія во второмъ томѣ *Московскаго Сборника* свое изслѣдованіе о *подвижности населенія*. Въ этомъ изслѣдованіи сочинитель касается отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Хотя Цензурный Комитетъ отнесся къ этой статьѣ довольно снисходительно, и даже признавалъ, что она можетъ быть пропущена, если исключить или измѣнить выраженія, подобныя слѣдующимъ: „Такимъ образомъ, крестьянинъ изъ прежней неограниченной свободы сохранилъ одно право перехода. Порабощеніе Варяжское оставило волость вольной общиной. Свобода крестьянская. Неоцѣненныя блага свободы". Но князь Ширинскій замѣтилъ: „Не смотря на ученый способъ изложенія, статья князя Черкасскаго, какъ въ цѣлости, такъ и въ подробностяхъ, есть не что иное, какъ болѣе или менѣе неосторожное прикосновеніе къ одному изъ основныхъ началъ государственнаго быта. Представляя крѣпостное право въ видѣ насильственнаго порабощенія крестьянъ, она не можетъ быть выпущена въ свѣтъ".

Представляя въ Главное Управленіе Цензуры вышеизложенное мнѣніе Московскаго Цензурнаго Комитета, съ приложеніемъ самой рукописи, В. И. Назимовъ въ заключеніи писалъ, что „общій духъ и направленіе этого второго тома *Московскаго Сборника* тѣ же самые, какіе были замѣчены мною и обратили на себя вниманіе правительства и въ первомъ томѣ. Во всѣхъ почти статьяхъ, за исключеніемъ немногихъ, замѣтно какое-то недовольство настоящимъ нашимъ

образованіемъ, нравственностію, образомъ жизни и даже учрежденіями правительства, и высказывается стремленіе выставить нашъ древній Русскій бытъ въ преувеличенно-лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго во всѣхъ отношеніяхъ одобренія и подражанія, а потому я, съ своей стороны, полагаю, что означенныя статьи не только не могутъ быть дозволены къ напечатанію, но, какъ вредныя по развиваемымъ въ нихъ началамъ, не согласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію, порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о цензурѣ".

Получивъ это донесеніе, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ обратился къ Московскому Попечителю съ запросомъ: „Какіе имѣютъ званіе и чины К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, И. Д. Бѣляевъ, И. В. Кирѣевскій, П. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ и А. С. Хомяковъ?" Попечитель отвѣчалъ: „1) Издатель *Сборника*—отставной надворный совѣтникъ И. С. Аксаковъ. 2) Братъ его К. С. Аксаковъ, также не служащій. Имѣютъ очень хорошее состояніе. 3) Иванъ и 4) братъ его Петръ Васильевичи Кирѣевскіе имѣютъ достаточное состояніе въ Тульской и Орловской губерніяхъ; изъ нихъ Петръ въ отставкѣ, а Иванъ служитъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго Уѣзднаго Училища. 5) А. И. Кошелевъ—отставной надворный совѣтникъ, имѣетъ до четырехъ тысячъ душъ крестьянъ въ Рязанской губерніи и домъ въ Москвѣ. 6) А. С. Хомяковъ, служившій въ военной службѣ, кажется въ чинѣ маіора, имѣетъ до трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ Тульской губерніи. 7) Коллежскій асессоръ И. Д. Бѣляевъ служитъ совѣтникомъ въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ".

Не довѣряя Министерству Народнаго Просвѣщенія, Третіе Отдѣленіе потребовало къ себѣ рукопись второго тома *Московскаго Сборника* и, разсмотрѣвъ ее, устами Л. В. Дубельта, произнесло жестокій приговоръ, обрекавшій нашихъ лучшихъ писателей и мыслителей на безмолвіе.

23 Января 1853 года, Л. В. Дубельтъ доводилъ до свѣ-

дѣнія министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующее: „Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенныя во второмъ томѣ *Московскаго Сборника*, я нахожу, что Московскіе Славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ Русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ, и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра; что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то: Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало; а первый изъ нихъ такое сочиненіе, которое правительствомъ было признано неумѣстнымъ, не только дополнилъ, но и напечаталъ; что вообще они, даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію таковаго вреднаго образа мыслей, и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1) Второй томъ *Московскаго Сборника* вполнѣ запретить. 2) Равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого *Сборника*. 3) Редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій. 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкаскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, *воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія*. 5) Всѣхъ сихъ, какъ людей *открыто неблагонамѣренныхъ*, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору“.

Но князь А. Ѳ. Орловъ призналъ этотъ приговоръ слишкомъ жестокимъ и, 27 февраля 1853 года, писалъ къ министру Народнаго Просвѣщенія: „Я нахожу, что принимать рукописи къ разсмотрѣнію, въ цензурныхъ комитетахъ отъ Ивана и Константина Аксаковыхъ, Хомякова, Кирѣевскаго и

князя Черкаскаго, *можно*, но съ тѣмъ, чтобы они представляли эти рукописи для разсмотрѣнія прямо въ Главное Управленіе Цензуры“ [105]).

„Думаю“,—писалъ А. С. Хомяковъ къ Ю. Ѳ. Самарину,— „что дѣло обошлось не безъ Корфа, хотя Коссовичъ и распинается за него; но вѣдь наивность санскритолога извѣстна, и онъ не можетъ видѣть ничего дурного въ главнокомандующемъ пяти сотъ тысячъ книгъ, особенно же въ человѣкѣ, который купилъ для храненія въ Москвѣ все Древлехранилище Погодина; впрочемъ, за это и всякій скажетъ спасибо“.

Такимъ образомъ, люди, отмѣченные высшими дарами, православные, монархическіе, благородно стремившіеся „возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностію, возбуждать любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысить надъ чистотою слога“,—оффиціально признаны людьми *открыто неблагонамѣренными* и обречены на *безмолвіе*.

Заключимъ эти скорбныя страницы нашего повѣствованія весьма назидательными и дальновидными словами князя П. А. Вяземскаго: „Руководствуясь опытностію и убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, раздѣляли со мною лучшіе и благонамѣреннѣйшіе наши писатели, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, скажу откровенно, что всѣ многосложныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ, эти притѣсненія, или излишнія стѣсненія, могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо стоокой цензуры получитъ въ обществѣ значеніе, вѣсъ и вліяніе. Подозрѣвая такихъ и такихъ-то писателей, правительство облекаетъ ихъ въ политическій характеръ и обращаетъ на нихъ обществен-

ное мнѣніе. Самое молчаніе ихъ полно смысла и значенія... Слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія... Взаперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается. Правительство обязано заботиться не только о текущемъ днѣ и о случайныхъ явленіяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, но еще болѣе должно пещись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародитъся въ настоящемъ, чтобы впослѣдствіи созрѣть и осуществиться“ [106]).

XXIV.

Издаваемый Славянофилами *Московскій Сборникъ* возбудилъ къ нимъ подозрѣніе и навлекъ бдительный надъ ними надзоръ, и это продолжалось до самаго конца царствованія императора Николая I-го.

Не смотря на то, что это подозрѣніе отстранило Славянофиловъ отъ всякой дѣятельности, Дубельтъ счелъ полезнымъ написать о нихъ цѣлый трактатъ; но въ этомъ трактатѣ онъ обнаружилъ, впрочемъ, сбивчивое понятіе объ ученіи Московскихъ Славянофиловъ. Это же нисколько не помѣшало ему представить свой трактатъ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Словенофилы, подражая ученымъ Западной Европы, заботятся о сохраненіи памятниковъ древности, о возстановленіи собственной народности, языка и литературы и объ изгнаніи изъ нашихъ нравовъ всего иноземнаго. Это направленіе, съ одной стороны, похвальное, но съ другой—выходя изъ своихъ предѣловъ, иногда порождаетъ событія несоотвѣтственныя настоящему порядку дѣлъ. У насъ славянофильство сдѣлалось замѣтнымъ сначала въ Москвѣ. Изъ приверженцевъ этого ученія, до 1847 г., были тамъ извѣстны: бывшій профессоръ Университета Бодянскій, профессоръ Шевыревъ, писатели Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ и другіе. Одни изъ нихъ носили простонародную Русскую одежду

и отпускали себѣ бороду, негодуя на императора Петра 1-го, который, по ихъ мнѣнію, унизилъ Россію въ собственномъ ея народномъ началѣ, отдѣливъ высшее сословіе отъ низшаго одеждою и наружностію; иные, въ преувеличенныхъ возгласахъ, разсуждали о всемірномъ вопросѣ на счетъ Славянъ, будто бы обратившихъ на себя вниманіе всей Европы, о необыкновенно великомъ значеніи Славянъ, которые рано или поздно сдѣлаются первенствующимъ народомъ въ образованномъ мірѣ, и тому подобномъ. Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они не рѣдко заставляли сомнѣваться, не кроется ли подъ ихъ патріотическими возгласами цѣлей, противныхъ нашему правительству. Константинъ Аксаковъ, въ 1846 году, по случаю семисотлѣтія существованія Москвы, напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью, въ которой называлъ Москву народною столицею, говорилъ о Земской Думѣ, собранной при Іоаннѣ IV изъ всей земли Русской, о спасеніи Русской земли, въ 1812 году, народомъ и проч. Тогда же на эту статью обращено было вниманіе бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа графа Строганова. Въ 1847 году, обнаружено, что славянофильство можетъ принять и преступное направленіе. Въ Кіевѣ кандидатъ Гулакъ, адъюнктъ профессоръ Костомаровъ и кандидатъ Бѣлозерскій учреждали тайное общество, подъ названіемъ *Общество Св. Кирилла и Меѳодія*. Съ ними находились въ сношеніяхъ или раздѣляли ихъ мнѣнія: бывшій учитель С.-Петербургской Гимназіи Кулѣшъ, художникъ Шевченко и другіе молодые люди, большею частію воспитанники Университета Св. Владиміра. Цѣль этого Общества сначала заключалась въ томъ, чтобы, возстановляя народность, языкъ и литературу Славянскихъ племенъ, приготовлять эти племена къ соединенію подъ одну державу; но какъ всѣ члены Общества были уроженцы Малороссіи, то вскорѣ славянофильство ихъ обратилось въ украйнофильство, и они перешли къ предположеніямъ о возстановленіи Малороссіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до присоединенія къ Россіи. Не только въ бума-

гахъ, хранившихся у соучастниковъ Украйно-Славянскаго Общества, но даже въ напечатанныхъ сочиненіяхъ Кулѣша и частію Костомарова, описывались распоряженія императора Петра I-го и его преемниковъ въ видѣ угнетенія и подавленія правъ народныхъ; напротивъ того, духъ прежняго казачества они изображали съ восторженными похвалами; наѣзды гайдамаковъ представляли въ видѣ подвиговъ рыцарства; славу временъ гетманщины называли всемірною; приводили пѣсни Украинскія, въ которыхъ выражается любовь къ вольности, намекая, что этотъ духъ не простылъ и доселѣ таится въ Малороссіянахъ. Шевченко же, въ стихотвореніяхъ своихъ, сверхъ похвалъ прежнему времени и брани противъ нынѣшняго порядка, съ невѣроятною дерзостію изливалъ клеветы и желчь на все, священное для Россіи. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ соучастниковъ найдены были уставъ Общества и рукопись, подъ заглавіемъ: *Законъ Божій*, самаго революціоннаго содержанія. Хотя бумаги эти не сдѣлались основаніемъ или правилами Украйно-Славянскаго Общества, но оно могло принять направленіе, опасное для государственнаго спокойствія. Виновные въ тоже время были подвергнуты строгимъ наказаніямъ; напечатанныя сочиненія Шевченки (*Кобзарь*), Кулѣша—(*Повѣсть объ Украинскомъ народѣ*, *Украйна* и *Михайло Чернышенко*) и Костомарова (*Украинскія баллады* и *Вѣтка*),—изъяты изъ продажи; самимъ Кулѣшу и Шевченкѣ запрещено писать, а послѣднему и рисовать; бывшему адъюнктъ-профессору Чижову, который оказался хотя поборникомъ Русской народности, но выходящимъ изъ границъ благоразумія, предписано представлять свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; цензорамъ же, пропустившимъ вышеупомянутыя сочиненія, объявленъ былъ строгій выговоръ. Тогда обращено было вниманіе и вообще на Славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ находились при воспитаніи юношества. Сверхъ того, лица, прикосновенныя къ украйно-

славянскому дѣлу, оправдывали себя именно тѣмъ, что они считали дѣятельность свою согласною съ видами правительства: ибо само учебное начальство, поощряя изысканія о Славянскихъ древностяхъ и нарѣчіяхъ, отправляя путешественниковъ (какъ отправляло и Кулѣша) въ земли западныхъ Славянъ и предписывая собирать въ Малороссіи и другихъ областяхъ Россіи мѣстныя слова, пословицы и проч., какъ бы поощряло ихъ къ изученію науки Славянской. Вслѣдствіе этого, по высочайшему повелѣнію, шефомъ Жандармовъ сообщено было бывшему министру Народнаго Просвѣщенія графу Уварову, дабы наставники или писатели отнюдь не допускали ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ и журналахъ, никакихъ предположеній о присоединеніи иноземныхъ Славянъ къ Россіи, и вообще ни о чемъ, что принадлежитъ правительству, а не ученымъ; чтобы они разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о народности или языкѣ Малороссіи и прочихъ земель, вошедшихъ въ составъ Россіи, не давая любви къ родинѣ перевѣса надъ любовью къ отечеству и устраняя все, что можетъ вредить послѣдней любви, особенно о мнимыхъ настоящихъ бѣдствіяхъ и о прежнемъ, будто бы необыкновенно счастливомъ, положеніи подвластныхъ племенъ, чтобы всѣ выводы ученыхъ и писателей клонились къ возвышенію не Малороссіи, Польши и другихъ странъ отдѣльно, а Россійской Имперіи; чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе особенно на Московскія, Кіевскія и Харьковскія періодическія изданія, и на всѣ книги, сочиненныя въ славянофильскомъ духѣ, не допуская даже тѣхъ полутемныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыя хотя не заключаютъ въ себѣ злоумышленной цѣли, но могутъ приводить читателей къ предположеніямъ неблагонамѣреннымъ. Передъ тѣмъ временемъ и бывшій министръ Народнаго Просвѣщенія, циркулярными предписаніями, сдѣлалъ должныя наставленія по этому предмету попечителямъ учебныхъ округовъ. Въ 1852 году, получено было свѣдѣніе, что въ Москвѣ вновь дѣлаются замѣтными Славянофилы; что хотя цѣль ихъ

состоитъ только въ томъ, дабы произвести переворотъ въ Русской литературѣ, не подражать иностраннымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ, но это стремленіе, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ обратиться въ противозаконное и вредное. Поэтому изъ Московскихъ Славянофиловъ, надъ Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, профессоромъ Соловьевымъ и другими, учреждено секретное наблюденіе, и сверхъ того, покойному министру Народнаго Просвѣщенія князю Ширинскому-Шихматову, сообщено было, дабы на сочиненія въ духѣ славянофиловъ цензура обращала особенное и строжайшее вниманіе".

Подъ такою-то опалою находились, вплоть до самого воцаренія императора Александра II-го, люди, сѣявшіе доброе сѣмя на селѣ своемъ.

XXV.

Постигнутый и семейными и общественными невзгодами, А. С. Хомяковъ углубился въ Богословіе, въ *Семирамиду* или древнѣйшую исторію человѣчества и Санскритъ: „Теперь",—читаемъ въ письмахъ его къ Ю. Ѳ. Самарину,—„пишу другое, для кого? Не знаю, хотя очень знаю, для чего. Это въ родѣ исповѣданія вѣры, или лучше сказать введеніе въ исповѣданіе. Оно содержитъ отвѣтъ на обвиненія, дѣлаемыя Православію и указанія на его характеръ, въ противоположность съ характеромъ Запада. Думаю, по общему отзыву слышавшихъ, что въ ней много новаго. Даже Свербеевъ хвалитъ. Скоро ее кончу, и опять за *Семирамиду*. Вотъ моя Словесность" [107]).

Въ это же время Шевыревъ писалъ Погодину: „Хомяковъ приглашаетъ слушать его статью о католицизмѣ и протестантизмѣ... Обѣдаемъ вмѣстѣ у С. С. Уварова, а вечеромъ у Хомякова" [108]).

Богословскія занятія сблизили Хомякова съ діакономъ

Англиканской Церкви Вильямомъ Пальмеромъ. Объ отношеніяхъ его къ этому лицу мы узнаемъ изъ письма Хомякова къ архіепископу Казанскому Григорію. „Вашему высокопреосвященству“,—писалъ Хомяковъ,—„извѣстно движеніе мысли въ Англиканскомъ исповѣданіи и какъ мало-по-малу сердца, неудовлетворенныя отвлеченностью протестантства и умы, оскорбленные вещественностію латинства, стали обращаться къ Восточной Церкви. Главнымъ двигателемъ былъ Пальмеръ, вице-президентъ Коллегіума св. Маріи Магдалины въ Оксфордѣ. Тому лѣтъ семь, случайныя обстоятельства ввели меня въ переписку съ нимъ и, разумѣется, предметомъ ея были тѣ вопросы, которые составляли исключительное его занятіе. Онъ сообщалъ мнѣ свои сомнѣнія, недоумѣнія и возраженія противъ ученія и обрядовъ церкви. Я объяснялъ ему, что могъ и какъ умѣлъ, съ желаніемъ искреннимъ добра и съ искреннею любовью къ человѣку прямодушному и ревностному въ дѣлѣ вѣры. Былъ ли я Пальмеру полезенъ, сказать не могу; но знаю, что онъ мнѣ былъ благодаренъ за доброе намѣреніе, и охотно продолжалъ переписку. Въ 1847 году, познакомился я съ нимъ лично въ Оксфордѣ, и дружескія отношенія наши стали еще тѣснѣе. Въ бытность мою въ Англіи, понялъ я всю важность значенія этого человѣка. Я узналъ отъ его же товарищей въ Оксфордѣ, и отъ учителей Богословія и другихъ членовъ Кембриджскаго Университета, что его нѣсколько лѣтъ считали какъ бы сумасшедшимъ, именно за его постоянное стремленіе къ Православію; но что неутомимая ревность, разумная дѣятельность и жизнь, посвященная единственно служенію истинѣ и Богу, побѣдили всѣ предубѣжденія и внушили всѣмъ глубокое къ нему почтеніе, а многимъ сердечное сочувствіе. Отъ души радовался я такому успѣху, но самъ Пальмеръ жаловался на равнодушіе своихъ соотечественниковъ и особенно высшаго духовенства; жаловался онъ отчасти и на православныхъ, но съ крайнимъ смиреніемъ, говоря, что въ смыслѣ Православія, онъ человѣкъ еще совершенно новый, и можетъ быть, принимаетъ за равнодушіе необходи-

мую осмотрительность и осторожность Церкви, совершенно чуждой всякому честолюбію или властолюбію. Въ послѣдующіе годы переписка наша продолжалась. Превосходная книга Церникава, другія произведенія нашихъ духовныхъ писателей и собственныя изслѣдованія разрѣшили всѣ сомнѣнія Пальмера: онъ принялъ ученіе Православной Церкви во всей его полнотѣ. Но этимъ не могла довольствоваться его ревность. Истину, которую ему Богъ далъ узнать, долженъ онъ былъ сообщить своимъ соотечественникамъ. Онъ обратился сперва къ епископамъ въ Англіи и былъ встрѣченъ съ отталкивающею холодностью; потомъ—къ Англиканскимъ епископамъ въ Шотландіи и къ ихъ синодамъ. Синоды приняли его записку объ исхожденіи Духа Святаго и о таинствахъ съ одобреніемъ, но не приступили ни къ какому рѣшенію и отложили дѣло Божіе въ сторону: у нихъ были другія дѣла. Огорченный Пальмеръ рѣшился оставить отечество и искать на Востокѣ пристанища и покоя душевнаго. Но не такъ было угодно Богу. Въ то самое время, какъ Пальмеръ уже собрался выѣхать изъ Англіи, стали созрѣвать плоды его ревностныхъ трудовъ. Сердечное сочувствіе, которое онъ уже успѣлъ внушить многимъ достойнымъ людямъ, обратилось въ полное согласіе мысли, и немногочисленная, но сильная своимъ нравственнымъ достоинствомъ паства, была готова вступить въ общеніе Православной Церкви. Я слышалъ (и отчасти изъ писемъ Пальмера предполагаю, что это правда), что онъ и его друзья обращались съ прошеніемъ по сему предмету въ Святѣйшій Синодъ; но, можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки съ своей стороны, никакого удовлетворительнаго отвѣта не получили. Пальмеръ поѣхалъ въ Аѳины, занялся трудами по предметамъ богословскимъ и историческимъ, и обратился въ тоже время къ патріарху Константинопольскому съ прошеніемъ о принятіи его въ нѣдра Православной Церкви. Патріархъ отказалъ въ прошеніи, требуя отъ него крещенія, какъ отъ обливанца, основываясь на обычаѣ Греческой Церкви, слѣдующей въ этомъ дѣлѣ положеніямъ (если не ошибаюсь) помѣстнаго

Карѳагенскаго собора. Пальмеръ подалъ новое прошеніе, въ которомъ излагалъ, что согласно съ постановленіями Русской церкви, отмѣнившей, по Богомъ данной ей свободѣ, обрядъ перекрещенія для обливанцевъ, онъ проситъ быть принятымъ безъ новаго крещенія не вслѣдствіе какого-нибудь упорства или желанія сохранить какіе-нибудь обряды или положенія общины, впавшей въ расколъ, но потому что, согласившись принять снова крещеніе, онъ остановитъ отъ перехода къ Православію многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, а можетъ быть и всѣхъ тѣхъ, которые готовы къ этому богоугодному дѣлу. Снова послѣдовалъ отказъ. Въ тоже время, т.-е. около половины прошлаго года, поступило, какъ извѣстно вашему высокопреосвященству, прошеніе людей, съ нимъ единомыслящихъ, въ Святѣйшій Синодъ о томъ же предметѣ. Подписей довольно, и кромѣ подписавшихся множество людей принадлежащихъ къ самому высокому образованію и слѣдовательно могущихъ увлечь своимъ примѣромъ еще большее число своихъ соотечественниковъ, готово примкнуть къ начинающейся паствѣ; но и до сихъ поръ ничего утѣшительнаго не слыхалъ Пальмеръ. Наконецъ, прошлаго года, въ началѣ зимы, получилъ я отъ него письмо, и съ какимъ горемъ читалъ его, не могу даже выразить вашему высокопреосвященству. Изъ этого письма видно, что онъ хотѣлъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, но былъ удержанъ болѣзнію въ южной Россіи и далѣе Кіева проѣхать не могъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя, подалъ онъ третье прошеніе патріарху, повторяя прежнія слова свои, но прибавляя еще, что, по великому желанію своему присоединиться къ единой истинной церкви, онъ согласенъ даже принять снова крещеніе, съ тою только оговоркою, которая дѣлается для младенцевъ, о крещеніи которыхъ есть сомнѣніе. Такой оговорки онъ просилъ для устраненія соблазна, который могъ бы удалить всѣхъ его соотечественниковъ отъ обращенія въ Православіе и для успокоенія своей совѣсти; ибо не только по его убѣжденію, но и по мнѣнію всей Церкви Русской, совершенное надъ

нимъ крещеніе достаточно для того, чтобы дать ему право на вступленіе въ нѣдра Православія. Кажется, бо́льшаго и ожидать нельзя было; но патріархъ снова отказалъ, говоря, что мнѣніе Русской Церкви не обязательно для Греціи въ дѣлѣ обряда. Съ этимъ, конечно, должно согласиться; но для Пальмера ударъ былъ ужасенъ. Всѣ надежды его рушились, и за всѣмъ тѣмъ, въ глубокой горести своей, предчувствуя и мое огорченіе, онъ еще говоритъ съ глубочайшимъ смиреніемъ: „И мы все-таки не должны осуждать пастырей церкви, ибо имъ поручено церковное правленіе и сужденіе объ обрядѣ; судъ же надъ ними предоставимъ Высшему Судьѣ". Какъ будто для того, чтобы ударъ былъ еще тяжелѣ и болѣзненнѣе, онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, котораго имя я разобрать не могъ. Вотъ содержаніе этого письма: „Ты знаешь мою дружбу и согласіе нашихъ мнѣній: всѣ убѣжденія наши одинаковы. Я ждалъ только твоего принятія въ Церковь Православную, чтобъ не медля послѣдовать твоему примѣру; но нѣтъ, мой другъ! Дверь, которая не отворяется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, дверь, которая слишкомъ два года остается запертою передъ твоими жаркими моленіями, не можетъ быть дверью Церкви Христовой. Одного этого нравственнаго убѣжденія достаточно, чтобы пересилить всѣ убѣжденія моего ума и даже стремленія моего сердца. На дняхъ вступаю я въ Римскую Церковь". Удрученный скорбію, Пальмеръ проситъ у меня утѣшенія, и если можно, помощи... Простите меня, если я прибавлю, что во мнѣ невольно пробуждается надежда, и Богъ такую надежду благословитъ, что имя Григорія, съ которымъ связана память о первомъ обращеніи Англіи къ Христу, будетъ два раза для нея благодѣтельнымъ".

На это письмо архіепископъ Григорій отвѣчалъ: „Получивъ ваше письмо, переговорилъ я о Пальмерѣ и его дѣлѣ съ общимъ нашимъ знакомымъ А. Н. Муравьевымъ, который имѣлъ случай видѣть Пальмера, пришедшаго осенью на югъ

Россіи, и въ подробности знаетъ, какъ частныя его обстоятельства, такъ и церковныя въ Англіи. Желалъ бы подать утѣшеніе Пальмеру; но, не зная его лично и не имѣя отъ него письма, не могу. Очень сожалѣю о его горькомъ духовномъ положеніи, въ которое онъ поставилъ себя. Его другъ пишетъ ему, что онъ вступаетъ въ Римскую Церковь по тому убѣжденію, что дверь, которая не отворяется предъ такимъ ревностнымъ просителемъ, какъ онъ, Пальмеръ, не можетъ быть дверью Церкви Христовой. Убѣжденіе неправильное! Этому другу должно было знать, и онъ безъ сомнѣнія зналъ, что у насъ дверь для нихъ отперта. Причиною означенной неправильности—Пальмеръ. Вникните въ образъ дѣйствованія Пальмера. Когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, тогда при всемъ своемъ расположеніи къ Православію, онъ былъ еще напитанъ своими частными мнѣніями, спорилъ объ исхожденіи Св. Духа и о пресуществленіи, и хотѣлъ, чтобы Церковь Россійская, въ лицѣ его, безусловно признала правовѣріе Англійской, въ которомъ будто бы никогда не могла сомнѣваться, имѣя столкновеніе только съ Римскою. Возвратясь въ отечество, Пальмеръ, по своей христіанской ревности, лучше изучилъ Православіе, убѣдился въ чистотѣ нашего символа и сдѣлавшись, можно сказать, почти православнымъ въ душѣ, поѣхалъ на Востокъ. Тамъ думалъ онъ найти болѣе свободный пріемъ у патріарховъ, но ошибся: патріархи стали требовать отъ него вторичнаго крещенія. Это очень прискорбно, но понятно. Находясь въ тѣснотѣ, живя въ разобщеніи со всѣми исповѣданіями Запада, и видя у себя на Востокѣ, въ ихъ представителяхъ, особливо въ настоящее время, жесточайшихъ враговъ Православія, патріархи стали сомнѣваться даже въ ихъ христіанствѣ, и стараются оградить себя отъ нихъ. Могли ли эти патріархи довѣрить ревности Англійскаго діакона, которая, при нынѣшнихъ дипломатическихъ хитростяхъ, могла показаться странною всякому, кто не зналъ ея такъ отчетливо, какъ вы и теперь я? Ежели Пальмеръ подлинно убѣдился въ Православіи и, соглашаясь на все, просилъ только

объ одномъ, чтобы не повторяли надъ нимъ крещенія, то зачѣмъ ему было силою врываться въ запертыя двери Греческой Церкви, когда ему совершенно отворены были двери Церкви Русской, болѣе знакомой съ духомъ западныхъ иновѣрцевъ? Когда дѣло шло о душевномъ спасеніи его и людей единомысленныхъ ему въ Англіи, тогда его ли дѣло было неблаговременно и неосторожно поднимать запутавшійся вопросъ, который, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, распутался бы самъ собою? Мы приняли бы его безъ вторичнаго крещенія, и братія наши на Востокѣ сообщились бы съ нимъ безъ всякаго сомнѣнія; а домашнія недоумѣнія мы рѣшили бы и безъ его вмѣшательства. Что̀ дѣлаетъ онъ теперь въ Аѳинахъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить въ Англіи за направленіемъ умовъ къ Православію, котораго онъ былъ первымъ двигателемъ. Что касается до просьбы о соединеніи, которую будто бы прислали къ намъ люди благонамѣренные изъ Англіи, то ея у насъ нѣтъ; она существуетъ здѣсь только въ проектѣ, и эти люди, въ отсутствіе Пальмера, какъ слышно, остановились подписывать ее. Конечно нельзя будетъ оставить безъ вниманія такого прошенія, если оно будетъ написано въ православномъ духѣ; но надобно будетъ разбирать его съ большою осторожностію, дабы, сближаясь съ единовѣрцами новыми, не удалиться отъ старыхъ и дабы послѣднее не сдѣлалось, по слову Евангелія, *горше перваго*. Вотъ что̀ могъ я написать съ любовію къ вамъ и съ искреннимъ душевнымъ желаніемъ добра всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ войти въ разумъ истины и которыхъ никогда не чуждается Православная Церковь, только бы они не чуждались ея особенностію своего взгляда“.

Въ отвѣтъ на это сердечное письмо архіепископа Григорія, Хомяковъ написалъ другое письмо, которое тоже высокопреосвященный не оставилъ безъ отвѣта, и въ этомъ отвѣтѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Въ отношеніи къ Англійскому вопросу, къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего болѣе сказаннаго. Намъ было бы очень пріятно, если

бы Пальмеръ и его единомышленники приняли Православіе, но дѣлать имъ въ этомъ отношеніи какія-либо предложенія нахожу неудобнымъ. Того, чтобъ они не знали нашихъ чиноположеній и обычаевъ, не могу думать: Пальмеръ двукратно посѣщалъ Россію и издавалъ на своемъ языкѣ догматическія книги съ своими объясненіями. Ежели его единомышленники имѣютъ какія-либо сомнѣнія, то, при ихъ довѣренности къ нему, онъ легко можетъ уничтожить ихъ. Главное затрудненіе для Пальмера заключается въ томъ, что онъ самъ колеблется между двумя церквами и хотя убѣжденъ въ истинѣ догматовъ Православной Церкви, но увлекается внѣшностію Римской. Тутъ предложеніе, чего просить неумѣстно. Это предложеніе трудно особенно теперь, когда онъ такъ неосторожно возбудилъ на Востокѣ вопросъ о крещеніи. Этотъ вопросъ, въ свое время конечно, рѣшится благопріятно; но легкое наше сближеніе съ иновѣрцами, въ настоящее время, удобно можетъ произвести на Востокѣ касательно насъ сомнѣніе. Говорю не о нуждѣ новаго крещенія со стороны Пальмера съ его соотечественниками, но о затруднительности, въ какую Пальмеръ поставилъ насъ въ отношеніи къ Востоку. До проясненія возбужденнаго имъ вопроса, что̀ конечно не можетъ продолжиться слишкомъ далеко, намъ должно опасаться, чтобъ, заключая новый союзъ, не разорвать стараго".

Этимъ письмомъ Хомяковъ повидимому остался недоволенъ и писалъ А. Н. Попову: „Вы знаете, что я писалъ къ архіепископу Казанскому Григорію, объ дѣлѣ Пальмера. Получилъ отъ него живой и теплый отвѣтъ; другое письмо мое къ нему тоже не осталось безъ отвѣта, но на этотъ разъ это было—кусокъ льда. Я на него не пеняю. Вѣроятно, его добрые люди обдѣлили и напугали. За всѣмъ тѣмъ я его благодарю письмомъ и посылаю также *Московскій Сборникъ*, ради статьи Кирѣевскаго, и для того, чтобъ не совсѣмъ прервать знакомство".

Между тѣмъ, 1 сентября 1852 года, вотъ что̀ самъ Хомяковъ писалъ Попову: „Пальмеръ, возвратясь изъ Греціи,

огорченный и раздосадованный, попалъ въ настоящую осаду. Римляне очень ловко повели нападеніе и просятъ только одного: Съѣзди въ Римъ! Ты былъ въ Петербургѣ, Аѳинахъ и Царьградѣ; справедливость требуетъ, чтобы ты побывалъ въ Римѣ. А ужъ только попадись онъ, такъ конечно онъ живымъ не выѣдетъ, развѣ католикомъ. *Такъ и вышло*" [109]).

Богомудрый архипастырь Московскій Филаретъ, зорко слѣдя за стремленіемъ Англичанъ обратиться въ Православіе, вотъ что̀ писалъ, 16 октября 1852 года, ректору Московской Духовной Академіи архимандриту Алексѣю: „Читавъ отчасти сочиненіе діакона Пальмера на Греческомъ и частію въ вашемъ переводномъ сокращеніи, болѣе прежняго оправдываю то, что съ нимъ не сдѣлано ближайшей связи во время пребыванія его въ Россіи. Онъ не ищетъ теперь истинной церкви, но изъ существующихъ церквей, какъ изъ матеріаловъ, обрѣзывая и обрубая ихъ, хочетъ выстроить новую церковь по своему идеалу. Послѣ тысяча восемьсотъ лѣтъ существованія Христіанской Церкви даютъ для ея существованія новый законъ,—*законъ развитія*. Извѣстно, что написано апостоломъ Павломъ противъ тѣхъ, которые вздумали-было *благовѣствовать паче, нежели приняли* отъ Апостоловъ. Не скажутъ ли теперь ему: возьми назадъ свое анаѳема; мы необходимо должны *благовѣствовать паче*, по новооткрытому *закону развитія*? Дѣло Божественное хотятъ подчинить *закону развитія*, взятому отъ дерева и травы! И есть ли хотятъ приложить къ христіанству *законъ развитія*: какъ не вспомнять, что развитіе имѣетъ предѣлъ? Изъ земли выходитъ былинка, потомъ она становится деревомъ, растетъ, даетъ цвѣтъ — плодъ; развитіе кончилось; слѣдуетъ постоянная жизнь, плодоношеніе, потомъ старость и разрушеніе. Сѣмя вѣры посѣяно въ началѣ міра, росло вѣка, процвѣло и принесло плоды въ открытіи Христіанской Церкви: за симъ и по закону развитія должна слѣдовать постоянная жизнь плодоношенія; и если не сохранимъ живого дерева, иныя вѣтви отломятся, увянутъ, засохнутъ, или полуотломленныя будутъ

зеленѣть полужизненно, доколѣ живое древо превратится въ древо очевидно райское, а вялое, сухое, умершее посѣчется и въ огонь вметнется".

Извѣстно, что Хомяковъ, ратоборствуя съ Западомъ, не оставлялъ безъ вниманія и религіозныя убѣжденія нашихъ раскольниковъ и охотно велъ съ ними богословскіе диспуты. Въ апрѣлѣ 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Я къ тебѣ съ большой просьбой, любезный Погодинъ; нынче былъ огромный и кажется весьма удачный споръ съ раскольниками: но въ продолженіи спора пришлось мнѣ сказать имъ про Аввакума, что онъ (это вѣрно) въ своихъ письмахъ и посланіяхъ называлъ лица Святой Троицы неравными, въ чемъ и былъ уличаемъ. Они это стали отвергать. У меня нѣтъ ни одной книги, которую я могъ имъ показать: должно быть это или въ Филаретѣ Рижскомъ (Церковная Исторія) или въ Игнатіѣ Воронежскомъ, а еще вѣрнѣе въ старыхъ опроверженіяхъ Аввакума. Сдѣлай одолженіе, что есть по этому пришли. Оно крайне необходимо, а я немедленно тебѣ возвращу. Пожалуйста, не откажи. И есть-ли письма и посланія самого Аввакума" [110]).

XXVI.

Кромѣ Богословія и *Семирамиды*, Хомяковъ также съ любовію погружался въ таинства Санскрита, и написалъ *Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими*: „Совершенъ этотъ трудъ,—по словамъ автора,—при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частію въ деревнѣ, частію на почтовыхъ станціяхъ и на заводѣ, между фабричныхъ работъ". Судьбу этого труда Хомяковъ ввѣрилъ своему молодому другу А. Ѳ. Гельфердингу, и писалъ ему: „Еслибы Академія удостоила его помѣщеніемъ въ прибавленіяхъ къ своимъ ученымъ трудамъ, она оказала бы великую честь мнѣ и, думаю, принесла бы нѣкоторую пользу труженикамъ Филологіи" [111]).

Гельфердингъ сталъ хлопотать о напечатаніи и съ этою цѣлію (16 апр. 1854) писалъ Рихтеру: „Je vous envoie, cher collègue, l'oeuvre de Khomekoff sur la langue Sanscrite, que vous avez bien voulu prendre sous votre protection. Ayez la bonté de la transmettre à Berttet et de lui demender de hâter une decision".

Исполняя желаніе Гельфердинга, Рихтеръ писалъ директору Канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія А. А. Берте: „Г. Хомяковъ переслалъ къ одному изъ моихъ пріятелей рукопись для напечатанія въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. Но такъ какъ всѣ сочиненія г. Хомякова должны быть представлены на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, то меня просятъ препроводить въ оное означенную рукопись. Я однако предупредилъ, что впредь подобныхъ порученій на себя брать не буду и что г. Хомяковъ можетъ обращаться прямо въ Главное Управленіе Цензуры, по установленному порядку. Если ваше превосходительство полагаете, что на этотъ разъ отступленіе отъ сего порядка допущено быть можетъ, то вы крайне меня обяжете тѣмъ, что дадите ходъ сему предмету".

Берте немедленно же далъ „ходъ сему предмету", и по приказанію А. С. Норова, отправилъ рукопись Хомякова на разсмотрѣніе къ академику Оттону Николаевичу Бетлингу.

Академикъ не замедлилъ дать нижеслѣдующій, весьма строгій, отзывъ о рукописи Хомякова: „Г. Хомяковъ при своей работѣ, очевидно, не имѣлъ въ предметѣ ничего другого, какъ только сличить между собою значительное число сродныхъ словъ на Санскритскомъ и Русскомъ языкахъ, полагая, можетъ быть, этимъ путемъ заохотить иныхъ къ Санскритскимъ занятіямъ. Нигдѣ не замѣтно, чтобы авторъ при таковомъ сличеніи придерживался законовъ сродства между собою буквъ. Одно лишь внѣшнее сходство звуковъ было его путеводителемъ. Что этимъ способомъ нельзя принести наукѣ никакой пользы, это уже давно дознано и въ Россіи. Но къ этому еще присоединяется то, что г. Хомяковъ не знакомъ съ Санскритскимъ языкомъ въ той мѣрѣ, какъ

по справедливости слѣдовало бы ожидать того отъ лингвиста,... дозволяя себѣ еще при томъ полемику противъ санскритологовъ. Даже на Русскомъ языкѣ у автора встрѣчаются промахи едва ли нынѣ простительные. Такъ, Русское слово *сонъ* сближено съ Санскритскимъ çаяна, а *спать*, *сыпать*, *сопѣть*— съ Санскритскимъ *свап*. Авторъ могъ бы усмотрѣть уже изъ Рейфова лексикона, что *сонъ* одного корня съ глаголомъ *спать* и что въ словѣ сонъ такъ же какъ въ словѣ *за-снуть* выпала буква *п*. Сколько я могу судить, работа г. Хомякова не заключаетъ въ себѣ ничего, что̀ было бы противно цензурному регламенту. Но если въ этомъ отношеніи и не представляется изданію ея въ свѣтъ никакого препятствія, то я все же полагаю, что никакое вѣдомство не должно способствовать печатанію предлежащаго сочиненія. Такого рода работы не приносятъ наукѣ никакой пользы, хотя бы случайно и представляли нѣсколько удачныхъ новыхъ сближеній, а съ другой стороны много вредятъ тѣмъ, что вызываютъ другія подобныя имъ попытки и подаютъ поводъ къ извлеченію изъ представляемыхъ ими сближеній такихъ общихъ выводовъ, которые лишены всякаго основанія. Ни въ одной области науки не попадаются болѣе неприготовленныхъ авторовъ, какъ именно въ Сравнительной Лингвистикѣ. Каждый, кто только заглянулъ въ какой либо словарь или грамматику, считаетъ себя въ правѣ рѣшать лингвистическіе вопросы, которыхъ не берется разрѣшить и знатокъ дѣла, потому что онъ, при обширности своихъ знаній, легче видитъ препятствія къ разрѣшенію вопроса. При этомъ случаѣ считаю долгомъ своимъ сказать также, что исключительное сличеніе Русскаго языка, составляющаго только одно изъ звеньевъ Славянскаго, съ своей стороны, тѣсно связаннаго съ Литовскимъ, не можетъ привести къ какимъ либо удовлетворительнымъ результатамъ“.

Въ цензурномъ отношеніи получился результатъ благопріятный. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Московскому Цензурному Комитету, что статскій совѣтникъ Бет-

лингъ не нашелъ въ сочиненіи Хомякова „ничего противнаго Уставу о Цензурѣ“, а потому оно можетъ быть разсмотрѣно Комитетомъ „на основаніи общихъ цензурныхъ постановленій“.

Замѣчательно, что во время описаннаго нами гоненія, воздвигнутаго на Славянофиловъ, Шевыревъ, 13-го апрѣля 1853 года, писалъ Погодину: „Великій князь Константинъ Николаевичъ спрашиваетъ у меня стиховъ Хомякова не напечатанныхъ, даже и такихъ, на которыхъ цензура наложила руку. Я отправилъ къ великому князю три послѣднія его пьесы. Но Хомяковъ говоритъ, что у тебя должно быть нѣсколько пьесъ, бракованныхъ цензурою. Если исканіе этихъ пьесъ не отвлечетъ тебя отъ цензуры удѣльныхъ князей, то сдѣлай милость, найди и доставь. Надобно бы Хомякова всего собрать и издать, особенно теперь, когда на него положили опалу безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Отнимаютъ поэта чистаго и высокаго, единственнаго въ наше время, у Русской Словесности. Спасибо великому князю, что онъ отстаиваетъ доброе и чистое“.

Самъ же Хомяковъ писалъ Погодину: „Я конечно тебѣ одному и отдалъ бы всякое новое произведеніе (кромѣ *Сборника*, разумѣется, еслибъ онъ издавался), но я *не пишу стиховъ*. Что теперь пишу въ формѣ стихотворной, того я нигдѣ и никогда не намѣренъ печатать. Послѣ меня, что сдѣлаютъ, то не мое дѣло. Чѣмъ впрочемъ буду богатъ, тѣмъ готовъ тебѣ кланяться“ [112]).

По словамъ Хомякова, И. В. Кирѣевскій болѣе другихъ негодовалъ на преслѣдованія Славянофиловъ. Какъ „богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ-нибудь оподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ“ [113]). Будучи почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго Народнаго Училища, онъ написалъ записку о совмѣстномъ преподаваніи Славянскаго языка съ Русскимъ. Отправляя эту записку къ своему другу А. В. Веневитинову, онъ про-

силъ его о поддержкѣ ея у Норова, зная о хорошихъ между ними отношеніяхъ. Любопытны доводы Кирѣевскаго въ пользу своей записки, которые изложены въ нижеслѣдующемъ письмѣ его къ Веневитинову: „Прошу тебя, любезный другъ, прочесть прилагаемую записку мою, потому что ты хотя затрудняешься писать къ друзьямъ твоимъ, но не лѣнишься читать ихъ писаній, и, если ты найдешь эту записку согласною съ твоимъ образомъ мыслей, то поддержи ее твоимъ мнѣніемъ у Норова, отъ котораго теперь зависитъ ея осуществленіе, ибо нашъ попечитель согласенъ съ нею и теперь въ Петербургѣ, гдѣ будетъ говорить объ ней съ Норовымъ. Это дѣло я почитаю однимъ изъ самыхъ полезныхъ улучшеній, какія только можно сдѣлать въ уѣздныхъ училищахъ,—особенно полезно у насъ въ Бѣлевѣ, гдѣ болѣе семидесяти разныхъ раскольничьихъ толковъ, и ежегодно образуются новые расколы съ самыми пустыми отличіями, безъ сомнѣнія потому, что народъ православный ослабѣлъ въ ученіи церковномъ. Раскольникъ, чѣмъ грамотнѣе, тѣмъ сильнѣе въ церковныхъ познаніяхъ; православный, чѣмъ грамотнѣе, тѣмъ болѣе уклоняется отъ чтеній и занятій церковными книгами, оставляя своихъ безграмотныхъ сосѣдей совершенно беззащитными противъ нападеній раскольниковъ. Потому безграмотные уклоняются въ расколы, между тѣмъ какъ грамотные заняты чтеніемъ переводныхъ романовъ и фельетоновъ *Сѣверной Пчелы*. А если посмотрѣть безпристрастно, то чуть ли изо всѣхъ золъ, какими страдаетъ Россія, чуть ли не самое вредное и самое страшное заключается въ раскольничествѣ; и всѣ насильственныя мѣры противъ этого зла едва ли могутъ имѣть другое дѣйствіе, кромѣ усиленія опозиціоннаго духа. Силой можно уменьшить число раскольниковъ, но тѣмъ больше возвысить ихъ духъ и слѣдовательно увеличить заразительность. Изъ разсыропленнаго полугара выйдетъ спиртъ, — и сохрани Богъ отъ огня!“ [114]).

XXVII.

Другъ Хомякова, Ю. Ѳ. Самаринъ, продолжалъ свою служебную дѣятельность въ Кіевѣ. Въ началѣ 1852 года, мы его видимъ въ Москвѣ, и уѣзжая обратно въ Кіевъ, 5 апрѣля 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Не взыщите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я рѣшительно не могъ располагать своимъ временемъ. Всѣ вечера я проводилъ дома, отлучался не болѣе какъ на полчаса. Полученныя мною извѣстія о состояніи дороги заставляютъ меня отправиться въ путь не медля, нынче вечеромъ. Очень и очень сожалѣю, что не удалось еще разъ съ вами видѣться. Возобновленіе прежнихъ отношеній нашихъ я уношу изъ Москвы, какъ единственное радостное впечатлѣніе, данное мнѣ въ этотъ послѣдній пріѣздъ. Обнимаю васъ крѣпко и отъ всей души".

Во время пребыванія Самарина въ Москвѣ, Погодинъ замолвилъ ему доброе слово о своемъ Кіевскомъ корреспондентѣ С. И. Пономаревѣ, и послѣдній, 3 іюня 1852 года, съ восторгомъ писалъ Погодину: „Благодарю васъ за доброе слово ваше обо мнѣ Самарину и за порученіе меня его вниманію. Отправившись къ нему съ извѣстіемъ о *Мертвыхъ Душахъ*, я встрѣтилъ въ немъ такого человѣка, котораго я не въ силахъ восхвалить достойно: онъ принялъ меня такъ радушно и ласково, какъ истый Москвичъ, а своимъ разговоромъ, долгимъ и симпатичнымъ, такъ очаровалъ меня, что молюсь теперь ежедневно за васъ Богу" [115]).

Въ началѣ 1853 года, Ю. Ѳ. Самаринъ вышелъ въ отставку и, по порученію своего отца, занимался хозяйствомъ въ Тульской и Самарской губерніяхъ. „Вы спрашиваете, не скучаю ли я?"—писалъ онъ С. Т. Аксакову,—„некогда мнѣ скучать. Для всякой минуты съ ранняго утра до поздней ночи есть занятіе. Я не воображалъ себѣ, чтобы деревенская жизнь могла быть такъ полна, потому что для меня все въ ней ново. Съ ранняго дѣтства я проводилъ въ деревнѣ почти

всякое лѣто и часть осени; но какъ не похожа эта жизнь въ деревнѣ, эта жизнь, гдѣ деревня служитъ отдохновеніемъ, роскошью, пріятною внѣшнею обстановкою для занятій и образа жизни вовсе не деревенскихъ,—какъ не похожа она на жизнь деревенскую, гдѣ сама деревня становится предметомъ постояннаго занятія и цѣлью жизни!... Почва со всѣми ея видоизмѣненіями и свойствами, вліяніе атмосферы на дѣйствительность, послѣдовательность работъ, пріемы и способъ производства каждой изъ нихъ, вліяніе успѣха и неудачи на бытъ крестьянъ, его нужды, хозяйственные обороты, его отношенія къ сосѣдямъ, къ правящимъ, къ старостѣ,—все это, какъ предметъ изученія, стоитъ любой науки, хотя бы даже Филологіи... Нравственною отвѣтственностію связаны мы съ предметомъ изученія: этотъ предметъ—люди, передъ которыми мы въ отвѣтѣ, и всякое явленіе въ ихъ жизни не просто щекочетъ любопытство, а щемитъ совѣсть. Нужно ли прибавлять, что въ сложности деревенская жизнь производитъ тяжелое, горькое впечатлѣніе? Изрѣдка выдаются и пріятныя минуты: мелькнетъ слѣдъ сдѣланнаго добра, услышишь искреннее спасибо, чаще радуешься предчувствію возможнаго въ будущемъ добра; но, повторяю опять, общее впечатлѣніе такъ тяжело, что еслибы не эта надежда на будущее, еслибы не твердое убѣжденіе, что оно еще пока въ нашихъ рукахъ, я бы недѣли не прожилъ въ деревнѣ. Но, къ счастію для нашего поколѣнія, что задача его совершенно ясна... Я очень живо чувствую, что мы обязаны на себѣ вынести всю тяготу деревенской жизни, испить всю ея горечь и не лѣчить себя отъ той нравственной тошноты, которую она производитъ на помѣщика, разсѣяніемъ и посторонними средствами... Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что воспроизведеніе общаго типа *добраго* помѣщика для того поколѣнія, къ которому я принадлежу по лѣтамъ и воспитанію, рѣшительно невозможно. И вотъ, между прочимъ, чего не понималъ Гоголь: не только личности, но самыя формы, въ которыя онѣ выливаются, съ теченіемъ времени разби-

ваются. Я очень знаю, что помѣщикъ, именно какъ помѣщикъ, можетъ сдѣлать очень много добра, но при одномъ условіи—при полной вѣрѣ въ правоту и законность своего помѣщичьяго званія и призванія... И такъ, мы не можемъ остаться при старомъ, ...потому, что мы не способны жить въ старомъ; мы-то, въ извѣстномъ отношеніи, гораздо хуже старыхъ людей...“

Письмо свое Самаринъ заключаетъ такими словами: „Какой я нашелъ чудесный эпиграфъ въ *Соборномъ Посланіи* Якова: *Се мзда дѣлателей, дѣлавшихъ нивы наши, удержанная отъ васъ, вопіетъ: и вопіянія жавшихъ во уши Господа Саваоѳа внидоша*. Про кого это писано?“ [116]).

Въ ноябрѣ 1853 года, скончался Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ слѣдующія записи:

Подъ *27 ноября*: „На панихиду къ Самарину“.

— *28* — : „На похороны къ Самарину. На кладбище“.

Съ покойнымъ Ѳ. В. Самаринымъ, въ качествѣ наставника его старшаго сына, Погодинъ имѣлъ давнія сношенія; а потому, очень естественно, счелъ своею обязанностью почтить его память. Написанное, до печати, онъ отправилъ къ осиротѣвшему семейству. Но статья Погодина была отвергнута, о чемъ въ учтивой формѣ увѣдомилъ его Ю. Ѳ. Самаринъ. „Благодарю васъ сердечно“,—писалъ онъ,— „отъ имени матушки и отъ себя за доброе слово о покойномъ батюшкѣ. Вы очень вѣрно схватили нравственную физіономію его. Я читалъ вашу статью маменькѣ, съ которою счелъ долгомъ посовѣтоваться; ея мнѣніе—не печатать, такъ какъ самъ покойникъ въ послѣдніе годы своей жизни часто выражалъ желаніе, чтобы все доброе, имъ исполненное, оставалось въ тайнѣ.—Я смотрю на это иначе и дорожу всякимъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія и суда, какъ бы оно при теперешнихъ обстоятельствахъ ни было отдѣлено и ограничено; но въ этомъ дѣлѣ долженъ уступить желанію

матушки. Вашу статью я вамъ возвращу завтра, снявши съ нея копію" [117]).

Получивши это письмо, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 17 Декабря 1853 года: „Дописалъ о Самаринѣ. Не желаютъ".

Хомякова, во время кончины Ѳ. В. Самарина, не было въ Москвѣ. Возвратившись изъ своихъ деревень, онъ, 11 декабря 1853 года, писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Пріѣхавъ на дняхъ изъ Ивановскаго, узналъ я про ваше горе, и не могу вамъ не сказать, что я глубоко и отъ всей души ему сочувствую. Болѣе сказать нечего, но я былъ бы не покоенъ въ душѣ, если бы этого вамъ не сказалъ. Много новыхъ заботъ и вѣроятно много новыхъ и можетъ быть не совсѣмъ легкихъ обязанностей должно вамъ будетъ принять теперь на себя; но вы имѣете силу со всѣмъ справиться, и мы всѣ рождены дѣйствовать по силамъ въ томъ кругѣ, въ который насъ Богъ послалъ. Всякій стоитъ на высшей службѣ, и Богъ вамъ поможетъ во всякомъ добрѣ" [118]).

Товарищъ и другъ Ю. Ѳ. Самарина, К. С. Аксаковъ, въ это время погрузился въ таинства Русскихъ глаголовъ и въ миѳическій періодъ Русской Исторіи.

Изъ Абрамцева, въ 1853 году, К. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Я здѣсь погрузился въ Филологію. Хочется окончить Грамматику первую часть и приготовить, если Богъ дастъ, постомъ къ печати, но боюсь, что цензоръ не пропуститъ родительнаго падежа, скажетъ: неприлично" [119]).

Въ 1852 году, С. Н. Шафрановъ напечаталъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи*, которое и представилъ въ Академію Наукъ, на соисканіе Демидовской преміи. Разборъ этого сочиненія Академія наукъ поручила К. С. Аксакову. 3 ноября 1853 года, С. Т. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Константинъ довольно работалъ, и первая часть *Грамматики*, кажется, готова. Этотъ, безъ сомнѣнія, важный, и, по совѣсти скажу, даровитый трудъ непремѣнно будетъ встрѣченъ

враждебно всею ученою кастой и не понятъ остальною публикой, ибо философскую Грамматику трудно будетъ написать не философскимъ языкомъ. Недавно послалъ онъ статью объ этомъ же предметѣ, въ видѣ рецензіи на книгу Шафранова, въ Академію. Я никакъ не думаю, чтобы она приняла ее; я полагаю, напротивъ, что она, какъ бомба, упадетъ въ это ученое собраніе и все его разгонитъ. Во всякомъ случаѣ, эта статья будетъ напечатана, не смотря на скучныя хлопоты съ Главнымъ Управленіемъ Цензуры. Константину необходимо закрѣпить печатью за собою тѣ мысли, которыя современемъ, потерявъ свою дикость, будутъ приняты всѣми и даже присвоены тѣми людьми, которымъ сначала показались онѣ чудовищными. Эта исторія повторяется съ Константиномъ постоянно, съ самой ранней его молодости".

Между тѣмъ, К. С. Аксаковъ представилъ въ Академію Наукъ отрицательный отзывъ о сочиненіи Шафранова, и такимъ образомъ лишилъ почтеннаго труженика ожидаемой имъ Демидовской преміи. Рецензію же свою, подъ заглавіемъ *О Русскихъ глаголахъ*, Аксаковъ могъ напечатать отдѣльною брошюрою только въ 1855 году [120]).

Грамматика же, надъ которою въ то время трудился К. С. Аксаковъ, явилась въ свѣтъ только въ 1860 году, т.-е. въ годъ смерти автора, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Опытъ Русской Грамматики*. Часть 1. Выпускъ первый.

Въ моей библіотекѣ имѣется экземпляръ этой книжки, украшенный автографическою надписью автора: „Драгоцѣнному товарищу Каэтану Андреевичу Коссовичу"; а на заглавномъ листѣ красуется другая надпись: „Николаю Платоновичу Барсукову усерднѣйше приноситъ на память сію рѣдкость. К. Коссовичъ, 13 апр. 1870. С.П.Б.".

И. С. Тургеневъ очень заинтересовался этимъ трудомъ, и 14 ноября 1853 года, изъ Спасскаго, писалъ отцу автора: „Постараюсь узнать отъ Ивана Сергѣевича—въ чемъ именно состоитъ новая грамматическая система Константина Сергѣевича. Я никогда не занимался языкомъ Русскихъ теоре-

тически и плохо знаю его исторію—но у меня есть на его счетъ нѣкоторыя мысли—посмотрю, совпадаютъ ли онѣ съ воззрѣніемъ вашего сына" [121]).

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1852 года, К. А. Аксаковъ напечаталъ возраженіе на статью Шеппинга, напечатанную въ *Москвитянинѣ* объ Иванѣ царевичѣ. Критическую статью свою Аксаковъ озаглавилъ такъ: *О различіи между сказками и пѣснями Русскими* [122]). Когда же Шеппингъ, въ *Москвитянинѣ*, напечаталъ *Отвѣтъ г. Аксакову* [123]), то послѣдній обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Позвольте нарушить запрещеніе ваше и обратиться къ вамъ съ письмомъ и просьбою. Шеппингъ помѣстилъ въ журналѣ вашемъ возраженіе на мою статью о немъ.... Прошу васъ, вмѣсто отвѣта Шеппингу, перепечатать, если можно, мою статью, которую вамъ и посылаю" [124]).

Просьба Аксакова не была исполнена, и Погодинъ ограничился только слѣдующимъ заявленіемъ въ *Москвитянинѣ*: „Въ *Москвитянинѣ* помѣщена была статья Шеппинга объ Иванѣ царевичѣ. К. С. Аксаковъ напечаталъ замѣчаніе на нее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Шеппингъ отвѣчалъ въ *Москвитянинѣ*. Редакторъ получилъ теперь отъ Аксакова слѣдующее письмо: Прочтя въ *Москвитянинѣ* возраженіе Шеппинга, прошу васъ объ одномъ, перепечатать статью мою, на которую Шеппингъ возражалъ.—Вмѣсто перепечатанія мы считаемъ достаточнымъ указать нумеръ *Вѣдомостей*, гдѣ статья была напечатана, и гдѣ читатели, принимающіе участіе въ ученомъ спорѣ, могутъ легко прочесть ее вновь точно такъ, какъ и въ журналѣ" [125]).

Съ своей стороны К. С. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Если вы получаете *Московскія Вѣдомости*, въ чемъ я почти увѣренъ, то вѣрно прочли мою небольшую статейку, которой далъ Катковъ слишкомъ широкое заглавіе—*О Русскихъ пѣсняхъ*. А въ *Москвитянинѣ* вѣрно прочли.... антикритику Шеппинга....

XXVIII.

Потерявъ всякую надежду на продолженіе изданія *Московскаго Сборника*, И. С. Аксаковъ уединился въ Абрамцево, и пристально занялся изученіемъ древнихъ нашихъ учрежденій. 22 января 1853 года, онъ писалъ И. С. Тургеневу: „Про себя скажу вамъ, что я очень, очень много занимался нынѣшнюю зиму изученіемъ древнихъ нашихъ учрежденій, чтеніемъ грамотъ, актовъ и проч. О результатахъ этого чтенія поговоримъ когда нибудь на досугѣ“ [126]). Но по натурѣ И. С. Аксакова, „провести вновь зиму у себя на верху въ Абрамцовѣ“, за чтеніемъ таможенныхъ грамотъ, было невозможно, и онъ отправился въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь устроить себя на зиму.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, И. С. Аксаковъ узналъ, что отправляется военный фрегатъ кругомъ свѣта, и разумѣется тотчасъ же „возгорѣлъ желаніемъ“ прикомандироваться къ экспедиціи. Не находя лучшаго исхода для своей неугомонной дѣятельности, И. С. Аксаковъ рѣшился отправиться въ кругосвѣтное путешествіе. „Рѣшеніе это“,—свидѣтельствуетъ издатель писемъ И. С. Аксакова,—„привело въ ужасъ всю семью. Мысль, что это путешествіе на три года, что столько сопряжено опасностей, не покидала О. С. Аксакову, и она всячески старалась отговорить сына“. Съ своей стороны и С. Т. Аксаковъ, 5 сентября 1853 года, писалъ своему сыну: „Вижу я какъ упорно владѣетъ тобою мысль кругосвѣтнаго путешествія. Я понимаю ея заманчивую сторону; но въ то же время убѣжденъ, что корабельное заключеніе, для такого человѣка, какъ ты, будетъ невыносимо; эта тюрьма мнѣ кажется отвратительнѣе всякой тюрьмы на землѣ. Тебѣ нужно дѣло настоящее, животрепещущее дѣло; для тебя и не плавучій кабинетъ, изъ котораго *некуда* выйдти, былъ всегда несносенъ; читать цѣлые мѣсяцы сряду, да еще что ты будешь читать? и постоянно знать свое отдаленіе отъ земли на не-

измѣримое пространство, по моему—хуже всякой работы на каторгѣ. Я тебя не удерживалъ и не удерживаю; но молю Бога, чтобы твое намѣреніе не состоялось. Я не говорю уже ни слова о томъ, какому безпрерывному безпокойству подвергнешь ты свое семейство".

Во время своего пятинедѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ, И. С. Аксаковъ „бѣгалъ и хлопоталъ", чтобы добиться желаемаго, и наконецъ, 1-го сентября 1853 г., обратился къ графу А. Ѳ. Орлову съ слѣдующимъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Въ концѣ этого мѣсяца снимается съ якоря и отправится въ дальнее плаваніе—фрегатъ Діана. Рѣдко представляется возможность совершить такое отдаленное, любопытное, разнообразное путешествіе, и я почелъ бы себя истинно счастливымъ, еслибъ мнѣ удалось какъ нибудь воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Не говоря о любознательности, о склонности моей къ географическимъ занятіямъ и къ путешествіямъ,—склонности, которую, по ограниченности моихъ денежныхъ средствъ, я удовлетворить никогда не былъ въ состояніи,—я глубоко убѣжденъ, что это плаваніе доставитъ мнѣ возможность приложить съ пользою къ дѣлу тѣ немногія дарованія, которыя имѣю. Я всею душею желаю служить Россіи, но чувствую, что призванъ служить ей скорѣе на поприщѣ литературномъ, чѣмъ на какомъ либо другомъ; а ваше сіятельство вѣрно согласитесь, что добросовѣстный, благонамѣренный, ученый или литературный трудъ можетъ быть не менѣе важенъ и полезенъ для государства, какъ и всякой другой честный трудъ. Между тѣмъ, у насъ нѣтъ ни одного новѣйшаго литературнаго описанія морскихъ путешествій и странъ отдаленныхъ; въ этомъ отношеніи мы руководствуемся обыкновенно сочиненіями Англійскими и Французскими, слѣдовательно и смотримъ на описываемыя ими страны съ точки зрѣнія Англійской и Французской, а не съ точки зрѣнія Русскаго человѣка, взглядъ котораго можетъ быть свѣжѣе и самобытнѣе. Я вовсе не имѣю притязанія думать, что мои сочиненія будутъ отвѣчать всѣмъ строгимъ

требованіямъ современнаго Просвѣщенія, но въ одномъ ручаюсь безбоязненно, что принесу въ дѣло всѣ способности, какими только надѣлилъ меня Богъ, горячую добросовѣстность труда и искреннее стремленіе къ пользѣ. О желаніи моемъ было доведено до свѣдѣнія его императорскаго высочества генералъ-адмирала, и его высочество изволилъ отозваться, что мѣсто для меня на фрегатѣ найдется, какъ скоро я буду облеченъ какимъ-нибудь оффиціальнымъ значеніемъ отъ посторонняго вѣдомства. Но въ пріисканіи этого оффиціальнаго порученія я и опасаюсь встрѣтить главнѣйшее затрудненіе, тѣмъ болѣе, что есть обстоятельства, которыя ваше сіятельство хорошо знаете, но которыя, будучи извѣстны другимъ только по слуху, могутъ быть сочтены препятствіемъ къ командировкѣ меня въ дальнее плаваніе. Вашему сіятельству довольно извѣстны и мой образъ мыслей и мой характеръ. Если я поступалъ неблагоразумно, то все-таки поступалъ честно и всегда дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ прямо и открыто. Подвергая себя теперь добровольной разлукѣ съ семьей, друзьями и родиной, я руководствуюсь самыми чистыми намѣреніями. Это сознаніе даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вашему сіятельству прямо, безъ обиняковъ, съ моею покорнѣйшею и горячею просьбою, исходатайствовать мнѣ у государя императора дозволеніе отправиться на фрегатѣ Діана, на мой собственный счетъ или на счетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Географическаго Общества, если послѣднія будутъ согласны дать мнѣ какое нибудь порученіе. Съ своей же стороны, я готовъ исполнять и всякое другое порученіе, которое, во время плаванія, угодно будетъ возложить на меня начальству фрегата... Я употреблю всѣ усилія, чтобъ путешествіе мое было дѣйствительно не безполезно для Русской науки и литературы“.

Отправивши это письмо по назначенію, И. С. Аксаковъ, 7 сентября 1853 года, писалъ своимъ родителямъ: „Сейчасъ былъ у Дубельта. Отвѣта отъ графа Орлова еще нѣтъ... Между тѣмъ, Географическое Общество еще не собиралось...

Какая тоска! На дворѣ сѣро и сыро, дождь льетъ цѣлый день... Изъ разговора, который я имѣлъ съ Дубельтомъ, вижу, что репутаціи наши сильно подпорчены, что насъ понимаютъ совершенно ложно и всѣмъ нашимъ статьямъ и дѣйствіямъ дано превратное толкованіе, что *Московскій Сборникъ* у нихъ въ свѣжей памяти.—Вчера, по приглашенію Блудовой, обѣдалъ я у нихъ въ Павловскѣ и читалъ имъ послѣ обѣда свои *Судебныя сцены*. Блудовъ былъ въ восторгѣ. Вообще эти сцены здѣсь въ большомъ ходу. Былъ я на прошедшей недѣлѣ какъ-то вечеромъ у Е. Ѳ. Корша. Онъ рѣшительно мученикъ здѣсь въ Петербургѣ, только и грезитъ Москвою, и никакъ не можетъ сблизиться душою съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежитъ. Я былъ у него по его просьбѣ, а жена его говоритъ, что онъ только и оживаетъ и веселъ становится, когда видитъ кого нибудь изъ Московскихъ. Анненковъ тоже тянетъ къ Москвѣ, хотя съ меньшимъ мужествомъ. Въ здѣшнемъ литературномъ кругу, который я встрѣчаю у Милютина, и который, впрочемъ, относится къ намъ съ великимъ уваженіемъ, называютъ насъ вообще *Московскими пророками*, не только насъ, но и Грановскаго и Корша, и надъ Анненковымъ смѣются, даже стихи сочинили, что онъ поклоняется пророкамъ. Словомъ, всякій, не мирящійся съ пошлостью и называющій подлость подлостью, а не *практичностью*, называется зараженнымъ Московскимъ пророчествомъ. Я здѣсь поневолѣ завелъ разныя знакомства, въ разныхъ слояхъ общества и узналъ Петербургъ довольно близко. Онъ всегда былъ мнѣ отвратителенъ, а теперь еще гаже".

Родительская молитва была услышана, и И. С. Аксаковъ получилъ отказъ. „Въ этомъ отказѣ",—писалъ онъ,—„виноватъ одинъ *Московскій Сборникъ*! Петербургъ создалъ себѣ какія-то страшные фантомы, которыми пугаетъ себя и другихъ и рѣшительно возбраняетъ намъ всѣ пути дѣятельности".

Тѣмъ не менѣе, И. С. Аксакову удалось вмѣсто „кора-

бельнаго заключенія" попасть въ благодатную Малороссію и очутиться предъ „животрепещущимъ дѣломъ". Чрезъ Штейнбока, онъ получилъ отъ Географическаго Общества порученіе отправиться на годъ въ Малороссію, для обозрѣнія и описанія тамошнихъ ярмарокъ [127]).

3 ноября 1853 года, С. Т. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Въ непродолжительномъ времени у васъ будетъ неожиданный гость—вашъ полный тезка: онъ отправляется по порученію Географическаго Общества, описывать важнѣйшія ярмарки на югѣ Россіи" [128]). Тургеневъ отвѣчалъ: „Мой, какъ вы называете его, полный тезка будетъ принятъ въ Спасскомъ съ отверстыми объятіями; кромѣ того, что я надѣюсь побесѣдовать съ нимъ, такъ какъ давно уже это мнѣ не удавалось,—самъ по себѣ очень мнѣ милъ и симпатиченъ. Порученіе ему досталось интересное, и я увѣренъ, что онъ превосходно его исполнитъ" [129]).

Получивъ оффиціальную бумагу о командировкѣ, И. С. Аксаковъ простился съ семьей и, съѣздивъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, проѣхалъ уже прямо черезъ Москву, не заѣзжая въ Абрамцево, къ мѣсту своего назначенія.

По пути въ Малороссію, И. С. Аксаковъ заѣзжалъ къ Хомякову, въ Богучарово (подъ Тулою), и объ этомъ писалъ къ А. И. Кошелеву: „Я пріѣхалъ къ нему на другой день своего отъѣзда изъ Москвы, часу въ 3-мъ дня, и, не заставъ его дома, отправился въ Тулу, гдѣ и нашелъ его въ гостиницѣ. Изъ Тулы я поѣхалъ съ нимъ опять въ Богучарово, гдѣ почевалъ и на другой уже день, въ полдень, отправился въ путь. Я испыталъ истинное наслажденіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Все такъ свободно, просторно и свѣтло въ его взглядѣ" [130]).

Изъ Богучарова, Аксаковъ отправился въ село Спасское, Мценскаго уѣзда, гдѣ въ то время проживалъ И. С. Тургеневъ, и послѣдній, 20 ноября 1853, писалъ С. Т. Аксакову: „Дорогой гость былъ у меня третьяго дня и просидѣлъ до вечера. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ ему радъ

и какъ много мы съ нимъ толковали и разговаривали. Это посѣщеніе было для меня истиннымъ праздникомъ. Желаю, чтобы дѣятельность, которой онъ теперь себя посвящаетъ, его удовлетворила;—обидно видѣть такой запасъ силъ, которыя никуда не идутъ. Для него это еще тѣмъ тяжеле, что у него нѣтъ той безпечности, по милости которой нашъ братъ свистунъ коротаетъ свой вѣкъ безъ особенной скуки".

Взглядъ же на предстоявшій трудъ, И. С. Аксаковъ выразилъ въ письмѣ своемъ къ отцу (изъ Харькова, 19 октября 1853 г.): „Мой трудъ—тяжелый трудъ. Онъ тяжелъ уже потому, что несвойственъ моей природѣ, что—какъ я ни работай, онъ не возбудитъ участія въ томъ кругѣ, къ которому я принадлежу, который, изучая древнюю Русь, почти не знаетъ современной Россіи, которому по отвлеченности его, по малому знанію дѣйствительной жизни, даже непонятны будутъ всѣ трудности моей работы, всѣ препятствія, мною преодолѣнныя".

На это С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ своему сыну: „Трудъ тебѣ предстоитъ огромный и тѣмъ болѣе тяжелый, что онъ не можетъ быть тебѣ пріятенъ. Признаюсь, воображая себя на твоемъ мѣстѣ, я просто прихожу въ ужасъ, и безъ крайности, я ни за что бы за него не взялся, да и въ крайности не умѣлъ бы съ нимъ управиться. Кругъ, къ которому ты принадлежишь, очень можетъ понять и оцѣнить твои труды, особенно зная тебя, зная, что твоихъ способностей хватило бы на что-нибудь повыше. Твой кабинетъ въ Амбрамцовѣ ожидаетъ тебя —я стану всякій день приходить и слѣдить за успѣхами твоей работы".

Наконецъ, пріѣхавши въ Сумы, И. С. Аксаковъ (25 ноября 1853 года) писалъ оттуда къ А. И. Кошелеву: „Что сказать вамъ о Сумахъ, вообще о Малороссіи...? Лучше ничего не говорить... Да по правдѣ сказать, мнѣ и совѣстно было бы признаваться вамъ въ моемъ сочувствіи къ Малороссіи, раскрывать передъ вами всю силу того обаянія, которымъ она уже начала обдавать меня... Говорить объ этой

сторонѣ могу я только съ немногими,—и сказать ли? Скорѣе съ Хомяковымъ и Самаринымъ, чѣмъ съ вами и Константиномъ. Съ Константиномъ потому, что, дыша теперь рѣдкимъ воздухомъ горныхъ высотъ философской мысли, отвлеченной, логической,—онъ впадаетъ въ крайность, воздвигаетъ гоненіе на искусство, находитъ, что die reine Gestalt природы зимою, подъ покровомъ снѣга, лучше природы въ лѣтнемъ убранствѣ жизни;—съ вами потому, что вы слишкомъ погружены въ чтеніе Св. Отцевъ, и потому, что съ Ефремомъ Сиринымъ не станешь толковать, напримѣръ, о красотѣ Украинской ночи и Украинскихъ мелодій, и вообще съ тѣми Св. Отцами, которые видѣли жизнь только въ пещерѣ и примиреніе въ пустынѣ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что съ Григоріемъ Богословомъ и съ Дмитріемъ Ростовскимъ можно было бы толковать и объ этомъ!“ [131]).

Изданное въ 1858 году, „на иждивеніе Санктпетербургскаго купечества“ *Изслѣдованіе* И. С. Аксакова *о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ* вполнѣ оправдало надежду И. С. Тургенева, выраженную въ письмѣ его къ С. Т. Аксакову: „Порученіе Ивану Сергѣевичу досталось интересное, и я увѣренъ, что онъ превосходно его исполнитъ“.

Мы же съ своей стороны, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ этого сочиненія И. С. Аксакова страничку, посвященную чумакамъ, которые заѣзжали въ полуденную часть Тамбовской губерніи, и проѣздъ ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ запечатлѣлся въ нашей памяти. „Чумацкій промыселъ,—пишетъ Аксаковъ,—такъ древенъ, такъ сроднился съ Малороссіей, съ ея бытомъ, ея преданіями и облегающею ее съ юга степью, что предстоящая близкая кончина этого промысла, должно признаться, много отниметъ поэтической прелести у Малороссіи. Разумѣется—мы бы ни на минуту не задумались въ подписаніи смертнаго приговора *чумакованью* проложеніемъ желѣзныхъ путей, но было бы странно, еслибъ, вступая въ новую чреду жизни, мы не оглянулись назадъ съ нѣкоторою грустью, не простились дружески съ

исчезающимъ отъ насъ древнимъ, вѣковымъ народнымъ обычаемъ! Народная поэзія посвятила чумакованью цѣлый богатый отдѣлъ пѣсенъ, отражающихъ въ своей унылой однообразной мелодіи—пустынность и однообразіе степи и тихое, мѣрное движеніе воловъ. — Не только пѣснямъ, но и для картинъ живописцевъ не разъ служила содержаніемъ безбрежная степь, съ безоблачнымъ небомъ и палящимъ солнцемъ, съ сѣдымъ ковылемъ, лѣниво влекущіеся волы и медленно выступающій загорѣлый чумакъ, въ дегтяной рубашкѣ, съ коротенькой люлькой, безъ шапки, не смотря на жгучій полдень"... [132]).

XXIX.

Патріархъ семейства Аксаковыхъ, умудренный жизнію и страданіями, который, по замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „подъ старость просвѣтлѣлъ и ободрился силою и свѣжестью прелестнаго дарованія", самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, въ 1852 году, выпустилъ въ свѣтъ, дышащія жизнью свои *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи.*

17 апрѣля 1852 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Какъ хороши птицы Аксакова. Его бы надобно почтить хорошей критикой. Книга стóитъ". Самъ же Погодинъ до такой степени увлекся этою книгою, что далъ ее читать своей дочери. Узнавъ объ этомъ, С. Т. Аксаковъ счелъ однако долгомъ вразумить Погодина: „Вы дали мою книжку Сашѣ, а вѣдь тамъ есть кое-что по Натуральной Исторіи птицъ, не совсѣмъ приличное, вѣрно не дочитали" [133]).

Въ *Москвитянинѣ* разборъ этой книги написалъ охотникъ, и взглянулъ на нее съ охотничьей точки зрѣнія. Но Погодинъ отъ себя къ этому разбору прибавилъ слѣдующее: „Читатели прочли здѣсь рецензію охотника, но для литератора, которому нѣтъ почти дѣла, ни до куликовъ, ни до куропатокъ, развѣ на блюдѣ, другія достоинства книги доставляютъ наслажденіе. Это—правда, это—жизнь, это—природа,

это—сердце, которое бьется во всякой строкѣ. Въ цѣломъ репертуарѣ иной сцены, со всѣми ея трагедіями, комедіями, балетами, и водевилями, не примешь такого участія, какъ въ судьбѣ пернатыхъ жителей болота, степи и лѣса, описанныхъ авторомъ. Вотъ что значитъ знать дѣло и любить дѣло: всякая мелочь оживаетъ, и простое описаніе возвышается на степень искуства. Смѣло отнесемъ *Записки ружейнаго охотника* къ числу самыхъ пріятныхъ, самыхъ утѣшительныхъ явленій этого года, который далъ уже *Ипохондрика* Писемскаго и *Бѣдную Невѣсту* Островского и назовемъ ихъ пріобрѣтеніемъ Литературы“ [134]).

Въ *Старой Записной книжкѣ* князя П. А. Вяземскаго читаемъ: „Вечеромъ Титовъ читалъ у насъ *Записки охотника*, отца Аксакова. Очень мило. Свѣжее и глубокое чувство природы. Степь. Мастерское описаніе“ [135]).

Въ то же время И. С. Тургеневъ писалъ въ *Современникѣ*: „Мы поздравляемъ Русскую Литературу и читателей нашихъ съ появленіемъ этихъ *Записокъ*. Кому еще не знакомо новое сочиненіе С. Т. Аксакова, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени оно занимательно, какою обаятельною свѣжестью вѣетъ отъ его страницъ. Да не подумаютъ читатели, что *Записки ружейнаго охотника* имѣютъ цѣну для однихъ охотниковъ: всякій, кто только любитъ природу, всякому, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, не оторвется отъ сочиненія Аксакова: оно станетъ его настольною книгой, онъ будетъ ее съ наслажденіемъ читать и перечитывать; естествоиспытатель прійдетъ отъ нея въ восторгъ... Эту книгу нельзя читать безъ какого-то отраднаго, яснаго и полнаго ощущенія, подобнаго тѣмъ ощущеніямъ, которыя возбуждаютъ въ насъ сама природа, а выше этой похвалы мы никакой не знаемъ“. По поводу этихъ строкъ, С. Т. Аксаковъ писалъ Тургеневу: „Благодарю васъ за ваши теплыя, дорогія мнѣ строки о моихъ Запискахъ. Послѣднія слова вашей статьи могли бы слишкомъ меня возгордить, еслибъ я не напоминалъ себѣ

безпрестанно, что вы увлекаетесь, какъ молодой охотникъ и какъ добрый пріятель старому охотнику" [136]).

Но А. А. Краевскому, тотъ же Тургеневъ писалъ: „Написалъ я для *Современника* невинный разборецъ книги Аксакова, и то для того только, чтобы сдержать данное слово" [137]).

„Какъ хороши ваши болота, птицы",—писала А. О. Смирнова къ С. Т. Аксакову,—„какъ милъ бекасъ, который я ѣла, не подозрѣвая всѣхъ его милыхъ достоинствъ и качествъ, даже красивой и веселой наружности". На это С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ: „Вы, къ удивленію моему, отгадали; на что обращалъ вниманіе Гоголь: болота и бекасъ ему особенно нравились. Ему также нравились куличкн, зуекъ и воробей; описаніе зоркости и проворства утки (гоголя), причемъ онъ сказалъ: *Вотъ какой проворный мой соименникъ*; всего болѣе хвалилъ онъ голубей и смѣялся, слушая описаніе *тетеревинаго тока*" [138]).

На С. Т. Аксаковѣ сбылось псаломское слово: *Обновится яко орля юность твоя*. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ тому возрасту, когда, по тому же псаломскому слову, постигаютъ человѣка *трудъ и болѣзнь*, въ немъ съ необыкновенною силою пробудилась творческая дѣятельность. 5 апрѣля 1852 года, онъ писалъ Погодину: „Христосъ воскресе!.. Покуда буду въ силахъ, по старинному будетъ раздаваться въ *Москвитянинѣ* мой голосъ, какъ нѣкогда въ *Московскомъ Вѣстникѣ*". Эти строки вложили въ доброе сердце Погодина желаніе подать Аксакову руку помощи въ его житейскихъ нуждахъ, и Аксаковъ 10 ноября 1853 года, съ признательностью писалъ ему: „Жена сообщила мнѣ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, ваше дружеское предложеніе и привезла мнѣ ваше письмо, въ которомъ вы развиваете его подробнѣе. Благодарю васъ отъ искренняго сердца и прошу васъ вѣрить, что я цѣню вполнѣ вашу дружбу и желаніе одолжить насъ.—Я не могу исполнить этого вашего добраго желанія; мое непремѣнное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы дожить мой вѣкъ безвыѣздно въ Абрамцевѣ, если какое-нибудь несчастное событіе не выгонитъ меня отсюда. Этому

рѣшенію есть двѣ причины: одна нравственная, а другая матеріальная. Нравственная состоитъ въ томъ, что мнѣ здѣсь лучше и что для совершеннаго моего спокойствія Абрамцево даже слишкомъ близко отъ Москвы. Матеріальная причина состоитъ въ томъ, что живя въ Москвѣ, я долженъ прожить тремя тысячами рублей серебромъ болѣе, чѣмъ въ Абрамцевѣ. Это фактъ, аксіома неподверженная сомнѣнію; а живя здѣсь, я не только могу сводить концы съ концами, но, надѣюсь, понемногу выплачивать мои частные долги. Я предложу вамъ другой способъ сдѣлать намъ большое одолженіе и много меня успокоить. Вотъ въ чемъ дѣло: кромѣ казеннаго долга, частные мои долги простираются до двадцати двухъ тысячъ рублей серебромъ, въ числѣ этой суммы пятнадцать тысячъ руб. сереб. я долженъ Гришѣ или его женѣ. Эти деньги скоро имъ понадобятся, ибо они ищутъ купить имѣніе. Всѣ мои восемьсотъ душъ заложены, съ 1841 года, въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Я дѣлаю перезалогъ и долженъ получить около десяти тыс. рубл. сер.; остальныя пять, я долженъ занять и это меня непріятно затрудняетъ. Я даже имѣлъ намѣреніе обратиться къ вамъ. Ваше радушное предложеніе навело меня на мысль перевесть всѣ мои частные долги на васъ: то-есть занять у васъ двѣнадцать тыс. руб. серебромъ. Если деньги ваши лежатъ въ Ломбардѣ, то вы можете взять съ меня и по шести процентовъ; если же вы пускаете ихъ въ оборотъ, то конечно эти проценты слишкомъ малы: я прошу васъ сказать мнѣ откровенно и тогда мы устроимъ наши дѣла какъ-нибудь иначе. Мнѣ понадобится тысяча руб. сер. для Опекунскаго Совѣта въ первыхъ числахъ декабря, ибо нынѣшній годъ доходы мои опоздаютъ болѣе мѣсяца, остальныя деньги будутъ нужны въ теченіи восьми мѣсяцевъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ, мы можемъ переговорить или переписаться подробнѣе съ оказіями, которыя будутъ очень скоро, а теперь мнѣ нужно только знать, можете ли вы меня одолжить деньгами всею суммою или какою-нибудь ея частію?.. Плохо дѣло: глаза болятъ“.

Погодинъ не отказался исполнить желаніе С. Т. Аксакова, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его украшать *Москвитянинъ* своими произведеніями за извѣстное вознагражденіе. На это С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ: „Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, за письмо ваше отъ 26 ноября. — Съ чего вы взяли извиняться? Въ чемъ? Въ письмѣ вашемъ кромѣ доброжелательства и дружбы ничего нѣтъ; а за это говорятъ спасибо. Но я понимаю въ чемъ дѣло и улыбаюсь внутренно: вы подумали, что я оскорблюсь предложеніемъ денежнаго вознагражденія, и можетъ быть вы были правы лѣтъ двадцать-пять тому назадъ; но вотъ что значитъ время: я самъ хотѣлъ вамъ это предложить!..“

Въ томъ же письмѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о произведеніяхъ С. Т. Аксакова. Вотъ, что онъ самъ пишетъ: „Черезъ недѣлю я пришлю вамъ статью для *Москвитянина*: о травлѣ ястребами перепеловъ. Охота слишкомъ спеціальная, но статья кажется такъ написана, что должна понравиться и неохотникамъ; на цѣну вами назначенную я согласенъ. Отрывки изъ Семейной Хроники и отрывки изъ моихъ Воспоминаній, конечно (я говорю безъ всякихъ церемоній) были бы для журнала выгодны; но цензуза будетъ ихъ обрѣзывать, а я на это не согласенъ. Я также затѣялъ составить изъ нихъ цѣлый томъ: первая половина—Хроники, вторая—Воспоминанія. Послѣдняя будетъ состоять изъ слѣдующихъ статей: Жизнь въ Уфѣ, переѣздъ въ деревню, смерть дѣдушки, Казанская Гимназія, Надежда Ивановна Куроѣдова, Мы богаты, Казанскій Университетъ, Переѣздъ на службу въ Петербургъ, Яковъ Емельяновичь Шушеринъ, Воспоминаніе о А. С. Шишковѣ, Знакомство съ Державинымъ. Послѣдняя статья уже написана нѣсколько лѣтъ и я отдалъ-было ее въ печать, но впечатлѣніе нѣкоторыхъ ея читателей и мое собственное чувство говорятъ мнѣ, что эту статью не надобно теперь печатать, а развѣ что-нибудь въ ней измѣнить. Со всѣмъ будетъ другое дѣло, когда она будетъ служить заключеніемъ

цѣлаго тома. О Шишковѣ многаго не пропустятъ, да она еще и не кончена. Вѣроятно я могу вамъ дать Казанскую Гимназію и Шушерина (тамъ будетъ довольно объ Дмитревскомъ, объ Яковлевѣ и о Катеринѣ Семеновнѣ Семеновой, впослѣдствіи Княгинѣ Гагариной); но все это будетъ готово не ближе какъ черезъ полгода. Еслибы вы собрались помолиться Богу и заѣхали ко мнѣ, то мы обо всемъ бы потолковали и почитали. Чтобъ получить четыре тысячи, надо написать въ годъ около сорока печатныхъ листовъ, а я иной годъ и десяти не напишу. И такъ, я не беру на себя никакой обязанности и буду давать вамъ что̀ случится и когда случится. Разумѣется, деньги буду получать немедленно по полученіи статей. Вотъ вамъ подробный и положительный отвѣтъ. Томъ *Хроники* и *Воспоминаній* можетъ быть вполнѣ напечатанъ только послѣ моей смерти и при болѣе благосклонной цензурѣ. Простите, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. У меня нѣтъ никакихъ *неудовольствій* и *соображеній*. Я браню васъ иногда, но люблю и уважаю въ васъ все хорошее, такова и должна быть дружба".

Съ своей стороны и О. С. Аксакова писала Погодину: „Вотъ и мнѣ осталось мѣстечко, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, чтобы поблагодарить васъ за всѣ ваши предложенія, они истинно дружелюбны" [139]).

XXX.

„Вниманіе цензуры",—пишетъ М. И. Сухомлиновъ,—„въ отношеніи къ Славянофиламъ распространялось и на ихъ ближайшихъ родственниковъ: не даромъ Славянофилы горячо отстаивали семейное начало въ нашемъ быту".

16 марта 1853 года, С. Т. Аксаковъ подалъ въ Московскій Цензурный Комитетъ прошеніе о разрѣшеніи издавать ему *Охотничій Сборникъ*. 20 марта того же года, Аксакову объявили, что Цензурный Комитетъ, „не признавая особой пользы въ томъ, чтобы статьи по предметамъ охоты издава-

лись въ видѣ Сборника, опредѣлилъ: отказать г. Аксакову въ его просьбѣ".

Находя таковое опредѣленіе Московскаго Цензурнаго Комитета для себя стѣснительнымъ, С. Т. Аксаковъ, 14 апрѣля того же года, обратился съ прошеніемъ въ Главное Управленіе Цензуры о даровaніи ему права издавать *Охотничій Сборникъ*. Въ то же время онъ возложилъ на своего стараго университетскаго товарища, А. М. Княжевича, „наблюденіе" за ходомъ въ Петербургѣ этого дѣла.

Вслѣдствіе предложенія А. С. Норова, предсѣдатель Московской Цензуры сообщалъ, что не разрѣшилъ Аксакову издавать *Охотничій Сборникъ*, на основаніи высочайшаго повелѣнія: „не пропускать къ печатанію Сборниковъ безъ испрошенія высочайшаго соизволенія", и что въ данномъ случаѣ, Комитетъ „полагалъ неумѣстнымъ ходатайствовать о высочайшемъ разрѣшеніи на изданіе, которое онъ признаетъ слишкомъ, по предмету своему, маловажнымъ, чтобы утруждать онымъ вниманіе его величества государя императора".

Главное Управленіе Цензуры, не находя, съ своей стороны, въ „объясненіи Московскаго Цензурнаго Комитета достаточной причины къ недопущенію предполагаемаго *Сборника*, тѣмъ болѣе, что программа онаго не заключаетъ въ себѣ ничего могущаго обратить на себя цензурную строгость, опредѣлило: Дозволить коллежскому совѣтнику Аксакову изданіе *Охотничьяго Сборника*... и положило испросить на то, чрезъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова, высочайшее государя императора соизволеніе".

До доклада о семъ, Норовъ счелъ необходимымъ обратиться къ Л. В. Дубельту съ запросомъ „о личности г. Аксакова", въ особенности потому, писалъ Норовъ (7 сентября 1853), что „фамилія его напоминаетъ нѣкоторыхъ писателей, сдѣлавшихся уже извѣстными неблагонамѣреннымъ направленіемъ своихъ сочиненій, по поводу изданія *Московскаго Сборника*".

Отвѣтъ Дубельта былъ самый неблагопріятный для почтеннаго С. Т. Аксакова. Дубельтъ припомнилъ, и статью

Аксакова 1830 года *Рекомендація Министра*, и о пропускѣ имъ въ 1832 году, въ бытность цензоромъ, *Двѣнадцати спящихъ будочниковъ* и пр. „Соображая все это", — писалъ Дубельтъ въ заключеніи своего письма, 12 сентября 1853 года, — „равно и другія свѣдѣнія, имѣющіяся о Сергѣѣ Аксаковѣ въ Третьемъ Отдѣленіи, нельзя предполагать, чтобы онъ, при изданіи помянутаго *Сборника*, руководствовался должною благонамѣренностію, и потому едва ли можно ему дозволить изданіе какого бы то ни было журнала".

Само собою разумѣется, что послѣ такого отзыва Дубельта, Норовъ не рѣшился испрашивать высочайшаго соизволенія на изданіе *Охотничьяго Сборника*, и 19-го ноября 1853 года поручилъ начальнику Московской Цензуры „увѣдомить Аксакова, что Главное Управленіе Цензуры находитъ неудобнымъ дозволить ему изданіе *Охотничьяго Сборника*[140]).

Какъ только И. С. Тургеневъ узналъ объ означенномъ предпріятіи С. Т. Аксакова, то 26 апрѣля 1853 года, писалъ ему: „Я намѣренъ для ващего *Сборника* составить, во-первыхъ, статью о ловлѣ Курскихъ и Бердичевскихъ соловьевъ, списанную со словъ моего стараго охотника... За занимательность этой статьи я отвѣчаю; а во-вторыхъ, разсказъ о стрѣльбѣ мужиками медвѣдей на овсахъ въ Полѣсьѣ". Когда же до Тургенева дошло извѣстіе о цензурныхъ затрудненіяхъ, то онъ, 12 мая 1853, писалъ: „Видно одно слово *Сборникъ* такъ напугало цензуру, что она не рѣшается позволить даже Охотничьяго Сборника!.. Я горжусь тѣмъ, что отчасти былъ причиною скорѣйшаго напечатанія вашихъ *Записокъ*" [141]).

Какъ бы то ни было, и почтеннаго старца, и знаменитаго писателя произвели въ неблагонамѣренные и не довѣрили ему даже изданія *Охотничьяго Сборника!*

Погодинъ сталъ просить С. Т. Аксакова, чтобы онъ матеріалы, приготовленные имъ для *Сборника*, напечаталъ въ *Москвитянинѣ;* но на свою просьбу, Погодинъ, 29 ноября 1853 года, получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Матеріалы *Охот-*

ничьяго Сборника не могутъ быть всѣ помѣщены въ *Москвитянинѣ*, ибо многія статьи только потому имѣютъ достоинство, что помѣщены вмѣстѣ съ другими, подлѣ нихъ. Напримѣръ, есть у меня наблюденіе за пятнадцать лѣтъ о прилетѣ и отлетѣ дичи въ Оренбургской губерніи; для настоящаго охотника это интересно, а для всякаго другого читателя—пустяки. Читатели литературнаго журнала вправѣ роптать за помѣщеніе такихъ статей, которыхъ у меня довольно; а потому я не оставляю намѣренія издать черезъ годъ цѣлый томъ статей о разныхъ охотахъ" [142]).

Между тѣмъ, по поводу предпринятаго С. Т. Аксаковымъ изданія *Охотничьяго Сборника*, А. С. Хомяковъ писалъ ему: „Дѣло затѣваете вы весьма доброе и не только я мысль вашу нахожу прекрасною, но и всячески готовъ ей содѣйствовать. Время для меня строгое, и занятія ему должны соотвѣтствовать; но я понимаю пользу добраго и невиннаго удовольствія, и считаю дѣломъ хорошимъ все то, что можетъ возвращать человѣка къ удовольствіямъ, сдружающимъ его съ природою и отрывающимъ его отъ той вялой жизни, въ которой тонетъ наше общество. Англійскій журналъ, весьма серьезный, говоритъ: „Если въ человѣкѣ нѣтъ хоть искры *спортсмена*, въ немъ природа искажена не только физическая, но и духовная". А религіозный журналъ Оксфордскій замѣчаетъ, что изъ Университета Оксфордскаго много вышло не только людей замѣчательныхъ по наукамъ или государственному правленію, но и еще по дѣлу проповѣди и ученія богословскаго, что они же отличались и строгостью нравственной жизни, а это все онъ приписываетъ развитію гимнастики, кулачнаго боя, охоты и катанья на лодкахъ. Имѣя такіе авторитеты, я въ полномъ правѣ предполагать, что и охота во всѣхъ ея отрасляхъ должна имѣть не малое вліяніе на доброкачественность жизни. И вправду, сравните румяный ликъ двадцатилѣтняго юноши, возвратившагося, скажемъ, хоть съ пороши, съ блѣдною фигурою его ровесника, просидѣвшаго за лото и протаскавшагося въ маскарадѣ: какъ-то невольно

вѣришь, что молодость лица обозначаетъ такую же молодость и свѣжесть души... Что то скажетъ цензура? Это другое дѣло, а объ успѣхѣ сомнѣваться нельзя" [143]).

Мы уже знаемъ, что сказала цензура.

XXXI.

Описавъ печальную судьбу *Московскаго Сборника* и его дѣятелей, обратимся къ *Москвитянину*, который вступилъ въ одиннадцатый годъ своего существованія.

Прежде всего замѣтимъ, что объявленіе на изданіе *Москвитянина* въ 1852 году обратило на себѣ вниманіе Негласнаго Комитета 2 апрѣля 1848 года. Въ этомъ объявленіи, между прочимъ, сказано: „Всѣ корифеи, всѣ знаменитости, всѣ почти имена Русскаго литературнаго міра содѣйствуютъ главному редактору, какъ видитъ публика, своими сочиненіями, совѣтомъ, замѣчаніями; въ послѣднее время получилъ онъ твердую надежду, что въ Москвѣ, сердцѣ Русской національности, *установится, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія*, журналъ, чуждый всѣхъ партій, имѣющій въ виду одну истинную пользу и успѣхъ Русской Литературы, органъ своеобразнаго взгляда на Русскую жизнь, науку, искусство, исторію. Хотя эти слова, столь часто злоупотребляемыя, потеряли свой смыслъ и довѣріе, но мы считаемъ себя вправѣ произнести ихъ, безпрестанно получая отзывы одобренія и ободренія отъ достойнѣйшихъ соотечественниковъ".

Комитетъ 2 апрѣля остановился здѣсь на словахъ, *не смотря на всѣ препятствія*: „Не приписывая",—писалъ предсѣдатель Комитета, генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ (22 февраля 1852 г.), князю П. А. Ширинскому-Шихматову,— „онымъ никакого предосудительнаго значенія, по извѣстной благонамѣренности главнаго редактора *Москвитянина* дѣйствительнаго статскаго совѣтника Погодина, оказавшаго несомнѣнныя услуги отечественной Литературѣ, въ особенности изысканіямъ по части Русскихъ древностей, Комитетъ счелъ однакоже

долгомъ замѣтить, что вышеприведенныя слова, въ мнѣніи нѣкоторой части публики, могутъ быть отнесены къ препятствіямъ со стороны правительства и въ особенности цензуры, а потому лучше было бы оныя вовсе не помѣщать; если же они относятся къ препятствіямъ со стороны литературныхъ партій или завистниковъ заслуженнаго успѣха *Москвитянина*, то оговорить ихъ такъ, чтобы смыслъ былъ вполнѣ опредѣленный". Не довольствуясь этимъ, Комитетъ испрашивалъ высочайшее соизволеніе, предоставить князю Ширинскому „сообщить о вышеизложенномъ замѣчаніи, конфиденціально, дѣйствительному статскому совѣтнику *) Погодину, не давая сему дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій".

Это замѣчаніе весьма польстило Погодина и онъ съ признательностью писалъ въ отвѣтъ князю Ширинскому (7 марта 1852): „Замѣчаніе вашего сіятельства тронуло меня до глубины сердца. Оно выражено столь лестнымъ для меня образомъ, съ такой отеческой благосклонностью, что я не могу возблагодарить васъ достойно. Указанное мѣсто въ объявленіи, напечатанномъ нѣсколько разъ во всѣхъ газетахъ, кромѣ Петербургскихъ, куда я не могу никакъ получить доступа, я велѣлъ немедленно исключить, объявленіе сполна перепечатать. Могу прибавить только, что это мѣсто относилось къ *литературнымъ препятствіямъ*, и, казалось мнѣ, по окружающимъ словамъ, исключало всякій другой смыслъ, хотя, совершенно согласенъ, возможный для злонамѣренныхъ толкователей. Цензурой же я совершенно доволенъ, и не только никогда не жаловался на нее, но благодарилъ всегда за просвѣщенное содѣйствіе. Цензура также, смѣю надѣяться, была всегда мною довольна, за готовность согласоваться съ ея видами".

По мнѣнію И. Н. Березина, для *Москвитянина* „теперь настала удобная пора"; ибо „всѣ журналы наличные не отличаются новостью и оригинальностію".

Въ концѣ декабря 1851 года, Погодинъ писалъ великому

---

*) Въ дѣйствительные статскіе совѣтники Погодинъ всемилостивѣйше пожалованъ только 20 декабря 1852 года.

князю Константину Николаевичу: „Изъ произведеній собственно изящной словесности первое мѣсто занимаетъ переводъ славной поэмы Дантовой *Адъ*, который напечатается въ *Москвитянинѣ*, съ объяснительными примѣчаніями. Интересно слышать эти величавые, степенные звуки среди визготни, пискотни и притоптыванія новой Европейской литературы“.

Воспитанникъ Московской Медицинской Академіи, а затѣмъ профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ Врачебновѣдѣнія, Дмитрій Егоровичъ Минъ, продолжалъ, въ 1852 году, печатать въ *Москвитянинѣ* свой переводъ *Божественной Комедіи* Данта Алигіери. Въ предисловіи къ переводу мы, между прочимъ, читаемъ: „Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые рѣшился испытать свои силы въ переводѣ *Божественной Комедіи*... Въ теченіе двухъ лѣтъ постояннаго изученія и непрерывныхъ трудовъ, я успѣлъ окончить переводъ первой части *Божественной Комедіи* — *Ада*.... ...Я долго скрывалъ его подъ спудомъ, пока наконецъ одобрительныя сужденія друзей моихъ, а еще болѣе, необыкновенно-лестный отзывъ г. профессора С. П. Шевырева, заставили меня, въ 1844 году, въ первый разъ предстать на судъ публики, съ пятою пѣснію *Ада*, помѣщенною въ томъ же году въ *Москвитянинѣ*. Послѣ того я напечаталъ еще отрывокъ въ *Современникѣ*, издававшемся Плетневымъ, и наконецъ, въ прошедшемъ году,—XXI и XXII пѣсни, въ *Москвитянинѣ*. Убѣдившись, что трудъ мой не совсѣмъ ничтоженъ, и если не имѣетъ въ себѣ никакихъ особыхъ достоинствъ, то по крайней мѣрѣ довольно близокъ къ подлиннику, я теперь рѣшаюсь вполнѣ представить его на судъ любителей и знатоковъ такого колоссальнаго творенія, какова *Божественная Комедія* Данта Алигіера“.

Такимъ образомъ, въ январьской книжкѣ *Москвитянина* 1852 г., Д. Е. Минъ началъ съ пѣсни первой *Ада*:

Въ срединѣ нашей жизненной дороги
Объятый сномъ. я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги... и пр.

Дальнѣйшее продолженіе печатанія этого перевода встрѣтило затрудненіе со стороны Московской Цензуры. По ея мнѣнію, „во всей *Divina Comedia* господствуетъ смѣшеніе понятій христіанскихъ съ языческими, постоянное сближеніе миѳологическихъ вымысловъ съ истинами христіанской религіи и изъявленіе равной вѣры и равнаго уваженія, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ“. Главное Управленіе Цензуры вывело изъ затрудненія Московскую Цензуру слѣдующимъ опредѣленіемъ: „Допустить переводъ первой части *Divina Comedia* къ печати, съ измѣненіемъ или пропускомъ болѣе рѣзкихъ и неблагопристойныхъ мѣстъ, по усмотрѣнію Московскаго Цензурнаго Комитета“.

Хотя главными двигателями *Москвитянина* въ это время были члены, такъ-называемой, *Молодой Редакціи*, тѣмъ не менѣе, Погодинъ не измѣнялъ традиціямъ старины и охотно давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ произведеніямъ писателей стараго поколѣнія.

Престарѣлый дядя М. А. Максимовича, И. Ѳ. Тимковскій, напечаталъ въ *Москвитянинѣ* 1852 года свои въ высшей степени любопытныя и драгоцѣнныя воспоминанія подъ заглавіемъ: *Мое опредѣленіе на службу. Сказаніе въ трехъ частяхъ.* Въ предисловіи къ этому Сказанію (сыну моему Василію), мы между прочимъ читаемъ: „Извѣстно тебѣ давно мое желаніе, написать для васъ мою жизнь и современниковъ. Я чувствую, въ ней могутъ быть свѣдѣнія, не одному только моему семейству любопытныя. На ней лежитъ при томъ и великій переходъ изъ стараго вѣка... Племянникъ, любезный нашъ Михайло Александровичъ Максимовичъ, проживъ съ нами (въ Черниговскомъ селѣ Турановкѣ) осень, уѣхалъ въ Москву съ моими разсказами, и въ письмахъ оттуда ввелъ новое дѣйствующее лицо, г. Погодина, передавъ мнѣ его желаніе, получить свѣдѣнія, что̀ я знаю о Шуваловѣ. Не только пріятно мнѣ, я обязанъ сталъ, и угодить лицу, много почитаемому мною, и говорить о лицѣ, давно знаменитомъ въ Отечествѣ и наукахъ. Но я не могу инако, не могу болѣе

говорить о Шуваловѣ, какъ по отношеніямъ къ моей жизни... Здѣсь я долженъ былъ спрашивать себя: что я? и что привело меня къ Шувалову? Тогда въ моемъ объемѣ мыслей очертился великій кругъ, въ которомъ первая центральность къ сторонѣ сдвинута. Такъ вышло у меня цѣлымъ *Мое опредѣленіе въ службу*" [144]).

Для почтеннаго старца было отрадно то сочувствіе Погодина къ его лебединой пѣсни, и онъ писалъ ему: „Какъ большой колоколъ, когда перестанутъ звонить, долго еще гудитъ октавами до самыхъ тонкихъ, на которыхъ стихаетъ; такъ за тою посылкою, чувствую въ головѣ моей продолжительный гулъ бывшихъ мыслей; то къ данному началу моей службы приставляю симметромъ конецъ ея въ образованіи Южнаго края..." Въ заключеніе своего письма, Тимковскій доводилъ до свѣдѣнія Погодина: „Сынъ моего куратора, внукъ Шувалова, князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, статсъ-секретарь, въ числѣ тѣхъ, которые ожидаютъ сихъ воспоминаній и вамъ за нихъ обязаны будутъ".

Это произведеніе старца Тимковскаго нашло себѣ справедливую оцѣнку въ слѣдующемъ отзывѣ о немъ А. С. Стурдзы: „Я съ невыразимымъ удовольствіемъ прочелъ разсказъ г. Тимковскаго, животрепещущій снимокъ съ домашняго быта Малороссіи. Побольше и почаще бы намъ подобныхъ сказаній, заставляющихъ насъ призадуматься надъ настоящимъ и отрезвляться отъ глупаго упоенія ума нынѣшнимъ суемудріемъ" [145]).

Самъ А. С. Стурдза украсилъ страницы *Москвитянина* также своими воспоминаніями: *Дань памяти В. А Жуковскаго* и *Н. В. Гоголя*. Въ предисловіи къ этимъ воспоминаніямъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Помнится, что Римскіе историки временъ Имперіи, описывая подвиги Трояна и Адріаново царствованіе, передали намъ черту этого блестящаго вѣка, мало кѣмъ замѣченную. Троянъ страстно любилъ обновлять памятники древняго величія и славы Рима, при чемъ никогда не забывалъ вписывать свое имя подлѣ названія,

прославляемыхъ людей и событій. Современники, подмѣтивъ въ императорѣ эту слабость, прозвали его плющемъ (hedera), обвивающимъ всѣ могучія развалины. Въ смиренной долѣ моей, люблю и я обнимать мыслію и сердцемъ созданія и жизнь, опередившихъ меня по пути въ вѣчность, дорогихъ спутниковъ, конечно не съ тѣмъ, чтобы привить негромкое имя свое къ благотворной ихъ знаменитости, но по какому-то неодолимому влеченію души, привыкшей искать и находить утѣшеніе въ прошедшемъ" [146]).

Препровождая эти воспоминанія къ Погодину для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, Стурдза писалъ: „Посылаю вамъ и свою *Дань памяти* незабвенныхъ Жуковскаго и Гоголя. Здоровье мое, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, все еще такъ шатко и ненадежно, что препровождаемую при семъ статью я могу назвать, если не лебединою, то по крайней мѣрѣ гусиною пѣснію моего убожества. Но каковъ бы ни былъ этотъ старческій трудъ, надѣюсь однакоже, что онъ будетъ вамъ угоденъ и пригоденъ *Москвитянину*. Если, въ слѣдствіе вашего ходатайства, Московская Цензура, пропуститъ мою статью,—то благоволите прислать мнѣ, по прежнему, пятьдесятъ отдѣльныхъ съ нея оттисковъ... Грустно, очень грустно переживать и отпѣвать своихъ современниковъ. Впрочемъ, это неизбѣжный удѣлъ старости, и вмѣстѣ священный долгъ, воздаваемый нами любезной памяти усопшихъ".

Ровесникъ Стурдзы графъ Д. Н. Блудовъ, весьма сочувственно относился къ его произведеніямъ. Графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Посылаю вамъ одинъ изъ нумеровъ *Москвитянина*, въ которомъ прекрасное письмо Стурдзы. — Его батюшка читалъ съ большимъ удовольствіемъ, и увлекаясь своими воспоминаніями, написалъ карандашемъ замѣчанія. Такъ какъ вы желали, чтобъ я такія замѣчанія о разныхъ извѣстныхъ лицахъ записывала, и такъ какъ у меня никогда не достанетъ терпѣнія и памяти для этого, то вмѣсто того пересылаю вамъ нумера *Москвитянина* гдѣ они сами собой находятся".

Дружеское расположеніе къ Погодину, давало Стурдзѣ нѣкое право дѣлать ему нерѣдко выговоры. Такъ, въ письмѣ своемъ Стурдза ставитъ на видъ Погодину неисправность переводчиковъ *Москвитянина*. „Статья Вильменя о св. Амвросіѣ“,—пишетъ онъ,— „хороша, изящна въ подлинникѣ, что просвѣчиваетъ сквозь плохой переводъ. Кстати о переводчикахъ для вашего журнала. Они искажаютъ многое, по крайнему невѣжеству. Въ упомянутомъ выше отрывкѣ, кромѣ другихъ промаховъ, несвѣдущій въ Св. Писаніи переводчикъ—Lamentations de Jérémie переводитъ такъ: *жалобы* Іереміи, вмѣсто *плача* или *сѣтованія*. — И такъ, заказные переводы нашей молодежи, вы сами видите, требуютъ пересмотра. Бульверъ гдѣ-то замѣтилъ: Просвѣщеніе походило въ старину на рѣку глубокую и многоводную; теперь она выступила изъ береговъ, всюду разлилась—а потому вездѣ мелководіе!“

Любезный *старой* редакціи *Москвитянина* и нелюбимый *молодою*, М. А. Дмитріевъ, пребывалъ въ своей Симбирской деревнѣ, селѣ Богородскомъ. Въ это время, между нимъ и Погодинымъ возникло какое-то недоумѣніе, которое скоро разсѣялось нижеслѣдующимъ письмомъ Дмитріева (15 авг. 1852 г.): „Наконецъ, я получилъ отъ васъ записочку съ прежнимъ моимъ титуломъ тоже *любезнѣйшаго*, который можетъ быть и нейдетъ ко мнѣ, но за которымъ право давности; но когда получилъ отъ васъ титло *милостиваго государя*, то, само собою разумѣется, я замолчалъ и проч. Мое письмо совсѣмъ не было холодно; а только учтиво, какъ слѣдуетъ писать къ тому, кто насъ оставляетъ безъ вниманія! Я писалъ къ вамъ вскорѣ по пріѣздѣ, 12 ноября, поручалъ моему сыну спросить васъ, получили ли вы мое письмо? Ни мнѣ, ни ему не было отвѣта!—Цѣлые четыре мѣсяца, до 9 ноября (и то благодаря Смирдину), я былъ оставленъ безъ вниманія; а я, къ несчастію, имъ избалованъ!—Какъ же мнѣ на холодность отвѣчать теплотою! Вотъ я сказалъ вамъ все откровенно, и прошу не обижаться!... Немного остается насъ прежнихъ. Надобно быть потѣснѣе и поближе. Молодое поколѣніе для насъ

непрочно. Ихъ дружба къ намъ, или требовательна, или, что еще хуже, изъ милости!—А наша была по простотѣ сердца и по привычкѣ. Вспомните ваши отношенія къ Пушкину; они были легче, чѣмъ къ нынѣшнимъ! Я дорожу старой пріязнью, какъ старинной рѣдкостью: и по себѣ вещь хороша, да нынѣ и нѣтъ эдакой!" [147]).

Въ *Москвитянинѣ* 1852 года, безъ подписи автора, была напечатана статья: *Нѣсколько замѣчаній о причинахъ особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ Россіи* [148]).

Статья эта крайне не понравилась М. А. Дмитріеву, и онъ, изъ своего Богородскаго (15 авг. 1852), писалъ Погодину: „Кто у васъ это написалъ о *Сатирѣ?*—Экая надутая гиль!—Гоголь и Лермонтовъ, Лермонтовъ и Гоголь..... Да у насъ, кромѣ Кантемира, были Княжнинъ, Капнистъ, Дмитріевъ, Милоновъ!—Неужели Гоголь и Лермонтовъ только и свѣта въ окошкѣ!—И гдѣ же у насъ преимущественно сатира или комедія?—Много ли ихъ?—Прочитайте: вы увидите, каковы даже логическіе выводы. Я бы на вашемъ мѣстѣ не напечаталъ. Да и туманно! Извините. Видите, что я пишу къ вамъ опять откровенно".

На вопросъ Погодина о предметѣ тогдашнихъ занятій Дмитріева, послѣдній отвѣчалъ: „Вы хотите знать о моемъ мараньѣ? — Отвѣчаю. — Въ сочиненіи *о Духѣ направленія нашей поэзіи*, послѣднюю главу написалъ я о Карамзинѣ и Дмитріевѣ; началъ о Жуковскомъ и Батюшковѣ. — Кончу (ежели кончу) Пушкинымъ, заключающимъ, по моему мнѣнію, или по моему плану, тотъ періодъ, въ который господствовала въ нашей поэзіи идея художества. У меня есть еще тетрадь, подъ названіемъ: *Мелочи изъ запаса моей памяти*. Тутъ, начиная съ Тредьяковскаго, все, что я знаю, слышалъ и видѣлъ достовѣрнаго.—Это мозаика. Тоже дошелъ до И. И. Дмитріева. Есть и другія занятія. Хочется перевести *всѣ* сатиры Горація. Остались непереведенными четыре. Но я забылъ, что ихъ вамъ не нужно. Впрочемъ, это только подробный отчетъ о моей домашней литературѣ. О напечатаніи

написаннаго я не думаю; а пишу для себя, по пословицѣ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало“.

Давній сотрудникъ *Москвитянина* и другъ Погодина, В. И. Даль, въ это время, по порученію великаго князя Константина Николаевича, приготовилъ къ печати *Матросскіе Досуги*. Зная о письменныхъ сношеніяхъ Погодина съ великимъ княземъ, Даль (25 августа 1852) писалъ ему: „Слышно, будто вы ведете переписку прямо съ нимъ; какъ это?—Я не посмѣлъ, и даже на рескриптъ его отвѣчалъ Головину“. Касательно же сотрудничества своего въ *Москвитянинѣ*, Даль писалъ: „Если хотите заставить работать меня на *Москвитянинъ*, задайте что-нибудь *научное* по моей части. По изящной словесности предоставляю г. Корфу побѣду надо мною и славу, что онъ заставилъ меня умолкнуть. Какъ ни крутъ побѣдитель и смиритель И. С. Тургенева, но ко мнѣ онъ нѣсколько благоволилъ и обѣщалъ-было свое покровительство. Не вѣдаю, чѣмъ я вашего благодѣтеля (т.-е. Корфа) прогнѣвилъ“.

Въ это время вышла третья часть Гакстгаузена, на которую Даль указываетъ Погодину, и замѣчаетъ: „Много довольно вѣрныхъ взглядовъ, но болѣе чѣмъ въ первыхъ частяхъ вракъ и недоглядовъ. Почему же нашему брату не позволятъ написать что-нибудь подобное. Ухъ, какъ бы я росписался“.

Въ сентябрѣ 1852 года, мы видимъ В. И. Даля въ Петербургѣ. „Въ среду, третьяго дня“,—сообщаетъ Погодину Г. П. Данилевскій“,—„у Авраама Сергѣевича Норова былъ замѣчательный литературный вечеръ: Щепкинъ читалъ *Театральный Разъѣздъ* и развязку *Ревизора*.—Тутъ же были: Даль, который оправляется отъ лихорадки, Майковъ, Никитенко и Гончаровъ, который, по ходатайству А. С. Норова, получилъ мѣсто на эскадрѣ, отправленной вокругъ свѣта, подъ начальствомъ адмирала Путятина“ [149]).

XXXII.

Въ *Москвитянинѣ* 1852 года продолжалось, съ перерывами, печатаніе произведенія графини Е. П. Ростопчиной, подъ заглавіемъ: *Счастливая Женщина. Современная біографія* [150]).

Вопреки условію, Погодинъ разогналъ этотъ романъ на нѣсколько книжекъ. По поводу сего, Ростопчина писала Погодину: „Скажите мнѣ откровенно, любезный Михаилъ Петровичъ, намѣрены ли вы въ слѣдующемъ нумерѣ напечатать конецъ *Счастливой Женщины*, или вамъ что-нибудь мѣшаетъ, или вы сами не хотите? Въ такомъ отрицательномъ случаѣ, прошу у васъ покорно *возвратить мнѣ рукопись сейчасъ же*, — я ее тотчасъ отправлю въ Петербургъ, откуда ее просятъ и требуютъ убѣдительно; вы помните, что я, изъ *угожденья и дружбы къ вамъ*, согласилась вручить вамъ мою рукопись, въ такую минуту, когда, по словамъ же вашимъ, она васъ выручила изъ бѣды и совершеннаго неимѣнья чего-нибудь; вы помните *мои формальныя условія, чтобъ романъ появился непремѣнно въ двухъ нумерахъ сряду*. Вотъ годъ, что онъ, то печатается, то нѣтъ; *цензура въ томъ невиновата*, развѣ только *цензоръ*, ибо по данному слову Комитета, я знала, что мой романъ будетъ пропущенъ весь, неоднократно просила васъ передать его въ Комитетъ, и все получала уклончивые отвѣты; изъ всего этого мнѣ ясно, *что вы не хотите печатать окончанія романа*. Зачѣмъ же хитрости?.. Признайтесь мнѣ откровенно и отдайте рукопись, это будетъ несравненно лучше и спокойнѣе для васъ и для меня! Теперь же вы не въ крайнемъ безводіи, — у васъ много запасныхъ матеріаловъ,—такъ зачѣмъ за одно проводить и автора, и публику, и подписчиковъ?—Только, это мнѣ урокъ впередъ! буду знать, что я у васъ на *безрыбьи* и на *безлюдьи* играю роль *рака* и *Ѳомы!* Впрочемъ, я нисколько не сержусь; но, для оправданія себя передъ массою читателей, должна буду по журналамъ напечатать увѣдомленіе, какъ и почему все это дѣло такъ пошло“.

Это письмо показалось Погодину рѣзкимъ, что онъ и выразилъ Ростопчиной, которая отвѣчала: „Виновата, Михаилъ Петровичъ,—виновата много, но только *дѣломъ* и *словомъ, отнюдь не помышленіемъ*, ибо въ помышленіи у меня не было оскорбить или огорчить васъ, *но мнѣ нужно было разъяснить сомнѣніе.* Выслушайте же и вы мою исторію: такъ какъ газеты не объявили еще о выходѣ шестого нумера, я за нимъ не посылала; вчера узнаю, что онъ вышелъ,—но о моей повѣсти никто не говоритъ мнѣ ни слова; а *изъ Петербурга* получила письма отъ разныхъ лицъ, гдѣ спрашивается, *когда* конецъ, *почему* его нѣтъ,—*кѣмъ* запрещенъ,—съ разными притомъ толками и комментаріями, крайне непріятными; вы сами поймете всѣ заключенья, которыя могутъ быть сдѣланы по поводу слуховъ о запрещеніи цензурою, вы поймете, какъ иногда, *особенно мнѣ*, при легіонѣ моихъ недоброжелателей, они могутъ быть предосудительны! Что вы были тоже не *противъ меня*, и противъ моей Марины, въ томъ вы сами согласитесь; вотъ почему я и написала вамъ откровенно все, что̀ думала и полагала, прося васъ также откровенно сказать мнѣ правду на счетъ вашихъ намѣреній или опасеній. Вы другъ мнѣ,—но *какъ врагъ* зарѣзали романъ, распредѣливъ его черезъ часъ по ложкѣ,—это общее мнѣніе".

Но *Счастливая Женщина* далеко не всѣмъ пришлась по вкусу. Такъ, Писемскій, между прочимъ, писалъ Погодину: „Надъ романомъ Ростопчиной смѣются всѣ — даже наши провинціальныя барыни".

Не смотря на литературныя недоразумѣнія, Погодинъ, почему-то, съ графинею Ростопчиною состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ, и даже наблюдалъ за ея поведеніемъ; а графиня считала долгомъ оправдываться на дѣлаемыя ей со стороны Погодина замѣчанія. „Въ ложѣ моей",—писала она ему,—„было даже не одиннадцать, а двѣнадцать человѣкъ, считая мою персону,—но кто? Дядя и тетка . . . . .; двѣ гувернантки и два учителя моихъ дѣтей, то есть *домашніе* и преданные мнѣ люди; далѣе, *Воейковъ*, старый и хорошій знакомый нашего семейства; . . . . . потомъ, *Сеньковскій*, вставшій съ одра

совала къ вамъ, еслибъ не сборы, еслибъ не такъ тяжел
просить даже своего. Позвольте надѣяться, что вы отвѣтит
мнѣ скоро, а Дмитрій Семеновичъ Ржевскій охотно возьметс
передать мнѣ вашъ отвѣтъ. Тяжесть просьбы выкупаетс
благодарностью случаю, дозволяющему мнѣ засвидѣтельствоват
вамъ, милостивый государь, то отличное уваженіе, которое
безъ личнаго знакомства, всегда имѣла къ вамъ. Фамилія мо
должна быть вамъ нѣсколько знакома. Покойный, дорогої
мой другъ и братъ Сергѣй Петровичъ, помнится, имѣлъ
счастіе пользоваться вашимъ добрымъ расположеніемъ".

Все изложенное въ письмѣ было немедленно исполнено, и М. П. Побѣдоносцева отвѣчала Погодину: „Деньги сполна и экземпляръ *Сельскаго прихода* я получила. Всего болѣе благодарна вамъ за добрыя внимательныя строки, которыя сберегутся у меня между немногими дорогими строками".

Въ началѣ 1852 года, П. И. Мельниковъ отправилъ Погодину, для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, свою повѣсть, съ посвященіемъ В. И. Далю, подъ заглавіемъ: *Красильниковы*. Изъ Петербурга (31 марта 1852) онъ писалъ Погодину: „Съ праздникомъ васъ поздравляю, Михаилъ Петровичъ, и низко кланяюсь. Что *Красильниковы*, пойдутъ, что-ли? Если пойдутъ, то нельзя ли ихъ хоть въ восьмой книжкѣ помѣстить. Единственная цѣль та, чтобы быть въ это время въ Петербургѣ и прислушаться къ мнѣніямъ; тѣмъ болѣе это меня будетъ интересовать, что никто не знаетъ о тождествѣ моемъ съ Печерскимъ. Я въ Питерѣ пробуду до мая. Въ Географическомъ Обществѣ былъ въ первый разъ, и въ это время выбрали васъ въ дѣйствительные, равно какъ Буслаева и Филарета Харьковскаго. Скажу вамъ прямо, по-Русски, безъ прикрасъ: всѣ истинно Русскіе, здѣсь жительство имѣющіе, съ чувствомъ особой признательности говорятъ объ васъ и вашемъ *Москвитянинѣ*, но всѣ желаютъ больше жизни, особенно въ Изящной Словесности. Да сдѣлать бы вамъ нумерацію страницъ, общепринятую въ толстыхъ журналахъ—по отдѣленіямъ—это желаніе слыхалъ я.—И знаете ли что? Поэтому

Москвитянинъ не выписываютъ въ кондитерскія, гдѣ журналъ раскупываютъ по отдѣленіямъ. А чрезъ кондитерскія вѣдь много славы расходится и разносится. Да вотъ еще что: вѣдь вы прилагаете же виды Одессы, портреты и т. под. Чтобы вамъ прилагать виды церквей и другихъ зданій, особенно замѣчательныхъ въ Русской Исторіи, или по архитектурѣ, старой разумѣется.—Это не мое мнѣніе, а голосъ здѣшнихъ Русскихъ людей. А здѣшніе-то господа: видѣлъ я и Краевскаго, и Панаева, мелко прохаживаются да кричатъ глубоко... Прощайте, Михаилъ Петровичъ. Дай Богъ вамъ здоровья, которымъ дорожатъ всѣ Русскіе люди; что ни говорили бы, а вѣдь вы одни на плечахъ своихъ несете православныя и самодержавныя идеи въ Литературѣ" [153]).

Когда эта повѣсть Мельникова была напечатана въ *Москвитянинѣ*, подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго [154]), М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Прекрасна у васъ повѣсть: *Красильниковы*. Это писано съ натуры. У насъ, въ Сызрани, 16 іюня (1852), застрѣлился сынъ купеческаго головы Меркулова. Отецъ далъ ему поверхностное воспитаніе, выучилъ по-Французски, приставилъ къ нему гувернера. Сынъ, отвѣдавъ просвѣщенія, просился въ Московскій Университетъ; отецъ слышать не хотѣлъ; онъ же былъ отчасти и раскольникъ! Молодой человѣкъ *отъ этого* застрѣлился!—Одинъ сынъ у отца и былъ. Вотъ вамъ подъ пару къ Красильникову—истинная жертва закоренѣлаго Русскаго невѣжества!—Не подосадуйте на это заключеніе. Оно то же, какое и въ вашей повѣсти".

Графиня А. Д. Блудова, сообщая Погодину, что великая княгиня Екатерина Михайловна подписалась на *Москвитянинъ* по билету, который она имѣла счастіе ей представить, между прочимъ, писала: „Посылаю вамъ при семъ выписку изъ письма Варнгагена къ одному Русскому корреспонденту, на счетъ Русской умственной дѣятельности въ нынѣшнее время, которую вы, можетъ быть, захотите перевесть, и оно бъ могло пригодиться,

кажется, вамъ къ какой-нибудь статьѣ. Кажется, тутъ цензурѣ не къ чему придраться“ [155]).

Вотъ эта выписка изъ письма Варнгагена: „То, что вы пишете мнѣ о распространившейся наклонности Русскихъ вельможъ и ученыхъ къ Отечественной Исторіи и Древностямъ, возбуждаетъ во мнѣ живѣйшее участіе. Если даже эти занятія у нѣкоторыхъ происходятъ отъ моды или подражанія, то все-таки они вызываютъ другихъ къ прекрасной и плодотворной дѣятельности; духъ народный получитъ отъ этого величайшую пользу, не говоря уже о томъ, чего должна надѣяться наука и что распространится за предѣлы государства... Географія, Этнографія, Филологія должны ожидать чрезвычайнаго обогащенія. Если поэзія и изящная Словесность нѣсколько отдыхаютъ теперь, то не слѣдуетъ еще бояться за ихъ будущность. Тамъ, гдѣ геній достигъ такой высоты, а языкъ такого развитія, какъ у васъ, будущіе успѣхи обезпечены. Впрочемъ, и теперь у васъ есть поэты и стихотворенія. Сердечно благодарю васъ за прекрасныя строфы Хомякова (*Мы родъ избранный, говорили* проч.). Стихи прекрасны и, какъ вы справедливо отзываетесь о нихъ, особенно благозвучны“... [156]).

XXXIII.

Намъ уже извѣстно, что въ 1852-мъ году, Варнгагенъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой о Русской Литературѣ слѣдующее: „Если поэзія и изящная словесность нѣсколько отдыхаютъ теперь, то не слѣдуетъ еще бояться за ихъ будущность“. Лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія иностранца, можетъ служить самъ *Москвитянинъ*, въ которомъ, именно въ 1852 году, одно за другимъ помѣщались цѣнныя произведенія Писемскаго и Островскаго.

Въ первомъ нумерѣ *Москвитянина* того года была напечатана комедія Писемскаго *Ипохондрикъ*, въ четырехъ дѣйствіяхъ. Вслѣдъ за напечатаніемъ, Писемскій обращается къ Погодину съ просьбою о деньгахъ. „Мнѣ страшная нужда“,—

писалъ онъ изъ Костромы (22 января 1852),—„я сдѣлалъ покупку и черезъ полторы недѣли долженъ внести всѣ деньги, въ противномъ случаѣ подпаду огромной неустойкѣ. Надежда только на васъ. Изъ *Современника* получилъ тысячу руб. сер., но еще тысячи не хватаетъ. Васъ, вѣроятно, не стѣснитъ, потому что, въ настоящее время, въ Конторѣ денегъ должно быть много. Еще прошу,—не задержите. Что комедія моя прошла или нѣтъ цензуру и что Назимовъ? — Если бы я зналъ навѣрное о комедіи, то принялся бы за новую, а должность видно только мечта, видно Москва не хочетъ дать мнѣ пріютъ. Богъ съ ней. Отъ Степана Петровича Шевырева, не смотря на все мое нетерпѣливое ожиданіе, не получалъ писемъ. Первый нумеръ вашъ хорошъ; очень удачно задуманы переводы: Вильгельма Мейстера и романъ Шары Бернарда (послѣдній, самый талантливый изъ Французскихъ беллетристовъ)“.

Погодинъ, какъ извѣстно, не любилъ получать писемъ подобнаго рода, и свое неудовольствіе выразилъ Писемскому, который отвѣчалъ: „Вы напрасно огорчились моимъ послѣднимъ письмомъ—я очень нуждаюсь: сдѣлалъ покупку, затянулся въ долгъ и рѣшительно не знаю, какъ выпутаться. Я теперь болѣнъ и разстроенъ въ такой степени, что едва хватаетъ смысла написать это письмо“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Писемскій представляетъ счетъ, по которому ему слѣдовало дополучить съ Погодина пятьсотъ семьдесять семь рублей двадцать пять копѣекъ. Въ томъ же письмѣ Писемскаго читаемъ: „*Москвича*, при всемъ моемъ нездоровьи, начинаю передѣлывать. На счетъ поставки *Ипохондрика* на сцену, я начинаю терять надежду. Петербургскіе журналы вооружились на меня; бранятся всѣ, *Отечественныя записки* и *С.-Петербургскія Вѣдомости* ожесточеннѣе всѣхъ.... Вотъ результатъ, до котораго я достигнулъ усиленными полуторогодичными трудами!“

Смѣна Костромскихъ губернаторовъ повергла Писемскаго въ меланхолію. „Гдѣ вы“,—писалъ онъ Погодину,—„въ Мо-

сквѣ или Суздалѣ? А у насъ въ Костромѣ перемѣны большія: губернаторъ нашъ Каменскій, который ко мнѣ былъ очень хорошъ, вышелъ въ отставку и на мѣсто сіе опредѣленъ вашъ помощникъ попечителя Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ“.

Вообще, 1852 годъ былъ для Писемскаго, какъ онъ самъ пишетъ, „рѣшительно черный... Журналы придираются, самъ все болѣю. Къ литературному дѣлу явилась лѣность и трусость, какое-то недовѣріе къ самому себѣ, а ободрять некому. Если я еще останусь на долгое время въ Костромѣ, то рѣшительно перестану писать“.

Въ это же время, Писемскій хлопоталъ о постановкѣ на сцену своей комедіи *Ипохондрикъ*. Погодинъ же не оставался безучастнымъ къ положенію Писемскаго. Онъ вызывался просить В. И. Назимова, написать о немъ къ новому его начальнику. Писемскій съ признательностью принялъ этотъ вызовъ Погодина и писалъ ему: „На счетъ письма Назимова къ Муравьеву, я очень бы желалъ, чтобы ему сказали обо мнѣ хорошее слово, тѣмъ болѣе, что онъ, говорятъ, ѣдетъ предубѣжденный, но только чтобы онъ написалъ по почтѣ, а лично передавать мнѣ неловко“.

Лѣтомъ того же 1852 года, В. И. Назимовъ посѣтилъ Кострому.—Это встревожило Писемскаго и онъ писалъ Погодину: „Я на дняхъ только узналъ, что Владиміръ Ивановичъ Назимовъ былъ въ Костромѣ; я въ это время ѣздилъ въ Галичъ; объясните ему это, а то онъ можетъ думать, что я не хотѣлъ къ нему явиться. Новый нашъ губернаторъ пріѣхалъ и очень бы хорошо, если бы Владиміръ Ивановичъ замолвилъ ему за меня словечко“.

Въ то же время Кострому посѣтилъ родственникъ А. О. Смирновой и другъ И. С. Аксакова,—Арнольди; но Писемскій съ нимъ не сблизился. „Арнольди тоже въ Костромѣ“,—писалъ онъ Погодину,—„я его случайно встрѣтилъ у прокурора. Можетъ быть, онъ хорошій и литературный, какъ вы писали, человѣкъ, но чтобы онъ желалъ познакомиться со мной, этого

не видно; живетъ здѣсь около двухъ недѣль, а ко мнѣ не ѣдетъ, вѣроятно на томъ основаніи, что я губернскій, а онъ министерскій чиновникъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я замѣтилъ, что онъ въ грошъ не ставитъ *Бѣдной Невѣсты* Островскаго, слѣдовательно, не нашихъ литературныхъ убѣжденій. Въ Костромѣ мнѣ прежде было тяжело жить, а что теперь будетъ, и самъ не знаю. Служебныя хлопоты и дрязги отнимаютъ у меня и время и спокойствіе и потому я ничего не пишу. Къ довершенію всего, Писемскій получилъ извѣстіе, что его мѣсто уничтожено. „Москва, — пишетъ онъ, — видно, мѣста не дастъ, надобно будетъ хлопотать въ Питерѣ; а нѣтъ, такъ, какъ Рымовъ, опредѣлюсь въ Питейную Контору. Въ Костромѣ мнѣ жить болѣе, чѣмъ не втерпежъ“.

Наконецъ, Писемскій писалъ Погодину: „Въ декабрѣ или въ январѣ я сбираюсь въ Москву и Петербургъ, чтобы хоть сколько-нибудь по-освѣжиться отъ пошлой Костромской жизни; все это время я болѣю: вотъ уже мѣсяцъ, какъ ни дня, ни ночи не знаю покою отъ зубной боли; и къ несчастію, здѣсь очень много господъ, которые готовы и съумѣютъ выбить зубы у своего брата, но выдернуть зуба никто не умѣетъ“.

Между тѣмъ, Погодинъ хлопоталъ о постановкѣ на сцену *Ипохондрика*. „Первое слово мое“,—писалъ ему Писемскій,— „спасибо за всѣ ваши хлопоты, которыя вы предприняли для постановки моей комедіи на сцену. Вы первый дали мнѣ литературный ходъ, первый положили колею для отдачи ее въ дирекцію; ваше желаніе перетащить меня въ Москву и наконецъ теперешнее ваше безпокойство—все это дѣлаетъ въ такой мѣрѣ меня обязаннымъ вамъ, что мнѣ съ вами и не расквитаться“.

Когда же хлопоты Погодина о комедіи Писемскаго оказались безуспѣшными, Писемскій сталъ принимать другія мѣры и сообщилъ объ этомъ Погодину: „Послѣднее письмо ваше о запрещеніи *Ипохондрика* меня одурило; я упалъ духомъ, но временно; повѣрьте, я знаю себя! Буду биться до-нельзя; посылаю къ вамъ два письма: къ Перфильеву и къ Назимову; если они написаны безъ такту или безполезны почему ни-

будь другому, то задержите; а нѣтъ, такъ отправьте. Нашъ добрый князь Гагаринъ съ этою же почтою отправляетъ мою комедію къ отцу (къ князю Павлу Павловичу) и проситъ его, чтобы онъ попросилъ Дубельта или даже графа Орлова о пропускѣ моей комедіи на сцену. Въ отношеніи дальнѣйшихъ нашихъ сношеній вы не безпокойтесь: я буду дѣятельнымъ и постояннымъ сотрудникомъ *Москвитянина*, но связывать себя условіемъ боюсь".

И Петербургскія хлопоты о *Ипохондрикѣ* имѣли для Писемскаго самый печальный результатъ. „Объ *Ипохондрикѣ*",— писалъ онъ Погодину,—„я получилъ положительныя и самыя грустныя извѣстія. Теперь въ Костромѣ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, онъ нѣсколько дней изъ Петербурга и говорилъ о моей комедіи съ Дубельтомъ; тотъ былъ почти согласенъ, но цензоръ возсталъ и доказалъ ему, что комедію мою не одобрилъ потому, что она длинна, скучна, нѣтъ ни одного хорошаго лица и не имѣетъ идеи, и когда Степанъ Васильевичъ сказалъ, зачѣмъ вы нападаете такъ на Москвичей, разумѣя Островскаго, то ему сказалъ: они пишутъ въ одномъ родѣ. Степанъ Васильевичъ, совѣтуетъ мнѣ сократить и передѣлать и прислать хоть къ нему, то можетъ быть пропустятъ; но я не вѣдаю, что мнѣ дѣлать—посовѣтуйте. Сокращать, а болѣе того передѣлывать для меня почти невозможно. Перейти въ Москву тоже для меня несбыточная мечта—но да будетъ во всемъ воля Божья. Прощайте и не сердитесь и считайте меня всегда душевно вамъ преданнымъ".

По ходатайству Погодина, Писемскому наконецъ дозволили поставить на сцену *Ипохондрика*, но только въ передѣланномъ видѣ, и онъ принялся за передѣлку.

„За ваши хлопоты о моемъ *Ипохондрикѣ*",—писалъ Писемскій Погодину,—„я несказанно благодарю: по совѣту вашему я началъ его передѣлывать, но въ сильномъ затрудненіи, что̀ именно измѣнить: вы писали, чтобы я старался приноровиться къ литературнымъ замѣчаніямъ, но ихъ почти не было. *Современникъ*, напримѣръ, сказалъ, что въ комедіи

нѣтъ общей завязки, отъ которой бы все вытекало; можетъ быть это и справедливо, но измѣнить невозможно. *Библіотека для Чтенія* наговорила вздоръ какой-то; *Отечественныя Записки* отозвались желчно—и только. Какими же совѣтами прикажете пользоваться. Одно, что мнѣ кажется самому—она длинна немного и поэтому я хочу ее сократить; но что мнѣ потомъ дѣлать съ нею,—не знаю; какимъ образомъ и куда именно я долженъ ее послать. Объ ходатайствѣ, кромѣ васъ, ни на кого надежды не имѣю; самъ я думаю быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ не ранѣе зимы: если откладывать до этого времени, то зимній сезонъ опять пропущу. Увѣдомьте меня, какъ и что мнѣ сдѣлать. Мнѣ что-то нынче выдался не литературный годъ".

3 ноября 1852 года, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину, въ Петербургъ: „Писемскій прислалъ *Ипохондрика* передѣланнаго, который пересылается къ вамъ; онъ проситъ васъ похлопотать о немъ, т.-е., чтобы на сцену". Еще раньше самъ Писемскій просилъ Погодина: похлопотать о разрѣшеніи передѣланнаго *Ипохондрика*, котораго онъ „перекрестилъ въ *Мнительнаго*". Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Писемскій опять обращается къ Погодину. „Получили ли вы",—писалъ онъ ему,—„моего передѣланнаго *Ипохондрика*; я его послалъ въ Контору съ тѣмъ, что если васъ не застанетъ въ Москвѣ, то отправили бы въ Петербургъ. Филипповъ еще пишетъ, что въ Москвѣ есть слухи, будто бы графъ Адлербергъ сдѣлалъ запросъ цензурѣ, на какомъ основаніи она не пропускаетъ *Ипохондрика*,—правда ли это и какіе тому результаты и не нужно ли мнѣ самому пріѣхать въ Петербургъ?.. Черезъ нашего вице-губернатора, который теперь въ Петербургѣ, я получилъ собственноручную записку барона Корфа объ *Ипохондрикѣ*, которую при семъ и прилагаю. Похлопочите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; эта неудача у меня ей Богу отбила всю энергію".

5 января 1853 года, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Только сегодня получилъ

будь другому, то задержите; а нѣтъ, такъ отправьте. Нашъ добрый князь Гагаринъ съ этою же почтою отправляетъ мою комедію къ отцу (къ князю Павлу Павловичу) и проситъ его, чтобы онъ попросилъ Дубельта или даже графа Орлова о пропускѣ моей комедіи на сцену. Въ отношеніи дальнѣйшихъ нашихъ сношеній вы не безпокойтесь: я буду дѣятельнымъ и постояннымъ сотрудникомъ *Москвитянина*, но связывать себя условіемъ боюсь".

И Петербургскія хлопоты о *Ипохондрикѣ* имѣли для Писемскаго самый печальный результатъ. „Объ *Ипохондрикѣ*",— писалъ онъ Погодину,—„я получилъ положительныя и самыя грустныя извѣстія. Теперь въ Костромѣ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, онъ нѣсколько дней изъ Петербурга и говорилъ о моей комедіи съ Дубельтомъ; тотъ былъ почти согласенъ, но цензоръ возсталъ и доказалъ ему, что комедію мою не одобрилъ потому, что она длинна, скучна, нѣтъ ни одного хорошаго лица и не имѣетъ идеи, и когда Степанъ Васильевичъ сказалъ, зачѣмъ вы нападаете такъ на Москвичей, разумѣя Островскаго, то ему сказалъ: они пишутъ въ одномъ родѣ. Степанъ Васильевичъ, совѣтуетъ мнѣ сократить и попередѣлать и прислать хоть къ нему, то можетъ быть пропустятъ; но я не вѣдаю, что мнѣ дѣлать—посовѣтуйте. Сокращать, а болѣе того передѣлывать для меня почти невозможно. Перейти въ Москву тоже для меня несбыточная мечта—но да будетъ во всемъ воля Божья. Прощайте и не сердитесь и считайте меня всегда душевно вамъ преданнымъ".

По ходатайству Погодина, Писемскому наконецъ дозволили поставить на сцену *Ипохондрика*, но только въ передѣланномъ видѣ, и онъ принялся за передѣлку.

„За ваши хлопоты о моемъ *Ипохондрикѣ*",—писалъ Писемскій Погодину,—„я несказанно благодарю: по совѣту вашему я началъ его передѣлывать, но въ сильномъ затрудненіи, что̀ именно измѣнить: вы писали, чтобы я старался приноровиться къ литературнымъ замѣчаніямъ, но ихъ почти не было. *Современникъ*, напримѣръ, сказалъ, что въ комедіи

нѣтъ общей завязки, отъ которой бы все вытекало; можетъ быть это и справедливо, но измѣнить невозможно. *Библіотека для Чтенія* наговорила вздоръ какой-то; *Отечественныя Записки* отозвались желчно—и только. Какими же совѣтами прикажете пользоваться. Одно, что мнѣ кажется самому—она длинна немного и поэтому я хочу ее сократить; но что мнѣ потомъ дѣлать съ нею,—не знаю; какимъ образомъ и куда именно я долженъ ее послать. Объ ходатайствѣ, кромѣ васъ, ни на кого надежды не имѣю; самъ я думаю быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ не ранѣе зимы: если откладывать до этого времени, то зимній сезонъ опять пропущу. Увѣдомьте меня, какъ и что̀ мнѣ сдѣлать. Мнѣ что-то нынче выдался не литературный годъ".

3 ноября 1852 года, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину, въ Петербургъ: „Писемскій прислалъ *Ипохондрика* передѣланнаго, который пересылается къ вамъ; онъ проситъ васъ похлопотать о немъ, т.-е., чтобы на сцену". Еще раньше самъ Писемскій просилъ Погодина: похлопотать о разрѣшеніи передѣланнаго *Ипохондрика*, котораго онъ „перекрестилъ въ *Мнительнаго*". Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Писемскій опять обращается къ Погодину. „Получили ли вы",—писалъ онъ ему,—„моего передѣланнаго *Ипохондрика*; я его послалъ въ Контору съ тѣмъ, что если васъ не застанетъ въ Москвѣ, то отправили бы въ Петербургъ. Филипповъ еще пишетъ, что въ Москвѣ есть слухи, будто бы графъ Адлербергъ сдѣлалъ запросъ цензурѣ, на какомъ основаніи она не пропускаетъ *Ипохондрика*,—правда ли это и какіе тому результаты и не нужно ли мнѣ самому пріѣхать въ Петербургъ?.. Черезъ нашего вице-губернатора, который теперь въ Петербургѣ, я получилъ собственноручную записку барона Корфа объ *Ипохондрикѣ*, которую при семъ и прилагаю. Похлопочите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; эта неудача у меня ей Богу отбила всю энергію".

5 января 1853 года, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Только сегодня получилъ

я, любезный и многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, отзывъ Третьяго Отдѣленія о пьесѣ г. Писемскаго. Утѣшительнаго въ немъ мало. Я прочелъ *Мнительнаго* (*Ипохондрикъ*) съ большимъ удовольствіемъ и не нашелъ въ немъ рѣшительно ничего, чтобы могло оправдать опасенія цензуры... Пьеса г. Писемскаго останется у меня; буду здѣсь,— стану самъ о ней хлопотать: не то передамъ ее въ добрыя руки".

XXXIV.

Не смотря на всѣ непріятности, литературная дѣятельность Писемскаго не оскудѣвала и вслѣдъ за *Ипохондрикомъ*, въ сентябрьской книжкѣ *Москвитянина* явился М-г. *Батмановъ*. Увидѣвъ напечатанную свою повѣсть, Писемскій писалъ Погодину: „*Батмановъ* мой прошелъ: нравится онъ или нѣтъ?" На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Г. П. Данилевскій: „Повѣсть *Батмановъ* богата тѣми же красотами, что и первыя повѣсти Писемскаго; но идея ея непріятно поражаетъ избитостью сюжета и незначительностію цѣли сатиры. Такъ говорятъ вокругъ меня! Быть можетъ, это и несправедливо будетъ, какъ явится ея продолженіе".

Въ декабрьской книжкѣ *Москвитянина* былъ напечатанъ очеркъ Писемскаго, подъ заглавіемъ *Питерщикъ*,—это „мужикъ промышляющій по мастерству въ Питерѣ".

Въ то же время Писемскій мечталъ завести въ *Москвитянинѣ* фельетонъ: „Съ будущаго года я попросилъ бы у васъ мѣста для фельетона: въ родѣ провинціальныхъ писемъ, въ которомъ я сталъ бы передавать мнѣнія публики и личныя мои мнѣнія о новыхъ произведеніяхъ беллетристики".

Мнѣніе Писемскаго о ходѣ *Москвитянина* въ 1852 году, двоилось. Въ однихъ его письмахъ читаемъ: „Понять не могу, почему вашъ *Москвитянинъ* нейдетъ впередъ въ подписчикахъ; по здѣшнимъ мѣстамъ напротивъ: его выписываютъ и читаютъ сотни людей, которые прежде и не знали о существованіи его; мнѣ думается, что въ этомъ случаѣ и

Питерскіе журналы лгутъ и что тамъ г. Краевскій не имѣлъ того числа подписчиковъ, которое онъ оглашалъ. Но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что это только на нынѣшній годъ вамъ испытаніе еще, а тамъ пойдетъ лучше. ...О *Москвитянинѣ* доходятъ до меня самые лестные отзывы отъ самыхъ заклятыхъ чтецовъ; укоряютъ только за бѣдность иностранныхъ извѣстій".

Между тѣмъ, какъ въ другихъ письмахъ того же Писемскаго читаемъ совершенно противоположное: „*Москвитянинъ* вашъ, въ послѣдніе два мѣсяца, очень слабъ; даже критическія статьи очень малы; хоть бы *Вильгельма Мейстера* переводили побольше... Душевно желаю, чтобы *Москвитянинъ* исправился, а то ужъ онъ мѣсяца четыре изъ рукъ вонъ какъ плохъ. Всѣ жалуются и негодуютъ. Такими статьями, какъ объ Альфредѣ де-Мюсе, не составишь подписчиковъ, и за количество ихъ въ будущемъ году я очень опасаюсь. Прощайте, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, желаю вамъ всего лучшаго. На меня что-то нынче тяжелъ годъ: умеръ маленькій ребенокъ, самъ страдаю постоянно головными болями и ничего почти не пишется".

Помня свою юность и начало своей авторской дѣятельности, А. Ѳ. Писемскій, весьма по-христіански относился къ начинающимъ писателямъ и всѣми силами старался ихъ ободрить и укрѣпить въ избранномъ ими, въ сущности, тернистомъ поприщѣ.

Въ Костромѣ является къ Писемскому госпожа Кобякова, съ пламеннымъ желаніемъ помѣстить свое произведеніе въ *Москвитянинъ*. Писемскій ей не отказываетъ и пишетъ къ Погодину: „Написанная ею быль взята изъ устнаго преданія: прабабка ея была личною свидѣтельницею этого происшествія и передала его со всѣми подробностями своему семейству. Сочинительница, дѣвица-купчиха, писала это тайкомъ отъ среды, изъ страсти къ авторству. Какъ распорядитесь съ нею, почтите меня увѣдомить". Не получая отвѣта на послѣдній вопросъ, Писемскій писалъ Погодину: „Увѣдомьте меня, какая

участь постигла посланный отъ госпожи Кобяковой къ вамъ романъ, при моемъ письмѣ. Она почти каждый день ходитъ ко мнѣ справляться“.

Кромѣ Кобяковой, къ Писемскому, въ Костромѣ, являлись многіе авторы, „страстно желающіе напечататься“, и обо всѣхъ онъ ходатайствовалъ передъ Погодинымъ. „Отказать“,—писалъ Писемскій,—„было совѣстно, особенно вспомня, какъ нѣкогда я и самъ терпѣлъ ихъ участь, т.-е. писалъ, а не печаталось“.

Извѣстіе о кончинѣ Гоголя произвело на Писемскаго удручающее впечатлѣніе, и онъ писалъ Погодину: „Гоголь померъ—смерть его на меня произвела самое тяжелое впечатлѣніе. Онъ померъ отъ мукъ, созерцая дѣйствительность издали, но долго ли придется жить намъ, которые втянуты нуждою и семействами жить въ этомъ омутѣ пошлостей и быть въ полной зависимости отъ нихъ“.

XXXV.

Въ апрѣльской книжкѣ *Москвитянина* 1852 года, была напечатана комедія А. Н. Островскаго *Бѣдная Невѣста*.

Еще до напечатанія этой комедіи, Г. П. Данилевскій писалъ Погодину изъ Петербурга: „Ждутъ съ нетерпѣніемъ *Бѣдной Невѣсты* — даже стихи сатирическіе пишутъ на Москву, въ тревожномъ ожиданіи этой комедіи“. Григорьевъ же, окончивъ свою статью о комедіи Островскаго, писалъ редактору *Москвитянина*: „*Окончилъ* я *наконецъ* (не смотря на масленицу, имѣющую вліяніе и на меня, какъ на всякаго грѣшнаго Русскаго человѣка) свою *безконечную* статью — и умоляю васъ, достопочтеннѣйшій кумъ, настоять на томъ, чтобы *окончательный* ея выводъ сохранился въ цѣлости. Знаю, что скромность Александра Николаича будетъ противъ этого вывода—но вѣдь всякій изъ насъ въ нашемъ же журналѣ скажетъ свое слово о *Бѣдной Невѣстѣ*, т.-е. каждый съ своей точки зрѣнія поклонится ей, какъ геніальному созданію мастера. Разъ напечатанная, она уже перестаетъ

ъ достоянiемъ партiи. Что же за смѣшная щепетиль-
ть?—или потому не смѣть признавать произведенiе Остров-
аго послѣднимъ словомъ Литературы въ настоящую минуту,
авторъ ея—Островскiй, — а мы — его друзья и поклон-
и его генiя? или еще потому, что оно напечатано въ на-
мъ журналѣ? Нѣтъ! Иногда нужно принести въ жертву
ую пошлую щепетильность, и когда нужно огромить смѣ-
тъ словомъ правды. Вы это поймете, потому что вы одинъ
первыхъ, если не первый, поклонились Гоголю".

Приготовляя къ печати свою комедiю, Островскiй, 30 ян-
я 1852, писалъ Погодину: „Завтра, т.-е. въ четвергъ, я
ъ сдамъ *Невѣсту*; не удивитесь, что я поступаю съ ней
по-христiански, а по-азiатски, т.-е. хочу взять съ васъ
ымъ за нее.—До сихъ поръ, хоть денегъ у меня не было,
ъ комедiя лежала на столѣ; а теперь, ни комедiи не бу-
ь, ни денегъ, на чтожъ это похоже! Чтожъ я буду за
овѣкъ! У всякаго человѣка съ большимъ трудомъ соеди-
ются и большiя надежды; мои надежды очень ограничены:
бы только расплатиться съ необходимыми долгами, да
счетъ платьишка кой-какого—и всего-то сто руб. сереб.
объ остальномъ потолкуемъ и сочтемся). Я бы съ васъ за
комедiю ничего не взялъ, да нужда моя крайняя".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Островскiй просилъ Погодина прислать
нему переписчика: „Если самъ стану переписывать, то
чу не ближе будущаго новаго года. Во-первыхъ, потому,
пятьдесятъ листовъ; а во-вторыхъ потому, что я буду по
у думать надъ каждой строкой, нельзя ли ее какъ по-
вить. Это уже моя страсть".

Это произведенiе Островскаго, какъ и слѣдовало ожидать,
ло громадный успѣхъ. „Комедiя Островскаго, — писалъ
емскiй Погодину,—нравится всѣмъ безъ исключенiя... Всѣ
еденные имъ типы мнѣ снятся каждую ночь. Беневолен-
го я выучилъ наизусть и недурно играю". Когда же
дная Невѣста готовилась къ постановкѣ на сцену, то Пи-
скiй писалъ Погодину: „Не могу выразить, какъ я радъ

14*

успѣху въ постановкѣ піесы Островскаго. Писатель безъ сцены не можетъ сдѣлаться популяренъ, а Островскому предпочтительно грѣшно быть непопулярнымъ: онъ имѣетъ на это всѣ права". Въ то же время Писемскій безпокоился о цензурныхъ сокращеніяхъ въ комедіи, при постановкѣ ея на сцену. „Пятый актъ, какъ говорятъ,—писалъ онъ,—весь перемаранъ, а онъ лучшій въ піесѣ; чѣмъ болѣе вглядываешься въ нашу Литературу и читающую и смотрящую публику, тѣмъ болѣе становишься въ тупикъ. Правильно установленнаго ничего нѣтъ, все какъ-то случайно".

Матеріальное положеніе А. Н. Островскаго въ то время было далеко не блистательно, и это обстоятельство заставляло его входить съ Погодинымъ въ весьма непріятныя денежныя сношенія.....

XXXVI.

Подъ *5 октября 1852 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ Алмазовымъ, который, кажется, добрый малый". Вскорѣ послѣ этой записи, Б. Н. Алмазовъ почувствовалъ потребность высказаться предъ Погодинымъ въ слѣдующемъ автобіографическомъ письмѣ: „Я очень хорошо знаю, что письмо это очень странно, но мнѣ крайне бы было прискорбно, еслибъ оно вамъ показалось только страннымъ. То, о чемъ я самъ пишу, совершенно не относится ни къ какому дѣлу— ни къ журналу, ни къ вамъ, но я имѣю глубокую нравственную потребность высказаться вамъ, какъ человѣку оченьочень близкому. Мнѣ хотѣлось выразить вамъ все то чувство благодарности, всю ту нѣжность къ вамъ, которыми съ нѣкотораго времени переполнилась душа моя. Еслибъ вы знали, сколькимъ я вамъ обязанъ, что вы для меня сдѣлали! Я бы желалъ, чтобъ вы это знали,—и потому рѣшился написать это письмо, которому, по его внутреннему характеру и происхожденію, вѣрно нѣтъ подобнаго въ нашъ практическій вѣкъ. Человѣку серьезному, вѣрно, должно показаться страннымъ,

что мужчина къ мужчинѣ пишетъ письмо, полное душевныхъ изліяній,—чуть-чуть не любовное объясненіе. Вы сдѣлали для меня очень много: я вамъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Когда я познакомился съ вами, меня мучила страшная жажда дѣятельности; я метался изъ стороны въ сторону, не зная за что взяться; мнѣ хотѣлось борьбы – бороться съ пороками, съ развратомъ и злоупотребленіями, которыя я видѣлъ повсюду, отъ которыхъ отовсюду бѣжалъ и на которыя не находилъ средства сдѣлать нападенія. Представлъ случай. Редакторъ (человѣкъ, котораго я зналъ хотя и за умнаго и заслуженнаго въ наукѣ человѣка, но которому не думалъ никогда сочувствовать) открылъ мнѣ страницы своего журнала. Какое счастіе для меня! Вотъ случай начать борьбу, вотъ средство къ благородной безкорыстной дѣятельности! И я со всѣхъ силъ, со всей энергіей бросился въ эту дѣятельность. Но не прошло году, какъ она мнѣ опротивѣла; рѣшительно никто не понялъ чего я хотѣлъ, изъ-за чего кричалъ и горячился, что преслѣдовалъ; со мной вступили въ неправильную борьбу—вмѣсто того, чтобъ вступить со мной въ бой по законамъ гладіаторскаго искусства,—мнѣ стали подставлять ногу и бросать изъ-за угла каменьями или для того, чтобъ отвлечь меня отъ арены, во время борьбы со мной притѣсняли и мучили мнѣ *близкихъ* людей, вопли которыхъ доходили до меня,—и я не могъ спокойно бороться. И такъ, я охладѣлъ къ этой дѣятельности. Къ этому присоединились разныя интимныя непріятности, разные духовные недуги, которые стали терзать, изнурять меня; я не зналъ, что дѣлать,—и погибъ бы непремѣнно, еслибъ не ваше великодушіе: я былъ совершенно въ вашихъ рукахъ. Тогда мнѣ и не приходило въ голову, что я могу искать иной дѣятельности, кромѣ литературной—и вы могли бы прикрѣпить меня совершенно къ вашему журналу и сдѣлать изъ меня вашего крѣпостного литератора—сдѣлать изъ меня то, что сдѣлалъ Краевскій изъ Бѣлинскаго („выжалъ, какъ апельсинъ,—и выкинулъ за окошко!“) Но по рѣдкому благородству вашего ха-

рактера (благородству до того необыкновенному, рѣдко
тонкому, что толпа съ ея вульгарнымъ, тупымъ чутье
понять его не можетъ),—вы отвлекли меня отъ этой дѣя
ности и поступили прямо противъ выгоды вашего жур
Вы, кажется, поняли, что причина злости моихъ статей
ничто иное, какъ страшный избытокъ энергіи и духов
силъ, которымъ некуда дѣваться и которыя такъ и про
внаружу: запри имъ дверь, онѣ выдутъ въ окно. Я ни
не забуду того утра, когда я пріѣхалъ къ вамъ соверш
разбитый душевной скорбью и подавленный апатіей, то
когда вы уговорили меня держать экзаменъ на канди
Вамъ вѣрно и не пришло въ голову, что послѣ того утр
мнѣ совершился внутренній переворотъ. Меня вдругъ
зила мысль, что для меня въ жизни еще не все кончено
я еще молодъ, что передъ мной лежитъ безчисленное
жество дорогъ, что еще есть многое, надъ чѣмъ я могу
пытать силы! Какъ оживила меня эта мысль! Какъ буд
помолодѣлъ, какъ будто цѣлительный бальзамъ пролилс
мои душевныя раны! Я сталъ вспоминать забытую мной
ласть науки—и какіе тихіе образы мнѣ показались от
какіе живые источники стали манить меня туда. Я стал
товиться къ экзамену и чтожъ? Я и не узналъ науки!
было совсѣмъ не то, чѣмъ она мнѣ представлялась прежд
когда меня не касался ни опытъ, ни жизнь въ настоя
смыслѣ слова. Прежде наука для меня была то, что бы
для отрока красавица: онъ и любуется ею, и любитъ ее
любитъ по дѣтски, не чувствуя, ни желаній, ни стрем
слиться съ нею. Но теперь, наука для меня что-то т
важное, серьезное, насущное, что я не могу себѣ и во
зить, какъ можно жить внѣ ея, и что-нибудь можетъ
ея выше и священнѣе. Мнѣ въ первый разъ она начин
открывать свои тайны—тайны, отъ которыхъ пробѣгаетъ
розъ по кожѣ и чувствуется восторгъ...... Вотъ что сдѣ
ваши совѣты! Но послѣдняя бесѣда съ вами доканала
окончательно. Вы сказали, что мнѣ хорошо бы ѣхать за

ницу. Сперва эти слова на меня совсѣмъ не подѣйствовали. Но когда я пріѣхалъ домой и сталъ думать о томъ, не съѣздить ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ поучиться въ Германію, мысль о томъ вліяніи, которое на меня произведетъ эта поѣздка, представлялась мнѣ все въ болѣе и болѣе привлекательномъ видѣ и все сильнѣе и сильнѣе волновала меня—и наконецъ я дошелъ до того, что только о томъ и думаю, какъ бы съѣздить въ отечество Нибура, Савиньи, Лебеля и Канта. Меня эта мысль до того преслѣдуетъ, что я боленъ, потерялъ аппетитъ, не сплю по ночамъ, и хожу какъ сумасшедшій; цѣлый день читаю и учусь: участь моя рѣшена—я дѣлаюсь *нѣмцемъ*. И такъ, повторяю: я вамъ обязанъ душевнымъ спасеніемъ. Вы для меня сдѣлали то, чего бы никто не сдѣлалъ изъ моихъ друзей. Между нами съ этого дня навсегда дѣлается самая крѣпкая связь: я уже принадлежу не вашему журналу, а *вамъ*, не какъ редактору, а человѣку самому близкому, наиболѣе мной уважаемому. Какъ забыть то, что вы для меня сдѣлали? Вы пробудили во мнѣ духовныя силы, которыя было стали замирать, удержали меня отъ паденія, вывели изъ апатіи. Но довольно. Я рѣшительно не могу высказать всего, что чувствую: я боленъ, очень боленъ, но эта болѣзнь передъ ростомъ—зубы рѣжутся; писать хорошо не могу—болитъ голова и мысли путаются. Остаюсь душевно вамъ преданный, любящій васъ, какъ отца".

Въ заключеніи Алмазовъ приписываетъ: „Не смѣйтесь ни надо мной, ни надъ моимъ письмомъ. Я очень странный человѣкъ, но, право, странности мои изъ хорошаго источника. Не могъ я удержаться, чтобъ не признаться вамъ въ любви, а на словахъ этого сдѣлать не съумѣлъ бы; не знаю, съумѣлъ ли письменно? Скажу вамъ только еще, что я о васъ теперь иначе не думаю, какъ со слезами на глазахъ" [157]).

Прочитавъ это письмо, Погодинъ, подъ 7 февраля 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пріятное благодарственное письмо отъ Алмазова".

XXXVII.

Мы сейчасъ читали въ приведенномъ выше письмѣ, что Алмазовъ благодарилъ Погодина за то, что онъ „по рѣдкому благородству своего характера", отвлекалъ его отъ журнальной дѣятельности; но тѣмъ не менѣе, Алмазовъ не прекращалъ этой дѣятельности, и въ томъ же *Москвитянинѣ* напечаталъ, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, свои *Наблюденія надъ Русской Литературой и Журналистикой*. Вмѣсто предисловія и оглавленія, напечатано курсивомъ: „Эрастъ Благонравовъ, бросивъ перчатку всѣмъ Русскимъ журналамъ, и ожесточивъ ихъ противъ себя столько, сколько ему на первый разъ было надобно, удаляется съ литературнаго поприща; но опять на него возвращается, и для почина хвалитъ самого себя. Перечень русскихъ журналовъ и приблизительное исчисленіе Русскихъ писателей: гг. Гончаровъ, Дружининъ, Панаевъ, графъ Сологубъ, Григоровичъ, Нестроевъ, Островскій, Писемскій, Бергъ, Щербина, Мей, Майковъ, Огаревъ, Фетъ, Полонскій, Некрасовъ, Хомяковъ; о дамахъ писательницахъ не упоминается. Эрастъ Благонравовъ не отказываетъ въ нѣкоторомъ сочувствіи новому поэту и иногороднему подписчику, но отзывается съ большимъ пренебреженіемъ о рецензентѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Э. Благонравовъ видитъ, что̀ въ его отсутствіе надѣлала Русская Литература: статья г. Галахова; г. Краевскій и его взглядъ на Искусство. Романъ г-жи Туръ. *Пропилеи* г. Леонтьева. Заключеніе въ лирическомъ родѣ".

Свои *Наблюденія* Алмазовъ начинаетъ такими словами: „Осмѣянный *Современникомъ*, уязвленный *Библіотекой для Чтенія*, оклеветанный *Отечественными Записками*, неразгаданный публикой, оцѣненный однимъ потомствомъ, фельетонистъ, состоящій при молодой редакціи, Эрастъ Благонравовъ, по возобновленіи, въ первый разъ имѣетъ честь выступить на литературное поприще. И такъ, храбрый, неустра-

шимый Эрастъ опять, опять на полѣ битвы, опять поднимаетъ свое знамя!... Се старый Бульба, отправляющійся въ Сѣчь, послѣ многолѣтней праздной жизни! Се Цинцинатъ, возвращающійся отъ плуга къ жизни государственной!!... Се Ахиллъ, выходящій изъ преступнаго бездѣйствія и устремляющій свои удары на старую Трою!!!!.. Се Наполеонъ, возвратившійся съ острова Эльбы!!!...“ [158]).

Получивъ эту статью, Погодинъ счелъ за нужное подвергнуть ее своей, такъ сказать, домашней цензурѣ. Само собою разумѣется, что это не понравилось Алмазову, и онъ писалъ ему: „Я бы вамъ не совѣтовалъ печатать моей статьи. Уже въ теперешнемъ своемъ видѣ она стала *касаньяковской*, а что же будетъ когда цензоръ ее окончательно похолитъ?! Вы ослабили строгость моего замѣчанія на стихотворенія вкладчика *Москвитянина*, Берга, назвавши ихъ только слабыми, а не плохими. Они не слабы... Въ нихъ такія вещи, какихъ никогда нигдѣ и не печаталось. Всѣ партіи въ томъ согласны, что хуже оригинальныхъ его стихотвореній ничего нѣтъ на свѣтѣ... Я очень уважаю Литературу, какъ и всякую общественную дѣятельность, и стараюсь по *возможности* дѣйствовать въ ней честно. Мнѣ бы хотѣлось быть добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ даже до мелочей. Но я часто грѣшу противъ совѣсти и честности, дѣлая *уступки*. Я не люблю умѣренности: крайне смѣшно, по моему мнѣнію, быть умѣренно правдиву, говорить правду въ половину. Не все ли это равно, что судьѣ взять не всю предложенную ему взятку, а только половину ея, — и послѣ хвастаться своей честностью передъ тѣми, кто взялъ полныя взятки. Мнѣ бы хотѣлось быть безукоризненно честнымъ *хоть въ Литературѣ*. Въ *жизни* я подчасъ предавался разврату, праздности, празднословію и даже клеветѣ, но въ общественной дѣятельности я чистъ и могу сказать это, положа руку на сердце. Я какъ дуракъ пожертвовалъ лучшими отношеніями для того, чтобъ сказать правду, а на меня смотрятъ какъ на Касаньяка.... Право, я ничего не ищу и ежели дѣлаю уступки, то

единственно потому, что мнѣ негдѣ больше печатать, кромѣ *Москвитянина;* потому что я не могу, подобно Колошину, перебѣжать къ другому журналу и наконецъ потому еще, что не смотря на мою вспыльчивость, гордость и независимость, у меня очень слабъ характеръ: я стану *горячиться* за каждую строку, но *отстоять* не могу ни одной буквы. Я васъ могу увѣрить, что денежныя обязательства не могутъ имѣть вліянія на мой образъ мыслей. Я совсѣмъ не такъ воспитанъ. Наниматься я не могу. Я даю даромъ уроки, покупаю книги моимъ ученикамъ, отлучаюсь для нихъ надолго изъ дому, потому что принужденъ подчасъ идти на конецъ Москвы для того, чтобъ дать урокъ. Вы этого до сихъ поръ не знали и думали, что все то время, когда меня нѣтъ дома, я пью, какъ Иринархъ Введенскій, Студитскій и tuti quanti. Всѣ эти признанія я дѣлаю потому, что мнѣ больно было увидать, что ужъ и близкіе меня не понимаютъ. И безъ того на меня много клеветъ: говорятъ, что я изъ зависти пишу и противъ Галахова и прочихъ. Смерть моя меня оправдаетъ, хоть передъ моими друзьями, которые прочтутъ мои записки,—и тогда все откроется... Ахъ, еслибъ знали изъ какого благороднаго источника исходятъ по большой части мои ненависти. Вамъ, напримѣръ, казалась смѣшна и безсмысленна моя ненависть къ Тихонравову. А знаете ли отъ чего она происходила? Отъ любви къ *вамъ*! Мнѣ вдругъ *показалось*, что онъ вамъ можетъ быть опасенъ... Но теперь, когда мои сомнѣнія разрѣшились, я сталъ къ нему равнодушенъ, и с..у на него очень спокойно. У васъ скептическій взглядъ на людей, образовавшійся отъ того, что вы себя окружали Иринархами Введенскими, лазившими черезъ заборъ... Но не всѣ таковы. Есть организаціи деликатныя, которыя сразу не разглядишь и въ которыхъ ошибались первѣйшіе умы. Людвигъ-Филиппъ, который, за свой скептическій взглядъ на людей, былъ наказанъ паденіемъ съ престола, за два дня до восшествія на оный узналъ, что виконтъ де-Шатобріанъ хочетъ разгромить его кандидатуру въ палатѣ перовъ. Желая при-

влечь на свою сторону этого *легитимиста*, онъ велѣлъ ему сказать, что онъ дастъ ему портфель Министерства Народнаго Просвѣщенія, ежели онъ не будетъ говорить противъ него. Въ отвѣтъ на это Шатобріанъ грустно и холодно улыбнулся. Вѣроятно сдѣлалъ бы тоже и Берьэ, не смотря на то, что *онъ получаетъ содержаніе отъ С.-Жерменскаго предмѣстья*. Но чтò бы съ ними сдѣлалось, еслибъ они замѣтили, что на нихъ смотрятъ, какъ на наемниковъ. Вотъ мое послѣднее объясненіе. Изъ него вы можете видѣть, что можно отъ меня ожидать. Прошу письмо это никому не показывать".

Наблюденія Эраста Благонравова произвели въ Литературѣ разнородныя впечатлѣнія. Такъ, Д. В. Григоровичъ писалъ Погодину: „Г. Эрастъ говоритъ о Кудрявцовѣ (Нестроевѣ), какъ о повѣствователѣ, и забываетъ, напримѣръ, Тургенева... вовсе даже и неостроумно. Хуже всего то, что *Современникъ* вѣроятно отвѣчать уже не будетъ, побѣда остается, слѣдовательно, на его сторонѣ". Совершенно противоположно писалъ Погодину Г. П. Данилевскій: „Статья Эраста Благонравова разсердила и всполошила весь литературный свѣтъ. Она написана весело и ѣдко".

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ членовъ молодой Редакціи *Москвитянина*, Погодинъ болѣе всѣхъ былъ расположенъ къ Алмазову. Въ *Дневникѣ* своемъ (1852, 7 сент.), Погодинъ записалъ: „Съ Алмазовымъ, который представляетъ совершенно Руссо". Пользуясь этимъ расположеніемъ, Алмазовъ нерѣдко ходатайствовалъ предъ Погодинымъ о своихъ товарищахъ „Будьте такъ добры, сострадательны и великодушны, — писалъ онъ однажды къ Погодину,—имѣйте въ виду замолвить словцо о повышеніи Евгенія Николаевича Эдельсона. Дѣла его въ незавидномъ положеніи, душа—тоже, а потому мѣсто редактора поправитъ его финансы, доставивъ большее жалованье и квартиру и настроитъ душу, давъ ей серьезныя занятія. Извините, можетъ быть, я васъ обезпокою среди вашихъ занятій этой запиской, но мой долгъ теперь надоѣдать вамъ просьбами о Евгеніи Николаевичѣ, иначе меня замучитъ со-

вѣсть. Судите сами, я теперь въ личной враждѣ съ нимъ и его женой. Поэтому, ежели я останусь теперь равнодушнымъ къ дѣлу, касающемуся улучшенія его участи, то это будетъ имѣть видъ какой-то мести. Между тѣмъ, какъ я ему никакого зла не желаю, и не намѣренъ мстить матеріальнымъ образомъ... У меня есть другія средства: я его буду преслѣдовать повѣстями, комедіями и эпиграммами. Поэтому вы сдѣлаете необыкновенно доброе дѣло, ежели завтра намекнете о немъ Назимову, ибо по пріѣздѣ изъ Петербурга ужъ будетъ поздно: во время вашего пребыванія въ Петербургѣ Катковъ уже начнетъ подавать въ отставку, поступать въ артиллерію и назначать себѣ преемника".

Ходатайство Алмазова Погодинъ не оставилъ безъ вниманія, и въ *Дневникѣ* своемъ (1852, 10 марта) отмѣтилъ: „Устроить бы Эдельсона".

Да и самъ Алмазовъ далеко не благоденствовалъ и нерѣдко находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ его также нерѣдко выручалъ Погодинъ. „Я узналъ нечаянно",—писалъ онъ однажды Алмазову,—„что вы находитесь въ какихъ-то затруднительныхъ обстоятельствахъ. Я люблю васъ искренно. Вы огорчили и оскорбили меня жестоко, но мы поцѣловались же въ день университетскаго юбилея, и я не помню зла. Загляните ко мнѣ когда-нибудь поутру. Я радъ служить вамъ, чѣмъ могу".

Погодинъ приглашалъ даже Алмазова поселиться у него въ домѣ; но это приглашеніе дало поводъ къ забавному недоразумѣнію, о которомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей записи *Дневника* Погодина (1852, іюля 2): „Я думалъ Алмазова пригласить только на квартиру, а онъ думаетъ со столомъ. Опять недоразумѣніе". Какъ бы то ни было Алмазовъ прожилъ у Погодина нѣсколько мѣсяцевъ, и 28 ноября 1852 года, писалъ ему: „Завтра я переѣзжаю отъ васъ поближе къ Университету; за обѣдомъ послѣднимъ на Дѣвичьемъ полѣ буду угощать шампанскимъ".

Литературная дѣятельность А. А. Григорьева была осо-

бенно плодовита въ 1852 году. Онъ напечаталъ тогда въ *Москвитянинѣ* свой переводъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ твореній Гете—*Вильгельма Мейстера*. Писалъ и печаталъ: Обозрѣніе Русской Литературы въ 1851 году, Обозрѣніе Русскихъ журналовъ; продолжалъ Лѣтопись Московскаго театра, писалъ о современныхъ лирикахъ, романистахъ и драматургахъ. Статьи Григорьева производили впечатлѣніе и въ Петербургѣ. Отъ своего Петербургскаго корреспондента, Г. П. Данилевскаго, Погодинъ получилъ слѣдующее свѣдѣніе: „Статья Григорьева производитъ замѣчательную сенсацію; не знаю впрочемъ, насколько эта сенсація перейдетъ въ критику здѣшнихъ журналовъ. Я былъ на одномъ литературномъ ужинѣ, гдѣ Тургеневъ и Гончаровъ старались шуточками отдѣлаться отъ мнѣній *Москвитянина*. Но, я долженъ сказать, что, кромѣ Дружинина, всѣ—и Панаевъ и вышеупомянутые два—одобряютъ благородный тонъ и искренность добраго и открытаго душою Григорьева". Въ другомъ письмѣ Данилевскаго читаемъ: „Статья Григорьева о Литературѣ здѣсь производитъ большое впечатлѣніе: въ редакціи *Современника* изъ-за нея сдѣлалась тревога и вслѣдствіе этой тревоги была наряжена Коммиссія къ Гончарову, который и дастъ въ февральскую книжку туда свой романъ *Обломовщина*. Не знаю, какъ пропуститъ его цензура—врядъ ли онъ выйдетъ цѣлъ и невредимъ". Но иное писалъ Погодину Писемскій изъ Костромы: „Я не совѣтую вамъ вѣрить Григорьеву на слово. Онъ завирается иногда... Обозрѣніе Литературы 1851 года начато изъ далека. Посовѣтуйте больше говорить объ авторахъ, чѣмъ о своихъ началахъ". Подъ вліяніемъ, вѣроятно, Писемскаго, Погодинъ выражалъ и свое недовольство статьею Григорьева: Обозрѣніе Литературы 1851 года. Въ свое оправданіе Григорьевъ писалъ: „Вы, говорятъ, недовольны, что въ статьѣ моей я построилъ только крыльца? — Да вѣдь и цѣлью ея были — крыльца, ибо о чемъ же говорить въ отношеніи къ Литературѣ 1851 года? Надобно было назвать ее иначе — и вотъ это можетъ быть такъ... Дѣло въ томъ, что крыльца

задѣли за живое и уязвили довольно мѣтко". Въ томъ письмѣ Григорьевъ говоритъ о себѣ: „О преданности на общему дѣлу считаю излишнимъ и говорить, ибо въ пос нее время я дошелъ до фанатизма въ этомъ отношені"

Витая мыслями въ горнемъ мірѣ, въ дольнемъ же горьевъ постоянно находился въ затруднительныхъ об тельствахъ, страдалъ отъ безденежья, короче сказать: жи умеръ бѣднякомъ. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, горьевъ нерѣдко взывалъ къ Погодину о помощи: „Бл дарю васъ, — писалъ онъ ему,—добрѣйшій и достопоч нѣйшій Михаилъ Петровичъ, за то, что вы не оставили вниманія моей просьбы, но въ настоящую минуту, я обратиться къ вамъ за добрымъ совѣтомъ и помощью дѣлѣ гораздо болѣе важномъ. Собственно для этого, я и яв къ вамъ въ субботу. Изволите видѣть какое дѣло: инс торъ 3-й Гимназіи, Оглоблинъ, подалъ прошеніе объ увол піи въ отставку: никогда никакое мѣсто не приходи болѣе по средствамъ и силамъ вашего покорнѣйшаго с Казенныхъ воспитанниковъ въ 3-й Гимназіи, какъ вам безъизвѣстно, нѣтъ: *значитъ* всѣ занятія инспектора относ къ классамъ и оканчиваются въ $2^1/_2$ часа,—значитъ такъ нѣтъ тутъ и хозяйственной части, которую я такъ спосо спутать. Внѣ же оной — я надѣюсь быть на что-либо нымъ. Шансовъ у меня на полученіе этого мѣста — р никакихъ — и будь это при другомъ Попечителѣ, я не шился бы васъ безпокоить—но, когда все зависитъ отъ тыхъ случайностей, то я думаю, позволительно челов столько какъ я измученному разными житейскими скве стями, — сказать: Ва-банкъ!.. Расчеты у меня: 1) на 2) на графиню Ростопчину, которая разумѣется по не санной добротѣ не откажется пустить въ ходъ женскую стократію, 3) на другую графиню (т.-е. Сальясъ) кот изъ *point d'honneur chévale resque* сочтетъ за удоволь указать услугу порядочному человѣку, *тѣмъ болѣе* ея лит турному врагу, 4) на Степана Петровича Шевырева и

Баршева, но это ужъ кажется, для роскоши. Разсудите милостиво, — можетъ ли быть какой-нибудь путь во всемъ этомъ? — и если *можетъ*, то ради той гуманности, которой вы никогда не измѣняли, — примите это дѣло къ сердцу. Безъ вашего совѣта — я не рѣшился и не рѣшусь ступить тутъ иначе: я не поѣхалъ даже въ субботу къ графинѣ, чтобы не впасть въ искушеніе — просить ее о невозможномъ... А вы, какъ нарочно — ѣдете завтра въ Петербургъ. Надобно ковать желѣзо, пока оно горячо. Если вы совершенно постигаете, всю важность восьмисотъ серебромъ жалованья, квартиры, отопленія и освѣщенія для вашего покорнѣйшаго слуги — и находите что онъ имѣетъ не меньше правъ на таковыя блага, чѣмъ Мей, — то вы придумаете и зависящія отъ васъ средства. Мнѣ кажется (но — дѣйствуйте какъ вамъ Богъ на душу положитъ) — что письмо отъ васъ, поданное мною Назимову, письмо, съ прописаніемъ моихъ качествъ, какъ учителя и литератора, и нуждъ, какъ семейнаго человѣка, письмо, нѣсколько адвокатское — подѣйствовало бы весьма сильно. Во всякомъ случаѣ — отвѣчайте мнѣ хоть съ энергическимъ лаконизмомъ: *хлопотать или нѣтъ*"[159]). Но въ это время Погодинъ, съ своимъ „энергическимъ лаконизмомъ", записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Досада отъ Григорьева, приставшаго за деньгами"[160]).

XXXVIII.

Для отдохновенія отъ своихъ трудовъ, лѣтомъ 1852 года, Т. И. Филипповъ отправился въ свой родной городъ Ржевъ, и оттуда писалъ Погодину: „Вы столько оказали мнѣ въ послѣднее время расположенія, что мнѣ противно назвать васъ *милостивымъ государемъ*, а потому изъ всѣхъ любезныхъ прилагательныхъ выбирайте то, которое вы желали бы отъ меня слышать при вашемъ собственномъ имени. — Хоть вы и не любите оговорокъ, но смѣю васъ увѣрить, что моя не принадлежитъ къ Французскимъ и сдѣлана не изъ ложной

вѣжливости, а изъ чистосердечнаго желанія не оскорбить васъ дерзкой фамиліарностью, столь противной и между тѣмъ столь свойственной молодому поколѣнію. — His positis: *Любезный* Михаилъ Петровичъ! Не умѣю хорошенько, но желаю отъ души благодарить васъ за ваше участіе къ одному изъ самыхъ легкомысленнѣйшихъ, но способныхъ чувствовать любовь и благодарность, молодыхъ людей.—Если ему судить Богъ исправиться и взглянуть на вещи съ серьезной стороны, сдѣлаться честнымъ членомъ общества изъ смѣшного его ненавистника, то онъ всегда будетъ помнить, что вы ему подали руку и провели его по началу этого незнакомаго ему пути".

Во время пребыванія своего въ г. Ржевѣ, Т. И. Филипповъ часто видѣлся съ о. Матвѣемъ и слушалъ его проповѣди. „Въ воскресенье",—писалъ онъ Погодину,—„я слышалъ двѣ проповѣди отца Матвѣя; особенно хороша была за ранней обѣдней на текстъ: *Овцы гласа моего слушаютъ и по мнѣ грядутъ*".

Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, а именно отъ 25 декабря того же года, Т. И. Филипповъ сдѣлалъ опытъ передачи одного слова отца Матвѣя, весьма удачнаго, какъ со стороны изложенія мыслей, такъ и со стороны своеобразнаго и художественнаго языка. „Вчера",—писалъ онъ Погодину,—„я слышалъ слово Матвѣя Александровича, и хочу вамъ передать его въ общихъ чертахъ для образчика:

„*И идяху вси написатися, кождо во свой градъ* (*Лук. II, 3*).

„Мы не будемъ, братіе, говорить о той переписи, которую назначилъ въ своемъ царствѣ Августъ. Ну, былъ царь, владѣлъ всѣмъ міромъ, хотѣлъ узнать, сколько и кто ему принадлежитъ — это все вещь обыкновенная! Но вы смотрите, какъ эта перепись напоминаетъ намъ объ другой, которой нужно быть гдѣ-то въ другомъ царствѣ. Она, эта Августова перепись, случилась какъ разъ къ тому времени, какъ шелъ въ міръ другой Царь;—и этотъ Царь тоже будетъ разбирать,

кто его и кто не его, тоже перепись будетъ дѣлать. Ну, разумѣется, такова и перепись, каковъ Царь и каково Царство! Такъ какъ же, братіе, Онъ и къ намъ идетъ, этотъ Царь, съ минуты на минуту мы его ждемъ; и насъ онъ будетъ разсматривать, который изъ насъ къ его царству принадлежитъ, который нѣтъ; и намъ вѣдь нужно попасть въ эту запись! Какъ же быть? Чѣмъ убѣдишь его, чтобъ Онъ не исключилъ насъ изъ Своего списка? Ахъ! какъ бы мы были благоразумны, если бы, еще до его прихода, забѣжали ему на встрѣчу и упросили бы его на перепутье; помните, какъ Закхей... да! И намъ бы, братіе, воскликнуть: „Господи! вниди въ домъ мой (т.-е. въ домъ моего сердца)!“ Нужды нѣтъ, что твое сердце—нечистыя ясли; Онъ и въ ясляхъ ляжетъ, не погнушается. Ну, прибери, какъ можешь, скажи: „Господи! Я Тебя не потѣсню, я все уберу, что Тебѣ мѣшаетъ и что Тебѣ противно: только взойди, не оставь!“ Ну, ты былъ до сей минуты плутъ, прелюбодѣй, грабитель, клеветникъ, скажи: „Господи! Съ этой минуты все оставлю и все поправлю, какъ умѣю!“ Вотъ, для примѣра, стоятъ тамъ у порога требующіе хлѣба, ты имъ никогда ничего не давалъ; сейчасъ, какъ пришелъ домой, возьми, что можешь, раздай! Тамъ, если жена, или кто, тамъ мать, станетъ говорить: „что ты это? да къ чему? У самихъ нѣту! и т. д.“ „Молчи, скажи, Царь идетъ, онъ это любитъ!“ Да, Онъ одинъ и не ходитъ: это все гости, которые всегда съ нимъ приходятъ, Его братья меньшіе. А какая награда, кто приметъ Царя! А! „Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіемъ быти“... Разсуди, ты тамъ былъ, по мірской-то переписи, хоть мѣщаниномъ напр. въ какомъ-нибудь городѣ, или чѣмъ другимъ; тутъ тебѣ вдругъ Царь предлагаетъ быть Его сыномъ (ктому нѣси рабъ, но сынъ); да какого Царя-то? Небеснаго.

„Такъ еслибъ такъ-то случилось, братіе, чтобъ вы расположились Его принять, какъ прилично Его чести, тогда еслибъ волхвы пришли и стали разспрашивать: „гдѣ Христосъ рож-

дается?“ Я бы указалъ имъ: „да вотъ гдѣ, вотъ! въ этихъ благочестивыхъ, чистыхъ сердцахъ! Аминь!“

При этомъ Т. И. Филипповъ замѣчаетъ: „Передача, не могу похвалиться, чтобъ была хорошая, но все-таки удержанъ во многомъ тонъ и складъ. Къ этимъ истинно-ораторскимъ оборотамъ должно присоединить совершенно свободную и притомъ сообразную съ содержаніемъ слова мимику и интонацію“.

Отъ отца Матвѣя Филипповъ получилъ около пятнадцати писемъ Гоголя, которыя немедленно списалъ. „Одно изъ нихъ,— пишетъ Филипповъ Погодину,—„вѣроятно послѣднее изъ писемъ Гоголя, надѣюсь выпросить въ вашъ музей: оно писано 6 февраля“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 19 іюня 1852 года, Филипповъ сообщалъ Погодину: „Въ прошломъ письмѣ я говорилъ вамъ о списанныхъ мною письмахъ Гоголя къ отцу Матвѣю; третьяго дня я выпросилъ у него одно изъ нихъ въ оригиналѣ для вашего собранія. При выборѣ я руководствовался не занимательностію содержанія, а другими соображеніями. Оно, какъ вы увидите, по числу, послѣднее изъ его писемъ къ о. Матвѣю, а можетъ быть и вообще изъ всѣхъ его писемъ. И вообще, писалъ ли что-нибудь Гоголь послѣ этихъ строкъ?“

Проживая въ Ржевѣ, Т. И. Филипповъ, вмѣсто отдыха, продолжалъ трудиться. „Я“,—писалъ онъ Погодину,—„не могу пожаловаться на свое трудолюбіе: вчера, напримѣръ, я, желая кончить статью къ сегодняшней почтѣ, дописался почти до обморока. Вотъ до чего довели меня ваши совѣты! Мать жалуется, что я имъ мало удѣляю времени“.

Мы уже знаемъ, что съ 1852 года, Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ предприняло изданіе своего журнала, подъ именемъ *Извѣстій*. 8 декабря 1851 года, И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Второе Отдѣленіе начинаетъ дышать Дай Богъ успѣть и для него что-нибудь сдѣлать полезное! Но только какъ тяжело это достается! Признаюсь, иногда приходишь въ уныніе, хоть бросить все Да жаль бросить безъ

окончанія дѣла и безъ выполненія идеи. Вотъ вѣдь бѣда нашей братіи: хочешь проявить и осуществить идею, между тѣмъ какъ тебя огорчаютъ, обижаютъ, сердятъ, подставляютъ тебѣ ногу, улыбаются злорадостно надъ твоими усиліями, надъ твоимъ пѣтомъ, надъ твоимъ самопожертвованіемъ! И чтожъ за все это?—Отвѣтъ вы сами знаете". Еще прежде И. И. Давыдовъ писалъ: „Со всѣми филологами Славянскими вошли мы въ сношеніе... По крайней мѣрѣ Русь будетъ знать о существованіи Втораго Отдѣленія Академіи" [161]).

Одновременно съ *Извѣстіями*, Второе Отдѣленіе выпустило въ свѣтъ: *Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря* и *Опытъ общесравнительной Грамматики Русскаго языка.*

Т. И. Филипповъ, съ любовью изучавшій древній и новый Русскій языкъ, съ радостію привѣтствовалъ явленіе этихъ изданій. „Вотъ свидѣтельства",—писалъ онъ,—„той сильно возбужденной дѣятельности Отдѣленія, которую мы привѣтствуемъ съ полнымъ сочувствіемъ и желаніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Въ наше время, когда благороднѣйшими мыслителями нашего Отечества поставлены на первое мѣсто вопросы, касающіеся нашей собственной Исторіи, нашего быта, нашего языка, труды Отдѣленія, посвященные преимущественно разработкѣ нашего языка и словесности, сравнительно съ языками и словесностью соплеменниковъ нашихъ, не могутъ не возбудить къ себѣ особенной признательности нашей, принося такую значительную помощь рѣшенію указанныхъ вопросовъ".

Особенное вниманіе Т. И. Филиппова обратили на себя статьи В. И. Григоровича, касающіяся древняго Славянскаго языка. „Нужно ли говорить",—спрашиваетъ Филипповъ,—„о важности Церковно-Славянскаго языка въ нашей наукѣ и жизни? Мы думаемъ, отвѣчаетъ онъ, что нужно и очень нужно. Хотя очевидная его важность, какъ языка богослужебнаго, понятна всѣмъ и всѣми признана, но не всѣмъ извѣстно, какъ далеко простирается его значеніе въ Славянской Исторіи, съ какими коренными ея вопросами онъ связанъ. Обязанный своимъ происхожденіемъ принятію Славянскими племенами

Православной Вѣры, онъ впослѣдствіи явился главнѣйшимъ орудіемъ ея храненія. Западные наши соплеменники, рано отторгнутые отъ Православія насиліемъ Римскаго духовенства, скоро утратили Славянское богослуженіе и такимъ образомъ лишились послѣдней связи съ своими православными родичами.—Нашему столѣтію принадлежитъ честь того великаго умственнаго движенія въ племенахъ Славянскихъ, которое привело ихъ къ ясному уразумѣнію ихъ Исторіи и черезъ то къ сознанію ихъ исконнаго родства и бывшаго нѣкогда единовѣрія. Церковно-Славянскій языкъ получилъ такимъ образомъ особую важность, какъ орудіе утраченнаго религіознаго единства... Церковно-Славянскій языкъ становится нѣкоторымъ средоточіемъ, около котораго собираются эти стремленія взаимности. Доля нашего Отечества въ этомъ отношеніи завидна: намъ провидѣніе опредѣлило быть хранителями Православія въ средѣ Славянства"...

Въ томъ же 1852 году, М. А. Стаховичъ издалъ въ Петербургѣ тетрадь первую *Собранія Русскихъ народныхъ пѣсенъ*. Это изданіе не могло также не обратить вниманія Т. И. Филиппова, и онъ, между прочимъ, писалъ: „Отъ Стаховича мы должны ожидать исполненія чрезвычайно важнаго труда, начало которому онъ положилъ этою тетрадью: онъ задумалъ изданіе Русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ напѣвами... Съ напѣвами Русскихъ пѣсенъ дѣлали до сихъ поръ тоже, что и съ текстомъ ихъ: не могли, разумѣется, не признать въ нихъ значительнаго музыкальнаго достоинства; но, исходя изъ точки зрѣнія западно-европейской музыки, отыскивали въ нашихъ напѣвахъ такія черты, которыя могли бы имъ доставить честь сравненія съ музыкальными произведеніями Запада. Читатель знаетъ, что эта судьба постигала до сихъ поръ все, въ чемъ выражается наша народная особенность: таковъ былъ ходъ нашего образованія... Русская пѣсня поется исключительно простолюдиномъ, съ которымъ намъ негдѣ встрѣтиться; если на улицѣ услышишь что-нибудь, такъ мелькомъ, ничего не упомнишь... Для того, чтобы лицемъ къ

лицу познакомиться съ народной поэзiею и музыкою, нужно, хотя на время, забыть разницу между, по выраженiю *Отечественныхъ Записокъ*, *развитымъ* и *непосредственнымъ* человѣкомъ, и взойти въ ту сферу общества, гдѣ сохраняются еще остатки и слѣды нашей первобытной жизни. И то, что вынесетъ онъ изъ своихъ изслѣдованiй, сторицею вознаградитъ его за трудъ и рѣшимость; можетъ даже случиться, что изъ такого рода изслѣдованiй онъ выйдетъ не съ тѣми понятiями о предметахъ, съ какими онъ отправился въ эту экспедицiю, и пойметъ онъ, что въ нашей народной поэзiи и музыкѣ есть такiя сокровища, которыя не должно оскорблять иностранной оцѣнкой, а должно раскрывать посредствомъ добросовѣстнаго изученiя и такимъ образомъ дѣлать ихъ достоянiемъ общественнаго сознанiя. Тогда онъ пойметъ, что въ народной пѣсни каждое слово, а въ народномъ напѣвѣ каждая нотка неприкосновенны; тогда онъ откажется отъ негодной мысли исправлять произведенiя, надъ которыми трудились вѣка, и соберетъ всѣ средства своего образованiя и личнаго таланта на смиренное служенiе этому дѣлу". Въ заключенiе, „отъ всей души", пожелавъ успѣха изданiю Стаховича, Филипповъ предостерегаетъ его, что „по этой дорогѣ идти надобно съ терпѣнiемъ и твердостiю, чтобы невѣжество не смутило своимъ гамомъ" [162]).

Кромѣ замѣтокъ филологическихъ, Т. И. Филипповъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* 1852 года замѣчательную статью о романѣ Теккерея *Исторiя Артура Пенденнисса*.

19-го iюня 1852 года, изъ Ржева, Филипповъ писалъ Погодину: „Разборъ *Пенденнисса* представляю вамъ на разсмотрѣнiе. Хорошъ — такъ печатайте. Когда я писалъ его, онъ мнѣ нравился; какъ написалъ, да сталъ читать братьямъ, показался мнѣ слабъ. Что я хотѣлъ сказать, за правду того я стою и тѣмъ доволенъ, но выражено, кажется, мѣстами очень дурно" [163]).

Статья эта произвела сильное впечатлѣнiе въ семействѣ Аксаковыхъ.

Православной Вѣры, онъ впослѣдствіи явился главнѣйшимъ орудіемъ ея храненія. Западные наши соплеменники, рано отторгнутые отъ Православія насиліемъ Римскаго духовенства, скоро утратили Славянское богослуженіе и такимъ образомъ лишились послѣдней связи съ своими православными родичами.—Нашему столѣтію принадлежитъ честь того великаго умственнаго движенія въ племенахъ Славянскихъ, которое привело ихъ къ ясному уразумѣнію ихъ Исторіи и черезъ то къ сознанію ихъ исконнаго родства и бывшаго нѣкогда единовѣрія. Церковно-Славянскій языкъ получилъ такимъ образомъ особую важность, какъ орудіе утраченнаго религіознаго единства... Церковно-Славянскій языкъ становится нѣкоторымъ средоточіемъ, около котораго собираются эти стремленія взаимности. Доля нашего Отечества въ этомъ отношеніи завидна: намъ провидѣніе опредѣлило быть хранителями Православія въ средѣ Славянства"...

Въ томъ же 1852 году, М. А. Стаховичъ издалъ въ Петербургѣ тетрадь первую *Собранія Русскихъ народныхъ пѣсенъ*. Это изданіе не могло также не обратить вниманія Т. И. Филиппова, и онъ, между прочимъ, писалъ: „Отъ Стаховича мы должны ожидать исполненія чрезвычайно важнаго труда, начало которому онъ положилъ этою тетрадью: онъ задумалъ изданіе Русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ напѣвами... Съ напѣвами Русскихъ пѣсенъ дѣлали до сихъ поръ тоже, что и съ текстомъ ихъ: не могли, разумѣется, не признать въ нихъ значительнаго музыкальнаго достоинства; но, исходя изъ точки зрѣнія западно-европейской музыки, отыскивали въ нашихъ напѣвахъ такія черты, которыя могли бы имъ доставить честь сравненія съ музыкальными произведеніями Запада. Читатель знаетъ, что эта судьба постигала до сихъ поръ все, въ чемъ выражается наша народная особенность: таковъ былъ ходъ нашего образованія... Русская пѣсня поется исключительно простолюдиномъ, съ которымъ намъ негдѣ встрѣтиться; если на улицѣ услышишь что-нибудь, такъ мелькомъ, ничего не упомнишь... Для того, чтобы лицемъ къ

лицу познакомиться съ народной поэзіею и музыкою, нужно, хотя на время, забыть разницу между, по выраженію *Отечественныхъ Записокъ*, *развитымъ* и *непосредственнымъ* человѣкомъ, и взойти въ ту сферу общества, гдѣ сохраняются еще остатки и слѣды нашей первобытной жизни. И то, что вынесетъ онъ изъ своихъ изслѣдованій, сторицею вознаградитъ его за трудъ и рѣшимость; можетъ даже случиться, что изъ такого рода изслѣдованій онъ выйдетъ не съ тѣми понятіями о предметахъ, съ какими онъ отправился въ эту экспедицію, и пойметъ онъ, что въ нашей народной поэзіи и музыкѣ есть такія сокровища, которыя не должно оскорблять иностранной оцѣнкой, а должно раскрывать посредствомъ добросовѣстнаго изученія и такимъ образомъ дѣлать ихъ достояніемъ общественнаго сознанія. Тогда онъ пойметъ, что въ народной пѣсни каждое слово, а въ народномъ напѣвѣ каждая нотка неприкосновенны; тогда онъ откажется отъ негодной мысли исправлять произведенія, надъ которыми трудились вѣка, и соберетъ всѣ средства своего образованія и личнаго таланта на смиренное служеніе этому дѣлу". Въ заключеніе, „отъ всей души", пожелавъ успѣха изданію Стаховича, Филипповъ предостерегаетъ его, что „по этой дорогѣ идти надобно съ терпѣніемъ и твердостію, чтобы невѣжество не смутило своимъ гамомъ" [162]).

Кромѣ замѣтокъ филологическихъ, Т. И. Филипповъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* 1852 года замѣчательную статью о романѣ Теккерея *Исторія Артура Пендениссa*.

19-го іюня 1852 года, изъ Ржева, Филипповъ писалъ Погодину: „Разборъ *Пендениссa* представляю вамъ на разсмотрѣніе. Хорошъ — такъ печатайте. Когда я писалъ его, онъ мнѣ нравился; какъ написалъ, да сталъ читать братьямъ, показался мнѣ слабъ. Что я хотѣлъ сказать, за правду того я стою и тѣмъ доволенъ, но выражено, кажется, мѣстами очень дурно" [163]).

Статья эта произвела сильное впечатлѣніе въ семействѣ Аксаковыхъ.

Упоминая въ этой статьѣ о различіи между сатириками Англійскими и Французскими, говоря, что такъ смѣяться надъ людскимъ порокомъ, какъ смѣялись Диккенсъ и Теккерей, „дѣйствительно не грѣхъ", Филипповъ, при этомъ случаѣ, вспоминая Гоголя, замѣчаетъ: „Къ несчастію, школа, извѣстная у насъ подъ именемъ *натуральной*, ни на волосъ не поняла стремленій Гоголя, хотя, съ свойственною ей дерзостью, считаетъ его своимъ родоначальникомъ. Она поняла дѣло по своему, и по своему засмѣялась какимъ-то судорожнымъ, насильственнымъ смѣхомъ; отсюда явился безконечный рядъ уродливыхъ изображеній, порождающихъ напрасное негодованіе, оскорбляющихъ чувство истины, однимъ словомъ, возбуждающихъ всѣ возможныя непріятныя чувства, кромѣ смѣха, кромѣ того, стало быть, чего добивались писатели. Отсюда отчасти объясняется и тотъ странный пріемъ, который сдѣланъ былъ въ Литературѣ *Избраннымъ мѣстамъ изъ Переписки съ друзьями*..." [164]).

Какъ бы иллюстраціею къ этимъ строкамъ можетъ служить слѣдующая запись А. В. Никитенко въ его *Дневникѣ*, подъ 14 декабря 1852 г.: „Обѣдалъ у И. И. Панаева и не скажу, чтобы остался доволенъ проведеннымъ тамъ временемъ. Тамъ были: М. Н. Лонгиновъ, авторъ замѣчательныхъ по формѣ, но отвратительныхъ по цинизму стихотвореній, А. В. Дружининъ, Н. А. Некрасовъ, В. П. Гаевскій, и т. д. Послѣ обѣда завели самые скоромные разговоры и читали нѣкоторые изъ Парголовскихъ элегій, во вкусѣ Баркова. Авторы ихъ превзошли самихъ себя по цинизму образовъ въ прекрасныхъ стихахъ. Вотъ гдѣ теперь надо искать Русскую поэзію! Неужели это весело, господа?" [165]).

XXXIX.

Въ 1851 году, на литературное поприще выступилъ землякъ А. Н. Островскаго и А. Ѳ. Писемскаго, Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. Онъ родился 1-го іюля 1829 года, въ

городѣ Кинешмѣ, Костромской губерніи, въ благословенной семьѣ, о которой самъ Потѣхинъ имѣлъ счастіе свидѣтельствовать Погодину слѣдующее: „Вы не знаете моихъ родителей, но я не могу при настоящемъ случаѣ не подѣлиться съ вами своими чувствами: это рѣдкіе люди, рѣдкіе родители! Они воспитали и воспитываютъ десять молодыхъ людей—своихъ дѣтей, въ которыхъ всѣ ихъ радости, все ихъ счастіе, вся цѣль ихъ жизни, они живутъ только для насъ и въ насъ. Сами, люди почти безъ образованія, надѣленные только высокимъ природнымъ умомъ и превосходнымъ, любящимъ сердцемъ, они понимаютъ всю важность образованія и жертвуютъ послѣдними крохами своего состоянія, чтобы образовать дѣтей. Вы порадовались бы, какъ Русскій и какъ семьянинъ, увидя наше семейство. Вообразите себѣ въ глуши, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, въ небогатомъ уютномъ домѣ, двухъ пожилыхъ людей, окруженныхъ десяткомъ подростковъ, отъ 7 до 27-лѣтняго возраста: одни изъ нихъ за книгами, другіе за географическими картами, третьи за фортепіано и скрипкой. И всѣ они живутъ одною душою, однимъ сердцемъ... Михаилъ Петровичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, всякому, кто въ состояніи меня понять и сочувствовать — я люблю говорить о своемъ семействѣ и говорю съ восторгомъ. Ничего я такъ не желаю, какъ написать романъ, который бы служилъ полной картиной полнаго семейнаго счастія, который бы весь дышалъ тѣмъ блаженствомъ, какое испытываемъ мы въ своей семьѣ... И дай Боже, чтобы это блаженство было какъ можно продолжительнѣе“ [166]).

Первое произведеніе Потѣхина было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1851 года, подъ заглавіемъ: *Путь по Волгѣ*.

Въ концѣ 1852 года, Потѣхинъ посѣтилъ Москву и тамъ сблизился съ членами молодой Редакціи *Москвитянина*. Возвратившись въ Кострому, онъ писалъ Эдельсону: „Прежде всего приношу вамъ и всѣмъ гг. сотрудникамъ *Москвитянина* мою искреннюю и глубокую благодарность за ваше радушіе и вниманіе ко мнѣ. Конечно, вы не сочтете за лесть,

послѣдней я еще новичокъ, ничѣмъ не обезпечиваемый въ будущемъ: ни матеріальными средствами, ни извѣстностью и вниманіемъ публики, ни даже личною увѣренностью въ своемъ талантѣ. Вотъ меня приласкали гг. ваши сотрудники, поощряете своимъ вниманіемъ вы сами, и я буду трудиться для *Москвитянина*, сколько позволятъ мнѣ силы и время. Правда, я пишу весьма скоро, въ моей молодой, еще не выписавшейся, фантазіи хранится много матеріаловъ, въ головѣ — мыслей, въ сердцѣ—впечатлѣній, которыя хочется высказать: по всему этому я надѣюсь быть дѣльнымъ или по крайней мѣрѣ постояннымъ сотрудникомъ *Москвитянина*, если только, разумѣется, ваше вниманіе ко мнѣ нисколько не измѣнится".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Потѣхинъ рекомендовалъ вниманію *Москвитянина* проживавшаго въ Костромѣ Иванова, и въ письмѣ своемъ къ Погодину сообщаетъ о немъ біографическія свѣдѣнія: „Ивановъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, пользовался особеннымъ расположеніемъ И. И. Давыдова и былъ извѣстенъ С. П. Шевыреву, которому онъ, бывши еще студентомъ, поднесъ повѣсть своего сочиненія, заслужившую одобреніе Шевырева. Ивановъ, впрочемъ, не кончилъ курса, сбился было съ прямого пути, сталъ пить, совсѣмъ было загубилъ и себя и свой талантъ въ той грязи жизни, въ которую окунула его судьба и нѣкоторыя домашнія обстоятельства; впрочемъ, слава Богу, остановился во время и теперь совершенно совлекся ветхаго человѣка. Онъ былъ сначала учителемъ уѣзднаго училища, но теперь въ гражданской службѣ, впрочемъ въ весьма ничтожной должности и, скажу вамъ откровенно, весьма бѣденъ. Но этотъ человѣкъ владѣетъ огромнымъ комическимъ талантомъ и только постоянныя лишенія, нужда, неровная борьба съ жизнью не даютъ ему вполнѣ развернуться: онъ хандритъ. Вотъ, Михаилъ Петровичъ, вамъ предстоитъ святой подвигъ предъ Богомъ, людьми и Искусствомъ извлечь изъ ничтожества этого несчастнаго человѣка. Совершите этотъ подвигъ, и найдете награду себѣ въ немъ самомъ. Ивановъ весьма начитанъ,

[illegible] обладаетъ отличнымъ критическимъ тактомъ—и также можетъ быть весьма полезнымъ сотрудникомъ не только, какъ повѣствователь, но и какъ критикъ. Костромская жизнь [illegible] его, даже болѣе,—она его убиваетъ; онъ долженъ служить писцомъ въ Губернскомъ Правленіи только для того, чтобы не умереть съ голоду, а между тѣмъ онъ совершенно не расположенъ къ службѣ гражданской, любитъ науку и искусство всей силой души, готовъ служить имъ вѣрой и правдой, а не какъ шарлатанъ или промышленникъ. Не можете ли вы дать ему какое-нибудь средство перебраться въ Москву, хоть подъ такимъ условіемъ, что вы будете давать ему цѣлковыхъ двадцать пять или тридцать въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы онъ доставлялъ для каждой книжки *Москвитянина* печатный листъ своихъ произведеній, или не можете ли вы ему обѣщать доставить хоть небольшіе уроки: онъ отличный педагогъ. Ивановъ женатъ, но не смотря на это, тридцать р. сер. въ мѣсяцъ ему было бы достаточно, чтобы прожить въ Москвѣ... Пишу все это, вполнѣ увѣренный въ вашей добротѣ и любви къ *человѣку*".

Въ декабрьской книжкѣ *Москвитянина* 1852 былъ напечатанъ нравоописательный очеркъ Иванова, подъ заглавіемъ: *Капустница*.

Когда этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ*, Потѣхинъ писалъ Эдельсону: „Ради Бога, пришлите Иванову поскорѣе деньги за напечатанную уже его *Капустницу*. Поощреніе для него необходимо: онъ въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ и деньги при настоящемъ положеніи дѣлъ ему также необходимы, какъ крылья птицѣ; извините за нѣсколько поэтическое сравненіе".

Хотя Потѣхинъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину, и обѣщался быть *постояннымъ сотрудникомъ Москвитянина*; но тѣмъ не менѣе въ *Современникѣ* того же 1852 года, были напечатаны его *Забавы и удовольствія въ городкѣ* и посвящены М. Н. Каткову.

Еще 20 февраля 1852 года, В. И. Даль писалъ Пого-

дину: „А что значитъ, что сотрудники ваши какъ-то непрочны и дезертируютъ въ Петербургскіе журналы“ [167])?

Желая закрѣпить участіе Я. П. Полонскаго въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ заключилъ съ нимъ условіе, но на первыхъ же порахъ своего сотрудничества въ *Москвитянинѣ*, Полонскій былъ сконфуженъ опечатками, съ которыми было напечатано его стихотвореніе *Примадонна* [168]). „Извините меня,— жаловался онъ Погодину, между прочимъ,—если я въ этомъ письмѣ сдѣлаю маленькій упрекъ редакціи *Москвитянина*— что сдѣлала она изъ моего стихотворенія, посланнаго къ вамъ *Примадонна?* Можно ли въ лирическомъ стихотвореніи такъ безбожно исказить два стиха?—Мнѣ здѣсь проходу нѣтъ. — Меня просятъ объяснить, что значитъ стихъ *Безъ разума властно!*—(Напечатано: *Ни разума власти*). Говорятъ, что я не хочу признавать *разумности* власти—и тому подобное. Во-вторыхъ—что значитъ *Дрожащее сердце* (!) вмѣсто ожившее сердце? И если у меня дѣйствительно дрожащее сердце, что за диковина, что оно трепещетъ?.. Не грѣхъ ли Редакціи, совершенно съ моей стороны безъ вины — подвергать меня осужденію и вѣроятно насмѣшкамъ! — Стоитъ ли послѣ этого печатать стихи! Если цензура не пропускала стиха—конечно *Москвитянинъ* сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы не помѣстилъ его вовсе — я бы прислалъ другія“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что отъ классическихъ опечатокъ въ *Москвитянинѣ* пострадалъ почти одновременно и пріятель Полонскаго, Г. П. Данилевскій. „Въ моей статьѣ о Петербургѣ“, — писалъ онъ Погодину, — „я нашелъ престранную опечатку: вмѣсто съ тремя *жирафами*, сказано: *съ тремя эпиграфами*“.

Въ это же время, Полонскій доставилъ Погодину, для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, свою драму. Напуганный опечатками, Полонскій заявилъ Погодину, что нарочно пріѣдетъ въ Москву для держанія корректуры этой драмы. „Будьте такъ добры, Михаилъ Петровичъ,—писалъ онъ,—увѣдомьте меня письмомъ, хоть въ двѣ строчки, когда вы будете печатать

мою драму?—Я пріѣду самъ въ Москву держать корректуру— это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторые стихи уже мною исправлены, съ тѣхъ поръ какъ моя рукопись къ вамъ послана.—Нѣкоторые стихи нужно вовсе выкинуть. — Вы бы также обязали меня, если-бъ къ тому времени (т.-е. когда уже драма будетъ въ наборѣ) прислали мнѣ семьдесятъ рублей, ибо не знаю, соберусь ли самъ съ деньгами".

Въ Москвѣ постигло Полонскаго безденежье, и онъ (6 апрѣля 1852) писалъ Погодину: „Письменно я прошу васъ о томъ же, о чемъ просилъ васъ лично. Вы должны мнѣ девяносто семь руб., 75 копѣекъ; безъ этихъ денегъ не могу я двинуться въ Петербургъ — куда влечетъ меня крайняя необходимость—и гдѣ, какъ я слышалъ отъ Косовича, ожидаютъ меня три пакета изъ Канцеляріи его свѣтлости князя-намѣстника.—На Ѳоминой недѣлѣ, во вторникъ, я долженъ выѣхать—и на васъ вся моя надежда. Вы опять сошлетесь на условія, но по условію семьдесятъ рублей серебр. вы должны были мнѣ выслать тотъ часъ же послѣ одобренія цензурой рукописи,—а Ржевскій, тому назадъ почти два мѣсяца, когда былъ въ Петербургѣ, говорилъ у Норова, что читалъ мою рукопись и не нашелъ ничего противнаго правиламъ цензуры.—Я, въ надеждѣ, что послѣ отпечатанья получу съ васъ всю сумму сполна, нисколько не хотѣлъ васъ безпокоить высылкою мнѣ денегъ въ Петербургъ—и предпочелъ лучше занять, чѣмъ просить васъ о выполненіи одного изъ пунктовъ условія, диктованныхъ крайнею нуждою. — Ради Бога, не будьте и вы слишкомъ пунктуальны въ этомъ случаѣ. Вашъ отвѣтъ—что вы принимаете *всѣ мои условія съ благодарностью*—у меня *здѣсь;* я нечаянно нашелъ его въ моихъ бумагахъ... Пріѣхалъ бы самъ къ вамъ, да дороги извощики" [169]). Какъ бы то ни было, драма Полонскаго *Дарджаджана* Имеретинская, въ пяти дѣйствіяхъ, съ посвященіемъ княгини Софіи Андреевнѣ Гагариной, была напечатана въ *Москвитянинѣ* [170]).

Въ февралѣ 1852 года, переселился изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ сотрудникъ *Москвитянина* Михаилъ

Ларіоновичъ Михайловъ. При прощаніи съ *Москвитяниномъ*, Михайловъ напечаталъ въ мартовской книжкѣ этого журнала отрывки изъ дневника уѣздной барышни, подъ заглавіемъ: *Онъ*. Эти отрывки своею неблагопристойностью обратили на себя вниманіе цензуры. Вотъ что, напримѣръ, записываетъ въ свой дневникъ реченная уѣздная барышня: „Папенька сегодня былъ пьянъ.., сердитый такой. Маменьку заперъ въ чуланъ... Папенька сегодня опять заперъ маменьку въ чуланъ... Маменька вѣчно при насъ торчитъ" и проч. въ этомъ родѣ За дозволеніе напечатать этотъ дневникъ, цензоръ Ржевскій получилъ замѣчаніе отъ министра Народнаго Просвѣщенія.

Проѣздомъ черезъ Москву, изъ Нижняго, Михайловъ посѣтилъ Погодина. Послѣдній въ *Дневникѣ* своемъ (8 февраля 1852) записалъ: „Михайловъ изъ Нижняго. Объ Исторіи Литературы. Имѣетъ хорошія свѣдѣнія".

Снабженный рекомендательными письмами отъ Погодина [171]), Михайловъ прибылъ въ Петербургъ, и оттуда (20 марта 1852 г.) писалъ ему: „Много виноватъ передъ вами, что по пріѣздѣ въ Петербургъ, не удосужился писать къ вамъ. Все хлопочу о устройствѣ своихъ дѣлъ, но окончательнаго ничего еще не могу сообщить. Меня очень огорчило обстоятельство, что даже и здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ приходится оставить много пробѣловъ въ своихъ библіографическихъ трудахъ. Нѣкоторыхъ книгъ, мнѣ необходимыхъ, вовсе не могъ найти ни въ одной библіотекѣ. Въ скоромъ времени доставлю вамъ кое-что для *Москвитянина*, который, замѣчу мимоходомъ, здѣсь въ ходу, т.-е. многими читается. Мнѣ кажется, онъ бы и болѣе расходился здѣсь, еслибы была у васъ здѣсь контора" [172]).

По водвореніи въ Петербургѣ, Михайловъ окончательно перешелъ во враждебный Погодину лагерь, и сдѣлался сотрудникомъ *Современника*, гдѣ, вскорѣ по его пребытіи, была напечатана его повѣсть, подъ заглавіемъ: *Кружевница* [173]).

31 марта 1852 года, П. И. Мельниковъ, изъ Петербурга, писалъ Погодину: „Михайловъ, авторъ *Адама Адамовича*, сдѣлался фельетонистомъ *Современника* и теперь занятъ важ-

нымъ сочиненіемъ о пасхальныхъ балаганахъ на Адмиралтейской площади".

Въ это время Погодинъ вступилъ въ литературныя сношенія съ *Грузинскою Царевною*, отъ которой получилъ слѣдующее письмо: „Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, которое мнѣ мужъ доставилъ въ Петербургѣ, чтобъ васъ увѣрить, что я никогда никакихъ вопросовъ, ни извиненій не получала отъ Редакціи *Москвитянина*, и потому считаю себя въ полномъ правѣ жаловаться на ея невѣжливость противъ меня. Признаюсь, мнѣ кажется весьма страннымъ чтобъ пропадали письма, писанныя изъ Москвы, но въ такомъ случаѣ вина не моя, потому что я вамъ дала адресъ содержателя трактира, въ которомъ я жила, и который никогда не получалъ никакого письма изъ Москвы. Вотъ объясненіе на первый пунктъ. На второе ваше возраженіе скажу вамъ, милостивый государь, что я нисколько не отпираюсь отъ мысли, что Редакція *Москвитянина* изъискиваетъ предлоги, чтобъ отдалить срокъ напечатанія моей повѣсти; потому что послѣ оплошности, сдѣланной г. Сумароковымъ, ей негдѣ помѣстить эпизодъ г-жи Серве, которой, разумѣется, я не хочу выкинуть, а такъ какъ она обязалась ввести въ свѣтъ моего Ревнивца, то и не знаетъ какъ исполнить свое обѣщаніе, не уронивъ себя... Вы согласитесь, милостивый государь, что мое замѣчаніе справедливо, и что еслибъ я и согласилась пожертвовать второй главой, то смѣшно было бы продолжать повѣсть, которой, вѣроятно, въ этомъ долгомъ промежуткѣ всѣ забыли начало. И потому прошу васъ, *безъ сердца*, возвратить мнѣ всѣ шесть тетрадей, вамъ доставленныя, если вы найдете неудобнымъ перепечатать всю повѣсть съ начала до конца. Хотя я никакихъ сношеній не имѣю съ здѣшними журналами, я постараюсь найти дорогу до г-на Панаева, которому показывали одно мое сочиненіе, очень имъ одобренное. Но чтобъ вамъ доказать, что я не хочу разстаться съ вами въ ссорѣ, я на дняхъ доставлю вамъ, милостивый государь, двѣ комедіи своего сочиненія, которыя въ свободное время, прошу васъ прочитать и увѣдомить меня

хотите ли вы которую нибудь изъ нихъ пріобрѣсть для вашего журнала, на тѣхъ же условіяхъ, какъ Урокъ Ревнивцамъ, потому что я рѣшилась отдать въ печать свои *произведенія* только для того, чтобъ этимъ средствомъ доставить вспомоществованіе двумъ бѣднымъ семействамъ, находящимся подъ моимъ покровительствомъ, и если мнѣ не удастся извлечь какую-нибудь пользу изъ своихъ сочиненій, то я перестану заботиться о томъ, чтобъ отдавать ихъ въ печать, и буду писать единственно для своего удовольствія, то есть вмѣсто того, чтобъ вязать крючкомъ или играть въ карты... Урокъ Ревнивцамъ былъ мой первый опытъ на Русскомъ языкѣ, за симъ, я написала двѣ комедіи, водевиль, и теперь пишу повѣсть, которую представлю вашему сужденію, когда будетъ окончена. Но, къ несчастію, я пишу мало, потому что страдаю нервической болью въ головѣ, вслѣдствіе которой доктора меня осудили на совершенное *бездуміе*, то есть они хотятъ, чтобъ я прозябала, какъ артишокъ или огурецъ. На что я еще никакъ не могу рѣшиться; но чтобъ не усилить свое болѣзненное состояніе, я пишу не болѣе получаса въ день, и потому мои сочиненія подвигаются медленно. Пора, однакожъ, окончить это слишкомъ длинное письмо; ваше время такъ хорошо употреблено, что вѣроятно вы не имѣете досуга читать такую длинную болтовню. — Въ надеждѣ что вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, милостивый государь, отвѣчать мнѣ на это письмо, посылаю вамъ свой адресъ, съ просьбой, сохранить мнѣ тайну моего имени. Примите, милостивой государь, увѣренія истиннаго моего къ вамъ уваженія. Остаюсь готовая къ услугамъ Грузинская Царевна Анна Павловна: въ Павловскѣ, на дачѣ г-жи Кутайсовой; а въ городѣ въ Большой Морской, въ домѣ К. Лобанова".

XL.

Не смотря на весьма ясно опредѣленное направленіе *Москвитянина*, Погодинъ старался привлечь къ участію въ немъ людей совершенно иного направленія.

нымъ сочиненіемъ о пасхальныхъ балаганахъ на Адмиралтейской площади".

Въ это время Погодинъ вступилъ въ литературныя сношенія съ *Грузинскою Царевною*, отъ которой получилъ слѣдующее письмо: „Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, которое мнѣ мужъ доставилъ въ Петербугѣ, чтобъ васъ увѣрить, что я никогда никакихъ вопросовъ, ни извиненій не получала отъ Редакціи *Москвитянина*, и потому считаю себя въ полномъ правѣ жаловаться на ея невѣжливость противъ меня. Признаюсь, мнѣ кажется весьма страннымъ чтобъ пропадали письма, писанныя изъ Москвы, но въ такомъ случаѣ вина не моя, потому что я вамъ дала адресъ содержателя трактира, въ которомъ я жила, и который никогда не получалъ никакого письма изъ Москвы. Вотъ объясненіе на первый пунктъ. На второе ваше возраженіе скажу вамъ, милостивый государь, что я нисколько не отпираюсь отъ мысли, что Редакція *Москвитянина* изъискиваетъ предлоги, чтобъ отдалить срокъ напечатанія моей повѣсти; потому что послѣ оплошности, сдѣланной г. Сумароковымъ, ей негдѣ помѣстить эпизодъ г-жи Серве, которой, разумѣется, я не хочу выкинуть, а такъ какъ она обязалась ввести въ свѣтъ моего Ревнивца, то и не знаетъ какъ исполнить свое обѣщаніе, не уронивъ себя... Вы согласитесь, милостивый государь, что мое замѣчаніе справедливо, и что еслибъ я и согласилась пожертвовать второй главой, то смѣшно было бы продолжать повѣсть, которой, вѣроятно, въ этомъ долгомъ промежуткѣ всѣ забыли начало. И потому, прошу васъ, *безъ сердца*, возвратить мнѣ всѣ шесть тетрадей, вамъ доставленныя, если вы найдете неудобнымъ перепечатать всю повѣсть съ начала до конца. Хотя я никакихъ сношеній не имѣю съ здѣшними журналами, я постараюсь найти дорогу до г-на Панаева, которому показывали одно мое сочиненіе, очень имъ одобренное. Но чтобъ вамъ доказать, что я не хочу разстаться съ вами въ ссорѣ, я на дняхъ доставлю вамъ, милостивый государь, двѣ комедіи своего сочиненія, которыя, въ свободное время, прошу васъ прочитать и увѣдомить меня,

хотите ли вы которую нибудь изъ нихъ пріобрѣсть для вашего журнала, на тѣхъ же условіяхъ, какъ Урокъ Ревнивцамъ, потому что я рѣшилась отдать въ печать свои *произведенія* только для того, чтобъ этимъ средствомъ доставить вспомоществованіе двумъ бѣднымъ семействамъ, находящимся подъ моимъ покровительствомъ, и если мнѣ не удастся извлечь какую-нибудь пользу изъ своихъ сочиненій, то я перестану заботиться о томъ, чтобъ отдавать ихъ въ печать, и буду писать единственно для своего удовольствія, то есть вмѣсто того, чтобъ вязать крючкомъ или играть въ карты... Урокъ Ревнивцамъ былъ мой первый опытъ на Русскомъ языкѣ, за симъ, я написала двѣ комедіи, водевиль, и теперь пишу повѣсть, которую представлю вашему сужденію, когда будетъ окончена. Но, къ несчастію, я пишу мало, потому что страдаю нервической болью въ головѣ, вслѣдствіе которой доктора меня осудили на совершенное *бездуміе*, то есть они хотятъ, чтобъ я прозябала, какъ артишокъ или огурецъ. На что я еще никакъ не могу рѣшиться; но чтобъ не усилить свое болѣзненное состояніе, я пишу не болѣе получаса въ день, и потому мои сочиненія подвигаются медленно. Пора, однакожъ, окончить это слишкомъ длинное письмо; ваше время такъ хорошо употреблено, что вѣроятно вы не имѣете досуга читать такую длинную болтовню. — Въ надеждѣ что вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, милостивый государь, отвѣчать мнѣ на это письмо, посылаю вамъ свой адресъ, съ просьбой, сохранить мнѣ тайну моего имени. Примите, милостивой государь, увѣренія истиннаго моего къ вамъ уваженія. Остаюсь готовая къ услугамъ Грузинская Царевна Анна Павловна: въ Павловскѣ, на дачѣ г-жи Кутайсовой; а въ городѣ въ Большой Морской, въ домѣ К. Лобанова".

XL.

Не смотря на весьма ясно опредѣленное направленіе *Москвитянина*, Погодинъ старался привлечь къ участію въ немъ людей совершенно иного направленія.

Мы уже знакомы съ переговорами Погодина съ И. С. Тургеневымъ объ участіи этого писателя въ *Москвитянинѣ*. Теперь Погодинъ вступилъ въ подобные же переговоры съ Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ. 5 декабря 1852 года, послѣдній писалъ ему: „Я передалъ письмо ваше Тургеневу. За честь, которую вы мнѣ сдѣлали предложеніемъ участвовать въ вашемъ журналѣ, я благодарю отъ души. Съ нѣкоторыхъ поръ отдѣлъ Изящной Словесности въ *Москвитянинѣ* постоянно блеститъ свѣжестью, умомъ и талантомъ. Безъ ложной скромности, онъ весьма мало выиграетъ отъ присутствія человѣка, который изрѣдка только показывается на послѣднихъ страницахъ журналовъ, какъ я,—но лишь только кончу работу, занимающую теперь все мое время, я непремѣнно постараюсь протереться туда съ вашей помощью. Будьте ласковы тогда къ пришельцу и не слишкомъ надъ нимъ смѣйтесь“.

Въ томъ же письмѣ Анненковъ сообщаетъ о ходѣ своихъ работъ по біографіи Пушкина и по приготовленію къ изданію его сочиненій: „Работа моя, извѣстная вамъ, оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ я думалъ. Біографія подвигается медленно, что объясняется ея задачей — собрать свѣдѣнія о Пушкинѣ у современниковъ. Вы знаете, какая бываетъ бѣготня за современниками. Біографія Пушкина есть можетъ быть единственный литературный трудъ, въ которомъ гораздо болѣе разъѣздовъ и визитовъ, чѣмъ занятій и кабинетнаго сидѣнья. Мнѣ удалось уже отобрать письменныя свѣдѣнія у барона Корфа, Матюшкина, Комовскаго, Яковлева. Много еще обѣщаютъ впереди. Я писалъ отсюда къ Вельтману и С. Д. Полтарацкому, прося ихъ о сообщеніи исторій ихъ знакомства съ Пушкинымъ, особенно касательно Кишиневской и Одесской ея эпохъ, но отвѣтовъ еще не получалъ. Горько будетъ, если совсѣмъ не получу. П. А. Плетневъ, которому читалъ я первые листы біографіи, дѣлится своимъ добромъ весьма радушно, но есть еще человѣкъ, не сказавшій своего слова. Это вы, Михаилъ Петровичъ! Я зналъ въ Москвѣ,

что вы крѣпко заняты и стыдился просить васъ о постороннемъ дѣлѣ. На бумагѣ это дѣлается какъ-то легче, потому что бумага, вѣроятно, не краснѣетъ. Глубокое теплое воспоминаніе о Пушкинѣ, которымъ вы оканчиваете свое письмо, развязало мнѣ языкъ совсѣмъ. Ради Бога, сообщите о Пушкинѣ все, что вы хотѣли бы слышать сказаннымъ громко передъ Русской публикой; составьте записку вашу о Пушкинѣ и не бойтесь отдать ваши воспоминанія въ невѣрныя руки. Оцѣнить его заслуги, можетъ быть я не съумѣю, но въ способности понять этотъ удивительный характеръ—врядъ ли кому уступлю. Много и здѣсь я получилъ отъ друзей-непріятелей его странныхъ поминокъ, но въ самихъ разсказахъ ихъ превосходная личность Пушкина высказывается чрезвычайно ясно, на зло имъ. Все это я пишу вамъ, чтобъ нѣсколько убѣдить васъ въ способности моей разбирать матеріалы. Что касается до вашихъ сообщеній, то каждая ваша замѣтка, каждое число и каждый анекдотъ будутъ добро, благо и сущая драгоцѣнность для біографіи. Это не комплиментъ, а мое убѣжденіе".

Съ Д. В. Григоровичемъ Погодинъ состоялъ въ давнихъ сношеніяхъ, которыя не прекращались и въ 1852 году. Сохранившіяся письма его за это время о томъ свидѣтельствуютъ. 25 февраля 1852 года Д. В. Григоровичъ, изъ своего Каширскаго села Дулебино, писалъ Погодину: „Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, обѣщанное оффиціальное письмо; въ немъ найдете вы все нужное для оговорки касательно вторичнаго напечатанія моей повѣсти. Простившись съ вами, я поѣхалъ, какъ сказано было, къ Снегиреву, но къ несчастію, не засталъ его дома; а впрочемъ, былъ такой часъ, что онъ могъ легко и не принять меня. Это обстоятельство крайне было мнѣ непріятно, и я вѣроятно поѣхалъ бы къ нему, на рискъ,—вторично, еслибъ не завернулъ къ Арнольди. Вотъ что говорено было нами, между прочимъ: Арнольди, какъ вамъ не безъизвѣстно, хотѣлъ прежде печатать мои повѣсти; я передалъ ихъ вамъ. Узнавъ,

что въ это утро я былъ у васъ, онъ разспросилъ меня, что вы подѣлываете и какъ поживаете. Я сообщилъ ему ваши хлопоты, безпокойства (только разумѣется не на счетъ *Москвитянина*, — это было бы крайне *не политично* съ моей стороны), сообщилъ ему настоящіе труды ваши по исторической части, по музею, и т. д. Рѣчь зашла о печатаніи моихъ повѣстей, и я разсказалъ ему всѣ трудности и препятствія со стороны цензуры, т.-е. Снегирева. — Чего же лучше,—сказалъ онъ,—князь Львовъ закадычный другъ: два слова ему, — и дѣло въ шляпѣ; пусть Михаилъ Петровичъ передастъ только мнѣ печатаніе, и все поспѣетъ какъ по щучьему велѣнью. Если вамъ не противна такая мысль,— условія его вотъ какія: въ маѣ онъ выдастъ вамъ шестьсотъ руб. серебромъ, которые я получилъ отъ васъ впередъ,— и повѣсти поступятъ въ его распоряженіе на основаніи сдѣланнаго между мною и вами условія.—Если не такъ, то вы сдѣлаетесь между собою, какъ вамъ будетъ угодно;—я заранѣе на все согласенъ,—лишь бы повѣсти скорѣе вышли въ свѣтъ, хотя по крайней мѣрѣ первая часть. Арнольди человѣкъ вѣрный, и въ деньгахъ на него можно положиться болѣе, чѣмъ на весь Петербургъ и даже на часть Москвы..... Дайте мнѣ кончить мой неуклюжій романъ Краевскому, и я съ радостью протяну руку на пользу и здоровье вашего журнала. Борзописаніе просто одолѣваетъ меня съ нѣкоторыхъ поръ; чего кажется,—скука въ деревнѣ страшная, я ей-Богу не замѣчаю ее, до того усердно работаю. И то сказать, надо сорокъ печатныхъ листовъ къ сентябрю, не бездѣлица, а они должны быть готовы, il y va de mon honneur littéraire, а этимъ honneur я дорожу точно также какъ и другимъ. Прощайте покуда, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; если ваша милость будетъ, пришлите книжекъ какія обѣщали. Читалъ о-сю пору много вздора,—пора и уму-разуму поучиться. Прощайте еще разъ, будьте здоровы, да не забывайте преданнаго вамъ Григоровича. Увидите графиню

Островскаго и другихъ хорошихъ людей, скажите имъ, что очень сожалѣю, что не удалось съ ними повидаться".

Въ другомъ письмѣ Д. В. Григоровича къ Погодину мы читаемъ: „Послѣднее письмо ваше удивило меня, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; обвинять человѣка въ томъ, будто онъ *не хочетъ* отвѣчать, безъ всякой видимой причины, значитъ тоже, что обвинять его въ неделикатности. Такое обвиненіе стоитъ того, чтобы оправдаться. Послѣднія двѣ недѣли я находился въ отсутствіи,—а именно, былъ въ Каширѣ на выборахъ, это, прошу повѣрить, не доставило мнѣ удовольствія. Это обстоятельство,— кромѣ того что дало вамъ поводъ дурно обо мнѣ подумать, отняло у меня двѣ недѣли времени, тогда какъ въ настоящую минуту каждый день дорогъ. Я, какъ вамъ полагаю небезъизвѣстно, пишу теперь большой романъ въ *Современникъ*, онъ долженъ быть готовъ къ 15 декабря, никакъ не позже,—и я провожу двѣ трети дня въ работѣ, другую треть употребляю на перечитываніе того, что уже сдѣлано. Сдѣлано однакожъ очень еще мало. Работа идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало; я боленъ, разстроенъ душевно и физически; кромѣ того, меня сильно безпокоитъ мысль, что я не окончу своего труда къ назначенному сроку и тѣмъ самымъ причиню вредъ генварю, февралю и марту *Современника*, чего бы мнѣ никакъ не хотѣлось. Сколько ни бьюсь, никакъ не могу воздержаться отъ обѣщаній; самъ обыкновенно свяжу себя срокомъ,—а потомъ каюсь и воздыхаю. Сроки,—это кандалы писателя; для меня по крайней мѣрѣ это хуже всякой муки. Дайте мнѣ покончить, ради Бога, съ *Рыбаками*, и тогда, честное слово, напишу повѣсть въ *Москвитянинъ*. Уже есть и планъ и сюжетъ готовъ. Если хотите, можете объявить: *Пахарь*. Впрочемъ, страницы *Москвитянина* и безъ того теперь богаты. Послѣдняя книжка очень хороша... Счеты наши приведутся въ порядокъ какъ только повѣсть *Пахарь* будетъ напечатана въ вашемъ журналѣ. Всю зиму вплоть до января проживу въ деревнѣ,—это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ моего усердія къ

труду и привязанности къ Литературѣ. Поклонитесь пожалуйста Островскому, Григорьеву, Ростопчиной; всѣхъ трехъ я искренно люблю и душевно уважаю".

Сохранилось любопытное письмо Погодина къ Григорію Филипповичу Головачеву (23 января 1852) слѣдующаго содержанія: „Отвѣтъ мой къ вамъ, милостивый государь Григорій Филипповичъ, замедлился—какъ бы вы думали почему? Запамятовалъ часть вашего адреса, и пять разъ просилъ въ Типографіи справиться...... Во-первыхъ—прошу васъ покорнѣйше не употреблять никакихъ угрозъ ко мнѣ, ни прямо, ни косвенно. Я уже инвалидъ и издавалъ журналъ двадцать пять лѣтъ назадъ, когда вы еще вѣроятно не родились (говоря комплиментомъ для вашей супруги). Отъ роду никого не просилъ, никого не перезывалъ, не переманивалъ въ свой журналъ. Кто пожалуетъ—милости просимъ; кто не жалуетъ—широкая дорога, куда угодно. Во-вторыхъ,—не употреблять для сравненія Петербургскіе журналы. Давно уже, а въ послѣднее время не читалъ въ нихъ ничего, и не знаю, выше или ниже они стали. Я со всѣми порядочными Русскими литераторами презираю ихъ, и все, что до нихъ касается; цѣнимое ими высоко не ставлю въ грошъ и тому под. Господину Вонлярлярскому, который имѣлъ любезность познакомиться со мною, я очень радъ и благодаренъ, и предлагаю ему, самъ по себѣ, ту цѣну, которая предоставляется главнымъ сотрудникамъ *Москвитянина*, въ Отдѣленіи Русской Словесности, а именно двадцать пять рублей серебр. за листъ. Услышавъ о вашихъ отсовѣтованіяхъ г. Высотскому (котораго сочиненій я не видалъ и не печаталъ), признаюсь, я очень удивился и огорчился, о чемъ прямо вамъ и говорю".

XLI.

Издавая *Москвитянинъ*, Погодинъ получалъ въ разныя времена письма съ историческими актами и статьями отъ одного „уѣзднаго священника", изъ которыхъ у Погодина

„составилось выгодное понятіе о его дарованіяхъ и познаніяхъ“.

Этотъ „уѣздный священникъ“ былъ никто другой, какъ замѣчательный ученый, много пострадавшій въ своей жизни,— священникъ соборной церкви города Калязинъ отецъ Іоаннъ Белюстинъ.

Благодаря свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ его сыномъ, Николаемъ Ивановичемъ Белюстинымъ, мы имѣемъ возможность помянуть добрымъ словомъ сего труженика на нивѣ Божіей.

Родомъ Новгородецъ и питомецъ Новгородской Семинаріи, о. Іоаннъ Белюстинъ былъ щедро одаренъ духовными дарами, благодаря которымъ, „онъ превосходно владѣлъ древними языками: Греческимъ, Латинскимъ и Еврейскимъ, въ совершенствѣ зналъ Французскій и Англійскій, изучивъ послѣдніе во время священнослуженія въ селѣ“. Сынъ его, Николай Ивановичъ, „не помнитъ дня, когда бы отецъ его, по исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, находился гдѣ либо, кромѣ своего кабинета“.

Первымъ трудомъ о. Іоанна на поприщѣ Словесности было сочиненіе его, подъ заглавіемъ: *Религія и Наука*. Этимъ сочиненіемъ заинтересовался самъ митрополитъ Филаретъ, и оно представлено было Московскому владыкѣ профессоромъ Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкинымъ. Результатомъ этого представленія былъ вызовъ отца Іоанна къ Филарету, „пожелавшему лично познакомиться съ сочинителемъ“. Объ этомъ свиданіи мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія въ выпискѣ изъ *Дневника* о. Іоанна, сообщенной намъ Н. И. Белюстинымъ.

„Полный радостныхъ надеждъ“, — читаемъ въ этой выпискѣ, — „отправился я, 14 мая 1850 года, черезъ Тверь, въ Москву, куда прибылъ 16-го числа. Явиться къ преосвященному митрополиту назначено мнѣ 20-го числа, въ 6 часовъ вечера.

„Въ назначенное время являюсь, и, послѣ получасоваго ожиданія, представляюсь митрополиту. Онъ принялъ меня

въ гостинной, необыкновенно снисходительно и вѣжливо; два раза повторилъ, чтобъ я сѣлъ и говорилъ *вы*. Но это былъ сахаръ въ приправу пилюлѣ, которую предстояло проглотить мнѣ.

„Въ проповѣдяхъ моихъ и, особенно, въ сочиненіи онъ нашелъ много недостатковъ. Только странно: всѣ его замѣчанія были крайне нелогичны и пусты. Вотъ образецъ: Еврейскіе переписчики (сказано въ моемъ сочиненіи въ § о Хронологіи LXX) по сходству буквъ, могли принять одну букву, напримѣръ *и* за заинъ.

„Знаете вы Еврейскій языкъ?“ спросилъ митрополитъ, остановившись на этомъ.

— Немного знаю, отвѣтилъ я.

„Но буквы *и* въ Еврейскомъ языкѣ нѣтъ“.

— Ошибка писца,—нужно *гимель*.

„Скорѣе невѣдѣніе сочинителя. Кто былъ Буркеради?“

— Одинъ изъ ученѣйшихъ естествоиспытателей нашего вѣка.

„Не то,—на какомъ языкѣ писаны сочиненія?“

— На Англійскомъ.

„Названія его невѣрны“.

— Англійскія собственныя имена почти невозможно произнести вѣрно по Русски; сами Англичане одно и то же имя произносятъ различно; напримѣръ, Wellesley—Русскіе пишутъ Велеслей, а нужно выговаривать Визли, — такъ произносятъ нѣкоторые изъ Англичанъ, а другіе тоже самое выговариваютъ Вильзли.

Такихъ замѣчаній было сдѣлано до десяти. Наконецъ, митрополитъ сказалъ: „Это сочиненіе годится только для Франціи. Русскіе еще не дошли до этого. Не думаю, чтобы у васъ въ Калязинѣ были люди, мудрствующіе подобно Французскимъ антихристіанамъ“.

— Къ несчастію, они есть, особенно изъ молодыхъ...

„Но этихъ плевелъ такъ немного, что не стоитъ и хлопотать о нихъ“.

— Зло нравственное, какъ и болѣзнь физическую, нужно лечить въ началѣ, иначе...

„Все это мудрованія... Вашъ родственникъ *) просилъ меня дать вамъ мѣсто въ Москвѣ; скажите ему, что васъ съ такими мудрованіями къ себѣ принять не могу. Больше сказать мнѣ вамъ нечего; прощайте!“

Это свиданіе съ митрополитомъ Филаретомъ произвело на о. Іоанна удручающее впечатлѣніе и имѣло роковое вліяніе на всю послѣдующую судьбу его. „И такъ извратить“,—писалъ онъ по возвращеніи изъ Москвы,—„такъ превратно истолковать мои намѣренія самыя чистыя и правыя!.. О, ко всему готовъ былъ я; благодушно выслушалъ бы и самый отказъ въ перемѣщеніи меня въ Москву; но никакъ не ожидалъ, чтобы такъ зло наругались надъ дѣломъ добрымъ и святымъ, чтобы убили во мнѣ всякую надежду быть полезнымъ Вѣрѣ и Церкви. Сочиненіе не годится (и на основаніи пустѣйшихъ придирокъ); но нельзя же было не видѣть, что въ сочинителѣ есть ревность, толкъ, способность и—главное, энергія духа; дай другое направленіе его дѣятельности, укажи на путь болѣе прямой къ пользѣ и добру; по меньшей мѣрѣ, не оскорбляй его злымъ незаслуженнымъ приговоромъ...

„И никогда не плакалъ я такъ горько и больно, какъ оставивъ митрополита. Братъ утѣшалъ меня тѣмъ, что митрополитъ раздраженъ крайнимъ уничиженіемъ, которому подвергся вслѣдствіе Зыковской исторіи......

„Теперь, въ горькомъ раздумьѣ, спрашиваю себя: зачѣмъ же Господь вложилъ въ мою душу жажду знанія—ни какъ и ни чѣмъ неудовлетворимую? Зачѣмъ эта любовь къ наукѣ, доселѣ бывшая ангеломъ утѣшителемъ въ скорбяхъ и смутахъ жизни, а отселѣ уничтоженная и посрамленная долженствующая сдѣлаться демономъ мучителемъ? И какъ берегъ я, какъ лелѣялъ ее: считая лучшимъ даромъ неба, безцѣннѣйшимъ достояніемъ человѣка; а теперь, а теперь! И чтоже

*) Т.-е. Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ. *Н. Б.*

будетъ со мной, когда изъ сердца моего съ корнемъ вырваны всѣ свѣтлыя вѣрованія, всѣ святыя надежды?"

Свиданіе съ Филаретомъ долго не забывалось о. Белюстинымъ, и онъ еще въ 1854 году вспоминалъ о немъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Погодину: „Прежде всего,—позвольте предложить вамъ одну книгу, изъ нѣсколькихъ составленныхъ мною. Считаю не безполезнымъ сказать два-три слова о судьбѣ этой книги. Заниматься дѣломъ было всегда моею страстію; къ этому присоединилась и необходимость. Быстро возростало мое семейство, а мѣсто служенія моего доставляло самыя скудныя средства жизни. Въ такомъ положеніи дѣлъ пришло мнѣ на мысль, чего не приходитъ человѣку въ голову отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ, посредствомъ трудовъ своихъ вырваться изъ положенія—нерадостнаго въ настоящемъ и еще болѣе страшнаго въ будущемъ: написать сочиненіе, которое проложило бы мнѣ путь изъ Калязина въ Москву. И принялся я за дѣло. Сначала перевелъ сочиненіе *Jesus Christ devant le siécle*,—автора не упомню; оно показалось мнѣ неудовлетворительнымъ, поэтому, оставивъ какъ было первое отдѣленіе, началъ передѣлывать и дополнять второе и третье отдѣленія. Подъ конецъ—въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ остался лишь первоначальный планъ, все прочее принадлежало мнѣ. Сколькихъ это стоило трудовъ,—объ этомъ нѣтъ нужды говорить; дѣло скажетъ вамъ само за себя. На всякій случай я переписалъ его, хотя и считалъ далеко неоконченнымъ; но при этомъ имѣлъ въ виду показать его кому либо изъ нашихъ ученыхъ, чтобы услышать отъ нихъ,—можетъ ли пойти въ дѣло мой трудъ или нѣтъ; и, вслѣдствіе этого,—продолжать мнѣ его или нѣтъ.—Случай нашелся. Г. профессоръ Морошкинъ взялъ на себя трудъ представить мою книгу его высокопреосвященству митрополиту Филарету. Чего лучше? подумалъ я. Если мой трудъ окажется неудовлетворительнымъ, то, какъ *трудъ* усердный и благонамѣренный, удостоится вниманія такого великаго лица, и я безъ сомнѣнія буду имѣть счастіе услышать совѣты, что

съ нимъ сдѣлать для приведенія въ положеніе удовлетворительное; если окажется совсѣмъ негоднымъ, то по крайней мѣрѣ узнаю, на что лучше направить мнѣ свою дѣятельность. И поспѣшилъ отослать; а потомъ, услышавъ, что его высокопреосвященству угодно видѣть меня, поспѣшилъ и самъ въ Москву. Только не на радость себѣ спѣшилъ я. Вотъ приговоръ моему труду изъ устъ его высокопреосвященства: *все это мудрованія*! Ни вниманія, ни участія къ четырехлѣтнему тяжкому труду, который дорого обошелся мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, ни совѣта на будущее!.. Съ кѣмъ бывали подобные перевороты, тотъ пойметъ всю жгучую боль сердца при выслушаніи подобнаго приговора; однимъ словомъ, убиты, всѣ надежды на лучшее будущее, уничтожена даже возможность труда,—того труда, къ которому готовился я такъ долго и усердно, труда—на пользу Вѣры и Церкви... И теперь кровью обливается сердце, какъ вспомнишь эту минуту,—только минуты смертельной агоніи сравняются съ нею... Почему же однако *мудрованія*,—подумалъ я, когда возвратилась ко мнѣ возможность думать. Изъ трехъ возраженій его высокопреосвященства такое заключеніе вовсе не слѣдуетъ"...

Судя по сохранившимся письмамъ, сношенія Погодина съ о. Іоанномъ Белюстинымъ начались съ 15 Августа 1852 года. Все вышеизложенное вполнѣ поясняетъ то „подавленное состояніе", которое выражается въ письмахъ о. Іоанна; вмѣстѣ съ тѣмъ, письма эти указываютъ и на „великое значеніе того ободренія", которое оказалъ Погодинъ даровитому труженнику, „не нашедшему никакой поддержки въ ближайшей къ нему средѣ".

XLII.

Въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 1852 года, о. Іоаннъ Белюстинъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Одно изъ самыхъ сильныхъ моихъ желаній—читать издаваемый вами журналъ. Но, къ истинному горю моему,

у меня нѣтъ для этого другихъ средствъ, кромѣ собственныхъ трудовъ. Ихъ, послѣ долгой нерѣшимости, я и рѣшился предложить вамъ въ замѣнъ *Москвитянина*, если только такая мѣна можетъ быть не въ ущербъ ему. Изъ двухъ небольшихъ статей, которыя честь имѣю доставить вамъ, вы изволите усмотрѣть — годны или нѣтъ для васъ труды мои. Если годны, — чего отъ души желаю, то прошу васъ назначить—какое число листовъ нужно будетъ доставить за годъ *Москвитянина*,—за настоящій или прошедшій все равно, и я съ удовольствіемъ и радостью доставлю ихъ. Если будетъ угодно вамъ самимъ назначить — написать что либо для вашего журнала, — я буду готовъ немедленно исполнить ваше приказаніе. При этомъ честь имѣю предложить одно условіе,—ничтожное въ сущности, чрезвычайно важное для меня: чтобы подъ моими статьями не было выставляемо мое имя, и никто (а всего болѣе начальство мое) не зналъ о моихъ трудахъ".

Погодинъ не только исполнилъ это скромное желаніе о. Іоанна, но и согрѣлъ его душу теплымъ словомъ. Благодарный за это, о. Іоаннъ писалъ ему (1 окт. 1852): „Въ настоящее время, люди какъ-то извѣрились въ людскую благодарность. Произошло ли это вслѣдствіе того, что получившіе отъ другихъ добро не всегда помнили о святомъ долгѣ—воздавать тѣмъ же, по мѣрѣ собственныхъ силъ и средствъ; или произошло это отъ духа и направленія настоящаго времени, которое вѣритъ только тому, что видитъ, осязаетъ, и не вѣритъ словамъ, хоть бы они изливались изъ чистаго, глубокопризнательнаго сердца,—не знаю. Не знаю также, къ чему привела васъ ваша просвѣщенная опытность: къ вѣрѣ или невѣрію въ истинную признательность тѣхъ, которымъ вы изволили оказывать вниманіе и снисходительность. Не смотря на то, рѣшаюсь свидѣтельствовать вамъ свою искреннюю, глубокую, домогильную благодарность за снисходительное вниманіе, съ которымъ вы изволили принять письмо мое, отвѣчать на него и сдѣлать мнѣ даръ, неоцѣнимый для меня

Еслибъ даже я заранѣе зналъ, что вы изволите бросить, не читавши, письмо мое, гдѣ только одни слова благодарности и ничего — пока дѣла, — и тутъ я бы не усомнился послать это письмо. Да, не высказать вамъ, хотя въ двухъ-трехъ словахъ, своей признательности—полной и глубокой, выше силъ моихъ. И эти слова мои, думаю, не покажутся вамъ преувеличенными, когда скажу, что еще первый разъ въ жизни я имѣлъ счастіе услышать привѣтливыя слова, вызывающія на трудъ. Доселѣ,—смѣло могу сказать, потому что въ словахъ моихъ не будетъ и тѣни неправды, — я трудился не мало; скажу все,—трудился очень много, отдавалъ наукѣ все время, свободное отъ занятій своего служенія, даже большую часть времени, необходимаго для отдыха и покоя; и какъ-то все случилось, что кромѣ оскорбленій, нерѣдко самыхъ горькихъ, ничего не видалъ отъ трудовъ своихъ. И вдругъ, видѣть такое чудно-снисходительное вниманіе отъ васъ, котораго я, говорю передъ Богомъ и совѣстью, отъ самой глубины сердца всегда чтилъ и чту, какъ сильнѣйшаго двигателя особенно любимой мною науки; видѣть возможность—еще пожить наукой и для науки, и чрезъ это избавиться отъ тяжелаго, убійственнаго унынія, которое было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ столькихъ поруганныхъ трудовъ, — и послѣ этого ли я могъ не благодарить васъ? Примите жъ, милостивый государь, усерднѣйшую благодарность мою. Въ жизни человѣческой бываетъ время, когда для него безконечно благодѣтельнѣе нѣсколько словъ, чѣмъ цѣлыя бесѣды въ другое время. Именно таковыми были для меня ваши немногія строки. Одинъ Богъ видѣлъ и знаетъ все добро, — на цѣлую жизнь мнѣ добро, которое внесли они въ мою душу. И Онъ Самъ да воздастъ вамъ за него, потому что Онъ одинъ силенъ воздать за такое добро. Заслужить вашъ даръ употреблю всѣ силы. Не смѣю обѣщать пока многаго; но смѣю сказать, что буду трудиться для *Москвитянина*,—доколѣ перо не выпадетъ изъ рукъ или глаза не откажутся служить... Въ настоящее время, честь имѣю доставить коротенькую статейку, которая случилась

готовою. Съ этой и съ тѣми, которыя буду имѣть честь доставлять, да будетъ полная ваша воля: печатать или жечь— чего окажутся достойными. Объ одномъ еще осмѣливаюсь умолять васъ, чтобы вы изволили приказать увѣдомлять меня въ двухъ-трехъ словахъ о статьяхъ, удостоенныхъ печати,—и это единственно для того, чтобы я зналъ, что именно годно для вашего журнала, и не обременялъ васъ присылкою статей безполезныхъ [174]).

Въ *Москвитянинѣ* 1852 года, Погодинъ напечаталъ наблюденія отца Іоанна Белюстина надъ умирающими и при этомъ замѣтилъ: „Какой богатый, непочатый предметъ! Сколько сокровищъ окажется здѣсь для Психологіи, для Нравственной Статистики, для народовѣдѣнія, для размышленія. Одна простая, но вѣрная отмѣтка (смерть спокойная, боязливая, радостная, и т. п.) доставила бы пользу, а еслибъ прибавить еще нѣкоторыя замѣчанія, описанія разныхъ обстоятельствъ, воспоминанія, сравненія, какъ увеличилась бы цѣна подобныхъ извѣстій! Считаемъ обязанностію замѣтить, что лютѣйшій врагъ для статей этого рода есть риторика. Описывайте просто, что видите, не мудрствуя лукаво. Просимъ всѣхъ, кто можетъ, доставлять намъ свѣдѣнія, и усердно благодаримъ автора за первый опытъ“ [175]).

За тѣмъ, о. Белюстинъ представляетъ Погодину списокъ своихъ приготовленныхъ къ печати трудовъ: 1) Частныя наблюденія надъ умирающими: смерть Е. С. Заб... которая была въ числѣ фрейлинъ при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и которая была свидѣтельницей ея кончины и потомъ чуднаго видѣнія въ Тульскомъ соборѣ и которой я самъ закрылъ глаза; и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. 2) Теребенскій образъ св. Николая, его встрѣча въ Бѣжецкѣ и пр. 3) Тифонъ, бывшій въ 1743 г. въ Бѣжецкѣ и описанный очевидцемъ. 4) Монастыри и подвижники, бывшіе въ XIV и XV вв. въ Тверской губерніи и теперь совершенно забытые. 5) Сцены на станціяхъ: а) похвала, которая убила человѣка; б) Московскія сороки; в) бесѣда Кимряка и Калязинца и пр. и пр.

XLIII.

Защитивъ свою докторскую диссертацію *Ликургъ Аѳинскій*, М. М. Стасюлевичъ началъ преподаваніе Всеобщей Исторіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Въ тоже время онъ напечаталъ другое свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Защита Киманова мира*. Посылая это сочиненіе къ Погодину, Стасюлевичъ (17 марта 1852 г.) писалъ: „Препровождаю вамъ экземпляръ своего послѣдняго разсужденія и покорнѣйше прошу переслать отъ моего имени прилагаемые экземпляры Грановскому, Кудрявцеву и Леонтьеву, чѣмъ премного меня обяжете“. Въ то же время Стасюлевичъ писалъ Погодину: „Я имѣю замѣтки на счетъ лекцій Грановскаго, но не присылаю ихъ къ вамъ, по неизвѣстности, можно ли ихъ печатать. У насъ ходитъ слухъ, что эти лекціи запрещены цензурою“ [176]). Замѣтки эти были напечатаны Погодинымъ. Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, Стасюлевичъ писалъ: „Сдѣланныя нами замѣчанія нисколько не препятствуютъ намъ назвать словами нашего же профессора его чтенія *достойными вкладами Русской мысли и Русскаго слова*“ [177]).

Вступивъ на каѳедру Всеобщей Исторіи С.-Петербургскаго Университета, Стасюлевичъ задумалъ помѣщать въ Москвитянинѣ рядъ статей, подъ заглавіемъ: *Движеніе современной Исторической Литературы*, и по этому поводу писалъ Погодину: „Я обѣщалъ вамъ въ нынѣшнемъ году много статей, а пока написалъ только одну. Причина моей лѣни весьма извинительна, особенно въ вашихъ глазахъ. Я въ нынѣшнемъ году читаю въ первый разъ лекціи въ здѣшнемъ Университетѣ, а вамъ самимъ извѣстно, какого труда стоитъ это дѣло для новичка. Впрочемъ, мои новыя занятія навели меня на другой трудъ, результаты котораго я и хочу предложить вашему журналу. Слѣдя съ большою внимательностію за ходомъ новѣйшей Исторической Литературы за-границею и имѣя у себя подъ рукою всѣ журналы и заграничные сборники, я

дѣлаю изъ нихъ извлеченія. Эти-то извлеченія я думаю привести въ систему, дополнить собственною припискою важнѣйшихъ историческихъ произведеній и составить изъ всего того цѣлый рядъ статей. Имѣя такое предпріятіе въ виду, я и предлагаю вамъ на будущій годъ открыть отдѣлъ особый въ журналѣ подъ заглавіемъ: *Движеніе современной Исторической Литературы за-границею*. Другіе журналы пробовали открывать у себя такіе отдѣлы, но все это кончалось одной или много двумя статьями. Можно, конечно, помѣщать подобныя статьи по временамъ, но въ такомъ случаѣ онѣ не будутъ характеризовать журнала; а имѣя особый отдѣлъ, онѣ составляютъ цѣлое, нелишенное интереса, при потребности общей слѣдить за движеніемъ наукъ и при невозможности подобной работы для людей неспеціальныхъ".

Къ участію въ *Москвитянинѣ* Погодинъ желалъ привлечь друга всѣхъ Славянофиловъ, Александра Николаевича Попова. На упреки Погодина въ равнодушіи къ *Москвитянину*, Поповъ, оправдываясь, писалъ: „Вполнѣ заслужилъ вашъ упрекъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, и не оправдываюсь. Я давно долженъ былъ прислать что-нибудь въ *Москвитянинъ*. Впрочемъ, не лѣнь останавливала меня, но другія работы; а болѣе, суеты и хлопоты не давали возможности ничего окончить что ни начиналъ писать и приготовить къ печати. Матеріаловъ много, довольно и начатыхъ или начерно набросанныхъ работъ; но надо нѣсколько свободнаго времени, чтобы привести въ порядокъ начатое и окончить. Надѣюсь на лѣто, которое, кажется, могу провести поспокойнѣе. Теперь приготовляю большую статью для Аксакова, которому давно обѣщалъ, а въ слѣдъ за ней примусь работать и для *Москвитянина*. Присоедините къ этому работы по Академіи, Археологическому Обществу, Географическому, и вы не укорите меня въ лѣни. *Москвитянину* посовѣтовалъ бы не дробить ученыхъ статей, какъ онъ сдѣлалъ, напримѣръ, съ статьею Волкова. Такое дробленіе лишаетъ статью интереса; ея самостоятельное достоинство, какое бы ни было, расплывается въ общемъ по-

токѣ журнальнаго слова. Это послѣднее слово, которое вообще такъ широковѣщательно въ нашей современной Литературѣ, не мѣшало бы сдерживать. Вѣдь оно, собственно говоря, пустословіе. Въ *Москвитянинѣ* же, не могу умолчать, оно слишкомъ много занимаетъ мѣста, такъ что не оставляетъ или оставляетъ незначительное для ученыхъ статей, особенно на Русскую Исторію, которыхъ почти вовсе не нахожу, и врывается въ критику. Критика у насъ всего важнѣе въ настоящее время. Мало правильнаго сужденія о книгѣ, высказаннаго въ немногихъ словахъ и болѣе намекахъ, понятныхъ для спеціалиста и вовсе недоступныхъ для большинства читателей; вовсе безполезны критики въ видѣ перечня, какъ пишутся въ *Москвитянинѣ* о журналахъ; стоитъ ли перечитать то, что вовсе не стоитъ ни счету, ни почету. Гораздо полезнѣе было бы помѣщать разборы цѣльные, серьезные въ началѣ года всей журналистикѣ за прошлый годъ, по отдѣламъ. Впрочемъ, пишу это потому что вы позволяете совѣтовать, я самъ не считалъ бы себя въ правѣ, до тѣхъ поръ пока на дѣлѣ не покажу участіе въ вашемъ журналѣ".

Дѣятельность молодаго ученаго (тогда еще студента) Н. С. Тихонравова, была такъ сказать, двоякая: педагогическая и ученая. Погодинъ ввѣрилъ ему обученіе сына своего Дмитрія.

О педагогической дѣятельности Тихонравова, мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 18 сентября 1852 года, слѣдующую странную запись: „О Тихонравовѣ, который говорилъ гадости и похабства съ Митей. Кто бы могъ предполагать"!

Но не педагогическая дѣятельность была для Тихонравова магнитомъ, влекшимъ его на Дѣвичье поле. Онымъ магнитомъ, было для него Погодинское Древлехранилище. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Тихонравовъ отдаетъ отчетъ Погодину объ обученіи его сына, онъ писалъ ему и слѣдующее: „Буду просить васъ теперь о собственныхъ дѣлахъ; нельзя ли мнѣ разсмотрѣть всѣ имѣющіяся у васъ рукописныя Евангелія? Ожидаю отвѣта, какимъ образомъ это можно сдѣлать" [178]).

Въ то же время Тихонравовъ изучалъ жизнь и творенія Ломоносова и напечаталъ въ *Москвитянинѣ*, найденное имъ въ одномъ старомъ журналѣ сочиненіе Ломоносова: *Судъ Россійскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ Грамматики представленныхъ* [179]).

И Тихонравову приходилось жаловаться Погодину на неисправность его корректоровъ. „Потрудитесь",—писалъ онъ,— „взглянуть, какъ безбожно напечатано сочиненіе Ломоносова, мною доставленное. Что это такое? За первой страницей слѣдуетъ пустая, а тамъ вторая... и только цифры на верху служатъ путеводителями въ этомъ хаосѣ. Извѣстно, что есть много читателей, которые не смотрятъ на верхушки... и *Москвитянинъ*, вмѣсто того чтобъ угодить читателямъ новымъ сочиненіемъ Ломоносова, окажетъ послѣднему самую дурную услугу. Это въ одномъ случаѣ. А съ другой стороны, читатели *верхушекъ* поглумятся только надъ странной ариѳметикой и провозгласятъ, что при всемъ добромъ желаніи не могли понять въ статьѣ ни слова. Увидите, что мои слова сбудутся. Петербургскіе журналы всякой добычѣ рады. Сдѣлайте одолженіе, дайте хорошій урокъ корректору и *пресѣките зло въ самомъ корнѣ*. Вы говорите, что Египетская казнь, насланная на пишущихъ въ Москвѣ, но вѣдь и Египетскія казни имѣли временныя остановки, а наконецъ и вовсе прекратились. Неужели вы не можете смягчить разгнѣванное божество?"

Въ томъ же письмѣ Тихонравова читаемъ: „Послѣ экзамена я намѣренъ особенно заняться Карамзинымъ и къ ноябрю приготовлю вамъ статейку. Между прочимъ я положительно знаю, что въ *Письмахъ Русскаго Путешественника* есть дословный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сочиненія одного Нѣмца. Вы можетъ быть помните, что въ послѣдній разъ я взялъ у васъ старинную брошюру о свадебныхъ обрядахъ. Она показалась такъ любопытною Буслаеву, что онъ совѣтуетъ ее перепечатать и проситъ для *Архива* Калачева, потому что тамъ преимущественно собираются такого рода матеріалы. *Москвитянинъ* такъ богатъ подобными матеріалами

ожидающими обнародованія, что потеря небольшой брошюры ему ничего не будетъ стоить, а статья будетъ къ тому же въ спеціальномъ сборникѣ, стало быть доступнѣе для тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Тихонравовъ доставилъ Погодину переводъ сочиненія профессора Московскаго Университета Іоанна-Генриха Фроманна: *Очеркъ состоянія литературы и искусствъ въ Россійской имперіи* (Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico). „Фроманнъ“,—писалъ Тихонравовъ Погодину,—„былъ первымъ по времени профессоромъ Московскаго Университета. Въ его очеркахъ есть кое какія извѣстія о Московскомъ Университетѣ, Шуваловѣ, диспутахъ университетскихъ и проч.“ [180]).

Мы уже знаемъ о стремленіи Погодина знакомить чрезъ *Москвитянинъ* Русскихъ съ Россіею, а потому требованія его отъ своихъ корреспондентовъ были самыя желанныя. Такъ, по поводу словъ одного изъ своихъ корреспондентовъ (изъ Егорьевска, Рязанской губерніи): *всѣмъ извѣстна жизнь въ уѣздныхъ городахъ*, Погодинъ замѣтилъ: „Нѣтъ, не извѣстна. Разскажите намъ жизнь чиновника, купца, мѣщанина хозяина, наемщика, батрака, съ утра до вечера, съ его занятіями, удовольствіями, горестями, желаніями, надеждами, что онъ ѣстъ, чѣмъ лакомится, какъ проводитъ время отдохновенія; разскажите намъ объ ихъ дѣтяхъ и воспитаніи—и мало ли что разсказать можно объ уѣздномъ и губернскомъ городѣ живо, занимательно, поучительно, вмѣсто несносныхъ баловъ, утомительныхъ концертовъ и скучныхъ праздниковъ. Умѣйте только всматриваться, вдумываться и разсказывать“.

XLIV.

Москвитянинъ въ 1853 году выступилъ при самыхъ неблагопріятныхъ для жизни журнала условіяхъ. Самъ Погодинъ заявлялъ: „Шестинедѣльная (въ ноябрѣ и декабрѣ 1852 г.) отлучка редактора *Москвитянина* въ С.-Петербургъ, для сдачи

своего Древлехранилища, а потомъ наступившіе праздники Рождества Христова, были причиною, что послѣднія двѣ книги журнала за 1852 годъ и первая на 1853 годъ запоздали своимъ выходомъ въ свѣтъ. Извиняемся въ этой медленности предъ нашими читателями и удостовѣряемъ ихъ, что усиленными мѣрами въ трехъ типографіяхъ, остановка эта почти уничтожена, и выходъ книжекъ *Москвитянина* будетъ своевременнымъ".

Кромѣ упомянутой неисправности, *Москвитянину* въ это время давелось испытать и цензурныя непріятности. Въ іюльской книжкѣ этого журнала была напечатана повѣсть неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ *Деревенская интрига*, которую цензура признала „довольно неприличною въ нравственномъ отношеніи" [181]).

Недоброжелательствуя *Москвитянину*, И. И. Панаевъ, пользуясь этимъ случаемъ, напечаталъ въ *Современникѣ*: „*Москвитянинъ* журналъ болѣе веселый; его можно даже назвать журналомъ сюрпризовъ, нечаянностей. Лучшія произведенія Писемскаго печатались на его страницахъ, повѣсти Григоровича, превосходный разсказъ Мельникова, лучшая повѣсть Михайлова—и рядомъ съ ними или черезъ книжку, такого рода сочиненія, которыя невольно приводятъ въ изумленіе... Не то, чтобы своею посредственностію: безъ посредственности не обходится ни одинъ журналъ и посредственность никого не изумляетъ... нѣтъ!.. а какъ бы выразиться? Совершеннымъ отсутствіемъ того, что даетъ статьѣ право на помѣщеніе въ журналѣ, на ея напечатаніе. Къ такимъ сюрпризамъ принадлежитъ повѣсть, подъ названіемъ *Деревенская интрига*" [182]).

Въ заграничныхъ извѣстіяхъ *Москвитянина* 1853 года было напечатано: „Христіанъ Островскій издалъ *Славянскія письма*, книгу, съ одностороннимъ взглядомъ; она не обратила на себя большого вниманія Парижской публики".

Эти три строчки чуть не подняли цензурную бурю. Чиновникъ порученій Волковъ счелъ долгомъ довести объ этомъ

до свѣдѣнія А. С. Норова. „Это кажется намъ“,—писалъ онъ,—большой промахъ со стороны Редакціи *Москвитянина*... Надо полагать, что редакторъ *Москвитянина* не зналъ содержанія этой книги, а то, конечно, онъ не помѣстилъ бы на страницахъ своего журнала извѣстія о *Славянскихъ письмахъ*“. По мнѣнію же цензора, „сочиненія о Россіи Фурнье, Кюстина, Головина, Тургенева, Герцена и другихъ имъ подобныхъ, ни что въ сравненіи съ книгою Островскаго. Кромѣ того, что *Славянскія письма* его направлены съ какою-то ожесточенною злобою противъ Россіи; кромѣ того, что онѣ наполнены гнусною клеветою на наше правительство, въ нихъ есть много оскорбительнаго для самаго государя императора и его царственныхъ предковъ“; а потому, заключаетъ цензоръ, „о таковой книгѣ не слѣдовало бы, кажется, говорить въ Русскомъ журналѣ“.

По поводу этого донесенія, Норовъ сдѣлалъ предложеніе попечителю Московскаго Учебнаго Округа: потребовать отъ Редакціи *Москвитянина* свѣдѣніе о томъ, была ли книга Островскаго въ Редакціи или же откуда заимствовано вышеупомянутое о ней извѣстіе.

24 ноября 1853 года, Назимовъ отвѣчалъ: „На предложеніе вашего превосходительства имѣю честь увѣдомить, согласно доставленному нынѣ ко мнѣ редакторомъ *Москвитянина* дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Погодинымъ письменному отзыву, что книги Христіана Островскаго въ Редакціи не имѣлось, а извѣстіе объ изданіи ея въ Парижѣ заимствовано изъ *Gournal des Debats*, 26 guillet. Неблагопріятный отзывъ объ ней заимствованъ изъ какого-то другаго Французскаго журнала; приведенъ же этотъ отзывъ въ *Москвитянинѣ* для доказательства, что даже иностранные журналы осуждаютъ Польскія выходки“.

На этомъ, кажется, въ данномъ случаѣ и успокоились.

Исцѣлившись отъ тяжкой болѣзни, князь П. А. Вяземскій, зиму 1853 года проживалъ въ Дрезденѣ. „Я также“,—писалъ А. Я. Булгаковъ,—„имѣю свѣжія вѣсти отъ князя Петра

своего Древлехранилища, а потомъ наступившіе праздники Рождества Христова, были причиною, что послѣднія двѣ книги журнала за 1852 годъ и первая на 1853 годъ запоздали своимъ выходомъ въ свѣтъ. Извиняемся въ этой медленности предъ нашими читателями и удостовѣряемъ ихъ, что усиленными мѣрами въ трехъ типографіяхъ, остановка эта почти уничтожена, и выходъ книжекъ *Москвитянина* будетъ своевременнымъ".

Кромѣ упомянутой неисправности, *Москвитянину* въ это время давелось испытать и цензурныя непріятности. Въ іюльской книжкѣ этого журнала была напечатана повѣсть неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ *Деревенская интрига*, которую цензура признала „довольно неприличною въ нравственномъ отношеніи" [181]).

Недоброжелательствуя *Москвитянину*, И. И. Панаевъ, пользуясь этимъ случаемъ, напечаталъ въ *Современникѣ*: „*Москвитянинъ* журналъ болѣе веселый; его можно даже назвать журналомъ сюрпризовъ, нечаянностей. Лучшія произведенія Писемскаго печатались на его страницахъ, повѣсти Григоровича, превосходный разсказъ Мельникова, лучшая повѣсть Михайлова—и рядомъ съ ними или черезъ книжку, такого рода сочиненія, которыя невольно приводятъ въ изумленіе... Не то, чтобы своею посредственностію: безъ посредственности не обходится ни одинъ журналъ и посредственность никого не изумляетъ... нѣтъ!.. а какъ бы выразиться? Совершеннымъ отсутствіемъ того, что даетъ статьѣ право на помѣщеніе въ журналѣ, на ея напечатаніе. Къ такимъ сюрпризамъ принадлежитъ повѣсть, подъ названіемъ *Деревенская интрига*" [182]).

Въ заграничныхъ извѣстіяхъ *Москвитянина* 1853 года, было напечатано: „Христіанъ Островскій издалъ *Славянскія письма*, книгу, съ одностороннимъ взглядомъ; она не обратила на себя большого вниманія Парижской публики".

Эти три строчки чуть не подняли цензурную бурю. Чиновникъ порученій Волковъ счелъ долгомъ довести объ этомъ

до свѣдѣнія А. С. Норова. „Это кажется намъ“,—писалъ онъ,—большой промахъ со стороны Редакціи *Москвитянина*... Надо полагать, что редакторъ *Москвитянина* не зналъ содержанія этой книги, а то, конечно, онъ не помѣстилъ бы на страницахъ своего журнала извѣстія о *Славянскихъ письмахъ*“. По мнѣнію же цензора, „сочиненія о Россіи Фурье, Кюстина, Головина, Тургенева, Герцена и другихъ имъ подобныхъ, ни что въ сравненіи съ книгою Островскаго. Кромѣ того, что *Славянскія письма* его направлены съ какою-то ожесточенною злобою противъ Россіи; кромѣ того, что онѣ наполнены гнусною клеветою на наше правительство, въ нихъ есть много оскорбительнаго для самаго государя императора и его царственныхъ предковъ“; а потому, заключаетъ цензоръ, „о таковой книгѣ не слѣдовало бы, кажется, говорить въ Русскомъ журналѣ“.

По поводу этого донесенія, Норовъ сдѣлалъ предложеніе попечителю Московскаго Учебнаго Округа: потребовать отъ Редакціи *Москвитянина* свѣдѣніе о томъ, была ли книга Островскаго въ Редакціи или же откуда заимствовано вышеупомянутое о ней извѣстіе.

24 ноября 1853 года, Назимовъ отвѣчалъ: „На предложеніе вашего превосходительства имѣю честь увѣдомить, согласно доставленному нынѣ ко мнѣ редакторомъ *Москвитянина* дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Погодинымъ письменному отзыву, что книги Христіана Островскаго въ Редакціи не имѣлось, а извѣстіе объ изданіи ея въ Парижѣ заимствовано изъ *Gournal des Debats*, 26 guillet. Неблагопріятный отзывъ объ ней заимствованъ изъ какого-то другаго Французскаго журнала; приведенъ же этотъ отзывъ въ *Москвитянинѣ* для доказательства, что даже иностранные журналы осуждаютъ Польскія выходки“.

На этомъ, кажется, въ данномъ случаѣ и успокоились.

Исцѣлившись отъ тяжкой болѣзни, князь П. А. Вяземскій, зиму 1853 года проживалъ въ Дрезденѣ. „Я также“,—писалъ А. Я. Булгаковъ,—„имѣю свѣжія вѣсти отъ князя Петра

Андреевича изъ Дрездена. Онъ сдѣлался совершенно Вяземскимъ всегдашнихъ временъ: милъ, веселъ, уменъ“ [183]).

Актомъ выздоровленія его было чудное произведеніе его *Масленица на чужой сторонѣ*, произведшее въ Россіи такое ободряющее и освѣжающее впечатлѣніе:

> Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
> Изъ серебряной парчи!
> На тебѣ горятъ алмазы,
> Словно яркіе лучи... и проч. [184]).

Стихотвореніе это князь П. А. Вяземскій отправилъ въ Варшаву къ П. А. Муханову, который 9 марта 1853 года, писалъ Погодину: „Князь Вяземскій прислалъ изъ Дрездена прекрасные стихи *Масленица на чужой сторонѣ*, но печатать нельзя, кое-что и много противъ Нѣмцевъ“. Но списокъ съ этого стихотворенія П. А. Мухановъ отправилъ къ С. А. Соболевскому, въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Погодинъ обратился къ Соболевскому съ просьбою о дозволеніи напечатать это стихотвореніе въ *Москвитянинѣ*. На эту просьбу Соболевскій отвѣчалъ: „Не могу ни разрѣшить, ни запретить печатаніе стиховъ Вяземскаго. Ибо: они мнѣ присланы не отъ автора, а изъ Варшавы, совершенно постороннимъ лицомъ, *comme domaine publipue*. Но дамы имѣютъ права, которыхъ нашъ братъ, мужчина, имѣть не можетъ; а посему и совѣтую вамъ обратиться къ графинѣ Ростопчиной; она, кажется, возьмется дать вамъ надлежащее разрѣшеніе. Мнѣ же остается обратить ваше вниманіе на слѣдующее: *Ну, а если въ послѣдствіи выйдетъ, что-нибудь непріятное для автора?* Разрѣшеніе графини врядъ ли очиститъ васъ въ моральной отвѣтственности противъ князя“. Въ тоже время изъ Петербурга (25 марта 1853 г.) А. Ѳ. Бычковъ пишетъ Погодину: „Вяземскій изъ-заграницы прислалъ превосходное стихотвореніе на Нѣмцевъ, за что ему большое спасибо“. Въ томъ же письмѣ Бычкова читаемъ: „Мы въ восторгѣ отъ *Мертвыхъ Душъ* Гоголя и первая глава съ началомъ второй читается всѣми съ жадностію. Много меня одолжили бы, если можно

было бы вамъ безъ большихъ хлопотъ прислать ко мнѣ списокъ того, что сохранилось отъ втораго тома".

Получивши экземпляръ *Масленицы*, Погодинъ доставилъ его А. Я. Булгакову, который съ благодарностію писалъ ему: „Чувствительно васъ благодарю, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за постоянную вашу обо мнѣ память. *Масленицу* я уже имѣлъ, но такъ какъ два экземпляра лучше одного, то беру смѣлость не возвращать вамъ присланный мнѣ гостинецъ. Не будь тутъ даже рѣчи *о Вяземскомъ* (пряникъ *однофамилецъ)*, то все-таки всякій угадаетъ имя автора".

Въ томъ же письмѣ Булгаковъ сообщаетъ: „Я получилъ вчера отъ Вяземскаго свѣжее и милое письмо все изъ Дрездена еще, онъ посылаетъ мнѣ стихи, только-что имъ написанные. Сюжетъ: воспоминаніе объ Арзамасѣ (извѣстномъ вамъ Обществѣ) *8 января 1853 года* *). Это смѣсь глубокомыслія съ шуточками. По желанію князя П. А. Вяземскаго, я сообщу это письмо его С. П. Шевыреву, ежели успѣю, сегодня же или завтра. Вдохновеніе возвращается къ нашему любезному поэту, и намъ будетъ посылать изъ Дрездена прекрасные стихи, въ такомъ же изобиліи, какъ золото изъ Калифорніи".

Шевыревъ, получивъ упоминаемое письмо, писалъ Погодину: „Радуюсь, что удѣльные князья всѣ по мѣстамъ. Посылаю тебѣ два стихотворенія князя Вяземскаго *8-го января* и *Масленицу*. Напечатай оба. Первое же напечатала графиня Блудова особенно и разсылаетъ въ маломъ количествѣ экземпляровъ. *Масленицу* можно напечатать безъ имени. Всѣ догадаются. Если будешь печатать, то корректуру доставь ко мнѣ—и не вели печатать, пока я не подпишу" [185]).

Достойно замѣчанія, что *Масленица* была напечатана не въ *Москвитянинѣ*, а въ *Отечественныхъ Запискахъ* [186]).

---

*) Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1887, XI, 22, 26.

Арзамасскій товарищъ князя П. А. Вяземскаго, С. П. Жихаревъ началъ печатать въ *Москвитянинѣ* 1853 года *Дневникъ Студента* 1805—1807 г. Въ примѣчаніи къ нему мы читаемъ: „*Записки Современника* остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Борятинскаго. Онѣ писаны близкимъ его родственникомъ, съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою, до самой своей кончины. Князь Борятинскій, еще при жизни своей, успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти Записки, и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ. Эти дневники, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Не мое дѣло судить о степени теперешней ихъ занимательности: ибо самое занимательное въ нихъ уничтожено; но мнѣ кажется, что и въ настоящемъ видѣ они не лишены интереса, который по мѣрѣ продолженія записокъ возрастаетъ, точно также, какъ возрастаетъ неопытный, откровенный и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнію и ея превратностями".

По поводу печатанія этого *Дневника*, у Погодина съ С. П. Жихаревымъ завязалась интересная переписка. Еще до появленія въ печати *Дневника*, С. П. Жихаревъ писалъ Погодину: „Препровождаю къ вамъ продолженіе болтовни нашего Студента. Переписываю ее на свободѣ; я начинаю припоминать многія обстоятельства, которыхъ въ *Дневникѣ* не нахожу и поэтому заключаю, что уничтожено много кой-чего такого, что могло бы теперь имѣть нѣкоторый интересъ, какъ-то: описаніе кончины и похоронъ Х. А. Чеботарева,

ниверситетскія преданія о Костровѣ, въ комнатѣ котораго илъ незабвенный Буринскій (въ старой бакалавріи), мноество анекдотовъ, разсказанныхъ разными лицами (въ особенности объ императрицѣ Екатеринѣ II) и вообще городкихъ сплетней. Объ этомъ уничтоженіи рѣшительно подверждалъ мнѣ пасынокъ покойнаго брата, докторъ Бензенгръ, оторому достались всѣ его бумаги послѣ матери и который ередалъ мнѣ мои записки, приведенныя братомъ въ настоящій орядокъ. Бензенгръ, находится теперь здѣсь практикантомъ. Іри перепискѣ *Дневниковъ* я имѣлъ девизомъ: *ни къ симъ риложити, ни отъ сихъ отойти*. Въ нихъ не прибавлено не убавлено ни одного слова. Если вы намѣрены напечаать ихъ всѣ, или частію, въ *Москвитянинѣ*, то это совеенно будетъ зависѣть отъ васъ *съ однимъ условіемъ*: выкиывать все, что вамъ не по нраву, а главное: не печатать меопатическими пріемами, потому что *Дневника Студента* тается еще почти столько же, а *Дневникъ Чиновника* заючаетъ въ себѣ около двѣнадцати лѣтъ; не смотря на всѣ ключенія, которыя вы *обязаны* будете сдѣлать изъ этой ебедени, ее хватитъ вамъ лѣтъ на шесть, не говоря уже *Запискахъ Сановника*. Если же бы вы не захотѣли отягоать ими вашего журнала, то, пожалуйста, возвратите, потому го переписка вновь затруднительна, а подлиннаго мануcкрипта, оставшагося послѣ брата, съ его примѣчаніями, мнѣ потреблять не хочется".

Письмо свое Жихаревъ заключаетъ пожеланіемъ возожныхъ успѣховъ Погодину „на пользу наукъ и бѣдной ашей литературы, сдѣлавшейся добычею сухосердечныхъ и езсердечныхъ, мелкодушныхъ и бездушныхъ спекулянтовъ".

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Погодинъ, между прочимъ, писалъ Жихареву: „Въ слабый знакъ благодарности, прошу принять отъ меня билетъ на полученіе *Москвитянина*, коорый украсится вашими воспоминаніями". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іогодинъ писалъ ему: „За собраніе вашихъ бумагъ въ триадцати фоліантахъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ

Записками, для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, по усмотрѣнію, пятьсотъ рублей сер. представить готовъ съ величайшимъ удовольствіемъ, кому вы назначите. Впрочемъ, такъ ли я понялъ ваше благосклонное предложеніе? Въ случаѣ малѣйшаго недоразумѣнія, прошу покорнѣйше меня извинить и вразумить".

Изъ письма Жихарева (17 января 1853 г.) мы узнаемъ, что всѣ тринадцать фоліантовъ, съ нѣсколькими приложеніями, были имъ немедленно же отправлены къ Погодину, къ которому онъ также писалъ: „Вы одни на Святой Руси будете извлекать изъ нихъ пользу: я радъ, что они достаются вамъ". Въ тоже время Жихаревъ предъувѣдомлялъ Погодина, что „*Дневникъ Чиновника* много занимательнѣе". Далѣе, Жихаревъ пишетъ Погодину: „Сборники мои отдали вамъ за пятьсотъ р. сер., а Записками Студента, Чиновника и Сановника кланяюсь безмездно (*туне пріясте, туне дадите*)". Письмо свое Жихаревъ заключаетъ: „Будьте здоровы, на радость добрымъ людямъ, любящимъ Русь и на укоръ литературнымъ умникамъ. Вы *Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе*".

Переговоры Погодина съ Жихаревымъ кончились тѣмъ, что первый, подъ 26 февраля 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Жихаревъ проситъ денегъ взаемъ: ну, вотъ, накликалъ еще должника".

Дневникъ Студента, при своемъ появленіи, обратилъ на себя всеобщее вниманіе и произвелъ прекрасное впечатлѣніе. „Вы не повѣрите",—писалъ Погодину П. А. Плетневъ,—„какъ я интересуюсь и дорожу вашимъ журналомъ. Но еще никогда не былъ я такъ восхищенъ имъ, какъ читая *Дневникъ Студента*. Что за гибкость ума, что за богатство воззрѣній, какая наблюдательность, какая тонкость, и какой во всемъ вкусъ! А языкъ-то Русскій—вотъ онъ каковъ бы долженъ былъ остаться! А мы куда съ нимъ съѣхали! Замѣтили ли вы, что тутъ есть страницы съ увлекательностію и обиліемъ картинъ Гоголя, съ игривостію и остроуміемъ Пушкина, съ религіозностію и моралью Жуковскаго; а вездѣ прелесть,

грація и отдѣлка Карамзина. Да что же это за князь Борятинскій? Куда онъ пропалъ безъ слѣда? Господи Боже мой! Какъ и сравнивать его съ почтеннымъ Тимковскимъ? Одинъ лучшій ученикъ семинаріи, а другой туристъ, вывезшій все богатство знаній салоновъ изъ Парижа, Лондона, Вѣны и Геттингена. Вы продолжаете побранивать меня за то, что не пишу для *Москвитянина*. Да какой же я съ тѣхъ поръ литераторъ, какъ взялъ отставку отъ *Современника*? Что же и для кого писалъ я въ послѣднее десятилѣтіе?"

Въ томъ же духѣ отозвался объ этомъ произведеніи Жихарева и В. И. Панаевъ: „Вчера, разрѣзывая третью книжку *Москвитянина*, я остановился на Запискахъ Студента. Что за прелесть разсказа, что за слогъ! Ради Бога, увѣдомьте меня, кто этотъ малый, умный человѣкъ? Гдѣ онъ теперь? Живъ ли? Послѣдній вопросъ произношу со страхомъ, потому, что такъ бы хотѣлось обнять его"!

Чтеніе *Дневника Студента* пробудило въ М. А. Дмитріевѣ живое воспоминаніе о прошломъ. „Въ третьей книгѣ *Москвитянина*",—писалъ онъ,—„меня восхитили Записки Студента! Я не могъ оторваться отъ чтенія! Хотя я началъ знать Москву годами четырмя позже этаго времени, но вообразите, что я за этимъ чтеніемъ пережилъ вновь все прежнее, потому что большую часть людей зналъ, и многихъ видѣлъ тутъ, какъ въ зеркалѣ! Я подписалъ имена, отчества и фамиліи тѣхъ, которые означены только заглавными литерами; и наконецъ расхохотался, узнавши Николая Алексѣевича Дурасова, съ его хвастовствомъ, съ его *подлинными* словами, *дрянь-съ*, которыя я тысячу разъ слышалъ!—А какой прекрасный, чистый, простой и красивый слогъ разсказа! Если будете ко мнѣ писать, сдѣлайте одолженіе, напишите мнѣ имя, отчество и фамилію этого студента. Да зачѣмъ вы скрыли и его имя, и имена другихъ лицъ; напримѣръ: главнокомандующаго Беклешова, бригадира Мельгунова (Степана Григорьевича), котораго я тоже зналъ, и многихъ! — Дурасовъ — родной дядя графини Закревской, Аграфены Ѳедо-

ровны. Племянница расхохочется, если прочитаетъ о дядюшкѣ“ [187]).

Товарищъ Жихарева по Арзамасу, Ф. Ф. Вигель, въ своей сатирѣ, написанной въ сентябрѣ 1853 года, пишетъ къ своему пріятелю въ Симбирскъ: „Прочиталъ ли ты, любезный другъ, въ послѣднихъ нумерахъ *Москвитянина* любопытный *Дневникъ Студента*, писанный въ 1805 и 1806 годахъ. Не знаю, можно ли умнѣе, забавнѣе и вѣрнѣе изобразить тогдашнее состояніе Москвы. Любо читать то, что пишетъ онъ о широкомъ, роскошномъ и вмѣстѣ неприхотливомъ и неразорительномъ житьѣ послѣднихъ бояръ. Въ тоже время съ какимъ подобострастіемъ, говоритъ онъ о Нѣмцахъ, объ ихъ умѣ и знаніи! Какъ о важномъ дѣлѣ толкуетъ онъ о прибытіи изъ Петербурга Нѣмецкой труппы, на представленія которой изъ порядочныхъ людей тамъ никто не ѣздилъ, а въ которой Москвичи увидѣли ниспосланную имъ благодать“ [188]).

XLVI.

М. А. Дмитріевъ своими трудами продолжалъ участвовать въ *Мовквитянинѣ* и въ 1853 году.

16 марта этого года, онъ писалъ Погодину, изъ своего Сызранскаго села Богородскаго: „Нынче древніе у насъ входятъ въ моду. Вамъ слѣдуетъ напечатать, по крайней мѣрѣ, хоть статью о древнемъ поэтѣ. Здѣсь вы увидите, между прочимъ, что я отдалъ справедливость Московскому профессору, ибо ничего нѣтъ для меня пріятнѣе, какъ suum cuique“ [189]).

Въ отдѣлѣ *Наукъ*, согласно желанію М. А. Дмитріева, было напечатано его *Обозрѣніе Гораціевой науки о поэзіи*. Къ своему *Обозрѣнію* онъ предпослалъ слѣдующее краткое введеніе: „Эта статья частію выбрана изъ упоминаемыхъ въ ней писателей, частію составлена изъ собственныхъ моихъ замѣчаній. Она будетъ служить введеніемъ къ изготовленному мною изданію перевода Гораціевой науки о поэзіи, вмѣстѣ съ подлинникомъ“. Въ этомъ введеніи М. А. Дмитріевъ помя-

нулъ съ похвалою сочиненіе С. П. Шевырева: *Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*, изданная въ Москвѣ еще въ 1836 году.

Въ *Москвитянинѣ* же Дмитріевъ напечаталъ другое свое изслѣдованіе: *О введеніи стопосложенія и началѣ нашего Стихотворства* [190]). Но къ этому изслѣдованію *Отечественныя Записки* отнеслись очень недружелюбно. Тамъ было сказано, что Дмитріевъ въ этой статьѣ „рѣшился, наперекоръ фактамъ, высказать нѣсколько парадоксовъ. Можетъ быть, это полезно для изощренія ума, только что начинающаго развиваться, но для науки, при ея серьезномъ, положительно—историческомъ направленіи, такая игра не стоитъ свѣчъ. Такъ напримѣръ, М. А. Дмитріевъ пишетъ: Ломоносовъ, попавшій въ знакомство съ вельможами Двора Елисаветы и въ кругъ профессоровъ въ Академіи, невольно пренебрегалъ прежнимъ грубымъ бытомъ. На это критикъ возражаетъ: „Г. Дмитріеву стоило взглянуть въ конспектъ похвальнаго слова Ломоносова, напечатанный въ *Москвитянинѣ*, гдѣ ясно сказано, что онъ велъ „образъ жизни общій плебеямъ". Штелинъ зналъ Ломоносова лучше насъ. Извѣстно, какъ радушно Ломоносовъ принималъ земляковъ, съ которыми иногда пировалъ до поздней ночи" [191]).

Не смотря на нерасположеніе къ М. А. Дмитріеву новаго поколѣнія критиковъ, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями по Исторіи Русской Литературы. Зная это, Погодинъ просилъ его писать Записки по этому предмету. На эту просьбу Дмитріевъ отвѣчалъ: „Записокъ, въ родѣ Лужницкаго Старца, я ни за что въ свѣтѣ писать не стану; да еслибъ я ихъ и написалъ, вы ни за что бы въ свѣтѣ ихъ не напечатали".

Но вмѣсто сего, М. А. Дмитріевъ обогатилъ Русскую Литературу драгоцѣнною книгою, подъ заглавіемъ: *Мелочи изъ запаса моей памяти*, которая по частямъ печаталась въ *Москвитянинѣ*, начиная съ 1853 года.

Въ то же время Погодинъ постоянно обращался къ Дмитріеву съ историко-литературными вопросами, и онъ от-

вѣчалъ на нихъ благодушно. По поводу одного изъ такихъ вопросовъ, Дмитріевъ писалъ: „Строфы похвальныя Россіи Тредьяковскаго напечатаны, кажется, въ его сочиненіяхъ; но когда эти стихи написаны, не имѣя ихъ здѣсь, справиться не могу: помнится, во время бытности его въ Гагѣ; онъ же говоритъ въ нихъ о Россіи, какъ о странѣ дальней. Но въ нынѣшнемъ изданіи Смирдина ихъ нѣтъ. Онъ многое пропустилъ и перепуталъ въ нашихъ авторахъ, и рѣшительно исказилъ памятники нашей литературы. Съ Ломоносова и до Лермонтова — во всѣхъ большая путаница, и часто безсмыслица!“

Въ то же время Погодинъ весьма дорожилъ мнѣніями Дмитріева о *Москвитянинѣ*. „Благодарю васъ“,—писалъ ему послѣдній,—„за билетъ на *Москвитянинъ*. Онъ годъ отъ году лучше!—Какъ *журналъ*, онъ теперь рѣшительно лучшій, какъ *сборникъ* длинныхъ повѣстей и романовъ, онъ еще уступаетъ Петербургскимъ. Для меня этихъ повѣстей хоть бы вовсе не было: я рѣдко ихъ читаю; но для пріобрѣтенія подписчиковъ это полезно. Я здѣсь абонируюсь въ книжной лавкѣ на чтеніе трехъ Петербургскихъ журналовъ. Мнѣ присылаютъ ихъ въ деревню по большей части *прочитанные* (а не прочитанныхъ, какъ пишутъ въ Петербургѣ, потому что журналъ — предметъ неодушевленный, особенно Петербургскій); и такъ— я получаю ихъ послѣ другихъ. Одно это даетъ уже мнѣ возможность судить, на какомъ градусѣ стоитъ большинство читающей Россіи. Только и разрѣзываются листы въ романахъ и повѣстяхъ; а всѣ прочія статьи: собственно журнальныя, литературныя и историческія, особенно о Русской старинѣ, достаются мнѣ en leur étas vièrge, т.-е. не разрѣзанными и не тронутыми“.

Обширныя познанія М. А. Дмитріева по исторіи Русской Литературы влекли къ нему и молодыхъ изыскателей въ этой области. Такъ, Н. С. Тихонравовъ, 5 ноября 1853 года, писалъ Погодину: „Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ М. А. Дмитріевымъ, чтобы поразспросить его кое о чемъ“.

Въ 1853 году, В. И. Даль представилъ въ полное распоряженіе великаго князя Константина Николаевича Собраніе Русскихъ пословицъ и изреченій, расположенныхъ имъ по смыслу оныхъ, а не въ азбучномъ порядкѣ, которому слѣдовали до нынѣ собиратели пословицъ... Желая извлечь изъ этого собранія „всевозможную пользу", великій князь предполагалъ, „если представится возможнымъ", напечатать этотъ Сборникъ въ пользу автора. Вслѣдствіе сего, великій князь обратился къ управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову (31 іюля 1853 г.) съ предложеніемъ „принять на себя трудъ: 1) передать два тома Собранія пословицъ на разсмотрѣніе цензуры и возвратить ему это Собраніе „съ отмѣтками просвѣщеннаго и благонамѣреннаго цензора", и разрѣшеніемъ печатать, и 2) предложить Академіи Наукъ, не признаетъ ли возможнымъ принять изданіе на свой счетъ въ пользу автора, а въ противномъ случаѣ, сообщить великому князю приблизительный расчетъ издержкамъ для напечатанія онаго въ приличномъ видѣ, въ числѣ тысячи двѣсти экземпляровъ.

Въ исполненіе желанія великаго князя, А. С. Норовъ передалъ Собраніе пословицъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ. Съ своей стороны, Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности поручило разсмотрѣть это Собраніе академикамъ Востокову и протоіерею Кочетову. Когда же рецензенты представили свои отзывы, то И. И. Давыдовъ (10 сентября 1853 года) писалъ А. С. Норову, что „Отдѣленіе, за неимѣніемъ средствъ, не можетъ принять на себя изданіе въ свѣтъ пословицъ Даля особою книгою, но съ удовольствіемъ готово помѣстить этотъ трудъ въ *Памятникахъ и Образцахъ народнаго языка и Словесности*, если Даль согласится на это и на нѣкоторыя измѣненія, которыя Отдѣленіе признаетъ нужнымъ сдѣлать въ его трудѣ".

Между тѣмъ, великій князь съ нетерпѣніемъ ожидая отзыва Академіи, (27 октября 1853) писалъ Норову: „Прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ въ особенное

мнѣ удовольствіе сообщить мнѣ, когда можно ожидать отъ Академіи Наукъ заключенія ея относительно Собранія пословицъ Даля, и буде возможно, ускорить ходъ этого дѣла". Вслѣдствіе сего Норовъ поспѣшилъ сообщить великому князю содержаніе вышеприведеннаго письма И. И. Давыдова, а также увѣдомить, что „нынѣ рукопись Даля находится въ разсмотрѣніи С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета". Вслѣдъ за этимъ увѣдомленіемъ, Норовъ получаетъ отъ предсѣдателя Петербургской Цензуры извѣщеніе, что на основаніи отзыва г. цензора Шидловскаго, Цензурный Комитетъ „нашелъ невозможнымъ разрѣшить печатаніе рукописи Даля въ настоящемъ ея видѣ".

Это поставило Норова въ затруднительное положеніе, и онъ, возвращая великому князю Собраніе пословицъ Даля, съ приложеніемъ копіи съ рапорта цензора Шидловскаго, а также отзывы академиковъ Востокова и протоіерея Кочетова, писалъ: „Соображая отзывъ цензора Шидловскаго съ заключеніемъ двухъ академиковъ, я полагалъ бы и съ своей стороны полезнымъ, еслибъ Даль счелъ возможнымъ въ своемъ важномъ Собраніи сдѣлать измѣненія и исправленія"...

Въ отвѣтъ на это, великій князь (17 декабря 1853 г.) писалъ Норову: „Ваше превосходительство сообщили мнѣ соображенія о неудобствѣ печатать, для обращенія въ продажу, въ настоящемъ видѣ, Сборникъ пословицъ статскаго совѣтника Даля. Желая извлечь изъ огромнаго труда Даля всевозможную пользу, я передавалъ оный статсъ-секретарю барону Корфу, который, по разсмотрѣніи онаго, увѣдомилъ меня, что главное достоинство этого Сборника заключается именно въ полнотѣ его, что онъ составляетъ „драгоцѣнный небывалый запасъ къ изученію отечественнаго слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вмѣстѣ народныхъ предразсудковъ и суевѣрій"; и что Сборникъ сей, оставаясь въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, легко можетъ быть утраченъ, а что по сему было бы весьма полезно напечатать его, не для обращенія въ народѣ, а въ видѣ манускрипта въ ограниченномъ

числѣ экземпляровъ, но безъ всякихъ пропусковъ, для храненія въ главныхъ библіотекахъ и сообщенія извѣстнымъ ученымъ и т. п. Сообщая о семъ вашему превосходительству, прошу васъ въ особенное мнѣ удовольствіе, если вы раздѣляете мнѣніе барона Корфа, исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе напечатать пословицы Даля, согласно предположенію барона Модеста Андреевича".

Этотъ отвѣтъ великаго князя поставилъ Норова окончательно въ тупикъ, и онъ писалъ великому князю, что онъ раздѣляетъ мнѣніе барона Корфа „не во всѣхъ отношеніяхъ", что „нѣкоторое число вредныхъ пословицъ раскольниковъ или оскорбительныхъ для святыни, я полагаю, во всякомъ случаѣ подлежащему исключенію. Собственно для пользы любопытнаго труда Даля я смѣлъ бы полагать необходимымъ принять въ соображеніе мнѣніе почтеннаго академика протоіерея Кочетова, глубоко обдуманное со всѣхъ сторонъ".

Какъ бы то ни было, но Норовъ, Академія, Цензура съумѣли охладить желаніе великаго князя Константина Николаевича совершить благое дѣло и онъ, 12 января 1854 г., отвѣчалъ Норову; „Полагая оставить до времени предположеніе о напечатаніи пословицъ В. Даля, прошу ваше превосходительство возвратить мнѣ доставленную рукопись".

Съ своей стороны, справедливо огорченный Даль писалъ: „Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ приказанія его высочества генералъ-адмирала, имѣю честь представить объясненія мои, по отзывамъ Цензуры и Академіи о моемъ Сборникѣ. Отзывы эти въ двухъ словахъ, заключаются въ томъ: 1) что Сборникъ составленъ небрежно; 2) что онъ не можетъ быть напечатанъ. Въ самомъ посвященіи его высочеству я сказалъ: „это трудъ для меня непосильный, потребовавшій нѣсколько лѣтъ, и при всемъ томъ не доведенный до должнаго порядка и оконченности". Можетъ быть, недостатокъ этотъ въ отзывахъ не совсѣмъ справедливо названъ *небрежностію*. Вѣкъ мой на исходѣ, досугу отъ служебныхъ занятій остается мало, немощи одолѣваютъ—я сдѣлалъ, что смогъ; пусть за мною по-

трудятся другіе, имъ уже будетъ полегче. Опровергать за симъ въ частности тѣ изъ критическихъ замѣчаній, которыя мнѣ кажутся неосновательными, было бы излишнимъ и неумѣстнымъ. Скажу только, что точка зрѣнія и самыя убѣжденія бываютъ не одинаковы. Такъ, напримѣръ, можно взять два огромные тома и перелистывая ихъ, отыскивать то, что можетъ быть предлогъ и поводъ къ порицанію; и можно взять эти же томы и сказать: вотъ огромный, небывалый запасъ, для изученія Русскаго языка, народной мудрости и суемудрія. Это не сочиненіе, и собиратель не отвѣчаетъ за то, что ему далось; въ порядкѣ расположенія можно бы еще сдѣлать много улучшеній, но это вообще трудъ, которому нѣтъ конца; каждый можетъ пополнять, исправлять и располагать по готовому; благо, запасъ собранъ и сохраненъ. Съ сущностью отзывовъ Цензуры и Академіи я согласенъ; но я не вижу, какимъ образомъ можно вмѣнить человѣку въ преступленіе, что онъ собралъ и записалъ сколько могъ собрать различныхъ народныхъ изреченій, въ какомъ бы то ни было порядкѣ. А между тѣмъ, отзывы эти отзываются какими-то приговорами преступнику".

Погодину же (5 Декабря 1853 г.) Даль писалъ: „Всѣ помѣшаны на *бумажной* исполнительности, не заботятся о дѣлѣ... А вотъ вамъ образчикъ: Пословицы я усланъ великому князю Константину Николаевичу, онъ передалъ министру Просвѣщенія; этотъ въ тоскѣ— *Россійской* Академіи, которая дала отзывъ, что печатать подобныя вещи, значитъ отравить пищу и питіе народу... Знай нашихъ! Бей своихъ, чужіе бояться станутъ" [192])?

XLVII.

Въ октябрѣ 1853 года, посѣтилъ Москву старинный доброжелатель Погодина и его *Москвитянина*, В. В. Григорьевъ.

Семейныя обстоятельства заставили Гигорьева покинуть Петербургъ и уединиться въ отдаленный Оренбургскій край. Въ то время В. А. Перовскій отправлялся вторично упра-

влять Оренбургскимъ краемъ и набиралъ въ Петербургѣ чиновниковъ по своему усмотрѣнію. Въ числѣ избранниковъ Перовскаго былъ и В. В. Григорьевъ. Приказомъ 1 декабря 1851 года, Григорьевъ былъ откомандированъ въ распоряженіе Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора, для исполненія особыхъ по службѣ порученій. Вмѣстѣ съ Перовскимъ, Григорьевъ участвовалъ въ походѣ на Сыръ-Дарью. Въ сентябрѣ 1853 года, Григорьевъ получилъ командировку въ С.-Петербургъ съ порученіемъ, относящимся до дѣлъ Внутренней Киргизской Орды [193]).

Въ октябрѣ 1853 года, мы видимъ Григорьева уже въ Москвѣ. 11-го числа сего мѣсяца Шевыревъ писалъ Погодину: „Сдѣлай милость, пріѣзжай сегодня ко мнѣ отобѣдать вмѣстѣ съ В. В. Григорьевымъ, который здѣсь проѣздомъ“ [194]).

Во время же пребыванія въ Петербургѣ, Григорьевъ получилъ штатную должность. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству назначенъ онъ, 12 января 1854 года, предсѣдателемъ Оренбургской Пограничной Коммиссіи. „Постъ важный“,—пишетъ Н. И. Веселовскій,—„и даже самостоятельный, по крайней мѣрѣ такое значеніе придалъ ему самъ В. В. Григорьевъ своею дѣятельностью“ [195]).

Въ объявленіи объ изданіи *Москвитянина* въ 1853 году, Погодинъ, въ числѣ сотрудниковъ, упомянулъ и М. М. Стасюлевича. Прочитавъ это объявленіе, Стасюлевичъ писалъ Погодину: „Жаль, что вы выставили мою фамилію... да еще приписали профессоръ, что и не справедливо; я только доцентъ. А вы знаете, какъ наши журналы любятъ поглумиться надъ титулами; они мнѣ не дали разъ покою за то, что я подписался магистромъ, бывъ имъ дѣйствительно... Вы хотѣли знать мое отчество: *Матвѣевичъ*“.

Но на дѣлѣ, М. М. Стасюлевичъ продолжалъ сотрудничать въ *Москвитянинѣ* и въ 1853 году; тамъ онъ предполагалъ открыть цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ: *Историческихъ Очерковъ*.

Отправляя въ *Москвитянинъ* свою статью *Св. Бернардъ*,

аббатъ де Клерво, Стасюлевичъ писалъ Погодину: „Если возможно, то напечатайте ее въ одномъ нумерѣ, а не раздѣляйте. Что касается до гонорара, который вы мнѣ предлагали, то я въ этомъ отношеніи совершенно полагаюсь на вашу оцѣнку: вамъ лучше меня извѣстенъ историческій трудъ и средства журнала. Я прежде писалъ вамъ gratis, потому что мои статьи были скорѣе рецензіи, и при томъ я дѣйствительно не нуждался въ деньгахъ, а теперь самый вашъ журналъ вводитъ меня въ изъянъ: для Исторической Литературы за-границей я выписывалъ нѣсколько журналовъ, да еще нужно выписать нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія. — Я буду присылать вамъ эти обзоры по третямъ. Если вы напечатаете *Бернарда*, то черезъ мѣсяцъ или черезъ два, я пришлю вамъ и вторую статью: *Легисты и Салическій законъ.* — Прошу удержать общее заглавіе: *Историческіе Очерки; Бернардъ* составитъ первую статью, а за нею будутъ слѣдовать другія“ [196]).

Къ сожалѣнію, Погодинъ не съумѣлъ воспользоваться благимъ предположеніемъ М. М. Стасюлевича, и въ *Москвитянинѣ* 1853 года былъ напечатанъ только его *Бернардъ* [197]).

По Всеобщей Исторіи въ *Москвитянинѣ*, въ то время выступилъ молодой кандидатъ Московскаго Университета Николай Гуренко, заявившій уже себя въ Литературѣ нижеслѣдующими статьями по Классической Древности: *Новѣйшій взглядъ на законодательство Ликурга, Война Пелопонесская* (опытъ историческаго изслѣдованія по источникамъ). Но этотъ только что окончившій курсъ въ Московскомъ Универсиситѣ кандидатъ возсталъ на своего наставника, и вотъ что писалъ Погодину: „Въ насъ, Русскихъ, развита въ высшей степени творческая дѣятельность, такъ что мы все готовы передѣлать, что̀ бы ни попалось подъ руку. На дняхъ вышла третья книга *Пропилеевъ*, гдѣ помѣщена довольно хорошая статья Грановскаго о Нибуровыхъ лекціяхъ по Древней Исторіи. Заслуженный профессоръ сдѣлалъ непростительный промахъ: говоря о результатахъ Пелепонесской войны, Грановскій приводитъ слѣдующую Латинскую фразу: pr*oprium* pe-

riculum fecerunt, qui vicerunt (*Пропилеи*, стр. 177), не указывая на писателя, изъ котораго взята эта фраза. Но въ такомъ видѣ онъ ее впрочемъ ни у кого не нашелъ бы; у Ливія въ 1-й гл. XXI книги она читается такъ: pr*opius* periculum *fuerunt*, qui vicerunt (въ такомъ видѣ она взята мною для эпиграфа посланной къ вамъ статьи). Какъ могла произойти такая порча? Раскрывая второй томъ Нибуровыхъ лекцій, мы читаемъ на стр. 39 такую фразу: pr*oprium* periculem ficerunt, qui vicerunt, въ которой очевидно нѣтъ смысла. Эта безсмыслица смутила и Грановскаго, и онъ рѣшился передѣлать фразу по своему вкусу; на бѣду, у Нибурга не выставлено мѣста, откуда взята фраза, и Грановскому пришлось сочинить цитатъ. Если уже Грановскому не хотѣлось (не смѣю думать, чтобы онъ не читалъ Ливія) справиться съ Ливіемъ въ показываемомъ мною мѣстѣ, то хоть бы взглянулъ онъ на VI страницу предисловія къ тому же тому Нибуровыхъ лекцій, гдѣ приложены опечатки: въ числѣ прочихъ онъ нашелъ бы—читай pr*opius* вмѣсто pr*oprium*. По Латинѣ даже нельзя сказать просто periculum facere, если periculum относится къ самому лицу говорящему; а periculum sibi facere. Вотъ относительно Грановскаго *я* могу сказать, что онъ *periculum fecit!*"

Написавши это, Гуренко какъ бы испугался, и въ томъ же письмѣ проситъ Погодина: „Ради Бога, Михаилъ Петровичъ, чтобы это письмо осталось между нами" [198]).

Странно, что при второмъ изданіи *Пропилеевъ*, сдѣланномъ уже по смерти Грановскаго, въ 1858 году, эта фраза осталась въ прежнемъ видѣ: proprium periculum fecerunt, qui vicerunt" [199]).

Изъ всѣхъ, такъ-называемыхъ, свѣтскихъ журналовъ, одинъ только *Москвитянинъ* отъ времени до времени печаталъ на своихъ страницахъ произведенія нашихъ архипастырей и церковныхъ проповѣдниковъ. Слѣдуя этому прекрасному обычаю старины, Погодинъ, желая напечатать одну проповѣдь, послалъ ее на цензуру А. В. Горскаго. Разсмотрѣвъ эту проповѣдь,

Горскій, 7 апрѣля 1853 года, писалъ Погодину: „Возвращаю вамъ краткое слово на день Рождества Христова, но безъ одобренія цензурнаго... Вульгарность нѣкоторыхъ выраженій не можетъ быть образцомъ, достойнымъ подражанія... Чего добраго! Подражать пойдутъ еще далѣе, и съ каѳедры будутъ сыпаться такія рѣчи, которыя непріятно услышать и въ порядочномъ домѣ... Дай Богъ, пастырю трудиться для святаго дѣла ревностно и совершенствоваться. Что нужды, что труды его не будутъ оглашены теперь? Господь видитъ все... Слово, отъ живаго Духа исходящее, не пропадетъ и безъ печати“ [200]).

Въ одномъ старинномъ сборникѣ Древлехранилища Погодина, И. Д. Бѣляевъ нашелъ повѣсть подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ—и стольничьей дочери Нардина Нащокина Аннушкѣ.* Въ тоже время И. К. Купріановъ прислалъ Погодину изъ Новгорода туже повѣсть въ новой копіи, съ которой повѣсть и была напечатана въ *Москвитянинѣ* [201]).

Это старинное произведеніе нашей Литературы было по достоинству оцѣнено И. С. Тургеневымъ. 22 января 1853 г., онъ писалъ, изъ своего Спасскаго, къ С. Т. Аксакову: „Я увѣренъ, что вы обратили вниманіе на повѣсть о *Фролѣ Скобѣевѣ*, въ первомъ нумерѣ *Москвитянина.* Это чрезвычайно замѣчательная вещь. Всѣ лица превосходны и наивность слога трогательна. Но стихотворенія Щербины мнѣ еще менѣе по вкусу, чѣмъ стихи г-жи Павловой или Ростопчиной — это какой-то любострастный пискъ, который намъ хотятъ выдать за античность! И хотя бы стихи были хороши! Нѣтъ—этого рода поэзія не годится ни куда“ [202]).

Въ 1853 году, профессоръ Греческой Словесности и Древностей въ Университетѣ Св. Владиміра, Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ, издалъ въ Кіевѣ книгу, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Ein Versuch die vollendeste Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen.* Въ *Москвитянинѣ* появилась рецензія на эту книгу [203]). Поразительное невѣдѣніе рецензента Исторіи Польской Литературы возмутило одного Польскаго патріота, по

имени Генриха Марцбаха, и дало ему поводъ написать слѣдующее письмо къ Погодину: „Просматривая *Москвитянинъ*, я пришелъ въ ужасъ, когда прочиталъ нѣсколько словъ о Польской Литературѣ. И потому осмѣливаюсь писать къ вамъ съ просьбою, исправить ошибку, которая поражаетъ всѣхъ, любящихъ правду и Литературу. Пріймите слабый голосъ юноши, который, будучи руководимъ чувствомъ любви къ своей родной Словесности, не можетъ оставить безъ вниманія явной несправедливости. И такъ, на стр. 90 сказано: „Неужели автору *Dichterkanon* не извѣстенъ Богданъ Залѣсскій и его прелестныя поэтическія созданія: *Marya*, *Zamek Kaniowskie*, *Koscielisko*". Можно ли не знать творца *Маріи*, которому воздвигнутъ Скимборовичемъ на нашемъ Варшавскомъ кладбищѣ (Powązki) памятникъ, съ скромною надписью: „Autorowi Maryi"? Какъ не знать нашего неподражаемаго пѣвца Северина Гощинскаго, котораго Zamek Kaniowski, даже по словамъ Французскаго критика,—картина кисти Рембрандта и Сальваторъ-Роза; котораго Koscielisko сіяетъ необыкновеннымъ блескомъ первостепеннаго таланта и пламеннаго вдохновенія?—Іосифъ Богданъ Залѣсскій, безъ сомнѣнія, одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ нашихъ, и, по мнѣнію Лукашевича, единственный истинно лирическій народный поэтъ; но на-равнѣ съ нимъ сіяютъ имена и Мальчевскаго и Гощинскаго. Поэма перваго *Марія*, имѣвшая болѣе одинадцати изданій, всегда съ истиннымъ наслажденіемъ читается, перечитывается и повторяется. Нѣтъ почти ни одного образованнаго Поляка, который бы не зналъ ея отрывковъ наизустъ, или по крайней мѣрѣ не читалъ ея нѣсколько разъ, всегда съ благоговѣйнымъ чувствомъ къ геніальному творцу. Кто, старецъ или юноша, женщина или дѣвица, кто не знаетъ этого имени *Маріи*, которая, какъ завѣтъ священный, перейдетъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Не только Польша обожаетъ Марію: Франція, Англія, Богемія и Германія имѣютъ ея переводы на своихъ языкахъ. Когда-то и *Московскій Телеграфъ* помѣщалъ переводы (Ушакова) отрывковъ изъ этой поэмы, въ прозѣ, вмѣстѣ съ луч-

шими мѣстами изъ сочиненій Гощинскаго, какъ-то: *Zamek, Kaniowski*, *Koscielisko* и др. — и потому удивительно, что эти имена забыты неизвѣстнымъ критикомъ *Dichterkanon.* Еслибы кто хотя одинъ разъ прочиталъ *Zamek Kaniowskie* или нѣкоторые его отрывки, тотъ бы не только не забылъ Гощинскаго, но помнилъ бы его всегда и обожалъ его. Какъ прекрасны *Небаба* и *Ксенія*, герои этой поэмы, которой удивляются Французы, Нѣмцы и Чехи! Почему жъ соcѣдка наша и сестра Россія, должна забыть имена, которыхъ почитаетъ весь міръ? Почему должна не знать Русская публика, что *Koscielisko* это геніальное произведеніе барда Польши, звуки лиры котораго раздаются такъ далеко! Простите, милостивый государь, моему невольному увлеченію при чтеніи стольких неправдъ и при видѣ незнанія именъ главнѣйшихъ представителей Польской Литературы. Цѣль моего письма есть просьба исправить то, что сказано несправедливо, и вмѣстѣ напомнить, что Залѣсскій извѣстенъ какъ пѣвецъ Русалокъ (*Rusalki*) — и множества другихъ первокласныхъ твореній; что *Марія* принадлежитъ Мальчевскому, а *Zamek Kaniowski i Koscielisko* Северину Гощинскому, пѣвцу поэтической Украйны. Эти три великіе таланта составляютъ, неоспоримо, самое блестящее братство новѣйшей Польской Словесности".

На письмѣ этого Польскаго патріота, Погодинъ поставилъ вопросъ: *Позволены ли у насъ эти господа?*

XLVIII.

Во время своего отсутствія изъ Москвы, Погодинъ намѣревался поручить завѣдываніе *Москвитяниномъ* П. И. Бартеневу. Изъ Эмса Погодинъ писалъ въ Москву: „Безпокоюсь о судьбѣ *Москвитянина*. Я писалъ уже къ вамъ, чтобы вы поручили его, по моей просьбѣ, Бартеневу, о которомъ можно справиться у А. П. Елагиной".

Въ это время П. И. Бартеневъ углубился въ изученіе

жизни и твореній Жуковскаго и Пушкина, и плодъ своихъ трудовъ хотѣлъ печатать въ *Москвитянинѣ*, какъ журналѣ сочувственнаго ему направленія; но такъ какъ Бартеневъ, нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, то не могъ печатать даромъ своихъ трудовъ. „У меня давно",—писалъ онъ Погодину,—„уже готова статья о В. А. Жуковскомъ, въ которую вошли письма покойника и нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя на родинѣ. Я желалъ бы ее напечатать въ *Москвитянинѣ*; но мои обстоятельства таковы, что я долженъ за нее получить денежное вознагражденіе: мнѣ эти мѣсяцы просто нечѣмъ жить. И такъ, если вы согласны *на этотъ разъ* мнѣ заплатить и при томъ тѣже деньги за листъ, какія платятъ въ Петербургѣ, то прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня, дабы я могъ къ вамъ пріѣхать съ статьею. Живу я на Малой Лубянкѣ, въ домѣ Шиловскаго, у г. Гальди. Если же не будетъ вашего согласія, то я откажу себѣ въ удовольствіи видѣть статью свою напечатанною въ вашемъ журналѣ" [204]).

По всѣмъ вѣроятіямъ, отвѣтъ Погодина послѣдовалъ отрицательный, и этимъ объясняется, что интереснѣйшая статья Бартенева: *Родъ и дѣтство Пушкина*, оконченная въ Петрищевѣ 11-го іюня 1853 года, появилась въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Эту статью свою П. И. Бартеневъ помѣстилъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, чрезъ посредство Т. Н. Грановскаго, который писалъ Краевскому: „Радъ, что угодилъ вамъ статьею Бартенева. Онъ усердный работникъ, и если хотите пріобрѣсти его въ постоянные сотрудники, то это будетъ нетрудно" [205]).

Помѣщеніе Бартеневымъ статьи своей въ *Отечественныхъ Запискахъ*, видимо, было непріятно Погодину, и онъ въ *Москвитянинѣ* напечаталъ *литературное замѣчаніе*, въ которомъ читаемъ: „Г. Бартеневъ, въ ученой своей статьѣ о родѣ Пушкиныхъ, помѣщенной въ послѣднемъ померѣ *Отечественныхъ Записокъ*, *пропустилъ* семерыхъ Пушкиныхъ, подписавшихся подъ грамотою объ избраніи на царство государя Михаила Ѳедоровича Романова.

— Да развѣ тамъ они?

— Тамъ.

Г-нъ Бартеневъ *позабылъ* также и стихъ самого Пушкина, который объ ней упоминалъ.

Г-нъ Бартеневъ *позабылъ* еще сказать, что одного изъ своихъ предковъ Пушкинъ вывелъ на сцену въ *Борисѣ Годуновѣ*, и вложилъ въ уста послѣдняго стихъ:

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный.

Еще прежде того П. И. Бартеневъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, напечаталъ свое замѣчаніе на статью А. Д. Галахова о Жуковскомъ, подъ слѣдующемъ заглавіемъ: *Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ*; подписано 29 января 1853 года, въ Липецкѣ. Въ этой статьѣ Бартенева, А. Д. Галаховъ нашелъ столько существеннаго, что въ своемъ отвѣтѣ онъ писалъ: „Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчаніе г. Бартенева, что въ авторѣ ихъ вижу человѣка, занимающагося Исторіею Отечественной Словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями". Отвѣтъ свой Галаховъ заключаетъ такими словами: „Я прошу г. Бартенева сообщить свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ" [206]).

Подъ скромнымъ названіемъ *Матеріаловъ и Замѣтокъ*, Н. С. Тихонравовъ, какъ справедливо было замѣчено въ *Отечественныхъ Запискахъ*, „весьма дѣльно разработывалъ Библіографію, которая у него не ограничивается простыми указаніями какихъ-нибудь литературныхъ диковинковъ, но разработывается въ связи съ цѣлою дѣятельностію писателей, слѣдовательно выходитъ уже на степень Исторіи Словесности" [207]).

Въ одной старинной рукописной книгѣ, И. К. Купріяновъ нашелъ: 1) *Обращеніе къ Зоилу*. „Не знаю",—писалъ онъ къ Погодину,—„была ли напечатана книга о *физіогномикѣ*, изъ которой взято это *Обращеніе къ Зоилу*; полагаю, что нѣтъ; а впрочемъ, нужно будетъ справиться; здѣсь навести подобной

справки негдѣ. 2) *Посланіе къ сосѣду*, сообщенное мнѣ однимъ почтеннымъ старикомъ, Екатерининскимъ служакой; это посланіе ходило въ то время въ рукописи и написано, какъ сказалъ мнѣ сообщившій, Фонъ-Визинымъ; за достовѣрность не ручаюсь; языкъ, впрочемъ, довольно старый, опять-таки надо будетъ навести точнѣйшія справки, чтобъ не попасть въ просакъ предъ публикой. Я полагаю, что у васъ въ Москвѣ найдутся опытные библіографы, чтобъ разъяснить это недоразумѣніе, представляющееся мнѣ, какъ неопытному новичку въ библіографическомъ дѣлѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Купріяновъ представилъ Погодину довольно печальную картину состоянія *Москвитянина* въ 1853 году. „Такъ какъ вы", —писалъ онъ, — „дозволили мнѣ объявлять мое искреннее мнѣніе о *Москвитянинѣ*, то и осмѣливаюсь представить вамъ одно замѣчаніе на этотъ счетъ: отдѣлъ Критики и Библіографіи въ вашемъ журналѣ въ нынѣшнемъ году весьма слабъ: самые замѣчательные ученые труды не находятъ въ *Москвитянинѣ* рецензій; Журналистика почти совсѣмъ прекратилась. Желательно, чтобъ статьи этихъ отдѣловъ писались людьми опытными, благонамѣренными и не слишкомъ задорными. Отдѣлъ обѣщанныхъ обозрѣній правительственныхъ и спеціально-ученыхъ журналовъ не существуетъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи, а могъ бы, кажется, быть весьма любопытнымъ, еслибъ составлялся спеціалистами. Хорошо было бы приглашать въ сотрудники *Москвитянина* нѣкоторыхъ изъ профессоровъ Московскаго Университета, напримѣръ Буслаева; его въ высокой степени любопытныя филологическія статьи, я полагаю, доставили бы сотню подписчиковъ для журнала. Я хлопочу, какъ видите, о *Москвитянинѣ* слишкомъ много и искренно желаю, чтобъ онъ сдѣлался первымъ въ Россіи журналомъ, и изъ этого вы можете заключить, что я на будущій годъ останусь вашимъ акуратнымъ корреспондентомъ и даже хочу, если позволите, совершенно завладѣть отдѣломъ Историче-

— Да развѣ тамъ они?

— Тамъ.

Г-нъ Бартеневъ *позабылъ* также и стихъ самого Пушкина, который объ ней упоминалъ.

Г-нъ Бартеневъ *позабылъ* еще сказать, что одного изъ своихъ предковъ Пушкинъ вывелъ на сцену въ *Борисѣ Годуновѣ*, и вложилъ въ уста послѣдняго стихъ:

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный.

Еще прежде того П. И. Бартеневъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, напечаталъ свое замѣчаніе на статью А. Д. Галахова о Жуковскомъ, подъ слѣдующемъ заглавіемъ: *Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ*; подписано 29 января 1853 года, въ Липецкѣ. Въ этой статьѣ Бартенева, А. Д. Галаховъ нашелъ столько существеннаго, что въ своемъ отвѣтѣ онъ писалъ: „Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчаніе г. Бартенева, что въ авторѣ ихъ вижу человѣка, занимающагося Исторіею Отечественной Словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями". Отвѣтъ свой Галаховъ заключаетъ такими словами: „Я прошу г. Бартенева сообщить свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ" [206]).

Подъ скромнымъ названіемъ *Матеріаловъ и Замѣтокъ*, Н. С. Тихонравовъ, какъ справедливо было замѣчено въ *Отечественныхъ Запискахъ*, „весьма дѣльно разработывалъ Библіографію, которая у него не ограничивается простыми указаніями какихъ-нибудь литературныхъ диковинковъ, но разработывается въ связи съ цѣлою дѣятельностію писателей, слѣдовательно выходитъ уже на степень Исторіи Словесности" [207]).

Въ одной старинной рукописной книгѣ, И. К. Купріяновъ нашелъ: 1) *Обращеніе къ Зоилу*. „Не знаю",—писалъ онъ къ Погодину,—„была ли напечатана книга о *физіогномикѣ*, изъ которой взято это *Обращеніе къ Зоилу*; полагаю, что нѣтъ; а впрочемъ, нужно будетъ справиться; здѣсь навести подобной

справки негдѣ. 2) *Посланіе къ сосѣду*, сообщенное мнѣ однимъ почтеннымъ старикомъ, Екатерининскимъ служакой; это посланіе ходило въ то время въ рукописи и написано, какъ сказалъ мнѣ сообщившій, Фонъ-Визинымъ; за достовѣрность не ручаюсь; языкъ, впрочемъ, довольно старый, опять-таки надо будетъ навести точнѣйшія справки, чтобъ не попасть въ просакъ предъ публикой. Я полагаю, что у васъ въ Москвѣ найдутся опытные библіографы, чтобъ разъяснить это недоразумѣніе, представляющееся мнѣ, какъ неопытному новичку въ библіографическомъ дѣлѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Купріяновъ представилъ Погодину довольно печальную картину состоянія *Москвитянина* въ 1853 году. „Такъ какъ вы", —писалъ онъ,— „дозволили мнѣ объявлять мое искреннее мнѣніе о *Москвитянинѣ*, то и осмѣливаюсь представить вамъ одно замѣчаніе на этотъ счетъ: отдѣлъ Критики и Библіографіи въ вашемъ журналѣ въ нынѣшнемъ году весьма слабъ: самые замѣчательные ученые труды не находятъ въ *Москвитянинѣ* рецензій; Журналистика почти совсѣмъ прекратилась. Желательно, чтобъ статьи этихъ отдѣловъ писались людьми опытными, благонамѣренными и не слишкомъ задорными. Отдѣлъ обѣщанныхъ обозрѣній правительственныхъ и спеціально-ученыхъ журналовъ не существуетъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи, а могъ бы, кажется, быть весьма любопытнымъ, еслибъ составлялся спеціалистами. Хорошо было бы приглашать въ сотрудники *Москвитянина* нѣкоторыхъ изъ профессоровъ Московскаго Университета, напримѣръ Буслаева; его въ высокой степени любопытныя филологическія статьи, я полагаю, доставили бы сотню подписчиковъ для журнала. Я хлопочу, какъ видите, о *Москвитянинѣ* слишкомъ много и искренно желаю, чтобъ онъ сдѣлался первымъ въ Россіи журналомъ, и изъ этого вы можете заключить, что я на будущій годъ останусь вашимъ акуратнымъ корреспондентомъ и даже хочу, если позволите, совершенно завладѣть отдѣломъ Историче-

скихъ Матеріаловъ вашего журнала: недостатка въ нихъ надѣюсь, не будетъ" [208]).

Ревнуя о чистотѣ Русскаго языка, Погодинъ сталъ въ концѣ 1852 года помѣщать въ *Москвитянинѣ Памятный Листокъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ*, встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ Русскихъ писателей. *Листокъ* составлялся въ Новгородѣ И. И. Покровскимъ. Нововведеніе это обратило на себя вниманіе *Отечественныхъ Записокъ*, и тамъ писали: „Кто не знаетъ или не слыхалъ о томъ, что *Москвитянинъ* сокрушается, глядя на искаженіе Русскаго языка Петербургскими журналами... Мало этого, въ *Москвитянинѣ* открытъ съ 1852 года курсъ прикладной Русской Грамматики, основанной на всевозможныхъ неправильностяхъ языка Петербургскихъ журналовъ. Преподаваніе этого курса порученъ г. Покровскому, опытному знатоку Русскаго языка въ Новѣгородѣ" [209]).

Между тѣмъ, въ *Москвитянинѣ* была напечатана статья А. А. Григорьева: *Русская изящная литература въ 1852 году*, въ которой Булгаринъ нашелъ „смѣшеніе языковъ" [210]). Въ отвѣтъ Булгарину, Погодинъ писалъ: „Неужели *Сѣверная Пчела* думаетъ, что я меньше ея скорблю о разныхъ языческихъ эксцентричностяхъ, попадающихъ иногда въ *Москвитянинъ*. Она можетъ успокоиться въ этомъ отношеніи. Но напоръ чужихъ языковъ, при содѣйствіи Петербургскихъ журналовъ, въ послѣднее время, былъ такъ великъ, что ихъ вліянію подверглось почти все молодое поколѣніе. Вспомнимъ, какъ недавно еще въ *Библіотекѣ для Чтенія* утверждали, что Русскій языкъ усовершенствовался съ началомъ ея изданія. Вспомнимъ, что недавно еще Галаховъ, положившій клеймо на Державинѣ и Ломоносовѣ въ своей *Христоматіи*, утверждалъ, что образцовый Русскій языкъ представляется *Отечественными Записками*. А что говорилъ Милюковъ въ *Исторіи Русской Поэзіи?* Вотъ до чего доходили журнальныя оргіи. Одному издавать журналъ нельзя. Исправлять всѣ статьи въ отношеніи къ языку нѣтъ силъ. Но *Москвитянинъ* стоялъ

всегда грудью за чистое Русское слово, *Москвитянинъ* употреблялъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства къ исправленію своего журнальнаго языка; *Москвитянинъ* съ удовольствіемъ и радостію печаталъ и печатаетъ всѣ основательные протесты почтенныхъ ревнителей Русскаго слова,— а всякое иностранное слово, иностранный оборотъ, употребленные въ какой-нибудь его статьѣ, ускользнувшіе отъ его вниманія, огорчаютъ его гораздо болѣе, нежели то же слово, тотъ же оборотъ помѣщенныя въ другихъ журналахъ. Впрочемъ, утѣшимся, перемѣна къ лучшему началась. Петербургскіе журналы, въ послѣднее время, осязательно начали исправляться. Нельзя безъ особеннаго удовольствія читать, напримѣръ, статьи въ послѣдней книгѣ *Современника* Гаевскаго о Дельвигѣ и Дружинина о Ѳедотовѣ. Всѣ литературныя сужденія принимаютъ другой тонъ, о Древней Русской Исторіи нѣтъ кощунства, старая Русская Литература поминается съ уваженіемъ—чего болѣе! Прочее придетъ въ свой чередъ. Русскій толкъ крѣпокъ. Забудемъ прошлое, постараемся всѣ вмѣстѣ, усердно и дружно исправлять вредъ, принесенный нами, по невѣдѣнію или увлеченію, и возвратимся къ чистому источнику Русскаго слова, сохраненному и сохраняемому нашими славными учителями, Ломоносовымъ и Карамзинымъ, Дмитріевымъ и Жуковскимъ, Крыловымъ и Пушкинымъ, Филаретомъ и Иннокентіемъ,—дополняя этотъ завѣтный источникъ своими благопріобрѣтеніями“ [211]).

Въ то время, когда Погодинъ привѣтствовалъ „перемѣну къ лучшему“, замѣченную имъ въ Петербургскихъ журналахъ, о. Белюстинъ, изъ Калязина, 25 ноября 1853 года, писалъ ему: „Да воздастъ Господь Краевскому и К°, много душъ совратили они своимъ quasi философскимъ ученіемъ, много идей погибельныхъ бросили они въ почву Русскую!...“

XLIX.

Въ мартовской книжкѣ *Москвитянина* 1853 года, А. Н. Островскій напечаталъ свою новую комедію: *Не въ свои сани не садись.*

Еще въ концѣ 1852 года, авторъ писалъ Погодину: „Богъ мнѣ помогъ написать хорошую комедію; но вамъ я ее прочту только тогда, когда совершенно отдѣлаю“. Въ *Дневникѣ* же Погодина, подъ 6 октября 1852 года, записано: „Прослушалъ комедію Островскаго. Хорошіе портреты, но все нѣтъ crescendo драматическаго“. 19 ноября 1852 года, Островскій увѣдомлялъ Погодина: „Отправлена въ театральную цензуру моя новая піэса. Если можно, то замолвите о ней словечко кому слѣдуетъ. Противъ нея, какъ мнѣ извѣстно, ужъ начинаются интриги“. Вслѣдъ за симъ Островскій написалъ Погодину рядъ писемъ тревожнаго свойства: „Я получилъ ужасное извѣстіе. По именному повелѣнію, запрещено играть новыя піэсы въ Москвѣ, а только игранныя въ Питерѣ. Графъ Закревскій писалъ о *Лабазникѣ*, что онъ по поводу его боится возмущенія въ театрѣ и потому *Лабазникъ*, по именному повелѣнію, запрещенъ, потому же послѣдовало и новое предписаніе“. Въ другомъ письмѣ Островскаго читаемъ: „Дѣло чрезвычайной важности. По докладу Гедеонова, государь отмѣнилъ прежнее приказаніе, т.-е. чтобы піэсы прежде шли въ Петербургѣ, а велѣлъ оставить по старому. Мы этому всѣ обрадовались! Но теперь, по донесенію графа Закревскаго, что моя комедія имѣетъ много общаго съ *Лабазникомъ*, она потребована въ Петербургъ къ Гедеонову. Михайло Петровичъ, похлопочите еще разъ за меня, напишите къ Гедеонову сыну, чтобы онъ походатайствовалъ у отца, чѣмъ вы меня обяжете очень много. И вы мнѣ, Михайло Петровичъ, совѣтуете ѣхать въ этотъ Петербургъ“!

Исполняя желаніе Островскаго, Погодинъ написалъ сыну директора театровъ, С. А. Гедеонову, и вскорѣ получилъ отъ

его отвѣтъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „О пьесѣ *Не въ свои сани не садись* я узналъ, что запрещенія не будетъ. По поводу *Лабазника*, готовилась порядочная буря на Московскую драматическую Литературу; но все осталось по прежнему. Вы согласитесь, что теперь не время испрашивать новыя драматическія льготы: подождемъ до весны“ [212]).

Наконецъ, 14 января 1853 года, комедія *Не въ свои сани не садись*, была играна въ Московскомъ Большомъ Театрѣ. Въ игрѣ этой комедіи приняли участіе лучшіе Московскіе артисты.

Вотъ *дѣйствующія лица*:

Максимъ Ѳедотовичъ Русаковъ, богатый купецъ	П. М. Садовскій.
Авдотья Максимовна, его дочь. . . .	Л. П. Никулина-Косицкая.
Анна Ѳедотовна, его сестра, пожилая дѣвушка	С. П. Акимова.
Селиверстъ Потапычъ Маломальскій, содержатель трактира и гостинницы. .	П. Г. Степановъ.
Анна Антоновна, жена его.	А. Т. Сабурова.
Иванъ Петровичъ Бородкинъ, молодой купецъ, имѣющій мелочную лавочку и погребокъ	С. В. Васильевъ.
Викторъ Аркадьичъ Вихоревъ, проѣзжій	С. В. Шумскій.
Андрей Андреичъ Баранчевскій, чиновникъ.	К. П. Колосовъ.
Степанъ, слуга Вихорева	Г. Кремневъ.
Половой въ гостинницѣ	Г. Матвѣевъ.
Мальчикъ и дѣвушка (безъ рѣчей)	

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Черемухинѣ.

Будучи самовидцемъ этого представленія, Т. И. Филипповъ писалъ: „14 января 1853 года—есть день памятный въ лѣтописяхъ Московскаго театра, который достойно вознаградилъ Островскаго за его трудъ, а Московскую труппу покрылъ новой славой, обнаруживъ въ ней огромныя средства, доселѣ не приведенныя въ извѣстность. Это представленіе мы не

XLIX.

Въ мартовской книжкѣ *Москвитянина* 1853 года, А. Н. Островскій напечаталъ свою новую комедію: *Не въ свои сани не садись*.

Еще въ концѣ 1852 года, авторъ писалъ Погодину: „Богъ мнѣ помогъ написать хорошую комедію; но вамъ я ее прочту только тогда, когда совершенно отдѣлаю". Въ *Дневникѣ* же Погодина, подъ 6 октября 1852 года, записано: „Прослушалъ комедію Островскаго. Хорошіе портреты, но все нѣтъ crescendo драматическаго". 19 ноября 1852 года, Островскій увѣдомлялъ Погодина: „Отправлена въ театральную цензуру моя новая піэса. Если можно, то замолвите о ней словечко кому слѣдуетъ. Противъ нея, какъ мнѣ извѣстно, ужъ начинаются интриги". Вслѣдъ за симъ Островскій написалъ Погодину рядъ писемъ тревожнаго свойства: „Я получилъ ужасное извѣстіе. По именному повелѣнію, запрещено играть новыя піэсы въ Москвѣ, а только игранныя въ Питерѣ. Графъ Закревскій писалъ о *Лабазникѣ*, что онъ по поводу его боится возмущенія въ театрѣ и потому *Лабазникъ*, по именному повелѣнію, запрещенъ, потому же послѣдовало и новое предписаніе". Въ другомъ письмѣ Островскаго читаемъ: „Дѣло чрезвычайной важности. По докладу Гедеонова, государь отмѣнилъ прежнее приказаніе, т.-е. чтобы піэсы прежде шли въ Петербургѣ, а велѣлъ оставить по старому. Мы этому всѣ обрадовались! Но теперь, по донесенію графа Закревскаго, что моя комедія имѣетъ много общаго съ *Лабазникомъ*, она потребована въ Петербургъ къ Гедеонову. Михайло Петровичъ, похлопочите еще разъ за меня, напишите къ Гедеонову сыну, чтобы онъ походатайствовалъ у отца, чѣмъ вы меня обяжете очень много. И вы мнѣ, Михайло Петровичъ, совѣтуете ѣхать въ этотъ Петербургъ"!

Исполняя желаніе Островскаго, Погодинъ написалъ сыну директора театровъ, С. А. Гедеонову, и вскорѣ получилъ отъ

него отвѣтъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „О пьесѣ *Не въ свои сани не садись* я узналъ, что запрещенія не будетъ. По поводу *Лабазника*, готовилась порядочная буря на Московскую драматическую Литературу; но все осталось по прежнему. Вы согласитесь, что теперь не время испрашивать новыя драматическія льготы: подождемъ до весны“ [212]).

Наконецъ, 14 января 1853 года, комедія *Не въ свои сани не садись*, была играна въ Московскомъ Большомъ Театрѣ. Въ игрѣ этой комедіи приняли участіе лучшіе Московскіе артисты.

Вотъ *дѣйствующія лица*:

Максимъ Өедотовичъ Русаковъ, богатый купецъ	П. М. Садовскій.
Авдотья Максимовна, его дочь.	Л. П. Никулина-Косицкая.
Анна Өедотовна, его сестра, пожилая дѣвушка	С. П. Акимова.
Селиверстъ Потапычъ Маломальскій, содержатель трактира и гостинницы. .	П. Г. Степановъ.
Анна Антоновна, жена его.	А. Т. Сабурова.
Иванъ Петровичъ Бородкинъ, молодой купецъ, имѣющій мелочную лавочку и погребокъ	С. В. Васильевъ.
Викторъ Аркадьичъ Вихоревъ, проѣзжій	С. В. Шумскій.
Андрей Андреичъ Баранчевскій, чиновникъ.	К. П. Колосовъ.
Степанъ, слуга Вихорева	Г. Кремневъ.
Половой въ гостинницѣ	Г. Матвѣевъ.
Мальчикъ и дѣвушка (безъ рѣчей)	

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Черемухинѣ.

Будучи самовидцемъ этого представленія, Т. И. Филипповъ писалъ: „14 января 1853 года—есть день памятный въ лѣтописяхъ Московскаго театра, который достойно вознаградилъ Островскаго за его трудъ, а Московскую труппу покрылъ новой славой, обнаруживъ въ ней огромныя средства, доселѣ не приведенныя въ извѣстность. Это представленіе мы не

можемъ сравнить ни съ какимъ другимъ. Оно было вовсе не похоже на обыкновенное представленіе: что-то какъ будто въ дѣйствительности происходившее пронеслось оно предъ нами, оставивъ насъ въ полномъ очарованіи. Не думаемъ, чтобъ мы преувеличивали что-либо, говоря это: это мнѣніе весьма многихъ. Многократные и одушевленные вызовы автора очевидно подтверждаютъ его. Артистовъ не вызывали порознь, но постоянно и единодушно кричали: *всѣхъ! всѣхъ!* И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было въ минуты такого всеобщаго восторга разбирать, на сколько одинъ игралъ лучше другого? Даже теперь, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, мы затруднились бы дать подробный отчетъ объ игрѣ артистовъ: такъ всѣ наши впечатлѣнія слились въ одно чувство довольства и наслажденія".

Въ заключеніе своего отчета объ этомъ представленіи, Т. И. Филипповъ пишетъ: „Хотѣлось бы крикнуть: *всѣхъ! всѣхъ!* Но приличнымъ считаемъ, воздавши самую чистосердечную хвалу автору и артистамъ, выразить отъ лица всей публики благодарность Дирекціи, которая образцовой постановкой піесы доставила минуты счастія автору, минуты торжества Московскимъ артистамъ и минуты высокаго наслажденія намъ, зрителямъ" [213]).

Прочитавъ это новое произведеніе Островскаго въ *Москвитянинѣ*, И. С. Аксаковъ, изъ Абрамцева, 14 марта 1853 года, писалъ И. С. Тургеневу: „Новаго сообщить вамъ нечего, развѣ только о комедіи Островскаго; но вы, вѣроятно, уже объ этомъ слышали довольно. Тѣмъ не менѣе, скажу вамъ, что впечатлѣніе, производимое этою піесою на сценѣ, не только силою своею побѣждаетъ всѣ предубѣжденія, но едва-ли съ какимъ либо прежде испытаннымъ впечатлѣніемъ сравниться можетъ. Вполнѣ понятна эта піеса только въ театрѣ. Но піеса — чисто временщица, то есть, вполнѣ принадлежитъ временно и глубже не зачерпываетъ. Бородкинъ — главное лицо — не характеръ, а представитель извѣстнаго сословія и положенія. Нравственное достоинство человѣка, за-

сл͡оненное до сихъ поръ смѣшною внѣшностію и купеческою ложною образованностію, здѣсь ярко выступаетъ на сцену въ состезаніе съ представителемъ другого сословія, въ которомъ нѣтъ ничего смѣшного, все comme il faut и умѣстно, но въ которомъ за то не оказывается никакого нравственнаго достоинства. Впрочемъ, едва начнетъ стираться эта смѣшная купеческая внѣшняя физіономія, тогда поблѣднѣетъ контрастъ между внутреннимъ достоинствомъ и внѣшнимъ его выраженіемъ, и пьеса утратитъ свое теперешнее огромное общественное значеніе" [214]).

Въ томъ же 1853 году, А. Н. Островскій оканчивалъ писаніемъ своей новой комедіи *Бѣдность не порокъ*, и 30 сентября онъ писалъ Погодину, между прочимъ, слѣдующее: „О первой комедіи (т.-е. *Свои люди сочтемся*) я не желалъ бы хлопотать потому: 1) что не хочу нажить себѣ не только враговъ, но даже и неудовольствія; 2) что направленіе мое начинаетъ измѣняться; 3) что взглядъ на жизнь въ первой моей комедіи кажется мнѣ молодымъ и слишкомъ жесткимъ; 4) что пусть лучше Русскій человѣкъ радуется, видя себя на сценѣ, чѣмъ тоскуетъ. Исправители найдутся и безъ насъ. Чтобы имѣть право исправлять народъ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за нимъ и хорошее, этимъ-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое съ комическимъ. Первымъ образцомъ были *Сани*, второй—оканчиваю".

Въ Московскихъ гостиныхъ новая комедія Островскаго *Бѣдность не порокъ* произвела сильное впечатлѣніе, и авторъ, 2 декабря 1853 года, съ восторгомъ писалъ Погодину: „Вотъ и опять торжество, и торжество небывалое. Успѣхъ послѣдней моей комедіи превзошелъ не только ожиданія, но даже мечты мои. Я очень радъ такому сочувствію, оно вознаградило меня за непріятности, перенесенныя мною въ послѣднее время. Я получаю блистательныя предложенія, но не рѣшусь отдать никому, прежде нежели узнаю отъ васъ, желаете ли взять мою комедію и на какихъ условіяхъ. Вы меня, Михайло Петровичъ, очень оскорбили, показавши ко

мнѣ недовѣріе и отказавши мнѣ въ пустякахъ въ самую критическую минуту для меня". Съ своей стороны и Погодинъ былъ недоволенъ Островскимъ за то, что тотъ не читалъ у него своего произведенія. Оправдываясь въ этомъ, Островскій, 3 декабря 1853 года, писалъ ему: „Въ одномъ, въ чемъ вы меня упрекаете, я дѣйствительно виноватъ. Я не читалъ у васъ своей комедіи. Но до сихъ поръ у меня не было ни одного свободнаго вечера, и ѣхать къ вамъ я былъ долженъ не навѣрное, не зная застану ли васъ дома и свободны ли вы. Во всякомъ случаѣ, я долженъ у васъ прочитать комедію, я это знаю и прочитаю. Я, Михайло Петровичъ, радъ всячески служить *Москвитянину*, но мнѣ надобно жить чѣмъ нибудь. Теперь для меня деньги очень нужны, мнѣ нужно ѣхать въ Петербургъ, сдѣлать сдѣлку съ Театральной Дирекціей. Это самое важное дѣло для меня. Мнѣ и прежде дѣлали блистательныя предложенія, но я ихъ не принималъ, а теперь если приму, то меня едва-ли кто обвинитъ. По разсчетамъ, какія я дѣлалъ, мнѣ меньше шестисотъ руб. сер. взять никакъ нельзя; концевъ не сведешь. Мнѣ ужъ даютъ тысячу. Въ моемъ положеніи отказаться отъ такой суммы—порядочное геройство; но во мнѣ еще не все хорошее захламостилось, какъ вы говорите, и я охотно откажусь отъ лишняго, если буду имѣть необходимое".

L.

Другая крупная величина тогдашней Литературы, А. Ѳ. Писемскій, все еще пребывалъ въ Костромѣ, и оттуда, 20 января 1853 года, писалъ Погодину: „Сбираюсь въ Москву и Петербургъ, мнѣ приходится очень неловко служить. Новый нашъ губернаторъ не поладилъ съ бывшимъ нашимъ вице-губернаторомъ кн. Гагаринымъ, а мои Костромскіе враги успѣли представить, что я закадычный другъ того; невиноватый въ этомъ ни душею, ни тѣломъ и не принадлежащій ни прежде, ни нынѣ ни къ какой служебной партіи, я все-таки въ опалѣ,

акъ что мнѣ не только нельзя ожидать никакого служебнаго овышенія, но даже жду каждую минуту, что и съ своего ѣста турнутъ. Одинъ Богъ только знаетъ, какъ я страдаю все это время" [215]).

Землякъ Островскаго и Писемскаго, Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, также украшалъ *Москвитянинъ* своими произведеніями, которыя все болѣе и болѣе обращали на себя всеобщее вниманіе. Даже враждебныя *Москвитянину Отечественныя Записки*, по поводу произведеній Потѣхина, писали слѣдующее: „Ничего нѣтъ пріятнѣе обязанности хвалить, — обязанности самой легкой для рецензента и самой благодѣтельной для Литературы. За то какъ и обязаны мы *Москвитянину*, который своими разсказами, повѣстями, очерками, комедіями, доставилъ намъ столько пріятныхъ случаевъ высказать ему наши похвалы! Если въ *Москвитянинѣ* и пишетъ Погодинъ свои историческія замѣтки и цѣлыя статьи, часто неудобоприложимыя къ Исторіи; если въ томъ же журналѣ Покровскій строго и важно обсуживаетъ многіе вопросы, возникающіе изъ неправильнаго согласованія прилагательнаго съ существительнымъ, за то въ *Москвитянинѣ* мы безпрестанно встрѣчаемъ произведенія достойныя того, чтобъ говорить о нихъ. Въ нынѣшнемъ году имѣли мы случай хвалить *Питерщика*,— очеркъ Писемскаго; *Не въ свои сани не садись*—комедію Островскаго; *Исторію Фрола Скобѣева*, *Дневникъ Студента* и повѣсть г-жи Вельтманъ—*Викторъ*. Теперь укажемъ на произведенія Потѣхина. Немудрено послѣ этого, что мы такъ часто въ нынѣшнемъ году говорили о *Москвитянинѣ* и, можетъ быть, рѣдко о другихъ журналахъ. Что, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году представилъ намъ *Современникъ*, если выключить изъ него многочисленные переводы? Комедію Писемскаго *Раздѣлъ*; но комедія эта такъ слаба въ сравненіи съ другими произведеніями того же автора, напримѣръ, съ *Ипохондрикомъ*, помѣщеннымъ въ *Москвитянинѣ* въ 1852 году, какъ *Богатый Женихъ*, романъ того же автора, помѣщенный въ

Современникъ въ 1852 году, ниже всѣхъ другихъ романовъ Писемскаго, помѣщенныхъ въ *Москвитянинѣ*" [216]).

Свое profession de foi Потѣхинъ выразилъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Погодину. въ которомъ между прочимъ писалъ: „Вся цѣль моя сказать доброе слово о нашемъ добромъ крестьянинѣ, все желаніе—защищать его отъ многихъ ложныхъ на него взглядовъ, показать его такъ, какъ онъ есть, не щадя дурныхъ сторонъ, не скрывая хорошихъ. Ни одной соціальной или утопической мысли, ни одного философски надуманнаго, обличающаго больше претензіи, нежели сочувствіе или знаніе вопроса вы не найдете въ моемъ произведеніи".

Въ мартѣ 1853 года, мы видимъ Потѣхина въ Москвѣ. Подъ 15-мъ числомъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ Костромскіе сотрудники: Потѣхинъ и Ивановъ. Привелъ ихъ Филипповъ. Толкованіе съ ними со вспышками"; а подъ 20-мъ числомъ, въ томъ же *Дневникѣ* читаемъ: „Совѣты литературные Потѣхину и Иванову".

8 октября 1853 года, Потѣхинъ писалъ Погодину: „Въ настоящее время, мнѣ крайне нужно пріѣхать въ Москву, чтобы хлопотать о постановкѣ на сцену двухъ драмъ, которыя я написалъ и которыя принадлежатъ *Москвитянину*. Одну изъ этихъ драмъ, по моему худшую, я посылаю сегодня къ брату Николаю, которому и позвольте прочитать ее себѣ. Онъ слышалъ въ моемъ чтеніи три первыя дѣйствія, слѣд. можетъ легче уяснить характеры дѣйствующихъ лицъ драмы. Знаю, что въ этомъ произведеніи много недостатковъ, увѣренъ, что строгой судъ откроетъ ихъ еще болѣе, нежели нахожу я самъ, но знаю и то, что кому ни читалъ его,—всѣ приходили въ восторгъ; не увлекаясь крайностями, выбирая середину, успокоиваюсь на мысли, что произведеніе недурное. Вторая драма изъ крестьянскаго быта, по моему собственному убѣжденію, гораздо лучше первой. Мнѣ очень хочется, въ теченіе нынѣшняго сезона, поставить на сцену хоть одну изъ нихъ, но для этого мнѣ необходимо пріѣхать въ Москву. Ради Бога,

избавьте меня отъ новаго займа и пришлите денегъ: отъ ста р. сер. уже ничего не осталось, потому что я расплатился съ долгами и долженъ былъ много потратиться на переѣздъ изъ Костромы въ деревню. Я не могъ продолжать службы въ Костромѣ, по обстоятельствамъ, которыя передамъ вамъ, если угодно, при личномъ свиданіи“ [217]).

Въ декабрѣ того же 1853 года, Потѣхинъ посѣтилъ Москву и прочелъ Погодину свою драму, о которой Погодинъ замѣтилъ: „Съ великими достоинствами“ [218]). Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 12 декабря 1853 года, отмѣчено: „Думалъ о отношеніяхъ съ Потѣхинымъ. Чтобъ не укатилъ онъ на мои деньги въ Петербургъ“.

А. А. Потѣхинъ дѣйствительно „укатилъ“ въ Петербургъ, и тамъ въ Мраморномъ Дворцѣ прочелъ драму, о которой великій князь Константинъ Николаевичъ, 28 декабря 1853 года, писалъ Погодину: „Вчера г. Потѣхинъ читалъ мнѣ свою драму, которая обнаружила въ немъ прекрасный талантъ и большое знаніе быта и языка крестьянъ нашихъ. Я весьма благодаренъ вамъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили, обративъ мое вниманіе на это замѣчательное сочиненіе и желаю искренно, чтобъ молодой авторъ, продолжая изучать въ разныхъ мѣстахъ Россіи народную жизнь, дарилъ насъ по временамъ подобными произведеніями. Съ своей стороны, я готовъ оказать ему возможное содѣйствіе и покровительство и увѣренъ, что вы дадите его таланту и дѣятельности хорошее направленіе“.

Получивъ это письмо, Погодинъ, подъ 30 декабря 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Письмо отъ великаго князя Константина Николаевича о Потѣхинѣ препріятное“.

LI.

25 февраля 1853 года, А. А. Григорьевъ написалъ къ Погодину рѣзкое письмо, въ которомъ читаемъ: „Хотя ваше превосходительство и объявили недавно печатно, что вамъ

надоѣли и посѣщенія и письма знакомыхъ и сотрудниковъ,—но, когда дѣло идетъ, во-первыхъ, объ отношеніи сотрудниковъ къ журналу, а во-вторыхъ, о будущемъ, какъ ихъ, такъ и журнальномъ,—то правило можетъ быть нарушено и покой вашъ мы имѣемъ нѣкоторое право потревожить, ради будущихъ же отношеній, ихъ возможности и прочности. Не стану говорить о другихъ *нашихъ*, потому что у нихъ есть свой языкъ, буду говорить единственно о себѣ и о своихъ къ журналу отношеніяхъ, хотя вполнѣ увѣренъ, что никому изъ *нашихъ* мой взглядъ на дѣло не покажется страннымъ. Вы какъ-то сказали, что у меня сердце легкое и отходчивое — это правда; но мнѣ кажется, что есть вещи, которыя оско[illegible]-бять и мое легкое сердце. *И во-первыхъ*, что вы сдѣла[illegible]и съ моей статьею о первомъ нумерѣ *Библіотеки* и о Литер[illegible]-турѣ тридцатыхъ годовъ? — статьею, которую я писалъ о[illegible]ъ имени всѣхъ насъ, статьею, которая имѣла очевидною цѣль [illegible]ю показать наше отношеніе къ предшествовавшему. Мы (не [illegible]я одинъ, но мы) видимъ и хотимъ видѣть историческую свя[illegible]зь между нашей дѣятельностью (какъ она ни малозначительн[illegible]а) и дѣятельностью Пушкинской эпохи — но не видимъ и н[illegible]е хотимъ видѣть связи между нами и М. А. Дмитріевымъ, ко[illegible]-тораго имя вамъ угодно было присовокупить къ числу имен[illegible]ъ почтенныхъ, нами уважаемыхъ; и вслѣдствіе того упомяну[illegible]-тыхъ. Мы не видимъ также причинъ почему замѣнено в[illegible]ъ одномъ мѣстѣ позорное имя Ѳадейки Булгарина именемъ, все[illegible]-таки болѣе достойнымъ уваженія, Н. А. Полеваго: неужел[illegible]и потому только что Ѳадейка служитъ *кое гдѣ*, а Полевой—по[illegible]-койникъ?—Неужели изъ страха *Сѣверной Пчелы*, не достой-[illegible]-наго ни васъ, ни насъ, ни *Москвитянина?*... Почему... но конц[illegible]а бы не было исчисленію тѣхъ, совершенно безпричинныхъ измѣ-[illegible]-ненiй въ статьѣ, которою я весьма дорожилъ?.. И послѣ этого[illegible] вы упрекаете что работа идетъ вяло!.. Руки отваливаются. [illegible] 2) Чѣмъ вы встрѣчали и встрѣчаете обыкновенно—а съ не-[illegible]-давнихъ поръ въ особенности, денежныя просьбы? Положимъ[illegible], что я—говорю опять лично о себѣ — вамъ долженъ, поло[illegible]-

жимъ, что внезапная смерть или какое-нибудь другое бѣдствіе посѣтитъ меня и оставитъ за мною какихъ-нибудь много-много сто цѣлковыхъ—но найдите мнѣ хоть одного изъ сотрудниковъ любого журнала, который бы не былъ своему журналу долженъ втрое, вчетверо, впятеро больше моего—и котораго бы редакторъ журнала встрѣчалъ просьбы — совѣтами и наставленіями *умѣрить* свои расходы, совѣтами весьма назидательными, но къ дѣлу не относящимися?.. Надобно брать людей, каковы они есть, если они сколько-нибудь нужны для какого-либо дѣла. Меня вы хоть зарѣжьте — а чѣмъ больше гнетутъ меня обстоятельства, тѣмъ меньше становлюсь я способенъ на какое-нибудь дѣло, тѣмъ больше впадаю я въ апатію и въ уныніе. Въ настоящую минуту, вы довели меня до того, что я мечтаю только раздѣлаться съ моимъ долгомъ, бросить опротивѣвшую мнѣ Литературу и опять навьючить себя, какъ кляча, уроками. А между тѣмъ, согласитесь, что на что-нибудь я и былъ бы годенъ журналу. 3) Въ вашемъ превосходительствѣ глубоко укоренена мысль, что человѣка надобно держать вамъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы онъ былъ полезенъ. Мысль эта чрезвычайно ошибочна въ приложеніи къ людямъ нашей эпохи, изъ которыхъ наконецъ самаго легкаго и отходчиваго возьметъ зло иную пору. Вотъ что считалъ я обязанностію высказать вашему превосходительству передъ наступленіемъ великаго поста. Кстати еще,— вы посылаете звать нашихъ черезъ меня, какъ черезъ курьера, забывая что у меня даже и средствъ нѣтъ быть разсыльнымъ?.. Согласитесь, что это очень патріархально, но и очень странно" [219]).

Письмо это Погодинъ получилъ въ тотъ день, когда онъ созвалъ къ себѣ гостей на блины. Въ *Дневникѣ* его, подъ 24 февраля 1853 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: „На блинахъ гости. Предосадное письмо отъ Григорьева—и разстроился. Жаль, что не былъ Островскій. Чего не знаетъ Хомяковъ! Объ Меримѣ. Знаетъ по-Русски, сказалъ Соболевскій. Да, отвѣчалъ я, всякій Еремей про себя разумѣй. Хо-

дилъ гулять отъ головной боли. За князьями и корректурой". Письмо же Григорьева Погодинъ долго помнилъ, и въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 26 мая 1853 года, записалъ: „Григорьевъ почувствовалъ всю гадость своего письма".

Но сія запись не соглаcуется съ тѣмъ, что впослѣдствіи писалъ А. А. Григорьевъ въ своей автобіографіи, въ которой мы читаемъ: „Погодинъ нерѣдко бывалъ недоволенъ мнѣніями своихъ молодыхъ сотрудниковъ и не стѣснялся высказывать ихъ печатно, въ примѣчаніяхъ къ ихъ статьямъ; иногда онъ пускалъ въ ходъ и другіе пріемы. Старый хламъ и старыя тряпки подрѣзывали всѣ побѣги жизни въ *Москвитянинѣ* пятидесятыхъ годовъ. Напишешь, бывало, статью о современной Литературѣ,—ну, положимъ хоть о лирическихъ поэтахъ,—и вдругъ, къ изумленію и ужасу, видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея втесались въ сосѣдство имена графини Ростопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Өедорова... и—о ужасъ!—Авдотьи Глинки! Видишь—и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется, и послѣднюю корректуру, и сверстку даже прочелъ,—и вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, явились въ печати незванные гости! Или слѣдитъ, бывало, зорко и подозрительно слѣдитъ *молодая Редакція,* чтобы какая-нибудь элегія г. М. Дмитріева или какой-нибудь старческій грѣхъ какого-либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала. Чуть немного пооcлабленъ надзоръ—и г. М. Дмитріевъ на лицо, и г-жа К. Павлова, что-нибудь соорудила, и, наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію *молодой Редакціи,* на видномъ-то самомъ мѣстѣ какая-нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется" [220]).

Другая статья Григорьева, напечатанная въ *Москвитянинѣ* 1853 года, подъ заглавіемъ: *Русская изящная Литература въ 1852 году* [221]), вызвала порицаніе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Тамъ сказано: „Въ то время, какъ писатели, сошедшіе уже съ своего поприща, находятъ добросо-

вѣстныхъ цѣнителей, писатели дѣйствующіе — лишь изрѣдка слышатъ о себѣ голосъ правдивой и вѣрной критики. За то чаще всѣхъ раздается голосъ г. Аполлона Григорьева съ какихъ-то туманныхъ высотъ, недоступныхъ нашему разуму" [222]). Согласно съ этимъ, профессоръ И. Н. Березинъ писалъ Погодину: „Закажите Аполлону Григорьеву не писать вычурно... Согласитесь, что повѣсть *о Фролѣ Скобѣевѣ*, очень интересная,—не *наука*".

Въ то же время Н. С. Тихонравовъ счелъ полезнымъ довести до свѣдѣнія Погодина, что въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* „*фактами* доказано, что Григорьевъ: 1) перемѣшалъ названія романовъ, о которыхъ судитъ, 2) позабылъ ихъ содержаніе и 3) смѣшалъ двухъ различныхъ писателей" [223]).

LII.

Къ числу лицъ, примыкавшихъ къ молодой Редакціи *Москвитянина*, былъ и Сергѣй Павловичъ Колошинъ. Литературную свою дѣятельность онъ началъ съ 1849 года, въ *Москвитянинѣ*, въ которомъ печаталъ свои *Записки праздношатающагося*, изъ нихъ обратили на себя особенное вниманіе очерки *Половой* и *Раекъ*, „полные наблюдательности и юмора". Впослѣдствіи Б. Н. Алмазовъ, перечисляя литературныя силы Москвы, въ извѣстномъ стихотвореніи *Похороны Русской Рѣчи*, сказалъ:

„Господа! Ей-Богу тошенъ
Жребій родины моей".
Загремѣлъ Сергѣй Колошинъ
Катилина нашихъ дней.... [224]).

Этотъ *Катилина* напечаталъ въ недружелюбныхъ *Москвитянину*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: *Нѣсколько словъ о прошломъ Декабря*, и въ концѣ своей статьи сказалъ: „*Москвитянинъ* обѣщаетъ не мало хорошаго. Beati credentis — замѣчаютъ иные зоилы, т.-е. не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки" [225]).

Эти строки сотрудника *Москвитянина* очень оскорбили и Шевырева и Погодина, и послѣдній излилъ свое негодованіе въ слѣдующемъ письмѣ къ Колошину: „Наконецъ я прочелъ ваши выходки противъ *Москвитянина*, и принужденнымъ нахожусь поставить на видъ вамъ слѣдующее: Въ продолженіе полутора года литературныхъ сношеній нашихъ, — скажите, подалъ ли я вамъ малѣйшій поводъ къ неудовольствію? Не написали ли вы мнѣ тридцать писемъ (они у меня цѣлы) съ описаніемъ самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ, изъ коихъ васъ надо было выручить мнѣ? Не выражали ль вы мнѣ тридцать разъ самой горячей благодарности за исполненіе вашихъ желаній? Письма у меня также цѣлы. Но это все ничего не значитъ—скажите, не имѣли-ль вы множество доказательствъ моего искренняго участія въ вашемъ положеніи, слышали-ль вы отъ меня одно слово не-доброжелательное, лицемѣрное, напр. въ одобреніе вашего образа мыслей или дѣйствій, т.-е. я хочу сказать, что говорилъ вамъ всегда искренно, по крайнему своему разумѣнію, желая вамъ добра, лаская себя надеждою, что лѣтъ черезъ десять, пятнадцать, этотъ сорви-голова (я такъ считалъ васъ) скажетъ мнѣ спасибо за мое участіе. Далѣе — вы оставили *Москвитянинъ* за помѣщеніе повѣсти *Вельо* (*Самарянка*, Луиджи Вѣльйо, перев. князя Владиміра Львова. М. 1851, II, 49 —81). Ни единаго слова не произнесъ я никому до сихъ поръ объ этой причинѣ, чтобъ не навлечь вамъ какой нибудь полугражданской или общественной непріятности. *Не долженъ ли я вамъ*, —спрашивали меня многіе,—никому ни слова не сказалъ я, чтобы вы были мнѣ должны, а вы мнѣ должны. Вашъ разсказъ набранъ былъ съ лѣта. Услышавъ, что вы требуете его къ себѣ, я спрашивалъ, не имѣете ли вы какой причины хотѣть, чтобы онъ былъ не напечатанъ — и изъявилъ готовность возвратить его тотчасъ Отдаю все это на судъ вашъ— скажите, можно ли поступить деликатнѣе? Вы недовольны *Москвитяниномъ*? Скажите, слышали ли вы отъ меня какое нибудь неудовольствіе или жалобу на тѣхъ, которые раздѣ-

ают, положимъ, подобное мнѣніе? Не видали-ль вы мое совершенное равнодушіе и безпристрастіе. Я ни слова не скажу и вамъ, никому, если вы скажете: *Ипохондрикъ* посредственъ потому то, что Григорьевъ говоритъ вздоръ, потому то, Погодинъ думаетъ о себѣ много и пр. Повторю—всякій имѣетъ право имѣть свое мнѣніе и выражать его, гдѣ и какъ хочетъ: это я говорилъ всегда и буду говорить. *Но вы пишете*, что *Москвитянинъ обманываетъ*. Помилуйте, ну какъ вамъ это не стыдно! *Beati credentis*, — вы пишете это въ январѣ во время подписки, давая знать этимъ: не подписывайтесь. Изъ чего-же вы хотите вредъ-то дѣлать, объясните мнѣ это! Это желаніе вреда видно и въ томъ, что вы говорите о будущемъ напечатаніи *Ипохондрика*, когда онъ уже былъ напечатанъ и умалчиваете гдѣ. Еще что-то было, и я позабылъ, а справляться не хочется. Раны, вами наносимыя, не смертельны, не кровавыя, это правда, но мнѣ причиняютъ мнѣ боль совсѣмъ въ другомъ отношеніи: нравственную боль причиняютъ онѣ, потому что, каюсь, я чувствовалъ къ вамъ какое-то расположеніе: все-таки, онъ добрый малый, думалъ я и говорилъ, остепенится,—хорошо остепенились вы! Мнѣ надо пояснить о долгѣ. Вы остались мнѣ за 1851 годъ рублей сто серебромъ (и вы сами говорили это, ограничивая число, сколько помню, около семидесяти), да за 1852 годъ—осталось рублей пятьдесятъ. Если же счесть билеты на *Москвитянинъ*, вами полученные, то выйдетъ слишкомъ двѣсти. Я неисправимъ, не требую отъ васъ: хотите вы отдать мнѣ, отдайте, не хотите, не отдавайте. Разумѣется, я не захочу поставить васъ въ то положеніе изъ коего выручилъ. Хотите отдать статьями—очень радъ, тѣмъ болѣе, что увидѣлъ ваше имя и въ другомъ оглавленіи. Вотъ какое письмо длинное я написалъ вамъ. Признаюсь, мнѣ легче будетъ послѣ него... А *Москвитянинъ*-то идетъ лучше! Мнѣ жаль, что не могу благодарить васъ за честь успѣха, котораго, думалъ я, вы ему желали! Beati credentis—да вѣдь не исполнено-то

только то, что вами обѣщано! И вы за это упрекаете *Москвитянинъ!*"

Въ это время Погодинъ началъ тяготиться молодою Редакціею *Москвитянина*, а послѣдняя стала стремиться о независимости отъ своего принципала. Въ *Дневникъ* свой, подъ 1 апрѣля 1852 года, Погодинъ заноситъ: „Нелѣпости сотрудниковъ. Ужасно ограничены"; а подъ 3-мъ числомъ того же мѣсяца: „Думалъ о сдачѣ журнала".

Между тѣмъ, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину слѣдующее: „Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ въ наше вечернее засѣданіе, я замѣтилъ, что вы въ заблужденіи, на счетъ расположенія къ вамъ молодой Редакціи. Вы узнаете когда-нибудь, что недоимка за вами, а не за нами. Наше поколѣніе вы бранили не безъ основанія, но вамъ не слѣдовало и не слѣдуетъ говорить такъ. Все ли вы (человѣкъ здоровый) сдѣлали для больныхъ юношей, не что могли, а что вамъ мимоходомъ можно было сдѣлать безъ ущерба себѣ и безъ работы? Я не въ укоръ это вамъ говорю, а по любви, не о себѣ думаю, а объ васъ. Съ поколѣніемъ, которое испытало на себѣ гнетъ либерализма, должно вести себя очень тонко и скрывать, какъ можно далѣе любоначаліе, если оно есть. Разумѣется, еще лучше изгнать его вовсе, теперь время объ этомъ думать и молиться. Когда вы сравнивали свое дѣло съ министерскимъ, вы бросили въ меня нѣкоторое словцо, какой-то намекъ, что мое расположеніе къ вамъ не прямое, а косвенное. Вы это говорите, ничего не зная обо мнѣ. Разумѣется, въ минуты безумства вы мнѣ представляетесь чудовищемъ, какого не производилъ міръ, но развѣ это можетъ что-нибудь значить?"

Въ другомъ своемъ письмѣ Т. И. Филипповъ писалъ Погодину: „Молодая Редакція разлетѣлась по разнымъ сторонамъ: Островскій у себя въ деревнѣ, поѣхалъ къ больному отцу, но не засталъ его въ живыхъ; Борисъ *) поѣхалъ къ здо-

---

*) Алмазовъ.

ровому отцу, и неизвѣстно, какъ нашелъ его и съ чѣмъ пріѣдетъ назадъ; мы сходимся, то-есть, Эдельсонъ, Григорьевъ, *и я*, рѣдко и грустно. Я постоянно боленъ; жду тепла".

LIII.

Кромѣ Т. И. Филиппова, выразителемъ мнѣній членовъ молодой Редакціи *Москвитянина* и ихъ отношеній къ Погодину явился и Е. Н. Эдельсонъ, въ отвѣтныхъ письмахъ своихъ къ принципалу.

12 ноября 1853 года, Эдельсонъ писалъ: „Извините, что я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо; необходимость посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ прочими и потомъ нѣкоторыя собственныя дѣла были тому причиною. Впечатлѣніе, произведенное вашимъ письмомъ на всѣхъ насъ, было одинаково. Не опредѣляя напередъ этого впечатлѣнія никакимъ словомъ, я постараюсь передать его вамъ, разбирая отдѣльные пункты вашего письма. Прежде всего намъ показалось страннымъ и нѣсколько обиднымъ, что, рѣшаясь возобновить съ нами журнальныя отношенія, вы какъ будто хотите показать намъ въ то же время, что и прежнія сношенія вамъ очень надоѣли; иначе мы не можемъ объяснить себѣ такъ рѣшительно высказанное вами нежеланіе принимать какое либо участіе въ нашихъ общихъ совѣщаніяхъ. Съ крайнимъ прискорбіемъ также узнали мы, что вы лично не находите уже никакой надобности въ продолженіи *Москвитянина* и что судьба этого журнала, съ которою мы хотѣли связать нѣчто дорогое и для насъ, зависитъ въ настоящее время отъ того: будетъ или нѣтъ у него достаточное число подписчиковъ. Но особенно поразило насъ ваше обвиненіе насъ въ томъ, будто мы только по неопытности промахнулись и выпросили съ васъ тридцать р. сереб. съ листа, между тѣмъ, какъ при благопріятныхъ условіяхъ могли получить пятьдесятъ. Этого, признаться, мы никакъ не ожидали! Неужели послѣ двухлѣтнихъ, близкихъ сношеній съ нами вы не

убѣдились, что мы желаемъ участвовать именно въ *Москви-тянинѣ*, не потому только, что ожидаемъ отъ этого журнала большихъ матеріальныхъ выгодъ? Но вѣдь есть же наконецъ такія платы, которыя иногда неохотно объявляешь спраши-вающимъ постороннимъ лицамъ. Намъ очень прискорбно, что однимъ изъ предложеній нашихъ мы поставили васъ въ такое положеніе, которое впрочемъ никакъ не представлялось намъ такъ рѣзкимъ, какъ вы его *охарактеризовали*; но, извиняясь въ этомъ, мы однако не можемъ не повторить, что за исклю-ченіемъ одного имени, остальныя и многія другія не назван-ныя должны быть дѣйствительно пожертвованы для успѣх и достоинства журнала. Таково общее впечатлѣніе наше, ко-торое я принялъ на себя смѣлость передать вамъ своим собственными словами. Отъ души желаю, чтобы устранили всѣ существующія между нами недоразумѣнія и дѣло, за ко-торое мы хотѣли приняться, потекло впередъ дружными, о-щими усиліями. А дѣло это, по нашему мнѣнію, еще стоит на очереди, хотя вы, сколько можно замѣтить, считаете ег уже оконченнымъ“.

Въ другомъ же письмѣ, отъ 18 ноября, Эдельсонъ пи-салъ: „Я передалъ кому слѣдуетъ результатъ нашего послѣд-няго разговора съ вами и имѣю порученіе сказать вамъ п этому случаю слѣдующее: Принимая въ соображеніе особен-ную выгоду для насъ и для васъ полной передачи намъ жур-нала, на объявленныхъ вамъ условіяхъ, а также испытав уже разъ неудобство другихъ какихъ либо неопредѣленных отношеній къ журналу, мы желали бы всего болѣе остано-виться на этомъ пунктѣ. И такъ какъ, въ случаѣ вашег согласія на такую передачу, дѣло это должно быть сдѣлан въ самоскорѣйшемъ времени, то мы рѣшились подождать нѣ-сколько дней вашего послѣдняго рѣшенія по этому вопросу какъ самому интересному для насъ. Если же по прошестві срока, который вамъ угодно будетъ назначить для этого дѣл вы, къ общему нашему сожалѣнію, найдете полную передач рѣшительно неудобною, мы будемъ имѣть честь предложит

вамъ подробныя условія, при которыхъ считаемъ для себя возможнымъ участіе въ *Москвитянинѣ*. Что касается до предложенія вашего принять намъ на себя отдѣлъ Критики и Журналистики, то, какъ я уже имѣлъ честь объяснять вамъ, такое частное сотрудничество противорѣчитъ нашимъ интересамъ и въ то же время не можетъ принесть никакой пользы *Москвитянину*. Въ случаѣ вашего рѣшительнаго отвѣта на это письмо, дѣло, надѣюсь, пойдетъ скоро и нужныя статьи конечно будутъ готовы къ первой книжкѣ, хотя бы другіе ея отдѣлы и начаты уже были печатаніемъ теперь же".

Во время пребыванія Погодина въ чужихъ краяхъ, *Москвитянинъ* лишился одного изъ своихъ сотрудниковъ.

14 іюня 1853 года, скончался Иванъ Тимоѳеевичъ Кокоревъ. 20-го іюля того же года, Погодинъ писалъ изъ Эмса въ Москву: „Третьяго дня въ Берлинскихъ газетахъ я увидѣлъ нечаянно, что Кокоревъ умеръ! Несчастный! Что съ нимъ случилось? Напишите мнѣ подробно объ его кончинѣ. Велите отцу принесть къ вамъ всѣ его бумаги, и скажите ему, что по пріѣздѣ, я постараюсь устроить его положеніе". Изъ Конторы Погодину отвѣчали: „Причиною смерти Кокорева былъ тифъ, который сдѣлался видимо опаснымъ только за три дня до его смерти; до тѣхъ же поръ онъ выходилъ изъ комнаты и считалъ себя только немного простуженнымъ. Въ субботу, накунѣ его смерти, я выпросилъ позволеніе помѣстить его въ больницѣ у Д. Е. Мина, и когда въ воскресенье утромъ онъ былъ привезенъ, то всѣ присутствовавшіе доктора единогласно сказали, что концемъ его страданій будетъ смерть. Въ 8 часовъ вечера, слова ихъ грустно исполнились. Онъ умеръ, какъ подобаетъ христіанину, причастившись св. Таинъ и былъ погребенъ на деньги, выданныя отцу его Елизаветой Ѳоминичной (тещей Погодина), осьмнадцать рублей" [226]).

Одинъ изъ сотрудниковъ *Москвитянина* и другъ почившаго, Василій Дементьевъ, почтилъ память своего усопшаго несчастнаго собрата словомъ воспоминанія. Онъ писалъ: „И. Т. Коко-

ревъ былъ сынъ вольноотпущеннаго и получилъ образованіе сперва въ Уѣздномъ Училищѣ, потомъ во второй Московской Гимназіи, въ которой, за недостаткомъ средствъ, курса не окончилъ, хотя отличался прилежаніемъ, необыкновенно быстрыми успѣхами и кроткимъ поведеніемъ. Литературныя занятія его начались подъ покровительствомъ графини Е. П. Ростопчиной и Аркадія Аѳанасьевича Стойковича *), поручившаго ему исправлять языкъ нѣкоторыхъ статей, присылаемыхъ въ *Живописное Обозрѣніе*. Лучшимъ произведеніемъ его почитается *Саввушка*, напечатанное въ *Москвитянинѣ*. Умеръ онъ двадцати восьми лѣтъ, тихо, одиноко, въ Екатерининской больницѣ, и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, такъ элегически описанномъ имъ въ *Саввушкѣ*" [227]).

Знавшіе Кокорева свидѣтельствуютъ, что онъ, „еще будучи шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, началъ уже помѣщать небольшія статьи и разсказы въ *Живописномъ Обозрѣніи*; но обратилъ на себя вниманіе публики только съ 1849 г., благодаря пріютившему его *Москвитянину*, въ которомъ и продолжалъ онъ съ того времени работать. Разсказы и очерки Кокорева писаны были прекраснымъ языкомъ, художественно выдержаны и представляли вѣрныя картины изъ народнаго быта, при чемъ, безъ излишества въ реализмѣ, Кокореву удавалось схватывать зачастую и весьма типическія его черты. Особенно сильное впечатлѣніе произвела довольно большая повѣсть его *Саввушка*, напечатанная въ *Москвитянинѣ*, за 1852 г. Повѣсти этой суждено было быть и послѣдней".

Узнавъ о кончинѣ Кокорева, И. С. Тургеневъ, 29 іюня 1853 года, писалъ С. Т. Аксакову: „Очень мнѣ жаль, что Кокоревъ умеръ. Его *Саввушка* подавалъ большія надежды. Много въ немъ было теплоты и наблюдательности. Нездоровится нашимъ писателямъ" [228])!

---

*) А. А. Стойковичъ, женатый на сестрѣ П. М. Строева, Екатеринѣ Михайловнѣ, завѣдывалъ впослѣдствіи Отдѣленіемъ Русскихъ книгъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

LIV.

Въ то время, когда Погодинъ велъ переговоры съ членами молодой Редакціи о будущихъ судьбахъ *Москвитянина*, профессоръ И. Н. Березинъ писалъ Погодину изъ Казани: „Живя въ Москвѣ, знаете ли вы, что противъ *Москвитянина* образуется союзъ, который наканунѣ новаго года рѣшилъ купить *Сынъ Отечества* у Мосальскаго и издавать его въ Москвѣ? Если знаете, то постарайтесь объ исправномъ ходѣ своего журнала".

Дѣйствительно, въ это время М. Н. Катковъ, желая пріобрѣсти себѣ литературный органъ, вошелъ, чрезъ посредство профессора Н. М. Благовѣщенскаго, въ переговоры съ Мосальскимъ, о пріобрѣтеніи отъ него *Сына Отечества;* но когда эти переговоры не увѣнчались успѣхомъ, то Катковъ, чрезъ посредство Д. А. Ровинскаго, обратился къ Погодину съ предложеніемъ, о сдачѣ ему *Москвитянина*. Въ *Дневникѣ* Погодина 1853 года, мы находимъ слѣдующія записи: Подъ *18 декабря*: „Ровинскій съ предложеніемъ отъ Каткова".

— 23 —: „Катковъ и Ровинскій, съ предложеніемъ о сдачѣ журнала. Толкованія. Просилъ сроку".

Послѣ этихъ переговоровъ, Погодинъ написалъ Каткову письмо, которое до отправленія читалъ Ю. Ѳ. Самарину и Шевыреву. Подъ 24 декабря 1853 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „По утру Самаринъ. Не совѣтуетъ отдавать журнала. Вечеромъ Шевыревъ, которому прочелъ свое письмо, а не имѣлъ духа сказать о предполагаемой сдачѣ".

Катковъ отвѣчалъ Погодину въ самый день Рождества Христова: „По вашему желанію, возвращаю вамъ письмо ваше, и позволяю себѣ сдѣлать на него слѣдующія замѣчанія: Цѣль моя — пріобрѣсти журналъ въ полное мое завѣдываніе. Участвовать въ чужомъ журналѣ, чьемъ бы то ни было, я не рѣшусь, какъ не рѣшался доселѣ, не смотря на самыя

ревъ былъ сынъ вольноотпущеннаго и получилъ образованіе сперва въ Уѣздномъ Училищѣ, потомъ во второй Московской Гимназіи, въ которой, за недостаткомъ средствъ, курса не окончилъ, хотя отличался прилежаніемъ, необыкновенно быстрыми успѣхами и кроткимъ поведеніемъ. Литературныя занятія его начались подъ покровительствомъ графини Е. П. Ростопчиной и Аркадія Аѳанасьевича Стойковича *), поручившаго ему исправлять языкъ нѣкоторыхъ статей, присылаемыхъ въ *Живописное Обозрѣніе*. Лучшимъ произведеніемъ его почитается *Саввушка*, напечатанное въ *Москвитянинѣ*. Умеръ онъ двадцати восьми лѣтъ, тихо, одиноко, въ Екатерининской больницѣ, и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, такъ элегически описанномъ имъ въ *Саввушкѣ*" [227]).

Знавшіе Кокорева свидѣтельствуютъ, что онъ, „еще будучи шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, началъ уже помѣщать небольшія статьи и разсказы въ *Живописномъ Обозрѣніи*; но обратилъ на себя вниманіе публики только съ 1849 г., благодаря пріютившему его *Москвитянину,* въ которомъ и продолжалъ онъ съ того времени работать. Разсказы и очерки Кокорева писаны были прекраснымъ языкомъ, художественно выдержаны и представляли вѣрныя картины изъ народнаго быта, при чемъ, безъ излишества въ реализмѣ, Кокореву удавалось схватывать зачастую и весьма типическія его черты. Особенно сильное впечатлѣніе произвела довольно большая повѣсть его *Саввушка*, напечатанная въ *Москвитянинѣ*, за 1852 г. Повѣсти этой суждено было быть и послѣдней".

Узнавъ о кончинѣ Кокорева, И. С. Тургеневъ, 29 іюня 1853 года, писалъ С. Т. Аксакову: „Очень мнѣ жаль, что Кокоревъ умеръ. Его *Саввушка* подавалъ большія надежды. Много въ немъ было теплоты и наблюдательности. Нездоровится нашимъ писателямъ" [228])!

---

*) А. А. Стойковичъ, женатый на сестрѣ П. М. Строева, Екатеринѣ Михайловнѣ, завѣдывалъ впослѣдствіи Отдѣленіемъ Русскихъ книгъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

LIV.

Въ то время, когда Погодинъ велъ переговоры съ членами молодой Редакціи о будущихъ судьбахъ *Москвитянина*, профессоръ И. Н. Березинъ писалъ Погодину изъ Казани: „Живя въ Москвѣ, знаете ли вы, что противъ *Москвитянина* образуется союзъ, который наканунѣ новаго года рѣшилъ купить *Сынъ Отечества* у Мосальскаго и издавать его въ Москвѣ? Если знаете, то постарайтесь объ исправномъ ходѣ своего журнала".

Дѣйствительно, въ это время М. Н. Катковъ, желая пріобрѣсти себѣ литературный органъ, вошелъ, чрезъ посредство профессора Н. М. Благовѣщенскаго, въ переговоры съ Мосальскимъ, о пріобрѣтеніи отъ него *Сына Отечества;* но когда эти переговоры не увѣнчались успѣхомъ, то Катковъ, чрезъ посредство Д. А. Ровинскаго, обратился къ Погодину съ предложеніемъ, о сдачѣ ему *Москвитянина*. Въ *Дневникѣ* Погодина 1853 года, мы находимъ слѣдующія записи: Подъ *18 декабря*: „Ровинскій съ предложеніемъ отъ Каткова".

— 23 —: „Катковъ и Ровинскій, съ предложеніемъ о сдачѣ журнала. Толкованія. Просилъ сроку".

Послѣ этихъ переговоровъ, Погодинъ написалъ Каткову письмо, которое до отправленія читалъ Ю. Ѳ. Самарину и Шевыреву. Подъ 24 декабря 1853 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „По утру Самаринъ. Не совѣтуетъ отдавать журнала. Вечеромъ Шевыревъ, которому прочелъ свое письмо, а не имѣлъ духа сказать о предполагаемой сдачѣ".

Катковъ отвѣчалъ Погодину въ самый день Рождества Христова: „По вашему желанію, возвращаю вамъ письмо ваше, и позволяю себѣ сдѣлать на него слѣдующія замѣчанія: Цѣль моя — пріобрѣсти журналъ въ полное мое завѣдываніе. Участвовать въ чужомъ журналѣ, чьемъ бы то ни было, я не рѣшусь, какъ не рѣшался доселѣ, не смотря на самыя

выгодныя предложенія, которыя были дѣланы мнѣ съ разныхъ сторонъ. Искренне и глубоко сожалѣю, что вы не хотите взять во вниманіе нѣкоторыхъ данныхъ, кои, смѣю думать, могли бы расположить васъ въ мою пользу. Не менѣе сожалѣю о вашихъ недоразумѣніяхъ касательно моихъ отношеній къ вамъ. Въ чемъ же, ради Бога, выразилось мое *недоброжелательство* къ вамъ? О какихъ *оскорбленіяхъ* пишете вы?—Нужно ли было прибѣгать вамъ къ чувству гордости, какъ вы пишете, чтобы возноситься надъ человѣкомъ, который постоянно хранилъ спокойное молчаніе на всѣ оскорбленія, дѣйствительныя и мнимыя, которыми старались задѣть его за живое. Припомните, Михаилъ Петровичъ, и будьте справедливы: былъ ли хоть одинъ литературный шагъ мой встрѣченъ отъ васъ добрымъ, по крайней мѣрѣ доброжелательнымъ словомъ. Небольшіе ученые труды мои, которымъ самъ я никогда не придавалъ особеннаго значенія, не находили ль въ васъ, и въ васъ однихъ въ цѣлой нашей Литературѣ, самаго недоброжелательнаго критика, который оставивъ, умышленно или неумышленно, собственный предметъ дѣла, ограничивался лишь однѣми личностями.—Укажите же мнѣ хоть одно обидное слово, напечатанное мною объ васъ? Въ личныхъ моихъ отношеніяхъ къ вамъ имѣете ли вы причину пожаловаться на какое-нибудь съ моей стороны несоблюденіе вѣжливости, приличія или уваженія къ вамъ? Припомните все, и вы увидите, что недочетъ останется не за мною. Съ одной стороны, окажется желаніе поддерживать добрыя и почтительныя отношенія; съ другой—ни на чемъ не основанная пренебрежительность, вслѣдствіе которой вы даже не считали никогда нужнымъ справиться о мѣстѣ моего жительства. *Злонамѣренныя умолчанія?* Но еслибъ вы могли перебрать всѣ изданные мною нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, то вы убѣдились бы, что на меня столь же мало дѣйствовали хваленія, которыя расточались мнѣ другими журналами, сколько разныя непріязненныя выходки вашего журнала, и если я молчалъ о *Москвитянинѣ*, то равно молчалъ и обо всѣхъ

нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Гдѣ же злонамѣренность?— Недоразумѣнія, на которыя вы жалуетесь, не болѣе какъ тѣнь, падающая (простите откровенное выраженіе) отъ вашей собственной несправедливости. Я вполнѣ убѣжденъ въ вашей добросовѣстности, и увѣренъ, что, призвавъ на помощь память и откинувъ предубѣжденія, вы отдадите мнѣ (по крайней мѣрѣ относительно васъ лично) справедливость. Да разсѣется мракъ, и вы сами увидите во мнѣ человѣка добросовѣстнаго, готоваго на все доброе по своимъ силамъ. Дай Богъ, чтобы впредь не было намъ нужды считаться такимъ образомъ. Впрочемъ, я готовъ лично дать вамъ отчетъ въ каждомъ моемъ поступкѣ. Дай Богъ также, чтобы ваши колебанія кончились, и чтобъ вы дали мнѣ рѣшительный и благопріятный отвѣтъ. — Напишите мнѣ два слова, когда будетъ вамъ угодно видѣться со мною для окончательнаго объясненія по нашему дѣлу: я буду вѣренъ вашему назначенію. Но прошу васъ болѣе всего не медлить рѣшеніемъ, какое-бы оно ни было".

День свиданія съ Катковымъ, Погодинъ назначилъ — 29 декабря 1853 года. На другой день состоявшагося свиданія, Катковъ писалъ Погодину: „Рѣшаясь просить васъ о передачѣ мнѣ *Москвитянина*, я знаю, какъ дорогъ долженъ быть для васъ этотъ журналъ, которому посвятили вы столько лѣтъ вашей литературной дѣятельности. Я глубоко уважаю причины колебаній и сомнѣній, которыя можетъ возбудить въ васъ мое предложеніе. Что будетъ изъ этого журнала? Куда поведутъ его? Какой приметъ онъ характеръ тамъ? Сверхъ того, нѣкоторыя несчастныя недоразумѣнія, возникшія между нами, могутъ тоже оказывать свое дѣйствіе на ваше расположеніе. Каковы бы ни были эти недоразумѣнія (позвольте мнѣ, однако, надѣяться, что послѣ моихъ объясненій они много потеряли своей силы, если еще не совсѣмъ разсѣялись), вы меня достаточно знаете, и не можете сомнѣваться въ умственныхъ и нравственныхъ моихъ наклонностяхъ. Я могу ошибаться, могу оступаться; но всегда съумѣю со-

знать и ошибку и ложный шагъ свой. Мы можемъ розниться въ тѣхъ или другихъ частныхъ воззрѣніяхъ; но, я увѣренъ, въ главномъ и общемъ мы сойдемся съ вами, сойдемся въ преданности нашей вѣрѣ, нашей родинѣ, въ уваженіи къ ея прошедшему, въ надеждахъ на ея будущее. При всѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя насъ раздѣляли, я всегда умѣлъ цѣнить въ васъ этотъ неостывающій жаръ, этотъ энтузіазмъ къ нашей отечественной святынѣ и къ общему дѣлу преуспѣянія и образованія. Вашъ *Москвитянинъ*, подъ моею редакціею, повѣрьте, не оскорбитъ ни одного изъ тѣхъ интересовъ, которые одушевляютъ васъ: они не менѣе дороги и для меня. Я увѣренъ, что мы сходимся съ вами во всѣхъ *положеніяхъ*, и можемъ розниться лишь въ нѣкоторыхъ отрицаніяхъ; я вполнѣ сочувствую тому, что любите вы; но не все то отрицаю, что, можетъ быть, отрицаете вы. Мнѣ извѣстна ваша терпимость, и потому думаю, что нѣкоторое разногласіе въ отрицаніяхъ, при сходствѣ утвержденій, не будетъ для васъ препятствіемъ въ нашемъ дѣлѣ. Терпимость, за которую вы стоите, есть и мое свойство. Всякая исключительность мнѣ противна; я не могу дѣйствовать отъ лица какого-нибудь кружка или партіи. Всякая мысль, всякое направленіе, добросовѣстное и согрѣтое тою же терпимостію, чуждое враждебности и исключительности, всегда можетъ ожидать отъ меня радушнаго пріема, если не полнаго сочувствія. Духъ терпимости въ своемъ высшемъ выраженіи есть духъ любви, и лишь въ этомъ духѣ хороши и цѣнны взаимныя уступки и соглашенія. Нужно ли увѣрять васъ, что уступая мнѣ обязанность хозяина въ *Москвитянинѣ*, вы пріобрѣтете, въ размѣнъ, право быть въ немъ всегда почетнымъ гостемъ? Ваше участіе въ журналѣ, по предмету Русской Исторіи, всегда будетъ дорого мною цѣнимо. Особенно были бы цѣнны мнѣ статьи ваши съ характеромъ болѣе *положительнымъ*, нежели полемическимъ, потому что журналъ мой не любилъ бы полемики. Фаланга людей, посвятившихъ себя наукѣ и слову, еще такъ малочисленна у насъ..., что для нихъ выше всякихъ частныхъ

азногласій должно быть ихъ общее стремленіе. Никакое ичное недоброжелательство не найдетъ себѣ органа въ моемъ урналѣ, и я убѣжденъ, напротивъ, что онъ послужитъ наилучшимъ средствомъ для разсѣянія многихъ недоразумѣній и ля соглашенія добросовѣстныхъ мнѣній. Всѣхъ тѣхъ, съ оторыми вы связаны пріязнію и единомысліемъ, можете вы вѣрить, что, передавая мнѣ журналъ, вы сохраните къ нему равственныя отношенія, что *Москвитянинъ* никогда не забудетъ, что вамъ обязанъ своимъ основаніемъ, а Редакція го, что приняла его отъ васъ. Вы можете увѣрить ихъ, что останетесь посредникомъ между *Москвитяниномъ* и ими,—и аилучшею порукою за неприкосновенность лицъ и интересовъ, которые вамъ близки. Вотъ нѣсколько словъ, которыя отѣлъ я высказать вамъ при началѣ нашихъ переговоровъ. Новѣрьте, они сказаны отъ души и смѣю думать, что они огутъ побудить васъ къ благопріятному рѣшенію дѣла“.

Получивъ это письмо, Погодинъ въ тотъ же день, т.-е. 0 декабря 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Думалъ о передачѣ журнала“.

Но Погодинъ опять заколебался, и Катковъ, предвидя, что ереговоры его не увѣнчаются успѣхомъ, 7 января 1854 года, исалъ Погодину: „Всѣ эти колебанія и сомнѣнія меня стомили. Едва, по-видимому, уладится дѣло въ одномъ пунктѣ, акъ вдругъ начнетъ разстраиваться въ другомъ. Съ самаго ачала я предложилъ вамъ мои условія касательно *Москвитянина*. Нѣсколько разъ вызывалъ я васъ на объясненіе по тому пункту, и каждый разъ вы отвѣчали мнѣ, что матеріальныя условія—дѣло второстепенное, что, по вашему теперешнему остоянію, вамъ затрудняться ими не должно, что мы можемъ читать дѣло въ этомъ отношеніи поконченнымъ. Я имѣлъ, ослѣ всего этого, полное право ожидать, что вы, по крайней мѣрѣ, удовольствуетесь сдѣланными мною предложеніями, старался исполнить всѣ ваши желанія по другимъ пунктамъ. — Но, къ сожалѣнію, нынѣшній нашъ разговоръ заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ

дѣла. Вы вдругъ какъ-будто забыли то, что было предлагаемо вамъ прежде, и почти, по всѣмъ признакамъ, вы уже соглашались, и заговорили о такихъ условіяхъ, которыя намъ и въ голову не приходили. Увѣряю васъ, что дальнѣйшая проволочка дѣла не только тяжела, но и *невозможна* для меня. Я долженъ непремѣнно знать ваше окончательное рѣшеніе завтра, т.-е. въ пятницу, или по крайней мѣрѣ въ субботу. Вотъ мои условія: 1500 р. с. въ годъ до 400 подписчиковъ; а начиная съ этой цифры 2000 р. с. Деньги впередъ, въ началѣ года. Если вы непремѣнно хотите получать съ каждаго подписчика, то я могу назначить никакъ не болѣе 50 к. с. Рузсудите сами, что будетъ вамъ выгоднѣе; я же не могу ни на шагъ отступить отъ этихъ условій. Всякое измѣненіе въ нихъ, съ вашей стороны, я приму за отвѣтъ отрицательный. Контрактъ заключимъ мы на десять лѣтъ, съ предоставленіемъ мнѣ права возобновить оный, по истеченіи этого срока, на тѣхъ же условіяхъ. Умоляю васъ, быть ко мнѣ снисходительнѣе и не медлить отвѣтомъ. Или *да* или *нѣтъ*. Если я въ субботу не получу отъ васъ рѣшительнаго отвѣта, то буду считать дѣло оконченнымъ неблагопріятно, и буду принужденъ приняться за другое, отъ чего былъ отвлеченъ переговорами съ вами".

По-видимому, Погодинъ не далъ Каткову рѣшительнаго отвѣта, и онъ, 10 января 1854 года, написалъ Погодину уже послѣднее по этому предмету письмо: „Отъ всей души прошу у васъ извиненія, если какія-нибудь выраженія въ моемъ послѣднемъ письмѣ могли оскорбить васъ. Увѣряю васъ, что у меня ни малѣйшаго къ тому не было намѣренія. Вступивши съ вами въ искреннія и дружелюбныя отношенія, я не хотѣлъ ничего затаивать, а что было у меня въ ту минуту на душѣ, то и легло подъ перо. Изъ невысказаннаго и затаеннаго выростаютъ у человѣка тѣ чудища, которыя мутятъ его душу и портятъ его отношенія къ другимъ. Болѣе всего встревожило меня то, что вы, прежде выслушавъ, по-видимому, благосклонно мои предложенія, и замѣтивъ,

о по матеріальнымъ условіямъ мы непремѣнно сойдемся, перь, когда рѣчь зашла объ этихъ условіяхъ, ни словомъ коснулись о моихъ прежнихъ предложеніяхъ, и заговорили овсѣмъ о новомъ проектѣ сдѣлки. Г. Новосильцовъ былъ у асъ не какъ участникъ будущаго предпріятія, а какъ человѣкъ ринимающій во мнѣ лично участіе. Приметъ ли наше предпріятіе ольшіе размѣры, нельзя никакъ загадывать заранѣе, нельзя, а основаніи надежды весьма отдаленной, заключить положиельное условіе. Мы можемъ довольно основательно надѣяться, то предпріятіе наше пошло бы успѣшно и давало бы намъ ѣкоторое, хотя и небольшое вознагражденіе. Думать же о больихъ выгодахъ, если и позволительно теперь, то развѣ по проествіи многихъ и многихъ лѣтъ. Что же касается до колебаній, о они потому были для меня тяжелы, что мои обстоятельства ребуютъ теперь скораго рѣшенія. У меня есть еще другіе иды. Въ случаѣ неудачи, мнѣ, по всему вѣроятію, придется умать о переселеніи въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, озволяю себѣ надѣяться, что неблагопріятный исходъ нашихъ ереговоровъ не измѣнитъ дружелюбности отношеній, возобовившихся между нами".

Въ концѣ концовъ Погодинъ не рѣшился передать своего *Москвитянина* Каткову. Виною же сего были славянофилы. 0 января 1854 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: Если хотите, чтобъ направленіе осталось прежнее, никому е отдавайте журнала. Катковъ человѣкъ очень хорошій, но аправленіе будетъ особенное и крайне одностороннее".

Слухъ о переговорахъ Каткова съ Погодинымъ не сохраился въ тайнѣ, а распространился повсюду, о чемъ свиѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки М. М. Стасюлевича къ Погодину: „Я ничего не приготовилъ для журнала, потому то здѣсь всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что вы сдали Реакцію гг. Леонтьеву и Каткову, съ которыми, и особенно съ ервымъ, я конечно не буду имѣть никакихъ сношеній".

Аполлонъ же Александровичъ Григорьевъ сталъ уже хло-

потать о редакторствѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и по этому дѣлу писалъ Погодину: „Вотъ что сейчасъ узналъ я на счетъ выхода Каткова. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, потому что жалованье редактора и проценты недостаточны ему для прожитія. (Онъ женатъ на княжнѣ Шаликовой). Стало быть Лешкову (хоть онъ женатъ и не на княжнѣ, а на православной христіанкѣ)—не слишкомъ лестно промѣнять на это мѣсто окладъ ординарнаго профессора. Средствъ у меня—искать нѣтъ никакихъ: биться лбомъ понапрасну мнѣ ужъ и такъ надоѣло. Вамъ же стоитъ только выйдти изъ маленькой апатіи, чтобы дать мнѣ это мѣсто—невыгодное для мужей княженъ, но весьма желательное для простого человѣка, какъ я. Впрочемъ, я теперь уже привыкъ къ такому фатализму, что передаю вамъ это для свѣдѣнія: хотите вы, чтобы газета, имѣющая 13,000 подписчиковъ была въ *вѣрныхъ* рукахъ,—дѣйствуйте; не хотите—покоряюсь вашей практической мудрости и злобствовать не буду. Самъ я—повторяю вамъ—пальцемъ не двинусь, ибо безполезныя исканія только унижаютъ человѣка, а я, какъ одинъ изъ представителей дѣла, всетаки самаго праваго въ Литературѣ теперешней, унижаться болѣе не хочу. Вы поймете безъ сомнѣнія, что такъ говоритъ во мнѣ не личная гордость, не самолюбіе, а желаніе соблюсти достоинство направленія, котораго вы глава, а друзья наши и я—органы. Забылъ еще прибавить вотъ что: Назимовъ въ большомъ затрудненіи, кого ему назначить редакторомъ, а своякъ мой, Валентинъ Коршъ, даже и не пытается искать этого мѣста и переходитъ, по рекомендаціи Кавелина, въ Петербургъ секретаремъ къ Перовскому“ [229])

LV.

Давнишнее желаніе Погодина продать свое Древлехранилище осуществилось только въ 1852 году. Къ концу этого времени матеріальныя средства Погодина ухудшились донельзя, и онъ сталъ впадать въ отчаяніе.

„Обстоятельства мои“,—писалъ онъ М. А. Максимовичу (29 сентября 1851 года),—„все хуже и хуже, хоть будущее и свѣтлѣетъ“ [230]).

Подъ 27 марта 1852 года, онъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Думалъ подъ-часъ съ грустiю о своихъ неудачахъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ, а подъ-часъ и ободрялся. Надо же бороться съ ними“. Наконецъ, Погодинъ обращается къ П. А. Муханову съ просьбою о деньгахъ, но тотъ отвѣчалъ: „На обзаведенiе въ новомъ домѣ издержалъ весь запасъ,—очень тоскую, что не могу вамъ въ семъ услужить, но право, дѣло такъ, какъ говорю. Дай Богъ вамъ продать собранiе древностей; радъ буду и для васъ и для России, страшно подумать, что все это въ деревянномъ домѣ“.

Къ довершенiю всего, Погодинъ получаетъ отъ П. И. Мельникова извѣстiе, что одного изъ его дѣятельныхъ агентовъ по прiобрѣтенiю древностей постигла печальная участь. „А знаете ли что“,—писалъ Мельниковъ,—„Головастиковъ подъ страшнымъ уголовнымъ дѣломъ, надѣлавшимъ много шума. Онъ вмѣстѣ съ полицейскими сыщиками и даже чиновниками грѣшилъ противъ восьмой заповѣди, по просту, кралъ. Отъ должности полицейскаго ратмана уволенъ, лавка запечатана; завтра, кажется, его съ супругою посадятъ въ тюрьму. Дѣло Сибирью пахнетъ“. О томъ же извѣщалъ Погодина и Даль: „Другъ вашъ Головастиковъ сидитъ въ острогѣ, за торговлю воровскими вещами“.

Другiе агенты Погодина, имѣли болѣе счастливый исходъ изъ своей кипучей и опасной дѣятельности, чѣмъ собратъ ихъ, несчастный Головастиковъ. „Долгомъ поставляю“,—писалъ Погодинъ графу В. Ѳ. Адлербергу, — „принести вашему сiятельству глубочайшую мою благодарность за извѣщенiе о высочайшемъ благоволенiи, коего имѣлъ я счастiе удостоиться по вашему ходатайству за представленiе Симбирской гривны. Купецъ Пискаревъ отъ радости занемогъ, получивъ неожиданно высокую царскую милость, а я медлилъ до сихъ поръ выраженiемъ моей признательности, въ ожида-

ніи его письма, которое теперь и осмѣливаюсь приложить въ безъискуственной его формѣ“.

У агента Погодина по иконной части, мѣщанина Сорокина, оказалась древняя икона преподобнаго Михаила Малеина, которую пожелала пріобрѣсти великая княгиня Марія Николаевна. На Погодина выпалъ жребій посредника. По приказанію великой княгини Маріи Николаевны, А. В. Веневитиновъ писалъ ему, что великая княгиня „желаетъ, во что-бы ни стало, пріобрѣсти образъ, извѣстный тебѣ и принадлежавшій, какъ должно полагать, царю Михаилу Θедоровичу. До свѣдѣнія великой княгини дошло, что нынѣшній владѣлецъ сего образа желаетъ, въ обмѣнъ онаго, получить какую нибудь вещь, могущую служить для него воспоминаніемъ такого обмѣна. Ея высочество поручила мнѣ спросить у тебя, какого рода вещь и въ *какую цѣну* могла бы удовлетворить желанію владѣльца образа, — и съ тѣмъ вмѣстѣ просить тебя о незамедлительномъ отвѣтѣ. Не пожелаетъ ли онъ, можетъ быть, обмѣняться на образъ изукрашенный драгоцѣнными каменьями, каковымъ великая княгиня готова пожертвовать. Въ ожиданіи скораго отвѣта, обнимаю тебя, и прошу поклониться отъ меня тому, кого увидишь изъ друзей“.

Погодинъ это дѣло устроилъ и великая княгиня получила желаемый образъ. „Ея высочество великая княгиня Марія Николаевна“,—писалъ Веневитиновъ Погодину,—„чрезвычайно была обрадована образомъ, посланнымъ къ ней чрезъ твое посредство и благодаритъ тебя за твое участіе въ этомъ дѣлѣ. Она сама подпишетъ письмо, которое она приказала изготовить для прежняго владѣльца образа. Вся переписка съ тобою мѣщанина Сорокина, его записка и твое письмо ко мнѣ были въ подлинникѣ доложены ея высочеству, которая была всѣмъ этимъ глубоко тронута. Я полагаю также, что пошлется къ Сорокину подарокъ, которымъ онъ будетъ доволенъ. Спѣшу тебя объ этомъ увѣдомить, прежде чѣмъ лично обниму тебя: ибо я со всѣмъ семействомъ, въ непродолжительномъ времени, буду въ Москвѣ. И такъ, до свиданія“.

До полученія упомянутаго въ письмѣ Веневитянова *подарка*, Сорокинъ писалъ Погодину: „Ничего не знаю я, будутъ ли какія-либо послѣдствія передачи образа, или нѣтъ, я совершенно не знаю, а очень бы радъ былъ, еслибы великая княгиня о полученіи онаго удостоила меня извѣстіемъ, хотя въ одной строкѣ состоящимъ. Впрочемъ, я благословеннаго въ царяхъ Михаила образъ передалъ по принадлежности великимъ его наслѣдникамъ и тѣмъ свое вѣрноподданническое усердіе исполнилъ вполнѣ, исполнилъ безъ всякаго возмездія, какъ надлежало только Русскому исполнить, исполнилъ съ радостію желаніе великой княгини въ то самое время, когда она изъявила только свое согласіе на принятіе того образа; что зависѣло отъ меня, то я исполнилъ все безъ всякаго замедленія. Теперь угодно ли будетъ великой княгини ознаменовать благосклонное принятіе св. образа и мою передачу онаго какимъ-либо письмомъ, или нѣтъ, это дѣло уже не мое, это дѣло ихъ сердца, а сердца царей въ руцѣ Божіей. Слѣдовательно, что Богу угодно, то и будетъ и я вполнѣ все это дѣло о передачѣ св. образа оставилъ на волю Промысла Всевышняго".

Но вскорѣ Сорокинъ былъ обрадованъ, и своею радостью онъ подѣлился съ Погодинымъ. „Іюля 12-го, въ день празднества преподобному Михаилу Малеину",—писалъ онъ,—„я осчастливленъ былъ полученіемъ чрезъ васъ отъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны благодарности, собственноручнымъ подписаніемъ ея утвержденной, за отосланный мною чрезъ васъ ея императорскому высочеству образъ Преподобнаго Михаила Малеина; а октября 20-го, имѣлъ я счастіе чрезъ васъ же получить присланные отъ ея императорскаго высочества мнѣ перстень, а женѣ моей брошку, украшенные изумрудомъ и брилліантами. Я вознагражденъ теперь за образъ Св. Михаила по щедрости царской, каковою щедростью я всѣмъ Русскимъ всегда буду доказывать, что за Богомъ молитва, а за царемъ, не только служба, но и услуга никогда не пропадаютъ. Когда я женѣ

своей отдавалъ брошку, тогда мы обратились къ небу и *не* успѣвъ окончить благодарной Богу молитвы, какъ оная оросилась слезами радости. Не имѣя возможности благодарить лично ее императорское высочество за оказанныя ея императорскимъ высочествомъ вниманіе къ моей услугѣ и щедрое за нее вознагражденіе мнѣ и женѣ моей, мы оба единодушно выражаемъ благодарность къ ея императорскому высочеству въ своихъ сердцахъ, какъ завѣтъ въ кіотѣ и сохранимъ опую вѣчно—потому болѣе, что память передачи св. образа всегда будутъ напоминать дарованные намъ подарки ея императорскимъ высочествомъ и пока будутъ биться въ насъ сердца и существовать мое потомство, дотолѣ останутся неизгладимыми во мнѣ и въ моемъ родѣ щедроты ея императорскаго высочества и не угаснетъ молитва къ Богу о ниспосланіи ея высочеству здравія и долгоденствія. Благодаримъ и васъ, милостивѣйшій государь, благодаримъ отъ всей души, что вы указали мнѣ путь доставить царское благословеніе въ царственные чертоги. Теперь моя совѣсть чиста и покойна, я знаю, что благословеніе великаго въ царяхъ Михаила пребудетъ вѣчно въ его царственномъ потомствѣ, какъ и надлежало ему всегда пребывать, подобно свѣтильнику на свѣщницѣ, да онымъ свѣтятся благочестіе Россійскихъ царей. Слава и хвала вамъ, ревнителю Русской древности и собирателю оной во единое неразъединяемое и безопасное царственное хранилище, для пользы и славы Россіи и для неизгладимой вѣками памяти въ лѣтописяхъ мудраго отца Россіянъ императора Николая Павловича, свято чтущаго память своихъ предковъ“.

Въ это же время, послѣ *длинной паузы*, возобновились сношенія Погодина съ П. М. Строевымъ, по слѣдующему обстоятельству. Въ 1848 году, скончался въ Москвѣ извѣстный намъ по Археографической Экспедиціи Николай Степановичъ Лебедевъ. Послѣ него остались бумаги, которыя продавала его мать. И вотъ, по поводу этихъ бумагъ, Погодинъ писалъ Строеву (отъ 18 іюня 1851 года): „А кстати. Ко

мнѣ толкнулся вашъ сынъ, который навѣщаетъ иногда меня, потолковать о Словесности. И вотъ отвѣтъ скорый съ усердною благодарностію за предложеніе: оцѣните сами, какъ вамъ угодно, и черкните мнѣ ваше мнѣніе. Если я могу дать назначенную вами цѣну, то пришлю деньги и лошадь съ сундукомъ; а если нѣтъ, ибо я весьма теперь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, то откажусь... На дняхъ я ѣду въ деревню, къ С. С. Уварову, гдѣ долго останусь". Въ другомъ письмѣ по этому поводу, отъ 28 іюля, пущеннымъ изъ Порѣчья, Погодинъ писалъ Строеву: „Я уѣхалъ въ Порѣчье, не успѣвъ получить отъ васъ отвѣта о бумагахъ Н. С. Лебедева. Повторяю мою просьбу о назначеніи имъ цѣны и увѣдомленіи, на что немедленно я представлю вамъ свое согласіе или несогласіе. Я отдыхаю здѣсь отъ журнальныхъ трудовъ за списками формулярными князей". Отвѣтъ отъ П. М. Строева послѣдовалъ только 6 февраля 1852 года: „Вы обѣщали ко мнѣ пріѣхать, чтобы посмотрѣть на рукописи. Уже давно изготовлена мною, въ переплетахъ, *дюжина* книгъ, какъ изъ бумагъ Лебедева и Прилуцкаго, такъ и собственно мнѣ принадлежавшихъ. Хотите посмотрѣть и купить — готово; не хотите, черкните отказъ; только *поскорѣе*. Я продамъ все это другимъ. Только не оставляйте меня въ неизвѣстности. На первой недѣлѣ ихъ уже не будетъ у меня".

Дѣло однако не состоялось. Бумаги Лебедева купилъ Строевъ, который ихъ разобралъ, переплелъ и черезъ годъ потомъ уступилъ Царскому.

Подъ 5 октября 1852 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдали у Селивановскаго. Все старые знакомые: Строевъ, Кочергинъ, Семенъ. Обласкали. Игралъ въ карты послѣ обѣда и смѣялся".

Какъ бы то ни было, матеріальное положеніе самого Погодина отъ всего вышеизложеннаго не улучшалось и онъ въ минуту отчаянія даже рѣшился писать самому государю слѣдующее: „Всемилостивѣйшій государь! Осмѣливаюсь припасть къ стопамъ вашего императорскаго величества. Тридцать

лѣтъ занимался я Русской Исторіей, ревностно и постоянно: въ продолженіи ихъ изслѣдовалъ главныя ея вопросы до нашествія Татаръ, и четыре тома Изслѣдованій напечаталъ, а четыре печатаю; написалъ нѣсколько разсужденій объ Исторіи послѣдующей до Петра I; издалъ разные документы, собралъ и открылъ много новыхъ источниковъ,—и на основаніи сихъ всѣхъ предварительныхъ работъ, пользуясь богатыми матеріалами обнародованными въ ваше царствованіе, началъ писать Исторію. Три тома до Татаръ, у меня почти готовы. Но занятія журнальныя и прочія отнимаютъ у меня много времени, я не могу предаться вполнѣ моему труду, а время уходитъ, и старость приближается. Мнѣ надо спѣшить, пока жаръ не остылъ, и сердце бьется живо. Дайте мнѣ средства, всемилостивѣйшій государь, обезпечьте меня! Не обращаюсь ни къ кому, кромѣ васъ! Я стѣсненъ, у меня ничего нѣтъ: все что я имѣлъ, и вырабатывалъ употребилъ я на собраніе Древностей. Дайте мнѣ средства, и можетъ быть я оправдаю ваше благоволеніе. Можетъ быть мой историческій трудъ займетъ какое-нибудь мѣсто на одной изъ страницъ вашего славнаго царствованія..... Карамзинъ благословилъ меня въ моей молодости на Исторію (1825), принявъ съ лестнымъ вниманіемъ мой первый опытъ. Пушкинъ искалъ моего содѣйствія (1835). Ваше многодѣйственное рукоположеніе придастъ мнѣ силы. Я ожидаю его... Вы не ошибетесь, всемилостивѣйшій государь... Такъ говоритъ мнѣ мое сердце... Во всякомъ случаѣ вы простите моей настоящей дерзости, а преданность моя вамъ извѣстна“.

Написавъ это письмо, Погодинъ, въ полночь, посылаетъ его къ Шевыреву для прочтенія, при слѣдующей запискѣ: „Я написалъ письмо — прочти, но съ чувствомъ и толкомъ, какъ оно написано. Не послать ли его предварительно на судъ и совѣтъ Ѳ. И. Прянишникова? Я думалъ долго и помолился. А тамъ что Богъ положитъ на сердце царя! Заѣзжай ко мнѣ вечеромъ и потолкуемъ. Если никакъ нельзя, вороти мое письмо съ своимъ мнѣніемъ чрезъ Контору

Москвитянина или пришли съ своимъ нарочнымъ. До свиданія".

Очевидно, Шевыревъ остался недоволенъ этимъ проектомъ письма, и оно не было пущено въ ходъ; ибо на этомъ проектѣ письма своего къ царю, Погодинъ собственноручно написалъ: *Не послано.*

LVI.

Для выхода изъ гнетущихъ матеріальныхъ нуждъ, Погодинъ сталъ принимать болѣе соотвѣтствующія мѣры къ продажѣ своего Древлехранилища, которыя и увѣнчались вскорѣ полнымъ успѣхомъ. Сначала, справедливо озабоченный настоятельною нуждою о перемѣщеніи своего Древлехранилища изъ деревяннаго дома подъ каменные своды, Погодинъ, чрезъ посредство Ѳ. И. Прянишникова, сталъ стремиться привлечь къ себѣ участіе графа В. Ѳ. Адлерберга, и достигъ онаго. Для достиженія сей цѣли, Погодинъ обратился къ Ѳ. И. Прянишникову съ слѣдующимъ письмомъ: „Прежде всего позвольте мнѣ просить ваше превосходительство о засвидѣтельствованіи искреннѣйшей моей благодарности графу Владиміру Ѳедоровичу, за его патріотическое участіе въ дѣлѣ о моемъ Музеѣ. Отъ роду никогда ничего не просилъ впродолженіе тридцати-лѣтней моей службы (и никогда ничего не получалъ). О каменныхъ сводахъ я осмѣлился только представить на усмотрѣніе государя императора, какъ нашего общаго хранителя и покровителя, ибо всѣ друзья и знатоки Русской Исторіи объявили мнѣ торжественно, что держать въ деревянномъ домѣ Всероссійскія сокровища есть гражданское преступленіе. Написавъ мои письма въ прошломъ году, я совершенно успокоился: гора отвѣтственности передъ Отечествомъ какъ будто снялась ими съ моего сердца. Какъ Онъ хочетъ, пусть такъ и будетъ! Поправятся мои обстоятельства, снова получитъ больше успѣха мой *Москвитянинъ*,—я выстрою своды, и не уступлю никому этой чести.

И такъ, я просилъ только о сводахъ. Вы сообщаете мнѣ мысль, чтобъ мои сокровища сдѣлались государственными, оставаясь моими, т.-е., чтобъ я назначенъ былъ директоромъ. Обрадовала меня эта мысль несказанно, обрадовала не только за себя, смѣю сказать вамъ, но за общее дѣло. Въ тридцать лѣтъ у меня составились такія связи и такъ познакомился я со всѣми источниками, что могу, если Богъ продлитъ мнѣ жизнь, составить такой Музей, что и царь, Отечество и потомство будутъ говорить мнѣ всегда спасибо. Теперь объ оцѣнкѣ моего Музея. Сдѣлать ее мудрено: ибо имѣю можетъ быть тысячъ двадцать нумеровъ рукописей, книгъ, монетъ, образовъ, граматъ, картинъ, вещей. А всего лучше сдѣлать описаніе и издать *на общій судъ*. Тогда увидитъ вся Россія, чего стоитъ мое собраніе; кромѣ того, сколько положено въ немъ моей жизни и моей души. Издать описаніе на свой счетъ я не могу. Опять я не прошу о пособіяхъ, а только довожу до свѣдѣнія. Извините меня за мою гордость. Открыться ли вамъ вполнѣ, милостивый государь Θедоръ Ивановичъ? Я обидѣлся и вашими словами объ оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ таково было мое первое впечатлѣніе. Если я представилъ въ два раза государю императору такія бумаги, за которыя могъ бы получить сто тысячъ въ Англіи съ любаго библіомана, то я, казалось мнѣ, имѣю право на довѣренность..."

Когда это письмо Прянишниковъ довелъ до свѣденія графа В. Θ. Адлерберга, то онъ нашелъ въ немъ противорѣчіе между словеснымъ отзывомъ Погодина и этимъ письмомъ. При личномъ свиданіи съ Погодинымъ, Прянишниковъ сообщилъ ему объ этомъ замѣчаніи графа Адлерберга; тогда Погодинъ отвѣтилъ Прянишникову письменно: „Точно, я говорилъ его сіятельству, что не желаю никакой награды за мое извѣстное приношеніе. Повторю мои слова и теперь, ибо деньгами цѣнить его нельзя; за него можно было взять кучу золота въ чужихъ краяхъ или принесть въ знакъ своей преданности. Выборъ былъ для меня нетруденъ, но вы согласитесь однако-

кожъ, что послѣ такого приношенія я имѣлъ право надѣяться на помощь въ случаѣ нужды. Прошло два года, мои обстоятельства испортились, а главное, мнѣ необходимо стало обезопасить отъ огня мои историческія сокровища, имѣющія великое значеніе для всего Отечества. Собственныхъ средствъ я не имѣлъ выстроить для нихъ каменное убѣжище; попросилъ пособія и получилъ чрезъ васъ отказъ. Это огорчило меня до глубины сердца—и я говорю это откровенно вамъ, готовъ сказать благородному графу Владиміру Өедоровичу, и самому справедливому государю. Впрочемъ, я смѣю считать за нимъ еще много долговъ, которые, по Русской пословицѣ, вѣрно не пропадутъ. Это все прошедшее, а вотъ настоящее: счастливая судьба дала мнѣ въ руки еще наиважнѣйшій документъ: пространное, *наиискреннѣйшее* описаніе всѣхъ отношеній Потемкина къ императрицѣ Екатеринѣ, великому князю Павлу Петровичу, фаворитамъ, иностраннымъ государямъ, съ подробностями наисокровеннѣйшими, писанное какимъ-то приближеннымъ лицомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Держать такія бумаги я опять считаю непозволительнымъ въ частныхъ рукахъ, опять увѣренъ, что еслибъ ихъ напечатать вдругъ въ Германіи, Франціи и Англіи, то можно бы продать сто тысячъ экземпляровъ, и выстроить не только каменную кладовую, но и развести обширный паркъ при новыхъ палатахъ. Опять прочь отъ меня такія мысли и я никогда ими не воспользуюсь. Не научитъ ли меня ваше превосходительство, какъ поступить мнѣ при семъ случаѣ? Вы вѣрно будете такъ добры, что доведете до свѣдѣнія графа Владиміра Өедоровича всѣ эти обстоятельства, и будете имѣть благосклонность меня увѣдомить".

Самому же графу Адлербергу Погодинъ писалъ: „Осмѣливаюсь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею моею просьбою. Въ 1849 году, я имѣлъ счастіе представить вамъ для государя императора одинъ фамильный документъ, отказываясь отъ всякаго вознагражденія, потому что приношеніе мое, по существу своему, оцѣнкою потеряло бы цѣну.

Прошло три года. Обстоятельства мои, паче чаянія, стѣснились. Я нахожусь теперь въ крайней нуждѣ, преимущественно вслѣдствіе покупокъ, можетъ быть, безразсудныхъ, но имѣвшихъ въ виду общую пользу, ибо ими я спасалъ отечественныя драгоцѣнности отъ гибели, и приготовилъ такіе матеріалы для Исторіи, за которые будетъ она поминать меня во вѣки вѣковъ, и которымъ всѣ наши знатоки единогласно удивляются, требуя настоятельно ихъ описанія. Въ такомъ положеніи, я рѣшаюсь просить ваше сіятельство объ исходатайствованіи мнѣ отъ щедротъ государя императора какой-нибудь помощи, согласно съ вашимъ первымъ благосклоннымъ вызовомъ".

Въ тотъ же день Погодинъ написалъ и Ѳ. И. Прянишникову слѣдующее: „По приказанію вашего превосходительства, имѣю честь представить проекты писемъ во всѣхъ форматахъ. Я думаю, теперь, вслѣдствіе предположенныхъ путешествій, не до Музея. Въ такомъ случаѣ я прошу хоть что-нибудь, потому что я просто на мели. Если не двадцать пять, то хоть бы пятнадцать, хоть бы десять дали мнѣ на поправленіе моихъ обстоятельствъ, *за приношенія, кои не оцѣнимы*. Мнѣ кажется, если вы, съ свойственнымъ вамъ краснорѣчіемъ, объясните графу, что это есть обязанность, долгъ, что приношенія могли быть проданы за дорогую цѣну и пр., то все дѣло и было бы кончено, какъ нельзя лучше. Если же графъ вздумаетъ или рѣшится подать вмѣстѣ мое письмо о Музеѣ, то къ свѣдѣнію вамъ сообщаю, что готовъ теперь, въ крайнихъ моихъ обстоятельствахъ, уступить Музей за сто пятьдесятъ тысячъ руб. сер. для Москвы".

Какъ бы то ни было, но результатомъ этой переписки было то, что графъ В. Ѳ. Адлербергъ явился ходатаемъ за Погодина и представилъ высшему правительству записку, въ которой читаемъ: „Просьба Погодина состоитъ въ томъ, чтобы принадлежащее ему собраніе рукописей и древностей Русскихъ, сохранить отъ пожара, оставя ихъ въ его домѣ и при немъ, дабы онъ могъ пользоваться ими при историче-

скихъ своихъ работахъ.—Такое желаніе весьма естественно ученому, который употребилъ все трудовое состояніе свое на пріобрѣтеніе столь рѣдкихъ вещей. Казалось бы, что можно согласовать желаніе Погодина, съ бо́льшею для государства пользою, слѣдующимъ образомъ:—въ Москвѣ нѣтъ Публичной Библіотеки, между тѣмъ какъ тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, людей занимающихся Русскою Исторіею.—Не благоугодно ли будетъ государю императору повелѣть купить у Погодина собраніе его для первоначальнаго основанія Московской Публичной Библіотеки, присоединивъ къ ней Синодальную, заключающую въ себѣ много важныхъ рукописей и книгъ, недоступныхъ теперь для любителей Отечественной Исторіи и даже не приведенныхъ въ систематическій порядокъ; къ этому присовокупить можно рукописи изъ разныхъ монастырей и тѣмъ предупредить утрату ихъ; Погодина же опредѣлить директоромъ Библіотеки, съ приличнымъ содержаніемъ.—Въ этомъ званіи онъ будетъ неразлученъ съ рукописями, драгоцѣнными его сердцу и полезенъ приведеніемъ Синодальной Библіотеки въ стройный видъ.—Съ увѣренностію сказать можно, что по учрежденіи такой чисто Русской Библіотеки съ Музеемъ древностей, найдутся многіе изъ патріотовъ, которые охотно будутъ жертвовать имѣющіяся у нихъ рѣдкости. Для опредѣленія достоинства собраній Погодина, составить Коммисію изъ ученыхъ, въ Москвѣ живущихъ".

Копію съ этой записки Ѳ. И. Прянишниковъ препроводилъ къ Погодину при слѣдующемъ письмѣ: „Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ доложилъ о вашемъ планѣ для сохраненія драгоцѣнностей Русской старины.—Прилагаемая записка покажетъ вамъ, чего просилъ графъ. Поручено снестись объ этомъ съ министромъ Народнаго Просвѣщенія, для приведенія въ извѣстность достоинства собранія и опредѣленія стоимости его; но о способѣ пріобрѣтенія въ казну выражена другая мысль: не согласитесь ли вы, въ вознагражденіе, получить пожизненную пенсію, подобно Карабанову, ко-

торый на этомъ основаніи отдалъ въ казну свой Кабинетъ древностей. Прежде чѣмъ начать это дѣло оффиціально, графу угодно знать ваши мысли. Если вы согласны на пожизненную пенсію, то въ какомъ размѣрѣ полагаете ее? Письмо это благоволите считать совершенно партикулярнымъ. По отвѣту вашему, графъ увидитъ, что̀ дѣлать или чего не дѣлать".

„Вѣра Александровна" *),—писалъ Погодину И. И. Давыдовъ,—„вамъ свидѣтельствуетъ глубокое почтеніе и все повторяетъ:—„Когдажъ онъ продастъ свое Древлехранилище"! *Delendo est Carthago* [231]).

LVII.

Вышеизложенные переговоры Погодина съ графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ возбудили толки въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ уже поздравляли Погодина съ продажей Музея, за который, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „велѣлъ будто бы царь дать сто тридцать тыс. сер... Думалъ объ этой цѣнѣ для успокоенія. Дать дѣтямъ воспитаніе, устроить дѣло журнала, и засѣсть за Исторію. Буди святая воля Твоя, Господи!" [232]).

Изъ Петербурга же графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Я слишкомъ нездорова и разстроена, чтобъ писать къ вамъ *письмо*—но хочу два слова сказать, чтобы поблагодарить васъ за ваше письмо и присовѣтовать вамъ пріѣхать сюда для вашего Музея, потому что по этому дѣлу вышла престрашная путаница. Не сносившись съ вами, объявили, что вы не иначе соглашаетесь продать коллекцію, какъ за триста тысячъ сер. и, разумѣется, нашли, что на такую цѣну невозможно согласиться.—Пріѣзжайте сами. — Теперь сдѣлать визитъ въ Петербургъ ничего не значитъ, а дѣло лучше дѣлать изустно. Здѣсь теперь новый князь — (ужъ не вла-

---

*) Жена И. И. Давыдова.

дыка, какая перемѣна!) Черногорскій. Это вамъ интересно. Но некогда писать болѣе—а не хочу пропустить оказіи".

Получивъ это письмо, Погодинъ подъ 27 апрѣля 1852 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Извѣстіе отъ графини Блудовой, что государю объявили о моемъ требованіи милліона за Музей. Какова подлость и дерзость! Надо ѣхать. Оно и кстати".

6 мая 1852 г., Погодинъ выѣхалъ въ Петербургъ. 7-го онъ уже былъ на мѣстѣ, и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пѣшкомъ къ Уварову. Блудовы, Комаровскіе, Веневитиновы, Смирнова. Обѣдъ у Уварова. Давыдовъ. Надеждинъ. Поповъ." 8-го мая Погодинъ посѣтилъ: Бычкова, Корфа, Одоевскаго, Шахматова.

Въ особенности часто онъ видѣлся съ Блудовыми. Сохранились записочки графини А. Д. Блудовой, за это время, къ Погодину: „Узнала только сейчасъ, что вы здѣсь. Можете заѣхать къ намъ нынче"?

„Можете ли, вы вмѣсто 8 часовъ, пріѣхать нынче же вечеромъ, въ 10½ часовъ? Мнѣ такъ бы хотѣлось повидаться и поговорить съ вами, а меня великая княгиня Марія Николаевна отозвала въ театръ. Или еще бы лучше заѣхать въ 7 часовъ и сказать мнѣ, когда и какъ мы можемъ съ вами увидаться".

„Я васъ ждала до двѣнадцати часовъ—да видно васъ задержали. Нынче мнѣ нужно утромъ выѣхать и мы не обѣдаемъ дома—а вечеромъ съ восьми часовъ, по всему вѣроятію, буду у себя.—Вы обѣщались остаться еще на воскресеніе здѣсь и обѣдать у насъ въ воскресенье; а завтра, въ субботу, если можно вамъ пріѣхать къ намъ вечеромъ, я вамъ *приготовила* Черногорца. Ужасно досадно мнѣ, что все неудача была и вчера и третьяго дня, и что я не успѣла и двухъ словъ вамъ сказать. Пожалуйста, напишите мнѣ отвѣтъ на всѣ *три пункта* моей записки о сегодняшнемъ, завтрешнемъ и о воскресеньѣ".

„Что же вы не отвѣчали мнѣ ни слова! Будете ли

нынче въ 8 или 9 часовъ?—Мнѣ нужно васъ видѣть сегодня по дѣлу" [233]).

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Петербургъ, Погодинъ посѣтилъ А. В. Никитенко и тотъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ у меня сегодня поутру Погодинъ. Я не видался съ нимъ уже лѣтъ двѣнадцать, если не больше. Онъ нисколько не перемѣнился: то же простое лицо, тѣ же тяжелые, медвѣжьи пріемы и грубоватое обращеніе. Но онъ очень умный человѣкъ и заслуживаетъ полнаго уваженія за многіе труды въ пользу науки. Я былъ радъ его посѣщенію. Мы поговорили о горькихъ временахъ, о сумятицѣ въ умахъ, о Гоголѣ, о Тургеневѣ, о *Московскомъ Сборникѣ*, надъ которымъ виситъ гроза. Погодинъ спрашивалъ у министра разрѣшенія окружить въ *Москвитянинѣ* чернымъ бордюромъ извѣстіе о смерти Жуковскаго. Министръ разрѣшилъ" [234]).

Въ Николинъ день, А. М. Княжевичъ писалъ Погодину: „А. М. Княжевичъ крайне сожалѣетъ, что не засталъ Михаила Петровича. Не отобѣдаетъ ли онъ у него сегодня въ сообществѣ съ Надоумкой"?

О дальнѣйшемъ пребываніи Погодина въ Петербургѣ, въ *Дневникѣ* его записано:

Подъ *11 мая 1852 г*: „У Корфа. Обѣдъ у Блудова".

— 12 — —: „Обѣдъ у Давыдова. Устряловъ. Кеппенъ. Ростовцовъ. Эрмитажъ. У Принца. Веневитиновъ. Вечеръ Блудова. Панинъ. Проститься къ Веневитинову."

Въ день отъѣзда Погодина изъ Петербурга, Куникъ писалъ ему: „Противная исторія помѣшала мнѣ сегодня, дорогой другъ, видѣться съ вами еще разъ передъ вашимъ отъѣздомъ. Я не знаю, пришли ли вы къ какому нибудь заключенію съ барономъ Корфомъ. Я съ нимъ очень хорошъ и готовъ служить вамъ тѣмъ или другимъ образомъ. Не желаете ли вы, чтобы я написалъ статью о вашемъ Музеѣ въ извѣстныя Французскія и Нѣмецкія газеты, въ такомъ случаѣ, снабдите меня матерьялами" [235]).

Далѣе, въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ:

Подъ *13 мая 1852 г.*: „Дорога. Кронштадтскій купецъ: одятъ, перья чинятъ, а толку нѣтъ. Русская компанія пять ѣтъ поработаетъ, а на пятнадцатый—заведутъ тяжбу. Весь ень плакали дѣти, но никто не выразилъ неудовольствія. Іногіе старались утѣшать и пр.“

На другой день, 14-го, Погодинъ возвратился въ Москву. Разсказы. Отдохнулъ и выспался“.

По-видимому, въ Петербургѣ, Погодинъ не узналъ ничего оложительнаго о судьбѣ своего Древлехранилища. По крайей мѣрѣ, вотъ что онъ писалъ, по возвращеніи оттуда, І. А. Максимовичу: „Я прихожу все въ худшее и худшее поожениіе, и мои обстоятельства такъ тѣсны, какъ никогда е бывали. Кормятъ меня все завтраками, а долги спраиваютъ нынче! Вѣроятно, это кончится, и кончится орошо — но каково мнѣ теперь, знаетъ грудь и подолека“ [236]).

Въ это время Погодину пришла даже мысль продать вое Древлехранилище купцу Лобкову. Въ этомъ насъ удоговѣряютъ слѣдующія записи въ *Дневникѣ* его: Подъ *2 мая 1852 г.*: „Отбиралъ книги для Лобкова, а какъ онъ ріѣхалъ, не имѣлъ духа начать разговоръ о прежнемъ дѣлѣ. Іапротивъ, рѣчь зашла о Музеѣ, и онъ заговорилъ о пріорѣтеніи. Лучше бы и короче кончить съ нимъ. Обдумывалъ. Іойдутъ, кажется, мои дѣла лучше. Обѣдать къ Лобкову. Іодвернулся Снегиревъ, который пушитъ Назимова. Шевыевъ разсказывалъ его исторію. Къ счастію порядочныхъ юдей, что бездѣльники попадаются. А забавенъ. Прекрасыя комнаты Русскія у Лобкова. Чай пить къ Гучкову. олковали о Музеѣ“.

— 26 — —: „Мысль Шевырева о продажѣ Музея обкову.“

Въ то же время Погодинъ занимался составленіемъ *бозрѣнія* своего Древлехранилища для барона М. А. Корфа 27 мая написалъ къ нему письмо, на которое получилъ слѣующій отвѣтъ: „Письмо ваше, отъ 27-го мая, милостивый госу-

дарь Михаилъ Петровичъ, достигло до меня только 2-го іюня, какъ будто бы вы жили за Берлиномъ и этимъ оправдывается замедленіе моего отвѣта и моей благодарности. Изъявленіе послѣдней за прекрасное ваше приношеніе моему дорогому дѣтищу и доставленіе вамъ списка нашихъ Венеціанскихъ изданій и пр. будетъ дѣломъ сношеній оффиціальныхъ, но, покамѣстъ, искреннее и душевное спасибо, отъ Русскаго къ Русскому, за добрыя ваши начинанія на нашу пользу, *и* за свѣтлыя надежды, которыми озаряете вы насъ со стороны добраго и щедраго Московскаго купечества, Царскаго, Лобкова и пр., особенно же за обѣщаніе стараній вашихъ ихъ подвинуть. Замысловъ у меня множество и умныхъ рукъ для ихъ исполненія довольно, какъ вы видѣли уже частію по нашему каталогу восточныхъ рукописей и путеводителю; но нѣтъ трехъ главныхъ двигателей и дѣятелей всего, и добраго, и дурнаго: денегъ, денегъ и опять—денегъ! Да совершатся ваши надежды и благіе обѣты, и тогда мы заживемъ, дастъ Богъ, иначе, на пользу и славу нашей Руси, сколько то доступно нашимъ силамъ. Доставленное мнѣ вами *Обозрѣніе* вашей сокровищницы совершенно достаточно; но я просилъ и вы обѣщали ультиматумъ объ условіяхъ и планѣ уступки, а ихъ-то совсѣмъ и нѣтъ. Что же мнѣ теперь дѣлать? „Твердо надѣюсь — сказано у васъ—что вы сдѣлаете и *это дѣло*, для пользы науки, для украшенія Москвы, для славы государя и для успокоенія смиреннаго труженика“. Но какое же дѣло? Я ожидалъ найти положительное требованіе, цифры, цѣлую систему и вижу—одно описаніе. Повторяю, что же *мнѣ* теперь дѣлать и чего вы отъ меня ожидаете? Въ готовности моей на все тò, что вы, въ упомянутыхъ словахъ вашихъ, ставите мнѣ цѣлію, вамъ нельзя сомнѣваться; но на какое именно назначеніе и въ какомъ смыслѣ приложить эту готовность—вотъ на что я буду ждать дальнѣйшаго вашего наставленія и вразумленія“.

Одновременно съ этимъ письмомъ Погодинъ получилъ и

слѣдующее отъ А. Ѳ. Бычкова: „Не въ моей волѣ лежало исполнить во время данное мною вамъ слово: вскорѣ послѣ вашего отъѣзда отсюда болѣзнь моя положила меня въ постелю и только что теперь я начинаю оправляться,—поэтому не взыщите если мои указанія явятся не въ пору. Я совѣтывалъ бы вамъ при обзорѣ отчета Библіотеки за 1851 годъ обратить особенное вниманіе на Отдѣленіе, заключающее въ себѣ книги о Россіи, на иностранныхъ языкахъ изданныя, указать его пользу и значеніе для Русской науки и сказать нѣсколько добрыхъ словъ о баронѣ, которому принадлежитъ мысль образованія этого Отдѣленія; потомъ похвалить стремленіе Библіотеки сосредоточить въ себѣ всѣ напечатанныя книги и брошюры въ Россіи и за границею на Русскомъ и Славяно-Русскомъ языкахъ, а засимъ перейти къ произведеннымъ улучшеніямъ во внутреннемъ расположеніи нашего книгохранилища. Самое обнародываніе отчетовъ Библіотеки и краткій реэстръ пріобрѣтаемыхъ ею рукописей заслуживаютъ полнаго одобренія. Послѣ отчета вы можете перейти къ изданіямъ Библіотеки: при путеводителѣ скажите нѣсколько словъ объ исторіи книгохранилища, о выставкѣ въ витринахъ нѣкоторыхъ ея рукописныхъ и печатныхъ сокровищъ для обзора публики, о удобствахъ, которыми пользуются читатели въ настоящее время при своихъ занятіяхъ, наконецъ сосредоточьтесь на залѣ рукописей—вмѣстилищѣ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для Исторіи и игрушкѣ по своей отдѣлкѣ. Что касается каталога восточныхъ рукописей, то предисловіе къ нему доставитъ вамъ достаточный матеріалъ для опредѣленія его важности и значенія въ области Восточной Филологіи. Вотъ все, на что слѣдуетъ, по моему мнѣнію, обратить вниманіе. Сейчасъ получилъ письмо отъ барона, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о вашемъ подаркѣ для Библіотеки и о присылкѣ краткаго *Обозрѣнія* вашего Древлехранилища. Заключительная фраза его письма слѣдующая: „Дай Богъ наши общія желанія видѣть исполненными“. Такъ какъ

докладная записка о пріобрѣтеніи вашего собранія не минуетъ моихъ рукъ, то я постараюсь придать по мѣрѣ моихъ способностей всю силу убѣжденія, чтобы ваше желаніе исполнилось“.

LVIII.

Лучъ свѣта съ высоты престола озаряетъ наконецъ мрачность души Погодина, выводитъ изъ сѣти неопредѣленностей, и онъ, 8 іюня 1852 года, пишетъ барону М. А. Корфу: „Осмѣливаюсь обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею моею просьбою: я услышалъ, что государю императору угодно дать моимъ археологическимъ собраніямъ общественное назначеніе. Такую волю его императорскаго величества почитаю особеннымъ для себя счастіемъ. Дѣйствительно, мои собранія стали теперь на такую степень, что оставаться имъ въ частныхъ рукахъ не должно и даже непозволительно. Изъ приношеній моихъ, въ 1844 году, черезъ графа Уварова, и въ 1849 г., черезъ графа Адлерберга, государь императоръ изволилъ видѣть примѣры того удивительнаго стеченія обстоятельствъ, по которому попадаются въ руки мнѣ, частному человѣку, живущему почти въ пустынѣ, наисекретнѣйшіе документы изъ самыхъ внутреннихъ апартаментовъ Дворца. Нынѣ, точно также, я получилъ во владѣніе подробнѣйшее описаніе всѣхъ дѣйствій Потемкина, всѣхъ самыхъ тайныхъ отношеній его къ императрицѣ Екатеринѣ, великому князю Павлу Петровичу, ко всѣмъ фаворитамъ, правительству, политикѣ, сочиненное какимъ-то приближеннымъ лицомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Попадись эта рукопись безъ меня въ руки злонамѣреннаго человѣка, и онъ, издавъ ее на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ, продастъ въ Европѣ сто тысячъ экземпляровъ, и одною ею сдѣлаетъ себѣ состояніе. Съ другой стороны, ученыхъ сокровищъ, матеріаловъ для исторій церкви, государства, права, языка, искусства, накопилось у меня столько и

всѣ онѣ имѣютъ такое Всероссійское значеніе, что должны, во-первыхъ, быть предохранены отъ гибели, коей легко подвергаются въ деревянномъ домѣ, на полѣ, подъ надзоромъ почти одного служителя; во-вторыхъ, открыты, подъ моимъ руководствомъ, для общаго употребленія, при такомъ стремленіи къ изученію Отечества, которое обнаружилось въ нынѣшнее царствованіе. Вотъ причины, по коимъ собранія со всѣми государственными тайнами должны сдѣлаться собственностью правительства и по коимъ же я, терпя нужду, уклоняюсь отъ всякихъ постороннихъ предложеній, начиная съ Британскаго Музея. Назначить вознагражденіе мнѣ — полагаюсь безусловно, какъ Русскій и вѣрноподанный, на великодушіе государя императора. Это—все достояніе мое и моихъ дѣтей. Пусть онъ дастъ, что Богъ ему на сердце положитъ, но вы желаете имѣть хоть приблизительное понятіе для себя объ ихъ цѣнности. Вамъ, какъ археологъ—археологу, и библіоманъ—библіоману, имѣю честь донести, по чистой совѣсти, что онѣ выше всякой цѣны, заключая въ себѣ, можетъ быть, около двухъ сотъ предметовъ единственныхъ въ свѣтѣ и потому безцѣнныхъ, до тысячи предметовъ наирѣдчайшихъ, а рѣдкихъ — безъ числа. Собрать теперь всѣ эти вещи, рукописи и книги ни за милліонъ рублей серебра нельзя, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знатоковъ. Но я, въ тѣсныхъ моихъ обстоятельствахъ, благодаренъ и доволенъ буду суммою въ сто пятьдесятъ тысячъ руб. сер., коею могу заплатить долги, устроить свое многочисленное семейство, и употребить остальное время жизни на окончаніе историческихъ трудовъ своихъ, которые также смѣю считать не безполезными для Науки и для Отечества. Еслибы государь самъ увидѣлъ эти собранія, то онъ, какъ охотникъ и знатокъ, оцѣнилъ бы ихъ гораздо дороже. Но у меня нѣтъ силъ болѣе дожидаться. Горячее мое желаніе, по причинамъ прежде изложеннымъ мною, чтобъ собранія мои остались въ Москвѣ, какъ отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки, подъ просвѣщеннымъ начальствомъ вашимъ. Я видѣлъ ее самъ и

другаго устройства лучше для Московскаго Отечественнаго Музея придумать нельзя. Таково мое послѣднее искреннее слово; а что доведено было прежде до вашего свѣдѣнія, то невѣрно, и произошло безъ моего вѣдома. Вы сдѣлаете мнѣ благодѣяніе если объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ объясните его императорскому величеству. Я отдаюсь въ его волю, теперь, какъ прежде, и не помышляю, какъ и не помышлялъ прежде никогда, ни объ какихъ условіяхъ. Оборони Боже!"

Любопытенъ отвѣтъ Корфа на это письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Въ письмѣ вашемъ, отъ 8 іюня, имѣю честь предложить вамъ два или три слова перемѣны. Потомъ, не угодно ли вамъ будетъ велѣть его переписать рукою писца, почище, ибо я долженъ представить его въ подлинникѣ, и прислать мнѣ подписанное вами. Но цѣна, или по-крайней мѣрѣ сумма, все-таки остается огромною!.. Мнѣ сказывали здѣсь, за вѣрное, будто бы ваше собраніе хотѣлъ купить на свой счетъ г. Лобковъ и поднести государю. Это было бы дѣло совсѣмъ другое, а въ настоящемъ положеніи, не скрою, при всемъ усердномъ моемъ желаніи—очень мало надежды, тѣмъ болѣе съ условіемъ оставленія въ Москвѣ".

Между тѣмъ, въ это время извѣстный путешественникъ Николай Сергѣевичъ Всеволожскій распродавалъ въ Москвѣ свою прекрасную Библіотеку. Узнавъ объ этомъ, баронъ М. А. Корфъ возложилъ на Погодина порученіе, о которомъ онъ пишетъ ему (12 іюня 1852 г.): „Я не получалъ еще отъ васъ, милостивый государь, Михаилъ Петровичъ, отвѣта и по одному дѣлу, а обращаюсь уже съ покорнѣйшею и усердною просьбою по другому. Дошло до меня, что у васъ въ Москвѣ продаются книги г. Всеволожскаго, автора *Географическаго Словаря* *), и что между ними множество на иностран-

---

*) А также: *Путешествія чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ*, въ 1836 и 1837 гг. М. 1839 (въ двухъ томахъ) и *Хронологическаго Указателя внѣшнихъ событій Русской Исторіи отъ пришествія Варяговъ до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора Николая I-го*. М. 1845. *Н. Б.*

странныхъ языкахъ о Россіи—именно теперешняя спеціальность въ пріобрѣтеніяхъ и поискахъ Публичной Библіотеки. Прибавляютъ, что все это продается очень дешево, но не открыто, и если кто желаетъ что-нибудь купить, то надобно имѣть случай быть у г. Всеволожскаго. Правда ли все это, и если правда, то не обяжете ли вы, много и премного Библіотеку и ея начальника, повидавшись какъ можно поскорѣе съ продавцемъ; при вашихъ многочисленныхъ связяхъ, вы вѣрно съ нимъ знакомы—и попросивъ у него для насъ, на самое кратчайшее время, каталога всему продаваемому, съ означеніемъ цѣнъ, дабы основать на немъ нашъ выборъ. Смѣю надѣяться что и вы, и самъ г. Всеволожскій не откажете въ добромъ содѣйствіи этому общеполезному и и патріотическому дѣлу; но какъ быть если *каталога нѣтъ?* Ибо нельзя же намъ покупать *все*, иначе какъ нагрузясь бездною дублетовъ, а съ другой стороны нельзя же намъ пропустить, сложа руки, такой прекрасный случай—если онъ только есть. Не скрою, что съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего отвѣта и надѣюсь, что вы почтите имъ неотложно".

Но въ то же время Погодинъ получаетъ слѣдующее извѣстіе отъ И. Д. Бѣляева: „У Вукола Михайловича Ундольскаго есть до васъ просьба: Всеволожскіе продаютъ Библіотеку, а между продажными книгами есть собраніе Византійцевъ. Ундольскій уже торговалъ его, и дѣло шло на ладъ; но въ субботу ему сказали, что вы обѣщали прислать къ Всеволожскимъ покупателя на сіи книги, и поэтому Всеволожскіе, надѣясь на вашего покупателя, стали неуступчивы. Посему г. Ундольскій просилъ меня попросить васъ, ежели можно, не посылать таковаго покупателя на любезныхъ ему Византійцевъ".

Въ это тревожное для Погодина время, его Древлехранилище посѣтилъ государственный секретарь Николай Ивановичъ Бахтинъ. Это очень обрадовало Погодина, и онъ, подъ 20 іюля 1852 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бахтинъ.

Осматривалъ Музей. Послѣ мнѣ показалось, что онъ пріѣзжалъ оффиціально, ибо зачѣмъ бы иначе пріѣхать ко мнѣ въ первый день, не бывши охотникомъ. Думалъ объ этомъ... А денегъ все-таки нѣтъ". На другой же день Погодинъ посѣтилъ Бахтина и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Бахтину. Радъ содѣйствовать и не подалъ вида, чтобъ онъ пріѣзжалъ оффиціально осматривать".

LIX.

Въ то время когда Погодинъ велъ переговоры съ Н. С. Всеволожскимъ, о пріобрѣтеніи у него для Императорской Публичной Библіотеки книгъ, и принималъ въ своемъ Древлехранилищѣ государственнаго секретаря, онъ получаетъ отъ своего друга П. А. Муханова, изъ Петербурга, радостное извѣстіе, о которомъ онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 1 августа 1852 года, слѣдующее: „Письмо отъ Муханова съ извѣстіемъ о Музеѣ: сто пятьдесятъ тысячъ р. сер., но въ Петербургѣ. Не хотѣлось бы. А пора успокоиться".

Въ письмѣ же своемъ Мухановъ писалъ: „Сто пятьдесятъ тысячъ. Пятьдесятъ тысячъ теперь. Сто въ десять лѣтъ и Музей сюда. Надѣюсь, что вы не упустите случая и будете ковать желѣзо покуда горячо. Дающій даромъ, можетъ дѣлать условія о такомъ-то или другомъ городѣ, но вамъ сіе не подобаетъ. Вещи есть отличныя, но вы знаете, что такія вещи не имѣютъ цѣнности абсолютной. Еслибъ имѣли, то вы бы не могли оныя пріобрѣсть. Если вы хотя на минуту задумаетесь, то учините грѣхъ противъ дѣтей. Завтра ѣду на похороны Жуковскаго; положатъ близъ Карамзина, будетъ Наслѣдникъ. Напишите мнѣ два слова: Близъ Литейной и Италіанской улицѣ, домъ Ливена".

Изъ Петербурга же, отъ 31 іюля 1852 г., Устряловъ писалъ Погодину: „Сегодня я узналъ изъ достовѣрнаго источника о покупкѣ вашего Древлехранилища за сто петьдесятъ тысячъ р.

Съ чѣмъ отъ всей души васъ поздравляю. Честь и слава просвященнымъ любителямъ отечественной старины!“

Наконецъ, Погодинъ получаетъ отъ самого директора Императорской Публичной Библіотеки два письма, отъ 29 іюля 1852 года, официальное и партикулярное; въ первомъ прочелъ слѣдующее: „Письмо ваше ко мнѣ о изъявляемой вами готовности уступить археологическія ваши собранія въ собственность правительства, *съ тѣмъ только, чтобъ они остались въ Москвѣ*, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить въ подлинникѣ, чрезъ г. министра Императорскаго Двора, на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе. Его императорское величество, удостоивъ принять съ благоволеніемъ изъявленныя въ письмѣ вашемъ вѣрноподданическія чувства, высочайше повелѣть изволилъ: купить означенныя собранія за предложенную вами цѣну, т.-е. за сто пятьдесятъ тысячъ р. сер., съ уплатою пятьдесятъ тыс. р. нынѣ же, остальныя сто тыс. въ теченіе десяти лѣтъ, по десяти тыс. р. ежегодно, съ банковыми процентами, *но въ такомъ только случаѣ, если вы согласитесь всю свою коллекцію представить въ полное распоряженіе его величества*. Сообщая вамъ, милостивый государь, о таковой высочайшей волѣ, покорнѣйше прошу почтить меня окончательнымъ по оной отзывомъ, для дальнѣйшаго о томъ доклада, и если вы изъявите согласіе на предложенное государемъ императоромъ условіе, то увѣдомить меня также: 1) Имѣется ли, въ настоящее время, помянутымъ собраніямъ полныя описи и каталоги, по которымъ можно бы произвести ихъ сдачу и пріемъ? 2) Сколько времени потребуется для окончательнаго приведенія ихъ въ порядокъ и упаковки, и угодно ли будетъ вамъ, съ одной стороны, принять сію упаковку и перевозку въ С.-Петербургъ къ мѣсту, которое его величествомъ указано будетъ, на ваше иждивеніе, а съ другой стороны прибыть самимъ въ Петербургъ, для надзора за распаковкою и присутствія при разборкѣ и пріемѣ вещей? 3) Гдѣ, по окончаніи пріема и сдачи, вы признаете для себя удобнѣйшимъ получить сумму, къ немедленной нынѣ же

уплатѣ его величествомъ предназначенную, а равно и впредь получать остальной капиталъ съ процентами, разлагаемый на десятилѣтній срокъ? Всѣ означенныя свѣдѣнія, при особенномъ вниманіи, которымъ государю императору благоугодно было почтить сіе дѣло, я буду имѣть честь ожидать отъ васъ въ самомъ неотложномъ времени".

Приватно же баронъ М. А. Корфъ писалъ Погодину: „Спѣшу съ искреннею радостію извѣстить васъ, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, что предложеніе ваше милостиво принято государемъ императоромъ, съ обычнымъ его порывомъ ко всему доброму, полезному и славному, и — что̀ еще для васъ лучше—принято *безъ всякихъ* частныхъ посредниковъ, или стороннихъ ходатайствъ, такъ что вы не обязаны благодарностію никому, кромѣ общаго нашего отца — самого его! Его величество не изволилъ изъявить согласія только на условіе оставленія вашего Древлехранилища въ Москвѣ, главнѣйше потому: 1) что, при всей драгоцѣнности, оно едва ли довольно богато въ числительномъ отношеніи, чтобы составить отдѣльное, самостоятельное цѣлое; 2) что многіе изъ находящихся въ немъ предметовъ не только обогатятъ и возвысятъ существующія уже государственныя учрежденія, но и сами, присоединясь къ предметамъ однороднымъ, получатъ чрезъ то гораздо еще высшее и истинное свое значеніе; 3) что оставленіе сего собранія въ Москвѣ, оставивъ обѣ стороны при прежнихъ пробѣлахъ, потребовало бы еще покупки или постройки особаго зданія, устроенія шкаповъ, отопленія, ремонта, особаго штата чиновниковъ и служителей и пр. Послѣдовавшій за тѣмъ ултиматумъ его величества изложенъ въ прилагаемой у сего официіальной бумагѣ. Не смотря на прибавленныя въ концѣ вашего письма слова̀, свидѣтельствующія объ отреченіи отъ всякихъ условій, государь *самъ собою* признать изволилъ за справедливое спросить *сперва* ваше согласіе и на это ограниченіе вашего предложенія. При личномъ объясненіи, я осмѣлился выразить его величеству мое убѣжденіе, что высочайшая его воля, въ теперешнемъ видѣ

послѣдовавшая, вѣрно будетъ принята вами съ благоговѣйною благодарностію, съ радостными чувствами отца, обезпечивающаго, милостію царскою, судьбу своей семьи, наконецъ съ живымъ восторгомъ истиннаго любителя и патріота, который видитъ собранныя имъ сокровища навсегда упроченными для блага науки и славы родины! Съ моей стороны, считаю себя истинно счастливымъ, что случай поставилъ меня проводникомъ — и ничуть не болѣе — въ такомъ дѣлѣ, которое снова должно показать Россіи и Европѣ возвышенность цѣлей и стремленій великаго нашего государя, для котораго не существуетъ жертвъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о пользѣ и славѣ его Россія. Одна убѣдительная просьба: отвѣчать мнѣ съ первою почтою и постараться, чтобы письмо ваше не оставалось въ дорогѣ, какъ прежнія, шесть или семь дней. Государь скоро изволитъ ѣхать и, вѣрно, еще скорѣе спроситъ меня о результатѣ нашихъ переговоровъ. Нужно ли мнѣ прибавить, что ни теперь, ни послѣ ни одна *печатная* строка не должна говорить объ этомъ событіи, ни въ *Москвитянинѣ*, и нигдѣ, иначе какъ съ моего предварительнаго просмотра и согласія?"

Получивъ это письмо Погодинъ, подъ 2 августа 1852 года, записалъ въ своемъ *Днѣвникѣ*: „Письмо отъ Корфа. Кончено! Радость и слезы! Не въ Москвѣ. Поплакалъ и о Лизѣ, и о маменькѣ".

Волнуемый подобными чувствами, Погодинъ отвѣчалъ барону М. А. Корфу: „Спѣшу отвѣчать на благосклонное письмо вашего превосходительства, отъ *29-го іюля* за № 664. Радости моей нѣтъ предѣловъ: жизнь и цѣлость моего собранія обезпечены навсегда на пользу Науки, на пользу Отечественной Исторіи! Въ этомъ состояла главная моя забота. Касательно мѣста его сохраненія, покоряюсь вполнѣ, какъ вѣрноподанный, августѣйшей волѣ его императорскаго величества. Счастливымъ себя почитаю, что приношеніе мое удостоилось высочайшаго благоволенія. Сумма, назначенная государемъ императоромъ вознаграждаетъ всѣ мои издержки и труды и успокоиваетъ меня за судьбу моего семейства. Не

стану распространяться о моей къ нему признательности: признательность эту я постараюсь показать на дѣлѣ, предавшись вполнѣ моимъ историческимъ изслѣдованіямъ. Я занимаюсь ими тридцать лѣтъ, и теперь только чувствую нетерпѣніе, чтобъ кончить оныя скорѣе, и повергнуть плодъ ихъ къ стопамъ его императорскаго величества... Приношу мою совершенную благодарность и вашему превосходительству, какъ просвѣщенному ходатаю, оказавшему мнѣ содѣйствіе въ этомъ важномъ происшествіи моей жизни, устроившему будущность собранія, столько для меня драгоцѣннаго. Касательно вопросовъ вашихъ, симъ отвѣчать честь имѣю: 1) Полныя описи и каталоги въ настоящее время имѣются для нѣкоторыхъ частей собранія; для другихъ есть только реэстры, кромѣ общаго Обозрѣнія, представленнаго вашему превосходительству. 2) Для окончательнаго приведенія ихъ въ порядокъ, составленія полнаго реэстра, упаковки и доставленія въ Петербургъ нужно два мѣсяца. Расходы всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ я готовъ принять на свой счетъ, равно какъ считаю своею обязанностью пріѣхать въ Петербургъ, для разбора и сдачи вещей. Я просилъ бы только ваше превосходительство объ отношеніи къ почтовому начальству, чтобы оно оказало мнѣ свое содѣйствіе, и чтобъ перевозка при всей безопасности дороги назначена была въ нѣсколько поѣздовъ, дабы не подвергать случайностямъ вдругъ всего собранія. 3) Какъ сумму, къ немедленной выдачѣ мнѣ предназначенную, такъ и остальной капиталъ желаю я получить изъ Московскаго Казначейства".

Въ то время въ Москвѣ пребывалъ И. И. Давыдовъ и 1 августа 1852 года, писалъ Погодину: „Прежде всего поздравляю васъ, душевно уважаемый Михаилъ Петровичъ, съ счастливѣйшею продажею. Надѣюсь, что вы не будете противодѣйствовать счастію, которое насильно врывается подъ уединенный вашъ кровъ".

Въ томъ же духѣ писалъ Погодину и графъ С. С. Уваровъ: „Не дозволяю себѣ думать, чтобы отъ нѣсколькихъ

прихотей вы не довершили неожиданно счастливый случай, который не возобновился бы впослѣдствіи. Можетъ быть хлопоты не дозволятъ вамъ посѣтить меня еще разъ въ Порѣчьѣ. Скажите Ѳ. И. Прянишникову и прочимъ доброжелателямъ, что я до 10 сентября могу ихъ принять и можетъ быть даже позже. Затѣмъ прощайте. Я остаюсь увѣреннымъ, что въ дѣлѣ о Библіотекѣ вашей, вы дѣйствовали какъ добрый отецъ и оттолкнули всѣ мечты и всѣ прихоти".

Объ этомъ радостномъ для себя событіи Погодинъ оповѣстилъ всѣхъ своихъ друзей, и они откликнулись словомъ участія. „Вѣсточка ваша",—писалъ ему В. И. Даль,—„всѣхъ насъ очень, очень обрадовала: кто бы человѣку, какъ вамъ, не пожелалъ довольства и богатства, кто бы не скорбѣлъ, кабы труды и заботы ваши не нашли признанія и награды; но еще менѣе того, какъ вы объ этомъ думаете, намѣреваясь посвятить значительную часть этого богатства наукѣ".

Какъ только слухъ объ этомъ дошелъ до преосвященнаго Иннокентія, онъ, изъ Одессы, спрашивалъ Погодина: — Правда ли, что вы продали въ казну вашу коллекцію за сто пятьдесятъ тыс. серебромъ?—Это такъ хорошо, что и хочется тому вѣрить, и боишься вѣрить. Увѣдомьте поскорѣе, чтобъ радость была полная".

Въ томъ же письмѣ, преосвященный сообщаетъ: „Я съ половины сентября отправляюсь въ Питеръ, чрезъ Кіевъ. Усердная просьба объ оставленіи меня дома, за болѣзнію,—не помогла; только вмѣсто августа срокомъ явки назначенъ сентябрь. Не увижу ли тамъ и васъ зимою"? Вѣдь теперь изъ Москвы въ Петербургъ не ѣздятъ, а летаютъ".

Въ заключеніе письма, преосвященный проситъ Погодина „полюбить подателя письма, добраго и умнаго Болгарина. Славяне всѣ смотрятъ на васъ, кромѣ общаго уваженія къ вамъ, какъ на своего природнаго патрона. Будьте же имъ воистинну".

Самъ Чаадаевъ поздравлялъ Погодина. „Извините",—писалъ онъ,—„что забылъ поздравить васъ съ тѣмъ, что вамъ на-

конецъ удалось передать въ вѣчное потомственное владѣніе науки, ваше драгоцѣнное собраніе".

Самымъ дружескимъ образомъ привѣтствовалъ Погодина и П. А. Плетневъ. „Отъ всей души порадовался я",—писалъ онъ,—„слетѣвшему къ вамъ, добрый, почтенный Михаилъ Петровичъ, благополучію; поздравляю васъ съ этимъ неожиданнымъ гостемъ, и желаю, чтобы вы воспользовались его присутствіемъ. По всему, что вы говорите мнѣ о намѣреніяхъ касательно ученыхъ и литературныхъ трудовъ своихъ на будущее время, я убѣждаюсь, что фортуна зашла наконецъ въ доброе мѣсто. Вы ей поможете оправдать тѣ блестящія надежды, которыя съ давнихъ поръ привыкли всѣ возлагать на нее. Но чтобы и лучшіе планы ваши неожиданно какъ-нибудь не разстроились, примите отъ преданнаго и умѣющаго цѣнить васъ человѣка слѣдующіе совѣты: 1) Для обезпеченія себя и своего семейства, назначьте неприкосновенный капиталъ, утвердивши вѣчное пребываніе его въ какомъ-нибудь Государственномъ Банкѣ, такъ, чтобы доходы съ него, хотя умѣренные, но вполнѣ достаточные для умѣренной жизни вашей съ дѣтьми, никогда не зависѣли отъ игры счастія. Разумѣется, что и при этомъ расчетѣ потребно благоразуміе. Желаніямъ нѣтъ конца. Это и губитъ всѣхъ. Помните, что для человѣка, постигнувшаго ничтожество роскоши, важно только то *вѣрное*, чѣмъ онъ пріобрѣтаетъ благородную *независимость*. 2) Остающееся затѣмъ вы въ правѣ пустить въ какіе угодно обороты, не рискуя увидѣть снова и себя и семейство подъ гнетомъ нужды, или въ лапахъ несносной зависимости. Это сообщитъ дѣятельной жизни вашей пріятное развлеченіе, а можетъ быть и счастливый успѣхъ, за который нѣкогда увѣнчаютъ васъ и Литература и Наука. Не забывайте только, что къ такой далекой цѣли надобно идти осмотрительно и нескоро".

Высказавши это, Плетневъ продолжаетъ: „Обстоятельства и корыстные виды нѣсколькихъ подленькихъ душонокъ завели насъ въ болото. Выбраться оттуда не легко, потому что боль-

шинство молодой толпы, пустившейся за этими злонамѣренными путеводителями, и не подозрѣваетъ, что всѣ они въ болотѣ. Неотвратимо глядите на солнце правды, постоянно и прямо всѣмъ на него показывайте, ни для кого и ни для чего не пускайтесь въ сноровки, а между тѣмъ сближайтесь съ такими лицами, которые способны, понявши васъ, отдѣлиться отъ глухонѣмыхъ или слѣпорожденныхъ путниковъ, восхваляющихъ наслѣдованное болото—и я увѣренъ, что въ теченіе нѣсколькихъ годовъ вамъ удастся высвободить, какъ Науку, такъ и Литературу изъ нынѣшнихъ постыдныхъ оковъ невѣжества и безвкусія. Трудно указать вдругъ на сотрудниковъ. Они сами явятся, лишь только прослышится, что въ *Москвитянинѣ вѣрнѣе и значительнѣе* выгоды, нежели гдѣ-нибудь. Я на дняхъ читалъ рукопись Грота, составленную имъ по показаніямъ Шведскихъ мемуаровъ, объ эпохѣ Петра I. Это просто прелесть. Но авторъ уже сдалъ ее Сербиновичу, единственно потому, что тамъ, хотя и не богатая, но самая вѣрная плата за труды, которыми онъ существуетъ при небольшомъ профессорскомъ жалованьѣ своемъ. А попробовали бы вы къ этому непоколебимому въ правилахъ чести писателю выслать хоть пять сотъ рублей, спросивши, согласенъ ли онъ, напримѣръ, отсчитывая по пятидесяти руб. за печатный листъ, заработать препровождаемую сумму. Напередъ могу безъ всякой ошибки сказать, что вы бы уже пріобрѣли рѣшительно полезнѣйшаго для себя сотрудника. Ужъ это не тайна, что самые постоянные вкладчики въ *Отечественныя Записки*, въ *Библіотеку для Чтенія*, *Современникъ* и подобныя имъ изданія, презираютъ ихъ отъ души: да что же прикажете дѣлать, когда нечѣмъ жить? Касательно печатанія чего-либо изъ неизданныхъ сочиненій Жуковскаго, я теперь не могу сказать вамъ ничего. Надобно дождаться пріѣзда сюда Елизаветы Алексѣевны, безъ которой никто не имѣетъ голоса въ этомъ дѣлѣ. А между тѣмъ, заклинаю васъ всѣмъ для васъ священнымъ: неослабно побуждайте себя, Шевырева, Хомякова, Елагину, Кирѣевскихъ, Булгакова и всѣхъ,

всѣхъ переписывавшихся съ Жуковскимъ, что тѣ письма его, въ которыхъ нѣтъ семейныхъ секретовъ, они высылали бы ко мнѣ. Такъ ужъ дѣлаетъ Зонтагъ. Это будетъ лучшая дань, какую только осталось намъ принести на гробъ Жуковскаго. Лишь удастся мнѣ, непремѣнно къ вамъ въ *Москвитянина* все пересылать буду и свое и моихъ знакомыхъ".

„Доброе дѣло, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ",—писалъ Погодину А. М. Княжевичъ,—„что вы, окончивъ труды свои по вашему Древлехранилищу, рѣшаетесь посвятить себя всего Исторіи: вы были и прежде ревностнымъ сподвижникомъ на этомъ поприщѣ. Но зачѣмъ оставлять и ваше дѣтище—*Москвитянинъ?* Вамъ обязанъ онъ своимъ рожденіемъ и процвѣтаніемъ; оставьте же его въ наслѣдство вашему сыну. Не только главный надзоръ, но и ближайшее участіе въ его изданіи не помѣшаетъ вашимъ историческимъ изысканіямъ; напротивъ, будетъ для васъ пріятнымъ развлеченіемъ. Пожалуйста, не покидайте *Москвитянина*".

Наконецъ и съ Михайловой Горы раздался голосъ, и владѣлецъ оной М. А. Максимовичъ, писалъ своему другу: „Что слышу? Твое Древлехранилище - уже не твое, а сдѣлалось достояніемъ обще-русскимъ. Поздравляю отъ души, если эта вполнѣ историческая операція твоя окончилась благополучно, и если эта знаменитая гора, свалившись съ плечъ твоихъ, вдоволь просыпалась золотомъ въ твою мошну. Во всякомъ случаѣ, знаю, что разлука твоя съ этою стариною много-таки стòила любви твоей, и много прошло тревожнаго по душѣ... Но теперь, послушай стараго друга и товарища: обзаведись ты молодою женой, еще не бывшею замужемъ; увидишь, какъ хороша станетъ отъ этого жизнь твоя, и самъ ты много получшаешь". Въ томъ же письмѣ Максимовича мы читаемъ: „А что *Москвитянинъ* твой,—чѣмъ кончилъ итогъ за нынѣшній годъ? Отъ души желаю и надѣюсь успѣха ему въ будущемъ году, съ наступленіемъ котораго привѣтствую тебя и семью твою! Я пишу для тебя, т.-е., для *Москвитянина*, статью изъ Малороссійской исторіи: да къ сожалѣнію

не успѣлъ кончить; удивительно, какъ туго идетъ у меня эта, можно сказать, бисерная работа. Вижу давно, что надо приняться со всѣмъ за другое дѣло, въ иномъ родѣ, гдѣ съ меньшимъ трудомъ лучшіе и обильнѣйшіе плоды выращаются. Я въ сентябрѣ опять вернулся изъ Турановки, отложивъ до зимняго пути ѣзду въ Москву; но зимы у насъ до сихъ поръ нѣтъ, и на дняхъ стояли почти весенніе дни, въ 5 и 7 градусовъ тепла. Когда же доберусь я до Москвы? Ахъ, какъ хочется устроить себѣ тамъ пребываніе на осень и зиму; да бѣда, что не съ чѣмъ двинуться. Но Богъ поможетъ: въ слѣдующемъ году перемѣнить многое въ жизни своей предполагаю, и надѣюсь устроить ее на лучшее. А теперь пока все по-прежнему плетется она, и распускается, и вновь плетется изъ прежней же пряжи... Прощай, пока, друже старый; да повѣсти меня о себѣ, и о дѣлахъ твоихъ! Уѣзжаю въ степи, недѣли на двѣ, изъ моего безмолвнаго уединенія".

LX.

3-го августа 1852 года, Погодинъ выѣхалъ въ Петербургъ, для окончательныхъ переговоровъ о своемъ Древлехранилищѣ, и съ мыслію ходатайствовать объ оставленіи своего сокровища въ Москвѣ. Объ этомъ онъ писалъ и П. А. Муханову, но тотъ, подобно Уварову, совѣтовалъ ему отложить это ходатайство въ сторону. „Полагаю,—писалъ онъ Погодину,—„что ваши всѣ пункты, доказывающіе преимущество Москвы передъ С.-Петербургомъ, слѣдовало бы удержать до поры и времени, а теперь съ оными выступать, кажется, ни къ селу, ни къ городу; отъ васъ станется что и дѣло испортите... Сотворите молитву, да присядьте за Русскую Исторію; и да поможетъ вамъ Богъ! Слава Русскому царю, оцѣнивающему произведенія Русской народной старины".

Въ Петербургѣ, въ этотъ разъ, Погодинъ прожилъ всего нѣсколько дней. Въ *Дневникѣ* мы находимъ обильныя, лаконическія отмѣтки объ его препровожденіи времени въ нашей столицѣ:

Подъ 3 *августа 1852*: „Въ Петербургъ. Мѣста нѣтъ. [illegible] въ III-мъ классѣ. Забавныя сцены. Почтовый чиновникъ предложилъ свою комнату, преспокойную и удобную.

— 4 — — „Пріѣхали. Остановился у Бычкова, который принялъ какъ сынъ. Въ Петергофъ. Корфъ съ распростертыми объятіями. Бесѣда съ нимъ подъ дождемъ. Въ Петербургъ. Обѣдъ у Куника. Голова кружится. Домой пѣшкомъ.

— 5 — — „Головокруженіе и рвота. Къ вечеру могъ [illegible] выйти прогуляться

— 6 — — „Къ Муханову. Перевощикову. Обѣдалъ дома. Вечеръ у Куника: съ Коссовичемъ, Бычковымъ, Броссе. Написалъ отвѣтное письмо къ Корфу. Плаваніе къ Княжевичу. Нѣтъ дома. Назадъ. Разговоръ съ Палаузовымъ. Пріятная прогулка.

— 7 — — „Къ портному. Опять купилъ неудачное платье. Въ Петергофъ по прекрасной погодѣ. Все очень хорошо. Обѣдъ у Корфа. Любезное семейство. Видъ на море. Послѣ обѣда возили меня и показывали Петергофъ. Вечеръ домой по морю. Озареніе солнцемъ и пр. Съ Куникомъ объ Академіи. Ломоносовѣ. Много интереснаго".

По возвращеніи изъ Петергофа, Погодинъ нашелъ у себя на столѣ слѣдущее письмо отъ А. М. Княжевича: „Что это за невзгода, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Я въ Москву,— вы въ Порѣчье; вы ко мнѣ,—я, къ крайней досадѣ, долженъ былъ обѣдать у другого; наконецъ я къ вамъ,—а вы въ Петергофѣ! Къ вящему же огорченію, слышу, что въ субботу вы опять хотите въ Москву. Нельзя ли отсрочить отъѣздъ вашъ хотя до воскресенья, а въ субботу отобѣдать у меня на дачѣ? Мы будемъ дожидаться васъ до 5-ти часовъ".

Подъ 8 *августа 1852 г.*: „Въ Эрмитажъ, къ Броссе. Въ Библіотеку, гдѣ простился съ Корфомъ. Къ Любимову и Гильфердингу. Къ Давыдову. Обѣдъ у Княжевича. Встрѣча съ Брокомъ (министромъ финансовъ). Разсказы Греча. Возвращеніе на пароходѣ. Вечеръ у Папаева (Владиміра Ивановича) и разсказы о Волконскомъ и пр.".

— 9 — —: „Къ Кунику и Давыдову. Проводили меня: ...чковъ, Куникъ и Коссовичъ. Ласки безъ конца, трогатель-...я. Мухановъ перетащилъ на первое мѣсто. Пріятная бесѣда".

На другой день, т.-е. 9 августа, Погодинъ былъ уже въ ...сквѣ: „Слава Богу, пріѣхалъ (въ Москву). Радость. Все ...е опомниться не могу. Разсказы".

„Слава Богу,"—писалъ Шевыревъ Погодину,—„что всѣ ...ла твои въ Петербургѣ окончились счастливо".

Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, Погодинъ получаетъ ...ѣдующее оффиціальное письмо отъ барона М. А. Корфа (17 ...густа 1852 года, № 699): „Послѣднее письмо ваше я имѣлъ ...астіе всеподданнѣйше докладывать государю императору, и ...о величество, удостоивъ принять оное съ всемилостивѣй-...имъ благоволеніемъ, высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Принадлежащее вамъ собраніе отечественныхъ руко-...исей пріобрѣсть въ казну...

2) Печатныя книги, рукописи и эстампы изъ сего собра-...я обратить въ Императорскую Публичную Библіотеку, а ...ѣ прочіе предметы сложить въ Императорскомъ Эртитажѣ, ...редь до того назначенія, какое, по высочайшемъ на оное ...ззрѣніи, каждому изъ нихъ дано будетъ.

3) На семъ основаніи, по прибытіи сюда ящиковъ, вскрыть ...ые, въ томъ и другомъ вѣдомствѣ по принадлежности, при ...чной вашей бытности, и при васъ же, повѣривъ всѣ вещи ...ротивъ реестровъ, выдать вамъ, въ окончательной ихъ сдачѣ, ...адлежащія квитанціи.

4) На принадлежащихъ вамъ книгахъ и рукописяхъ, во ...сегдашнюю память о употребленныхъ вами на сіе собраніе ...ногочисленныхъ трудовъ и пожертвованій, означить, на-...ужнымъ на переплетѣ штемпелемъ, что онѣ поступили изъ ...ашего собранія.

5) Сверхъ того, по вниманію къ важнымъ историческимъ ...рудамъ вашимъ, дозволить вамъ, въ видѣ изъятія изъ общаго ...равила Публичной Библіотеки, могущія потребоваться, изъ ...тихъ собственно книгъ и рукописей, для справокъ и уче-

ныхъ работъ вашихъ, брать къ себѣ, по разрѣшеніямъ директора, подъ особыя росписки, но съ такимъ присовокупленнымъ его величествомъ *ограниченіемъ*, чтобы *выдавалось разомъ не болѣе одного предмета, и не съ отсылкою въ Москву, а здѣсь...*

Объявивъ сію высочайшую волю, къ зависящему исполненію, гг. управляющему Министерствомъ Финансовъ и оберъ-гофмаршалу Шувалову и принявъ оную къ таковому же исполненію по Императорской Публичной Библіотекѣ, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь".

Прочитавъ это письмо, Погодинъ, подъ 20 августа 1852 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Не много оскорбительно ограниченіе царя: давать мнѣ книги только въ Петербургѣ".

До своего оффиціальнаго отвѣтнаго письма къ барону М. А. Корфу, Погодинъ написалъ письмо А. Ѳ. Бычкову и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Не смотря на то, что я уже болѣе недѣли получилъ ваше письмо, мнѣ только вчера представился случай переговорить объ его содержаніи съ барономъ Модестомъ Андреевичемъ, который все это время былъ въ большихъ хлопотахъ и пріѣзжалъ въ городъ только на минуту. Начну по порядку: Баронъ ожидаетъ отъ васъ отвѣтнаго письма на оффиціальную бумагу, — и потому напишите къ нему поскорѣе, что вы ее получили и приступили уже къ составленію реестровъ. Вѣрю, что ограниченіе, находящееся въ бумагѣ, должно было васъ огорчить, но не сѣтуйте въ этомъ случаѣ на насъ: мы здѣсь ни тѣломъ, ни душою не виноваты. Это ограниченіе написано рукою государя противъ того пункта докладной записки, въ которомъ испрашивалось дозволеніе выдавать вамъ всѣ нужныя для вашихъ занятій рукописи и книги. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи все это будетъ измѣнено и государь дастъ свое согласіе посылать къ вамъ въ Москву необходимыя для вашихъ изслѣдованій рукописи. Отъ сношенія съ графомъ Клейнмихелемъ, баронъ не прочь, но находитъ это излишнимъ, потому что и отдѣльный вагонъ, и нужное охраненіе вы можете получить по особому условію

съ агентомъ желѣзной дороги. Что касается до напечатанія реестра, то о семъ, не смотря на всю уважительность вашихъ доводовъ, и думать нельзя безъ доклада государю. Я заранѣе увѣренъ, что государь, по *многимъ* причинамъ, *никакъ* не соизволитъ на это".

Пользуясь благорасположеніемъ великаго князя Константина Николаевича, Погодинъ счелъ своею сердечною обязанностью сообщить великому князю о счастливой участи, постигшей Древлехранилище: „Мое Древлехранилище поступаетъ во владѣніе правительства. Я не могъ ни сохранять, ни поддерживать его болѣе. Одинъ страхъ отъ опасности въ деревянномъ домѣ меня измучилъ. Теперь всѣ мои любезныя драгоцѣнности будутъ сбережены въ цѣлости, на вѣки вѣковъ, на пользу общую. Государю императору угодно предоставить оныя Эрмитажу и Библіотекѣ. Вознагражденія я получилъ больше нежели сколько мнѣ нужно. При моемъ умѣренномъ образѣ жизни, я могу спокойно предаться моимъ историческимъ занятіямъ,—а все-таки я горько поплакалъ, получивъ рѣшительное извѣстіе о томъ, что съ ними разстанусь. Слава и благодарность великодушному царю за себя и за Науку".

Въ тоже время Погодинъ извѣстилъ объ этомъ и Аксаковыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ готовность помочь имъ въ ихъ тогдашнемъ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, ссудою денегъ. На это онъ получилъ, изъ Абрамцева, отъ 21 августа 1852 года, отъ С. Т. Аксакова, слѣдующій отвѣтъ: „Я получилъ письмецо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, отъ 15-го августа. Оно меня сердечно утѣшило. Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался за васъ и дѣтей вашихъ, узнавъ, что вы покончили съ своимъ Древлехранилищемъ. Я въ этихъ дѣлахъ человѣкъ темный и къ тому же недовѣрчивый. Мнѣ всегда казался сомнительнымъ успѣхъ этого предпріятія, для котораго было употреблено столько трудовъ и столько денегъ! Разумѣется, вы были вознаграждены собственнымъ удовольствіемъ; но я никакъ не думалъ, чтобъ правительство купило вашъ Музей и заплатило

такую хорошую цѣну. Честь и слава государю! Жаль, что древности не останутся въ древней Москвѣ, но чтожъ дѣлать: было бы неблагоразумно не принесть этой жертвы.—Вполнѣ понимаю и сочувствую слезамъ вашимъ, при воспоминаніи тѣхъ, кого уже нѣтъ. У меня у самого мелькнула мысль, что ихъ не достаетъ для того, чтобъ вполнѣ порадоваться этому счастливому событію, тѣмъ болѣе, что они, подобно мнѣ, вѣроятно, не вѣрили положительно такому блистательному успѣху. Съ чувствомъ сердечной благодарности прочелъ я предложеніе ваше на счетъ денегъ. Деньги великое дѣло и вѣрный оселокъ дружбы: хоть это и пошло, да справедливо. Въ послѣднее время я нѣсколько разъ былъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ: серебро и золото нерѣдко оказывались мѣдью на оселкѣ. Я надѣюсь на милость Божію и думаю, что такія обстоятельства со мной не повторятся; но если ошибаюсь, то теперь я спокоенъ; знаю, что есть дружеская рука, которая можетъ и желаетъ искренно помочь мнѣ: благодаримъ васъ отъ всего сердца".

Къ письму мужа и О. С. Аксакова приписала слѣдующее: „Вы письмомъ вашимъ, напомнили мнѣ прежнее время, Михайло Петровичъ; я такъ рада, такъ искренно рада за дѣтей вашихъ, *особенно* за дочерей; а ваше предложеніе меня тронуло глубоко; впереди не будемъ имѣть этой тяжелой необходимости искать и просить; благодарю васъ. Какая стужа — не смотря на то, Вѣра, Иванъ и Люба поѣхали на своихъ въ Ростовъ, который горѣлъ недавно. — Прощайте. Нынѣ уже полгода, какъ не стало нашего Гоголя" [237]).

LXI.

8 сентября 1852 года, въ Академическихъ Вѣдомостяхъ появилась статья А. Ѳ. Бычкова: *О пріобрѣтеніи въ казну Древлехранилища профессора Погодина*. Въ этой статьѣ читаемъ: „Еще не такъ отдалено отъ насъ то время, когда занимавшіеся изслѣдованіями по части отечественной исторіи,

›нодательства, литературы и археологіи обыкновенно начи-
і свои труды жалобами на недостатокъ источниковъ и
ихъ недоступность. Эти жалобы имѣли справедливое
ваніе: рукописи, книги и предметы древности, или скры-
сь подъ спудомъ въ библіотекахъ монастырскихъ, безъ
ихъ даже описей, или находились въ рукахъ частныхъ
, не знавшихъ иногда настоящей имъ цѣны... Въ по-
немъ случаѣ, вещи замѣчательныя по своей древности,
дко измѣняли старинныя формы на новыя, а ветх-
ыя, драгоцѣнныя рукописи и книги безпощадно уничто-
сь. Такое истребленіе старины, освященной вѣками,
рое оправдывалось отчасти степенью образованія того
ени и нуждою матеріальною, побудило нѣкоторыхъ зна-
въ и любителей Русскихъ древностей приступить къ
собиранію. Каждое благое дѣло, совершаемое во имя
ственной пользы, всегда встрѣчаетъ къ себѣ на Руси
е сочувствіе, и этимъ сочувствіемъ объясняется быстрое
ченіе подобныхъ собраній драгоцѣнностями письмен-
и вещественными, въ которыя вкладчикомъ было—все
обширное отечество.

„Нашествіе Французовъ, въ вѣчно-памятный для насъ
2 годъ, превратило въ кучи пепла, вмѣстѣ съ перво-
тольною столицею, и многія находившіяся въ ней собра-
нашихъ рукописей и рѣдкостей, какъ напримѣръ, графа
ина-Пушкина, Баузе и пр.; но, съ другой стороны,
удило къ новой жизни всѣ основы нашей народности.
основы развились и созрѣли въ послѣдовавшую за тѣмъ
у. Въ сознаніи мудрой истины, что будущее развитіе
го отечества преимущественно условливается изученіемъ
няго его быта, по державному слову царя возсозданъ
ній храмъ въ Кіевѣ, построенный Равноапостольнымъ
кимъ княземъ Владиміромъ; сохранены для потомства
ія церкви и сооруженія, на которыя время уже клало
ть разрушенія; составлены многочисленныя собранія
няго оружія, монетъ, медалей и другихъ рѣдкихъ остат-

ковъ нашей старины; возникъ въ зодчествѣ особый Русско-Византійскій стиль; въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ Кіев[redacted] и въ Вильнѣ, обнародованы и обнародываются, съ значительными издержками, извлеченныя изъ архивной пыли древнія лѣтописи и грамоты и уцѣлѣвшіе предметы внутренняго домашняго быта нашихъ предковъ; пріобрѣтены уже и не перестаютъ пріобрѣтаться въ собственность государственную собранія письменныхъ и другихъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей, подверженныя, въ рукахъ частныхъ лицъ, безпрестанной возможности истребленія; наконецъ, каждый трудъ, каждая попытка въ области Русской науки находятъ себѣ и одобрительное поощреніе и щедрую награду. Никогда еще отечественная исторія, законовѣдѣніе и археологія не пріобрѣтали столько матерьяловъ, не дѣлали такихъ громадныхъ успѣховъ, какъ въ послѣдніе годы.

„Изъ числа частныхъ собраній, возникшихъ на нашей, такъ-сказать, памяти, особенно замѣчательны: государственнаго канцлера графа Румянцова, сенатора графа Ѳ. А. Толстаго, купца Кастерина и профессора Погодина.

„Первое изъ нихъ, на составленіе котораго знаменитый сановникъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, завѣщано имъ на пользу общественную, и стоитъ нынѣ, какъ памятникъ его просвѣщенной любви къ наукѣ и къ Русской завѣтной старинѣ, въ ряду государственныхъ учрежденій. Второе, по щедротамъ государя императора, равномѣрно составляетъ достояніе общественное, бывъ въ 1830 году пріобрѣтено въ казну и обогативъ собою Императорскую Публичную Библіотеку, которая дотолѣ была весьма бѣдн Славяно-Церковными рукописями и печатными книгами. Ко лекція Кастерина тоже поступила въ наше Книгохран лище. Теперь, наконецъ, и судьба послѣдняго изъ помян тыхъ собраній ограждена отъ всѣхъ случайностей частн быта.

„Но прежде чѣмъ мы сообщимъ извѣстіе, которое ведетъ въ восторгъ каждаго Русскаго и въ особенн

всѣхъ занимающихся наукою, считаемъ долгомъ передать, на первый разъ, нѣсколько краткихъ свѣдѣній объ извѣстномъ Древлехранилищѣ профессора Погодина, которое нерѣдко удостоивалось августѣйшаго воззрѣнія и милостивыхъ отзывовъ Особъ нашего Царственнаго Дома и стяжало себѣ справедливую извѣстность не только у насъ, но и за границею.

„Начало собранія г. Погодина совпадаетъ съ эпохою кончины графа Н. П. Румянцова и пріобрѣтенія въ казну Славяно-Церковныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ графа Ѳ А. Толстаго. Оба эти вельможи, щедрою платою, возбудили въ промышленникахъ охоту къ отысканію древностей; но скоро потомъ первый изъ нихъ скончался, а другой пересталъ продолжать свое собраніе, и торговцы начали преимущественно обращаться къ г. Погодину. Покупкою отъ нихъ различныхъ предметовъ положены были первые начатки той драгоцѣнной коллекціи, которую онъ назвалъ послѣ Древлехранилищемъ. Дальнѣйшему увеличенію онаго немало способствовала живая любовь къ Русскимъ древностямъ самого собирателя и дѣятельность многочисленныхъ его корреспондентовъ. Не только всѣ замѣчательные отдѣльные предметы, появлявшіеся въ продажѣ на нашихъ ярмаркахъ и по всѣмъ городамъ, отъ Петербурга до Одессы, отъ Тобольска до Варшавы, немедленно входили въ составъ Древлехранилища, но и цѣлыя даже коллекціи шли туда же. Изъ числа послѣднихъ, которыхъ пріобрѣтеніе наиболѣе придало полноту и ученое значеніе сему собранію, особенно замѣчательны: 1) собраніе рукописей, составленное извѣстнымъ нашимъ археографомъ Строевымъ, впродолженіе десятилѣтняго его путешествія по Россіи и долговременнаго пребыванія въ Москвѣ, вмѣстѣ съ доставшимися ему отъ К Ѳ. Калайдовича рукописями; 2) собраніе рукописей почетнаго гражданина Н П. Филатова; 3) историческія рукописи изъ библіотеки Лаптева; 4) около 200 отборныхъ рукописей изъ собранія Т. Ѳ. Большакова; 5) собраніе

грамотъ и юридическихъ актовъ послѣ извѣстнаго нашего законовѣдца и профессора Московскаго Университета Сандунова; 6) собраніе монетъ Медынцова; 7) собраніе Чудскихъ древностей Г. И. Спасскаго; 8) бумаги учителя императора Петра III и дѣятельнаго члена нашей Академіи Наукъ Штелина, знакомаго Русской публикѣ преимущественно по напечатаннымъ имъ анекдотамъ о Петрѣ Великомъ; 9) бумаги управлявшаго Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Стриттера, памятнаго въ наукѣ сдѣланными имъ извлеченіями изъ Византійскихъ историковъ; 10) бумаги бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа, стяжавшаго себѣ славу на поприщѣ и литературы и государственной администраціи, М. Н. Муравьева; 11) бумаги Голикова, ревностнаго собирателя дѣяній Петра Великаго; 12) бумаги А. С. Шишкова, бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія и президента Россійской Академіи; 13) бумаги ученаго Ходаковскаго, пѣшкомъ обходившаго всю Россію для своихъ историческихъ изысканій, и еще многихъ другихъ. Такимъ образомъ, втеченіе 25 лѣтъ, сложилось собраніе, единственное, какое существовало у насъ до сихъ поръ, въ рукахъ частнаго лица. До 2000 рукописей, изъ коихъ 75 на пергаментѣ; около 800 старопечатныхъ Славяно-Церковныхъ книгъ; значительное число автографовъ Особъ Царской Фамиліи; до 5000 подлинныхъ грамотъ и юридическихъ актовъ; множество бумагъ и писемъ, принадлежавшихъ нашимъ государственнымъ сановникамъ, ученымъ и писателямъ; около 200 живописныхъ иконъ; до 400 литыхъ образовъ; болѣе 600 крестовъ, серебрянныхъ и мѣдныхъ; почти 2000 монетъ и медалей; печати; оружіе; вещи изъ кургановъ и изъ Чудскихъ копей; старинныя убранства; посуда; чрезвычайно рѣдкіе и замѣчательные портреты; эстампы; лубочныя картинки и т. п.—Вотъ составъ Погодинскаго Древлехранилища. Во всѣхъ сихъ памятникахъ живымъ ключемъ бьетъ Русская жизнь, и при пособіи ихъ можно прослѣдить и изучить всѣ ея стороны: религіозную,

енную и домашнюю, или, такъ сказать, обиходную.
занныя выше цифры нѣкоторыхъ предметовъ сами по
уже говорятъ о многочисленности и богатствѣ собра-
но важность его постигается, во всей ея полнотѣ,
о лишь при ближайшемъ знакомствѣ съ внутреннимъ
инствомъ сихъ предметовъ. Дѣйствительно, почти каж-
изъ нихъ близокъ и дорогъ сердцу Русскаго, или по
ическимъ воспоминаніямъ, или по отношенію къ род-
наукѣ. При взглядѣ на мраморную доску изъ развалинъ
инной Владимiровой церкви въ Кiевѣ, на Византiй-
иконы и кресты, и при разсматриванiи печати, принад-
шей митрополиту Кипрiяну, мысль быстро переносится
ервыхъ временъ христiанства въ Россiи къ славному
енiю Дмитрiя Донскаго. Ножикъ Ивана Никитича Ро-
а, стаканъ патрiарха Филарета, зеркальце патрiарха
ла, вызываютъ въ памяти историческiя судьбы родо-
ьника „благорасленной“ династiи Романовыхъ и зна-
ыхъ ея совѣтодателей. Бумаги, письма и автографы
Великаго и его сподвижниковъ: Лефорта, князя Якова
овича Долгорукова, князя Меншикова, графа Головкина,
Головина, рисуютъ живо великую эпоху преобразова-
Письма и бумаги императрицы Екатерины II-ой, За-
скаго, Таврическаго, Рымникскаго, Чесменскаго, гово-
о громкихъ побѣдахъ Русскаго оружiя и озарившей
ъ концѣ прошедшаго столѣтiя славѣ, которой, съ тѣхъ
суждено было оставаться уже славою вѣчною. Соб-
норучное сочиненiе Симеона Полоцкаго, наставника
Θеодора Алексѣевича; подлинный „Камень Вѣры“
ителя патрiаршаго престола Стефана Яворскаго, съ
одписью; сатиры Кантемира, имъ самимъ исправлен-
поднесенная графу Головину собственноручная руко-
Посошкова; риторика преобразователя нашего языка
носова, съ исправленiями Тредьяковскаго; контрактъ
окова съ содержателемъ театра; печатный экземпляръ
енiй Державина, посланный имъ съ подписью Суворову;

такой же экземпляръ всѣхъ сочиненій Шлецера, съ собственными его отмѣтками и замѣчаніями; подлинныя записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова, съ его поправками; собственноручныя записки графа Ростопчина о Пруссіи; отрывокъ изъ Исторіи Карамзина, въ которой Россія впервые ознакомилась съ прошлыми своими судьбами; наконецъ, напечатанныя творенія разныхъ нашихъ современниковъ,—не живая ли это исторія отечественной литературы?

„Но драгоцѣннѣйшую часть Погодинскаго Древлехранилища, въ отношеніи къ памятникамъ письменности, составляетъ, конечно, собраніе рѣдчайшихъ старопечатныхъ книгъ и неоцѣнимыхъ рукописей—богатая жатва для науки, предметъ изученія и трудовъ для цѣлыхъ поколѣній ученыхъ, неисчерпаемые матерьялы не только для современниковъ, но и для потомства. Здѣсь, между старопечатными Славяно-Церковными книгами, гдѣ все замѣчательно, особенно еще замѣчательны: важное собраніе Венеціанскихъ изданій, самое полное изъ находящихся въ Россіи и даже въ Европѣ; нѣсколько изданій, преимущественно Львовскихъ и Виленскихъ, неизвѣстныхъ библіографамъ; экземпляры многихъ другихъ изданій, которыя не находятся ни въ одной изъ нашихъ библіотекъ, какъ напр., Московскаго Часослова 1565 года; Псалтири, напечатанной въ Заблудовѣ въ 1570 году; Виленскаго Часослова 1596 года и пр. Въ собраніи рукописей находится до 100 Евангелій (тетра и апракосъ, толковыхъ и благовѣстныхъ); болѣе 100 Торжественниковъ и Сборниковъ, въ которыхъ встрѣчается немало Русскихъ сочиненій, восходящихъ частію къ первымъ временамъ христіанства въ Россіи; болѣе 30 Кормчихъ; первое по обилію—въ числѣ до 200—Собраніе житій святыхъ, просіявшихъ въ землѣ Русской; богатое собраніе полемическихъ сочиненій о расколахъ; до 50 лѣтописей; столько же историческихъ сборниковъ; около 40 хронографовъ; значительное число весьма древнихъ списковъ сочиненій Отцовъ Церкви. Многія рукописи весьма-рѣдки, другія же можно назвать даже един-

венными. Къ послѣднимъ относятся: принадлежавшіе митрополиту Евгенію листы Толковой Псалтири, почитаемые произведеніемъ XI вѣка, но которые, по мнѣнію нашего знаменитаго филолога А. Х. Востокова, должны быть отнесены эпохѣ еще болѣе древней; полная Харатейная Псалтырь XI вѣка, съ толкованіемъ Св. Аѳанасія Александрійскаго—рукопись важная для изученія Славяно-Церковнаго языка не менѣе Остроміровa Евангелія; Толкованіе на Евангліе, Св. Григорія, папы Римскаго, также XI вѣка; Евангліе XII вѣка; Служебникъ, писанный на Аѳонской Горѣ XIII вѣкѣ; Кормчая того же вѣка; Торжественникъ V вѣка, въ которомъ находятся слова Климента Словенскаго; Стихирарь съ нотами XIV вѣка; современный списокъ сочиненій Максима Грека; Толковый Апостолъ XIV—V вѣка, принадлежавшій Св. Филиппу, митрополиту Московскому; списокъ Скорининой Библіи, въ которомъ заключаются всѣ пророки, доселѣ неизвѣстные ученому міру; итіе Св. Ольги, списанное Сильвестромъ, духовникомъ анна Грознаго; важный списокъ Судебника, съ указами о естьянахъ; Икона или исторія дѣйствій патріаршескихъ, поводу споровъ съ раскольниками; современный списокъ оморскихъ Отвѣтовъ; Малороссійскій Лѣтописецъ Самуила лички о временахъ гетмановъ, съ подлинными грамотами, чатаемый нынѣ въ Кіевѣ, и т. д.

„Мы представили здѣсь небольшую лишь долю изъ числа имѣчательностей Древлехранилища. Прибавимъ еще, что въ мъ находится до двухсотъ предметовъ единственныхъ въ рѣ, до тысячи наирѣдчайшихъ, и рѣдкихъ безъ числа. Соать теперь что-нибудь такое же, или даже подобное, вновь, шительно невозможно; а между тѣмъ, всѣмъ этимъ драгонностямъ, помѣщеннымъ въ частномъ деревянномъ домѣ, дъ надзоромъ одного ихъ владѣльца, безъ достаточной приуги и безъ средствъ охраненія, грозила ежеминутная опасность, не говоря уже о той, общей почти всѣмъ подобнымъ браніямъ, участи, что, послѣ смерти собирателей, они раз-

дробляются и исчезаютъ. Наука трепетала за свое достоянiе, собранное съ такимъ знанiемъ, съ такою любовiю, съ такими пожертвованiями!

„Теперь эти опасенiя навсегда пресѣклись.

„Государю императору благоугодно было изъявить желанiе прiобрѣсти помянутое собранiе въ собственность правительства и дать ему общественное назначенiе. По первому о семъ слову, г. Погодинъ отозвался, что такую высочайшую волю считаетъ особеннымъ для себя благополучiемъ“ [238])...

Когда статья эта была напечатана, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Прочли ли вы статью о прiобрѣтенiи вашего Древлехранилища, мною составленную? Она прошла черезъ руки царя, исправившаго въ ней три мѣста. Напишите, какъ она вамъ нравится. Длинныхъ и острыхъ языковъ въ Петербургѣ весьма много. Они вытягиваются и правятся объ вашемъ Древлехранилище. Увѣряютъ, что оно стоило вамъ всего десять тысячъ р. сер., что оно не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; каждый день, буквально раза по два, приходится мнѣ опровергать нелѣпости и доказывать, и стоимость, и важность вашего собранiя“.

Въ тоже время И. И. Давыдовъ спрашивалъ Погодина: „Читали ли вы въ *Сѣверной Пчелѣ* увѣдомленiе Булгарина о его Древлехранилищѣ? Да будетъ надъ вами благословенiе Божiе“.

Между тѣмъ, Погодинъ все продолжалъ настаивать, — чтобы печатать реестры его Древлехранилища. „Что касается печатанiя реестровъ“,—писалъ ему А. Ѳ. Бычковъ (17 сентября 1852 г.),—„то баронъ рѣшительно противъ этого. Онъ просилъ вамъ передать, что безъ предварительнаго испрошенiя согласiя государя, печатанiе можетъ навлечь много непрiятностей, какъ ему, такъ и вамъ, потому что легко проскользнутъ въ реестръ такiя вещи, которыя могутъ не понравиться государю. Сверхъ того, такъ какъ ваше собранiе составляетъ, въ настоящее время, государственную собственность, то и по этому весьма было бы неловко печатать ре-

естры Древлехранилищу, послѣ его пріобрѣтенія въ казну. Что все это справедливо, вы можете судить по слѣдующему: въ докладной запискѣ государю, напечатанной въ газетахъ и вамъ уже извѣстной, находилось слѣдующее мѣсто:... „Отрывокъ изъ Исторіи Карамзина, въ которой Россія впервые ознакомилась съ прошлыми своими судьбами, ненапечатанныя стихотворенія Пушкина и Языкова, подлинникъ *Мертвыхъ Душъ* Гоголя,—не живая ли это Исторія Отечественной Литературы съ ея самыми дорогими именами?“ Государь подчеркнулъ слова: *Пушкина*, *Гоголя*, *съ ея самыми дорогими именами*, а съ боку поставилъ достаточное количество вопросительныхъ и удивительныхъ знаковъ“.

Если, по счастливому выраженію А. Ѳ. Бычкова, были „длинные и острые языки, которые вытягивались и правились о Древлехранилище“, то было много и доброжелателей у Погодина, отъ которыхъ онъ продолжалъ получать сочувственныя письма. „Я прочиталъ въ газетахъ“,—писалъ ему И. К. Купріяновъ,—„что вы уступили свое Древлехранилище. Какъ ни пріятна сумма, полученная вами, все-таки, я полагаю, вамъ тяжело было разстаться съ своимъ собраніемъ, на которое употреблено было столько усилій, времени и пожертвованій. Я понимаю чувства археолога, принужденнаго передать въ чужія руки то, что такъ долго онъ считалъ своимъ сокровищемъ, на которое излито было имъ столько заботъ, любви и даже жизни. Извините, милостивый государь, за мою простоту: я говорю, что думаю“.

„Книги въ шкапахъ“,—писалъ Погодину Бецкій,—„потомство обезпечено, антикварій спокоенъ и дочки съ приданымъ.—А помните, что вы разъ мнѣ сказали: дѣти сами должны и пр.; за что имъ достанетъ то, что пріобрѣлъ и пр.—Вѣдь я все помню... Во многомъ не сходимся мы“.

Наконецъ, отозвался Погодину и самъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ: „Извѣстіе объ обогащеніи Императорской Библіотеки обрадовало безъ сомнѣнія всѣхъ искренно любящихъ древній Славянскій языкъ. Мнѣ, послѣднему знаніемъ, но не

послѣднему преданностію къ нему, казалось это событіемъ. И выразить трудно, чего ожидать можно отъ изученія Древне-Славянскихъ памятниковъ. Поистинѣ цѣлыя поколѣнія ученыхъ будутъ къ нимъ обращаться. Ревность вашего превосходительства будетъ съ благодарностію припоминаться при успѣхахъ Науки. Дай Богъ, чтобы эти сокровища были приведены въ извѣстность. Не могу, притомъ, не высказать сожалѣнія, что неугодно было напечатать хотя списка рукописямъ, вами уступленнымъ. И это было бы приращеніемъ бѣдныхъ нашихъ свѣдѣній".

LXII.

По возвращеніи изъ Петербурга, Погодинъ приступилъ къ приготовленіямъ для отправки своего Древлехранилища въ Публичную Библіотеку и Эрмитажъ, къ составленію описей и пр. Шевыревъ понуждалъ своего друга заняться этимъ дѣломъ внимательно. „Лешковъ мнѣ сказывалъ", — писалъ онъ, — „что ты намѣренъ былъ поѣхать куда-то. Мнѣ кажется, всякой отъѣздъ твой теперь совсѣмъ не въ пору. Твое дѣло — сдать какъ можно скорѣе всю твою Библіотеку и все Хранилище. До тѣхъ поръ ты не долженъ двигаться".

Въ то же время и И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Душевно уважаемый Михаилъ Петровичъ, пане ясновельможный! Наконецъ, вы отозвались черезъ мѣсяцъ, попавши въ число счастливцевъ міра сего Грѣшный человѣкъ, я подумалъ, что разбогатѣвшій академикъ съ бѣдною братіею своей и знаться не хочетъ. Но письмо ваше, къ величайшему удовольствію, показало мнѣ несправедливость опасеній на счетъ измѣнчивости человѣческой... Спѣшите и окончивайте опись Древлехранилища, а потомъ скорѣе отправляйте: это говоритъ вамъ величайшій трусъ огня. Отъ этой трусости я привыкъ каждую ночь ходить по всему дому".

Въ томъ же письмѣ И. И. Давыдовъ выражаетъ жела-

ніе: „Дай Богъ, чтобъ сбылось ваше предчувствіе почестей, какъ сбылось оно въ отношеніи къ богатству!“

Какъ увидимъ ниже, и *предчувствіе почестей* также сбылось.

Къ описи своего Древлехранилища Погодинъ привлекъ, и И. Филиппова, и И. Е. Забѣлина, и Д. А. Ровинскаго, и купца Сорокина, и И. Д. Бѣляева и пр.

„Ахъ Иванъ Дмитріевичъ“,—писалъ Погодинъ Бѣляеву,—ахъ, Русскій человѣкъ, что вы со мною дѣлаете? Да умилосердитесь же и приходите работать, и принесите имѣющіяся у васъ рукописи. Не доищусь я нѣкоторыхъ Строевскихъ; кажется, *Стоглавъ* бралъ вашъ братъ“? На это Бѣляевъ отвѣчалъ: „Я обѣщалъ у васъ быть на дняхъ и буду именно завтра, ибо день табельный, раньше же быть не могъ; работа, которую я беру на себя у васъ такова, что вечеромъ ее дѣлать нельзя, а днемъ я долженъ быть на службѣ. Я точно Русскій человѣкъ, и ни за какія блага не соглашусь быть Нѣмцемъ. Но припомните, что Русскій человѣкъ помнитъ, что́ обѣщаетъ и дѣлаетъ“.

Т. И. Филипповъ извѣщалъ Погодина: „Остановка за И. Д. Бѣляевымъ, который впрочемъ нѣсколько дней не сходитъ со стула“. Наконецъ, Погодинъ получаетъ отъ Бѣляева отчетъ. „Увѣдомляю при семъ“,—писалъ онъ,—„что съ вашимъ нумизматическимъ собраніемъ я прохлопоталъ цѣлую недѣлю безъ умолку и денно и нощно, и кажется никакъ бы не успѣлъ сдѣлать и въ этотъ срокъ, ежели бы не помогъ мнѣ братъ мой Илья Васильевичъ Бѣляевъ, который выжилъ у меня цѣлую недѣлю, подбирая и опредѣляя ваши монеты вмѣстѣ со мной. Реэстръ монетамъ и медалямъ запаковалъ въ ящикъ, тамъ же вы найдете и книгу къ Головину, которую далъ вамъ Ржевскій. Реэстры я написалъ, кажется, довольно стройно, и собраніе ваше смотритъ чѣмъ то цѣльнымъ и систематическимъ; изъ Московскихъ князей съ Даніила до Василья III-го не достаетъ только одного Калиты; а изъ царей есть даже двѣ монеты Владислава Жигимонтовича;

право, у меня сердце возрадовалось, видя какъ стройно подобрались монеты,—это Исторія въ лицахъ. Ваше собраніе, хотя не черезъ чуръ многочисленное, вышло полнѣе и стройнѣе многочисленнѣйшихъ. Жаль только, что описанія Новгородскихъ и Псковскихъ монетъ, составленныя у васъ кѣмъ-то, не кончены; а я, понадѣясь на нихъ, самъ не занялся разборкою".

Съ своей стороны и Сорокинъ извѣщалъ Погодина: „Опись образамъ я окончилъ вполнѣ, какъ вы приказали, и оную вмѣстѣ съ черновыми при семъ посылаю къ вамъ; только я въ описи г. Дмитрія Александровича Ровинскаго не нашелъ мѣры оплечнымъ образамъ Св. Николая, а потому не могъ назначить какихъ они писемъ. Если образа эти не отосланы и вы прикажете ихъ смѣрить, то я по мѣрѣ оныхъ сыщу описаніе ихъ въ своихъ запискахъ и назначу, какихъ они писемъ; а не имѣя въ виду оныхъ, не могу назначить. А если и отосланы, то можно узнать мѣру ихъ послѣ и тогда назначить, какихъ они писемъ. Я же во-второй своей описи мѣры образамъ не назначалъ: потому что приказали вы вторую опись составить по образцу Ровинскаго, у котораго не означалось мѣры образамъ".

Среди этихъ приготовленій къ сдачѣ своего Древлехранилища, Погодинъ занемогъ, о чемъ свидѣтельствуетъ *Дневникъ* его:

Подъ *11 октября* 1852 г.: „Обѣдъ у С. Д. Нечаева съ Вигелемъ. Вечеръ у Иноземцова. На новосельѣ. Споры.

— 12 — —: „Піявки. Занимался. Перекусилъ. Уснулъ, и сдѣлалась ужасная дурнота, такъ что послалъ за Иноземцовымъ. Горчица и пр.

— 13 — —: „Болѣнъ. Сильно застужена голова. Иноземцовъ. Думалъ о смерти и неоконченности трудовъ, неоконченности, на которую, кажется мнѣ, я обреченъ. Грустно. Разбиралъ автографы. За обѣдомъ все въ обиліи, такъ что совѣстно.

— 15 — 16 — —: „Нога не хороша. Днемъ кое-что дѣлалъ, хоть и очень жаль, что такое случилось замедленіе.

— 18 — —: „Ночь съ тоскою. Разбиралъ автографы и факсимиле, которые мерещились и ночью.

— 19 — —: „Получше. Надъ работами. Поле открытое мнѣ—служить и работать, какъ угодно Богу.

— 20 — —: „Немного мнѣ лучше".

29 октября, больной былъ обрадованъ полученіемъ слѣдующаго „очень любезнаго" письма отъ барона М. А. Корфа: „А. Ө. Бычковъ сообщилъ мнѣ письмо ваше, отъ 18 числа, изъ котораго я съ сожалѣніемъ и живымъ участіемъ увидѣлъ ваши недуги и страданія, впрочемъ, сколько по тому же письму судить можно, уже прекратившіеся. Искренно желаю, чтобы они болѣе не возобновлялись и чтобы теперь, когда судьба ваша упрочена въ матеріальномъ отношеніи, провидѣніе дало вамъ силъ и здоровья для продолженія тѣхъ славныхъ и полезныхъ трудовъ, которыми вы стяжали себѣ еще болѣе извѣстности, нежели вашимъ Древлехранилищемъ. Не раздѣляю опасеній вашихъ на счетъ перевозки его сюда частнымъ имуществомъ. Главное — чтобы все было хорошо уложено, а затѣмъ опасность — т.-е. риска желѣзной дороги — при пересылкѣ частнымъ или царскимъ добромъ, съ общимъ или особымъ поѣздомъ, совершенно одинаковъ, а развѣ только издержки въ послѣднемъ случаѣ могли бы значительно увеличиться, не прибавивъ ни на волосъ обезпеченія въ охранности. Переписка съ графомъ Клейнмихелемъ, по извѣстнымъ уже опытамъ, заняла бы много времени, а между тѣмъ здѣсь *очень* уже поджидаютъ вещей и даже было изъявлено удивленіе, что ихъ еще нѣтъ. И такъ, думаю, съ Богомъ, за дѣло, т.-е. отправляйте незамедлительно ваши ящики съ обыкновенными поѣздами и за тѣмъ сами порадуйте насъ вашимъ прибытіемъ. Душевно благодарю за присланный мнѣ экземпляръ вашихъ сочиненій и изданій. Это дорогой для меня подарокъ—дорогой, и по сущности, и какъ знакъ вашей пріязни. Затѣи мои по Библіотекѣ все продолжаются, но съ ними и заботы. Я

стою предъ значительнымъ дефицитомъ и если получаемыя съ разныхъ сторонъ и издавно обѣщанія денежныхъ приношеній не обратятся, наконецъ, въ дѣйствительное исполненіе, то, вмѣсто продолженія моихъ плановъ, придется даже на время прекратить всѣ новыя пріобрѣтенія, переплеты, и пр. Истинно грустно останавливаться такимъ образомъ среди пути!.. Нѣмецкій переводъ съ нашей статьи о пріобрѣтеніи вашего Древлехранилища я отправилъ къ разнымъ лицамъ въ Германію, въ томъ числѣ и къ Ганкѣ. А отъ чего не была она до сихъ поръ перепечатана въ вашемъ *Москвитянинѣ?*"

Это „очень любезное" письмо понудило однако Погодина поспѣшить отправкою своего Древлехранилища, и ему, въ день полученія этого письма, т.-е. 29 октября 1852 года, пришла мысль объ „обѣдѣ прощальномъ послѣ молебна" [239]).

Извѣстно, что Строевское собраніе рукописей составляетъ украшеніе Древлехранилища, и Погодинъ, 30-го октября 1852 года, писалъ П. М. Строеву: „Завтра въ 2 часа, служится у меня дорожный молебенъ и кропятъ святою водою мои любезныя древности, отправляющіяся въ путь; не угодно ли будетъ вамъ, какъ ихъ всегдашнему доброжелателю, принять участіе въ молитвѣ, да прибудутъ онѣ благополучно на мѣсто; а послѣ молебна откушать у меня хлѣба-соли". На этомъ письмѣ Строевъ собственноручно написалъ: „*Отправленъ былъ мною сынъ, Петръ Павловичъ, который въ мое мѣсто и присутствовалъ на торжествѣ, впрочемъ не великолѣпномъ*" [240]).

На это торжество былъ приглашенъ Погодинымъ и Московскій попечитель В. И. Назимовъ, но онъ, по болѣзни, не могъ принять этого приглашенія, и писалъ Погодину: „Премного благодарю васъ, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, за радушное приглашеніе проститься по-Русски съ вашимъ дѣтищемъ. Послѣ поѣздки по желѣзной дорогѣ въ Тверь, я какъ-то расклеился, и чтобъ поправиться, былъ вчера въ банѣ, а потому и боюсь сегодня выѣзжать; прошу велико-

душно простить, что не являюсь лично пожелать счастливаго пути отъѣзжающему и добраго здоровья почтенному хозяину".

Подъ *31 октября 1852 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Молебенъ. Обѣдъ. Двадцать четыре рюмки разбито".

LXIII.

1 ноября 1852 года, Погодинъ „отпустилъ" въ Петербургъ, въ сопровожденіи своихъ агентовъ, актуарія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Дмитріева и старинара Т. Ѳ. Большакова, короба, и въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Прискорбно". А вслѣдъ за коробами, на другой день, и самъ отправился въ Петербургъ, „нагнавъ своихъ агентовъ" на пути.

Въ Петербургѣ Погодинъ намѣревался остановиться у А. А. Куника. Еще 22 октября 1852 г., послѣдній писалъ ему: „Прошу васъ пожаловать въ мой улусъ. Въ мѣстѣ недостатка не будетъ, а при вашемъ простомъ образѣ жизни вы мнѣ ни малѣйше стѣснять не будете. Есть только одно неудобство, именно, что у меня недостатокъ въ прислугѣ; я часто принужденъ оставаться одинъ и меня нѣсколько стѣсняло бы, если бы, стали васъ посѣщать со всѣхъ сторонъ, что и непремѣнно случится въ этомъ случаѣ, но какъ говорится, чѣмъ богатъ.... Это единственная причина, почему при вашемъ отъѣздѣ я не сдѣлалъ вамъ этого предложенія. У портнаго ваше платье почти готово; онъ его не рѣшается окончить безъ примѣрки, потому что ему трудно все пригнать точка въ точку, вслѣдствіе вашей ноги и одной половины тѣла. Однако это васъ не задержитъ; какъ только пріѣдете, пошлите за нимъ или поѣзжайте прямо къ нему".

Но въ Петербургѣ Погодинъ имѣлъ, кажется, пріютъ у графа А. С. Уварова. Сіе можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ И. Д. Бѣляева: „Прошу покорно передать мое почтеніе вашему теперешнему хозяину дома, графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову".

По прибытіи въ Петербургъ, Погодинъ приступилъ къ сдачѣ своего Древлехранилища, и 9 декабря 1852 г., получилъ квитанціи отъ директора Императорской Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа, въ томъ, „что принадлежавшія къ его Древлехранилищу: автографы, рукописи, книги старопечатныя и пр. въ Публичную Библіотеку доставлены и мною, по представленнымъ имъ реестрамъ, сполна сданы. Такую же квитанцію Погодинъ получилъ, по возвращені[illegible] въ Москву, отъ директора Оружейной Палаты А. Θ. Вель[illegible] мана „въ томъ, что вещи его Музея Древностей, высочай[illegible] назначенныя для храненія въ Оружейной Палатѣ, приня[illegible] сполна по описи".

По свидѣтельству А. Θ. Бычкова, описи Древлехран[illegible] лища, по которымъ производилась сдача онаго въ Импер[illegible] торскую Публичную Библіотеку, были составлены самы[illegible] первичнымъ образомъ, и одно только описаніе пергамен[illegible] ныхъ рукописей было сдѣлано по правиламъ науки, и э[illegible] описаніе принадлежитъ Т. И. Филиппову. 29 января 185[illegible] года А. Θ. Бычковъ писалъ Погодину: „Поблагодарите Ф[illegible] липпова за его трудъ; онъ будетъ для меня весьма полезен[illegible] и все заимствованное мною изъ него будетъ указано [illegible] своемъ мѣстѣ. Жаръ не слѣдуетъ загребать чужими руками[illegible].

Окончивъ сдачу Древлехранилища, агенты Погодина, Дм[illegible] тріевъ и Большаковъ, возвратились въ Москву, и съ пути, из[illegible] Колпина, 30 ноября 1852 года, писали ему: „Извѣстные вам[illegible] антикварій и актуарій быстро возвращаются на родину, [illegible] въ добромъ здоровьи; этого же душевно и искренно желают[illegible] вамъ, и скоро, и удовлетворительно покончивъ свое государ[illegible] ственное дѣло. Сдѣлайте милость, при случаѣ и досугѣ, по[illegible] радуйте насъ о судьбѣ своего Древлехранилища, о посѣще[illegible] нія государя и о прочемъ, что̀ сдѣлалось послѣ насъ—хотя [illegible] одной или двумя строчками; лелѣя и любуясь имъ, вѣдь мы [illegible] почти сдѣлались ему родными, по крайней мѣрѣ близкими [illegible] знакомыми. А сколько и въ Москвѣ есть жаждущихъ знать [illegible] подробности о его пребываніи здѣсь! Имъ также будетъ пріятно

ятно сочувствовать вашему удовольствію. Мы теперь уже за половину той земли, гдѣ нѣкогда жили и Рюрикъ, и Вадимъ, и Марфа; да не увидитъ же насъ Петербургская губернія въ своихъ владѣніяхъ 1-го декабря! Грозная Окуловка, гдѣ мы такъ недавно потерпѣли сильное крушеніе и сѣли на мель, или утонули въ снѣгахъ и омутѣ вагоновъ — сегодня намъ улыбнулась и закраснѣлась, вѣроятно вспомнивъ свой стыдъ и неделикатное съ нами обращеніе; да вѣдь и шутить-то съ нами теперь мы ужъ не позволимъ, вѣдь мы теперь уже не Москвичи, а покамѣстъ Питерцы! .... Когда-то и какъ-то вамъ приведетъ Богъ возвратиться! Ежели узнаемъ день отъѣзда вашего, то съ большимъ и истинно пріятнымъ желаніемъ и удовольствіемъ встрѣтили бы васъ на Московской станціи. Дай Богъ, чтобы это было какъ можно скорѣе! Мы же ѣдемъ прекрасно и погода чрезвычайно теплая. Черезъ нѣсколько минутъ мы вступаемъ въ границы Тверской губерніи. Божіею милостію, мы, Москвичи — и ваши богомольцы! Новопожалованный почетный корреспондентъ Тихонъ Большой и старый, десятилѣтній архиваріусъ Иванъ Меньшой. Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову наше глубокое почтеніе и поклонъ".

Возвратившись въ Москву, одинъ изъ агентовъ, 2 декабря 1852 года, писалъ Погодину: „Честь имѣю извѣстить васъ, что Тихонъ Ѳедоровичъ Большаковъ и я очень благополучно возвратились въ Москву вчера, въ 9 часовъ утра. Сегодня я счелъ обязанностію быть у Ивана Дмитріевича Бѣляева, который находится въ добромъ здравіи, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и ожидаетъ отъ васъ извѣстія на свое письмо, отъ 15-го ноября, относительно своей каѳедры при Московскомъ Университетѣ. Потомъ былъ въ вашемъ домѣ, гдѣ нашелъ все и всѣхъ въ совершенномъ благополучіи: какъ Лизавета Ѳоминична, такъ и все ваше семейство и домашніе—здравы, вамъ кланяются и съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ вашего возвращенія въ Москву, съ полнымъ желаніемъ вамъ добраго здравія и благополучнаго во всемъ успѣха. Невѣрная молва

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ приступилъ къ сдачѣ своего Древлехранилища, и 9 декабря 1852 г., получилъ квитанціи отъ директора Императорской Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа, въ томъ, „что принадлежавшіе къ его Древлехранилищу: автографы, рукописи, книги старопечатныя и пр. въ Публичную Библіотеку доставлены и нынѣ, по представленнымъ имъ реестрамъ, сполна сданы. Таковую же квитанцію Погодинъ получилъ, по возвращеніи въ Москву, отъ директора Оружейной Палаты А. Ѳ. Вельтмана „въ томъ, что вещи его Музея Древностей, высочайше назначенныя для храненія въ Оружейной Палатѣ, приняты сполна по описи“.

По свидѣтельству А. Ѳ. Бычкова, описи Древлехранилища, по которымъ производилась сдача онаго въ Императорскую Публичную Библіотеку, были составлены самымъ первичнымъ образомъ, и одно только описаніе пергаментныхъ рукописей было сдѣлано по правиламъ науки, и это описаніе принадлежитъ Т. И. Филиппову. 29 января 1853 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Поблагодарите Филиппова за его трудъ; онъ будетъ для меня весьма полезенъ и все заимствованное мною изъ него будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Жаръ не слѣдуетъ загребать чужими руками“.

Окончивъ сдачу Древлехранилища, агенты Погодина, Дмитріевъ и Большаковъ, возвратились въ Москву, и съ пути, изъ Бологова, 30 ноября 1852 года, писали ему: „Извѣстные вамъ антикварій и актуарій быстро возвращаются на родину, и въ добромъ здоровьи; этого же душевно и искренно желаютъ вамъ, и скоро, и удовлетворительно покончивъ свое государственное дѣло. Сдѣлайте милость, при случаѣ и досугѣ, порадуйте насъ о судьбѣ своего Древлехранилища, о посѣщеніи государя и о прочемъ, чтȯ сдѣлалось послѣ насъ—хоть одной или двумя строчками; лелѣя и любуясь имъ, вѣдь мы почти сдѣлались ему родными, по крайней мѣрѣ близкими знакомыми. А сколько и въ Москвѣ есть жаждущихъ знать подробности о его пребываніи здѣсь! Имъ также будетъ пріятно

но сочувствовать вашему удовольствію. Мы теперь уже за ловину той земли, гдѣ нѣкогда жили и Рюрикъ, и Вадимъ, Марфа; да не увидитъ же насъ Петербургская губернія своихъ владѣніяхъ 1-го декабря! Грозная Окуловка, гдѣ такъ недавно потерпѣли сильное крушеніе и сѣли на ь, или утонули въ снѣгахъ и омутѣ вагоновъ — сегодня ъ улыбнулась и закраснѣлась, вѣроятно вспомнивъ свой дъ и неделикатное съ нами обращеніе; да вѣдь и шутить- съ нами теперь мы ужъ не позволимъ, вѣдь мы теперь не Москвичи, а покамѣстъ Питерцы! .... да-то и какъ-то вамъ приведетъ Богъ возвратиться! Ежели аемъ день отъѣзда вашего, то съ большимъ и истинно ятнымъ желаніемъ и удовольствіемъ встрѣтили бы васъ на сковской станціи. Дай Богъ, чтобы это было какъ можно рѣе! Мы же ѣдемъ прекрасно и погода чрезвычайно теплая. резъ нѣсколько минутъ мы вступаемъ въ границы Тверй губерніи. Божіею милостію, мы, Москвичи — и ваши омольцы! Новопожалованный почетный корреспондентъ хонъ Большой и старый, десятилѣтній архиваріусъ Иванъ ньшой. Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову наше глубокое теніе и поклонъ“.

Возвратившись въ Москву, одинъ изъ агентовъ, 2 декабря 52 года, писалъ Погодину: „Честь имѣю извѣстить васъ, что хонъ Ѳедоровичъ Большаковъ и я очень благополучно возвраились въ Москву вчера, въ 9 часовъ утра. Сегодня я счелъ обяностію быть у Ивана Дмитріевича Бѣляева, который находится добромъ здравіи, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и ожитъ отъ васъ извѣстія на свое письмо, отъ 15-го ноября, осительно своей каѳедры при Московскомъ Университетѣ. томъ былъ въ вашемъ домѣ, гдѣ нашелъ все и всѣхъ въ ершенномъ благополучіи: какъ Лизавета Ѳоминична, такъ все ваше семейство и домашніе—здравы, вамъ кланяя и съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ вашего возвранія въ Москву, съ полнымъ желаніемъ вамъ добраго авія и благополучнаго во всемъ успѣха. Невѣрная молва

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ приступилъ къ сдачѣ своего Древлехранилища, и 9 декабря 1852 г., получилъ квитанціи отъ директора Императорской Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа, въ томъ, „что принадлежавшіе къ его Древлехранилищу: автографы, рукописи, книги старопечатныя и пр. въ Публичную Библіотеку доставлены и нынѣ, по представленнымъ имъ реестрамъ, сполна сданы. Таковую же квитанцію Погодинъ получилъ, по возвращеніи въ Москву, отъ директора Оружейной Палаты А. Ѳ. Вельтмана „въ томъ, что вещи его Музея Древностей, высочайше назначенныя для храненія въ Оружейной Палатѣ, приняты сполна по описи“.

По свидѣтельству А. Ѳ. Бычкова, описи Древлехранилища, по которымъ производилась сдача онаго въ Императорскую Публичную Библіотеку, были составлены самымъ первичнымъ образомъ, и одно только описаніе пергаменныхъ рукописей было сдѣлано по правиламъ науки, и это описаніе принадлежитъ Т. И. Филиппову. 29 января 1853 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Поблагодарите Филиппова за его трудъ; онъ будетъ для меня весьма полезенъ и все заимствованное мною изъ него будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Жаръ не слѣдуетъ загребать чужими руками“.

Окончивъ сдачу Древлехранилища, агенты Погодина, Дмитріевъ и Большаковъ, возвратились въ Москву, и съ пути, изъ Бологова, 30 ноября 1852 года, писали ему: „Извѣстные вамъ антикварій и актуарій быстро возвращаются на родину, и въ добромъ здоровьи; этого же душевно и искренно желаютъ вамъ, и скоро, и удовлетворительно покончивъ свое государственное дѣло. Сдѣлайте милость, при случаѣ и досугѣ, порадуйте насъ о судьбѣ своего Древлехранилища, о посѣщеніи государя и о прочемъ, что̀ сдѣлалось послѣ насъ—хотя одной или двумя строчками; лелѣя и любуясь имъ, вѣдь мы почти сдѣлались ему родными, по крайней мѣрѣ близкими знакомыми. А сколько и въ Москвѣ есть жаждущихъ знать подробности о его пребываніи здѣсь! Имъ также будетъ пріятно

но сочувствовать вашему удовольствію. Мы теперь уже за ловину той земли, гдѣ нѣкогда жили и Рюрикъ, и Вадимъ, Марфа; да не увидитъ же насъ Петербургская губернія своихъ владѣніяхъ 1-го декабря! Грозная Окуловка, гдѣ такъ недавно потерпѣли сильное крушеніе и сѣли на ль, или утонули въ снѣгахъ и омутѣ вагоновъ — сегодня мъ улыбнулась и закраснѣлась, вѣроятно вспомнивъ свой ыдъ и неделикатное съ нами обращеніе; да вѣдь и шутить съ нами теперь мы ужъ не позволимъ, вѣдь мы теперь не Москвичи, а покамѣстъ Питерцы! . . . . гда-то и какъ-то вамъ приведетъ Богъ возвратиться! Ежели наемъ день отъѣзда вашего, то съ большимъ и истинно іятнымъ желаніемъ и удовольствіемъ встрѣтили бы васъ на осковской станціи. Дай Богъ, чтобы это было какъ можно орѣе! Мы же ѣдемъ прекрасно и погода чрезвычайно теплая. резъ нѣсколько минутъ мы вступаемъ въ границы Тверой губерніи. Божіею милостію, мы, Москвичи — и ваши гомольцы! Новопожалованный почетный корреспондентъ хонъ Большой и старый, десятилѣтній архиваріусъ Иванъ еньшой. Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову наше глубокое чтеніе и поклонъ".

Возвратившись въ Москву, одинъ изъ агентовъ, 2 декабря 852 года, писалъ Погодину: „Честь имѣю извѣстить васъ, что хонъ Ѳедоровичъ Большаковъ и я очень благополучно возврались въ Москву вчера, въ 9 часовъ утра. Сегодня я счелъ обянностію быть у Ивана Дмитріевича Бѣляева, который находится добромъ здравіи, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и ожиетъ отъ васъ извѣстія на свое письмо, отъ 15-го ноября, носительно своей каѳедры при Московскомъ Университетѣ. отомъ былъ въ вашемъ домѣ, гдѣ нашелъ все и всѣхъ въ вершенномъ благополучіи: какъ Лизавета Ѳоминична, такъ все ваше семейство и домашніе—здравы, вамъ кланяся и съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ вашего возвраенія въ Москву, съ полнымъ желаніемъ вамъ добраго равія и благополучнаго во всемъ успѣха. Невѣрная молва

донесла до нихъ, что вы уже въ дорогѣ, и потому они посылали на станцію для вашей встрѣчи. А чтобъ не повторилось того же и завтра и далѣе, я удостовѣрилъ, что ранѣе конца нынѣшней или начала будущей недѣли вы не можете возвратиться въ Москву, по причинѣ обѣщанныхъ вами визитовъ, болѣе или менѣе необходимыхъ. Слухи о Петербургской morbus,—въ Москвѣ слишкомъ преувеличены, напугали Кучковичей,—и я счелъ долгомъ погасить ихъ, т. е. представить дѣло въ настоящемъ видѣ. Въ вашемъ домѣ я отдалъ и оставшійся отъ вашего Музея костяной голубокъ, привезенный нами въ совершенной сохранности. Въ своемъ собственномъ семействѣ успокоительнаго довольно, но не совсѣмъ; въ числѣ знакомыхъ мнѣ семействъ нашелъ много больныхъ. Про Петербургскую эпидемію у насъ въ Москвѣ огромные толки и опасенія, такъ что похищенныхъ ею насчитываютъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Что эта молва слишкомъ преувеличена или вовсе не имѣетъ достовѣрныхъ основаній, намъ довольно хорошо извѣстно; но тѣмъ не менѣе, отъ нея нельзя не смущаться и не трепетать любящимъ сердцамъ о близкихъ, живущихъ или гостящихъ въ Петроградѣ".

Кресло Жуковскаго въ Императорской Академіи Наукъ занялъ Шевыревъ. Въ день своихъ имянинъ, Погодинъ, изъ Петербурга писалъ новоизбранному академику: „Спѣшу сообщить тебѣ извѣстіе о благополучномъ окончаніи твоего выбора. Было двадцать семь членовъ. Отрицательный только одинъ голосъ оказался. Надо же было случиться этому выбору 6 ноября. Ты знаешь, какой это день для меня. И въ этотъ же день я долженъ былъ начать работы въ Эрмитажѣ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось принять участіе въ выборѣ, и Куникъ попросилъ отъ меня Фусса начать избраніе позднѣе, чтобъ мнѣ успѣть пріѣхать изъ Эрмитажа. Но тамъ встрѣтился мнѣ Бруни и сказалъ, что, можетъ быть государь придетъ въ два часа. Нельзя было думать объ отлучкѣ. Замѣчательно, что начали выборъ тебя безъ прочтенія, по уставу, свидѣтельства о заслугахъ. И ты

бранъ единогласно даже и безъ него. По окончаніи уже,
ссъ сказалъ: Ахъ, Господа, извините, вѣдь я позабылъ
очесть..... Не нужно, не нужно. Черный шаръ положилъ
кой-то естествоиспытатель, не по личности, а по какой-то
ріи. Прости Богъ ему согрѣшеніе. Поздравляю. Погода
сь ужасная".

Въ Петербургѣ Погодинъ былъ очень обласканъ Блудо-
ии. Графиня Антонина Дмитріевна безпрестанно отправляла
нему записочки, въ родѣ слѣдующихъ: „Вы совсѣмъ за-
и ваше обѣщаніе часто пріѣзжать ко мнѣ. Не заѣдите ли
иче вечеромъ послѣ всеночной"? Въ день имянинъ Погодина,
фиия писала: „Кажется, нынче должны быть ваши имянины,
хаилъ Петровичъ; поздравляю васъ и отъ имени батюшки
тъ моего и желаю пріятно и весело провести день. — Я
ая ужасная невѣжда на счетъ старыхъ книгъ, что не знаю,
жетъ ли куда пригодиться при семъ прилагаемая, которую
в въ Франкфуртѣ принесли. Кажется только, что *калли-
фія* порядочная, да это можетъ порокъ. Посылаю ее вамъ
нственно, чтобъ показать, что и на Майнѣ, какъ на Рейнѣ
Базелѣ, помнила Москву и тѣхъ добрыхъ людей, которые
ъ гостепріимно и любезно насъ въ Москвѣ принимали.
дѣюсь, что вы не забыли вашего обѣщанія обѣдать у
ъ завтра (воскресеніе) въ 5 часовъ". Въ другой записочкѣ
финя пишетъ: „Если вы не слишкомъ утомлены и мы еще
ъ не совсѣмъ наскучили, сдѣлайте намъ удовольствіе отобѣ-
ь у насъ въ воскресеніе (послѣ завтра) въ 5 часовъ".

Въ это время въ Петербургѣ проживала и А. О. Смирнова,
тъ нея Погодинъ получилъ дружеское письмо, въ которомъ
ала: „Вы до сихъ поръ не дали мнѣ знать, милостивый
ударь Михаилъ Петровичъ, когда намѣреваетесь обѣдать
асъ; дѣти мои очень желаютъ видѣть вашу коллекцію;
это очень трудно уладить безъ васъ, а упустить такого
ятнаго случая, полюбоваться отечественными сокровищами,
ѣ бы не хотѣлось. Вотъ какая Нѣмецкая фраза вырвалась
меня. Нельзя ли намъ выбрать воскресеніе для обѣда или

понедѣльникъ еще лучше, никого не будетъ кромѣ дѣтей моихъ и двухъ маленькихъ еще. А завтра нельзя обѣдать у насъ, потому что не одни".

Но въ особенности Погодинъ былъ осчастливленъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ нему великаго князя Константина Николаевича. Цѣлый рядъ записокъ А. В. Головнина къ Погодину объ этомъ свидѣтвльствуютъ: Отъ *19 ноября 1852 года*: „Записку вашу, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, писанную въ субботу, я получилъ только вчера вечеромъ, не знаю черезъ кого, и поспѣшилъ сегодня же доложить великому князю. Его высочество изволилъ выразить, что онъ приметъ васъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ четвергъ, 20 ноября въ 12½ ч. по полудни. Я буду въ это время во Дворцѣ и постараюсь васъ встрѣтить.

— 22 — —: „Великій князь Константинъ Николаевичъ узнавъ о вчерашней запискѣ вашей ко мнѣ, изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что покойный цесаревичъ (Константинъ Павловичъ), получивъ Мраморный Дворецъ со всею движимостью, предоставилъ приближеннымъ своимъ разобрать то, что имъ нравилось изъ Библіотеки и картинъ, и такимъ образомъ вещи князя Орлова разошлись по рукамъ. Во Дворцѣ же, который былъ перестроенъ совершенно, ничего не осталось. Поищите у Александрова, Опочинина, наслѣдниковъ Куруты и т. п.—Я же, съ своей стороны, скажу о бумагахъ Ломоносова старикамъ, которые еще остались при Дворцѣ.

— 23 — —: „Великій князь Константинъ Николаевичъ изволилъ прочесть съ любопытствомъ рецензію *Бергауза* и приказалъ мнѣ пригласить васъ во Дворецъ его высочества къ обѣдни, въ будущее воскресенье, въ 11 часовъ. Послѣ обѣдни его высочество покажетъ вамъ въ подробности самъ свою Русскую горницу. Къ обѣдни надобно быть въ мундирѣ.

— 27 — —: „Великій князь генералъ-адмиралъ приказалъ мнѣ просить васъ разсмотрѣть прилагаемый складень, за который просятъ семьдесятъ пять р. сер., списать надписи

съ возвращеніемъ складня, увѣдомить, что вы вообще думаете ъ этой вещи и о цѣнѣ“.

Въ тотъ же день: „Великій князь Костантинъ Николаевтъ изволилъ приказать мнѣ сегодня утромъ напомнить вамъ, о Александровъ Старшій (свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ), олучивъ по кончинѣ цесаревича Константина Павловича раморный Дворецъ съ библіотекой, подарилъ оную Финляндому Университету и что поэтому тамъ слѣдуетъ искать маги Ломоносова.

— *11 декабря* —: „Вчерашнюю записку вашу я получилъ ке послѣ обѣдни и доложилъ великому князю. Искренно елаю вамъ счастливаго пути, но постараюсь побывать у съ передъ отъѣздомъ. Я доставлю вамъ въ Москву планъ абинета великаго князя и списокъ всѣхъ находящихся въ емъ вещей“.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ отъ . В. Головнина два письма, одно отъ 24 января, а другое тъ 19 февраля 1853 года, въ которыхъ читаемъ: „Планъ омнаты его высочества сдѣланъ, но списокъ вещамъ соавляется по-немногу. Великій князь самъ диктуетъ мнѣ ный. Когда будетъ готово, я вамъ доставлю. Его высочество ступилъ вчера въ управленіе Морскимъ Министерствомъ и ерезъ это дѣла много прибавилось“. Въ другомъ же письмѣ оловнинъ пишетъ: „Виноватъ передъ вашимъ превосходиельствомъ, что не отвѣчалъ на письмо ваше, отъ 28 января. то произошло оттого, что я надѣялся доставить вамъ на няхъ описаніе комнаты великаго князя, но теперь вижу, то это не можетъ скоро сдѣлаться, ибо его высочество резвычайно занятъ, а безъ его личнаго участія никто не въ остояніи составить списка вещамъ его. На *Москвитянина* еликій князь подписывается постоянно и потому не предтавляется надобности подносить еще экземпляра. Очень и чень жаль, что мы лишены удовольствія слушать ваши историкія чтенія“ [241]).

LXIV.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ почувствовалъ въ душѣ своей „тишину, и спокойствіе", испытывалъ и „минуты наслажденія".—„Слава Богу!", восклицалъ онъ [242]).

Къ довершенію удовольствія, А. Ѳ. Бычковъ, 16 декабря 1852 года, писалъ ему: „Наконецъ, въ прошедшую субботу государь посѣтилъ насъ; онъ пріѣхалъ 10 минутъ 2-го и пробылъ около часа, обозрѣвъ въ это короткое время всю Библіотеку. Остался всѣмъ весьма доволенъ, много говорилъ и шутилъ, и дважды благодарилъ, какъ директора, такъ и всѣхъ насъ. Жаль, что вы не подождали; тогда съ лучшей и болѣе интересной стороны могли бы представить ему вашу коллекцію. Такъ какъ, по всему вѣроятію, болѣе всего васъ въ этомъ посѣщеніи долженъ интересовать обзоръ, сдѣланный вашему собранію государемъ, то съ этого я и начну мой разсказъ. По приходѣ въ залу Попова, Корфъ объявилъ государю, что все, что онъ видитъ расположеннымъ на скамьяхъ и приполкахъ въ этой залѣ, составляетъ часть той коллекціи, которую ему благоугодно было подарить Россіи. Тогда императоръ подошелъ къ столу, на которомъ лежатъ гравюры; взялъ въ руки видъ Кроншлота и замѣтилъ, что подобнаго ему не удавалось видѣть и что въ его коллекціи находится также Кроншлотъ, но другого формата; потомъ обратилъ вниманіе на лубочныя картинки, разсматривалъ погребеніе кота, заставилъ меня развернуть видъ Москвы, спросилъ при этомъ о времени его появленія и прибавилъ, что это вещь весьма замѣчательная; далѣе, смотрѣлъ гравюру, изображающую проектъ Кулибинскаго моста, при чемъ припомнилъ, что модель его служила ему дѣтскою игрушкою. За симъ, баронъ повелъ государя вдоль первой скамьи и обратилъ его вниманіе на азбуку. Царь посмотрѣлъ на нее, сказалъ, что это вещь весьма хорошая, что впрочемъ онъ не знаетъ въ этомъ толка и что сынъ его Константинъ, вѣроятно, придетъ отъ нея въ восторгъ. Проходя мимо

зосьбы (челобитная Всполохова), онъ спросилъ: что это? Баэнъ отвѣтилъ и пошелъ далѣе къ автографамъ. Но здѣсь я ѣшился остановить государя и обратилъ его вниманіе на а рисунка: на принятіе Спасителя отъ купели царемъ лексѣемъ Михаиловичемъ и на снятіе Іисуса со Креста. Гоударь остановился, внимательно разсмотрѣлъ рисунки, скалъ: *Какая странная фантазія пришла въ голову сочиниеля представить такія аллегоріи*; *впрочемъ, эти рисунки ни чемъ не уступаютъ лучшимъ миніатюрамъ, находящимся западныхъ рукописяхъ*. Изъ автографовъ я обратилъ вниніе царя на трактатъ Петра съ Даніей и на письмо сестры анна къ Ѳеофану, которое государь прочелъ вполнѣ, разѣявшись странной его орфографіи, а баронъ—на Записки Ітелина и о Потемкинѣ. Здѣсь царь разсказалъ, что ему давно представили изъ Эрмитажной Библіотеки запечатанный акетъ, въ которомъ находилась Histoire de Pierre III, что а книга наполнена *ложными обвиненіями противъ Екатеины II, къ чему авторъ книги могъ и не прибѣгать, потому по Исторія доставила бы ему гораздо болѣе фактовъ для пого*. Послѣ этого посмотрѣлъ нѣкоторыя рукописи, обратилъ ниманіе на документы, писанные на пергаменѣ и спросилъ у еня: какого они содержанія? При выходѣ изъ залы, государь казалъ: *Коллекція эта драгоцѣнна, быть можетъ я заплаилъ за нее нѣсколько дорого, но во всякомъ случаѣ радъ и ушевно радъ, что ее пріобрѣлъ*. Вотъ собственныя слова гоударя, въ которыхъ можно усмотрѣть, и личную его оцѣнку ашего собранія, и то, что навѣяно на него Нѣмцами. Впроемъ, результатъ весьма благопріятный, котораго я даже не далъ отъ обзора массы рукописей и книгъ въ ветхихъ переплетахъ“.

Описавши это событіе, А. Ѳ. Бычковъ продолжаетъ: „Теерь о себѣ: 1) „Пришлите, если вы не забыли, обѣщанное писаніе пергаменныхъ рукописей; въ противномъ случаѣ, вѣдомьте, дабы я заблаговременно могъ приняться за работу.) Не забудьте моей просьбы о статьѣ Лешкова. 3) Нельзя ли

добыть описаніе рукописей Царскаго? 4) Для Библіотеки сборникъ стихотвореній Пушкина; кстати портретъ его, писанный Кипренскимъ, находится у Ланской. Обо всемъ прочемъ до будущаго письма. Будьте здоровы и не поминайте лихомъ Петербурга. Я писалъ бы къ вамъ въ понедѣльникъ, но этотъ день, равно какъ и воскресенье, пролежалъ въ постели. Въ субботу удосужусь къ вамъ писать. А. А. Дмитріеву и Т. Ѳ. Большакову мой усердный поклонъ. У Наслѣдника при выходѣ была рѣчь о вашемъ собраніи; Висковатовъ лихо отдѣлалъ господъ, которые, по отсутствію золотыхъ и вообще цѣнныхъ по металлу вещей, утверждали, что собраніе ваше не имѣетъ никакого значенія. Впрочемъ, скоро все угомонится".

Здѣсь мы съ удовольствіемъ замѣтимъ, что обратившая на себя вниманіе государя *просьба* есть *Челобитная Григорія Всполохова, дьяка Ямскаго Приказа, поданная царю Алексѣю Михайловичу въ 1672 году*, и что въ настоящее время этотъ драгоцѣнный памятникъ Русскихъ Древностей изданъ графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ, отъ имени Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Упоминаемая же въ письмѣ А. Ѳ. Бычкова *азбука* есть *Азбука гражданская съ нравоученіями, правленная рукою Петра Великаго*, также въ настоящее время издана графинею Екатериною Павловною Шереметевою, и тоже отъ имени Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Письмомъ А. Ѳ. Бычкова Погодинъ подѣлился съ своими сотрудниками, Дмитріевымъ и Большаковымъ, и первый писалъ: „Радуюсь, но болѣе печалюсь извѣстію А. Ѳ. Бычкова; радуюсь, что государь самъ все видѣлъ и сдѣлалъ справедливую оцѣнку; печалюсь же потому, что не было самого хозяина Музея, и что *Нѣмцы* уже успѣли набросать тѣни на картину, и довольно густо; съ ними же за это я ссорюсь и въ Нѣмецкомъ клубѣ, и внѣ его, какъ не съ православными и не понимающими важности дѣла".

Въ кабинетѣ директора Императорской Публичной Би-

бліотеки виситъ картина, изображающая событіе, описанное А. Ѳ. Бычковымъ въ приведенномъ письмѣ къ Погодину. Императоръ изображенъ въ Отдѣленіи рукописей, окруженный барономъ М. А. Корфомъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, А. Ѳ. Бычковымъ и В. И. Собольщиковымъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого достопамятнаго посѣщенія, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Царь недавно присылалъ къ намъ Блудова, чтобы посмотрѣть Библіотеку, которая превзошла, по своему устройству, всѣ его ожиданія, и ваше собраніе. Записки Штелина сдаются въ Архивъ. Государь ихъ нашелъ весьма любопытными. Копію читаетъ императрица. Записки Потемкина у Наслѣдника“.

Въ то же время Погодинъ пожалованъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

„Ура! дрожайшій другъ Михаилъ Петровичъ“,—писалъ Погодину И. И. Давыдовъ (23 декабря 1852 года). „За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ. Отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю ваше превосходительство съ монаршею милостью. Вѣра Александровна также васъ и всѣхъ вашихъ съ тѣмъ привѣтствуетъ. Предчувствіе ваше, о которомъ вы мнѣ говорили, теперь сбылось: вы и богаты и знатны. Слава Богу! Желаю только лучшаго здоровья. Обнимаю васъ. Князь Платонъ Александровичъ поручилъ мнѣ поздравить васъ отъ его имени“.

Весьма своеобразно и лаконично выразилъ А. М. Кубаревъ свое привѣтствіе старому другу:

„Alexius Cubarew

Michaili Petridi Pogodin, Consiliario Statas Actuali, S. Tibi gratulor, mihi gaudev. Vale!

Вашего превосходительства
покорный слуга
Алексѣй Кубаревъ.

11 янв. 1853“.

„Изъ вчерашнихъ газетъ“,—писалъ Погодину П. А. Мухановъ, изъ Варшавы,—„узналъ я о производствѣ васъ, любез-

ный другъ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Поздравляю съ сею высочайшею милостію... Благодарю за совѣтъ о Русскомъ языкѣ для Маши *). Буду слѣдовать. Она вамъ и дочери вашей усердно кланяется".

„Всякій разъ",—писалъ Погодину Шевыревъ,—„при надписаніи конверта, забываю о твоемъ превосходительствѣ. Извини".

Но нѣтъ земной радости *печали не причастной*. Такъ въ данномъ случаѣ случилось и съ Погодинымъ. Въ то время, когда онъ ликовалъ, и отъ счастливой продажи своего Древлехранилища, и отъ возведенія его на высокую степень дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ получаетъ отъ Шевырева слѣдующее, набросившее мрачную тѣнь на свѣтлое расположеніе его духа, письмо, отъ 23 декабря 1852 года: „Сожалѣю очень, любезный другъ, что ты избралъ именно день моего ангела для отъѣзда къ Троицѣ, но сѣтовать не могу, потому что молитва всего лучше. Я же сожалѣлъ о томъ еще и по той причинѣ, что въ этотъ день хотѣлъ прочесть тебѣ рѣчь свою о Жуковскомъ, какъ прочелъ ее Кирѣевскому и Павлову. Но чтожъ дѣлать? Повторяю, что ты сдѣлалъ лучше: Богу молиться всегда пригодится. Къ чему эта трагическая записка? Отъ чего же возникали у тебя сомнѣнія на счетъ нашей давнишней дружбы и будто бы предстоящей ей опасности? Развѣ я подалъ къ этому поводъ? Если не былъ я у тебя, такъ единственно по причинѣ занятій. Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь я всѣ свободныя минуты употреблялъ на приготовленіе оставшихся сочиненій Гоголя къ изданію и на Рѣчь объ Жуковскомъ, которая вышла довольно большимъ сочиненіемъ, въ семь слишкомъ листовъ печатныхъ, кромѣ примѣчаній. Кромѣ того, вѣдь у меня каѳедры, да еще и домашніе уроки съ дѣтьми. На тебя я посѣтовалъ, скажу искренно. Я думалъ, что ты теперь самъ вспомнишь о своемъ долгѣ — и не хотѣлъ тебѣ напо-

*) Марія Павловна, впослѣдствіи княгиня Щербатова.

минать объ немъ. Вотъ что ты писалъ ко мнѣ въ 1849 году: „Труды твои для *Москвитянина* 1848 года я чувствовалъ, чувствую и буду чувствовать, а ты твердилъ, твердишь (не тверди же по крайней мѣрѣ впередъ!) напрасно и излишне. О гонораріѣ за нихъ я говорилъ тебѣ и говорю, что онъ такъ вѣренъ тебѣ, какъ то, что лежитъ у тебя въ комодѣ, и что ты, если тебѣ случится крайняя нужда, можешь получить на другой день по извѣщеніи, и если нужды не случится, то ты получишь его при первой моей возможности. Этой возможности у меня еще нѣтъ". Такъ писалъ ты ко мнѣ въ началѣ 1849 года — и я въ теченіи четырехъ лѣтъ никогда не напоминалъ тебѣ о томъ, хотя весьма часто нуждался въ деньгахъ. Теперь, когда Богъ послалъ тебѣ счастіе, я думалъ, что ты вспомнишь объ долгѣ. Тогда я оставилъ свое кровное дѣло, чтобы только тебя выручить, потому что отчаяніе твое было мнѣ горько. $23^{1}/_{2}$ листа моихъ пошло въ *Москвитянинъ* 1848 года.—Признаюсь искренно: непріятно мнѣ было, когда ты за своимъ прощальнымъ обѣдомъ поднималъ тосты за всѣхъ и не сказалъ мнѣ ни слова, а конечно трудясь, вмѣстѣ съ тобою столько лѣтъ, я сколько-нибудь содѣйствовалъ тебѣ къ пріобрѣтенію твоего Древлехранилища. У меня есть записки твои, выражающія твою мнѣ благодарность. Про долгъ я молчалъ — и такъ какъ мнѣ сказали, что до 2-го Января ты заперся дома, то я не хотѣлъ тебя тревожить, а послѣ новаго года, когда ты издашь первую книжку и успокоишься, я рѣшался напомнить тебѣ, но все надѣялся, что ты и самъ вспомнишь. Теперь поѣздка твоя къ Троицѣ Сергію, именно въ самый день имянинъ моихъ, меня удивила, признаюсь тебѣ. Записка еще болѣе. Я рѣшился сказать тебѣ все—и думаю, что такъ лучше".

Послѣ этого письма, Погодинъ получаетъ другое, совершенно противоположное первому по содержанію, отъ стараго должника своего, пріятеля Пушкина и Аксаковыхъ, Ивана Ермолаевича Великопольскаго, автора *Сатиры на Игроковъ*, которому Пушкинъ еще въ 1828 году писалъ:

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру? и пр.

„Я все еще предъ вами виноватъ",—писалъ Великопольскій Погодину, въ мартѣ 1852 года,—„но вы теперь, изъ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствъ, вдругъ сдѣлались милліонщикомъ и генераломъ, все-таки оставшись добрымъ человѣкомъ, и не требуете съ меня. Спасибо вамъ. Но этого мало. Я, зная ваше сердце, увѣренъ, что при такомъ внезапномъ, Богомъ и царемъ устроенномъ оборотѣ вашихъ дѣлъ, вы не забудете ближняго, измучившагося въ неимовѣрныхъ страданіяхъ, и подадите мнѣ руку помощи. Дѣло мое идетъ хорошо. Честію увѣряю васъ въ томъ. Могу даже показать доказательства, хотя положительный результатъ также еще зависитъ отъ Бога и царя. Оно въ такомъ положеніи, что въ нынѣшнемъ году я надѣюсь быть совершенно обезпеченъ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить всѣхъ моихъ кредиторовъ, съ которыми черезъ годъ или два можетъ быть окончательно расплатиться, не безъ остатка и для себя. Но теперь мое положеніе самое ужасное. Я въ Москвѣ съ больною женою. Живу уже мѣсяцъ. Сегодня послѣднія деньги отдаю бабушкѣ. Не чѣмъ ни жить, ни платить доктору, а на дняхъ должна быть консультація. Обратиться совершенно не къ кому. У всѣхъ много меду истекаетъ изъ устъ, но мало изъ сердца. Помогите мнѣ, если можете, пятью стами руб. сер., а не можете, то хоть тремя стами. Бога призываю во свидѣтели, что деньги ваши не пропадутъ".

Отвѣтная записочка Погодина дала Великопольскому поводъ написать слѣдующее: „Сію минуту, поздно вечеромъ, возвратился домой и прочиталъ вашу записку. Благодарю, что вы не оставили меня безъ отвѣта, но изъ вашей записки ясно вижу только то, что вы не можете ссудить меня деньгами. Извиняюсь же въ моей просьбѣ, но извиняюсь тѣмъ, что я обратился не столько къ вашему карману, сколько къ вашему сердцу, потому что кармановъ много, но безъ сердецъ. При

мъ я вспомнилъ о вашей запискѣ ко мнѣ, когда я вы-
ралъ шестьдесятъ тысячъ руб. ассигн., изъ которыхъ по-
чилъ сорокъ. Вы тогда находили, что я долженъ удѣлить
о-нибудь Шафарику, а когда я привезъ вамъ для него
тыреста, то вы съ Ольгой Семеновной Аксаковой находили,
о я долженъ былъ дать тысячу. Все это обнадеживало меня,
о я не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи безъ
астія съ вашей стороны. Что касается прочаго содержанія
шего письма, то сначала я не разобралъ его, а потомъ со-
лѣлъ, что разобралъ. Вы пишете, что весь Медицинскій
культетъ готовъ пріѣхать на консультацію къ дочери
удрова *), что Университетъ отведетъ ей комнату и что
уже и писали къ нѣкоторымъ (!!!!) наконецъ, чтобы *я не
пупался въ это дѣло*, потому что я хотя и прекрасный
ажданинъ, но не сего міра и дѣлъ никакихъ дѣлать не
ѣю. Позвольте, со всею почтительностію, отвѣчать вамъ
это, что за участіе благодарю, даровыми посѣщеніями
кторовъ я пользоваться не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что они
ого не любятъ, а о Мудровѣ давно забыли, ежели еще не
анятъ, что отдавать мою жену въ Университетскую больницу
постыжусь, а какъ вести мои дѣла, то знаетъ мой умишко,
торый совѣтовъ ни у кого не проситъ. Конецъ вѣнчаетъ
ло. Пожалуйста, не разсердитесь. Не съ тѣмъ пишу, чтобы
рчить васъ. Но, по прочтеніи вашей записки, мнѣ сдѣла-
сь тошно. Вѣроятно, она подѣйствовала на желчь, кото-
я, въ пятьдесятъ пять лѣтъ, легко отъ такихъ рѣчей
здражается.—Я разорванъ на части... Къ кому изъ докто-
въ писали вы? Что вы писали? Кто просилъ васъ о томъ?
о удивляетъ и оскорбляетъ меня. Конечно, это легче нежели
ь денегъ, но такая непросимая услуга хуже, нежели
казъ въ деньгахъ“.

Не довольствуясь этимъ, Великопольскій написалъ Погодину
угое письмо: „Вчера я отвѣчалъ на вашу записку словомъ

*) И. Е. Великопольскій былъ женатъ на дочери профессора Московскаго
иверситета М. Я. Мудрова.

благодарю, потому что другого нечего было отвѣчать; но какъ она содержитъ сильное негодованіе на духъ, въ которомъ было послѣднее мое письмо, то я сейчасъ перечиталъ первое, отъ васъ полученное. Вотъ послѣ сорока восьми часовъ я и хладнокровнѣе; а все-таки скажу, что нельзя было принять вашихъ словъ равнодушно; въ моемъ положеніи, они почти насмѣшка, а въ мои лѣта глубокое оскорбленіе. При томъ, нимало не сомнѣваясь въ участіи душевномъ, я искалъ того участія дѣломъ, о которомъ вы пишете. Неужели оно состоитъ въ намѣреніи написать къ Страхову и Гульковскому. Обращаясь къ вашей справедливости, я пишу эту записку съ цѣлію остаться съ вами въ прежнихъ отношеніяхъ, въ которыхъ до сего времени еще не проходило ни одного облачка. Между тѣмъ, мое положеніе дѣлается съ каждымъ часомъ ужаснѣе. Послѣ васъ моя надежда была на управляющаго здѣшнею Коммиссаріатскою Коммиссіею генерала Шулепникова, служившаго юнкеромъ у меня въ ротѣ. Вчера хотѣлъ писать къ нему и вдругъ узнаю, что онъ въ холерѣ. И его жаль душевно, и мое въ этомъ видно особое несчастіе. Я не объяснилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что къ маю мѣсяцу ожидаю денегъ изъ казны; слѣдовательно, я просилъ у васъ только до мая. Повторить просьбы не смѣю, но если вы пришлете хоть двѣсти, хоть сто пятьдесятъ, наконецъ хоть сто руб. сер., то сдѣлаете величайшее мнѣ добро, тѣмъ болѣе, что дѣла мои требуютъ скорой поѣздки, дня на два, въ Петербургъ; а я останавливаюсь ѣхать даже и къ Броку для приглашенія его къ женѣ, потому уже нѣтъ и на извозщика. Посылаю эту записку по городской почтѣ, для того чтобы не вынуждать васъ на отвѣтъ, непріятный для васъ въ случаѣ отказа; но стану то и дѣло посматривать на дверь, не входитъ ли въ нее мужичекъ съ бородкою, принесшій отъ васъ вчерашнюю записку".

Намъ остается неизвѣстнымъ, чѣмъ отвѣтилъ Погодинъ на это письмо несчастнаго..

Почти одновременнно съ этою перепиской, Погодинъ, подъ

19 марта 1852 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Павловой, которая просила денегъ подъ деревню. Въ баню. Потѣхину денегъ. Жихареву денегъ. Вечеромъ ужасно заболѣла грудь“ [243]).

Къ тому же, Погодинъ, разставшись съ своимъ Древлехранилищемъ, все-таки не освободился отъ страсти къ собиранію, и онъ не могъ относиться равнодушно къ собирателямъ подобнымъ, напримѣръ, графу А. С. Уварову, который, какъ нарочно, въ это самое время пріобрѣлъ извѣстное собраніе рукописей купца И. Н. Царскаго. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 25 января 1853 года, Погодинъ записалъ: „Вечеромъ былъ у Уварова молодого. Онъ перекупилъ собраніе рукописей у Царскаго, а я выжидалъ времени. Просилъ у меня денегъ для задатка, и совѣстно было отказать. Боюсь, что всѣ свои деньги раздамъ. Онъ заплатилъ двадцать пять тысячъ р. с., по этой пропорціи мои собранія стоятъ полмилліона“.

Въ заключеніе нашего повѣствованія о пріобрѣтеніи императоромъ Николаемъ I Погодинскаго Древлехранилища, мы предложимъ вопросъ: сталъ ли Погодинъ счастливѣе, сдѣлавшись богачемъ и генераломъ? Пусть за насъ отвѣтитъ мудрый П. А. Плетневъ, который въ письмѣ своемъ къ М. А. Максимовичу, отъ 1 декабря 1853 года, писалъ: „Вся бѣда наша происходитъ отъ обольщенія желаній нашихъ. Никакъ не желаемъ мы просто быть счастливы. Всѣ суетимся, разъѣзжаемся... Ни Пушкинъ, ни Языковъ, ни Гоголь, ни Жуковскій—никто не утвердился на какомъ нибудь мѣстѣ... Вотъ теперь и Вяземскій, шатается по людимъ гостинницамъ Европы. А между тѣмъ, онъ все же одинокъ. Онъ все же мучится тѣмъ, что душа остается безъ раздѣленія. *Погодинъ* (ужъ ему ли судьба не положила, наконецъ, счастія въ ротъ?) самъ не знаетъ, что дѣлать. А вѣдь есть у него и дочь, есть и нѣжно любящіе его друзья. На цѣлую жизнь станетъ ему любимыхъ имъ трудовъ, честныхъ, не тщетно обѣщающихъ ему и славу. Но чтожъ онъ между тѣмъ дѣлаетъ? Возится съ какими-то прошеніями, на которыя и не

смотрятъ, кланяется могучимъ людямъ, въ которыхъ, казалось бы, и никакого нѣтъ ему дѣла; на подобіе Греча потащится лѣтомъ и въ Парижъ и Баденъ, чтобы занять читателей своего журнала пятью пустѣйшими страницами. Да развѣ такъ бы могли мы на старости жить, если бы поумнѣе взглянули на такъ называемое внутреннее достоинство человѣка? Вотъ и вы, милый, добрый, достойнѣйшій Михайло Александровичъ, зачѣмъ вы поддались обольщенію младенческой мечты и обрекли себя на пустынножительство?... Могу съ гордостью сказать, что я ничему, никому, никогда не измѣнялъ въ жизни... Вотъ, я каждое лѣто, въ продолженіе двадцати восьми годовъ, живу все на одной и той же дачѣ, гдѣ нѣтъ ничего болѣе, кромѣ песку, сосенъ и безлюдья; но такъ какъ это не разрываетъ моихъ сношеній съ обществомъ, до того, что въ пустынькѣ моей попеременно видѣлъ я у себя, и Дельвига, и Пушкина, и Баратынскаго, и Жуковскаго, и Вяземскаго... мнѣ здѣсь отрадно такъ, что я ни разу еще не вздыхалъ, ни по Малороссіи, ни даже по самой Италіи“ [24-а]).

LXV.

Возвратясь изъ Петербурга, Погодинъ, съ января 1853 [illegible] заперся въ своемъ кабинетѣ и занялся формулярными сп[illegible]сками древнихъ Русскихъ князей до Монгольскаго ига. Ма[illegible] того, онъ сдѣлалъ въ *Москвитянинѣ* слѣдующее объявлені[illegible] „Пользуясь хозяйскимъ правомъ, занимаю оставшуюся бѣлу[illegible] страницу *Москвитянина* частнымъ своимъ объясненіемъ—н[illegible] для читателей журнала, которымъ оно не принадлежитъ, [illegible] для своихъ знакомыхъ, которые, въ послѣднее время возне[illegible]годовали на меня за мое затворничество. Я возвратилс[illegible] изъ Петербурга 12 декабря и къ 15 января, въ теченіе мѣсяца (со включеніемъ святокъ), долженъ былъ издать восемьдесятъ печатныхъ листовъ, т.-е. около тысячи[illegible] пятисотъ страницъ; спрашивается — есть ли человѣческа[illegible] возможность исполнить эту обязанность, принимая посѣтите-

ей, разъѣзжая по гостямъ и тому подобное! Но, можетъ ыть, скажетъ кто-нибудь, что выдать четыре книги журнала егко: такъ почему же безъ меня, отъ 1 ноября до 15 декабря, напечаталась только одна книга? Вотъ причина, поему я затворился до 15 января. А съ 15 января до 1 мая должепъ непремѣнно кончить печатаніемъ пятый, шестой седьмой томы моихъ *Изслѣдованій* объ Удѣльномъ періодѣ Русской Исторіи, кои началъ печатать уже три года, и обѣщалъ выдать въ прошедшемъ году, но былъ задержанъ слуайно дѣломъ о пріобрѣтеніи въ казну своего Древлехранилища, которое мнѣ надо было привести въ соотвѣтственный порядокъ, регистровать, перемѣтить, уложить, разобрать, сдать о двадцати тысячъ нумеровъ, что взяло у меня полные полгода. Считаю нужнымъ прибавить еще вотъ что: теперешняя работа моя такого рода (печатаніе, напримѣръ, полнаго послужнаго списка двухсотъ пятидесяти удѣльныхъ князей), что она не терпитъ никакого развлеченія. На моемъ столѣ вы найдете безпрестанно до ста отдѣльныхъ смѣняющихся листиковъ, въ кои должно вносить или провѣрять по строкѣ то изъ одной, то изъ другой лѣтописи... такъ, чтобы всякая строка соотвѣтствовала предыдущимъ и послѣдующимъ и не производила недоразумѣнія.— „Извините меня“,— говоритъ мнѣ сладкимъ голосомъ, прорывающійся и берущій штурмомъ мою лѣстницу, посѣтитель,— „я къ вамъ на одну минуту“... Злодѣй! Но этою одной минутой нить мыслей прерывается, точно также, какъ часомъ или днемъ: Мстиславъ ускакалъ въ Новгородъ, Ярославъ въ Переяславль, Всеволодъ въ Кіевъ, а Рюрикъ въ Черниговъ. Какъ мнѣ ловить ихъ, а ты вѣдь поймать не поможешь! Помилуйте, я очень радъ, отвѣчаю я шепотомъ, прошу васъ покорно садиться. Но еслибъ этотъ посѣтитель замѣтилъ, какъ стискиваются въ это время мои зубы, какъ дрожитъ мой голосъ и какія искры сыплются изъ моихъ глазъ, то вѣрно пожелалъ бы быть отъ меня подальше. Милостивые мои государи и благодѣтели! Дайте мнѣ кончить мою работу надъ Удѣльнымъ періодомъ, и оставьте меня

въ покоѣ до 1-го мая; тамъ дѣлайте со мною что хотите. До тѣхъ поръ я отказываюсь отъ всякаго родства, дружбы, пріязни и знакомства. Но почему я назначаю именно этотъ срокъ? Почему? Вотъ почему: Удѣльный періодъ лежитъ какъ камень на моей груди. Мнѣ надо освободиться отъ него какъ можно скорѣе; иначе онъ меня задавитъ. Седьмой годъ уже я занимаюсь имъ (не считая предварительныхъ работъ), и печатаю четыре года. Чувствую, что со мною случится не хорошо, если я долго еще буду держать въ головѣ всю эту пирамиду, хоть и не Египетскую, но состоящую изъ многихъ и многихъ тысячей фактовъ, лицъ, мѣстъ и показаній. Итакъ, прошу снисходительнаго извиненія и великодушнаго прощенія за мои грубости и дерзости, въ послѣднее время, у всѣхъ своихъ сотрудниковъ, друзей, пріятелей, родственниковъ и доброхотныхъ посѣтителей. Нельзя ли уже и писемъ не писать ко мнѣ безъ крайней необходимости до того же срока“ [245]).

Само собою разумѣется, что это оригинальное объявленіе произвело на всѣхъ странное впечатлѣніе. Прочитавъ еще въ рукописи это объявленіе, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину: „Гдѣ вы напечатаете о своемъ удаленіи отъ міра?“

Со всѣхъ сторонъ посыпались на Погодина письма, выражающія удивленіе. „Получивъ сейчасъ четвертый нумеръ *Москвитянина*“,—писалъ ему И. К. Купріяновъ изъ Новгорода,—„я нашелъ въ немъ ваше объявленіе. Извините за настоящее письмо: было заготовлено раньше. Дай вамъ Богъ силъ и здоровья поскорѣе окончить вашъ трудъ для общей пользы“.

И. И. Давыдовъ, сдѣлавъ выписку изъ этого объявленія, писалъ: „Поэтому на письмо вашего превосходительства отвѣчаю лаконически, чтобъ, пока вы будете читать отвѣтъ, Мстиславъ не ускакалъ въ Новгородъ, Всеволодъ въ Кіевъ, Рюрикъ въ Черниговъ...... Довольно. У васъ по лѣстницѣ пробирается докучливый посѣтитель: не велите его пускать...

Не смотря на запрещенія Погодина писать къ нему

ісьма, профессоръ И. Н. Березинъ, изъ Казани писалъ ему: Пишу, не смотря на ваше запрещеніе, къ вамъ, но коротко ясно... Зачѣмъ такія объявленія въ журналѣ и при томъ а страницѣ, которая совсѣмъ не осталась бѣлою, а приклеена! Посмотрите, что журналы подхватятъ на зубокъ ваше омашнее объясненіе..."

„Ваше объявленіе въ *Москвитянинѣ*",—писалъ Погодину рафъ А. С. Уваровъ,—„воля ваша, не по нашему, черезъуръ пахнетъ средними вѣками и даже до-Норманскими ременами".

Самъ солидный баронъ М. А. Корфъ, обративъ вниманіе а это странное объявленіе, писалъ Погодину: „К. А. Косовичъ сообщилъ мнѣ о письмѣ вашемъ, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, и о проявляющихся въ немъ на мой счетъ одозрѣніяхъ. Спѣшу ихъ отклонить искреннимъ увѣреніемъ, то виною моего молчанія было не одно многодѣліе, но еще олѣе торжественная прокламація ваша въ *Москвитянинѣ*, то, посреди вашей бесѣды съ Музою Исторіи, вамъ—нѣтъ ремени нисходить къ обыкновеннымъ житейскимъ помысламъ вы, до 1-го мая, ограждаете себя отъ всякихъ писемъ. Я читалъ этотъ запретъ общимъ и всеобъемлющимъ и, благодаря васъ въ душѣ за минуты, пожертвованныя на письмо мнѣ, не хотѣлъ увеличивать еще этой жертвы выраженіемъ моей благодарности на письмѣ, или, иначе, отнятіемъ васъ снова времени на чтеніе моихъ писемъ. Вотъ моя сповѣдь, столько же искренняя, сколько то покаяніе, котоое, въ теперешніе святые дни, мы привыкли приносить ередъ другимъ судомъ".

М. А. Дмитріевъ, изъ своего Богородскаго, иронически исалъ Погодину: „Извините, что обезпокою до 1-го мая. Догнали ли вы Рюрика"?

Сначала Шевыревъ съ соболѣзнованіемъ писалъ къ свому другу: „Хотѣлось бы къ тебѣ доѣхать, но самъ же ты оворишь, что нѣтъ возможности. Не слишкомъ ли ты заработался? Береги себя". Но въ другомъ письмѣ къ Погодину

Шевыревъ скептически относится къ его затворничеству. „Нѣтъ братъ“,—писалъ онъ къ Погодину,—„ты напрасно славишься передъ всею Россіею недостаткомъ времени: у тебя еще его слишкомъ много остается отъ Русской Исторіи и *Москвитянина*, чтобы выслушивать сплетни пустыхъ шелопаевъ, которымъ, видно, нѣтъ другаго дѣла. У меня же вотъ до сихъ поръ не доставало и нѣсколькихъ минутъ, чтобы отвѣчать тебѣ на твою записку“.

Желая подѣйствовать на сердце уединившагося Погодина, Н. И. Крыловъ посылаетъ къ нему сборщика на церковное строеніе и пишетъ ему: „Не знаю, попаду ли я на струю вашего сердца, препровождая къ вамъ съ этою запискою одного старичка, не смотря на оффиціальныя извѣщенія о прекращеніи вами всякихъ сношеній съ обществомъ. Но, полагая, что старичекъ-сборщикъ къ обществу не принадлежитъ,—*бѣ бо отребіе міра сего*, — я и ударяя часто прямо по сердцу вашему, питаю надежду, что и теперь ударъ не будетъ мимо сердца. Сосѣдственная съ моею родиною церковь, во имя *Св. Николая*, гдѣ священствуетъ мой родной племянникъ, отъ ветхости и бѣдности прихода — опустѣла; и вотъ съ Божіею помощію старичекъ собираетъ *лепты* съ доброхотныхъ православныхъ. Надобно вамъ доложить, какъ любителю Русской старины, что образъ Св. Николая весьма древняго письма“.

Не взирая на затворничество Погодина, А. П. Елагина дерзнула обратить вниманіе затворника на молодаго ученаго Ешевскаго. „Что вы скажете о моей дерзости“,—писала она ему,—„почтенный другъ мой?—Не только пишу къ вамъ после вашего запрещенія, но прошу и надѣюсь получить отъ васъ письмо, не ко мнѣ... а вотъ къ кому и по какому предмету.—Есть нѣкто кандидатъ весьма даровитый и вѣроятно вамъ извѣстный, г. *Ешевскій*, и есть директоръ Одесскаго Лицея г. Мурзакевичъ, конечно вамъ пріятель. Первый желаетъ получить каѳедру профессора Русской Исторіи въ Одесскомъ Лицеѣ“.

Въ это время Москву посѣтилъ К. А. Коссовичъ, и по войственной ему скромности, убоялся нарушить тишину елліи затворника Погодина, а между тѣмъ онъ имѣлъ къ ему порученія, и потому Шевыревъ съ укоромъ писалъ заорнику: „Коссовичъ здѣсь до четверга. Онъ имѣетъ переть тебѣ нѣчто нужное отъ барона Корфа. Къ тебѣ ѣхать ъ не можетъ, потому что у тебя отказываютъ всѣмъ — и ъ только время потеряетъ“.

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Во истину воскресе! оздравляю тебя и твоихъ отъ души. Благожеланія мои — еизмѣнны! Тридцать лѣтъ прожить вмѣстѣ — великое дѣло! быть не могу, не могу! Не встану я изъ-за стола, пока е кончу заданной работы. Чѣмъ слаще и значительнѣе какое ы то ни было свиданіе или бесѣда, тѣмъ она вѣдь сильнѣе займетъ голову, и слѣдовательно отвлечетъ. Лицо мнѣ всякое идѣть тяжело — повѣришь ли этому? Я весь углубился, порязъ, утонулъ. Чувствую нелѣпость такого положенія, а иначе е могу. Коссовича попроси ко мнѣ завтра, въ 7 часовъ, и нъ найдетъ меня: я такъ распоряжусь. Простите, простите еня всѣ!“

Въ томъ же письмѣ Погодинъ извѣщаетъ Шевырева о редполагаемомъ путешествіи своемъ въ чужіе края: „Я поалъ просьбу объ отпускѣ. Если онъ выйдетъ, я поѣду въ мсъ и Гастейнъ, а къ тому времени мнѣ хочется, если не тпечатать всѣ томы, то хоть приготовить къ печати. А нязья будутъ отпечатаны“ [246]).

Но не смотря на свое затворничество, Погодинъ къ маю се-таки не сдѣлалъ заданнаго себѣ урока, и принужденъ ылъ, „по совѣту врачей, спѣшить на воды“ [247]).

LXVI.

Извѣстный авторъ книги *Варяги и Русь*, чудодѣйственно оединившій жизнь свѣтскаго человѣка съ Бенедиктинскими рудами ученаго отшельника, Степанъ Александровичъ Ге-

деоновъ, въ 1853 году, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, писалъ Погодину слѣдующее письмо: „Вы хотите знать, что дѣлается съ Норманнами и Славянами? Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я занимаюсь этимъ вопросомъ, первымъ и по мнѣ важнѣйшимъ Русской Исторіи; награду — если не за умѣніе, то за трудъ, получилъ я отъ васъ: не бойтесь за меня увлеченій свѣта; кому вы, Михаилъ Петровичъ, сказали *пиши* тотъ долженъ и будетъ писать. Но здѣсь нѣтъ у меня ни рукописей, ни библіотеки: все въ Римѣ; изъ Рима получите вы мое первое, *историческое* письмо. Въ дѣлѣ спеціальномъ, гдѣ каждое слово требуетъ подкрѣпленія выписокъ и цитатъ, память—помощникъ плохой. Между тѣмъ, отнюдь не въ смыслѣ науки, а только, чтобы не наскучить пустымъ письмомъ, отдаю на вашъ судъ двѣ замѣтки, все таки относящіяся до предмета нашихъ изслѣдованій. 1) Вы помните Русское письмо у Недима? Это кажется не Скандинавскія руны, — еще менѣе Синайская надпись: а *можетъ быть* (отъ васъ зависитъ это *можетъ быть* превратить въ вѣроятіе) facsimile—подписи Святослава Игоревича — *глаголическими* буквами. Вѣкъ — война съ Ясами и Косогам[illegible] посольство отъ Кавказскаго князя, все совпадаетъ прекрас[illegible] Сличите нѣсколько глаголитскихъ рукописей, (хоть бы [illegible] Болгарахъ Венелина); всѣ буквы найдутся: особенно пор[illegible]зителенъ послѣдній слогъ: *свъ*, подъ титломъ: (у насъ писа[illegible] *Стосвъ* вмѣсто Святославъ, какъ *Ярсвъ* вмѣсто Ярослав[illegible] см. *Экзарха Болгарскаго* Калайдовича). Если глаголитск[illegible] письмо не позднѣйшее изобрѣтеніе (а это, воля ваша, еще [illegible] доказано), я имѣю право ссылаться на *всѣ* глаголитскія ру[illegible]кописи, къ какому бы вѣку онѣ не принадлежали: кто знает[illegible] что изъ первоначальнаго письма было удержано, что измѣ[illegible]нено, что снова удержано, что снова измѣнено? Новое дока[illegible]зательство западно-славянскаго происхожденія нашихъ князе[illegible] . . . . 2) Нашу *коляду* принят[illegible] считать Римскими календами, а Кругъ находитъ въ не[illegible] (ей Богу не бывалое), подобозвучное сходство съ іюльским[illegible]

Іорманскимъ пиромъ! У меня другое предположеніе. Прямая
ѣль колядскихъ пѣсенъ—*славить*. Что такое *слава?* Колларъ
ъ *Slawa Bohyne* приводитъ Индійское Suaha. Можетъ быть,
о поищемъ ближе. Къ числу неизслѣдованныхъ, но тѣмъ
е менѣе для каждаго изъ насъ a priori доказанныхъ вопро-
овъ, принадлежитъ близкое свойство Славянскихъ племенъ
Ожной Россіи съ Эллинскими Черноморскими колоніями.
Теперь, помните ли Русскую пѣсню: *За рѣкою за быстрою
в тѣхъ мѣстахъ огни горятъ* и пр.? Съ припѣвомъ *ой ка-
ліодка!* Не вѣетъ ли отъ нея Греческимъ духомъ? Не чудное
ли это описаніе ночного торжества (трагодіи) Діониса, съ
орами и жертвоприношеніемъ козла? — А что такое при-
ѣвъ *каліодка?* Не что иное, какъ Греческое ὦ καλὴ ᾠδὴ
о кали оди)—*о славная пѣснь!* У Грековъ переняли мы обычай
лавленія. Наша *слава*—Греческое καλός (такъ Свято*славъ* и
Θεμιστοκλῆς), встрѣчающаяся на всѣхъ такъ называемыхъ
трусскихъ вазахъ, встрѣчающееся какъ спеціальный эпитетъ
ожественныхъ пѣснопѣній и у Архилоха, у Пиндара и у
ругихъ. Простите, Михаилъ Петровичъ, все это похоже
а вздоръ, но за то и писано безъ притязаній на науку. А
между тѣмъ, хотѣлось бы мнѣ узнать ваше мнѣніе. Про-
щайте, не забывайте меня, журите за страсть къ предполо-
женіямъ, а главное, любите вамъ душевно преданнаго“ [248]).

Съ давнихъ временъ Погодинъ изучалъ съ любовію тво-
ренія нашего древняго писателя Іакова черноризца, перу
котораго принадлежитъ *Память и похвала князю Русскому
Володимеру*. Объ этомъ писателѣ Погодинъ переписывался
съ знаменитымъ ученымъ профессоромъ Прейсомъ, еще въ
1842 году [249]). И только въ 1852 году, въ *Извѣстіяхъ
Императорской Академіи Наукъ*, Погодинъ обнародовалъ
свою *Записку объ Іаковѣ мнихѣ, Русскомъ писателѣ XI-го
вѣка и объ его сочиненіяхъ*.

Въ *Извѣстіяхъ* же Академіи Погодинъ напечаталъ *Опытъ
Историческаго объясненія древнихъ словъ: дань, путь, полюдье,
погородье, даръ, ходить* [250]).

Въ тоже время К. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Что Рюриковичи? Затормошили васъ! Народъ бойкій, бродливый и непосѣда; но когда доберетесь до Московскихъ князей, тамъ отдохнете; тѣ усѣлись. Какъ будетъ любопытно разомъ прослѣдить всѣ дѣйствія и жизнь нашихъ воинственныхъ, но добрыхъ и славныхъ князей“ [251]).

Погодинъ не только занимался формулярнымъ спискомъ Рюриковичей, но даже проникалъ въ ихъ домашнюю обстановку и въ *Москвитянинѣ* напечаталъ цѣлое изслѣдованіе *о частной жизни князей въ древности, до нашествія Татаръ* [252]).

Статья эта подверглась глумленію *Отечественныхъ Записокъ*. Тамъ сказано, что Погодинъ, въ своемъ отрывкѣ, „предлагаетъ себѣ одинъ за другимъ слѣдующіе вопросы: Обѣдали князья или нѣтъ, и въ какое время? Завтракали князья или нѣтъ, и въ какое время? Любили князья пировать съ другими или нѣтъ, и въ какое время? Спали ли князья послѣ обѣда или нѣтъ? Вставали рано или поздно? Праздновали имянины или нѣтъ? и т. п. Всѣ долгія изслѣдованія привели Погодина къ слѣдующимъ отвѣтамъ: что въ полуденье былъ обѣдъ; что послѣ полудня спали; что день оканчивался ужиномъ; что вставали рано по утру, до восхожденія солнечнаго, потомъ завтракали; послѣ завтрака думали съ дружиною или отправлялись на ловы; что праздновали имянины, бывали пиры на радостяхъ. Вообще, — замѣчаетъ критикъ, — по мнѣнію Погодина, непремѣнно нужно доказывать, что въ старину, какъ и теперь, бывалъ вечеръ, бывало утро, бывалъ и полдень. Люди и въ старину завтракали, обѣдали и ужинали. И въ старину бывали браки, отъ брака рождались дѣти, какъ и въ XIX вѣкѣ; а главное, что ни одному изъ этихъ фактовъ нельзя было бы повѣрить, еслибъ г. Погодинъ не нашелъ ихъ въ лѣтописяхъ“ [253]).

Въ Софійской Новгородской Библіотекѣ, И. К. Купріановъ нашелъ краткую лѣтопись, писанную полууставомъ, въ первой половинѣ XVI вѣка, при великомъ князѣ Васи-

ліѣ Ивановичѣ. Объ этой находкѣ Купріяновъ счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія Погодина и писалъ ему: „Это, какъ я полагаю, тетрадка изъ какого-то разбитаго сборника, начинается 212 листомъ, заключительными словами какого-то Поученія; на срединѣ страницы киноварью написано: *отъ лѣтописца памяти ради*; оканчивается 251 листомъ, подъ годомъ 7039; — за тѣмъ, начало перечисленія Европейскихъ государей. Что этотъ лѣтописецъ писанъ тогда же, т.-е. 1531 г., можно заключить изъ самой рукописи, кромѣ почерка, по слѣдующимъ примѣтамъ: подъ годомъ 6986, при извѣщеніи о рожденіи Василія, киноварью написано: *Се нынѣшній князь великій*; нѣсколько выше, при рожденіи Іоанна, также киноварью написано: *Се же отецъ нынѣшняго*. Я полагаю, что эта краткая лѣтопись стóитъ вниманія; сначала, идетъ сокращенный Несторъ, удѣльный періодъ выпущенъ, довольно кратко говорится о послѣдующихъ событіяхъ; но два послѣднія царствованія, т.-е. Іоанна III и Василія, довольно подробно описаны. Всѣ лѣтописи изъ Софійской Библіотеки забраны въ Археографическую Коммиссію, какъ же осталась эта? Впрочемъ, видно по отмѣткамъ кое-гдѣ на поляхъ карандашемъ, новѣйшимъ бойкимъ почеркомъ, что этотъ лѣтописецъ былъ у кого-то въ рукахъ. Во всякомъ случаѣ, я почитаю свою находку довольно важною, потому то извѣщаю объ этомъ васъ. Эта тетрадка была заброшена въ Библіотекѣ, въ числѣ негодящихся рукописныхъ бумагъ, предположенныхъ къ уничтоженію. Съ изданными Коммиссіею лѣтописями она никакого сходства не имѣетъ; можетъ быть, въ VI-мъ томѣ изданія Лѣтописей, во второй части *Софійскаго Временника*, попадется ей побратимъ, или въ лѣтописномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Никоновской Лѣтописи. Право, иногда досадуешь на Коммиссію, что она такъ медленно, вяло занимается изданіемъ Лѣтописей: попадаются иногда рукописныя лѣтописи, и не знаешь имъ истинной цѣны; старинными же изданіями обзаводиться не хочется, да почти и нельзя: нигдѣ не найдешь. Вотъ изъ опи-

сываемой лѣтописи извѣстіе, драгоцѣнное для Москвы (если, впрочемъ, оно неизвѣстно до сихъ поръ), которое слѣдуетъ напечатать золотыми буквами для набожныхъ Москвичей: „Въ лѣто 6969... Того же лѣта поставилъ князь великій Василій церковь каменну отъ Борицкихъ воротъ Рожество Івана Предтечю, а прежде того древяна была. Глаголютъ же, первая церковь на Москвѣ бысть. На томъ мѣстѣ, боръ былъ, и та церковь въ томъ лѣси срублена была, тогды же то и соборная церковь при Петрѣ митрополити. И дворъ митрополичъ туто жъ былъ“. Еще отрывокъ о св. Алексѣѣ: „Въ лѣто 6885, преставись Алексѣй митрополитъ въ глубоцѣ старости. Бѣ же сей отъ бояръ Черьниговскыхъ славных, отца и матерь Маріе. Родися на Москвѣ. Крести его князь Иванъ Даниловичъ, имя же его бѣ Симеонъ; пострижеся 20-ти лѣтъ, его же именоваша Алексѣй и пребысть же въ иночествѣ 40 лѣтъ; а во святительствѣ на митрополіи 24 лѣта. И всѣхъ лѣтъ живота его 80“. Болѣе подробныя свѣдѣнія, если желаете имѣть объ этой лѣтописи, я сообщу вамъ въ другомъ письмѣ“.

Но этою находкою Купріянову пришлось вскорѣ разочаровываться. Вотъ что мы читаемъ въ другомъ письмѣ его къ Погодину: „Лѣтопись, о которой я писалъ, почти вся уже мною переписана, хотя я и много въ ней разочаровался, когда сталъ просматривать примѣчанія Карамзина: почти все у него есть тѣми же словами. Впрочемъ, все-таки списокъ, для соображеній, пригодится“.

Престарѣлый историкъ Галичской Руси, Денисъ Зубрицкій обратился къ Погодину, 15 октября 1853 года, изъ Львова съ слѣдующимъ письмомъ: „Было время, когда ваше высокородіе удостоивали меня вашей благосклонности, и то-то хорошее нѣкогда ко мнѣ расположеніе осмѣливаетъ вашего покорнаго слугу отнестись къ вамъ съ своей просьбой.—По поощренію покойнаго губернатора графа Стадіона, занялся я составленіемъ Галичско-Русской Исторіи, которая бы отвѣтствовала извѣстнымъ мнѣ потребностямъ и понятіямъ

моихъ соотчичей и которая бы своей дешевизною, для многихъ была доступною, ибо дорогая *Исторія* Карамзина у насъ рѣдкость, и не удовлетворяетъ ограниченнымъ требованіямъ и бѣднаго и лѣниваго Галичанина. *Исторія* Карамзина есть общая Русскаго народа, а Галичанинъ не заботится, ни о княжествѣ Тверскомъ или Рязанскомъ, ниже о Великомъ Новгородѣ. Ставропигіанское Общество напечатало въ прошедшемъ году два томика моей компиляціи, содержащіе и сокращенную повѣсть о Русскихъ событіяхъ по 1199 годъ вообще и о Галичскихъ, сколько доставало матеріаловъ.—Но Ставропигіальный Институтъ нажилъ во время революціи, по безразсудству управлявшаго доходами, значительный долгъ; кредиторы требовали удовлетворенія, Судъ угрожалъ секвестромъ, не было средствъ рисковать капиталъ на покупку бумаги, казалось, что всѣ типографскія орудія поступятъ въ арестъ; и тогда-то, высылая для Библіотеки Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей два экземпляра своего сочиненія чрезъ почту, отправилъ я вмѣстѣ и большую часть третьяго тома своей рукописи, для разсмотра, съ предложеніемъ, не соизволитъ ли Императорское Общество издать этотъ третій томъ своимъ иждивеніемъ?—Высылка послѣдовала еще 27-го января 1853 года новаго стиля, и я доселѣ не получилъ никакого отвѣта, ниже подтвержденія, что мой пакетъ достигъ въ назначенное мѣсто.—Еще и позже, то есть 2-го іюля, отвѣтствуя на воззваніе Общества, № 42 и 184, относительно юбилея имѣющаго быть 14-го апрѣля 1854 г., просилъ я вторично, увѣдомить меня о судьбѣ моей рукописи, но нѣтъ отвѣта.— Теперь у насъ перемѣнились обстоятельства. Ставропигіальное Заведеніе помирилось съ своими займодавцами, погашаетъ долгъ посрочно, располагаетъ своими доходами и желаетъ пуститься въ дѣло, на которое и Перемышльскій епископъ вызвался пожертвовать; слѣдовательно, изданіе третьяго тома сталось у насъ возможнымъ—и по этой-то причинѣ, покорнѣйше прошу и умоляю ваше высокородіе, пособство-

вать мнѣ въ семъ дѣлѣ, и предпринять мѣры, чтобы я получилъ обратно свой манускриптъ, если онъ не удостоился вниманія Императорскаго Общества, ибо у меня, кромѣ несвязныхъ записокъ и небрежно помаранныхъ лоскутокъ, изъ коихъ нѣкоторые уже и потерялись, нѣтъ другаго списка.— Манускриптъ этотъ заключаетъ въ себѣ событія съ 1200 по 1264 годъ, то есть господствованіе Романа Мстиславича и сына его короля Даніила. Продолженіе, же съ 1264 по 1340 годъ, осталось въ моихъ рукахъ, но онаго, безъ предъидущей высланной мною части, печатать нельзя. Сочиненіемъ третьяго тома занялся я con amore. — Мѣстности происшествій и языкъ Ипатіевской Лѣтописи, лучше я знаю, какъ Великорусскіе писатели, и мнѣ кажется, что я и отношенія Руси къ Польшѣ, въ тогдашнее время, лучше понялъ, и съ Польскими писателями короче познакомился, какъ безсмертный Карамзинъ, и потому, сколько я недоволенъ первымъ, столько пристрастенъ къ третьему тому своего труда; а впрочемъ, какіе его и были бы недостатки, и уродливое дитятко мило родителю. Окончивъ съ 1384 годомъ третій томъ, рѣшился я еще изслѣдовать Исторію Галичско-Владимірской Руси, отъ 1340 по 1382 годъ, то есть, годъ смерти Людвика Польскаго и Венгерскаго короля; а понеже для этой эпохи нѣтъ Русскихъ и только двое Латинскихъ лѣтописателей, именно Анонимъ Гнѣзненскій и Іоаннъ Длугошъ, то я извлекъ изъ нихъ всѣ къ той эпохѣ, къ Русской Исторіи относящіяся статьи Латинскія, перевелъ ихъ на Русскій языкъ, съ примѣчаніями, поясненіями и справками и пріуготовилъ уже къ изданію. Польза для исторической науки была бы въ томъ, что Русскій Латинскаго языка свѣдущій читатель не нуждался бы въ полныхъ, дорогихъ и рѣдкихъ подлинникахъ, а несвѣдущій могъ бы пользоваться Русскимъ моимъ переводомъ и критическими объясненіями.— Трудъ этотъ принесъ мнѣ много удовольствія. Открылись многіе важные, Длугошомъ будто произвольно, будто отъ небрежности ложно представленные факты. Принявъ въ соо-

браженіе всѣ тогдашнія обстоятельства, удалось мнѣ вычислить и годъ и мѣсяцъ той важной для Галичско-Владимірской Исторіи, Археографическою Коммисіею (*Акты, относящіеся къ Исторіи Западной* Руси, томъ I стр. 1, № 1) безъ датумъ напечатанной перемирной грамоты. Открылось, что еще и послѣ 1340 г., когда Казимиръ король Польскій, въ 1341 или 1342 г., былъ прогнанъ изъ Галиціи, господствовалъ у насъ нѣсколько лѣтъ Любартъ, зять послѣдняго князя изъ рода Романовичей; оказалось, что, многократно являющійся въ Исторіи Юрій Князь Белзскій и Холмскій, съ которымъ и Казимиръ и Людовикъ воевали, былъ не Литовскій Наримунтовичъ, но потомокъ Романа Мстиславича, сына Даніила, № 397 моей *Родословной Картыны* и пр. и пр.—Мнѣ кажется, что я исчерпалъ всевозможное для озаренія тогдашнихъ событій.—Сочиненьице, которое можетъ служить IV томомъ Галичской Исторіи, или само собой составлять особою книжечку, приведено уже къ окончанію; будетъ ли оно изданнымъ Богу только извѣстно, ибо у насъ нѣтъ нужныхъ средствъ. Простите благосклонно, что я обезпокоиваю ваше высокородіе своей перепиской.—Хотѣлось бы еще болѣе писать; ибо мы безъ всякаго свѣдѣнія о состояніи наукъ въ Россіи, въ настоящее время, и жадничаемъ узнать что либо въ томъ отношеніи. У насъ, въ Галиціи, ни одного Русскаго журнала, ни одной Россійской газеты; онѣ для насъ дорогія, и едва ли есть страна въ Европѣ гдѣ бы менѣе знали о Россіи какъ у насъ.—Прежде отправлялись Россійскіе ученые, въ своихъ путешествіяхъ на Западъ, чрезъ Львовъ, и мы кое что узнавали отъ нихъ; теперь же уже нѣсколько лѣтъ никто не явился здѣсь; всѣ стремятся къ проклятой желѣзной дорогѣ, и мы остались за Китайскими стѣнами, и пережевываемъ то только, что мы нѣкогда получили отъ вашей щедроты. Въ самомъ дѣлѣ, вы, милостивый государь, просвѣтили Галичскую Русь и положили начало развитію нашей, хотя, впрочемъ, еще и младенческой Русской Словесности.—Это не ласкательство,

это сущая правда.—Вы дарили меня произведеніями Русской Литературы, у меня и отъ меня читали всѣ любопытные.—Ваше имя извѣстно и драгоцѣнно всякому любознательному Галичанину, а ваши сочиненія, вашъ *Москвитянинъ*, доселѣ обѣгаютъ всѣ страны, всѣ приходы, всѣ околотки Галичской земли.—Лѣтописи и акты, издаваемые Коммисіей, не по вкусу Галичанамъ. Еще разъ умоляю пособствовать въ скоромъ полученіи моей рукописи“ [254]).

LXVII.

Погодинъ составилъ себѣ обычай пересматривать всѣ выходящія газеты, съ исключительною цѣлію отыскивать въ нихъ свѣдѣнія по своей части. И вотъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* находитъ онъ слѣдующее любопытное сообщеніе корреспондента: „Не знаю, существуетъ ли въ настоящее время церковь Іоанна Златоустаго въ Переславлѣ Рязанскомъ; если существуетъ, то она принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ церквей въ Россіи. Изъ *Сотныхъ* (1126 г.) и *Межевыхъ* (1132 г.) книгъ, данныхъ Авраамію, митрополиту Рязанскому, *на земляное владѣніе*, и изъ жалованной грамоты (1136 г.), данной попу (этой церкви) Ивану, видно, что она построена въ 6603 г. (1095 г., именно въ этомъ году, потому что во всѣхъ трехъ актахъ дата одинакова: 6603)“.

Погодина поразило это извѣстіе. „Чтò за грамота нашлася“,— писалъ онъ,—„принадлежащая къ 1136 году? Она была бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей древней дипломатики, которая имѣетъ одну только подлинную грамоту изъ этого времени, а именно—Мстиславову 1125 года. Какія *Сотныя книги* 1126 года? Это совершенная и безпримѣрная новость, равно какъ и *Межевая* книга 1132 года! Откуда взялся митрополитъ Рязанскій Авраамій въ XII вѣкѣ? Наконецъ, свидѣтельство о церкви 1095 года есть также показаніе, въ высочайшей степени важное!“... Продолжая читать статью, Погодинъ находитъ „грамоту великаго князя Ивана Василье-

вича.... лѣта 6603.... за приписью. Смѣемъ увѣрить ученую корреспонденцію и редакцію",—заключаетъ Погодинъ,—„что въ 6603 или 1095 году никакого Ивана Васильевича въ Россіи не существовало, и слѣдовательно, 6603 годъ прочтенъ неправильно, а жалованная грамота 1136 года, безъ сомнѣнія, должна читаться 7136 (тысячное число обыкновенно выпускалось), то-есть 1628 года, чтò совершенно соотвѣтствуетъ времени царя Михаила Θеодоровича, который въ началѣ грамоты говоритъ: „Мы царь.... Михаилъ Θеодоровичъ, пожаловали есми попа Ивана и проч. Такъ и *Межевыя Книги* принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ 7132 году, т.-е. къ 1624, а не къ 1132, и *Сотныя книги* къ 7136, т.-е. 1628 году, а не къ 1126 году. Слѣдовательно, церковь св. Іоанна Златоустаго есть не только не одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, но изъ младшихъ и въ Рязани" [255]).

Митрополитъ же Авраамій святительствовалъ въ Рязани съ 9 января 1687 года по мартъ 1700 года [256]).

Смутное время представлялось для Погодина, съ давнихъ лѣтъ, однимъ изъ живыхъ вопросовъ Русской Исторіи. И вотъ, 20 апрѣля 1853 года, изъ Дрездена, князь П. А. Вяземскій писалъ ему: „Знаете ли вы сочиненіе Prosper Merimée: *Episode de l'Histoire de Russie. Les faux Dimitrius.* Главная мысль его есть та: что Гришка Отрепьевъ и Лже-Димитрій не могутъ быть одно и тоже лицо и удостовѣреніе свое авторъ основываетъ на томъ, что Лже-Димитрій, съ самаго появленія своего въ Польшу, говорилъ по-Польски свободно и правильно и къ тому же очень былъ искусенъ въ воинскихъ упражненіяхъ, хорошій и смѣлый всадникъ, стрѣлокъ и что всего этого не могъ онъ пріобрѣсть въ монашескомъ воспитаніи и не успѣлъ бы пріобрѣсть потому, что отъ побѣга его изъ Россіи до вступленія въ домъ Вишневецкаго прошло не болѣе шести мѣсяцевъ. Вообще, книга написана довольно безпристрастно. Не имѣя матеріаловъ подъ руками, не знаю всегда ли онъ правиленъ въ ссылкахъ своихъ и указаніяхъ. Видно, что клонитъ его немного на Польскую сторону, но впрочемъ,

и Русскимъ отдаетъ онъ справедливость. Во Франціи книга его имѣла большой успѣхъ и многіе находили въ Дмитріѣ и Маринѣ сходство съ текущею исторіею императора и романа его съ графинею Montigo“ [257]).

Отецъ Іоаннъ Белюстинъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1853 года, любопытную статью о разбойникахъ въ Россіи прошедшихъ вѣковъ, которую заключилъ такими словами: „Благословимъ великихъ своихъ монарховъ, которые своею отечески-неустанною заботливостію, чудно-высокою мудростію такъ несокрушимо-крѣпко оградили миръ и безопасность всѣхъ и каждаго; правдиво передадимъ потомкамъ своимъ, — какъ жили наши дѣды и какъ живемъ мы, да благоговѣютъ и они предъ свѣтлымъ и невыразимо славнымъ именемъ того, предъ которымъ отъ самой глубины благодарнаго сердца такъ свято, такъ справедливо благоговѣемъ мы“ [258]).

И. К. Купріяновъ представилъ въ распоряженіе Погодина свое собраніе замѣчательныхъ челобитенъ о покражѣ; изъ нихъ, по мнѣнію Купріянова, „можно ближе познакомиться съ частною жизнью нашихъ предковъ, о коей мы очень мало знаемъ“ [259]).

Прочитавъ гдѣ-то описаніе церковнаго облаченія, Погодинъ возмутился выраженіемъ: *рытаго малиноваго бархата по золотому фону*. „Помилуйте!“, — восклицаетъ онъ, — „ризы употребляются у насъ со введенія Христіанства около тысячи лѣтъ, описанія ихъ, самыя подробныя, встрѣчаются во всѣхъ памятникахъ, съ самыхъ древнихъ временъ. Въ *Выходахъ Царскихъ* или въ *Дворцовыхъ Разрядахъ*, вы найдете эти описанія на всякой страницѣ, чистымъ Русскимъ языкомъ, безъ иностраннаго слова! Если же предки наши умѣли описать облаченіе, не прибѣгая ни къ какому *фону*, то намъ-то какъ не стыдно не только не умѣть выдумать Русскаго названія, да и не знать стараго, простаго, яснаго? Намъ какъ не стыдно терзать православное ухо какимъ-то гнуснымъ *фономъ*, котораго Русскій четовѣкъ понять не можетъ. А все журналы пустили въ ходъ эти нелѣпыя выраженія! Охъ, много грѣха

на ихъ душѣ, — то-есть на нашей, прости Господи наши согрѣшенія" [200]).

Но П. А. Мухановъ, отъ лица Маціовскаго, обвинялъ Русскихъ ученыхъ за болѣе существенное. „Маціовскій плачетъ",—писалъ онъ Погодину,—„что ваша братья Русскіе ученые не прилагаютъ къ вашимъ сочиненіямъ и атласамъ указателей. Посмотрите *Воронежскіе акты*, изданные въ Воронежѣ, въ 1852 году. Каковы указатели и устыдитесь".

Въ 1853 году, Погодинъ издалъ *Русскій Историческій Альбомъ*, содержащій въ себѣ снимки съ подписей и почерковъ руки многихъ достопамятныхъ въ Исторіи нашего Отечества мужей, съ 1328 до нашего времени. Альбомъ этотъ розданъ былъ подписчикамъ при первой книжкѣ *Москвитянина* на 1853 годъ и предназначался также въ продажу. Въ Альбомѣ этомъ также находились подписи и почерки руки членовъ Царствующаго Дома: родителей, братьевъ и сестеръ императора Николая. Это послѣднее обстоятельство понудило князя П. А. Ширинскаго-Шихматова обратиться къ графу А. Ѳ. Орлову съ вопросомъ: дозволительно ли это? На это графъ Орловъ, 14 февраля 1853 года, отвѣчалъ: „По всеподданнѣйшему моему докладу отношенія вашего, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: „выпускъ изданій съ скопированными почерками и подписями особъ императорской фамиліи, въ Бозѣ почивающихъ, разрѣшить, не распространяя однако сего рѣшенія на подписи и почерки августѣйшихъ особъ здравствующихъ".

Иначе думалъ объ этомъ великій князь Константинъ Николаевичъ, и по его порученію А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Великому князю генералъ-адмиралу очень полюбился Сборникъ подписей, но его высочество желалъ бы знать, когда будетъ продолженіе и имѣете ли вы подпись государя".

Познакомившись съ этимъ Альбомомъ, С. П. Жихаревъ въ письмѣ къ Погодину дѣлаетъ о немъ слѣдующія замѣчанія:

„Просматривая Историческій Альбомъ вашъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я не нашелъ въ немъ автографа

Захара Григорьевича Чернышова. Быть не можетъ, чтобы вы пропустили его ошибкою, а вѣроятно у васъ не было подписи этого въ высшей степени полезнаго Россіи мужа, и потому спѣшу препроводить къ вамъ патентъ моего предка Абрама Ивановича Спѣшнева (о которомъ упоминается въ *Дневникѣ Студента* 25 іюля)—за подписаніемъ Екатерины и контрасигнованіемъ графа Чернышова. Этотъ документъ любопытенъ и тѣмъ, что прадѣдъ мой Спѣшневъ, по разсказамъ Н. П. Архарова и другихъ старожиловъ, величайшій чудило и оригиналъ, пожалованъ чиномъ маіора императрицею Елисаветою въ 1747 году, а патентъ выданъ ему уже въ 1767 году, что доказываетъ дѣятельность императрицы Екатерины, даже и въ неважныхъ случаяхъ. За тѣмъ, не нашелъ я также подписи и другого, подобнаго ему человѣка: это князя Димитрія Владиміровича Голицына. Если вы не имѣли и его автографовъ, то посылаю къ вамъ три его писанія: одно Русское и два Французскихъ. Первое можетъ служить доказательствомъ, что онъ и по-*Русски* зналъ, когда тò, было нужно; а одно изъ послѣднихъ, что онъ и людей понималъ какъ они есть и не боялся назвать взяточника—взяточникомъ".

Извѣстный собиратель древностей П. Ѳ. Карабановъ завѣщалъ свою коллекцію рукописей въ Кашинскій Клобуковъ монастырь. О печальной судьбѣ, постигшей это собраніе, вотъ чтò сообщаетъ Погодину о. Іоаннъ Белюстинъ, 8 апрѣля 1853 года, изъ Калязина: „Монахи съ радостью приняли запертый и запечатанный сундукъ, надѣясь найти въ немъ что-либо особенно цѣнное, по ихъ понятіямъ. Обманувшись въ своей надеждѣ, они ссудили-было всѣ рукописи на сожженіе; къ счастію, въ это время были при вскрытіи сундука и посторонніе, не болѣе монаховъ понимающіе цѣну этимъ вещамъ, но болѣе ихъ здравомыслящіе. Они убѣдили монаховъ, что, безъ сомнѣнія, объ этомъ сундукѣ упомянуто въ духовномъ завѣщаніи, и рано или поздно,—но ихъ спросятъ объ немъ. Это спасло рукописи отъ сожженія, но не спасло отъ расхищенія... Когда я узналъ объ этомъ,... цѣлая поло-

вина рукописей была уже расхищена. Къ счастію, мнѣ удалось спасти оставшееся. Преосвященный Гавріилъ благосклонно принявъ мое увѣдомленіе о пожертвованіи Карабанова (объ расхищеніи и о прочемъ я не осмѣлился сказать ему), сдѣлалъ свое распоряженіе о сохраненіи его въ цѣлости и даже позволилъ мнѣ прочесть рукописи".

Вспомогательныя науки, Родословіе и Нумизматика, были также не чужды любознательности Погодина. Еще въ 1851 году, А. В. Головнинъ напечаталъ „въ весьма небольшомъ числѣ экземпляровъ собственно для членовъ дворянскаго рода Головниныхъ книжку", въ которой помѣщены разные старинные акты, касающіеся фамиліи Головниныхъ, хранящіеся въ семейномъ архивѣ А. В. Головнина. Представляя эту книжку Погодину, издатель писалъ ему: „Посылаю вамъ эту книжку, просто какъ библіографическую рѣдкость, и прошу поставить въ одинъ изъ шкаповъ вашей библіотеки. Можетъ быть, въ числѣ старинныхъ актовъ вы найдете что-нибудь заслуживающимъ вниманія. Желательно, чтобы подобные сборники были напечатаны тѣми семействами, въ которыхъ сохранились болѣе древніе акты".

Желая пріобрѣсти коллекцію монетъ отъ князя С. В. Долгорукова, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ обратился за совѣтомъ къ Погодину. „Я вамъ очень благодаренъ",—писалъ графъ Владиміръ Петровичъ Погодину,—„за ваши добрые совѣты и за желаніе дать имъ болѣе опредѣлительности. Но къ моему сожалѣнію, нельзя вамъ доставить требуемаго вами реестра, ибо его нѣтъ и никогда онъ не былъ сдѣланъ, за исключеніемъ одного печатнаго описанія. Эта коллекція оцѣнена гадательно любителемъ, не видавшимъ ее, въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Но во всякомъ случаѣ не свыше трехъ тысячъ. Эта оцѣнка нисколько не согласна съ выпрошенною цѣною, а именно, девять тысячъ рубл. сер. Я вамъ буду очень благодаренъ если вы мнѣ сообщите ваше собственное мнѣніе о цѣнѣ, и скажите, чья изъ двухъ вышеприведенныхъ сторонъ ближе къ истинѣ".

LXVIII.

Проживая въ Дрезденѣ, въ 1853 году, князь П. А. Вяземскій задумалъ собрать свѣдѣнія о Ломоносовѣ, и за указаніями обратился къ Погодину: „Не можете ли вы, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, навести меня въ точности на года, проведенные Ломоносовымъ за границею, а особенно въ Фрейбергѣ, гдѣ, помнится мнѣ, учился онъ минералогіи. Чрезъ здѣшнее правительство хотѣлъ я собрать справки о пребываніи его тамъ, но получилъ въ отвѣтъ, что послѣ усердныхъ розысканій въ архивѣ, нигдѣ не нашли ни слѣда, ни имени Ломоносова, а отыскались имена двухъ воспитанниковъ, присланныхъ изъ Россіи въ первой половинѣ истекшаго столѣтія: Густава Кейзера и Димитрія Виноградова, въ 1741 г. Говорятъ, что Ломоносовъ, да проститъ Богъ ему, любилъ виноградное. Ужъ не онъ ли очутился въ Фрейбергѣ, подъ именемъ Виноградова, да въ такомъ случаѣ, къ чему-же Дмитрій! Шутки въ сторону, если можно, наведите меня на истинный слѣдъ. Я, можетъ быть и далъ хронологическій промахъ, а можетъ быть и географическій, хоть кажется, былъ онъ именно въ здѣшнемъ Фрейбергѣ. Хочу самъ туда съѣздить и попытать счастіе: не найду-ли чего нибудь“ [361]).

Получивъ отъ Погодина отвѣтъ, князь Вяземскій отправился въ Фрейбергъ. Въ его *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 20 іюля 1853 года, мы читаемъ слѣдующую запись: „Въ 7 часу утра, отправился я съ Видертомъ въ Фрейбергъ, за отысканіемъ слѣдовъ Ломоносова. Но и эта моя Франклинская экспедиція, кажется, останется безуспѣшною. Ледяныя горы Нѣмецкой флегмы загородили путь къ желаемой цѣли, хотя и обѣщали мнѣ порыться еще въ старыхъ бумагахъ покойнаго профессора Hencel, на котораго указалъ мнѣ Погодинъ. Дѣло въ томъ, что во время Ломоносова, Горная Академія еще не была устроена и, слѣдовательно, въ оффиціальномъ архивѣ ничего отыскать нельзя. Странно, что имя

Виноградова, товарища Ломоносова, осталось въ памяти, а слѣды Ломоносова совершенно простыли. Вотъ тебѣ и слава!"

Литературнымъ памятникомъ этого пелигримства князя П. А. Вяземскаго въ Фрейбергъ, осталось его стихотвореніе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

Но зналъ ли кто въ глуши Нѣмецкой школы,
Что въ юношѣ богатый складъ сокрытъ,
Что потекутъ изъ устъ его глаголы,
Которые Россія затвердитъ?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Молва о немъ здѣсь тупо-молчалива;
Попыткамъ всѣмъ, всѣмъ розыскамъ на зло,
Его слѣда нѣтъ и въ пыли архива:
Глухимъ забвеньемъ имя заросло.

Гость Русскій, здѣсь не задавай вопросовъ
О немъ: что дѣлалъ, какъ учился, жилъ?
Ты спросишь: „былъ здѣсь славный Ломоносовъ?"
И скажутъ: „нѣтъ, а Виноградовъ былъ" [262]).

Счастливый случай доставилъ Погодину возможность напечатать въ своемъ *Москвитянинѣ* любопытный памятникъ. Это—*Жизнь оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова*, написанная племянникомъ его тайнымъ совѣтникомъ княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицинымъ. Авторъ предпослалъ своему произведенію слѣдующее предисловіе: „Покойному дядѣ моему Ивану Ивановичу Шувалову, скончавшемуся 13 ноября 1798 года, на 71 году отъ рожденія, въ С.-Петербургѣ. Чувствованіе благодарности за неисчетныя благодѣянія будетъ водить перомъ моимъ, въ описаніи жизни покойнаго дяди моего родного по матери, Ивана Ивановича Шувалова, меня воспитавшаго, котораго имя и услуги, оказанныя нашему Отечеству, пребудутъ незабвенны".

Печатая въ *Москвитянинѣ* 1853 года это произведеніе, Погодинъ писалъ: „Радуюсь случаю, доставившему мнѣ въ

руки, послѣ долговременнаго исканія извѣстій о жизни Шувалова, этотъ любопытный документъ, замѣчательный и по лицу сочинителя, князя Өедора Николаевича Голицына, бывшаго также попечителемъ Московскаго Университета. Я вижу теперь, что и для Исторіи прошедшаго столѣтія мы не такъ бѣдны источниками, какъ полагали: надо только приложить стараніе, поискать... Есть еще два лица, о которыхъ также хочется мнѣ собрать какъ можно болѣе: это Новиковъ и Михаилъ Никитичъ Муравьевъ" [263]).

Оттискъ этой статьи Погодинъ счелъ обязанностью представить оберъ-гофмаршалу графу Андрею Петровичу Шувалову и въ отвѣтъ получилъ отъ него слѣдующее письмо: „Получивъ доставленные при письмѣ вашемъ, отъ 28-го минувшаго марта, экземпляры, отысканнаго вами, милостивый государь, жизнеописанія одного изъ предковъ моихъ, я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ принести вамъ искреннюю мою благодарность за принятый вами на себя трудъ и обязательное для меня вниманіе ваше, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу скрыть удивленія моего, видя, что въ описаніи этомъ, предокъ мой по прямой линіи, графъ Петръ Ивановичъ, представленъ въ видѣ, несоотвѣтственномъ, сколько мнѣ извѣстно, ни личному характеру его, ни свойству сего извѣстнаго заслугами человѣка, который, какъ видно и по сохранившимся въ родѣ нашемъ документамъ, никогда не выказывался человѣкомъ честолюбивымъ, какимъ онъ представленъ въ изданномъ вами описаніи. Относя это къ недоумѣнію и не вѣрности источниковъ, изъ коихъ заимствовано было такого рода мнѣніе объ немъ сочинителемъ, пропущенное къ сожалѣнію и самою цензурою, я поставляю себѣ обязанностію увѣдомить о семъ васъ, милостивый государь, на тотъ конецъ, что не изволите ли вы признать нужнымъ обратить на это обстоятельство ваше вниманіе и, буде возможно, исправить вѣроятно вкравшуюся тутъ ошибку. О послѣдующемъ же почтите меня увѣдомленіемъ".

О. Іоаннъ Белюстинъ, изъ Калязина, извѣщалъ: „У меня

цѣлый шкафъ записокъ, собранныхъ однимъ изъ царедворцевъ и даже... Екатерины II. Одну записку изъ этого шкафа я успѣлъ таки прочитать и въ ней нашелъ почти тоже, что разболтала по свѣту извѣстная сплетница Abrantes: *Vie de l'Ecatherine II*" [264]).

Въ 1852 году, Д. А. Милютинъ, будущій военный министръ, непечаталъ написанную имъ, по высочайшему повелѣнію, Исторію войны Россіи съ Франціею, въ царствованіе Павла I, въ 1799 году. Первый томъ этого сочиненія принадлежитъ перу А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

Погодинъ посвятилъ этому сочиненію обширную рецензію. „Сокровище пріобрѣла въ этой книгѣ новая Русская Исторія",—писалъ онъ,—„сокровище пріобрѣла современная Литература, которая состоитъ большею частію изъ мелочей, пошлостей и претензій; сокровище пріобрѣла читающая публика, коей послѣ грязныхъ явленій ежедневной жизни, представляемыхъ, такъ или иначе, нашими повѣствователями, славно будетъ отдохнуть на подвигахъ чести, мужества, храбрости, силы, талантовъ, въ кругу обширныхъ соображеній... и какая сцена?—Италія, Альпы, Аппенины, классическія воспоминанія! Сокровище пріобрѣло наконецъ въ этой книгѣ военное учащееся юношество, которое найдетъ себѣ здѣсь цѣлый курсъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ--не тактики, не стратегіи, а науки побѣждать, на Русскомъ языкѣ, въ Русскомъ духѣ, съ Русскими пріемами... Кампанія 1799 года—это первая встрѣча Русской идеи съ западной, той идеи, которая управляла дѣйствіями Александра, и дѣйствуетъ съ такою силою въ наше время... Главными дѣйствующими лицами являются здѣсь императоръ Павелъ и фельдмаршалъ Суворовъ... Императора Павла мы видимъ здѣсь со стороны блистательной... Что за мелочь, что за скудость, что за жалость представляютъ, въ сравненіи съ его твердою рѣчью, всѣ козни Австрійскія, всѣ происки Англійскіе, всѣ умыслы Прусскіе! Это былъ государь Европейскій, въ полномъ смыслѣ этого слова, а прочіе его современники — черезполосные помѣщики. ...Чувство ка-

кой-то законной гордости, чувство сознанія своего достоинства—объемлетъ невольно душу Русскаго, когда онъ читаетъ простое, безъискусственное, подлинное описаніе событій этого времени...“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ заявилъ, что авторъ разбираемой имъ книги, Д. А. Милютинъ,—воспитанникъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Воздавая достойную хвалу сочиненію Д. А. Милютина, Погодинъ дѣлаетъ ему только одинъ упрекъ. „Пребываніе въ Веронѣ Суворова“,—пишетъ онъ,—„равно какъ и другія событія изъ его Италіанской жизни, описываетъ онъ по *Разсказамъ стараго воина*, котораго однакожъ не потрудился о немъ узнать покороче. Хотя авторъ этихъ *Разсказовъ* скрылъ свое имя, но столь достовѣрный свидѣтель, очевидецъ, заслуживалъ бы больше вниманія. Никакими документами нельзя замѣнить живыя впечатлѣнія, передаваемыя подобнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что прочія его показанія, по тщательномъ критическомъ разсмотрѣніи и сличеніи съ оффиціальными бумагами, оказываются во всѣхъ случаяхъ вѣрными. Я могу здѣсь служить Милютину и вмѣстѣ напомнить о старомъ воинѣ, который имѣетъ полное право на благодарность соотечественниковъ. Это — заслуженный израненный полковникъ Яковъ Ивановичъ Старковъ Третій, живущій въ Острогожскѣ, Воронежской губерніи“.

Разсказы Старкова были изданы Погодинымъ въ 1847 году. „Какъ изданіе *Москвитянина*,—замѣчаетъ Погодинъ,—эта книга была пройдена молчаніемъ въ журналахъ, или подверглась осужденію, и осталась у меня на рукахъ. Писемъ двадцать написалъ я, чтобы обратить вниманіе на нее, а не на автора: одинъ только Брестскій Кадетскій Корпусъ взялъ недавно двѣсти экземпляровъ, прочіе по два, по три экземпляра... Читая теперь сочиненіе Милютина, и встрѣтивъ свидѣтельства стараго воина, употребленными въ дѣло съ такою пользою, я написалъ къ нему письмо, извѣщая его, что трудъ его

оказываетъ свою пользу. Долгъ справедливости требовалъ бы, чтобъ сказано было спасибо ему“ [265]).

При этомъ Погодинъ спрашиваетъ: „Живъ ли онъ, или нѣтъ?“

На этотъ вопросъ отвѣтилъ Погодину, 20 сентября 1853 года, нашъ любезный наставникъ Алексѣй Андреевичъ Хованскій, изъ Воронежа: „Имѣю честь увѣдомить васъ, что я недавно познакомился съ полковникомъ Старковымъ, который просилъ меня передать вамъ отъ него почтеніе (которое и передаю вамъ). Онъ живетъ теперь въ Воронежѣ. Я нашелъ въ немъ пріятнаго собесѣдника и разсказчика, котораго съ удовольствіемъ можно слушать. Жаль только, что онъ совершенно лишился зрѣнія и ничего не можетъ писать. Но я придумалъ для него машинку, посредствомъ которой, думаю, можно будетъ ему писать!—такъ, какъ писалъ нашъ незабвенный Жуковскій. Впрочемъ, въ этомъ старцѣ, слабомъ тѣломъ, но еще бодромъ духомъ, жизнь котораго замѣтно угасаетъ, видно желаніе высказать еще многое изъ жизни военной, боевой. Мнѣ хочется прочесть ему *Исторію военныхъ дѣйствій* и пр. Милютина и записать все, чего не достаетъ въ ней. Слѣпецъ Старковъ говорилъ мнѣ, что онъ писалъ въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, а потому желаетъ знать, получили ли вы его письмо, или нѣтъ? Если будете писать ему, можете адресовать на мое имя“.

Рецензія Погодина весьма понравилась Д. А. Милютину, и онъ, 10 марта 1853 года, писалъ ему: „Хотя и не имѣю чести быть лично вамъ знакомымъ, рѣшаюсь однакоже писать къ вамъ, чтобы выразить искреннѣйшую признательность за помѣщенный въ *Москвитянинѣ* лестный отзывъ вашъ о моемъ трудѣ. Я могъ бы возгордиться столь благосклоннымъ мнѣніемъ одного изъ знаменитѣйшихъ представителей Исторіи въ нашемъ Отечествѣ, еслибъ не сознавалъ вполнѣ, что книга моя обязана вниманіемъ вашимъ не какимъ-либо достоинствомъ самого сочиненія, а исключительно важности и занимательности предмета, и тѣмъ драгоцѣннымъ источникамъ,

которыми имѣлъ я счастіе пользоваться. Но, быть можетъ, вамъ покажется страннымъ, если я откровенно сознаюсь, что въ рецензіи вашей всего пріятнѣе было мнѣ прибавленное вами къ моему имени наименованіе: воспитанника Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона; дѣйствительно, обязанный воспитаніемъ своимъ этому (прекрасному въ то время) заведенію, посѣщавъ потомъ, хотя и короткое время, лекціи Московскаго Университета, я привыкъ съ юности считать своимъ роднымъ все, что къ нему принадлежитъ, сохранилъ глубокое чувство уваженія ко всему, что составляетъ его славу, и вполнѣ счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ ученые и литературные труды мои могли сколько-нибудь принести чести мѣсту моего воспитанія. Рѣшившись письмомъ своимъ похитить у васъ, милостивый государь, нѣсколько минутъ драгоцѣннаго времени, прошу при этомъ и позволенія принести вамъ свои оправданія по немногимъ, сдѣланнымъ вами на мой трудъ замѣчаніямъ: 1) Что касается до порядка помѣщенія документовъ въ Приложеніяхъ, то предлагаемая вами система не разъ и мнѣ приходила на мысль; но я никакъ не могъ принять ее уже потому, что работа моя шла не вся разомъ, а частями, такъ что я долженъ былъ первые томы представить уже совсѣмъ переписанные на-бѣло, прежде чѣмъ были даже разработаны матеріалы для послѣдующихъ томовъ. 2) Другого упрека — что я напрасно прерывалъ нить повѣствованія разсужденіями — признаюсь, никакъ я не ожидалъ; ибо, напротивъ того, постоянно старался сдѣлать повѣствованіе свое легкимъ и плавнымъ, устраняя всякія личныя умствованія и помѣщая отдѣльно въ Приложеніяхъ всѣ критическія изслѣдованія. Правда, что не всегда я могъ строго выдержать эту чисто-повѣствовательную форму; но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по самой сущности дѣла требовалось, такъ сказать, сдѣлать историческое *слѣдствіе*, чтобы опровергнуть какое-нибудь вкоренившееся въ общемъ убѣжденіи ложное воззрѣніе на событія и заставить смотрѣть на нихъ другими глазами, нужно было иногда войти въ подробности, дѣлать выписки

изъ документовъ и групировать эти частные факты такимъ образомъ, чтобы читатель самъ очевидно, сознательно измѣнилъ свой прежній образъ мыслей. Историки, писавшіе доселѣ о войнѣ 1799 года, часто осуждали и того, и другого, и въ особенности насъ, Русскихъ,—не имѣя въ рукахъ и половины тѣхъ матеріаловъ, которые были бы нужны для полной улики. Возьмемъ, для примѣра, хотя сраженіе при Нови: въ рецензіи вашей, между прочимъ, сказано, что сраженіе это слишкомъ уже извѣстно; а между тѣмъ, каждый историкъ изображалъ его по своему, и каждый приписывалъ Суворову свои собственные планы и диспозиціи, и на основаніи этихъ ипотетическихъ соображеній, судилъ и рядилъ вкривь и вкось. Въ Приложеніяхъ къ моей XLVII главѣ все это подробно разобрано и высказано. Разъясненіе такихъ фактовъ, конечно, заслуживаетъ вниманія не однихъ военныхъ спеціалистовъ: ибо на нихъ основана слава единственнаго нашего великаго полководца. Вообще, могу смѣло сказать, что прежде открытія тѣхъ матеріаловъ, которые удалось мнѣ отыскать, кампанію 1799 года мы вовсе не такъ хорошо знали, какъ воображали себѣ. Точно тоже можно сказать и относительно политической части войны. 3) Что касается до помѣщенныхъ вами въ выноскѣ указаній о книгѣ: *Разсказы стараго воина*, — то мнѣ весьма жаль, что мнѣ не случилось прочитать этого, хоть бы недѣлею ранѣе; ибо только-что отпечаталъ я въ IV томѣ моего сочиненія *Указаніе источниковъ*, гдѣ вы найдете довольно длинный отчетъ объ означенной занимательной книгѣ. Да, вы совершенно правы, Михаилъ Петровичъ, что я долженъ былъ прежде озаботиться о полученіи положительныхъ свѣдѣній о такомъ важномъ источникѣ и не ограничиться разспросомъ только нѣкоторыхъ лицъ, которыя на бѣду не могли мнѣ дать отвѣта удовлетворительнаго. Если Богъ дастъ, книга моя доживетъ до второго изданія, то конечно я воспользуюсь вашимъ указаніемъ. Окончивъ теперь печатаніе послѣднихъ двухъ томовъ сочиненія, спѣшу при семъ препроводить вамъ,

милостивый государь, экземпляръ этихъ томовъ, прежде чѣмъ появились они въ свѣтъ. Весьма желалъ бы, чтобы окончаніе труда заслужило отъ васъ столь же благосклонный отзывъ, какъ и первыя части; по крайней мѣрѣ, по содержанію своему, послѣдніе томы должны быть еще занимательнѣе первыхъ. Въ заключеніе, прошу позволенія вашего, милостивый государь, впредь обращаться къ вамъ, уже какъ къ знакомому; не откажите мнѣ въ совѣтахъ вашихъ и относительно новаго, предпринимаемаго мною обширнаго труда. Я долженъ теперь (также по высочайшему повелѣнію) писать *Исторію Русскаго владычества на Кавказѣ*, и, разумѣется, начну съ самыхъ первыхъ сношеній Русскихъ съ странами Кавказскими, т.-е. съ X вѣка. Матеріалы для этого сочиненія собираются уже два года, здѣсь, въ Москвѣ и на Кавказѣ. Въ этомъ огромномъ и трудномъ дѣлѣ, ваши ученыя указанія и наставленія особенно были бы для меня полезны. Но я знаю, какъ мало имѣете вы времени на переписку; а потому постараюсь, при первой возможности, съѣздить самъ въ Москву и лично явиться къ вамъ, какъ ученикъ къ профессору. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ вашихъ совѣтахъ, особенно же относительно источниковъ рукописныхъ. Если жъ вы найдете, милостивый государь, слишкомъ смѣлою такую просьбу съ моей стороны и если длинное письмо мое похитило у васъ нѣсколько минутъ рѣдкаго свободнаго времени,— то простите мнѣ снисходительно, и будьте увѣрены, что я принялся за перо съ искреннѣйшими чувствами глубокаго къ вамъ почтенія".

Въ то же время Погодинъ получаетъ отъ графа Д. А. Толстаго слѣдующее любопытное письмо: „Не вините меня, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, что не отвѣчалъ вамъ. *Дѣло въ дѣлѣ*, говорится: этому я и слѣдовалъ.... Впрочемъ, ежели по вашему мнѣнію, въ чемъ погрѣшилъ, то отпустите грѣхи, ради наступающаго великаго поста. Къ нему здѣсь приготовляются плясками до упада; вчера былъ балъ у графа Кушелева-Безбородко, сегодня у Клейнмихеля, завтра folle

journée у Андрея Карамзина, а въ воскресенье—балъ у великой княгини Елены Павловны. Я во всемъ этомъ участвую издали, то-есть, тѣломъ тамъ, а духомъ индѣ; чиновничая жизнь поглощаетъ у меня все почти время,—каждое утро и почти всѣ вечера. По крайней мѣрѣ, благодаря Бога, дѣло идетъ недурно; надѣюсь и въ ограниченномъ кругѣ моей дѣятельности принести хоть малую лепту трудовъ, честнаго намѣренія и Русскаго чувства нашей общей матери и кормилицѣ; только хватило бы здоровья, а оно, не тѣмъ будь помянуто, плохо. Министромъ нашимъ *) всѣ довольны: уменъ, опытенъ, твердъ и вѣжливъ съ подчиненными; качества, какъ видите, недурныя; будемъ надѣяться, что онъ устоитъ отъ общей участи нашихъ сановниковъ, когда они долго сидятъ на мѣстахъ, то есть: равнодушія, апатіи и всепоглащающаго эгоизма. Вотъ бы вамъ прочесть этимъ господамъ курсъ Русской Исторіи, чтобы они припоминали себѣ, хоть изрѣдка, что за настоящимъ, ожидаетъ ихъ и будущее, и не только въ другомъ мірѣ, но и здѣсь на землѣ, что есть и Исторія! Было бы не худо! А какъ не пожалѣть будущаго нашего историка, которому задалъ такую гнусную страницу г. Политковскій! Что у васъ объ этомъ говорятъ? Что графъ Сергѣй Семеновичъ? Передайте, прошу, ему мое глубокое и искреннее почтеніе, которое примите и на свой счетъ и вполнѣ“ [266]).

LXIX.

Въ то время, когда Погодинъ „читалъ Филарета и восхищался“ [267]), до свѣдѣнія императора Николая I дошло, что будто „въ Москвѣ, по монастырямъ, не водится подробныхъ описей церковному имуществу, отчего многое драгоцѣнное, по древности и исторической цѣнности, пропадаетъ; любителями такихъ предметовъ пріобрѣтается разными способами, переходитъ изъ рукъ въ руки; и то, что должно бы оста-

*) Т.-е., Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ.

ваться церковною драгоцѣнностію, тамъ исчезаетъ и переходитъ въ частныя собранія". Находя это „въ высшей степени неприличнымъ", государь поручилъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову, „лично съѣздить въ Москву неожиданно, и повѣрить, точно ли такъ"? Внезапное появленіе оберъ-прокурора Св. Сѵнода въ Москвѣ произошло, какъ нарочно, именно въ то время, когда у митрополита Филарета умирала его престарѣлая и нѣжно имъ любимая мать.

Надобно замѣтить, что мать митрополита, Евдокія Никитишна Дроздова, съ 1844 года, жила въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, близъ Троицкаго подворья.

По поводу такого внезапнаго появленія въ Москвѣ оберъ-прокурора Св. Сѵнода, и не взирая на собственное горе, митрополитъ Филаретъ, 11 марта 1853 года, въ 10-мъ часу вечера, писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Миръ отъ Господа отцу намѣстнику и братіи. Немедленно по полученіи сего, отправьте ко мнѣ ризничаго, и съ нимъ описи Лаврской Ризницы и Библіотеки... По особенной причинѣ, надобно, чтобы сіе сдѣлано было такъ скоро, какъ возможно". Съ того же времени митрополитъ съ оберъ-прокуроромъ занялись пересмотромъ пятидесяти одной книги, заключавшихъ въ себѣ соборныя, церковныя и монастырскія описи. Въ то же время сыновній долгъ призывалъ митрополита къ смертному одру его родительницы. „Утомленный занятіями съ оберъ-прокуроромъ",—писалъ онъ Антонію,—„въ послѣдніе дни ея, долженъ я былъ нерѣдко приходить къ ней, иногда ночью, и иногда проводить при ней нѣсколько часовъ; и уже чувствовалъ разстройство въ здоровьѣ прежде кончины ея" [268]).

Между тѣмъ, работа митрополита, не смотря на тогдашнія его тяжкія обстоятельства, шла быстро и за два дня до кончины родительницы, т.-е. 18 марта 1853 г., онъ представилъ оберъ-прокурору написанную имъ Записку: *О средствахъ и препятствіяхъ сохранности церковныхъ древностей и рукописей въ церквахъ и монастыряхъ* [269]); а въ своей памятной книжкѣ, подъ 20 марта 1853 года, митрополитъ записалъ: „Преста-

вися раба Божія Евдокія, мать моя, въ 9 ч. утра". Намѣстнику же своему Антонію онъ писалъ: „Богъ устроилъ такъ, что и передъ кончиною ея, при ней я молитствовалъ, и послѣднихъ чистыхъ дыханій ея свидѣтелемъ былъ, и, непосредственно по прекращеніи ихъ, принесъ молитву о преставльшейся. Но два дня приходя на панихиду въ домъ ея, отъ простуды ногъ получилъ я боль въ головѣ и внутренностяхъ такую, что въ воскресенье большую часть дня пролежалъ, и ночь на нынѣшній день имѣлъ трудную; однако, нынѣ (23 марта) должное исполнить могъ. Утѣшили меня сослужители, по доброй волѣ, въ довольномъ числѣ собравшіеся на ея выносъ и погребеніе, и множество народа, не только отъ дома до церкви, и въ церкви, но и на кладбищѣ загородномъ. Довольно любви и молитвы".

Родительница митрополита покоится подъ Троицкою церковью Пятницкаго кладбища.

Покончивъ свои дѣла съ оберъ-прокуроромъ, митрополитъ, 3 апрѣля 1853 года, писалъ Антонію: „Прочитайте посылаемый при семъ списокъ съ отношенія о церковныхъ и монастырскихъ описяхъ. Слава Богу, что дѣло кончилось мирно" [270]).

Послѣ продажи Древлехранилища, у Погодина образовалась тѣсная связь съ Императорскою Публичною Библіотекою, въ лицѣ ея главныхъ дѣятелей: барона М. А. Корфа, А. Ѳ. Бычкова и К. А. Коссовича.

24 марта 1853 года, баронъ М. А. Корфъ писалъ къ Погодину: „Благодаря изумительной дѣятельности А. Ѳ. Бычкова, временное размѣщеніе вашихъ сокровищъ прекратилось и они стоятъ уже, какъ говорятъ Нѣмцы, in Reiche und Glied, между своими собратіями по эпохамъ и матеріямъ: рукописи съ рукописями, а старопечатныя книги, слитыя съ прежними коллекціями, всѣ въ первой пріемной залѣ, которую я обратилъ въ залу Русскихъ *инкунабуловъ*, такимъ образомъ, чтобы Русскаго человѣка, на первомъ шагу вступленія къ намъ, привѣтствовало свое родное. Вообще, съ тѣхъ поръ, что вы

насъ оставили, въ Библіотекѣ опять многое и многое измѣнилось и, по общему отзыву, къ лучшему. Въ моемъ понятіи здѣсь, какъ и во всякомъ живомъ дѣлѣ, неподвижность есть уже шагъ назадъ! Съ равнымъ любопытствомъ жду ближайшихъ вѣстей о новыхъ драгоцѣнностяхъ, сулимыхъ вами, такъ таинственно, нашему гостепріимному Хранилищу; а между тѣмъ, скажу вамъ и съ моей стороны, безъ всякаго секрета, что мы на дняхъ купили, дорогою, правда, цѣною, истинный кладъ: два большихъ тома *собственной руки* графа Матвѣева: одинъ, копіи съ секретныхъ посольскихъ его донесеній Петру Великому, другой,—дорожный его журналъ, или записки, полныя свѣжихъ и умныхъ взглядовъ и содержащія въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе Французскаго Двора... Все это надо бы издать; готовъ и критическій переводъ".

Сообщивъ объ этихъ пріобрѣтеніяхъ, баронъ Корфъ выражаетъ желаніе приступить къ изданію этихъ драгоцѣнностей. „Все это надобно издать",—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—„готовъ и критическій переводъ Мѣховскаго, готово и многое другое; но откуда взять средства къ изданію, когда, сверхъ нашихъ передѣлокъ и пр., въ эту минуту намъ везутъ изъ-за границы книгъ на восемь тысячъ. Такъ, несносный Голубковъ, не понимая самъ своей пользы, ничѣмъ не отозвался на назначеніе его нашимъ почетнымъ членомъ, сдѣланное, право, не изъ благоговѣнія къ библіографическимъ его знаніямъ; а другіе, сыпля полною рукою на всякій вздоръ, не хотятъ ничѣмъ подѣлиться на то, что̀ можетъ стать въ числѣ предметовъ народной славы и гордости. Поистинѣ, мнѣ остается возложить главную надежду только на вашу популярность въ Москвѣ, которая, въ союзѣ съ вашею любовію къ нашему дѣлу, вѣрно могла бы произвести чудеса. Тѣшась этою розовою надеждою, я, по прежнему, прошу васъ вѣрить искренности пріязненныхъ чувствъ"...

Съ своей стороны и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Работа у меня подвигается впередъ: рукописи описываются

и по вашему желанію преимущественно сборники. Венеціянскія изданія почти кончены".

Ограждая своего друга, А. Ѳ. Бычкова, отъ частыхъ порученій, возлагаемыхъ на него Погодинымъ, К. А. Коссовичъ писалъ послѣднему: „Бѣдный Аѳанасій Ѳедоровичъ до того захлопотался по разнымъ библіографическимъ частямъ, что физически не имѣлъ возможности исполнить до сихъ поръ вашихъ приказаній. Пробужденный теперь черезъ меня вашимъ словомъ, онъ двинется и поспѣшитъ съ высылкою бумагъ. Если будете имѣть приказывать что либо, приказывайте мнѣ: мое время, хоть тò по крайней мѣрѣ имѣю счастье, большею частью вполнѣ отъ меня зависитъ. Но не адресуйте въ Библіотеку, а слѣдующимъ образомъ: *К. А. Коссовичу, въ СПб., въ Ново-Исакіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Труссона.* Я теперь живу подъ одною кровлею съ барономъ".

А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, писалъ Погодину: „Механическія занятія по должности въ Библіотекѣ отнимаютъ у меня много времени и часто дѣлаютъ неспособнымъ къ труду умственному, на цѣлый вечеръ. Не смотря на это, я успѣлъ для графа Д. Н. Блудова напечатать текстъ недавно найденнаго въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Журнала Перваго Азовскаго похода* и приготовляю къ сему Журналу примѣчанія. Исподоволь знакомлюсь съ вашимъ собраніемъ, составляю описаніе рукописямъ онаго и дивлюсь золоту, въ немъ хранящемуся. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ Библіотеки парализуетъ мою дѣятельность. Какъ былъ бы я доволенъ если бы нашелся добрый человѣкъ, который далъ бы въ мое исключительно распоряженіе пятьсотъ—семьсотъ рублей серебромъ. Съ этими средствами, черезъ полгода, я издалъ бы томъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ библіотечныхъ рукописей, матеріаловъ, драгоцѣнныхъ и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что въ самое непродолжительное время окупились бы издержки печатанія перваго

насъ оставили, въ Библіотекѣ опять многое и многое измѣнилось и, по общему отзыву, къ лучшему. Въ моемъ понятіи здѣсь, какъ и во всякомъ живомъ дѣлѣ, неподвижность есть уже шагъ назадъ! Съ равнымъ любопытствомъ жду ближайшихъ вѣстей о новыхъ драгоцѣнностяхъ, сулимыхъ вами, такъ таинственно, нашему гостепріимному Хранилищу; а между тѣмъ, скажу вамъ и съ моей стороны, безъ всякаго секрета, что мы на дняхъ купили, дорогою, правда, цѣною, истинный кладъ: два большихъ тома *собственной руки* графа Матвѣева: одинъ, копіи съ секретныхъ посольскихъ его донесеній Петру Великому, другой,—дорожный его журналъ, или записки, полныя свѣжихъ и умныхъ взглядовъ и содержащія въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе Французскаго Двора... Все это надо бы издать; готовъ и критическій переводъ".

Сообщивъ объ этихъ пріобрѣтеніяхъ, баронъ Корфъ выражаетъ желаніе приступить къ изданію этихъ драгоцѣнностей. „Все это надобно издать",—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—„готовъ и критическій переводъ Мѣховскаго, готово и многое другое; но откуда взять средства къ изданію, когда, сверхъ нашихъ передѣлокъ и пр., въ эту минуту намъ везутъ изъ-за границы книгъ на восемь тысячъ. Такъ, несносный Голубковъ, не понимая самъ своей пользы, ничѣмъ не отозвался на назначеніе его нашимъ почетнымъ членомъ, сдѣланное, право, не изъ благоговѣнія къ библіографическимъ его знаніямъ; а другіе, сыпля полною рукою на всякій вздоръ, не хотятъ ничѣмъ подѣлиться на то, что̀ можетъ стать въ числѣ предметовъ народной славы и гордости. Поистинѣ, мнѣ остается возложить главную надежду только на вашу популярность въ Москвѣ, которая, въ союзѣ съ вашею любовію къ нашему дѣлу, вѣрно могла бы произвести чудеса. Тѣшась этою розовою надеждою, я, по прежнему, прошу васъ вѣрить искренности пріязненныхъ чувствъ"...

Съ своей стороны и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Работа у меня подвигается впередъ: рукописи описываются

и по вашему желанію преимущественно сборники. Венеціянскія изданія почти кончены".

Ограждая своего друга, А. Ѳ. Бычкова, отъ частыхъ порученій, возлагаемыхъ на него Погодинымъ, К. А. Коссовичъ писалъ послѣднему: „Бѣдный Аѳанасій Ѳедоровичъ до того захлопотался по разнымъ библіографическимъ частямъ, что физически не имѣлъ возможности исполнить до сихъ поръ вашихъ приказаній. Пробужденный теперь черезъ меня вашимъ словомъ, онъ двинется и поспѣшитъ съ высылкою бумагъ. Если будете имѣть приказывать что либо, приказывайте мнѣ: мое время, хоть то̀ по крайней мѣрѣ имѣю счастье, большею частью вполнѣ отъ меня зависитъ. Но не адресуйте въ Библіотеку, а слѣдующимъ образомъ: *К. А. Коссовичу, въ СПб., въ Ново-Исакіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Труссона*. Я теперь живу подъ одною кровлею съ барономъ".

А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, писалъ Погодину: „Механическія занятія по должности въ Библіотекѣ отнимаютъ у меня много времени и часто дѣлаютъ неспособнымъ къ труду умственному, на цѣлый вечеръ. Не смотря на это, я успѣлъ для графа Д. Н. Блудова напечатать текстъ недавно найденнаго въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Журнала Перваго Азовскаго похода* и приготовляю къ сему Журналу примѣчанія. Исподоволь знакомлюсь съ вашимъ собраніемъ, составляю описаніе рукописямъ онаго и дивлюсь золоту, въ немъ хранящемуся. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ Библіотеки парализуетъ мою дѣятельность. Какъ былъ бы я доволенъ если бы нашелся добрый человѣкъ, который далъ бы въ мое исключительно распоряженіе пятьсотъ—семьсотъ рублей серебромъ. Съ этими средствами, черезъ полгода, я издалъ бы томъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ библіотечныхъ рукописей, матеріаловъ, драгоцѣнныхъ и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что въ самое непродолжительное время окупились бы издержки печатанія перваго

насъ оставили, въ Библіотекѣ опять многое и многое измѣнилось и, по общему отзыву, къ лучшему. Въ моемъ понятіи здѣсь, какъ и во всякомъ живомъ дѣлѣ, неподвижность есть уже шагъ назадъ! Съ равнымъ любопытствомъ жду ближайшихъ вѣстей о новыхъ драгоцѣнностяхъ, сулимыхъ вами, такъ таинственно, нашему гостепріимному Хранилищу; а между тѣмъ, скажу вамъ и съ моей стороны, безъ всякаго секрета, что мы на дняхъ купили, дорогою, правда, цѣною, истинный кладъ: два большихъ тома *собственной руки* графа Матвѣева: одинъ, копіи съ секретныхъ посольскихъ его донесеній Петру Великому, другой,—дорожный его журналъ, или записки, полныя свѣжихъ и умныхъ взглядовъ и содержащія въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе Французскаго Двора... Все это надо бы издать; готовъ и критическій переводъ".

Сообщивъ объ этихъ пріобрѣтеніяхъ, баронъ Корфъ выражаетъ желаніе приступить къ изданію этихъ драгоцѣнностей. „Все это надобно издать",—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—„готовъ и критическій переводъ Мѣховскаго, готово и многое другое; но откуда взять средства къ изданію, когда, сверхъ нашихъ передѣлокъ и пр., въ эту минуту намъ везутъ изъ-за границы книгъ на восемь тысячъ. Такъ, несносный Голубковъ, не понимая самъ своей пользы, ничѣмъ не отозвался на назначеніе его нашимъ почетнымъ членомъ, сдѣланное, право, не изъ благоговѣнія къ библіографическимъ его знаніямъ; а другіе, сыпля полною рукою на всякій вздоръ, не хотятъ ничѣмъ подѣлиться на то, что̀ можетъ стать въ числѣ предметовъ народной славы и гордости. Поистинѣ, мнѣ остается возложить главную надежду только на вашу популярность въ Москвѣ, которая, въ союзѣ съ вашею любовію къ нашему дѣлу, вѣрно могла бы произвести чудеса. Тѣшась этою розовою надеждою, я, по прежнему, прошу васъ вѣрить искренности пріязненныхъ чувствъ"...

Съ своей стороны и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Работа у меня подвигается впередъ: рукописи описываются

и по вашему желанію преимущественно сборники. Венеціянскія изданія почти кончены".

Ограждая своего друга, А. Ѳ. Бычкова, отъ частыхъ порученій, возлагаемыхъ на него Погодинымъ, К. А. Коссовичъ писалъ послѣднему: „Бѣдный Аѳанасій Ѳедоровичъ до того захлопотался по разнымъ библіографическимъ частямъ, что физически не имѣлъ возможности исполнить до сихъ поръ вашихъ приказаній. Пробужденный теперь черезъ меня вашимъ словомъ, онъ двинется и поспѣшитъ съ высылкою бумагъ. Если будете имѣть приказывать что либо, приказывайте мнѣ: мое время, хоть тò по крайней мѣрѣ имѣю счастье, большею частью вполнѣ отъ меня зависитъ. Но не адресуйте въ Библіотеку, а слѣдующимъ образомъ: *К. А. Коссовичу, въ СПб., въ Ново-Исакіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Труссона*. Я теперь живу подъ одною кровлею съ барономъ".

А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, писалъ Погодину: „Механическія занятія по должности въ Библіотекѣ отнимаютъ у меня много времени и часто дѣлаютъ неспособнымъ къ труду умственному, на цѣлый вечеръ. Не смотря на это, я успѣлъ для графа Д. Н. Блудова напечатать текстъ недавно найденнаго въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Журнала Перваго Азовскаго похода* и приготовляю къ сему Журналу примѣчанія. Исподоволь знакомлюсь съ вашимъ собраніемъ, составляю описаніе рукописямъ онаго и дивлюсь золоту, въ немъ хранящемуся. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ Библіотеки парализуетъ мою дѣятельность. Какъ былъ бы я доволенъ если бы нашелся добрый человѣкъ, который далъ бы въ мое исключительно распоряженіе пятьсотъ—семьсотъ рублей серебромъ. Съ этими средствами, черезъ полгода, я издалъ бы томъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ библіотечныхъ рукописей, матеріаловъ, драгоцѣнныхъ и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что въ самое непродолжительное время окупились бы издержки печатанія перваго

насъ оставили, въ Библіотекѣ опять многое и многое измѣнилось и, по общему отзыву, къ лучшему. Въ моемъ понятіи здѣсь, какъ и во всякомъ живомъ дѣлѣ, неподвижность есть уже шагъ назадъ! Съ равнымъ любопытствомъ жду ближайшихъ вѣстей о новыхъ драгоцѣнностяхъ, сулимыхъ вами, такъ таинственно, нашему гостепріимному Хранилищу; а между тѣмъ, скажу вамъ и съ моей стороны, безъ всякаго секрета, что мы на дняхъ купили, дорогою, правда, цѣною, истинный кладъ: два большихъ тома *собственной руки* графа Матвѣева: одинъ, копіи съ секретныхъ посольскихъ его донесеній Петру Великому, другой,—дорожный его журналъ, или записки, полныя свѣжихъ и умныхъ взглядовъ и содержащія въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе Французскаго Двора... Все это надо бы издать; готовъ и критическій переводъ".

Сообщивъ объ этихъ пріобрѣтеніяхъ, баронъ Корфъ выражаетъ желаніе приступить къ изданію этихъ драгоцѣнностей. „Все это надобно издать",—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—„готовъ и критическій переводъ Мѣховскаго, готово и многое другое; но откуда взять средства къ изданію, когда, сверхъ нашихъ передѣлокъ и пр., въ эту минуту намъ везутъ изъ-за границы книгъ на восемь тысячъ. Такъ, несносный Голубковъ, не понимая самъ своей пользы, ничѣмъ не отозвался на назначеніе его нашимъ почетнымъ членомъ, сдѣланное, право, не изъ благоговѣнія къ библіографическимъ его знаніямъ; а другіе, сыпля полною рукою на всякій вздоръ, не хотятъ ничѣмъ подѣлиться на то, что̀ можетъ стать въ числѣ предметовъ народной славы и гордости. Поистинѣ, мнѣ остается возложить главную надежду только на вашу популярность въ Москвѣ, которая, въ союзѣ съ вашею любовію къ нашему дѣлу, вѣрно могла бы произвести чудеса. Тѣшась этою розовою надеждою, я, по прежнему, прошу васъ вѣрить искренности пріязненныхъ чувствъ"...

Съ своей стороны и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Работа у меня подвигается впередъ: рукописи описываются

и по вашему желанію преимущественно сборники. Венеціянскія изданія почти кончены".

Ограждая своего друга, А. Ѳ. Бычкова, отъ частыхъ порученій, возлагаемыхъ на него Погодинымъ, К. А. Коссовичъ писалъ послѣднему: „Бѣдный Аѳанасій Ѳедоровичъ до того захлопотался по разнымъ библіографическимъ частямъ, что физически не имѣлъ возможности исполнить до сихъ поръ вашихъ приказаній. Пробужденный теперь черезъ меня вашимъ словомъ, онъ двинется и поспѣшитъ съ высылкою бумагъ. Если будете имѣть приказывать что либо, приказывайте мнѣ: мое время, хоть тò по крайней мѣрѣ имѣю счастье, большею частью вполнѣ отъ меня зависитъ. Но не адресуйте въ Библіотеку, а слѣдующимъ образомъ: *К. А. Коссовичу, въ СПб., въ Ново-Исакіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Труссона.* Я теперь живу подъ одною кровлею съ барономъ".

А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, писалъ Погодину: „Механическія занятія по должности въ Библіотекѣ отнимаютъ у меня много времени и часто дѣлаютъ неспособнымъ къ труду умственному, на цѣлый вечеръ. Не смотря на это, я успѣлъ для графа Д. Н. Блудова напечатать текстъ недавно найденнаго въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Журнала Перваго Азовскаго похода* и приготовляю къ сему Журналу примѣчанія. Исподоволь знакомлюсь съ вашимъ собраніемъ, составляю описаніе рукописямъ онаго и дивлюсь золоту, въ немъ хранящемуся. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ Библіотеки парализуетъ мою дѣятельность. Какъ былъ бы я доволенъ если бы нашелся добрый человѣкъ, который далъ бы въ мое исключительно распоряженіе пятьсотъ—семьсотъ рублей серебромъ. Съ этими средствами, черезъ полгода, я издалъ бы томъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ библіотечныхъ рукописей, матеріаловъ, драгоцѣнныхъ и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что въ самое непродолжительное время окупились бы издержки печатанія перваго

тома и дали бы такимъ образомъ средство приступить къ изданію второго. Но все это pia desideria!"

Побуждаемый, съ одной стороны, барономъ М. А. Корфомъ, а съ другой—А. Ѳ. Бычковымъ, Погодинъ рѣшился воззвать въ одинъ и тотъ же день, 29 марта 1853 года, и къ К. Т. Солдатенкову, и къ П. В. Голубкову. Къ первому онъ писалъ: „Давно собирался я къ вамъ, самъ посмотрѣть ваши драгоцѣнности; просилъ я васъ къ себѣ, но видно мои корреспонденты не доставили вамъ моего приглашенія. А теперь я больнехонекъ: извѣстная статья положила меня въ лоскъ. Между тѣмъ, оказалось дѣло, которое изложу просто и ясно.—Баронъ Корфъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ государственныхъ людей, человѣкъ умный, дѣльный, настойчивый и благонадежный, пишетъ ко мнѣ и проситъ поискать въ Московскомъ купечествѣ доброхотнаго дателя для Публичной Библіотеки. Онъ хочетъ издать полный ея каталогъ, а издать нечѣмъ. Мысль благая и общеполезная, особенно по части нашихъ Древностей, которыхъ тамъ скопилось великое богатство! Для описанія моего участка я принесъ, съ своей стороны, жертву. Не захотите ли принять участіе въ прочихъ. Вы—1) принесете тѣмъ пользу наукѣ и заведенію;—2) пріобрѣтете сильнаго благопріятеля, который, на всякій случай, можетъ быть, вамъ и нуженъ;—3) получите соотвѣтственное награжденіе. Количество зависитъ совершенно отъ васъ. Наслышась о вашихъ стремленіяхъ къ добру, я отношусь къ вамъ прямо, но безъ особеннаго убѣжденія: если вамъ неугодно, то напишите мнѣ два слова, и дѣло останется между нами, въ совершенной неизвѣстности для прочихъ. Мнѣ хочется, скажу вамъ откровенно, сдѣлать удовольствіе барону Корфу, и сказать ему: вотъ видите, каковы Русскіе люди, одно слово—и дѣло закипѣло, а вы со всѣмъ синклитомъ, въ двадцать пять лѣтъ, не устроили своего описанія. Если бы вы еще кого нибудь указали и привлекли, то было бы еще лучше. Въ соотвѣтственныхъ вознагражденіяхъ (орденъ, медаль, титло), кому что можно по

законамъ, можетъ быть увѣрену, подъ моей отвѣтственностью.— Да загляните ко мнѣ: мнѣ прислано еще изъ Петербурга художественное собраніе, очень примѣчательное".

Въ томъ же духѣ Погодинъ писалъ и къ П. В. Голубкову: „Долгомъ поставляю довести до вашего свѣдѣнія, что въ письмѣ ко мнѣ, вчера полученномъ отъ барона Корфа, сквозитъ какое-то неудовольствіе на ваше молчаніе,—вотъ его слова: „Г. Голубковъ ничѣмъ не отозвался на назначеніе его нашимъ почетнымъ членомъ"! Скажу вамъ съ своей стороны, что баронъ Корфъ есть одинъ изъ первыхъ нашихъ государственныхъ людей, человѣкъ умный, дѣльный и настойчивый. На него положиться можно, хотя въ Петербургѣ бываетъ нужно улучать время и соображаться съ обстоятельствами. Я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ для васъ все, что угодно. А онъ находится теперь въ большой нуждѣ по Библіотекѣ: ему хочется издать описаніе ея сокровищъ, а подняться нечѣмъ. Вы жертвуете на все и всѣмъ; жертва на это описаніе: 1) принесетъ великую пользу отечественную, 2) огласится громко и въ Россіи и въ Европѣ, незнающей, что у насъ есть въ этомъ родѣ, 3) будетъ угодна царю и 4) доставитъ вамъ всенепремѣнно соотвѣтственное вознагражденіе. Я, съ своей стороны, пожертвовалъ пять тысячъ р. с. на описаніе моихъ Древностей. Не приписывайте мнѣ, прошу васъ, никакого убѣжденія; я представляю все это только къ вашему свѣдѣнію, а съ вашей доброй волей вы найдете и находите много случаевъ благодѣтельствовать образованію и благосостоянію отечества, и кромѣ Библіотеки".

По-видимому, отвѣты отъ этихъ двухъ лицъ были благопріятные, ибо Погодинъ сдѣлалъ А. Ѳ. Бычкову „радушный вызовъ осуществить на дѣлѣ" его предпріятіе. А о предпріятіи А. Ѳ. Бычкова мы узнаемъ слѣдующее изъ письма его къ Погодину, отъ 11 ноября 1853 года: „Наконецъ-то я получаю возможность заняться дѣломъ серьезно, выполнить то, о чемъ я мечталъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и показать всѣмъ людямъ, имѣющимъ обо мнѣ доброе мнѣніе,

что не даромъ я сидѣлъ при сокровищахъ нашей древней письменности, которыя, безъ вашего теплаго участія ко всему, что̀ можетъ принести пользу наукѣ, оставались, быть можетъ, еще долгое время мертвымъ капиталомъ. Передаю вамъ, въ краткомъ очеркѣ, планъ изданія—передѣлывайте его по вашему усмотрѣнію; мое дѣло—добросовѣстно выполнить трудъ, на себя принятый. *Сборникъ* будетъ дѣлиться на четыре отдѣла: Первый назначается для древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности; сюда послѣдовательно войдутъ: Толковая Псалтирь Евгенія, Слова Григорія Богослова, Житія Өеклы и Кондрата, праздничная минея XII вѣка и др. Часть изъ поименованныхъ рукописей переписывается мною для перваго тома, въ которомъ мнѣ хочется также помѣстить сводъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ *Сборника* 1076 года отрывковъ изъ Іисуса сына Сирахова. Они составляютъ почти три главы и представятъ древнѣйшій переводъ Библіи на Церковно-Славянскій языкъ. Во второмъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться рукописи историческаго содержанія, относящіяся не только къ среднимъ вѣкамъ нашей Исторіи, но и болѣе къ новымъ, какъ напримѣръ: Дневникъ Обухова о Пугачевскомъ возстаніи, Путешествіе Шаховскаго въ Царьградъ, Описаніе пребыванія А. С. Матвѣева въ Парижѣ. Третій отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ описанія, разумѣется, по частямъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ. Богословскіе и историческіе сборники займутъ первое мѣсто въ немъ, и прежде всего я хочу познакомить публику съ рукописями этого содержанія, потому что въ нихъ содержится много и новаго и важнаго. Четвертый отдѣлъ назначается для смѣси; въ немъ найдутъ мѣсто и автографы, и переводы тѣхъ мѣстъ изъ рукописей на иностранныхъ языкахъ, которые имѣютъ отношеніе къ Россіи. Не знаю, одобрите ли вы этотъ планъ изданія; но прежде всего я предлагаю на разрѣшеніе два вопроса: слѣдуетъ ли печатать текстъ при переводахъ, какъ напримѣръ, Греческій подлинникъ при Словахъ Григорія Богослова, и

нужно ли приложить словарь къ статьямъ перваго отдѣла, какъ это сдѣлалъ Востоковъ, при Остроміровомъ Евангеліи?"

Въ то время, когда А. Ѳ. Бычковъ замышлялъ такое грандіозное предпріятіе, В. И. Григоровичъ не переставалъ домогаться занять его мѣсто въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

29 января 1853 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „С. П. Шевыревъ писалъ къ Коссовичу о желаніи Григоровича Казанскаго пристроиться къ Библіотекѣ, въ должность хранителя рукописей. Содержаніе письма этого доведено до барона, и я самъ, вполнѣ сознавая преимущество Григоровича передъ собою, просилъ барона передать ему мое мѣсто. Но баронъ на это не согласился. Жаль, потому что наука, быть можетъ, пріобрѣла бы отъ Григоровича гораздо болѣе, чѣмъ отъ меня, хотя могу увѣрить, что я ее люблю, не менѣе его" [271]).

LXX.

Страсть къ собиранію не оставила Погодина и по продажѣ своего Древлехранилища. Теперь ему вздумалось составить въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, Портретную Галлерею Русскихъ писателей, и онъ объявляетъ въ *Москвитянинѣ*: „Желая собрать портреты въ подлинникахъ, или хорошихъ копіяхъ, всѣхъ замѣчательныхъ Русскихъ писателей, свѣтскихъ и духовныхъ, я прошу покорнѣйше всѣхъ, кто можетъ, сообщить мнѣ о нихъ свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что я буду радъ пріобрѣсть портреты въ свою собственность, а въ случаѣ невозможности, буду очень благодаренъ и за позволеніе снять копію" [272]).

На это воззваніе откликнулся старый Арзамасецъ С. П. Жихаревъ.— „Портреты,—писалъ онъ Погодину,—всѣ на лицо: одни куплены, другіе приторгованы, кромѣ одного. Но я ихъ не могу получить до времени, по недостатку денегъ".

Признательный Погодинъ писалъ Жихареву: „Спѣшу

принесть глубочайшую благодарность вашему превосходительству за драгоцѣнные подарки — дѣтскій портретъ Батюшкова и письма Жуковскаго. Въ слабый знакъ ея. прошу принять отъ меня билетъ на полученіе *Москвитянина*, который украсится вашими воспоминаніями... ...Деньги 32 рубля г. Полуденскому я вручилъ, хотя въ письмѣ вашемъ того не было означено. Если слѣдовали рубли ассигнаціонные, то лишніе благоволите употребить на другіе портреты, о которыхъ прошу васъ убѣдительнѣйше: и Озеровъ, и Капнистъ, и Фонъ-Визинъ, и Бунина, и Хвостовъ мнѣ вожделѣнны".

Между тѣмъ, А. Ѳ. Бычковъ сообщалъ Погодину: „Жихаревъ показывалъ мнѣ три портрета, пріобрѣтенные, сколько я могъ заключить изъ его словъ, для васъ, именно: Болтина, графини Хвостовой и графа Орлова—всѣ они прекрасной кисти".

И. К. Купріяновъ, прочитавъ заявленіе Погодина, писалъ ему: „Вы объявили, что собираете портреты знаменитыхъ лицъ;—у меня есть въ виду одинъ большой портретъ императрицы Елизаветы Петровны, писанный масляными красками, хорошей работы. Къ юбилею Университета его кстати было бы пожертвовать, буде въ немъ нѣтъ портрета его основательницы. Цѣна портрета не болѣе тридцати руб. с."

Въ Москвѣ, у Натальи Николаевны Львовой, красовался великолѣпный портретъ Державина. Погодинъ, для своего Собранія портретовъ, пожелалъ снять съ него копію, и съ этою цѣлію отправилъ къ владѣлицѣ своего художника, но тотъ потерпѣлъ неудачу. Объ этомъ мы можемъ заключить изъ нижеслѣдующаго письма къ Погодину Д. В. Полѣнова, отъ 29 сентября 1854 года: „Пріѣхавши въ Москву, я, къ крайнему сожалѣнію, узналъ, что присланный отъ вашего превосходительства художникъ для снятія копіи съ портрета Державина, находящагося въ домѣ тетушки моей, Натальи Николаевны Львовой, не былъ допущенъ. Позвольте увѣрить васъ, милостивый государь, что отказъ художнику произо-

шелъ отъ недоразумѣнія и тетушка, которая теперь живетъ сама въ своемъ домѣ, сожалѣетъ о происшедшей остановкѣ въ исполненіи вашего желанія. Она поручила мнѣ увѣдомить васъ, что она съ удовольствіемъ повторяетъ позволеніе снять копію съ портрета Державина, и художникъ, который будетъ отъ васъ присланъ, можетъ прямо обратиться къ ней самой, какъ къ хозяйкѣ, и, безъ сомнѣнія, не встрѣтитъ болѣе препятствія. Я очень желалъ бы самъ заѣхать къ вамъ, какъ для объясненія всего этого, такъ и для того, чтобы попользоваться пріятною бесѣдою вашею; но, пріѣхавъ въ Москву вчера и уѣзжая завтра, я не могъ найти свободнаго часа, чтобъ посѣтить васъ".

По настоянію С. П. Жихарева, почтенный морякъ Иванъ Петровичъ Бунинъ уступилъ Погодину портретъ своей сестры, извѣстной писательницы Анны Петровны Буниной, что мы заключить можемъ изъ нижеслѣдующаго письма Бунина къ Жихареву: „По желанію вашего превосходительства и всегдашняго къ вамъ уваженія, имѣю честь препроводить портретъ покойной сестры моей Анны Петровны, который вы желаете передать господину Погодину, на объясненныхъ мною съ вами условіяхъ".

Вскорѣ Погодинская Коллекція портретовъ Русскихъ писателей обратила на себя общественное вниманіе, и извѣстный ваятель Рамазановъ заявилъ о ней въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее: „По Дмитровской дорогѣ, въ Подмосковномъ селеніи Виноградовѣ, подъ сѣнію деревъ котораго и подъ кровлею гостепріимнаго дома хозяевъ, находили нѣкогда пріютъ, отдохновеніе и вдохновеніе: Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, мы встрѣтили любопытный и удовлетворительный по работѣ портретъ нашего славнаго баснописца, написанный, когда ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Эта рѣдкость, по добротѣ нынѣшнихъ радушныхъ хозяевъ, повторится въ копіи и поступитъ въ крайне любопытную Коллекцію Портретовъ Русскихъ писателей, составляемую М. П. Погодинымъ. Въ Собраніи уже находятся и должны вскорѣ въ него посту-

пить слѣдующіе: Пушкина, съ Кипренскаго; Гоголя, съ Иванова; Шишкова, съ Доу; Новикова, съ Боровиковскаго; Сумарокова, подлинный; Тредьяковскаго, Кантемира, Рубана, съ подлинниковъ Россійской Академіи; Георгія Конисскаго, съ подлинника его племянника, протоіерея Григоровича; Державина, съ Тончи; Жуковскаго, съ Гильтебранта; Карамзина, съ Варнека; Ломоносова, съ подлинника, принадлежащаго его наслѣдникамъ; Подшивалова, съ подлинника въ Коммерческомъ С.-Петербургскомъ Училищѣ; Григоровича, съ подлинника, находящагося у наслѣдниковъ; Языкова, съ подлинника Елагиныхъ; Фонъ-Визина, съ подлинника, писаннаго въ Италіи; Хераскова, съ подлинника, принадлежащаго наслѣдникамъ; Крылова, съ Брюлова".

Узнавъ объ этомъ Собраніи, А. В. Никитенко записалъ, подъ 27 октября 1854 года, въ своемъ Дневникѣ: „Погодинъ нынѣ занимается собираніемъ портретовъ Русскихъ писателей. Не хочетъ ли онъ потомъ и эту коллекцію продать такъ же выгодно, какъ свое Древлехранилище?" [273]).

LXXI.

Въ 1852 году, Императорское Русское Географическое Общество обогатило науку изданіемъ Этнографической Карты Европейской Россіи, составленной почтеннымъ академикомъ П. И. Кеппеномъ.

Десять лѣтъ собиралъ почтенный Кеппенъ свѣдѣнія о числѣ и жилищахъ не-Русскаго народонаселенія Имперіи. На этотъ многолѣтній трудъ написалъ критику Нѣмецкій ученый Бергхаузъ, которую Погодинъ въ Русскомъ переводѣ напечаталъ въ *Москвитянинѣ*, снабдивъ ее своими примѣчаніями.

Бергхаузъ пишетъ: „Географическое Общество, принявшее на себя исключительный трудъ изслѣдованія Русской Имперіи, руководствуется столь безмѣрнымъ патріотическимъ чувствомъ, что издаетъ всѣ памятники и извѣстія только на языкѣ *господствующаго* народа". На это Погодинъ замѣчаетъ:

„Господствующаго народа“! Бергхаузъ принадлежитъ видно къ числу тѣхъ Нѣмецкихъ писателей, которые хотятъ, во что бы то ни стало, доказать, что Россія состоитъ изъ разныхъ племенъ, находящихся подъ властію одного, подобныхъ, напримѣръ, Индѣйскимъ племенамъ, кои состоятъ подъ властію Англичанъ, и что Русское племя есть только господствующее въ Россіи, какъ Англійское въ Индіи. Нѣтъ, милостивые государи! выраженіе „о господствующемъ племени“ неприлично Россіи. Россія есть одно цѣльное государство, одинъ цѣльный народъ, исповѣдающій одну вѣру, говорящій однимъ языкомъ и повинующійся одному государю. Въ составъ этого одного цѣльнаго государства, вслѣдствіе разныхъ историческихъ и географическихъ причинъ, вошло нѣсколько племенъ, которыя, всѣ вмѣстѣ, то-есть Латыши и Финны, Татары и Жиды, Цыгане и Калмыки и проч. и проч., составляютъ только осьмую долю народонаселенія, а каждое порознь есть наиничтожнѣйшая часть въ сравненіи не съ господствующимъ, а съ главнымъ племенемъ, нами, Русскими. Индія безъ Англичанъ, господствующаго своего племени, какъ и другія страны безъ своихъ властелиновъ, существовать могутъ, а Россія безъ Русскихъ невообразима. Россія есть Россія. Слѣдовательно, говорить о господствующемъ племени въ этомъ смыслѣ, въ Россіи, есть историческая, логическая, географическая, политическая и всяческая неправильность“.

Бергхаузъ пишетъ: „Исключительное *Русское* направленіе, замѣтное во всей дѣятельности Географическаго Общества, сдѣлало то, что этнографическая карта Кеппена не приноситъ намъ никакой пользы“.

Погодинъ замѣчаетъ: „Какъ членъ Императорскаго Географическаго Общества, считаю долгомъ опровергнуть это неправильное обвиненіе, и ссылаюсь на примѣры всѣхъ Европейскихъ ученыхъ обществъ, государственныхъ и частныхъ: скажите мнѣ, какое Англійское общество напечатаетъ хоть одну строку по-Нѣмецки? Какая Французская академія издастъ по-Италіански? Какой Нѣмецкій факультетъ заботится о про-

свѣщеніи Англичанъ, или Италіанская сапіенца, при изданіи своихъ трудовъ, думаетъ о Датчанахъ и Шведахъ? Кто обвиняетъ Францію, зачѣмъ она не просвѣщаетъ Нѣмцевъ, или Германію, что она не тратитъ денегъ на изданіе Французскихъ книгъ. Вы скажете, что Русскій языкъ мало извѣстенъ вамъ? Такъ учитесь ему! Если господинъ Грутгейзенъ занимается съ похвальнымъ рвеніемъ и успѣхомъ изслѣдованіями о жителяхъ луны, — если отважные ваши путешественники проникаютъ во внутренность Африки, и среди львовъ, тигровъ и гіенъ, съ пожертвованіемъ своей жизни, ловятъ звуки тамошнихъ дикихъ племенъ,—если мужественные ваши ученые посвящаютъ свою жизнь на изученіе всѣхъ мертвыхъ языковъ, всѣхъ умолкнувшихъ нарѣчій, Пельви и Зенда (а объ Санскритѣ и говорить нечего), и приступомъ берутъ всѣ филологическія тайны, преслѣдуя ихъ даже до послѣднихъ, или, лучше сказать, первыхъ измѣреній человѣческаго голоса; такъ отчего же не хотите вы занятся языкомъ того народа, который живетъ отъ васъ поближе, чѣмъ обитатели луны, Китай и Японія,—который своей Исторіей, своимъ характеромъ, мѣстностію и прочими отношеніями, можетъ предложить вамъ больше занимательнаго и поучительнаго, чѣмъ Томбукту и Эскимосская земля,—языкомъ того народа, который прозвучалъ въ вашихъ ушахъ довольно громко въ 1812 году, напомнилъ о себѣ не лихомъ и въ 1850 году“.

Бергхаузъ пишетъ: „Русскія буквы даже и для знатоковъ этого языка трудно въ почеркѣ скорописи читаются и въ печати весьма неблаговидны“.

Погодинъ замѣчаетъ: „Вы говорите, что наши буквы безобразны, но неужели, положа руку на сердце, вы думаете, что ваши готическія буквы изящнѣе? И если ваши Зейфарты не оставляютъ никакихъ тайнъ въ гіероглифахъ Египетскихъ, если ваши Гротезенды читаютъ клинообразное письмо на развалинахъ Персеполя, Вавилона и Ниневіи, какъ Pater nostres, то вамъ ли бояться Русскихъ буквъ? Могу довести до свѣдѣнія Бергхауза, что даже Академія наша, которая, по

своимъ высшимъ соображеніямъ, смотрѣла на этотъ предметъ всѣхъ снисходительнѣе, даже Академія наша начала издавать свои труды на Русскомъ языкѣ, и я, такъ же какъ одинъ изъ старшихъ ея членовъ, смѣло могу надѣяться, что она скоро перестанетъ издавать на иностранныхъ языкахъ, ибо всякая Нѣмецкая или Французская книга, изданная въ Россіи, есть только десятитысячное прибавленіе къ каталогу современной Лейпцигской ярмарки, и ее такъ же трудно достать и прочесть Русскому студенту, гимназисту и семинаристу, всякому бѣдному ученому, какъ и книгу, напечатанную въ Берлинѣ или Парижѣ. Всякая такая книга не прибавляетъ ни на волосъ Русскаго образованія, которое составляетъ главную нашу цѣль, или прибавляетъ столько, какъ всякая иностранная книга. Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ книгъ издается много и безъ насъ, а Русскихъ-то мало, и вотъ на ихъ изданія всякое наше общество должно употреблять исключительно всѣ свои деньги, какъ бы ни было оно богато" [274]).

Въ то же время Географическое Общество снаряжало Экспедицію, начальникомъ которой оно предполагало назначить профессора Московскаго Университета Г. Е. Щуровскаго и съ этою цѣлію секретарь Общества В. А. Милютинъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Н. И. Надеждинъ сообщилъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ вашего превосходительства, а М. Н. Муравьевъ поручилъ мнѣ отвѣчать вамъ, именно благодарить васъ за расположеніе къ Обществу и вмѣстѣ увѣдомить, что для нашей экспедиціи было бы величайшимъ счастіемъ, еслибы Г. Е. Щуровскій согласился принять надъ нею начальство. На дняхъ вышлю вамъ подробный планъ экспедиціи, для сообщенія Щуровскому, но пока считаю долгомъ просить васъ обратить его вниманіе на слѣдующіе пункты: 1) Общество ни въ чемъ не стѣсняетъ и не хочетъ стѣснять начальника экспедиціи; напротивъ, указывая ему только мѣстность, въ которой онъ долженъ дѣйствовать, оно предоставляетъ ему полную волю во всемъ осталь-

номъ, не исключая даже выбора задачъ, на которыя экспедиція должна обратить преимущественное вниманіе; 2) Въ планѣ экспедиціи, который я пришлю, означены съ точностію тѣ матеріальныя средства, которыми Общество предполагаетъ снабдить начальника экспедиціи. Но это предположеніе не есть окончательное опредѣленіе; напротивъ, весьма бы было желательно, чтобы Щуровскій сообщилъ самъ откровенно (всего лучше черезъ васъ), чего именно онъ желаетъ. Вообще, я имѣю право думать, что въ этомъ отношеніи дѣло уладится весьма легко и безъ всякихъ споровъ. Щуровскій вѣроятно не станетъ требовать лишняго, а Общество не откажетъ ни въ чемъ, что окажется нужнымъ. 3) Выборъ остальныхъ членовъ экспедиціи будетъ предоставленъ, разумѣется, начальнику. Общество только укажетъ ему на тѣхъ лицъ, которыхъ оно имѣетъ въ виду и которые изъявили уже согласіе участвовать въ экспедиціи".

LXXII.

Въ 1853 году, за недѣлю до обычнаго торжества въ Московскомъ Университетѣ (въ Татьянинъ день), Шевыревъ далъ прочесть Погодину свою рѣчь *О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и поэзіи*. Погодинъ прочелъ эту рѣчь внимательно и сдѣлалъ оратору нѣсколько вѣскихъ замѣчаній, за которыя и получилъ благодарность. „Благодарю тебя, любезный другъ",—писалъ ему Шевыревъ,—„за всѣ замѣчанія. На нѣкоторыя я согласился и по нимъ исправилъ, но въ другихъ позволь принести оправданія. Не понимаю, отъ чего же семидесятилѣтнему бодрому старцу не прожить десяти лѣтъ? Къ тому же это слова Жуковскаго, взятыя изъ писемъ къ Гоголю, какъ видно будетъ изъ примѣчаній. *Вадимъ* съ *Громобоемъ* дѣйствительно изданы послѣ Французовъ, но въ новомъ изданіи обозначены годы ихъ до 1812-го. Должно думать, что Жуковскій писалъ ихъ прежде, а издалъ послѣ. Кирѣевскій мнѣ тоже замѣтилъ. Дмитріевъ представилъ стихо-

твореніе императрицѣ, это я знаю, его ввели дѣйствительно Уваровъ и Нелединскій — и главное, Уваровъ. Впрочемъ, я прибавлю имя Дмитріева. Отъ чего не нравится тебѣ выписка о женитьбѣ? За примѣчаніе о *всемірномъ* весьма благодаренъ. Я прибавилъ объясненіе. Тутъ, конечно, смыслъ не дѣйствительный, а страдательный—не вліяніе на весь міръ, а вліяніе отъ всего міра. Споръ классиковъ и романтиковъ не ограничивается Вяземскимъ и Дмитріевымъ. Странно бы было обижаться фактами, въ которыхъ я лицъ не разумѣю. Разборы игры Жоржъ означены буквою *Ж.* Каченовскому ихъ не написать. Въ одѣ—восторгъ души, преданной отечеству, Богу. У Жуковскаго душа, *обращенная сама на себя*, даетъ содержаніе поэзіи. Во всякомъ случаѣ, благодарю за замѣчаніе. Слова подчеркнутыя я прибавилъ для объясненія. О Мерзляковѣ и Крыловѣ негдѣ упоминать, да и не къ случаю. Первый имѣлъ связи литературныя, но въ духѣ мало общаго. Второй, народнымъ направленіемъ не могъ имѣть такого обширнаго вліянія, какъ Карамзинъ черезъ свою Исторію. О Паскевичѣ нѣтъ ни слова у *Пѣвца въ станѣ* и не могло быть. О Чернышовѣ велѣно было упомянуть. Я сличалъ строфу изъ *Пѣвца* съ извѣстною строфою Шиллера изъ пѣсни *Къ Радости* еще прежде твоего замѣчанія. Есть сходство въ трехъ стихахъ; остальное все принадлежитъ Жуковскому. Есть и значительная разница. Вмѣсто небо и адъ, поставилъ небо и земля. Благодарю. Что значитъ у Іоанны д'Аркъ—охъ? Это бы я не оставилъ. Въ какомъ смыслѣ? Не понялъ... Развѣ шутка найти языкъ для пѣсенъ, которымъ три тысячи лѣтъ? Заключеніе такъ ужъ вылилось. Оно богато стихами самого Жуковскаго. Лучшаго заключенія не могъ прибрать, какъ его же стихи. Въ болѣе свободное время и я, конечно, иначе устроилъ бы размѣщеніе и планъ. Матеріалу было много, а времени мало. Читалъ двѣ науки, а кромѣ того приготовилъ текстъ для трехъ сочиненій Гоголя къ изданію—и сверхъ того, написалъ эту рѣчь. То ли бы дѣло, какъ бы свободное время! Да увы! не дождешься

номъ, не исключая даже выбора задачъ, на которыя экспедиція должна обратить преимущественное вниманіе; 2) Въ планѣ экспедиціи, который я пришлю, означены съ точностію тѣ матеріальныя средства, которыми Общество предполагаетъ снабдить начальника экспедиціи. Но это предположеніе не есть окончательное опредѣленіе; напротивъ, весьма бы было желательно, чтобы Щуровскій сообщилъ самъ откровенно (всего лучше черезъ васъ), чего именно онъ желаетъ. Вообще, я имѣю право думать, что въ этомъ отношеніи дѣло уладится весьма легко и безъ всякихъ споровъ. Щуровскій вѣроятно не станетъ требовать лишняго, а Общество не откажетъ ни въ чемъ, что окажется нужнымъ. 3) Выборъ остальныхъ членовъ экспедиціи будетъ предоставленъ, разумѣется, начальнику. Общество только укажетъ ему на тѣхъ лицъ, которыхъ оно имѣетъ въ виду и которые изъявили уже согласіе участвовать въ экспедиціи".

LXXII.

Въ 1853 году, за недѣлю до обычнаго торжества въ Московскомъ Университетѣ (въ Татьянинъ день), Шевыревъ далъ прочесть Погодину свою рѣчь *О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и поэзіи*. Погодинъ прочелъ эту рѣчь внимательно и сдѣлалъ оратору нѣсколько вѣскихъ замѣчаній, за которыя и получилъ благодарность. „Благодарю тебя, любезный другъ",—писалъ ему Шевыревъ,—„за всѣ замѣчанія. На нѣкоторыя я согласился и по нимъ исправилъ, но въ другихъ позволь принести оправданія. Не понимаю, отъ чего же семидесятилѣтнему бодрому старцу не прожить десяти лѣтъ? Къ тому же это слова Жуковскаго, взятыя изъ писемъ къ Гоголю, какъ видно будетъ изъ примѣчаній. *Вадимъ* съ *Громобоемъ* дѣйствительно изданы послѣ Французовъ, но въ новомъ изданіи обозначены годы ихъ до 1812-го. Должно думать, что Жуковскій писалъ ихъ прежде, а издалъ послѣ. Кирѣевскій мнѣ тоже замѣтилъ. Дмитріевъ представилъ стихо-

твореніе императрицѣ, это я знаю, его ввели дѣйствительно Уваровъ и Нелединскій — и главное, Уваровъ. Впрочемъ, я прибавлю имя Дмитріева. Отъ чего не нравится тебѣ выписка о женитьбѣ? За примѣчаніе о *всемірномъ* весьма благодаренъ. Я прибавилъ объясненіе. Тутъ, конечно, смыслъ не дѣйствительный, а страдательный—не вліяніе на весь міръ, а вліяніе отъ всего міра. Споръ классиковъ и романтиковъ не ограничивается Вяземскимъ и Дмитріевымъ. Странно бы было обижаться фактами, въ которыхъ я лицъ не разумѣю. Разборы игры Жоржъ означены буквою *Ж.* Каченовскому ихъ не написать. Въ одѣ—восторгъ души, преданной отечеству, Богу. У Жуковскаго душа, *обращенная сама на себя*, даетъ содержаніе поэзіи. Во всякомъ случаѣ, благодарю за замѣчаніе. Слова подчеркнутыя я прибавилъ для объясненія. О Мерзляковѣ и Крыловѣ негдѣ упоминать, да и не къ случаю. Первый имѣлъ связи литературныя, но въ духѣ мало общаго. Второй, народнымъ направленіемъ не могъ имѣть такого обширнаго вліянія, какъ Карамзинъ черезъ свою Исторію. О Паскевичѣ нѣтъ ни слова у *Пѣвца въ станѣ* и не могло быть. О Чернышовѣ велѣно было упомянуть. Я сличалъ строфу изъ *Пѣвца* съ извѣстною строфою Шиллера изъ пѣсни *Къ Радости* еще прежде твоего замѣчанія. Есть сходство въ трехъ стихахъ; остальное все принадлежитъ Жуковскому. Есть и значительная разница. Вмѣсто небо и адъ, поставилъ небо и земля. Благодарю. Что значитъ у Іоанны д'Аркъ—охъ? Это бы я не оставилъ. Въ какомъ смыслѣ? Не понялъ... Развѣ шутка найти языкъ для пѣсенъ, которымъ три тысячи лѣтъ? Заключеніе такъ ужъ вылилось. Оно богато стихами самого Жуковскаго. Лучшаго заключенія не могъ прибрать, какъ его же стихи. Въ болѣе свободное время и я, конечно, иначе устроилъ бы размѣщеніе и планъ. Матеріалу было много, а времени мало. Читалъ двѣ науки, а кромѣ того приготовилъ текстъ для трехъ сочиненій Гоголя къ изданію—и сверхъ того, написалъ эту рѣчь. То ли бы дѣло, какъ бы свободное время! Да увы! не дождешься

его для трудовъ выдержанныхъ и до конца отработанныхъ. Мы, профессоры, въ безпрерывной упряжи, какъ водовозныя клячи, у правительства, которыхъ на старости лѣтъ того и гляди пенсіи лишатъ. Благодарю тебя и за то, что возвратилъ съ такою лихою скоростію. Честь и слава твоей дѣятельности! Да, объ Западѣ, да вѣдь что бури были глупы, это ужъ и западники говорятъ. Впрочемъ, еслибы по-прежде, можно было бы измѣнить. Теперь о напечатаніи въ *Москвитянинѣ*. Въ газетахъ ни одна рѣчь никогда не печаталась, даже и рѣчь Грановскаго. Мнѣ же не благоволитъ редакторъ. Да и рѣчь такая десятилистовая слишкомъ громоздка для газетъ. Впрочемъ, я скажу о томъ начальству (въ случаѣ), что уступилъ ее тебѣ"....

Въ заключеніе письма, Шевыревъ обращается къ домашнему очагу Погодина и пишетъ: „Дай Богъ, чтобъ всѣ твои больные хорошо оправлялись. Нужно только беречь отъ простуды— и выдержать строгій шестинедѣльный карантинъ. Для высыпанія кори очень хорошо давать по чайной ложечкѣ маковаго масла: тогда она скорѣе и лучше высыпаетъ. Это извѣстное и признанное медиками средство. Хорошо также ставить подъ ложечкой пластырь грудной. Онъ предохраняетъ отъ кашля" [275]).

По обычаю, въ Татьянинъ день 1853 года, въ Московскомъ Университетѣ происходило торжественное собраніе. Божественную литургію соборнѣ совершалъ преосвященный Филоѳей, викарій Московской Митрополіи, въ присутствіи начальника Москвы графа А. А. Закревскаго. По совершеніи молебствія, присутствовавшіе отправились въ залу торжественныхъ собраній. Актъ открытъ былъ пѣніемъ: *Спаси, Господи, люди Твоя*. За тѣмъ, С. П. Шевыревъ произнесъ рѣчь *О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и поэзіи*.

Послѣ Шевырева долженъ былъ произнести рѣчь на Латинскомъ языкѣ профессоръ Частной Патологіи, Терапіи и Психіатріи, Николай Силичъ Топоровъ, *De insania ejusque natura* [276]); но эта рѣчь, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „не была читана, за недостаткомъ времени. Предметъ ея довольно печаленъ,—и мы рады были не нарушать впечатлѣнія [277])".

Ректоръ Университета поднесъ медали графу А. А. Закревскому, который собственноручно передалъ ихъ удостоившимся сихъ наградъ студентамъ. Музыка народнаго гимна *Боже Царя Храни* завершила торжество.

За тѣмъ, Попечитель пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ сосѣдственную залу, гдѣ былъ приготовленъ роскошный обѣдъ, болѣе нежели на триста кувертовъ. Графъ А. А. Закревскій, не могшій принять участіе въ обѣдѣ, оставилъ Университетъ не прежде, какъ провозгласилъ тостъ за здравіе государя императора, государя наслѣдника и всего августѣйшаго дома. За тѣмъ, произнесены были тосты за здоровье посѣтителей, попечителя, ректора и всѣхъ членовъ Университета [278]).

Прочитавъ еще до акта рѣчь Шевырева, Погодинъ подъ 5 марта 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ рѣчь Шевырева. Нѣтъ, онъ падаетъ, а не возвышается".

Но иное впечатлѣніе произвела на Погодина эта рѣчь, когда онъ прослушалъ ее съ каѳедры, при торжественной обстановкѣ. „Нельзя было слушать безъ умиленія",—писалъ онъ,—„священныя воспоминанія о заслугахъ Жуковскаго въ стѣнахъ Московскаго Университета, гдѣ онъ началъ свое литературное поприще, гдѣ нашелъ первыхъ друзей и совѣтниковъ, гдѣ издавалъ журналъ, куда, какъ въ законное судилище, и въ послѣднее время являлся съ своими новыми опытами.... Честь, слава и благодарность почившему поэту за все добро, чистое и прекрасное, которое принесъ онъ Отечеству".

По поводу обѣда, бывшаго въ тотъ день, Погодинъ замѣтилъ, что „при гимнѣ, пѣтомъ въ началѣ обѣда, кстати было бы вспомнить, что слова *Боже Царя Храни* принадлежатъ Жуковскому" и что, при „описаніи тостовъ, пропущенъ тостъ за здоровье оратора, которому по преимуществу принадлежала слава дня. Московскій Университетъ, съ самаго своего основанія, по мысли Ломоносова, былъ первымъ въ Россіи учителемъ, хранителемъ и распространителемъ Рус-

скаго слова, и мы желаемъ отъ души, чтобы онъ и впредь имѣлъ такихъ достойныхъ представителей, какъ имѣетъ теперь въ лицѣ профессора Шевырева, преемника Поповскаго, ученика Ломоносова, Барсова, Чеботарева, Сохацкаго, Мерзлякова, Давыдова").

Въ *Дневникѣ* же своемъ, Погодинъ, подъ 12 января 1853 года, отмѣтилъ: „Въ Университетѣ слушалъ рѣчь о Жуковскомъ. А имѣетъ Московскій Университетъ въ себѣ нѣчто высокое. Обѣдъ. Предложилъ Назимову тостъ за Шевырева, но надо было сказать маленькую рѣчь".

Пользуясь случаемъ, Погодинъ съ прискорбіемъ замѣтилъ о картинкахъ, которыми украшена статья о Жуковскомъ, въ *Живописномъ Сборникѣ*. „Издатель",—писалъ Погодинъ,—„вздумалъ представить дома въ Дюсельдорфѣ, Франкфуртѣ и Баденѣ, гдѣ жилъ Жуковскій. Помилуйте! Мы желаемъ изгладить воспоминанія объ этомъ несчастномъ времени, когда знаменитый пѣвецъ нашъ, уступая печальной необходимости, долженъ былъ жить внѣ Отечества, а вы намъ суете на глаза эти изображенія! На что намъ ихъ? Представьте намъ лучше домъ, гдѣ родился Жуковскій, въ Бѣлевѣ;—комнату, гдѣ учился онъ, въ Москвѣ;—кабинетъ, гдѣ приготовлялся онъ къ своимъ великимъ урокамъ въ Петербургѣ. А Баденъ, Франкфуртъ и Дюссельдорфъ...... пускай красуются въ Нѣмецкихъ альманахахъ, или хоть въ Англійскихъ кипсекахъ, а намъ они ненадобны!"

Шевыревъ остался очень доволенъ печатнымъ отзывомъ Погодина объ его рѣчи, и писалъ ему: „Благодарю тебя, любезный другъ, за то, что ты сказалъ объ рѣчи моей и обо мнѣ въ *Москвитянинѣ*; благодарю и за возвращеніе чести, отнятой у меня *Московскими Вѣдомостями*, чести тоста, въ первый разъ предложеннаго, за оратора. Вчера получилъ письмо отъ И. И. Давыдова, прелюбезное, въ которомъ онъ меня поздравляетъ со званіемъ ординарнаго академика".

„Ваши строки объ актѣ Московскаго Университета",—писалъ Погодину Коссовичъ,—„именно же о Шевыревѣ,

своею правдивостью и теплотою сладостно шевельнули у меня сердце".

Между тѣмъ, Н. С. Тихонравовъ сообщалъ Погодину: „Въ *Современникѣ*, рѣчь С. П. Шевырева хвалятъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* вся рецензія состоитъ изъ придирокъ къ словамъ. Между прочимъ, критикъ говоритъ, что въ моемъ спискѣ пропущена піэса *Къ моей лирѣ*; я отыскалъ ее въ старомъ журналѣ, но подъ ней подпись В. Жуковъ, а не Жуковскій. Кто правъ?"

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1853 года, Никитенко напечаталъ статью о Жуковскомъ... Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 8 января 1853 года, авторъ записалъ: „Меня встрѣтилъ Плетневъ съ изъявленіями благодарности за мою статью. Вы попали въ самую суть дѣла,—сказалъ онъ мнѣ,—и превосходно опредѣлили Жуковскаго со всѣхъ сторонъ. Особенно хорошо опредѣлены у васъ отношенія его къ обществу. Я самъ старался вездѣ показывать, что дѣятельность писателя есть гражданская заслуга". Но иначе писалъ Погодину В. И. Панаевъ: „За біографію Жуковскаго, по недосугамъ, еще не принимался; но увѣренъ, что это будетъ лучше всего того, что писано о немъ въ послѣднее время: Плетневъ извѣстный литературный дипломатъ, а Никитенко чуть ли не сумасбродъ; оба пишутъ всегда не по убѣжденію, а, такъ сказать, по должности".

Предъ университетскимъ актомъ В. Н. Лешковъ обѣдалъ у Погодина, „и разсказывалъ ему о гадостяхъ университетскаго управленія". Все это конечно раздражало Шевырева. Желая хоть сколько-нибудь успокоить своего друга, Погодинъ писалъ ему: „Вчера я нашелъ тебя въ спокойномъ, пріятномъ, любезномъ,—нормальномъ расположеніи духа, и счелъ обязанностію сказать тебѣ нѣсколько словъ о твоихъ дѣйствіяхъ, словъ, для тебя, по моему мнѣнію, нужныхъ и полезныхъ. Вслѣдствіе безчисленныхъ и трудныхъ занятій, ты бываешь часто напряженъ, и тогда сознаніе твое помрачается: слова льются почти безъ вѣдома и значеніе ихъ, вѣсъ, для

тебя не существуетъ. Ты увлекаешься и забываешься. Вотъ тогда-то и случается тебѣ говорить и дѣлать такія вещи, которыя производятъ къ тебѣ ненависть не только у людей нерасположенныхъ, но и расположенныхъ. Слѣдовательно, ты не долженъ пускать отъ себя ни строки о чемъ бы то ни было настоящемъ, современномъ, не посовѣтовавшись съ кѣмъ бы то ни было. Разумѣется, о Виргиліѣ, Дантѣ, Гете ты можешь говорить всегда, что хочешь. Ты человѣкъ семьи, кабинета, литературы, науки, но дѣлопроизводство, обращеніе служебное, для тебя темный лѣсъ. Вотъ что я тебѣ твердилъ часто, и если бъ ты меня слушалъ, то, повторяю, былъ бы гораздо здоровѣе, спокойнѣе, славнѣе и пріятнѣе для всѣхъ. На всѣ встрѣчи и случаи ни приготовить, ни приготовиться, нельзя, это правда; но все-таки можно избѣгать по крайней мѣрѣ многихъ, въ числѣ которыхъ несчастное деканство было и есть. Кромѣ страшнаго зла, оно не принесло тебѣ ничего. Всего не напишешь, а на досугѣ, пріѣзжай побесѣдовать: предметъ, стоющій вниманія и труда. Я все слушаю, на все смотрю, — и по своему положенію, находясь на перекресткѣ многихъ дорогъ, могу сказать что нибудь къ свѣдѣнію и даже на пользу. Если бъ я не любилъ тебя, то что заставило бы меня — написать даже эту записку".

Самъ Шевыревъ сознавалъ это и, 16 іюля 1853 года, писалъ Погодину: „Теперь сижу за университетскимъ юбилеемъ. Принялся за Мерзлякова. Но и тутъ отвлеченъ былъ смертью Окулова, дня на три. Надобно было и для нихъ писать письма и пр. Ты не повѣришь, сколько ко мнѣ безпрерывныхъ приставаній и докукъ отовсюду".

Между тѣмъ, была снаряжена коммиссія для приготовленія къ торжеству вѣковаго юбилея Московскаго Университета. Въ составъ этой коммиссіи вошли: С. П. Шевыревъ, С. И. Баршевъ, Ѳ. Л. Морошкинъ, Т. Н. Грановскій и С. М. Соловьевъ. На Шевырева было возложено писаніе Исторіи Университета.

Въ это-то время Погодинъ писалъ къ Шевыреву: „Прими ты мой совѣтъ и откажись на нынѣшній академическій годъ отъ исполненія должности деканской, по причинѣ занятій юбилейныхъ. Иначе ты себя уходишь: нельзя поспѣть вездѣ. Во всякомъ случаѣ, избѣгай поводовъ къ спорамъ“.

Съ своей же стороны Шевыревъ писалъ Погодину: „А кто же напишетъ твою біографію? Мы должны будемъ ограничиться послужнымъ спискомъ—и объявить, что ты отказался отъ сообщенія болѣе подробныхъ свѣдѣній. Ты самъ говоришь, что у насъ никогда нейдетъ дѣло общее, и самъ же первый противишься ему въ дѣлѣ Университета. Бѣда право! Сколько препятствій! Ниоткуда помощи, а только противорѣчія и отказы. Одни скромничаютъ слишкомъ, другіе слишкомъ себя захваливаютъ“.

Въ другомъ письмѣ Шевырева читаемъ: „Да уговори Кубарева написать что-нибудь о себѣ. Что онъ смиренствуетъ и кобенится“.

5 сентября 1853 года, И. Д. Бѣляевъ писалъ Погодину: „Сообщаю вамъ новость: въ Совѣтъ университетскій, какъ говорятъ, пришла бумага, что государь запретилъ всѣ юбилеи, кромѣ столѣтнихъ“ [279]).

Не смотря на это, въ 1853 году, два учебныя заведенія отпраздновали свои юбилеи не *столѣтніе*. Это—Ярославскій Демидовскій Лицей и Педагогическій Институтъ, въ С.-Петербургѣ.

16 іюля 1853 г., Шевыревъ писалъ Погодину: „Я ѣздилъ въ Ярославль, по желанію В. И. Назимова, на праздникъ Ярославскаго Лицея, который праздновалъ свое пятидесятилѣтіе. На актѣ сказалъ я рѣчь. Мнѣ пріятно было видѣть дѣйствіе, ею произведенное на жителей Ярославля. Отовсюду привѣтствія, благодарности, похвалы, поздравленія. Рѣчь напечатана въ газетахъ. Съѣздивши, надо же было и описать праздникъ. Все это вмѣстѣ отняло у меня три недѣли. Съ іюнемъ квитъ. Только съ 30-го іюня могъ засѣсть и приняться за работу“ [280]).

вратится оттуда, такъ плохо его здоровье“ [284]). Предположенія А. Ѳ. Бычкова, къ сожалѣнію, оправдались. „Въ 1853 году“,—пишетъ С. М. Соловьевъ,—„раннею весною я поѣхалъ въ Петербургъ, въ первый разъ для сбора матеріаловъ въ Публичной Библіотекѣ; я былъ оченъ доволенъ, особенно напавши на Тверскую лѣтопись. По пріѣздѣ, сдѣлалъ визитъ министру Просвѣщенія; швейцаръ сказалъ: Князь у насъ очень боленъ, никого не принимаетъ. Чрезъ нѣсколько дней я узналъ о кончинѣ князя Ширинскаго“ [285]).

Но еще до кончины своей и въ предчувствіи оной, благочестивый князь Платонъ Александровичъ, желая облегчить государя въ многотрудномъ выборѣ лица, могущаго замѣстить высокій постъ министра Народнаго Просвѣщенія, ровно за мѣсяцъ до своей христіанской кончины, обратился къ государю съ слѣдующею просьбою: „Для успѣшнѣйшаго пользованія моего, врачи изъявили настоятельное желаніе, чтобы я отложилъ всякое занятіе дѣлами и освободился отъ сопряженныхъ съ тѣмъ заботъ, могущихъ имѣть неблагопріятное вліяніе на мое выздоровленіе. Въ слѣдствіе, сего осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшее соизволеніе вашего императорскаго величества на увольненіе меня, на время болѣзни, отъ управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и на возложеніе этой обязанности на товарища моего сенатора Норова“.

Имя Авраама Сергіевича Норова, какъ пролившаго свою кровь на Бородинѣ, и какъ благочестиваго и ученаго паломника по Святымъ Мѣстамъ Востока, было любезно всей Россіи.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ скончался въ С.-Петербургѣ, 5 мая 1853 года.

А. В. Никитенко почтилъ его память воспоминаніемъ, въ которомъ личность министра представляется въ болѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ обыкновенно представлялся этотъ благочестивый, добрый, честный и благородный человѣкъ. „Кончина его“,—свидѣтельствуетъ Никитенко,—„была тиха и спокойна, безъ всякихъ признаковъ агоніи. Князь Шихматовъ

былъ добръ по природѣ и по убѣжденію христіанина, справедливъ, простъ, доступенъ... Надо сказать правду",—продолжаетъ Никитенко,—„что на его долю выпало управлять Министерствомъ въ тяжелое время... Министерство оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архицензурнымъ комитетомъ 2 апрѣля и между комитетомъ графа Блудова, разсматривавшимъ постановленія Министерства. Подъ Министерство подкапывались со всѣхъ сторонъ. Оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственаго управленія. Князь Ширинскій хотѣлъ честно и добросовѣстно выполнить свою тяжелую миссію. Вездѣ было видно, съ его стороны, благородное усиліе защищать дѣло Просвѣщенія и отклонить слишкомъ рѣзкія преобразовательныя мѣры... Онъ изнемогъ въ этой борьбѣ и, можно съ достовѣрностію сказать, что она сократила срокъ его жизни. Болѣзнь и смерть его были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Нельзя оставить безъ вниманія и другихъ скорбей его незавидной доли... А сколько и какъ кидали въ него грязью, и въ обществѣ, и въ кругу ученыхъ! Между тѣмъ, никто не подозрѣвалъ, какъ это было тяжело ему. Вотъ уже два министра Народнаго Просвѣщенія сдѣлались жертвою бури—онъ и Уваровъ"... Правъ Ростовцевъ, который, сказалъ Никитенкѣ: „Ни одинъ человѣкъ, глубоко и основательно мыслящій, не согласится теперь принять на себя званіе министра Народнаго Просвѣщенія. Для этого надо имѣть колоссальную силу, какой у насъ никто не имѣетъ".

8 мая 1853 г., происходили похороны князя Ширинскаго. Его отвезли въ Сергіеву Пустынь. Никитенко проводилъ его до Московской заставы. Изъ первоклассныхъ сановниковъ былъ Блудовъ [286]).

„Пожалѣемъ".—писалъ Погодину С. Д. Нечаевъ,—„о добромъ и благоговѣйномъ человѣкѣ—князѣ Шихматовѣ".

Вскорѣ по кончинѣ князя Ширинскаго, Погодинъ напуганъ былъ слухомъ, что преемникомъ почившаго будетъ графъ С. Г. Строгановъ [287]).

Но вскорѣ Погодинъ былъ успокоенъ письмомъ А. Ѳ. Быч-
, который писалъ ему: „Литература наша спитъ и ум-
нная производительность до такой степени ничтожна и
вѣтна, что со стороны, пожалуй, подумаютъ, что мы по-
ѣли. Слухи носятся, что Норовъ будетъ утвержденъ ми-
ромъ“... [288]).

Слухи эти оправдались.

Послѣ кончины князя Ширинскаго, С. М. Соловьевъ, пе-
 отъѣздомъ своимъ въ Москву, отправился съ визитомъ
его преемнику Норову, „отъ котораго“,—свидѣтельствуетъ
ъ историкъ,—„пахнуло на меня сейчасъ же сильною от-
лью. Норовъ поразилъ меня своею противоположностію
йному министру. Прекрасное симпатичное лицо съ груст-
ъ оттѣнкомъ, добродушная привѣтливость, отсутствіе всего
рменнаго и департаментскаго,—вотъ черты, которыя прі-
 поражали въ Норовѣ. Но съ первыхъ же словъ поразило
 въ немъ и неумѣнье избѣжать крайностей, характеризую-
 всѣхъ нашихъ господъ, на верху стоящихъ, и въ Норовѣ,
мягкости его натуры, виднѣе болѣе, чѣмъ въ комъ либо.

— А, чай, какъ вы насъ, Сергѣй Михайловичъ, ругаете,
ете?—Обратился вдругъ ко мнѣ Абрамъ Сергѣевичъ.

- За что, ваше превосходительство?—спросилъ я съ
леніемъ.

— Да за цензуру-то! Но вѣдь вы не знаете, съ какими
ятствіями мы должны и проч.“

ъ день Пасхи 1854 года, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ
ржденъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, и 10-го
ѣля И. И. Давыдовъ съ восторгомъ писалъ Погодину:
брѣйшій и благороднѣйшій Авраамъ Сергѣевичъ высо-
е утвержденъ министромъ“. Въ другомъ письмѣ И. И.
довъ, отъ 22 мая, писалъ: „Какъ чада Авраамли, мы
ны радоваться: Богъ и Господь послалъ намъ началь-
 по душѣ и по сердцу. Отъ него можемъ ожидать всего
зного и прекраснаго... Прощайте! Да будетъ надъ вами
дать Святаго Духа!“

Къ дальнѣйшему теченію дѣятельности А. С. Норова И. И. Давыдовъ продолжалъ относиться восторженно. „Дѣла по нашему вѣдомству“,—писалъ онъ Погодину,—„идутъ прекрасно. Верховный начальникъ нашъ—рыцарь чести, благородства, справедливости. Въ немъ даровалъ намъ государь, и просвѣщеннаго руководителя, и добрѣйшаго защитника“ [289]).

LXXIV.

Предшественникъ умершаго министра Народнаго Просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, въ послѣдніе годы своей жизни, т.-е. съ 1853 года, уже не возвращался въ Петербургъ, и отдыхалъ въ Москвѣ и Порѣчьѣ „отъ трудовъ жизни, посвященной одной любимой мысли—о правильномъ развитіи отечественнаго образованія“. Не смотря на удручающіе его тѣлесные недуги, графъ Уваровъ обладалъ полными умственными силами. Подъ 12 мая 1853 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у Уварова. Послѣ обѣда слушалъ разсказы, превосходныя разсужденія. Это умный человѣкъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ“.

Въ Москвѣ Уваровъ зажилъ хлѣбосольнымъ вельможею, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ *Дневникъ* Погодина:

Подъ *12 января 1853 года*: „Обѣдъ у Уварова. Непріятные слухи объ немъ.

— *20* — — —: „Обѣдъ по приглашенію у Уварова, которому совѣстно, но не хочется признаться.

— *26* — — —: „Обѣдалъ у Уварова, который все строитъ штуки.

— *27 февраля* — —: „Вечеръ у Уварова и игралъ въ карты. Гудовичъ о Павлѣ и Петрѣ III-мъ.

— *1 марта* — —: „Обѣдать къ Уварову, котораго тщеславіе доходитъ до сумасшествія. Послѣ обѣда уснулъ тамъ.

— 7 — —: „Вечеръ у Уварова.

— *5 мая* —: „Вечеромъ въ Типографію и къ Уварову.

— 7 — —: „Вечеръ у Уварова.

— *15* — —: „Обѣдъ у Уварова и остальной вечеръ у него“.

Между тѣмъ, наступало 26 марта 1853 года—день пятидесятилѣтія службы графа С. С. Уварова. „Скромно,—какъ писали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—Уваровъ встрѣтилъ этотъ день и о приближеніи его онъ не сообщалъ никому“. Но *Дневникъ* Погодина гласитъ иное. Тамъ, подъ 17 марта того года, записано: „Изъ Типографіи къ Уварову, который не устаетъ своимъ пятидесятилѣтіемъ. Жалокъ“.

За три дня до 26-го марта 1853 года, князь Платонъ Александровичъ Ширинскій, лежавшій на смертномъ одрѣ, дрожащею рукою подписалъ слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ: „Вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ представилъ мнѣ составленный непремѣннымъ секретаремъ, сообразно желанію членовъ Академіи, проектъ поздравительнаго письма, который Академія Наукъ предполагаетъ поднести президенту своему, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Уварову, по случаю имѣющаго совершиться 26-го сего мѣсяца пятидесятилѣтія его службы. Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить этотъ адресъ на предварительное благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества“.

На этомъ докладѣ государь начерталъ: *Можно.*

Вотъ въ какихъ словахъ благодарилъ графъ С. С. Уваровъ членовъ Академіи, чрезъ ея вице-президента князя С. И. Давидова: „Съ душевною благодарностью получилъ я новое изъявленіе чувствъ Академіи, въ день моего юбилея. Если въ продолжительную мою службу не было мнѣ дано вполнѣ олицетворить всѣ мысли, коими одушевлялись мои усилія въ пользу и честь Академіи, — то могу, по крайней мѣрѣ, нынѣ сознать, что древнѣйшее ученое учрежденіе въ

ратуры, они составляли литературный кружокъ, носившій шуточное названіе *Арзамасъ*. Будущій историкъ Русской Литературы оцѣнитъ значеніе этого замѣчательнаго кружка, въ которомъ даровитые молодые люди, мѣшая шутку съ дѣломъ, плодотворно развивались и готовились къ различнымъ поприщамъ общественнаго служенія. Карамзинъ дорожилъ мнѣніемъ этихъ умовъ, кипѣвшихъ юною жизнію, но тѣмъ не менѣе взыскательныхъ и строгихъ. Послѣдніе томы своего великаго труда, исторіографъ читалъ въ *Арзамасѣ*, и внимательно прислушивался къ замѣчаніямъ и совѣтамъ своихъ цѣнителей. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе томы *Исторіи Государства Россійскаго*, отличающіеся такою зрѣлостію, такимъ совершенствомъ выраженія, лучшее изъ всего, что вышло изъ подъ пера Карамзина, вѣроятно были не даромъ представляемы на судъ этой Академіи, какъ самъ Карамзинъ называлъ въ шутку этотъ кружокъ. Жуковскій былъ въ первый разъ представленъ къ Двору Уваровымъ. Въ одномъ еще неизвѣстномъ публикѣ письмѣ, поэтъ описываетъ свои впечатлѣнія при этомъ достопамятномъ событіи своей жизни. Онъ имѣлъ тогда счастіе быть представленнымъ нынѣ благополучно царствующему государю императору и блаженной памяти императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и великому князю Михаилу Павловичу. Можно не безъ основанія полагать, что эти минуты рѣшили судьбу Жуковскаго и что ими положено было начало высокому призванію, ожидавшему его впослѣдствіи. Теперь, когда для Жуковскаго настало потомство, графъ Уваровъ возымѣлъ благородную мысль почтить умолкшаго поэта памятникомъ. Памятникъ, по мысли самого соорудителя, исполняется въ Москвѣ, подъ руководствомъ А. П. Брюлова, многими художниками, въ числѣ которыхъ можемъ назвать Кампіони".

Это сообщеніе Катковъ заключаетъ „приношеніемъ благодарности и достойной хвалы соорудителю памятника, который и въ уединеніи своего досуга, in otio, умѣетъ дѣйствовать для славы Русскаго Просвѣщенія" [293]).

Для совѣщанія о предстоящемъ открытіи памятника, графъ

Россіи получило, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, отъ щедротъ и отъ особаго покровительства августѣйшаго монарха новое значеніе и полную жизнь свою. Остается мнѣ выразить чистосердечное мое желаніе, чтобы Академія Наукъ, всегда вѣрная своему назначенію, продолжала стремиться всѣми силами къ высокой цѣли ея назначенія, въ полномъ убѣжденіи, что я издалека продолжаю принимать живѣйшее участіе во всѣхъ трудахъ ея, клонящихся къ славѣ государя императора и къ пользамъ любезнаго Отечества. Благоволите передать Академіи, вмѣстѣ съ выраженіемъ моей благодарности, и выраженія теплыхъ моихъ молитвъ объ ея благосостояніи и дальнѣйшихъ успѣхахъ на поприщѣ отечественнаго Просвѣщенія" [290]).

Волненіе, произведенное этимъ торжествомъ отразилось дурно на здоровьѣ юбиляра, и Шевыревъ писалъ Погодину: „Съ графомъ С. С. Уваровымъ было дурно. Сильный бредъ— и даже на-яву. Докторъ испугался удара и вызвалъ по телеграфу сына и дочь. Я сегодня былъ у него—-но онъ спалъ— и ночь провелъ хорошо" [291]).

Лѣто и часть осени 1853 года, графъ С. С. Уваровъ, по обычаю, провелъ въ своемъ Порѣчьѣ.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 17 марта 1853 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую лаконическую запись: „Къ Уварову, который не устаетъ съ своимъ Жуковскимъ". Комментаріемъ къ этому лаконизму можетъ служить то, что Уваровъ, въ „воспоминаніе счастливыхъ лѣтъ юности",—по свидѣтельству Плетнева,—„и дружескихъ связей съ лучшими нашими писателями", пожелалъ украсить свое сельское мѣстопребываніе въ Порѣчьѣ памятникомъ Жуковскому [292]).

Объ этомъ благородномъ намѣреніи, редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковымъ было доведено до всеобщаго свѣдѣнія: „Графъ С. С. Уваровъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному поэту. Еще въ молодости, вмѣстѣ съ многими другими лицами, которыхъ имена принадлежатъ уже Исторіи нашего Государства или нашей Лите-

ратуры, они составляли литературный кружокъ, носившій шуточное названіе *Арзамасъ*. Будущій историкъ Русской Литературы оцѣнитъ значеніе этого замѣчательнаго кружка, въ которомъ даровитые молодые люди, мѣшая шутку съ дѣломъ, плодотворно развивались и готовились къ различнымъ поприщамъ общественнаго служенія. Карамзинъ дорожилъ мнѣніемъ этихъ умовъ, кипѣвшихъ юною жизнію, но тѣмъ не менѣе взыскательныхъ и строгихъ. Послѣдніе томы своего великаго труда, исторіографъ читалъ въ *Арзамасѣ*, и внимательно прислушивался къ замѣчаніямъ и совѣтамъ своихъ цѣнителей. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе томы *Исторіи Государства Россійскаго*, отличающіеся такою зрѣлостію, такимъ совершенствомъ выраженія, лучшее изъ всего, что вышло изъ подъ пера Карамзина, вѣроятно были не даромъ представляемы на судъ этой Академіи, какъ самъ Карамзинъ называлъ въ шутку этотъ кружокъ. Жуковскій былъ въ первый разъ представленъ къ Двору Уваровымъ. Въ одномъ еще неизвѣстномъ публикѣ письмѣ, поэтъ описываетъ свои впечатлѣнія при этомъ достопамятномъ событіи своей жизни. Онъ имѣлъ тогда счастіе быть представленнымъ нынѣ благополучно царствующему государю императору и блаженной памяти императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и великому князю Михаилу Павловичу. Можно не безъ основанія полагать, что эти минуты рѣшили судьбу Жуковскаго и что ими положено было начало высокому призванію, ожидавшему его впослѣдствіи. Теперь, когда для Жуковскаго настало потомство, графъ Уваровъ возымѣлъ благородную мысль почтить умолкшаго поэта памятникомъ. Памятникъ, по мысли самого соорудителя, исполняется въ Москвѣ, подъ руководствомъ А. П. Брюлова, многими художниками, въ числѣ которыхъ можемъ назвать Кампіони“.

Это сообщеніе Катковъ заключаетъ „приношеніемъ благодарности и достойной хвалы соорудителю памятника, который и въ уединеніи своего досуга, in otio, умѣетъ дѣйствовать для славы Русскаго Просвѣщенія“ [293]).

Для совѣщанія о предстоящемъ открытіи памятника, графъ

С. С. Уваровъ просилъ Шевырева пріѣхать въ Порѣчье. Путешествующему въ то время по чужимъ странамъ Погодину, Шевыревъ писалъ: „Графъ Уваровъ зоветъ въ Порѣчье, сначала для совѣщанія объ открытіи памятника Жуковскому, потомъ для самаго открытія и рѣчи. Да вѣдь ужъ я рѣчь сказалъ въ своемъ мѣстѣ: что же говорить еще? — Потомъ передъ кѣмъ говорить? Не передъ городничимъ же Можайскимъ? Ты уѣхалъ. Давыдовъ не ѣдетъ. Грудевъ развѣ будетъ. А бѣднаго М. А. Окулова, который бывало спалъ за нашими лекціями, не стало. Некому и зѣвнуть будетъ за моею рѣчью, чтобы напомнить о суетѣ славы и всѣхъ нашихъ рѣчей. Останутся только нѣмецъ-докторъ да французъ секретарь. Говори передъ ними рѣчь! Поѣхалъ бы такъ къ Сергію Семеновичу, навѣстить его, но право не знаю, откуда брать времени? Вѣдь надобно же работать для юбилея. Къ тому же боюсь оставлять жену и дѣтей. Въ Москвѣ не безъ холеры. Въ прошломъ году разорилъ лѣто поѣздкою и зимою здоровье было плохое. Мы живемъ въ Сокольникахъ, слава Богу, прекрасно. Каждый день по два раза купаюсь въ Яузѣ. Цѣлый день работаю. Только и здѣсь мѣшаютъ просители".

Но въ то лѣто гостями Порѣчья были не одинъ Можайскій городничій, да нѣмецъ-докторъ и французъ-секретарь; въ то лѣто Порѣчье посѣтилъ и И. И. Давыдовъ. Противорѣчія, встрѣченныя имъ въ Порѣчьѣ, произвели непріятное впечатлѣніе на нашего мыслителя, и онъ писалъ Погодину: „У графа С. С. Уварова я былъ лѣтомъ, по прежнему, осыпанный ласками. Но грустно было видѣть, какъ угасаетъ этотъ Прометеевъ огонь. Еще грустнѣе было, какъ молодой графъ окружаетъ волками и собаками вмѣстилище великихъ умовъ и геніевъ—замокъ отцовскій. Для меня нѣтъ ничего несноснѣе, какъ логическое противорѣчіе. Какъ согласить, напримѣръ, псовую охоту съ учеными путешествіями и открытіемъ могилы князя Пожарскаго"?

Въ октябрѣ, графъ С. С. Уваровъ переѣхалъ въ Москву, и 9-го числа Шевыревъ писалъ Погодину, который только

что возвратился изъ путешествія: „Уваровъ обыкновенно по пріѣздѣ своемъ всегда присылалъ ко мнѣ человѣка увѣдомить, что онъ пріѣхалъ. Я случайно узналъ отъ его племянника, что онъ пріѣхалъ. Видно сердится. Я потому и не спѣшилъ, а теперь слышу, что сѣтуетъ, и поѣду... Вотъ еще какой тузъ у насъ былъ студентомъ—Сперанскій".

Съ своей стороны, Погодинъ началъ обычныя посѣщенія хлѣбосольнаго дома вельможи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ лаконическихъ записей его *Дневника*:

Подъ *24 октября 1853*: „Обѣдъ и вечеръ у Уварова.

— *7 ноября* — „Обѣдъ у Уварова.

— *13* — — „Во снѣ видѣлъ приготовленную въ Порѣчьѣ двуспальную кровать, и былъ радъ.

23 — — „Обѣдалъ у Уварова и провелъ тамъ вечеръ.

11 декабря — „Обѣдъ у Уварова. Вечеромъ вистъ съ Гудовичемъ и проч. Проигралъ, но отыгрался.

— *26* — — „Обѣдалъ у Уварова и игралъ въ вистъ".

Въ то же время, графиня А. Д. Блудова писала Погодину, изъ Петербурга: „Что-то вы дѣлаете? Видите-ли часто графа Сергія Семеновича? Я отъ него на дняхъ получила премилое письмо" [294]).

LXXV.

„Умственная жизнь тогдашней Москвы", — повѣствуетъ П. И. Бартеневъ, — „по малому числу ея представителей, подвергалась преслѣдованію безъ всякаго разбора. Н. Ф. Павлова сослали именно потому, что онъ былъ писателемъ и отличался независимымъ образомъ мыслей. И это въ самомъ началѣ наступавшей Крымской войны"!

Къ сожалѣнію, достовѣрныя свидѣтельства не подтверждаютъ этого положенія; изъ нихъ мы узнаемъ, что не званіе писателя и не „независимый образъ мыслей" были причиною несчастія, постигшаго Н. Ф. Павлова. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 12 января 1853 года, мы читаемъ:

С. С. Уваровъ просилъ Шевырева пріѣхать въ Порѣчье. Путешествующему въ то время по чужимъ странамъ Погодину, Шевыревъ писалъ: „Графъ Уваровъ зоветъ въ Порѣчье, сначала для совѣщанія объ открытіи памятника Жуковскому, потомъ для самаго открытія и рѣчи. Да вѣдь ужъ я рѣчь сказалъ въ своемъ мѣстѣ: что же говорить еще? — Потомъ передъ кѣмъ говорить? Не передъ городничимъ же Можайскимъ? Ты уѣхалъ. Давыдовъ не ѣдетъ. Грудевъ развѣ будетъ. А бѣднаго М. А. Окулова, который бывало спалъ за нашими лекціями, не стало. Некому и зѣвнуть будетъ за моею рѣчью, чтобы напомнить о суетѣ славы и всѣхъ нашихъ рѣчей. Останутся только нѣмецъ-докторъ да французъ-секретарь. Говори передъ ними рѣчь! Поѣхалъ бы такъ къ Сергію Семеновичу, навѣстить его, но право не знаю, откуда брать времени? Вѣдь надобно же работать для юбилея. Къ тому же боюсь оставлять жену и дѣтей. Въ Москвѣ не безъ холеры. Въ прошломъ году разорилъ лѣто поѣздкою и зимою здоровье было плохое. Мы живемъ въ Сокольникахъ, слава Богу, прекрасно. Каждый день по два раза купаюсь въ Яузѣ. Цѣлый день работаю. Только и здѣсь мѣшаютъ просители".

Но въ то лѣто гостями Порѣчья были не одинъ Можайскій городничій, да нѣмецъ-докторъ и французъ-секретарь; въ то лѣто Порѣчье посѣтилъ и И. И. Давыдовъ. Противорѣчія, встрѣченныя имъ въ Порѣчьѣ, произвели непріятное впечатлѣніе на нашего мыслителя, и онъ писалъ Погодину: „У графа С. С. Уварова я былъ лѣтомъ, по прежнему, осыпанный ласками. Но грустно было видѣть, какъ угасаетъ этотъ Прометеевъ огонь. Еще грустнѣе было, какъ молодой графъ окружаетъ волками и собаками вмѣстилище великихъ умовъ и геніевъ—замокъ отцовскій. Для меня нѣтъ ничего несноснѣе, какъ логическое противорѣчіе. Какъ согласить, напримѣръ, псовую охоту съ учеными путешествіями и открытіемъ могилы князя Пожарскаго"?

Въ октябрѣ, графъ С. С. Уваровъ переѣхалъ въ Москву, и 9-го числа Шевыревъ писалъ Погодину, который только

что возвратился изъ путешествія: „Уваровъ обыкновенно по пріѣздѣ своемъ всегда присылалъ ко мнѣ человѣка увѣдомить, что онъ пріѣхалъ. Я случайно узналъ отъ его племянника, что онъ пріѣхалъ. Видно сердится. Я потому и не спѣшилъ, а теперь слышу, что сѣтуетъ, и поѣду... Вотъ еще какой тузъ у насъ былъ студентомъ—Сперанскій".

Съ своей стороны, Погодинъ началъ обычныя посѣщенія хлѣбосольнаго дома вельможи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ лаконическихъ записей его *Дневника*:

Подъ *24 октября 1853*: „Обѣдъ и вечеръ у Уварова.

— *7 ноября* — „Обѣдъ у Уварова.

— *13* — — „Во снѣ видѣлъ приготовленную въ Порѣчьѣ двуспальную кровать, и былъ радъ.

23 — — „Обѣдалъ у Уварова и провелъ тамъ вечеръ.

11 декабря — „Обѣдъ у Уварова. Вечеромъ вистъ съ Гудовичемъ и проч. Проигралъ, но отыгрался.

— *26* — — „Обѣдалъ у Уварова и игралъ въ вистъ".

Въ то же время, графиня А. Д. Блудова писала Погодину, изъ Петербурга: „Что-то вы дѣлаете? Видите-ли часто графа Сергія Семеновича? Я отъ него на дняхъ получила премилое письмо" [294]).

LXXV.

„Умственная жизнь тогдашней Москвы", — повѣствуетъ П. И. Бартеневъ,—„по малому числу ея представителей, подвергалась преслѣдованію безъ всякаго разбора. Н. Ф. Павлова сослали именно потому, что онъ былъ писателемъ и отличался независимымъ образомъ мыслей. И это въ самомъ началѣ наступавшей Крымской войны"!

Къ сожалѣнію, достовѣрныя свидѣтельства не подтверждаютъ этого положенія; изъ нихъ мы узнаемъ, что не званіе писателя и не „независимый образъ мыслей" были причиною несчастія, постигшаго Н. Ф. Павлова. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 12 января 1853 года, мы читаемъ:

С. С. Уваровъ просилъ Шевырева пріѣхать въ Порѣчье. Путешествующему въ то время по чужимъ странамъ Погодину, Шевыревъ писалъ: „Графъ Уваровъ зоветъ въ Порѣчье, сначала для совѣщанія объ открытіи памятника Жуковскому, потомъ для самаго открытія и рѣчи. Да вѣдь ужъ я рѣчь сказалъ въ своемъ мѣстѣ: что же говорить еще? — Потомъ передъ кѣмъ говорить? Не передъ городничимъ же Можайскимъ? Ты уѣхалъ. Давыдовъ не ѣдетъ. Грудевъ развѣ будетъ. А бѣднаго М. А. Окулова, который бывало спалъ за нашими лекціями, не стало. Некому и зѣвнуть будетъ за моею рѣчью, чтобы напомнить о суетѣ славы и всѣхъ нашихъ рѣчей. Останутся только нѣмецъ-докторъ да французъ-секретарь. Говори передъ ними рѣчь! Поѣхалъ бы такъ къ Сергію Семеновичу, навѣстить его, но право не знаю, откуда брать времени? Вѣдь надобно же работать для юбилея. Къ тому же боюсь оставлять жену и дѣтей. Въ Москвѣ не безъ холеры. Въ прошломъ году разорилъ лѣто поѣздкою и зимою здоровье было плохое. Мы живемъ въ Сокольникахъ, слава Богу, прекрасно. Каждый день по два раза купаюсь въ Яузѣ. Цѣлый день работаю. Только и здѣсь мѣшаютъ просители“.

Но въ то лѣто гостями Порѣчья были не одинъ Можайскій городничій, да нѣмецъ-докторъ и французъ-секретарь; въ то лѣто Порѣчье посѣтилъ и И. И. Давыдовъ. Противорѣчія, встрѣченныя имъ въ Порѣчьѣ, произвели непріятное впечатлѣніе на нашего мыслителя, и онъ писалъ Погодину: „У графа С. С. Уварова я былъ лѣтомъ, по прежнему, осыпанный ласками. Но грустно было видѣть, какъ угасаетъ этотъ Прометеевъ огонь. Еще грустнѣе было, какъ молодой графъ окружаетъ волками и собаками вмѣстилище великихъ умовъ и геніевъ—замокъ отцовскій. Для меня нѣтъ ничего несноснѣе, какъ логическое противорѣчіе. Какъ согласить, напримѣръ, псовую охоту съ учеными путешествіями и открытіемъ могилы князя Пожарскаго“?

Въ октябрѣ, графъ С. С. Уваровъ переѣхалъ въ Москву, и 9-го числа Шевыревъ писалъ Погодину, который только

что возвратился изъ путешествія: „Уваровъ обыкновенно по пріѣздѣ своемъ всегда присылалъ ко мнѣ человѣка увѣдомить, что онъ пріѣхалъ. Я случайно узналъ отъ его племянника, что онъ пріѣхалъ. Видно сердится. Я потому и не спѣшилъ, а теперь слышу, что сѣтуетъ, и поѣду... Вотъ еще какой тузъ у насъ былъ студентомъ—Сперанскій".

Съ своей стороны, Погодинъ началъ обычныя посѣщенія хлѣбосольнаго дома вельможи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ лаконическихъ записей его *Дневника*:

Подъ *24 октября 1853*: „Обѣдъ и вечеръ у Уварова.

— *7 ноября* — „Обѣдъ у Уварова.

— *13* — — „Во снѣ видѣлъ приготовленную въ Порѣчьѣ двуспальную кровать, и былъ радъ.

23 — — „Обѣдалъ у Уварова и провелъ тамъ вечеръ.

11 декабря — „Обѣдъ у Уварова. Вечеромъ вистъ съ Гудовичемъ и проч. Проигралъ, но отыгрался.

— *26* — — „Обѣдалъ у Уварова и игралъ въ вистъ".

Въ то же время, графиня А. Д. Блудова писала Погодину, изъ Петербурга: „Что-то вы дѣлаете? Видите-ли часто графа Сергія Семеновича? Я отъ него на дняхъ получила премилое письмо" [294]).

LXXV.

„Умственная жизнь тогдашней Москвы", — повѣствуетъ П. И. Бартеневъ,—„по малому числу ея представителей, подвергалась преслѣдованію безъ всякаго разбора. Н. Ф. Павлова сослали именно потому, что онъ былъ писателемъ и отличался независимымъ образомъ мыслей. И это въ самомъ началѣ наступавшей Крымской войны"!

Къ сожалѣнію, достовѣрныя свидѣтельства не подтверждаютъ этого положенія; изъ нихъ мы узнаемъ, что не званіе писателя и не „независимый образъ мыслей" были причиною несчастія, постигшаго Н. Ф. Павлова. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 12 января 1853 года, мы читаемъ:

„Павловъ посаженъ за карты. Повадился кувшинъ по воду ходить"... Не противорѣчатъ этому показанію Погодина и письма друзей несчастнаго, изъ коихъ выясняются обстоятельства его ссылки. А. В. Веневитиновъ прямо писалъ Павлову: ...„Ты вѣдь не политическій какой-нибудь преступникъ, а страдаешь вслѣдствіе семейной на тебя жалобы и вслѣдствіе увлеченій, которымъ столь губительно тебя предала твоя страсть къ игрѣ. Въ этомъ ты сознаешься". Не менѣе ясно писалъ Павлову и А. И. Кошелевъ: „Конечно, по дѣлу вы правы; но по жизни вообще, по легкости, съ которою вы смотрѣли на ходъ вещей, по увлеченію, съ которымъ вы предавались картамъ и пр. — вы не правы. Необходимо было васъ осадить и усадить. Съ этой точки ваше нынѣшнее несчастье есть залогъ будущаго счастія, и вы должны не роптать на судьбу, но видѣть въ этомъ перстъ Провидѣнія, васъ еще милующаго" [295]). По поводу этого письма, Павловъ, уже будучи въ Перми, писалъ Шевыреву: „Кошелевъ въ письмѣ своемъ спрашиваетъ у меня, есть ли Евангеліе, а то пришлетъ. Не только Евангеліе, но и вся Библія со мной; но вопросъ показался мнѣ страненъ. Что бъ сказалъ онъ, если бъ я въ то время, какъ онъ былъ въ отчаянномъ положеніи, когда проходилъ на сквозь ночь, подошелъ къ зеркалу посмотрѣть, не посѣдѣлъ ли, когда не зналъ, ему ли принадлежитъ рубашка на его тѣлѣ,—что еслибъ я утромъ предложилъ ему вопросъ: есть ли у него Псалтырь? Какъ великія святыя истины, не глубоко прочувствованныя и не ясно понятыя, ведутъ иногда къ смѣшнымъ и жестокимъ вопросамъ! Я его просилъ не заботиться о моей душѣ: Hab' selber Seele genug" [296]).

Да и самъ П. И. Бартеневъ пишетъ: „Сколько намъ извѣстно, тесть Павлова, К. И. Янишъ, пожаловался графу А. А. Закревскому на то, что Павловъ разоряетъ его имѣніе" [297]).

Вскорѣ послѣ этой жалобы, печальная кончина постигла виновника ссылки Павлова. „Ты, думаю, слышалъ, — пи-

залъ послѣдній Шевыреву, — что тесть мой умеръ холерой въ Петербургѣ. Странная судьба постигла его: наканунѣ похоронъ, теща моя, которая такъ любила мужа, и дочь его, испуганныя, уѣхали въ Дерптъ, а прахъ его отданъ на произволъ трактирнаго слуги, который заѣхалъ съ нимъ не въ ту церковь и только въ 12 часовъ ночи, черезъ инженеръ-генералъ-лейтенанта Ѳедора Ивановича Рерберга, родственника моей жены, помѣстили его въ церковь; на другой день явились туда родные, ждали вдовы и дочери, но не дождались" [298]).

Узнавъ объ этомъ печальномъ происшествіи, Шевыревъ писалъ Погодину: „Ты, вѣрно еще въ Петербургѣ слышалъ о смерти скоропостижной отъ холеры старика Яниша. Подробности о его погребеніи и пр. ужасны. Дочь его какое-то нравственно-уродливое существо. Отъ отца она получила все—и по смерти его вела себя ужасно".

Сидя въ Москвѣ, въ заточеніи, предъ ссылкою въ Пермь, Павловъ писалъ Шевыреву: „Я изнемогаю и тѣломъ и душой... Меня приводитъ въ ужасъ это отсутствіе всякаго человѣческаго чувства въ моемъ семействѣ. И сынъ мой понимаетъ... Еслибъ тесть могъ сдѣлать, чтобъ меня сослали въ каторжную работу, то былъ бы очень радъ. Теперь слѣдствіе окончено, и я слышу, что поговариваютъ, что здѣсь не мѣсто содержаться. Выбираютъ части. Это мой конецъ... Неужели Хомяковъ не писалъ обо мнѣ Блудовой? Неужели Веневитиновъ не можетъ, чрезъ Вьельгорскаго, выхлопотать письмо отъ Марьи Николаевны? Неужели Чертковъ не можетъ попросить Ермолова? Я правды добьюсь, да до тѣхъ поръ меня уморятъ. Нѣтъ, господа, еслибъ кто изъ васъ попалъ подъ такое гоненье, я бы поднялъ всѣхъ святыхъ на ноги"... Здѣсь же, въ заключеніи, Павловъ изливалъ свою душу стихами:

Что домовъ, что колоколенъ
Въ безпорядочной Москвѣ!
Вижу, коршунъ вьется воленъ
Въ лучезарной синевѣ.

Утро зимнее прелестно!
Слышу благовѣстъ церквей,
Отъ чего же сердцу тѣсно
У окна тюрьмы моей?....

Но за тьмою этихъ зданій,
Этихъ улицъ безъ конца,
Есть предметъ моихъ страданій —
Сынъ далекій отъ отца.....

Между тѣмъ, 24 января 1853 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Мнѣ очень грустно. Дѣло Павлова, кажется, идетъ нехорошо. Открываются новыя обвиненія. Вся надежда на графа А. А Закревскаго. Но не знаю, черезъ кого просить его? Видно, что страсть ослѣпила Павлова и онъ себя запуталъ. Что ты придумаешь, скажи. Сегодня увижу Черткова и Лужина, въ засѣданіи Художественнаго Совѣта и буду ихъ просить, чтобы они замолвили у графа слово. А завтра приглашенъ я на балъ къ графу. Поѣду затѣмъ только, чтобы что нибудь сдѣлать, т.-е., сказать въ пользу заключеннаго, хотя сердце не расположено къ веселію".

При обыскѣ, въ бумагахъ Павлова, нашлись старыя къ нему письма Погодина, вслѣдствіе сего Ѳ. П. Корниловъ, 23 января 1853 года, писалъ ему: „Графъ А. А. Закревскій поручилъ мнѣ просить ваше превосходительство пожаловать завтра, 24 января, въ Канцелярію его сіятельства, для объясненія по одному касающемуся васъ обстоятельству".

Болѣе ясное объясненіе причины этого приглашенія въ Канцелярію генералъ-губернатора, мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина, подъ *24 января 1853 г.:* „Въ Канцелярію. Преглупая записка моя къ Павлову, которой я самъ удивлялся. Не могъ понять, какъ я написалъ ее, но дома объяснилось все: это былъ отвѣтъ на его записку во время холеры, а слухъ, переданный мною о графѣ Закревскомъ, относился къ пророчествамъ того времени, лишь только онъ пріѣхалъ въ Москву.—Написалъ объясненіе тамъ, а другую у себя. Графъ очень любезенъ и прислалъ мнѣ прежнія для исправленія

по вновь открывшимся обстоятельствамъ. Думалъ по поводу этихъ пустяковъ: не сжечь ли мнѣ *Дневникъ* и письма, а то чортъ знаетъ изъ какихъ пустяковъ понадобится иногда объясненіе, а въ продолженіе сорока лѣтъ чего не найдешь. Жалко а сожгу,—и это будетъ вина правительства, которое не умѣетъ разбирать людей. Исторія, Исторія! Такъ зачѣмъ же я теперь пишу это! Привычка".

Въ тотъ же день, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Ѳ. П. Корнилова: „Я читалъ графу, какъ объясненіе вашего превосходительства, такъ и доставленныя мнѣ сейчасъ отъ васъ письмо и записку. Графъ поручилъ мнѣ возвратить вамъ все, что вамъ угодно было передать мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ вы потрудились дополнить объясненіе вновь открывшимися обстоятельствами и лично доставить ему это завтра, въ 10½ часовъ утра".

Исполняя это приказаніе, Погодинъ на другой же день отправился въ Канцелярію генералъ-губернатора. Объ этомъ вторичномъ посѣщеніи, въ *Дневникѣ* его, подъ 25 января 1853 года, читаемъ: „Переписалъ записку. Къ графу Закревскому. Я сказалъ ему тѣ слова, которыя и онъ мнѣ приготовилъ, т.-е., мы спѣлись, но я не знаю, выразумѣлъ ли онъ мою модификацію. Думалъ было поговорить съ нимъ о наукѣ и литературѣ, но поговорилось какъ-то вскользь, стоя, что для историка неприлично. Не умѣетъ онъ разбирать людей, принадлежащихъ къ нашему сословію. Впрочемъ, онъ былъ очень любезенъ, и я ему благодаренъ. Совѣтовалъ продолжать журналъ. Заѣзжалъ къ Шевыреву, потолковать о Павловѣ. Чортъ его знаетъ, не накутилъ ли онъ слишкомъ. Жаль, что ни у него, ни у нея не смягчается сердце".

Покончивъ объясненія съ графомъ Закревскимъ, Погодинъ былъ напуганъ извѣстіемъ Шевырева, что „будутъ осматривать бумаги у знакомыхъ Павлова". Находясь, вслѣдствіе этого извѣстія въ тревожномъ расположеніи духа, Погодинъ, подъ 26 января 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Думалъ о мѣрахъ этого рода. Правительство должно при-

бѣгать къ нимъ въ крайнихъ мѣрахъ случаяхъ: мало ли что у кого можетъ найтися, и какая нибудь бездѣлица, въ родѣ вчерашней, можетъ причинить безпокойство порядочнымъ людямъ, а за что!"

Послѣ всего этого Павловъ выразилъ желаніе видѣть Погодина, который, посѣтивъ заключеннаго, подъ 2 февраля 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бурлитъ, а дѣла его не такъ плохи".

Съ своей стороны, Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „Убѣжденія многихъ такъ ко мнѣ благосклонны, что когда бѣднаго Павлова схватили, велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно ли себѣ представить что нибудь смѣшнѣе этого, а это фактъ" [299]).

LXXVI.

31 марта 1853 года, Шевыревъ сообщалъ Погодину: „Павлова сегодня отправляютъ въ ночь, неизвѣстно куда— сказали ему только въ одинъ изъ губернскихъ городовъ, на житье. Слухи же ходили о Тобольскѣ или Томскѣ. Я былъ у него утромъ. Сегодня къ нему допускаютъ всѣхъ желающихъ его видѣть и проститься съ нимъ. Я сказалъ ему о твоей болѣзни. Сегодня, съ 7-ми часовъ вечера, я буду у него. Будь же здоровъ—и не работай ужъ слишкомъ много".

Съ разрѣшенія начальства, отправленіе Павлова было отложено. 3 апрѣля 1853 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Павлову позволено было провести еще сутки въ Москвѣ. Зная, что ты боленъ, я не увѣдомлялъ тебя. Позволено было проститься съ нимъ всѣмъ его знакомымъ, безъ особыхъ разрѣшеній. Куда его повезли — никто изъ насъ до сихъ поръ не знаетъ. Это осталось тайною для всѣхъ—и гг. адъютанты графа Закревскаго отвѣчали на всѣ наши вопросы, что они сами не знаютъ. Сказали только, что онъ ѣдетъ на житье въ одинъ изъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи, разстояніемъ отъ Москвы верстъ съ восемьсотъ. Павловъ, по

словамъ своего доктора Гульковскаго, былъ увѣренъ, что его везутъ въ Вятку. Я было хотѣлъ проводить его до Канцеляріи генералъ-губернатора, чтобы тамъ узнать о мѣстѣ жительства, ему опредѣленномъ, но мнѣ не разрѣшили этого адъютанты. Павловъ былъ весьма бодръ духомъ—и бодростію оживлялъ мать, сына своего, который много передъ прощаньемъ плакалъ, и всѣхъ насъ. Повезли его вечеромъ, въ 10-мъ часу, 1-го апрѣля, въ среду. Онъ обѣщалъ писать съ дороги къ сыну. Ему сказали, что это позволено".

Вскорѣ тайна открылась, и 11 апрѣля 1853 года, Шевыревъ извѣщалъ Погодина: „Павловъ сосланъ въ Пермь—это вѣрно"; а 24-го апрѣля, самъ заточникъ писалъ изъ Перми: „Я только что вчера пріѣхалъ; труденъ и горекъ былъ мой путь. Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣтилъ я, увязшій въ грязи, окруженный Чувашами... Я оторванъ отъ всего, къ чему привыкъ, что̀ люблю"...

Въ то время губернаторомъ въ Перми былъ тайный совѣтникъ Илья Ивановичъ Огаревъ. „Со мною",—писалъ Павловъ Шевыреву, — „обходятся чрезвычайно хорошо. Губернаторъ славный старикъ. Я у него очень часто обѣдаю... Илья Ивановичъ помнитъ и твоего батюшку, и дядю и васъ всѣхъ. Тебѣ кланяется. Онъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что часто бываетъ у меня и сердится, когда я не обѣдаю у него. Онъ писалъ уже давно обо мнѣ графу Закревскому, который отвѣчалъ, что со всѣмъ желаніемъ сдѣлать ему угодное и быть мнѣ полезнымъ, не можетъ ходатайствовать, по недавнему времени" [300]).

„Дружба",—справедливо замѣчаетъ П. И. Бартеневъ,— „какъ извѣстно, познается всего лучше въ несчастіи, а свойство друзей обличается тѣмъ, какъ они относятся къ этому несчастію. Намъ кажется, что эта истина отлично подтверждена письмами къ сосланному въ Пермь Павлову: А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановскаго, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева и А. И. Кошелева.

„Такимъ образомъ, и Славянофилы, и Западники со-

бѣгать къ нимъ въ крайнихъ мѣрахъ случаяхъ: мало ли что у кого можетъ найтися, и какая нибудь бездѣлица, въ родѣ вчерашней, можетъ причинить безпокойство порядочнымъ людямъ, а за что!"

Послѣ всего этого Павловъ выразилъ желаніе видѣть Погодина, который, посѣтивъ заключеннаго, подъ 2 февраля 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бурлитъ, а дѣла его не такъ плохи".

Съ своей стороны, Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „Убѣжденія многихъ такъ ко мнѣ благосклонны, что когда бѣднаго Павлова схватили, велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно ли себѣ представить что нибудь смѣшнѣе этого, а это фактъ" [299]).

LXXVI.

31 марта 1853 года, Шевыревъ сообщалъ Погодину: „Павлова сегодня отправляютъ въ ночь, неизвѣстно куда— сказали ему только въ одинъ изъ губернскихъ городовъ, на житье. Слухи же ходили о Тобольскѣ или Томскѣ. Я былъ у него утромъ. Сегодня къ нему допускаютъ всѣхъ желающихъ его видѣть и проститься съ нимъ. Я сказалъ ему о твоей болѣзни. Сегодня, съ 7-ми часовъ вечера, я буду у него. Будь же здоровъ—и не работай ужъ слишкомъ много".

Съ разрѣшенія начальства, отправленіе Павлова было отложено. 3 апрѣля 1853 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Павлову позволено было провести еще сутки въ Москвѣ. Зная, что ты боленъ, я не увѣдомлялъ тебя. Позволено было проститься съ нимъ всѣмъ его знакомымъ, безъ особыхъ разрѣшеній. Куда его повезли — никто изъ насъ до сихъ поръ не знаетъ. Это осталось тайною для всѣхъ—и гг. адъютанты графа Закревскаго отвѣчали на всѣ наши вопросы, что они сами не знаютъ. Сказали только, что онъ ѣдетъ на житье въ одинъ изъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи, разстояніемъ отъ Москвы верстъ съ восемьсотъ. Павловъ, по

словамъ своего доктора Гульковскаго, былъ увѣренъ, что его везутъ въ Вятку. Я было хотѣлъ проводить его до Канцеляріи генералъ-губернатора, чтобы тамъ узнать о мѣстѣ жительства, ему опредѣленномъ, но мнѣ не разрѣшили этого адъютанты. Павловъ былъ весьма бодръ духомъ—и бодростію оживлялъ мать, сына своего, который много передъ прощаньемъ плакалъ, и всѣхъ насъ. Повезли его вечеромъ, въ 10-мъ часу, 1-го апрѣля, въ среду. Онъ обѣщалъ писать съ дороги къ сыну. Ему сказали, что это позволено".

Вскорѣ тайна открылась, и 11 апрѣля 1853 года, Шевыревъ извѣщалъ Погодина: „Павловъ сосланъ въ Пермь—это вѣрно"; а 24-го апрѣля, самъ заточникъ писалъ изъ Перми: „Я только что вчера пріѣхалъ; труденъ и горекъ былъ мой путь. Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣтилъ я, увязшій въ грязи, окруженный Чувашами... Я оторванъ отъ всего, къ чему привыкъ, что̀ люблю"...

Въ то время губернаторомъ въ Перми былъ тайный совѣтникъ Илья Ивановичъ Огаревъ. „Со мною",—писалъ Павловъ Шевыреву, — „обходятся чрезвычайно хорошо. Губернаторъ славный старикъ. Я у него очень часто обѣдаю... Илья Ивановичъ помнитъ и твоего батюшку, и дядю и васъ всѣхъ. Тебѣ кланяется. Онъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что часто бываетъ у меня и сердится, когда я не обѣдаю у него. Онъ писалъ уже давно обо мнѣ графу Закревскому, который отвѣчалъ, что со всѣмъ желаніемъ сдѣлать ему угодное и быть мнѣ полезнымъ, не можетъ ходатайствовать, по недавнему времени" [300]).

„Дружба",—справедливо замѣчаетъ П. И. Бартеневъ,— „какъ извѣстно, познается всего лучше въ несчастіи, а свойство друзей обличается тѣмъ, какъ они относятся къ этому несчастію. Намъ кажется, что эта истина отлично подтверждена письмами къ сосланному въ Пермь Павлову: А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановскаго, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева и А. И. Кошелева.

„Такимъ образомъ, и Славянофилы, и Западники со-

динились въ своемъ сочувствіи къ несчастному заточнику. Это дало поводъ Ф. Ф. Вигелю, въ своей сатирѣ *Москва и Петербургъ*, замѣтить: „Какъ чуждаются Славянофилы всѣхъ умныхъ Русскихъ, сохраняющихъ древній образъ мыслей на счетъ Россіи, съ какимъ омерзеніемъ смотрятъ на нихъ, тогда какъ дружатся съ свободномыслящими Русскими — Европейцами, безпрестанными хулами, преслѣдующими насъ бѣдныхъ Руссаковъ, какъ напримѣръ съ несчастнымъ Павловымъ" [301]).

Противъ мнѣнія Вигеля о Павловѣ, мы замѣтимъ, что въ ссылкѣ его особенно тревожило воспитаніе единственнаго сына его Ипполита. „Въ числѣ предметовъ ученія",—писалъ онъ Шевыреву,—„забыты два, конечно, ничтожные: Русскій языкъ и Законъ Божій съ Священною Исторіею! Ты подумаешь, что я шучу; нѣтъ, говорю истину... Но вѣдь за то какой-то г. Френкель будетъ обучать физикѣ съ *химіей* и *астрономіей*...... Вотъ, еслибы было извѣстно, какъ я желаю создать изъ своего сына Русскаго, то конечно ложное мнѣніе о моемъ вольнодумствѣ исчезло бы съ корнемъ".

Между тѣмъ, наступилъ день святаго пророка Іереміи (1-е мая),—день рожденія Хомякова. Павловъ, поминая этотъ день, въ своемъ заточеніи писалъ:

Этотъ день за то мы чтили,
И за то намъ дорогъ онъ,
Что тебя благословили
Златоустъ и Аполлонъ [302]).

Самъ же Хомяковъ писалъ ему: „Бѣдный мой Павловъ! на тебя много обрушилось сразу. Ненужно тебѣ говорить, какъ я тебѣ сочувствовалъ съ самаго начала и что я говорилъ и дѣлалъ все, что могъ сказать и сдѣлать. Видно, такъ уже устроено, что человѣку не прожить на землѣ безъ ударовъ по головѣ или оплеухъ по лицу, и тѣ, которые по-видимому счастливы во всемъ, уже получили, а другіе получатъ, а другіе уже получаютъ свои весьма болѣзненныя оплеухи. Такъ всѣмъ назначено. Хорошо, коли кто можетъ

сказать себѣ: „Получилъ, да не заслужилъ". Одно жаль, что никто объ себѣ этого сказать не можетъ. Поэтому остается еще одно хорошее сказать себѣ: „Получилъ не безъ заслуги, да не безъ пользы".

Письмо Грановскаго къ изгнаннику было самое грустное: „Я все болѣю и болѣю. Самому мнѣ писать почти невозможно, и я долженъ даже диктовать мои письма...... Мои дѣла въ самомъ гнусномъ положеніи. Едва ли они когда-нибудь были хуже. Ломаю голову и не нахожу выхода изъ сквернаго положенія. Денегъ нѣтъ: кто мнѣ долженъ, тѣ не платятъ, а съ самого всѣ требуютъ уплаты. Одно утѣшеніе—работа. Я диктую каждое утро и крѣпко занимаюсь своими лекціями" [303]).

За множествомъ занятій, Шевыревъ долго не писалъ Павлову и это его огорчало. „Что это значитъ?",—писалъ онъ Шевыреву (18 іюня 1853),—„до сихъ поръ я отъ тебя не получилъ ни одной строки, а писалъ къ тебѣ нѣсколько писемъ. Ко мнѣ всѣ писали и многіе пишутъ; одинъ ты ни слова. Это мнѣ очень грустно". Въ другомъ письмѣ (30 іюля), Павловъ писалъ: „Ты не можешь себѣ представить, какъ я былъ огорченъ твоимъ молчаніемъ. Ужъ не Иванъ ли Михайловичъ Снегиревъ сказалъ тебѣ, что ко мнѣ писать нельзя". Но вслѣдъ за симъ полученныя письма отъ Шевырева убѣдили Павлова въ неосновательности его предположенія. И Павловъ писалъ ему (27 авг.): „Я сейчасъ получилъ твое письмо. Оно меня очень обрадовало не буквою, а духомъ. Хорошій ты человѣкъ, Степанъ Петровичъ, и я горжусь тѣмъ, что, можетъ быть, знаю это лучше всѣхъ". По поводу же одного письма Шевырева, Павловъ писалъ ему (7 окт.): „Твое письмо, любезный другъ, Степанъ Петровичъ, другъ добрый и истинный, произвело на меня самое благодѣтельное дѣйствіе: на ту минуту, какъ я читалъ его, я помирился съ моимъ положеніемъ, и это положеніе не такъ было тяжело мнѣ, потому что, не будучи въ Перми, я не получилъ бы отъ тебя и такого письма".

Изнемогая въ ссылкѣ, Павловъ писалъ своему другу Шевыреву: „Неужели графу Закревскому не стало еще меня жаль, и неужели онъ до сихъ поръ не удостовѣрился, какимъ людямъ далъ вѣру?“

Слѣдуетъ съ удовольствіемъ замѣтить, что пріѣзжіе въ Пермь изъ Петербурга посѣщали изгнанника, что дѣлало честь ихъ сердцу. „Здѣсь былъ проѣздомъ“,—писалъ Павловъ Шевыреву,—„В. Н. Карамзинъ, остался одинъ день и тотчасъ отыскалъ меня“ (30 іюля). „Сюда пріѣхалъ князь Левъ Людвиговичъ Радзивилъ, генералъ въ свитѣ государя императора, по случаю набора. Онъ вчера цѣлое утро просидѣлъ у меня и вообще показалъ мнѣ чрезвычайно много вниманія... Ты, Шевыревъ, замѣчаешь во мнѣ Чадаевскую замашку? Но я, право, упоминаю объ этихъ обстоятельствахъ не изъ суетности или тщеславія, а единственно съ мыслію, что тебѣ будетъ пріятно знать, какъ хорошіе люди внимательны ко мнѣ. Князь Радзивилъ говорилъ здѣсь, между прочимъ, что не встрѣчалъ человѣка, у котораго было бъ столько горячихъ друзей, какъ у меня“ [304]).

Лучъ свѣта, наконецъ, озарилъ мрачную обитель заточника. „Вчера былъ порадованъ“,—писалъ Павлову Шевыревъ, — „вѣсточкою въ гостинной Свербеевыхъ. Ее передавала М. Д. Ховрина. Бакунины также меня этимъ порадовали. Слышалъ даже, что ангелъ доброты, наша императрица, изволила принять участіе въ судьбѣ твоей“.

По свидѣтельству П. И. Бартенева, Н. Ф. Павловъ получилъ позволеніе возвратиться въ Москву, по представленію Пермскаго губернатора Огарева и по ходатайству императрицы Александры Өеодоровны, которую, вѣроятно, просилъ тесть А. В. Веневитинова, графъ М. Ю. Вельегорскій. Онъ пробылъ въ ссылкѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ“ [305]).

Въ день св. апостола первомученика и архидіакона Стефана (27 декабря), Павловъ уже пировалъ у имянинника Шевырева, а Погодинъ, подъ этимъ числомъ, отмѣтилъ въ своемъ

...дневникъ: „Обѣдалъ у Шевырева, гдѣ увидѣлъ Павлова, Хомякова. Снегиревъ противный съ своими гадостями“.

На другой день, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Знаете ли вы, что Павловъ здѣсь? Я радъ, что окончилось ...го изгнаніе“. Иначе относился къ Павлову С. Т. Аксаковъ, ... 20 января 1854 года, онъ писалъ Погодину: „Зачѣмъ ...... Павлова всѣ по прежнему принимаютъ?“ [306]).

LXXVII.

Въ предъидущей главѣ мы представили печальную повѣсть о человѣкѣ, павшемъ жертвою пагубныхъ страстей. Перейдемъ теперь къ описанію событія, въ которомъ проявились *силы духа*.

„11-го марта 1853 года, въ половинѣ 10-го часа утра, съ каланчи Тверской части усмотрѣнъ сильный дымъ, выходящій изъ зданія Императорскаго Большого Московскаго Театра, почему тотчасъ же отправилась туда пожарная команда Тверской части, и былъ выкинутъ на каланчѣ сигналъ, для сбора пожарныхъ командъ всѣхъ частей города. По прибытіи на мѣсто, найдено, что Театръ горитъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности Театра, вылетало громадною массою въ окна и крышу онаго, и не смотря на всѣ усилія дѣйствій пожарныхъ командъ, прекратить огонь и даже ослабить его силу не было никакой возможности... Во время этого пожара, трое изъ мастеровыхъ Театра, выскочили въ окно верхняго этажа на крышу, изъ нихъ двое бросились на землю и убились объ мостовую до смерти, а третій, — Московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ, остался на крышѣ, готовясь къ смерти. Въ это время, крестьянинъ Государственныхъ Имуществъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимающійся кровельнымъ мастерствомъ и бывшій въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ, выйдя изъ толпы, вызвался спасти погибающаго и спасъ“.

стороны, преслѣдуемый пламенемъ, и бросился стремглавъ на землю. Онъ убился до смерти.

„Черезъ нѣсколько минутъ показался другой, въ нѣкоторомъ отдаленіи, бросился въ снѣгъ на крышѣ, чтобъ погасить на себѣ огонь, свалился внизъ, и въ ту же минуту испустилъ духъ.

„Ужасъ обнялъ сердца...

„Но вотъ, является третій, также съ восточной стороны, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пламени, которое было такъ сильно, что дѣйствіе его чувствовали предстоявшіе, а въ сосѣднемъ домѣ отъ жара трескались стекла. Погибель несчастнаго кажется неизбѣжною. Онъ спѣшитъ отъ огня по крыши къ карнизу, въ направленіи къ Малому Театру, вскарабкивается на карнизъ, двигается, держась за перила, ползкомъ перелезаетъ на крышу подъѣзда, чуть липясь...

„Вострепетали всѣ зрители, обнажились головы, послышались восклицанія: Господи, Іисусе Христе! Спаси его. Отецъ Милосердый, помоги ему! Тысячи крестятся и молятся...

„На узкомъ пространствѣ, предъ жестокимъ пламенемъ, которое, казалось, гналось за нимъ, поддуваемое вѣтромъ, въ волненіи духа, какъ можетъ удержаться несчастный? Куда ползетъ онъ? Гдѣ меньше для него опасности?

„Взобравшись на крышу подъѣзда, покрытую черною тучею, онъ скрылся изъ вида на нѣсколько минутъ... что̀ съ нимъ дѣлается?..

„Но вотъ, онъ показался опять на другой сторонѣ, пробравшись въ клубахъ дыма между статуями надъ входомъ и большимъ окномъ, изъ котораго вылетало пламя, и очутился на самомъ краю. Онъ крестится... медлитъ... начинаетъ креститься чаще, кланяется, какъ будто прося помощи, и дѣлаетъ движеніе, чтобъ броситься внизъ.

„Погоди, погоди! въ одинъ голосъ, какимъ-то невольнымъ, безотчетнымъ взрывомъ закричала толпа.

„Несчастный все крестится, ища въ этомъ святомъ знаменіи новой силы рѣшиться на вѣрную смерть...

„Но крики донеслись до него. Онъ опустился, поднялъ глаза къ верху... „Лѣстница, лѣстница!“ раздалося въ народѣ. Пожарные подвезли складную лѣстницу, самую высокую, какая была, приставили къ стѣнѣ...

„Она выдвигается, ростетъ передъ глазами зрителей, все выше и выше, все ближе къ несчастному, вотъ уже уровнялась почти съ капителями колоннъ... ахъ, она вдругъ остановилась... послѣднее колѣно ея вышло... больше нѣтъ, а до карниза до того мѣста, гдѣ находился несчастный, остается еще сажень пять.

„Нѣсколько пожарныхъ служителей, одинъ за другимъ, взбѣжало по лѣстницѣ до верха, но воротилось, убѣдясь, что сдѣлать ничего нельзя

„Онъ изъ-за карнизовъ не видитъ, что̀ для него дѣлается, и остается въ неизвѣстности.

„Между тѣмъ, огонь приближается къ нему. Ему становится жарко, не въ-терпежъ. Видно, какъ онъ жмется, трясется. Потерпи, потерпи! кричитъ опять народъ въ одинъ голосъ, махаетъ руками, какъ будто ожидая чуда, потому что кромѣ чуда, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и возможностямъ, никакого спасенія нигдѣ не было и быть уже не могло. Онъ слышитъ, и слабымъ движеніемъ руки указываетъ на приближающееся пламя. Потомъ опять онъ крестится, опять хочетъ броситься. Священники, разсѣянные въ толпѣ, всѣ поднимаютъ руки и благословляютъ его, принимая его внутреннюю исповѣдь, разрѣшая грѣшнику грѣхи его; народъ снимаетъ шапки; ни одной головы не осталось покрытой, всѣ крестятся; женщины, обливаясь слезами, кричатъ: Господи! да спаси же его; онъ измучился!

„И одинаково съ нимъ смѣло сказать можно, мучились и терзались всѣ предстоявшіе; всѣ, всѣ находились между жизнію и смертію, кои соприкасались, кажется, между собою, всѣ чувствовали это великое и страшное соединеніе или раздѣленіе.

„Кому-то пришло въ голову подставить войлокъ, и чело-

вѣкъ семьдесять бросились держать его. Несчастному веля[...] теперь спрыгнуть. Услышавъ крикъ, онъ приползаетъ къ са[...] мому краю крыши, къ тому мѣсту, куда проведенъ водосто[...] ный жолобъ, крестится... но вдругъ останавливается будто въ нерѣшимости.

„Видно спасеніе его было устроено иначе, замѣтилъ послѣ одинъ очевидецъ.

„Между тѣмъ, огонь съ правой, то-есть съ его стороны, почему-то утихъ, и ему стало сидѣть спокойнѣе.

„Приставили новую лѣстницу, къ прежней, и она достигла почти капители, но все еще оставалось два значительныхъ пространства...

„Въ это время на сторонѣ стояли два крестьянина, съ котомками на перекинутыхъ черезъ плеча палкахъ.

„А я бы спасъ его!—сказалъ одинъ изъ нихъ, молодой парень, лѣтъ двадцатипяти.

— Такъ вотъ тебѣ, — прерываютъ его купцы, стоящіе подлѣ; и вынимаютъ изъ кармана деньги...

„Авось Богъ поможетъ, попытаюсь".

„Съ этими словами онъ отдѣляется отъ толпы; всѣ уступаютъ ему дорогу; онъ подходитъ къ лѣстницѣ, спрашиваетъ позволенія, получаетъ его, скидаетъ тулупъ, сбрасываетъ шапку, засовываетъ за кушакъ конецъ веревки, и въ одной рубашкѣ поднимается съ твердостью и увѣренностью.

„Гулъ радости проносится по площади.

„Родимой, кормилецъ, голубчикъ, сердечной"! посыпались женскіе клики со всѣхъ сторонъ, раздалися новыя молитвы.

„Со ступени на ступень поднимаются всѣ взоры, прикованные къ лѣстницѣ. Онъ всходитъ, сопровождаемый молитвами, слезами, благословеніями. Сильнѣе и сильнѣе бьется сердце у зрителей, всѣ ихъ чувства съ нимъ, всѣ слились въ одинъ страхъ ожиданія, въ одну молитву о спасеніи... Пожара для нихъ не существуетъ болѣе.

„И вотъ, онъ сталъ на самой верхней ступени.

„Что сдѣлаетъ онъ теперь! Онъ осматривается и спра-

шиваетъ себѣ багоръ. Долго не понимаютъ его и подаютъ снизу другія вещи.

„Онъ слѣзаетъ,—новое смущеніе,—но онъ тотчасъ поднимается снова, послѣдуемый другимъ человѣкомъ съ багромъ,—новое ободреніе и надежда!

„Остановясь на послѣдней ступени, онъ уперся лѣвымъ колѣномъ въ верхнюю и не держась руками, началъ навивать веревку на конецъ багра, поданнаго его товарищемъ. Потомъ переступилъ онъ на послѣднюю ступень, схватился одною рукою за водосточный жолобъ, а другою поднялъ вверхъ поданный ему багоръ съ намотанной веревкой, — но конецъ его все-таки не достаетъ до крыши.

„Минуту оставался онъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать?

„И низлетѣло вдохновеніе!

„Смѣлой рукой покачалъ онъ жолобъ, охватилъ его обѣими руками, приподнялся, оплелъ его ногами, и медленно, съ трудомъ, началъ отдѣляться отъ лѣстницы, взбираясь вверхъ. Всего труднѣе и мудренѣе было для него, кажется, обогнуть капитель...

„Мертвое, страшное молчаніе воцаряется на площади. Двадцать тысячъ человѣкъ едва переводятъ дыханіе. Замерло сердце у всѣхъ...

„А тотъ, несчастный, на верху, все-таки не видитъ, что̀ приготовляется для его спасенія. По движеніямъ толпы онъ только угадываетъ, что дѣлается что-то, оборачивается по временамъ къ сторонѣ огня, становится на колѣни, молится...

„И вотъ, избавитель на самой верхней точкѣ возможности, опирается о капитель, поднимаетъ багоръ съ веревкою, — и несчастный увидѣлъ начало своего избавленія, услышалъ голосъ жизни.

„Къ человѣку, на краю гибели, пришелъ другой человѣкъ подать братскую руку помощи, презирая всѣ опасности! Священнѣйшая минута, которой ангелы на небеси радуются.

„Зачаливай, да покрѣпче, за что ни попало“,—закричалъ онъ несчастному.

„Съ судорожнымъ движеніемъ схватилъ тотъ веревку и побѣжалъ привязать ее за статуи на средину портала. Но привязать видно было тамъ не къ чему. Въ эту самую минуту съ страшнымъ громомъ внутри обрушился потолокъ. Онъ вздрогнулъ, пошатнулся... Вѣрно ему представилось, что для него все кончилось и онъ долженъ таки погибнуть.

„Избавитель уговариваетъ его. Наконецъ находитъ онъ какой-то крюкъ, за который прицѣпляетъ веревку, натягиваетъ ее, чтобъ увѣриться, можетъ ли она сдержать его, и держась за нее, подходитъ къ краю, гдѣ карнизъ фасада соединяется съ крышею портала.

„Нѣсколько минутъ стоитъ онъ на краю, и не рѣшается спускаться по веревкѣ... Мгновенное вѣдь ослабленіе въ рукѣ, одна неудачная хватка за веревку можетъ принесть ему смерть!

„Но вотъ, онъ наконецъ рѣшился, перекрестился... хочетъ сначала спускаться лицемъ къ зрителямъ, но потомъ повертывается, услышавъ совѣтъ, свѣшиваетъ ноги, хватается за веревку, и начинаетъ спускаться...

„И внезапно шумъ и крикъ умолкъ, сдерживается дыханіе, воцаряется такая тишина, что слышны слова, произносимыя вверху. Изрѣдка только шепчется молитва: Господи, Іисусе Христе! спаси, помоги! Двадцатъ тысячъ человѣкъ впилось глазами въ малѣйшее его движеніе, какъ будто боится потерять минуту его колебанія, и пропустить случай поддержать его.

„Спустясь сажени на двѣ, онъ остановился, повисъ, качаясь надъ толпой, и кажется руки его готовы были оборваться. Еще дѣлаетъ онъ слабое движеніе ногами, — но нѣтъ, онъ не можетъ поймать ими веревку... Нужно еще чудо второе, десятое, двадцатое, сотое...

„И чудеса всѣ совершаются...

„Доскажемъ умилительную повѣсть, оставляя многіе вопросы, кои до сихъ поръ объяснить и разобрать еще не можемъ.

„Избавитель, державшійся во все это время на трубѣ,

ймалъ веревку, концемъ касавшуюся земли, притянулъ къ
бѣ, и несчастный ухватился за жолобъ, а тотъ перелѣзъ
ежду тѣмъ на лѣстницу, и остановился на третьей ступени.
ще нѣсколько движеній по жолобу. Въ послѣдній разъ дро-
ули сердца, когда спасавшійся встрѣтилъ на своемъ пути
питель колонны: она помѣшала ему, и онъ, казалось, не-
ремѣнно долженъ былъ упасть... Нѣтъ, онъ не упалъ, онъ
асенъ, изъ пламени огненнаго, изъ челюстей смерти онъ
хваченъ цѣлый и невредимый, и поставленъ на верхнюю
тупень лѣстницы, предъ глазами двадцати тысячъ чело-
ѣкъ, — „да явятся дѣла Божія на немъ".

„Новый гулъ радости пронесся по площади. Вмѣстѣ схо-
или спасшіеся по лѣстницѣ, и достигли наконецъ земли.

„Первымъ движеніемъ Рускаго мужичка была молитва: онъ
ачалъ класть крестъ на лобъ, на плеча, на грудь и кла-
яться и, встряхивая волосами, какъ ни въ чемъ не бывалый.

„Восторга народнаго, говорятъ, описать нельзя.

„Толпа окружила избавителя и осыпала деньгами. Вѣрно
сѣ отдали бы ему все, что̀ у кого было, но его повели къ
радоначальнику съ донесеніемъ его. — „Куда вы ведете меня!
оворилъ онъ, пустите!... Что̀ я сдѣлалъ? Я ничего не сдѣ-
алъ. Мнѣ пора на чугунку. Пустите меня"! — Тебѣ дадутъ
енегъ. — „Не надо мнѣ денегъ. Пустите меня на чугунку".

Сдѣлавъ это описаніе, Погодинъ заключаетъ: „Бываютъ
есчастія въ жизни государствъ, бываютъ несчастія въ
изни обществъ и городовъ, случаются явленія нравствен-
аго упадка, которыя гораздо тяжелѣе и прискорбнѣе веще-
твенныхъ потерь... Театральный пожаръ нельзя назвать
есчастіемъ: Театръ, мѣсто удовольствій, сгорѣлъ — де-
ежный убытокъ, непріятный случай, — но это торжество
ароднаго духа, это возношеніе сердца у двадцати тысячъ
еловѣкъ на самую высокую точку святыхъ человѣческихъ
увствованій въ здѣшнемъ мірѣ, это великое священнодѣй-
твіе, совершавшееся въ ихъ душахъ, это живѣйшее участіе
ъ судьбѣ человѣка, какъ человѣка, когда всѣ, одинаково,

обрые и злые, хорошіе и дурные, горячіе и холодные, бо-атые и убогіе, знатные и простые, старые и молодые, обратились съ теплою молитвою къ Богу и составили одну церковь, всѣ поднялись на небо, всѣ стали „люди, малымъ чѣмъ отъ ангелъ умалени", наконецъ это чудо спасенія, въ очью для всѣхъ явленное, это чувство живѣйшей радости, всѣхъ равно обнявшее, о, это есть такое счастіе, такое наслажденіе, богатство, блаженство, сокровище, это есть такая благодать, которой счесть, взвѣсить, измѣрить, никакими милліонами нельзя, и которой дѣйствіе, вліяніе, въ роды родовъ бываетъ безконечно.

„Таковы Русскіе люди! Глубоко они иногда падаютъ, часто грязнутъ, по невѣденію или ослѣпленію, въ тинѣ разныхъ гадостей, представляютъ много печальнаго и прискорбнаго въ своей жизни, на разныхъ ступеняхъ ея, но всегда сохраняютъ въ своемъ сердцѣ, какъ мнѣ кажется, предпочтительно предъ всѣми Европейскими народами, эту божественную искру, способность подняться, исправиться, взлетѣть, воспарить... Вотъ что̀ должно утѣшать всякаго друга Отечества, при размышленіяхъ о Русской жизни, вотъ что̀ служитъ ключемъ къ объясненію многихъ происшествій нашей Исторіи, вотъ почему я счелъ обязанностію собрать всѣ подробности о случаѣ, который можетъ служить тому убѣдительнымъ доказательствомъ, гдѣ двадцать тысячъ Московскаго народонаселенія, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, взглядами, молитвами, движеніями, равно участвовали въ дѣйствіи,—и занести въ свою лѣтопись любезное имя Русскаго крестьянина Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, — который былъ ихъ средоточіемъ, совершивъ подвигъ необыкновенный и чудесный,—имя Василья Гаврилова Марина".

LXXVIII.

Къ величайшему нашему изумленію, статьѣ Погодина *Подвигъ Русскаго человѣка* довелось пройти всевозможныя мытарства и все-таки не попасть въ *Москвитянинъ*. Вотъ что, по этому поводу, мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина: Подъ *17 марта 1853 года:* „Къ Закревскому. Болѣнъ. Прочелъ Корнилову... *Прекрасная статья, но печатать нельзя безъ разрѣшенія...* Пріѣзжаетъ Ржевскій отъ Закревскаго. Вскользь, нѣсколько замѣчаній о народѣ и крестьянствѣ. Корниловъ обѣщалъ де прочесть завтра графу. Послѣ я опомнился; да зачѣмъ же онъ ѣздилъ къ Корнилову, вѣдь ему надо было только отвѣчать Назимову. Не Назимовъ ли послалъ его".

Когда же Ѳ. П. Корниловъ прочелъ статью Погодина графу А. А. Закревскому, то сей послѣдній поручилъ Корнилову написать Погодину слѣдующее: „По прочтеніи въ корректурѣ, возвращаемой при семъ статьи вашего превосходительства *Подвигъ Русскаго человѣка*, графъ Арсеній Андреевичъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: *Священниковъ, разсѣянныхъ въ толпѣ, которые поднимали руки и благословляли погибавшаго, какъ бы принимая его внутреннюю исповѣдь и разрѣшая ему грѣхи,—не было.* По словамъ очевидца, адъютанта князя Абамелика, тутъ находился одинъ священникъ, который погибавшаго не благословлялъ, а кричалъ ему вмѣстѣ съ другими: *Кидайся на войлокъ!* Въ статьѣ сказано, что купцы, услыхавъ восклицаніе Марина: *А я бы спасъ его*, предложили ему деньги. — Обстоятельство это унижаетъ подвигъ Марина, противорѣчитъ послѣдующимъ его словамъ: „*Мнѣ не надо денегъ. Пустите меня на чугунку,* — и потому не можетъ быть вѣрно. Выраженія: *Вѣрно всѣ отдали бы ему все, что у кого было, но его повели къ градоначальнику,*— темно и непонятно. Кромѣ этихъ трехъ замѣчаній, графъ поручилъ мнѣ передать вашему превосходительству, что во

всякомъ случаѣ, статья ваша должна быть представлена по порядку въ Цензурный Комитетъ".

Письмо это оскорбило Погодина, и онъ, подъ 18 марта 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Въ письмѣ ни единаго одобрительнаго слова, а какъ будто упрекъ въ невѣрности; нельзя такъ говорить, когда есть тысячи свидѣтелей, и свѣжо преданіе. Вотъ тебѣ и мечтанія! Послалъ Дементьева въ Типографію съ новыми корректурами, кои пошлю въ Петербургъ къ великому князю Константину Николаевичу и проч. Удивительное положеніе! За такую статью, которая стоитъ Филаретовской проповѣди, такія затрудненія!"

Вслѣдъ за симъ, Погодинъ получаетъ письмо отъ цензора Ржевскаго, которое окончательно повергло его въ уныніе, и онъ (подъ 19 марта 1853 года), отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Письмо отъ Ржевскаго съ отзывомъ Закревскаго, будто происшествіе такъ опоэтизировано, что узнать его нельзя. Къ Корнилову: надо дополнить. Я очень радъ и благодаренъ за всякую черту. Вотъ бумаги наши. Ну что же: развѣ есть въ нихъ противорѣчіе съ моей. Для прозаическаго человѣка: мужикъ спасъ мужика, ну, а я вижу больше, но если вы статьи не одобряете, то я не печатаю ея. *Помилуйте, вы не поняли графа* и пр.".

На другой же день, Погодинъ отправилъ списокъ съ своей статьи великому князю Константину Николаевичу, а также къ В. Д. Олсуфьеву и къ графинѣ А. Д. Блудовой. Вслѣдъ за отсылкою, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 21 марта 1853 года, Погодинъ отмѣчаетъ: „О статьѣ нѣтъ—ни слуха, ни духа".

Слѣдуетъ замѣтить, что не одинъ графъ А. А. Закревскій критически отнесся къ статьѣ Погодина; таковымъ же образомъ къ ней отнеслись и нѣкоторые сотрудники *Москвитянина*.

Еще 15 марта 1853 года, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину: „Мы съ вами, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, въ лицахъ являемъ притчу о непослушномъ сынѣ и раскаявшемся. Я сказалъ „не сдѣлаю, да сдѣлалъ", а вы все гово-

рите: „сдѣлаю“, да не дѣлаете. Смотрите, я останусь правѣе васъ. Нужно вамъ знать, что я не надѣялся, чтобы вы приняли разсказъ мой такъ, какъ вы его приняли; я его разсказывалъ до васъ кое-кому и два раза такъ обжегся, что страшно было рисковать, особенно на печатный разсказъ. Меня тронули и убѣдили ваши слова: „можетъ-быть тамъ, въ высшей экономіи это происшествіе важнѣе всѣхъ остальныхъ обстоятельствъ пожара“. — Я это знаю, и не мечтой прельщаюсь, когда утверждаю это, но этого убѣжденія передать я не могу, да и никто не можетъ передавать этихъ таинственныхъ опытовъ, которые ясны только испытующему, а формы, убѣдительной для тяжелаго разсудка, не имѣютъ“. Въ другомъ письмѣ Т. И. Филиппова читаемъ: „Съ удивленіемъ услышалъ я отъ Н. В. Берга, что ваша статья объ театрѣ ему не понравилась, тогда какъ Алмазовъ былъ отъ нея въ восторгѣ. Бергу почему-то особенно нравится моя статья, и онъ непремѣнно хочетъ, чтобы она сдѣлалась извѣстна Славянамъ. О недостаткахъ вашей статьи онъ говоритъ не совсѣмъ ясно; видно только, что вообще ему она не понравилась. Если вамъ угодно знать мое мнѣніе о вашей статьѣ, то описательная часть мнѣ не понравилась тоже; видно, что писано заочно, есть даже и невѣрности. Напримѣръ, нѣжныя названія: *голубчикъ*, *родимый* и т. д. у васъ отнесены къ Василію Гаврилову, а онѣ относились къ Дмитрію Петрову. Но общія разсужденія о значеніи подвига и о Русскомъ человѣкѣ мнѣ понравились. Подъ *божественностью* Бергъ разумѣетъ фразы благочестивыя, которыя онъ въ вашей, равно какъ и въ моей статьѣ, считаетъ неумѣстными“.

Критикамъ своимъ Погодинъ отвѣчалъ: „Или у васъ у всѣхъ такъ перепутались всѣ понятія, и такъ смѣшались всѣ требованія логики, что вы сдѣлались неспособными къ строгому анализу, и даже не строгому, или я схожу съ ума. Въ статьѣ моей сказано: *Нужно чудо десятое, двадцатое, сотое,.. и всѣ чудеса совершаются и человѣкъ выхваченъ изъ пламени и поставленъ, да явятся дѣла Божія на немъ*, — а

вы мнѣ, написавшему эти слова, пишете: *А что касается до благочестиваго расположенія, такъ неужели вы думаете, что Маринъ спасъ Петрова? Человѣческихъ силъ было недостаточно.* Если есть человѣческій смыслъ въ этомъ вопросѣ, такъ у меня его нѣтъ. Вы были на пожарѣ, Бергъ былъ на пожарѣ. Вы пишете, что расположеніе народа было молитвенное. Бергъ пишетъ *не то, не то, не то.* Я и спрашивалъ у васъ объяснить такое противорѣчіе, и сказать мнѣ, что наблюденіе Берга невѣрно и неточно, одностороннее. Потому что потомки найдутъ въ моихъ бумагахъ мое описаніе съ pièces justificatives. Если письмо Берга останется безъ возраженія другого очевидца, то я представлюсь фантазеромъ. Кромѣ потомковъ, мнѣ самому нужно это оправданіе, для собственнаго моего сознанія... Вы забываете, что я боленъ, очень боленъ, вскакиваю съ постели только тогда, какъ мои призраки мнѣ не даютъ покоя, и я бывало долженъ, во что бы то ни стало, избавиться отъ нихъ и записать то, что мнѣ мерещится. Очень можетъ случиться, что я протяну ноги, какъ Гоголь; я рѣдко даже ложусь безъ этой мысли, а вчера она владѣла мною, такъ была дурна голова! Когда и протяну ноги, тогда эта безжалостная толпа начнетъ охать и ахать и искать причинъ, кои сама теперь производитъ. Я говорю, жалуюсь, печатаю—нѣтъ, это все для нихъ фигуры и капризы. Описаніе никогда не поздно. Въ здѣшнемъ полку можетъ быть не примутъ. Лучше послать въ *Петербургскія Вѣдомости* или въ *Сѣверную Пчелу*. Убѣждайте, кого можете, оставить меня въ покоѣ".

Среди этихъ споровъ, Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ великаго князя Константина Николаевича: „Весьма благодарю васъ за письмо, отъ 19-го марта, и за прекрасное описаніе прекраснаго подвига крестьянина Марина. Я съ искреннимъ удовольствіемъ узналъ объ ономъ и порадовался вмѣстѣ съ вами безстрашію, присутствію духа и самоотверженію, которыя были оказаны этимъ человѣкомъ. Изъ письма вашего я вижу, что событіе это поразило васъ какъ будто

новостію. Я долженъ сказать вамъ, что подобные случаи безпрестанно повторяются на флотѣ, гдѣ наши Русскіе матросы, по одному слову начальника, не задумываясь, бросаются на явную опасность. Это совершается при каждомъ бурномъ плаваніи и никого не удивляетъ. Вспомните по сему предмету слова принца Жуанвильскаго, въ сочиненіи, которое я послалъ вамъ. Пребываю къ вамъ искренно доброжелательнымъ".

Сочувственные отзывы Погодинъ получилъ также и отъ С. Д. Нечаева и А. Я. Булгакова.

Первый писалъ: „Искреннее вамъ спасибо за такую трогательную, добрую статью. Ее надобно напечатать и отдѣльно, чтобъ прочиталъ ее и простой народъ, неполучающій вашего журнала. Дѣло идетъ о героѣ изъ его племени, изъ его добродушнаго, отважнаго слоя. Самый пожаръ языческаго храма, въ великій постъ, есть уже проповѣдь велегласная. Нужно еще было ознаменовать его происшествіемъ, которое поистинѣ освѣтило его яркой печатію помазанія. Пожаръ былъ еще для многихъ непонятнымъ іероглифомъ; ключъ его отыскался въ сердцѣ земледѣльца Марина. Какъ бы мнѣ желалось видѣть и обнять этого прекраснаго человѣка!... Но гдѣ онъ теперь? *Чей* онъ?—Ваша объ немъ брошюрка скорѣе всего отыщетъ такое сокровище".

„Вы славно воздали Марину",—писалъ Погодину А. Я. Булгаковъ,—должную ему славу. Я нахожу, что объ этомъ подвигѣ не довольно говорятъ; но какое дѣло? Въ этомъ происшествіи много сливается важнаго. Тутъ видно, какой народъ нашъ Русскій! Храбръ, сострадателенъ, щедръ, благочестивъ, смирéнъ" [311]).

Императору Николаю I благоугодно было увидѣть Марина. Государь соизволилъ принять его въ своемъ кабинетѣ и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй меня и разскажи, какъ тебѣ Богъ помогъ.

Въ простыхъ словахъ разсказалъ Маринъ, какъ было дѣло.

Государь благосклонно выслушавъ разсказъ, сказалъ:

Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко мнѣ, когда хочешь.

LXXIX.

„Трудно найдти человѣка“,—писалъ Погодинъ,—„который бы имѣлъ столько людей къ себѣ расположенныхъ и приверженныхъ, какъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Да и можетъ ли это быть иначе: пятьдесятъ почти лѣтъ онъ на публичной сценѣ, и всякій день почти доставляетъ удовольствіе публикѣ, производитъ пріятныя впечатлѣнія, возбуждаетъ веселое расположеніе, смѣшитъ—не говоримъ уже о высшихъ наслажденіяхъ искусства и таланта. Присоедините веселый характеръ, умъ быстрый и живой, доброе и горячее сердце, отличную память, долговременную житейскую опытность, способность говорить, мастерство расказывать, искусство бесѣдовать,—и вы согласитесь, что никому почти нельзя не любить его! И его любятъ—въ Москвѣ и Петербургѣ, Курскѣ и Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Одессѣ, вездѣ, вездѣ“ [312]).

По почину Шевырева, нѣкоторые изъ Московскихъ почитателей М. С. Щепкина вздумали пригласить его къ себѣ на обѣдъ, предъ отъѣздомъ его за границу, чтобъ выразить ему торжественно чувство общаго уваженія и благодарности. Кстати, къ тому времени, былъ готовъ и отличный бюстъ его, вылѣпленный Рамазановымъ.

Въ началѣ мая 1853 года, Погодинъ получаетъ отъ Шевырева слѣдующее письмо: „Щепкинъ уѣзжаетъ за границу въ понедѣльникъ. Стыдно было бы намъ всѣмъ и артистамъ не дать ему прощальнаго обѣда. Устрой-ка его ты. Ты же мастеръ это дѣлать и дешевле и лучше всѣхъ. Устрой его въ субботу, въ день имянинъ Гоголя, если погода позволитъ, у себя въ саду; а если нѣтъ, то въ твоемъ большомъ домѣ. Хорошо бы было артистамъ разъиграть *Развязку Ревизора* и

увѣнчать его вѣнкомъ. Мнѣ некогда хлопотать, ибо у меня экзамены. Смастери-ка это. Честь тебѣ будетъ и слава. Вотъ списокъ приглашенныхъ: И. В. Капнистъ, М. П. Погодинъ, А. Н. Верстовскій, А. Ѳ. Вельтманъ, И. Д. Лужинъ, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, И. В. Кирѣевскій, П. В. Кирѣевскій, Т. Н. Грановскій, Н. Х. Кетчеръ, П. М. Садовскій, А. Н. Островскій, П. П. Писемскій, Н. В. Сушковъ, С. М. Сухотинъ, Н. В. Бергъ, Е. Н. Эдельсонъ *), Т. И. Филипповъ, графиня Е. П. Ростопчина, Б. Н. Алмазовъ **), Н. А. Рамазановъ, М. И. Скотти, В. А. Елагинъ, Ѳ. И. Буслаевъ, П. М. Леонтьевъ, П. Н. Кудрявцевъ, О. М. Бодянскій, Ѳ. И. Иноземцевъ; артисты Малаго Театра: Самаринъ, Полтавцевъ, Шумскій ***), Васильевъ, Ленскій, Степановъ, Никифоровъ. Не забудь и твоего С. Шевырева. А тамъ припишешь, кого хочешь". На томъ же письмѣ рукою Погодина написаны слѣдующія лица: Нечаевъ, Нащокинъ, Соболевскій, Чертковъ, Рабусъ, Шеппингъ, Катковъ, Фроловъ, Калайдовичъ, Забѣлинъ, Ровинскій, Варвинскій. Къ этимъ спискамъ присоединились: Драшусовъ, Армфельдъ, Боткинъ, Ершовъ, Станкевичъ, Пикулинъ, Барсовъ, Аѳанасьевъ, князь Оболенскій, Чаадаевъ.

Получивъ это письмо Шевырева, Погодинъ, подъ 4 мая 1853 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ разсужденіе объ обѣдѣ Щепкину, по мысли Шевырева. Раздосадованъ былъ молодыми байбаками, изъ которыхъ ни одинъ пособить не вызывается, а просятъ только внести за нихъ деньги. Отвѣчалъ можетъ быть и грубо. Но всѣ осаждаютъ меня за деньгами, такъ что уже и скучно становится".

Въ это же время Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ одного изъ членовъ молодой Редакціи *Москвитянина* Е. Н. Эдельсона: „Милостивый государь, Михаилъ Петровичъ. Я взялъ на себя смѣлость записать въ число гостей одного

*) Вписанъ рукою Погодина.

**) Тоже.

***) Вписанъ рукою Погодина.

стараго университетскаго товарища и пріятеля, *Ивана Павловича Бекетова*, за котораго и внесъ деньги въ Контору. Надѣюсь, онъ не будетъ лишній. Вы пишете мнѣ прислать къ вамъ имена, но какія? За меня и за себя Филипповъ внесъ деньги; остаются изъ молодой Редакціи: Григорьевъ, Алмазовъ, Островскій и Бергъ, о которыхъ я ничего не знаю".

Начались приготовленія къ празднику. Надо сказать, что всѣ хлопоты предварительныя пали на Шевырева, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія записочки его къ Погодину, написанныя наканунѣ праздника:

„Что-то становится больно сыро и холодно; чтобы не распростудить гостей! Нельзя ли у тебя истопить твой дворецъ сегодня или завтра рано утромъ? Я забылъ тебя спросить о вѣнкѣ на бюстъ. Кто его закажетъ?... Щепкина я привезу самъ въ каретѣ, къ 4 часамъ. Я уже съ нимъ сговорился".

„Хорошо, что велѣлъ истопить и освѣжить воздухъ. Надобно сначала провѣтрить, а потомъ топить... Стульевъ дюжины четыре взять на прокатъ. Стихи я прочту. Бюстъ внести надобно и покрыть вѣнкомъ передъ чтеніемъ стиховъ. Я пріѣхать-то раньше не могу, потому что обѣщалъ заѣхать за Михаиломъ Семеновичемъ и привезти его въ своей каретѣ. Всѣмъ быть надобно въ сертукахъ. Такъ пріѣдетъ и онъ. У Щепкина есть экземпляръ *Мертвыхъ Душъ*, приготовленный ему для прочтенія *тамъ*, въ случаѣ возможности. Мысль прекрасная, ему прочесть кулебяку, а Садовскому—Бетрищева. Хорошъ ли будетъ борщъ? Кулебяка? Вареники? Порфирій, конечно, отличится. Сегодня, можетъ быть, увижу Титова на обѣдѣ у Кошелева. Хомякову лучше. Онъ обѣщаетъ быть. Я у него просидѣлъ вчера весь вечеръ. Онъ хотѣлъ бы прочесть мнѣ съ тобою свое письмо, написанное по-французски, о Римской и Протестантской Церкви. Когда бы къ нему для выслушанія? Сговоримся завтра".

„Вотъ еще Малороссійское блюдо для жаркова: дрофа. О продажѣ дрофъ объявлено въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*.

Скажи Порфирію. Но то бѣда, что дрофъ надобно дня три мариновать. А это хорошо бы, еслибы чудомъ его искусства поспѣли. Еще пишу къ князю Леониду Михайловичу Голицыну. А болѣе никого не приберу".

„Бодянскій все еще ждетъ поступка своихъ товарищей. Ужъ если еще будутъ дрофы, то надобны новые строфы:

Порфирію въ честь
Какъ будемъ ихъ ѣсть.

Въ Малороссіи дрофъ зарываютъ на ночь въ землю, чтобы они скорѣе поспѣли, а потомъ маринуютъ и жарятъ. Дрофы и фазаны продаются въ Охотномъ ряду, у Лаврова".

„Князь Юрій Александровичъ Оболенскій еще записался и прислалъ деньги. Не знаю: Рулье и Ершовъ будутъ ли? Я имъ говорилъ, они охотно вызвались, а послѣ ни гугу. Досадно на погоду. Не хочетъ податься. Честь и слава Елизаветѣ Ѳоминишнѣ! Ужъ я былъ увѣренъ, что она совершитъ чудеса. Щепкинъ пріѣдетъ, какъ захочетъ. А мнѣ кажется, неловко старику быть во фракѣ, когда всѣ въ сертукахъ. О прочтеніи кулебяки я Михаила Семеновича немедленно предупредилъ".

Погода, однако, не разгуливалась, и наканунѣ праздника, подъ 9 мая 1853 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Дождь, такъ что одурь беретъ. Записка и хлопоты. Написалъ нѣсколько словъ". Въ этотъ же день Погодинъ получилъ слѣдующую записочку отъ Степана Дмитріевича Нечаева: „Умеръ рѣдкій человѣкъ и родственный другъ моего семейства Иванъ Акимовичъ Мальцевъ. Смерть его сильно отуманила мое сердце. Я былъ бы скучнымъ гостемъ на вашемъ веселомъ обѣдѣ".

Утромъ въ день праздника, т.-е. 10 мая, Шевыревъ писалъ Погодину: „Ты поручилъ Рамазанову хлопотать о цвѣтахъ и о вѣнкѣ. Всѣ хлопоты его ограничились тѣмъ, что онъ сегодня утромъ прислалъ ко мнѣ записку и всѣ хлопоты возложилъ на меня. Добро бы вчера, а то сегодня. Вѣдь ужъ

ты приговорилъ этихъ байбаковъ къ лѣни и неумѣнью сдѣлать что-нибудь. Ужъ лучше бы прямо ко мнѣ. Я теперь скачи утромъ къ Ѳомину, котораго могу не застать. Э, э, эхъ! эхъ!“ [313]).

Почетный гость приглашенъ былъ наканунѣ; С. П. Шевыревъ, А. Н. Островскій, П. М. Садовскій и П. И. Шумскій ѣздили къ нему съ приглашеніемъ отъ имени почитателей.

Въ 4 часа, въ воскресенье, 10 мая, собрались гости. М. С. Щепкинъ встрѣченъ былъ на балконѣ, хозяиномъ дома, М. П. Погодинымъ, который ему сказалъ: „Привѣтствую васъ отъ имени вашихъ многочисленныхъ почитателей, здѣсь собравшихся; вы можете вообразить себѣ сами, какъ мнѣ пріятно быть ихъ представителемъ, въ увѣнчаніе нашей двадцатипятилѣтней съ вами пріязни. Милости просимъ“. Щепкинъ прослезился съ первыхъ словъ.

Всѣ присутствовавшіе наперерывъ спѣшили къ нему навстрѣчу, пожать руку.

Внизу предъ балкономъ приготовлена была закуска.

Погода, ненастная впродолженіе всей недѣли, разгулялась, какъ нарочно, ко времени обѣда. Солнце сіяло во всемъ блескѣ.

„Природа нынче за искусство“,—сказалъ Шевыревъ. „Отъ того, что искусство обращается нынче къ природѣ“,—отвѣтилъ Островскій.

„*Борщъ* на столѣ!..“ принесено было извѣстіе въ половинѣ пятаго часа.

Обѣдъ устроенъ былъ въ аллеѣ, и состоялъ большею частію изъ Малороссійскихъ блюдъ, съ цѣлію укрѣпить въ отъѣзжающемъ за границу воспоминаніе о родной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, о родномъ очагѣ.

Въ срединѣ стола красовалась только что прилетѣвшая огромная Малороссійская дрофа, въ перьяхъ; по сторонамъ Великороссійскіе, бѣлые, какъ снѣгъ, поросята, при ассистенціи огромныхъ кулебякъ. За борщемъ послѣдовали вареники, и проч.

Щепкинъ сидѣлъ между Садовскимъ и Островскимъ [314]).

Когда налиты были бокалы шампанскаго, М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующее:

„Милостивые государи! Нѣсколько лѣтъ сряду, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ почти день и часъ, собирались мы обыкновенно къ незабвенному нашему Гоголю праздновать его имянины. Это былъ самый дорогой для него день, о которомъ онъ любилъ заранѣе хлопотать, совѣтоваться, — устроивать. Въ послѣдній разъ, вы помните,—это такъ недавно,—сидѣлъ онъ здѣсь на краю, облокотясь на столъ, задумчивый и молчаливый,—какъ будто предчувствуя близкій свой конецъ. И вотъ—нынѣ его нѣтъ между нами!..

Не могу не вспомнить объ немъ при этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ...

Онъ первый поспѣшилъ бы выразить наши чувства глубокаго уваженія и искренней признательности тому достойному артисту, которому собрались отъ души воздать мы честь,—и кто лучше Гоголя исполнилъ бы эту обязанность? Чье слово можетъ имѣть столько вѣса, какъ не автора Городничаго, Утѣшительнаго, Кочкарева и Бурдюкова?

Прибавлю еще вотъ что: Гоголь самъ обязанъ былъ многимъ Щепкину. Не говорю объ ихъ слишкомъ двадцатилѣтней, близкой, короткой связи, не говорю объ ихъ частыхъ бесѣдахъ, исключительно посвященныхъ драматическому искусству и Русской жизни, — не говорю о веселыхъ и умныхъ разсказахъ Щепкина, которые часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гоголя,—но тотъ смѣхъ, который Щепкинъ возбуждалъ въ Гоголѣ, еще молодомъ человѣкѣ, выступившемъ на поприще, не былъ ли задаткомъ того смѣха, какимъ послѣ надѣлилъ насъ Гоголь съ такимъ избыткомъ? Выводя на сцену многія дѣйствующія лица, Гоголь не имѣлъ ли въ виду Щепкина?.. Могу подтвердить это и примѣромъ: Щепкинъ имѣлъ такое вліяніе на Гоголя, какое въ младшемъ поколѣніи Садовскій, своею простотою, своею натурою, и даже своею особою, имѣетъ на Островскаго.

Вотъ еще два имени пришлися къ слову. Но это не случайность. Въ Исторіи, въ развитіи нашей Комедіи, комической игры, они всѣ четверо составляютъ органическое цѣлое. Начинающій утѣшать насъ блистательными своими дебютами, Островскій, получилъ въ наслѣдство много указаній на Гоголя, а Садовскій не меньше обязанъ примѣру и началу Щепкина, Щепкинъ же—между ними старшій.

Есть Русская пословица: началъ за здравіе, а свелъ за упокой. Мнѣ пришлось на оборотъ—начать за упокой и свести за здравіе.

Да здравствуетъ старшій, знаменитый представитель Русской Комедіи, заслуженный артистъ Московской сцены, добрый, веселый, любезный, живой человѣкъ,—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!" [315]).

Раздалось рукоплесканіе, и здоровье Щепкина выпито всѣми гостями до дна. С. П. Шевыревъ произнесъ стихи, и при словахъ: *Прими отъ насъ любви вѣнецъ!* раздалось со всѣхъ сторонъ: „вѣнокъ, вѣнокъ!"—Когда же на бюстъ Щепкина, стоявшій среди аллеи, возложенъ былъ торжественно вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ и цвѣтовъ, Шевыревъ продолжалъ:

Вѣнецъ тѣхъ чувствъ и наслажденій,
Намъ всѣмъ дарованныхъ тобой и пр.

Стихи кончились подъ громомъ рукоплесканій.

Послѣ С. П. Шевырева прочелъ стихи Н. В. Бергъ:

Здѣсь, подъ этими вѣтвями
Вспомнилъ я обѣдъ другой:
Здѣсь сидѣлъ когда-то съ нами
Именинникъ дорогой...

Будто слышу и досель я
Раздающійся межъ насъ,
Полный чистаго веселья
Оживленный, вѣщій гласъ.

Нѣтъ его...
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Типы намъ передаетъ.....

Ѣдешь въ путь ты, но смотри же,
Объѣзжая чуждый край,
На Рашель глядя въ Парижѣ,
И своихъ не забывай!

Хлестакову здѣсь пожалуй
Безъ тебя не сдобровать,
Да и Осипъ, славный малой,
Тоже будетъ горевать;

Да и всѣ друзья и братья...
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертыя объятья
Этихъ братьевъ и друзей!

Выслушавъ все это, Щепкинъ, весь въ слезахъ, всталъ, и прерывающимся голосомъ возблагодарилъ за честь, ему оказанную. Вотъ его слова: „Священнымъ долгомъ считаю принесть вамъ глубочайшую признательность за ту высокую честь, которой вы нынѣшній день меня удостоили. Къ сожалѣнію, не смотря на свойственное каждому человѣку самолюбіе, я чувствую, что не въ полной мѣрѣ ее заслужилъ, а единственно обязанъ этой честію вашему доброму снисхожденію. Къ тому же все, что вы находите во мнѣ достойнымъ какой-либо оцѣнки, принадлежитъ собственно не мнѣ,—все это принадлежитъ Москвѣ, то есть, тому избранному, высокообразованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата. Это общество, при самомъ появленіи моемъ на Московской сценѣ, благодаря содѣйствію покойнаго, многоуважаемаго моего начальника, Өедора Өедоровича Кокошкина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все,—и литераторы, и поэты, и преподаватели Московскаго Университета; тридцать лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостію скажу, что я много обязанъ Московскому Университету въ лицѣ его преподавателей; одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство.—Бесѣды объ искусствѣ собственно для меня не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. И такъ,

Мм. Гг., вы сами видите, что все, что вы находите во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ собственно вамъ,—вы были, такъ сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливцу, досталась жатва,—вы, Мм. Гг., вы создали для меня нынѣшній великій день! Въ тридцать лѣтъ много измѣнилось, по измѣнялись лица, а мысль объ искусствѣ жила неизмѣняясь; да, въ тридцать лѣтъ много выбыло изъ общества, много прибыло вновь, и къ числу первыхъ съ сердечною горестію и съ глубокимъ уваженіемъ, скажу, принадлежатъ и наши два великіе комическіе писатели. Имъ я обязанъ болѣе всѣхъ; они меня силою своего могучаго таланта, такъ сказать, поставили на видную ступень въ искусствѣ: это Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и Николай Васильевичъ Гоголь. Находясь долго въ такой семьѣ, я былъ бы совершенное ничто, еслибъ изъ меня не вышло уже ничего дѣльнаго. И такъ, еще разъ, съ совершенною признательностію, скажу вамъ, Мм. Гг.,—вамъ все принадлежитъ, вашимъ бесѣдамъ собственно я обязанъ тѣмъ, что любовь моя къ искусству съ каждымъ днемъ развивалась болѣе и болѣе. Одно, что принадлежитъ собственно мнѣ,—это добросовѣстное занятіе, трудъ, на какой только способенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою драматическому искусству; и да послужитъ это примѣромъ молодымъ моимъ товарищамъ, которымъ дорога къ искусству гораздо болѣе очищена. Пусть изъ нынѣшняго дня они поймутъ, какая блестящая будущность ждетъ ихъ впереди: примѣръ передъ глазами.—Вы, Мм. Гг., на сорокъ восьмомъ году моего драматическаго поприща, сегодня подарили меня счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни; да, счастливѣйшимъ: вы меня, всегдашняго вашего собесѣдника, такъ сказать, семьянина, нынче удостоили быть избраннымъ вашимъ гостемъ. Это много, слишкомъ много для старика! Простите... тутъ я долженъ остановиться по неволѣ, потому что не нахожу словъ, чтобы хотя въ половину выразить то глубокое чувство благодарности, какимъ проникнуто въ эту минуту мое старое, но все еще сильно бьющееся сердце".

Рукоплесканія не умолкали.

За симъ, произнесъ слово Т. Н. Грановскій; онъ сказалъ: „Позвольте мнѣ предложить бокалъ за здоровье тѣхъ, кому пришла благородная и прекрасная мысль нынѣшняго праздника. Мы собрались сюда со всѣхъ приходовъ (приходовъ всякаго рода) нашей Москвы, во имя всѣхъ братающаго и всѣхъ соединяющаго искусства. И кому же приличнѣе быть предсѣдателемъ такого пира, достойнѣйшимъ представителемъ искусства, какъ не М. С. Щепкину. На Руси всегда было и будетъ много дарованій. Природа щедро надѣлила умственными силами Русскаго человѣка. Но, скажемъ со смиреніемъ, что намъ часто не достаетъ одного качества, безъ котораго благороднѣйшія силы безплодно гибнутъ: намъ не достаетъ терпѣнія въ трудѣ, выдержки, умственнаго упорства. Честь и слава Русскому художнику, который почти полвѣка трудился на поприщѣ искусства, не слабѣя духомъ, не слабѣя усердіемъ. Да послужитъ его жизнь, исключительно посвященная служенію искусству, примѣромъ всѣмъ намъ, ранѣе его вступившимъ на поприще и уже носящимъ въ груди зачатки преждевременной усталости и охлажденія“ [316]).

Въ письмѣ своемъ къ Погодину Грановскій писалъ: „Я не думалъ говорить и былъ вызванъ вашимъ примѣромъ. Что пришло въ голову въ теплую минуту, то и сказалъ“ [317]).

Къ рѣчи Грановскаго, Садовскій прибавилъ: „Какъ артистъ, осмѣлюсь подтвердить слова Т. Н. Грановскаго. Много я знаю и зналъ людей съ большими талантами,—но не знаю, кто бы такъ честно служилъ своему искусству, какъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ!“

Затѣмъ, послѣдовали тосты за здоровье Н. А. Рамазанова, сохранившаго черты Щепкина, А. Н. Островскаго и П. М. Садовскаго,... Васильева, Степанова, Маломальскаго, Шумскаго.—„Всѣхъ, всѣхъ!“ раздалось со всѣхъ сторонъ...

Между тѣмъ, загорѣлась жжонка, и Щепкинъ и Садовскій прочли нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Гоголя. Потомъ Щепкинъ разсказалъ, съ неподражаемымъ своимъ искус-

ствомъ, о *черненькихъ и бѣленькихъ*; Садовскій—словами Русскаго купца, исторію революціи 1848 года, въ Парижѣ, о Вѣнскомъ конгрессѣ, о похожденіяхъ Симбирскаго Татарина и проч.

Къ позднему вечеру разъѣхались гости, пожелавъ любезному путешественнику счастливаго пути и скораго возвращенія.

Проводивъ гостей, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Все очень хорошо удалось. Но, кажется, недоставало теплоты. Старикъ былъ очень тронутъ. Отъ чего вдругъ отказался Лужинъ. Многіе перепились, а мнѣ придется доплачивать. Усталъ. Всѣ довольны и благодарили меня очень много".

Коментаріемъ къ лаконизму: *Многіе перепились*, можетъ служить, нижеслѣдующій счетъ:

Магазинъ иностранныхъ винъ Филиппа Васильевича Депре, поставщика къ Высочайшему Двору, на Петровкѣ, № 500, въ Москвѣ.

Господину Погодину.

18	бут.	Шампанскаго Клико Верне,	по	2 р.	85 к.	31 р.	30 к.
8	„	Лафиту	„	1 „	— „	8 „	— „
8	„	Сотерну	„	1 „	— „	8 „	— „
8	„	Мадеры	„	1 „	— „	8 „	— „
2	полштофа	сладкой водки		— „	— „	2 „	20 „
3	тоже,	горькой	„	— „	— „	2 „	40 „
4	бут.	Коньяку	„	1 „	70 „	6 „	80 „
2	„	Рому	„	1 „	40 „	2 „	80 „
10	„	Портеру	„	— „	65 „	6 „	50 „
				И того		96 р.	— „
				Получено въ задатокъ		50 „	— „
						46 р.	— „

LXXX.

Предъ самою Восточною войною Погодинъ предпринялъ зое пятое путешествіе на Западъ Европы.

„Разстроенное здоровье, вообще“, поставило Погодина въ еобходимость „искать облегченія на минеральныхъ водахъ ермаиіи, коими онъ пользовался періодически въ 1839, 1842, 846 г., не считая двукратнаго употребленія ихъ въ Россіи, съ еньшимъ успѣхомъ“. Вслѣдствіе чего, Погодинъ, въ апрѣлѣ 853 года, обратился въ Академію Наукъ съ просьбою, „исхоатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе отпуска въ чужіе рая на четыре мѣсяца“.

Съ своей стороны, другъ и товарищъ Погодина, Ѳ. И. Иноэмцевъ, засвидѣтельствовалъ, что „для возможно лучшаго поравленія здоровья больного“, онъ считаетъ нужнымъ для его, 1) сначала употребленіе Эмскихъ минеральныхъ водъ зъ натуральнаго ихъ источника, а потомъ купанья въ воахъ Гастейна и 2) лѣтнее путешествіе по странамъ умѣреннаго климата Европы“.

Когда же начальникъ Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графъ А. Ѳ. Орловъ достовѣрилъ управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова, что „по дѣламъ Третьяго Отдѣенія не встрѣчается препятствія къ дозволенію Погодину тправиться за границу, въ Германію“, тогда, 13 мая 1853 ода, воспослѣдовало высочайшее на оное соизволеніе.

Изъ Москвы Погодинъ выѣхалъ, 30 мая 1853 года, въ Пеербургъ, и оттуда, 13 іюня, на пароходѣ Владиміръ, поплылъ ъ Штеттинъ. Общество на пароходѣ было, какъ обыкновенно, чень разнообразно; но интересными для Погодина спутниами были: Американскій посланникъ при нашемъ Дворѣ, раунъ, уволенный новымъ президентомъ генераломъ Пирэмъ, плылъ въ Америку; Англійскій курьеръ, везшій депеши ъ Лондонъ; Русскій—въ Парижъ. Время на пароходѣ По-

годинъ проводилъ съ старымъ своимъ товарищемъ по Университету Ѳ. И. Тютчевымъ, въ бесѣдѣ „о дѣлахъ міра сего, о Туркахъ, о Грекахъ, о Нѣмцахъ и Славянахъ, о Москвѣ и Константинополѣ, о Церкви Греческой и Римской, о политикѣ и литературѣ“. Къ довершенію удовольствія, къ нимъ присоединился М. С. Щепкинъ и утѣшалъ ихъ „своими безчисленными анекдотами изъ Русской жизни“. Щепкинъ везъ въ Италію своего больного сына. „Судьба этого достойнаго молодого человѣка“,—пишетъ Погодинъ,—„внушаетъ искреннее соболѣзнованіе. Кончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, по Отдѣленію математическихъ наукъ, и защитивъ успѣшно свою диссертацію на степень магистра по части Астрономіи, онъ отправился въ чужіе края, и пристрастился тамъ къ восточнымъ, преимущественно Индійскимъ древностямъ, учился много по Санскритски, работалъ усердно въ продолженіе пяти лѣтъ, собралъ отличную библіотеку по своей части, приготовился писать,—и, воротясь въ Москву, занемогъ жестоко. Два года боролся онъ съ болѣзнію, порываясь безпрестанно къ перу, которое врачи вырывали у него изъ рукъ, — и, наконецъ, присудили рѣшительно оставить всѣ занятія и ѣхать въ теплый климатъ“.

Судьба несчастнаго сына Щепкина напомнила Погодину судьбу еще одного изъ университетскихъ воспитанниковъ, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ, Николая Матвѣевича Рожалина, который принадлежалъ къ кругу *Московскаго Вѣстника* (1828—1830) *).

Пароходныя дамы познакомились съ дочерью Погодина — Александрою Михайловною, и были „очень изумлены малостью ея скарба, и никакъ не хотѣли понять, чтобъ можно было путешествовать, имѣя съ собою два платья, и что все нужное можно помѣстить въ одномъ мѣшкѣ“. Какъ ни старался Погодинъ убѣдить этихъ дамъ, что, „имѣя цѣлію смотрѣть,

---

*) См. о немъ въ *Жизни и Трудахъ М. П. Погодина*, въ книгахъ: *первой*, *второй*, *третьей* и *четвертой*.

а не показывать, нѣтъ никакой нужды въ нарядахъ, и что всякая излишняя вещь, которую надобно помнить, прятать, таскать съ мѣста на мѣсто и пр. и пр., затрудняетъ путешествіе; дамы стояли на своемъ, что нельзя обойтись безъ чемодана, хоть небольшого".

Изъ Штеттина въ Берлинъ, Погодинъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ. На станціи онъ встрѣтился съ Вѣнскимъ священникомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Раевскимъ, который тотчасъ же взялъ Погодина и привезъ его въ свою гостинницу Luz'e Hotel, подъ Липами. О. Раевскій пріѣхалъ въ Берлинъ хоронить тамошняго священника, Д. В. Соколова. Всѣ Русскіе, жившіе въ Берлинѣ, свидѣтельствуетъ Погодинъ, были огорчены этою кончиною. О. Соколовъ былъ добръ, любезенъ, и всегда готовъ былъ помогать и служить всякому, чѣмъ могъ. Послѣ него осталось большое семейство.

„Бѣдный Щепкинъ",—писалъ Погодинъ изъ Берлина въ Москву,—„хотѣлъ остановиться у здѣшняго священника, съ нимъ дружнаго, а тотъ за три дня скончался, послѣ короткой болѣзни".

Въ Германіи, Погодину хотѣлось больше всего „увидѣть физіогномію народа" послѣ происшествій 1848 года. „Берлинъ сохранилъ,—пишетъ онъ,—всю свою прежнюю наружность. Я обошелъ всѣ улицы, вслушивался во всѣ рѣчи, всматривался во всѣ лица—все прежнее, и слѣдовъ отъ послѣднихъ приключеній — никакихъ, какъ будто ничего и не происходило. Разспросы убѣдили меня окончательно, что тревоги въ Германіи производились не жителями того или другого города, а одною и тою же набѣглою сволочью, которая являлась въ разныхъ мѣстахъ и поднимала знамя мятежа, подъ которое собирались, тамъ и здѣсь, по нѣскольку туземныхъ охотниковъ. Это не было измѣненіе домашняго, общественнаго порядка, вслѣдствіе собственныхъ требованій или перемѣнившагося образа мыслей, а вспышка производившаяся чужими поджигателями, которые искали не общей пользы, а своей. Можетъ быть, попадали еще тамъ и сямъ молодые энтузіасты,

дѣлавшіеся слѣпыми орудіями. Потому-то все и кончилось такъ скоро, лишь употреблена была сила".

Новаго въ Берлинѣ Погодинъ нашелъ одну конную статую Фридриха Великаго, предъ началомъ липовой просади. „Фигура Фридриха сдѣлалась столь извѣстною и общею, что къ ней ничего прибавить и убавить нельзя. Въ барельефахъ представлены главныя происшествія его жизни и всѣ сподвижники".

Вечеромъ Погодинъ зашелъ къ знаменитому Риттеру, „засвидѣтельствовать, по обыкновенію, свое глубокое почтеніе". Погодинъ засталъ его среди книгъ, глобусовъ и ландкартъ, за письменнымъ столомъ, передъ лампою, подъ зонтикомъ. Одинъ видъ этого почтеннаго труженика, съ такимъ постоянствомъ, впродолженіе всей жизни, стремящагося къ своей цѣли, возбуждаетъ невольное уваженіе. Вотъ настоящій ученый, въ полномъ смыслѣ этого слова. Надпись къ новому его портрету мнѣ очень нравится:

Willst du ins Unendliche schreiten
Geh nur ins Endliche nach allen Seiten.

(Если хочешь ты стремиться къ безконечному, обойди только *конечное* со всѣхъ сторонъ).

„Этого *конечнаго*—замѣчаетъ Погодинъ,—Риттеръ обошелъ шестнадцать частей, т. е. напечаталъ своей Географіи шестнадцать томовъ. Богатѣйшая сокровищница свѣдѣній! Теперь онъ оканчиваетъ Малую Азію и переходитъ къ Европѣ". При этомъ Погодинъ сообщаетъ, что „нашъ достопочтенный благотворитель Голубковъ принесъ полезнѣйшую жертву наукѣ, пожертвовавъ Географическому Обществу значительный капиталъ для перевода и изданій Риттеровой Географіи на Русскій языкъ. Такія книги стоятъ цѣлыхъ факультетовъ! Онѣ содѣйствуютъ лучше всего распространенію свѣдѣній, вообще образованія, въ народѣ! Читай всякой и учись, кто хочетъ! Желательно, чтобъ переводчики поняли всю важность своего труда, и совершили его достойнымъ образомъ. А пе-

реводить Риттера не бездѣлица. Пишетъ онъ, надо признаться, очень тяжело и мудрено. Нужно знать хорошо Русскій и Нѣмецкій языки. Нужно употребить много вниманія и раченія. Надѣемся, что Общество умѣло найдти способныхъ переводчиковъ, и жалѣемъ, что впродолженіи двухъ или трехъ лѣтъ, не вышло ни одного выпуска".

На другой день, Погодинъ отправился къ Риттеру на лекцію. „Онъ увидѣлъ меня вошедши, и хотѣлъ непремѣнно, чтобъ я сѣлъ подлѣ него. Лекція относилась къ Альпамъ: онъ представилъ на доскѣ ихъ очертаніе, указалъ возвышенныя точки и удолья, сравнилъ положеніе городовъ — живо, ясно, просто, наглядно. По окончаніи лекціи, онъ подошелъ опять ко мнѣ, и я сказалъ ему, благодаря за поучительную лекцію: Вы дагерротипуете землю безъ помощи солнца. Риттеръ хотѣлъ отвести меня въ бесѣдницу (Sprechzimmer), но я отказался, спѣша на лекцію къ Герхарду, о Римскихъ Древностяхъ: сухо, вяло и скучно. Лучшая часть ея—показываніе рисунковъ. Слушателей человѣкъ пять. Вообще humaniora ослабли, не смотря на наружное стремленіе къ гуманности. Медицина и науки прикладныя имѣютъ наибольшее количество слушателей. Философіи нѣтъ почти въ поминѣ. Студентовъ въ Университетѣ считается нынѣ около полуторы тысячи: въ богословскомъ факультетѣ 180, въ юридическомъ 632, въ медицинскомъ 316, въ философскомъ 363. Иностранцевъ, въ томъ числѣ, слишкомъ 308. Сверхъ того, слушаютъ лекціи до 700 человѣкъ изъ разныхъ спеціальныхъ заведеній, какъ-то: изъ Академіи Искусствъ, архитекторовъ, садовниковъ, фармацевтовъ и проч. Аудиторіи всѣ въ прежнемъ положеніи, то-есть въ такомъ, какъ были въ нашихъ семинаріяхъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; такъ что смотрѣть гадко на эти изрѣзанныя и изчерканныя скамьи и столы, на эти голыя и запачканныя стѣны, на тусклыя и темныя стекла. Впрочемъ, не красна изба углами, а красна пирогами".

Возвратясь домой, Погодинъ нашелъ карточку Риттера, ко-

торый заходилъ къ нему и оставилъ приглашеніе въ засѣданіе здѣшняго Географическаго Общества.

Прекрасная прогулка подъ Липами навела Погодина на слѣдующія мысли: „Каждый Нѣмецкій городъ богатъ мѣстами для общественныхъ прогулокъ, столько пріятныхъ и полезныхъ. Das Grüne — для Нѣмца необходимо. Мы не сроднились еще съ удовольствіями этого рода. У насъ одинъ Петербургъ, по необходимости, переселяется лѣтомъ на дачи, за городъ. Въ Москвѣ только въ послѣдніе десять лѣтъ Сокольники и Петровскій паркъ начали привлекать къ себѣ нашихъ домосѣдовъ. А какое мѣсто могло бы въ Москвѣ состязаться съ Берлинскими Липами? Тверской бульваръ коротокъ и узокъ. Садовая улица прекрасна для зрѣнія, а не для прогулки. Прѣсненскіе Пруды находятся въ сторонѣ. Самое удобное мѣсто было, за нѣсколько лѣтъ, отъ Кузнецкаго моста, смѣжнаго почти съ Китаемъ-городомъ, черезъ такъ называемую Трубу, и потомъ Самотеку до Институтовъ. И теперь это пространство значительно, и служитъ къ большому украшенію города; а еслибъ присоединить къ нему съ обѣихъ сторонъ огороды и пустыри, нынѣ застроивающіеся, то можно бъ было имѣть огромнѣйшее гулянье среди города, которое не уступало бъ никакому Европейскому. Наши деревья ростутъ не такъ высоко, но если мы станемъ ходить за ними такъ рачительно, какъ за цвѣтами и плодами, то вѣрно онѣ поднимутся значительно; впрочемъ, и теперь сосны въ Сокольникахъ и липы во многихъ старыхъ садахъ достигли высоты почтенной. Настоящія Московскія гулянья сдѣлались бы дополненіями къ этому главному и центральному: Прѣсненскіе Пруды, Паркъ, Бутырки, Марьина роща, Сокольники, Преображенское, Перово, Дворцовый садъ, Симоново, Тюфелева роща, Нескучное, Орловскій садъ, Воробьевы горы. Одна только часть Замоскворѣчья не имѣетъ въ сосѣдствѣ мѣстъ для прогулокъ, но за то она ближе къ Коломенскому, Перервѣ, Угрѣшѣ“.

Между тѣмъ какъ воображеніе Погодина гуляло въ окрестностяхъ Москвы, наши путешественники подъѣхали

ъ Шарлоттенбургу. „До сихъ поръ,“ —пишетъ Погодинъ,— не удавалось мнѣ видѣть памятниковъ покойному королю и оролевѣ, Рауха. Долженъ признаться, что они не произвели а меня особеннаго дѣйствія: на лицахъ не видалъ я ни изни, ни смерти; нога наложенная на ногу у королевы, и лащъ, страннымъ образомъ подкинуты подъ короля, еще олѣе портятъ впечатлѣніе. Даже и мѣста, въ уединенной, устой часовнѣ, одобрить я не могу“.

Полдня провелъ нашъ путешественникъ въ Потсдамѣ. Фридрихъ Великій“,—пишетъ онъ,—„живетъ еще. Neue Paіs, построенный имъ послѣ заключенія Губертсбургскаго ира дворецъ, въ которомъ отдыхалъ онъ послѣ многолѣтихъ своихъ трудовъ, съ Французскими своими гостями и хъ сочиненіями, исполненъ его воспоминаній. Но для его лавы, какъ для нашего Петра, хотя въ другомъ отношеіи, наступила новая эпоха. Наука Исторіи ожидаетъ Русихъ дѣлателей. Нѣмцы не могутъ судить безпристрастно бъ немъ, какъ и многихъ другихъ историческихъ лицахъ, Французы и Англичане не расположены заниматься чужими удьбами какъ своими. На посѣтителей надѣваютъ здѣсь шиокіе валенки, чтобъ они, ходя, не испортили ногами паретныхъ половъ, впрочемъ, весьма обыкновенныхъ. Этотъ коюмъ видѣть смѣшно, но за то всякій можетъ свободно сматривать залы, крестьянинъ и работникъ, всякій можетъ юбоваться произведеніями искусства, питать свой умъ или ооображеніе; а кто знаетъ, въ чьей душѣ и какъ подѣйтвуетъ то или другое впечатлѣніе, и что̀ оно произведетъ coременемъ. Слѣдственно, свободный доступъ во всѣ подобныя ѣста очень желателенъ“.

Въ Шарлотенгофѣ, мѣстѣ пребыванія тогдашняго короля о вступленія его на престолъ, вниманіе Погодина обратили прекрасные цвѣтники изъ однихъ розановъ всѣхъ родовъ. Іхъ безчисленное множество, которые обворожаютъ и зрѣніе обоняніе“.

Однажды, садясь за table d'hote, Погодинъ спросилъ сво-

его хозяина: „Ну что, каково теперь въ Берлинѣ? Unter den Linden, отвѣчалъ онъ, теперь десять отелей, а прежде было только два; въ 1840 году было все еще шесть!" Этотъ отвѣтъ напомнилъ Погодину одного ямщика въ Смоленской губерніи, котораго онъ спросилъ: „а каковъ у васъ губернаторъ, который лучше, прежній или теперешній?" — Теперешній лучше, отвѣчалъ онъ, а прежній, бывало, какъ ни поѣдетъ, такъ лошадь и замучитъ, либо двѣ. Гонялъ на-пропалую!

LXXXI.

Погодинъ отправился въ Дрезденъ вмѣстѣ съ протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ, который дорогою дополнилъ своему спутнику разсказы о состояніи разныхъ Славянскихъ племенъ въ Австріи. Спутникомъ ихъ былъ Дибичъ, племянникъ нашего фельдмаршала, служащій въ Прусскомъ войскѣ и, по замѣчанію Погодина, „подслащенный Нѣмецъ".

Въ Дрезденѣ, Погодинъ, „поклонясь славнымъ произведеніямъ Рафаэля, Корреджіо, Тиціана, Карла Дольче, Гвидо Рени, Гольбейна", пожелалъ познакомиться покороче съ собраніемъ стараго своего знакомаго доктора Клемма. Цѣль этого собранія состоитъ въ томъ, чтобы представить въ наглядномъ видѣ, какъ постепенно образовывались и совершенствовались различные человѣческіе промыслы и искусства. Въ то время Клеммъ готовилъ къ печати свое сочиненіе о женщинахъ, ихъ гражданственно-историческое состояніе и ихъ вліяніе на обще-человѣческую образованность въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, съ посвященіемъ этого сочиненія Саксонской королевѣ. Погодинъ подписался для своихъ знакомыхъ по десять экземпляровъ этого сочиненія и разсказалъ автору со всѣми подробностями „о богатомъ вознагражденіи, полученномъ имъ отъ щедротъ Русскаго царя за свое Древлехранилище, которое сдѣлалось теперь на вѣки-вѣковъ неотъемлемою и сохранною собственностію Отечественной Науки. Нѣмецкіе ученые пришли въ неописанное удивленіе отъ полу-

милліона рублей, который получилъ Русскій за свои труды. Halbmillion! Potz tausend! Halbmillion! Das ist prächtig! восклицали Нѣмцы. „Признаюсь", — замѣчаетъ Погодинъ, — „съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостію старался я сообщать это извѣстіе, кому только могъ!"

Изъ Дрездена Погодинъ нарочно ѣздилъ въ Пирну, для свиданія съ докторомъ Дитрихсомъ, который, въ разговорѣ, сообщилъ ему, что послѣ 1848 года, народу стало здѣсь гораздо тяжелѣе и подати вездѣ увеличились. Трудность найдти мѣсто, заработать копѣйку и содержать себя, кладетъ такую непріятную печать на всѣ отношенія, усиливаетъ эгоизмъ до такой степени и столько притупляетъ чувство человѣческихъ движеній, что не радъ становишься и цивилизаціи. Бережливость, разсчетливость, скупость, жадность, своекорыстіе развиваются до страшныхъ размѣровъ. Узы родства слабѣютъ. Бракъ замедляется и подвергается тѣмъ же разсчетамъ. Выслушавъ это, Погодинъ подумалъ: „Бѣдное и слабое человѣчество! Какъ различны между собою Европа газетъ, журналовъ, учебныхъ книгъ, и Европа дѣйствительная! Нѣсколько плодовъ красуется, тамъ и сямъ, на деревѣ, а его листья, вѣтви, корни, въ какомъ положеніи!"

Въ Дрезденѣ Погодинъ съѣхался съ М. С. Щепкинымъ, про котораго разсказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ: „Понадобилось Щепкину купить желтой горчицы для больного сына; онъ отправился въ лавки, и не зная ни слова по-Нѣмецки, пустился объясняться мимикой: высунулъ сперва языкъ и сдѣлалъ кислую рожу, показывая тѣмъ, что ему надобно чего-то горькаго, потомъ началъ перетирать пальцами, какъ будто сыпля, и показывая тѣмъ, что ему надобно чего-то мелкаго, наконецъ вынулъ желтый платокъ. Купецъ заставлялъ его повторить нѣсколько разъ его знаки, долго думалъ, улыбался, подавалъ разныя вещи, и наконецъ схватилъ съ верхней полки банку горчицы. So, so! ja! ja! Восторга Нѣмца описать нельзя: чуть не забылъ онъ взять деньги за горчицу".

Побывавъ въ Лейпцигѣ, Погодинъ посѣтилъ Веймаръ и

тамъ провелъ день въ семействѣ нашего священника Стефана Карповича Сабинина. Гулялъ вечеромъ и утромъ по улицамъ Виланда, Шиллера, передъ домами Гердера и Гете. „Доброе желаніе,—пишетъ Погодинъ,—небольшая помощь, ласковое обращеніе, — и ничтожный Веймаръ сдѣлался Нѣмецкими Аѳинами, блестящимъ средоточіемъ Нѣмецкой Литературы, которая никогда болѣе не восходила на такую степень славы. Гердеръ—придворный проповѣдникъ, Гете — министръ, Виландъ — учитель наслѣдника, Шиллеръ — директоръ Театра; а въ двухъ миляхъ отъ Веймара Іенскій Университетъ, гдѣ учились, и Шеллингъ, и Фихте, и Гегель, и Коларъ, и Шафарикъ. Не одна наука, не одно искусство благословляютъ память покойнаго Карла-Августа: правосудіе и общественная благотворительность имѣли въ немъ также дѣятельнаго ревнителя".

Отъ семейства о. Сабинина, Погодинъ остался въ восторгѣ. „Мудрено самому богатому человѣку",—пишетъ онъ,—„дать такое превосходное воспитаніе своимъ дѣтямъ, какое даетъ, при ничтожныхъ своихъ средствахъ, нашъ почтенный священникъ; а дѣтей у него двѣнадцать человѣкъ: старшая дочь до такой степени удивила знаменитаго Франца Листа своимъ успѣхомъ на фортепіано, что онъ вызвался самъ давать ей уроки... Каково! Францъ Листъ даетъ уроки дочери нашего священника. Вѣрно многіе принцессы ей позавидуютъ!... Достопочтенное семейство!"

Чрезъ Франкфуртъ, Кобленцъ наши путешественники отправились въ Эмсъ. Въ Франкфуртѣ Погодину хотѣлось осмотрѣть церковь Св. Павла, гдѣ Нѣмецкіе ученые,—пишетъ онъ,—„явили свѣту доказательство національныхъ своихъ... но de mortuis aut bene, aut nihel. Жаль, что не справились они съ Св. Учителемъ языковъ, который указалъ бы имъ путь, истину и животъ".

Въ Кобленцѣ Погодинъ провелъ „прекрасный вечеръ" на берегу Рейна. „Грозный Эренбрейтштейнъ",—пишетъ онъ,—„высится предъ глазами, рѣка озарена послѣдними лучами

заходящаго солнца, пароходы летаютъ взадъ и впередъ; къ нимъ подплываютъ съ разныхъ сторонъ лодки; путешественники одни сходятъ, другіе занимаютъ ихъ мѣсто; раздаются призывные звонки, на пристани шумъ и движеніе, носильщики торопятся съ пожитками, трактирщики приглашаютъ гостей" [318]).

Въ Эмсъ нашъ путешественникъ пріѣхалъ 27 іюня 1853 года.

По пріѣздѣ въ Эмсъ, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ М. С. Щепкина: „мы въ Баденъ-Баденѣ; дорога моего больного поразстроила такъ, что мы во Франкфуртѣ ночевали двѣ ночи. Сюда прибыли 28, то-есть въ воскресенье, и онъ бѣдный, какъ видно, страдаетъ очень. Ныньче день очень благопріятный; можетъ быть поуспокоится. Мы остановились въ отелѣ Баде-Бодишерь-гофъ, не доѣзжая отеля Де-Русь. О себѣ скажу: здоровъ, какъ Русской; но страданія сына отнимаютъ большую половину тѣхъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя здѣсь на каждомъ шагу. Послѣ Дрездена я полагалъ, что уже поохладѣю и привыкну къ тѣмъ зданіямъ, которыя для меня такъ новы; нѣтъ, Лейпцигъ не охладилъ меня, а Франкфуртъ привелъ въ восторгъ, что это за городъ! Но постройку въ сторону. Какъ мнѣ вы растолкуете, отъ чего коронованный особы всей Европы допускаютъ существовать такому бѣльму, какъ вольные города? Вѣдь это каторги. Баденъ-Баденъ чудо; кажется ничего пріятнѣе и для здоровья полезнѣе ничего придумать нельзя. Это продолговатая долина, окруженная съ трехъ сторонъ горами, то-есть безчисленнымъ множествомъ горъ, порядочно высокихъ, изъ коихъ самая нисшая много выше нашихъ Воробьевыхъ; онѣ разбросаны съ невыразимою красотою, изъ нихъ можно сказать, что нѣкоторыя выше, но не лучше. Каждая отдѣльно красавица и всѣ онѣ осѣнены, по выраженію Гоголя, *мерлушками*: это рядъ юныхъ красотъ, улыбающихся другъ другу, потому что, чувствуя собственную красоту, безъ зависти смотритъ на подругъ, и по среди этой долины течетъ рѣчка, названіе забылъ, извиваясь по каменному дну, съ маленькимъ ропотомъ, такъ сказать,

ворчитъ, ну, пожалуй, журчитъ,—все это оставляетъ въ душѣ пріятное впечатлѣніе. Одного только мнѣ здѣсь не достаетъ— Русскаго слова; до сихъ поръ только и столкнулся съ княземъ Ухтомскимъ, и какъ я не люблю матушку Россію и Русскаго человѣка, но все мнѣ кажется онъ не доросъ еще до того, чтобы такъ воспользоваться всѣмъ, что дала природа, какъ Нѣмцы: честь и слава имъ. Но погоди, нѣмчура, мы доростемъ и переростемъ тебя, лишь бы развилось на нашей матушкѣ Россіи ученье! Ученье, ученье и ученье—по словамъ Гоголя, *впередъ! впередъ!* Дѣтямъ вашимъ мой поклонъ, не шутя мнѣ безъ нихъ скучно, жду васъ... Я бы самъ пріѣхалъ къ вамъ, но безъ языка, какъ ѣхать"!

Въ другомъ письмѣ, отъ 10 іюля, Щепкинъ писалъ Погодину: „Благодарю васъ отъ души за ваше письмо; душевно желаю, чтобы ванны принесли вамъ желаемую пользу. Сожалѣю весьма о Московскихъ утратахъ. Дай Богъ, чтобы вы распоряженіями своими привели все въ порядокъ. Безъ языка ѣхать къ вамъ не рѣшусь, а если случится попутчикъ, то непремѣнно пріѣду; въ противномъ же случаѣ, буду ждать васъ, дабы съ вами отправиться въ Парижъ, ибо больному моему, который вамъ кланяется, надо здѣсь еще съ мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе прожить. Докторъ его много обѣщаетъ. Здѣсь много Русскихъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и генералъ-адьютантъ Толстой, который чрезвычайно обласкалъ меня и пригласилъ меня прокатиться съ нимъ въ Базель, а оттуда къ Рейнскому водопаду. И мы поѣхали 6-го числа, а возвратились 8-го. Долго ѣхали по берегамъ Рейна и видѣли водопадъ и многое множество Швейцарскихъ горъ, и Чортову долину, да и не раскажешь всего; словомъ, чудеса да и только. Прощайте! Есть ли не найду случая быть у васъ, то буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ, потому что съ вами ѣхать въ Парижъ, это для меня былъ бы кладъ".

Въ томъ же письмѣ Щепкинъ писалъ и къ дочери Погодина, Александрѣ Михайловнѣ: „Много, много благодаренъ за ваше милое и доброе писаніе, которое ясно доказало, что

ы не забываете старика! Хорошо бы было, если бы случай дѣлалъ, чтобы могъ всѣхъ васъ поскорѣе видѣть, потому что то совершенно зависитъ отъ него; а не то съ терпѣніемъ, войственнымъ старости, буду ожидать васъ здѣсь, гдѣ природа удивительно богата. Горъ не перечтешь, и до сихъ оръ я всходилъ только на одну и это стоило большихъ труовъ, три раза отдыхалъ; но за то обошелъ ее всю до самой ершины и спустился на другую сторону и возвратился уже ъ другой стороны; а это еще самая меньшая изъ горъ. 'олько тоска, что все это одинъ и одинъ. Я видѣлъ водоадъ Рейна, паденіе аршинъ двѣнадцать и съ такою силою, то приходишь въ недоумѣніе, какихъ чудесъ нѣтъ въ приодѣ! Гоголь говорилъ когда-то, что человѣку нужны толчки: отъ они, вотъ толчки, которые заставятъ смотрѣть съ блаоговѣніемъ на чудеса природы. Гуляйте и гуляйте, больше апасайте здоровья на будущее, смотрите за папашей, чтобы нъ велъ себя порядочно, это всѣмъ ученымъ надо часто овторять, и скажите, что наука сохранять свое здоровье, во ервыхъ самая первая, во вторыхъ самая простая, а въ ретьихъ—самая трудная; вотъ потому-то не всѣ ученые ее наютъ" [319]).

LXXXII.

Эмсъ, по описанію Погодина, „прилѣпился къ утесамъ, кружающимъ съ правой стороны теченіе рѣки Лана, которая падаетъ въ Рейнъ, недалеко отъ Кобленца".

Во время пользованія водами, Погодинъ, проводя обыковенно время, между завтракомъ и обѣдомъ, за чтеніемъ азетъ, замѣтилъ, что всѣ онѣ „пересыпаютъ изъ пустого въ орожнее", такъ что „наши Московскія, право, берутъ премущество предъ всѣми. Политическія разсужденія, особенно осательно отношеній Россіи и Турціи, исполнены пристрасгія, предубѣжденій, односторонности и невѣжества. Журналисты пишутъ статьи, какъ лютеранскіе проповѣдники гово-

рятъ проповѣди, общими мѣстами на заданную себѣ тему“.
По поводу же тамошняго обѣда, Погодинъ замѣтилъ: „Еслибъ
привезти изъ Троицкаго трактира одну ногу телятины да
окорокъ ветчины, такъ, вѣроятно, въ этихъ двухъ пьесахъ
оказалось бы больше положительной сущности, чѣмъ во всей
массѣ здѣшней перегнанной трен-брени“.

Во время вечерняго питья водъ, дамы, по замѣчанію Погодина, стараются отличаться своими нарядами... Въ то время здѣсь по этой части отличались двѣ Ротшильды, Мюратъ, Пиль и пр. „Молодымъ и хорошенькимъ женщинамъ, пожалуй, можно еще уступить щегольство, а старыя-то и безобразныя для чего и для кого наряжаются? Особенно надоѣла мнѣ одна щеголиха, которая всякій день почти надѣвала новое платье, и вмѣстѣ носила такую кислую рожу, такую недовольную и сердитую мину, что на нее смотрѣть нельзя было безъ отвращенія. Вообще щегольство на водахъ не говоритъ много въ пользу Европейскаго образованія, и Шлецеръ могъ бы принять его въ число признаковъ для своего общественнаго термометра. А какую прискорбную противоположность представляла эта пышность, великолѣпіе, роскошь и расточительность съ грязными картинами окружающей нужды, бѣдности и нищеты!“

„Сашей я очень доволенъ,—писалъ Погодинъ въ Москву,—ходитъ всегда въ одномъ платьѣ, между тѣмъ какъ здѣшнія щеголихи перемѣняютъ въ день по четыре“.

Въ это время Погодину удалось прочесть нѣсколько брошюрокъ и по поводу этого чтенія замѣтилъ: „Что за нелѣпости пишутъ о Россіи и Русской церкви... А мы все молчимъ!... Рука такъ и рвалась писать и вступить въ состязаніе, но докторъ не велитъ!“ За то Погодинъ не упускалъ случая бесѣдовать, и бесѣды свои сохранилъ въ Дорожномъ Дневникѣ. Рѣчь зашла какъ-то у него съ однимъ Ганноверскимъ проповѣдникомъ о Французскихъ поселеніяхъ въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Каселѣ. Французы-реформаты пришли сюда большею частію изъ Лангедока, при Людовикѣ XIV.

Они получили себѣ отъ Нѣмецкихъ князей нѣкоторыя земли, весьма впрочемъ бѣдныя и тѣсныя. Въ 1830-хъ годахъ правительство опредѣлило употреблять имъ въ богослуженіи, судопроизводствѣ и училищахъ языкъ Нѣмецкій, вмѣсто Французскаго. Для Французовъ это было очень прискорбно, и они рѣшились не ходить въ церковь. Протестантскіе прихожане, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, собрались въ ихъ церковь, чтобъ литургія могла совершиться и безъ нихъ. Тогда явилось туда и нѣсколько Французовъ. Собесѣдникъ Погодина обратился къ нимъ съ рѣчью на Французскомъ языкѣ и сказалъ: друзья мои—вы пришли къ намъ, оставивъ отечество. Мы приняли васъ. Вы получили себѣ Нѣмецкую землю во владѣніе, вы живете подъ Нѣмецкимъ небомъ, вы ѣдите Нѣмецкій хлѣбъ. Возблагодаримъ Бога за всѣ его милости языкомъ вашихъ отцевъ — и принесемъ ему теплую молитву языкомъ вашего новаго отечества, чтобы Онъ не оставилъ васъ своими благодѣяніями и на будущее время. Французы были очень тронуты и рѣшились ходить въ церковь". Выслушавъ это, Погодинъ замѣтилъ своему собесѣднику: „Вотъ видите ли какъ вы поступаете и находите нужнымъ поступать съ вашими гостями, а вы помните ли, какой шумъ подняли ваши журналисты, когда Русское правительство не языкъ Нѣмецкій вывело изъ употребленія въ Остзейскихъ губерніяхъ, а изъявило только желаніе, чтобъ дѣти въ школахъ, учась древнимъ и новымъ языкамъ, учились вмѣстѣ и по-Русски". Воспользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ сообщилъ ученому пастору свѣдѣнія о тѣхъ правахъ, коими пользуются у насъ Нѣмецкіе подданные, и тотъ слушалъ его, не вѣря ушамъ своимъ".

О Русской Церкви,—замѣчаетъ Погодинъ, — не имѣютъ въ Германіи никакого почти понятія. Между нимъ и пасторомъ, по этому предмету произошелъ слѣдующій діалогъ:

Пасторъ:—Говорятъ ли у васъ проповѣди?

Погодинъ: „Проповѣдь съ древнѣйшихъ временъ составляетъ важную часть нашего богослуженія".

Пасторъ:—Имѣете ли вы знаменитыхъ проповѣдниковъ?

рятъ проповѣди, общими мѣстами на заданную себѣ тему". По поводу же тамошняго обѣда, Погодинъ замѣтилъ: „Еслибъ привезти изъ Троицкаго трактира одну ногу телятины да окорокъ ветчины, такъ, вѣроятно, въ этихъ двухъ пьесахъ оказалось бы больше положительной сущности, чѣмъ во всей массѣ здѣшней перегнанной трен-брени".

Во время вечерняго питья водъ, дамы, по замѣчанію Погодина, стараются отличаться своими нарядами... Въ то время здѣсь по этой части отличались двѣ Ротшильды, Мюратъ, Пиль и пр. „Молодымъ и хорошенькимъ женщинамъ, пожалуй, можно еще уступить щегольство, а старыя-то и безобразныя для чего и для кого наряжаются? Особенно надоѣла мнѣ одна щеголиха, которая всякій день почти надѣвала новое платье, и вмѣстѣ носила такую кислую рожу, такую недовольную и сердитую мину, что на нее смотрѣть нельзя было безъ отвращенія. Вообще щегольство на водахъ не говоритъ много въ пользу Европейскаго образованія, и Шлецеръ могъ бы принять его въ число признаковъ для своего общественнаго термометра. А какую прискорбную противоположность представляла эта пышность, великолѣпіе, роскошь и расточительность съ грязными картинами окружающей нужды, бѣдности и нищеты!"

„Сашей я очень доволенъ,—писалъ Погодинъ въ Москву,—ходитъ всегда въ одномъ платьѣ, между тѣмъ какъ здѣшнія щеголихи перемѣняютъ въ день по четыре".

Въ это время Погодину удалось прочесть нѣсколько брошюрокъ и по поводу этого чтенія замѣтилъ: „Что за нелѣпости пишутъ о Россіи и Русской церкви... А мы все молчимъ!... Рука такъ и рвалась писать и вступить въ состязаніе, но докторъ не велитъ!" За то Погодинъ не упускалъ случая бесѣдовать, и бесѣды свои сохранилъ въ Дорожномъ Дневникѣ. Рѣчь зашла какъ-то у него съ однимъ Ганноверскимъ проповѣдникомъ о Французскихъ поселеніяхъ въ Ганноверѣ, Браунштейгѣ и Каселѣ. Французы-реформаты пришли сюда большею частію изъ Лангедока, при Людовикѣ XIV.

Они получили себѣ отъ Нѣмецкихъ князей нѣкоторыя земли, весьма впрочемъ бѣдныя и тѣсныя. Въ 1830-хъ годахъ правительство опредѣлило употреблять имъ въ богослуженіи, судопроизводствѣ и училищахъ языкъ Нѣмецкій, вмѣсто Французскаго. Для Французовъ это было очень прискорбно, и они рѣшились не ходить въ церковь. Протестантскіе прихожане, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, собрались въ ихъ церковь, чтобъ литургія могла совершиться и безъ нихъ. Тогда явилось туда и нѣсколько Французовъ. Собесѣдникъ Погодина обратился къ нимъ съ рѣчью на Французскомъ языкѣ и сказалъ: друзья мои—вы пришли къ намъ, оставивъ отечество. Мы приняли васъ. Вы получили себѣ Нѣмецкую землю во владѣніе, вы живете подъ Нѣмецкимъ небомъ, вы ѣдите Нѣмецкій хлѣбъ. Возблагодаримъ Бога за всѣ его милости языкомъ вашихъ отцевъ — и принесемъ ему теплую молитву языкомъ вашего новаго отечества, чтобы Онъ не оставилъ васъ своими благодѣяніями и на будущее время. Французы были очень тронуты и рѣшились ходить въ церковь". Выслушавъ это, Погодинъ замѣтилъ своему собесѣднику: „Вотъ видите ли какъ вы поступаете и находите нужнымъ поступать съ вашими гостями, а вы помните ли, какой шумъ подняли ваши журналисты, когда Русское правительство не языкъ Нѣмецкій вывело изъ употребленія въ Остзейскихъ губерніяхъ, а изъявило только желаніе, чтобъ дѣти въ школахъ, учась древнимъ и новымъ языкамъ, учились вмѣстѣ и по-Русски". Воспользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ сообщилъ ученому пастору свѣдѣнія о тѣхъ правахъ, коими пользуются у насъ Нѣмецкіе подданные, и тотъ слушалъ его, не вѣря ушамъ своимъ".

О Русской Церкви,—замѣчаетъ Погодинъ,— не имѣютъ въ Германіи никакого почти понятія. Между нимъ и пасторомъ, по этому предмету произошелъ слѣдующій діалогъ:

Пасторъ:—Говорятъ ли у васъ проповѣди?

Погодинъ: „Проповѣдь съ древнѣйшихъ временъ составляетъ важную часть нашего богослуженія".

Пасторъ:—Имѣете ли вы знаменитыхъ проповѣдниковъ?

Погодинъ: „Именно этотъ родъ процвѣтаетъ у насъ наиболѣе. Многія проповѣди наши отличаются не только краснорѣчіемъ, но и глубокомысліемъ. Читая Филарета, какъ будто летишь съ орломъ въ небо и боишься упасть—такъ смѣлъ и быстръ бываетъ часто его полетъ“.

Пасторъ:—Ахъ, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ какую-нибудь его проповѣдь на Нѣмецкомъ языкѣ.

Погодинъ обѣщалъ перевести ихъ нѣсколько и доставить пастору, въ Геттингенъ.

За два дня передъ отъѣздомъ изъ Эмса, Погодинъ встрѣтился на прогулкѣ съ Германскимъ профессоромъ философіи Вердеромъ, котораго одну лекцію онъ прослушалъ лѣтъ десять тому назадъ. Нашъ путешественникъ узналъ его тотчасъ и возобновилъ знакомство. Съ особеннымъ, живымъ участіемъ разспрашивалъ Вердеръ о Грановскомъ и другихъ Московскихъ своихъ знакомыхъ. Съ отличной похвалою отзывался Вердеръ о занятіяхъ философіею нѣкоторыхъ нашихъ студентовъ, и увѣрялъ, что въ способностяхъ онъ рѣшительно отдаетъ преимущество Русскимъ. Разумѣется, Погодину очень пріятно было слышать эти отзывы. На вопросъ Погодина, чѣмъ теперь занимается Вердеръ, онъ отвѣчалъ, что ставитъ на сцену своего Колумба, трилогію, состоящую изъ трехъ трагедій. Погодинъ много говорилъ съ Вердеромъ о Русской Исторіи и о той „блистательной будущности, которая предстоитъ Русскому языку, Церкви, Исторіи, Искусству, Праву. Европейцы, по невѣдѣнію, до сихъ поръ отзывающіеся о насъ съ такимъ пренебреженіемъ, должны увидѣть тамъ вскорѣ новый свѣтъ“.

Между тѣмъ, Вердеръ высказалъ Погодину слѣдующія замѣчательныя мысли: „Общихъ, отвлеченныхъ положеній довольно“, — говорилъ онъ, — „мы ихъ выразумѣли, и для насъ всего занимательнѣе теперь живыя частности, заключающіяся въ біографіяхъ, коими общее представляется“. Маколею Вердеръ отдаетъ преимущество предъ многими Нѣмецкими историками. Погодинъ спрашивалъ также Вердера

о Шеллингѣ, о состояніи его духа, въ какомъ расположеніи ожидаетъ онъ своей смерти? „Онъ очень спокоенъ",—отвѣтилъ Вердеръ,—„веселъ, свѣтелъ, и трудится неусыпно". На это Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ лучшее окончаніе его системъ философіи, если онъ и не успѣетъ обработать своего сочиненія".

Передъ окошками дома, въ которомъ жилъ Погодинъ въ Эмсѣ строился мостъ чрезъ рѣку Ланъ. „Противно смотрѣть,—писалъ онъ,—на здѣшнихъ работниковъ: гдѣ-то встанутъ, гдѣ-то поднимутъ руки, гдѣ-то опустятъ ихъ! Что за вялость, безучастіе, скука на ихъ лицахъ. Ходятъ какъ разваренные, примѣриваются, пробуютъ. То ли дѣло Русскіе каменщики, плотники, печники, штукатуры, въ ихъ бѣлыхъ или синихъ рубашкахъ, подпоясанные, съ пѣснями и веселыми разговорами. Работа именно кипитъ у нихъ, и всякое дѣло мастера боится, не только мастера, но даже работника. А здѣсь, на-оборотъ: всякій мастеръ боится, кажется, дѣла. За то дѣло дѣлается у нихъ прочно, и не оказывается нужды передѣлывать, исправлять, чинить. Всякому свое" [320]).

Въ Эмсѣ Погодину пришлось прожить менѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Докторъ посовѣтовалъ ему отправиться въ Вильдбадъ, и кончить тамъ леченіе ваннами.

Изъ Эмса, Погодинъ написалъ слѣдующее неожиданное письмо въ Парижъ, къ протоіерею Іосифу Васильевичу Васильеву: „Незнакомый лично, надѣюсь на ваше заочное доброе расположеніе, милостивый государь Осипъ Васильевичъ, и прошу васъ покорнѣйше помочь мнѣ къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ, присланныхъ мнѣ вчера изъ Россіи.

1) Цѣны хлѣбовъ всѣхъ родовъ базарныя и оптовыя?

Отвѣтъ о. Васильева: „Измѣняются почти ежедневно".

2) Цѣна на ведро хлѣбнаго спирта и степень его крѣпости?

3) Цѣна виноградного спирта?

4) О системахъ питейнаго сбора?

5) Виды на урожай?

Отвѣтъ: „Урожаи недостаточные".

6) Почемъ продается икра и есть ли хорошая?

Отвѣтъ: „Плохая по восьми франковъ фунтъ".

7) Много ли попадается въ обращеніи нашей звонкой монеты?

Отвѣтъ: „Мало".

8) На какихъ основаніяхъ учрежденъ Credit mobilier?

Разрѣшеніе вопросовъ относится къ Франціи. О Германіи я напишу въ Берлинъ. Если можете отвѣтить скоро, то прошу адресовать à Ems, poste restante. Я пробуду здѣсь дней десять, а послѣ—въ Ахенъ или Крейцнахъ, откуда напишу къ вамъ. Чрезъ мѣсяцъ, надѣюсь быть въ Парижѣ, увидѣть васъ, извиниться въ безцеремонности и засвидѣтельствовать свое искреннее почтеніе".

Въ тоже время Погодинъ изъ Емса написалъ слѣдующее письмо въ Москву: „Послѣ Сашиныхъ описаній, мнѣ остается только написать вамъ о себѣ, что я чувствую себя очень хорошо. легко и свѣтло. Только въ ногѣ нѣтъ, кажется, перемѣны къ лучшему. Можетъ быть отъ того, что хожу слишкомъ уже много и поднимаюсь на лѣстницу въ восемдесятъ ступень разъ пятнадцать въ день, взадъ и впередъ. Мы пробудемъ здѣсь, можетъ быть, меньше, чѣмъ думали; здѣшній обыкновенный курсъ три недѣли". Далѣе, Погодинъ дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія. „Теперь о домѣ",—пишетъ—онъ, „что вы сдѣлали съ коридоромъ? Приняли-ль мѣры, чтобы онъ былъ теплѣе? Какъ устроили двери на крыльцѣ и въ наружную галлерею? Пересмотрѣли-ль лѣстницу на антресоли? Обивать, если вамъ хочется, пожалуй, обейте, но съ условіемъ, чтобъ все было *просто*, безъ особенныхъ узоровъ. Жилище людей средняго сословія не должно походить на жилище банкировъ или вельможъ. Чтобъ не видать было ни малѣйшей претензіи и желанія пощеголять. Укрѣплены-ли хоры? Надо также постараться, чтобъ прислугѣ было по хорошему углу, гдѣ бы они всѣ жили въ опрятности и порядкѣ" [321]).

LXXXIII.

По пути въ Вильдбадъ, подъѣзжая къ Висбадену, Погодинъ увидѣлъ вдали, среди окружающей густой зелени, пять главъ, „горящихъ какъ жаръ, по-Московски". Это,—пишетъ онъ,—„церковь основанная великимъ герцогомъ надъ прахомъ его почившей супруги, нашей великой княжны Елисаветы Михайловны. Мы сняли шляпы и перекрестились, помянули почившую. Спутники разсказывали другъ другу чудеса о церкви и о суммѣ, которой стоило золоченье! Мысль прекрасная, построить такую церковь! Вообще желательно видѣть Русскія церкви въ главныхъ городахъ Европейскихъ, чтобъ жители видѣли наше богослуженіе. Въ послѣднихъ газетахъ прочелъ я, что даже Турки строятъ себѣ особую мечеть въ Парижѣ".

По совѣту одного добраго человѣка, изъ Франкфурта, Погодинъ рѣшился ѣхать по желѣзной дорогѣ до Брухзаля, а оттуда съ экстра-почтою до Вильдбада. Этимъ путешествіемъ Погодинъ остался очень доволенъ. „Надо сознаться",—писалъ онъ",—что жизнь получила здѣсь много удобствъ и удовольствій, доселѣ ни думанныхъ, ни гаданныхъ". Въ Гейдельбергѣ онъ съѣхался съ другими Русскими, и рѣшились отправиться изъ Брухзаля, въ двухъ колясkахъ. Но тутъ нашему путешественнику довелось испытать дорожную непріятность, и вотъ что онъ внесъ въ свой Дорожный Дневникъ: „На второй станціи, послѣ Вильфердингена, почталіонъ мой заснулъ и повалилъ нашу коляску въ канаву. Насилу мы вылѣзли, впрочемъ безъ всякаго вреда, хоть второй моей ногѣ представлялся случай уровняться съ первою. Почталіоны принялись сперва браниться между собою, а потомъ поднимать коляску, но не имѣли силъ. Мы отпустили вторую коляску впередъ съ тѣмъ, чтобы призвать людей изъ ближайшаго селенія, а сами остались середь большой дороги дожидаться. Черезъ часъ пришелъ одинъ помощникъ съ мальчикомъ, и также не успѣлъ ничего сдѣлать. Тогда мы рѣши-

лись идти пѣшкомъ до станціи, и прислать лошадей за пожитками. Станція оказалась дальше, чѣмъ было намъ разсказано. Мы остановились на постояломъ дворѣ, откуда нашъ почталіонъ взялъ телѣгу, и, плачущій, отправился къ своей увязшей коляскѣ, а мы дождались второй коляски, которая воротилась въ Нейбергъ и довезла насъ туда по дремучему лѣсу, на гору и въ гору, уже въ третьемъ часу по-полуночи. Спутники предложили доночевать здѣсь, чему я былъ очень радъ, имѣя нужду въ отдыхѣ. Кое-какъ мы нашли пріютъ и улеглися, а по утру отправились въ дорогу. Путешествіе морское и по желѣзнымъ дорогамъ, впродолженіе десяти дней безпрерывное, совершилось благополучно, а на одной станціи, въ спокойной коляскѣ, пригрозила опасность!“

Испытавши столько дорожныхъ треволненій, путешественникъ нашъ „по прелестной дорогѣ, между горами Шварцвальда, по берегу стремительнаго потока“, яснымъ утромъ, 3 августа 1853 года, пріѣхалъ въ Вильдбадъ [322]).

По пріѣздѣ въ Вильдбадъ, Погодинъ писалъ въ Москву: „Здравствуйте, мои дорогіе! Вмѣсто Гастейна, я попалъ въ Вильдбадъ (въ Виртембергскомъ Королевствѣ). Дѣйствіе здѣшнихъ ваннъ почти такое же, какъ Гастейна,—и я рѣшился, по совѣту медиковъ, пріѣхать сюда, тѣмъ болѣе, что Вильдбадъ ближе и удобнѣе. Изъ Эмса ѣхать въ Парижъ, а оттуда въ Гастейнъ,—пришлось бы очень поздно, то-есть, въ концѣ августа, а мѣсто тамъ высокое и погода могла быть холодная. Ѣхать сперва въ Гастейнъ, а потомъ въ Парижъ,—пришлось бы два раза дѣлать одну дорогу, и притомъ очень длинную (на Стутгартъ, Мюнхенъ и Зальцбургъ), и не поспѣть къ Парижскимъ праздникамъ 15-го августа. Теперь рѣшилъ я взять десять ваннъ и выѣхать 13-го въ Страсбургъ, а 14-го въ Парижъ, пробыть тамъ десять дней, и пріѣхать оттуда опять сюда для десяти ваннъ. Впрочемъ, это еще не навѣрное. Можетъ быть, я останусь теперь дольше и возьму всѣ ванны сряду, если докторъ почтетъ это за лучшее. Пожертвовать Парижскими увеселеніями для меня ничего не значитъ, разу-

мѣется, а хотѣлось потѣшить дѣтей. Можетъ быть даже, больше десяти ваннъ я и совсѣмъ брать не буду. Чувствую себя хорошо. Съ княгиней Надеждой Борисовной Трубецкой мы встрѣтились въ Брухзалѣ и ѣхали вмѣстѣ въ Вильдбадъ. Здѣсь мѣсто прекрасное. Прогулки пріятныя. Жить дешево. Общество большое, и такихъ нарядовъ, какъ въ Эмсѣ, нѣтъ. Всѣ хромые, слѣпые и чающіе движенія воды, какъ въ купели Силоамской" [323]).

Вильдбадомъ Погодинъ остался вполнѣ доволенъ. „Живописное, очаровательное мѣсто!"—писалъ онъ:—„всѣ горы покрыты лѣсомъ. Солнце озаряетъ ихъ постепенно, то съ той, то съ другой стороны. Тѣни безпрестанно измѣняются. Лучи прокрадываются, то тамъ, то здѣсь. А какъ хороша голубая дымка, которою, вечеромъ, даль покрывается, и которая темнѣетъ ежеминутно до полнаго мрака. Потокъ шумитъ, ударясь объ камни, лежащіе на пути его, и мчится въ неизвѣстную даль. Здѣсь надо читать Шиллера и Жуковскаго. Бѣлая пѣна разсыпается въ дребезги. Вода прозрачна, какъ стекло. А воздухъ! Чистый, легкій, благоуханный!"

На другой же день Погодинъ нашелъ здѣсь нѣсколько Русскихъ, которые разсказали ему „чудеса о животворномъ дѣйствіи здѣшнихъ водъ".

Въ Вильдбадѣ, на прогулкѣ, Погодинъ встрѣчалъ безпрестанно больныхъ, разбитыхъ параличемъ, или лишенныхъ употребленія рукъ и ногъ. „Вообще видно",—замѣчаетъ Погодинъ,—„что сюда ѣздятъ лечиться, а не убивать время". Гостинницею *Медвѣдь* Погодинъ остался особенно доволенъ: „чисто, учтиво, вкусно и дешево".

Вставалъ Погодинъ въ Вильдбадѣ въ 5-мъ утра; до половины 6-го ванны, потомъ отдыхъ, два стакана воды, часовая прогулка,—и „вождѣленный кофе!" Затѣмъ, прогулка по горамъ и обѣдъ въ часъ. Послѣ обѣда новыя прогулки по горамъ и лѣсамъ до захожденія солнца, и затѣмъ „начинаетъ тебя клонить сонъ".

На досугѣ и просторѣ мысль Погодина останавливалась

часто на тѣхъ предметахъ, по которымъ скользитъ среди заботъ и суетъ ежедневной нашей жизни. „Какъ расточаемъ мы наше время“, — писалъ онъ, — „что *искупать* повелѣваетъ Мудрый! Сколько пустого во многихъ нашихъ занятіяхъ. А отъ высшихъ человѣческихъ вопросовъ какъ отвыкаемся мы непримѣтно для самихъ себя, дѣлаясь какими-то машинами смышлеными. Басня Крылова, о счастіи трехъ братьевъ, которые употребляли его, каждый по своему, можно приложить ко многимъ нашимъ занятіямъ. Изъ чего часто хлопочемъ и, по выраженію Грибоѣдова, бѣснуемся мы столько! А смерть приближается“ [324]).

Въ Вильдбадѣ Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ М. С. Щепкина: „Отъ души благодарю васъ за извѣстіе о себѣ и о вашихъ планахъ на путешествіе; радъ присоединиться къ вамъ, и есть ли вы не будете къ намъ въ Баденъ-Баденъ, въ такомъ случаѣ я пріѣду въ Страсбургъ, или, пожалуй, подожду въ Дурлахѣ; только кажется тутъ на станціонной дорогѣ нѣтъ никакого пріюту. То-есть, 13-го числа я буду тамъ или тамо; помните, что я безъ языка и потому право было бы лучше есть ли бы вы пріѣхали къ намъ. Побалуйте старика, это съ вашей стороны будетъ доброе дѣло: а Русскій человѣкъ не прочь отъ добраго дѣла. Здѣсь бы еще увидались съ Чертковыми, а они теперь всѣ здѣсь. Дѣтямъ вашимъ мой поклонъ. Больному моему, кажется, немного получше и онъ вамъ всѣмъ кланяется. Во всякомъ случаѣ, ежели вы будете такъ недобры, что не пріѣдете къ намъ, то скорѣй ищите меня въ Страсбургѣ въ лучшей гостинницѣ, а какъ она называется, право не помню, словомъ 13-го я тамъ; но все помните, что я безъ языка, чтобъ не вышло другой горчицы, прощайте! Найдете меня въ Страсбургѣ. Ежели я не увижу васъ въ Баденъ-Баденѣ.

Въ Эмсѣ Погодинъ сошелся съ Петербургскимъ жителемъ С. Ивановскимъ, который, переѣхавши въ Швальбахъ, писалъ Погодину въ Вильдбадъ: „Сейчасъ только, возвращаясь изъ утренняго водопитія, получилъ пріятнѣйшее письмо ваше,

на которое, безъ малѣйшаго замедленія, спѣшу писать къ вамъ. Радуюсь искренно, что вы добрались до Вильдбада, хотя путешествіе не обошлось безъ приключеній, которыя могли бы кончиться гораздо худшими послѣдствіями, по милости противнаго Нѣмца, за котораго я ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы просить, будучи на вашемъ мѣстѣ. Желая отъ всей души, чтобы леченіе Вильдбадскими водами принесло вамъ пользу, я вмѣстѣ желаю, чтобы у доктора вашего проявилось вдохновеніе, настоять на двадцати ваннахъ и этимъ дать намъ возможность увидѣться опять въ Парижѣ и вспомнить о пріятномъ времени въ Эмсѣ, за которое мы вамъ вполнѣ обязаны. Это время займетъ, конечно, лучшее воспоминаніе въ нашемъ путешествіи. Что вамъ сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ Швальбахѣ? Оно, безъ сомнѣнія, весьма похоже на то, которое испытываете и вы въ Вильдбадѣ, т.-е. утромъ вода и ванны, послѣ обѣда опять вода и наконецъ вода надоѣла мнѣ до того, что я, по возвращеніи, и на Невскую буду поглядывать со страхомъ. Однако же, не смотря на это, мы пробудемъ еще двѣ недѣли, чтобы хорошенько укрѣпиться. Мѣстоположеніе Швальбаха, хотя менѣе живописно Эмса, однако же есть мѣста весьма замѣчательныя и пріятныя для прогулокъ. Садъ здѣшній мнѣ болѣе нравится; кормятъ лучше и кофе даютъ получше Эмскаго; чего же больше остается желать больному путешественнику? У насъ и здѣсь составилось маленькое Русское общество изъ семейства Карновича и Сталь. Карновичъ для того привезъ сюда жену свою, чтобы испытать дѣйствіе здѣшнихъ водъ. Сегодня предполагаемъ всѣ вмѣстѣ посѣтить Шлангенбадъ“ [325]).

Послѣ Вильдбадскаго курса, у Погодина оставался мѣсяцъ, который онъ могъ употребить по усмотрѣнію на необходимую прогулку, предъ возвращеніемъ во-свяси. Онъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, отправиться въ Нормандію, чтобъ осмотрѣть слѣды Норманновъ, и познакомиться съ тамошними учеными; „а дѣтей“,—какъ онъ пишетъ,—„кстати оставлю“ въ Парижѣ, позабавиться съ М. С. Щепкинымъ,

который проситъ убѣдительно заѣхать за нимъ въ Баденъ-Баденъ, и показать столицу міра".

Наканунѣ своего отъѣзда, Погодинъ получилъ письмо изъ Ульма, отъ профессора Тафеля, въ которомъ онъ увѣдомляетъ его, что ѣздилъ нарочно въ Эмсъ, познакомиться съ нимъ по сходству ихъ занятій (его предметъ—древняя Византійская Исторія), но Тафель не засталъ его въ Эмсѣ. „Жаль мнѣ стало старика",—писалъ Погодинъ,—„что онъ прокатился даромъ. Вздумалъ-было заплатить ему визитъ и слетать теперь нарочно въ Ульмъ, но рѣшился отложить это посѣщеніе до возвратнаго пути, хоть и заѣду теперь въ Стутгартъ".

Изъ Вильдбада путешественникъ нашъ отправился въ Стутгартъ. „Часа два дорога шла все въ гору",—писалъ Погодинъ,—„слѣдственно шагомъ. Присоедините тѣсноту и духоту, и вы живѣе почувствуете благодѣяніе желѣзныхъ дорогъ, къ которымъ мы успѣли уже привыкнуть".

Въ Кальвѣ, на половинѣ дороги, нашего путешественника угостили плохимъ обѣдомъ.

Въ Стутгартѣ Погодинъ отыскалъ достойнаго нашего священника Базарова, который сдѣлался извѣстенъ всей Россіи своимъ описаніемъ послѣднихъ минутъ Жуковскаго. Разумѣется, первымъ предметомъ ихъ разговора былъ Жуковскій.

Жилище отца Базарова оставило въ Погодинѣ очень пріятное впечатлѣніе. „Его образа, картины, портреты, книги",—писалъ Погодинъ—„даже расположеніе комнатъ, чистыхъ, просторныхъ, безъ роскоши, но со вкусомъ убранныхъ, таковы, что нельзя не пожелать подобныхъ жилищъ всѣмъ его достойнымъ собратіямъ, въ столицахъ, городахъ нашихъ и деревняхъ".

Отецъ Базаровъ сообщилъ Погодину свѣдѣніе о разныхъ статьяхъ, явившихся въ послѣднее время по журналамъ о нашей Церкви.

Бесѣдуя о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ, Погодинъ услыхалъ отъ Базарова о докторѣ Бартѣ, который живетъ въ Кальвѣ, ведетъ переписку почти со всѣми миссіо-

нерами, и издаетъ общій для нихъ журналъ, а также занимается изданіемъ книгъ для дѣтей. „Да",—замѣчаетъ Погодинъ,—въ послѣднеее время умножилось, кажется, по всѣмъ Европейскимъ землямъ число этихъ благородныхъ тружениковъ, которые, познавъ суету всего политическаго, рѣшились посвятить себя частнымъ изслѣдованіямъ, и въ тишинѣ своихъ кабинетовъ трудятся спокойно надъ любимыми своими предметами, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ міра сего".

Послѣ прогулки и чаепитія, Погодинъ явился къ послѣднему сроку на станцію желѣзной дороги. Въ Вильдбадѣ Погодину случилось кого-то спросить: „Что есть особенно примѣчательнаго въ Стутгартѣ"?—Великая княгиня Ольга Николаевна, получилъ онъ въ отвѣтъ. Но, „къ прискорбію" Погодина, великой княгини не было въ городѣ, и онъ не могъ ей засвидѣтельствовать „своей глубокой благодарности за посѣщенія, коими она нѣсколько разъ удостоивала его Древлехранилище".

Въ 7-мъ вечера, нашъ путешественникъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Гейльброннъ. Дорогою завязался у него разговоръ съ сосѣдомъ, конскимъ охотникомъ изъ Ганновера, который ѣздилъ осматривать Виртембергскіе заводы, и до такой степени, какъ замѣтилъ Погодинъ, „былъ полонъ своего предмета, что, не смотря на мои односложные отвѣты, и вѣроятно невѣжественные вопросы, сообщалъ мнѣ подробныя описанія всѣхъ здѣшнихъ матокъ, и самыми живыми звуками выразилъ свое удивленіе, какимъ образомъ въ Стутгартѣ могъ завестись подобный заводъ". Подъ конецъ, Погодинъ „расхохотался", вспомнивъ свой разговоръ о знаменитомъ *Бычкѣ* съ покойнымъ Д. П. Голохвостовымъ.

Въ Гейльброннъ Погодинъ пріѣхалъ поздно, но не смотря на позднее время, онъ все таки хотѣлъ отправиться къ Кернеру, „покровителю всѣхъ духовъ, призраковъ и видѣній"; но Погодину сказали, что онъ живетъ въ маленькомъ городкѣ Вейнсбергѣ, eine gute Stunde отъ Гейльбронна; а потому онъ,

сдѣлавъ распоряженіе нанять себѣ коляску въ 5 утра, „ус-
лый повалился на постель“.

Въ назначенное время, съ Нѣмецкой аккуратностію и „надбавкой цѣны“, коляска была готова. Дорога шла меж виноградниками и живописными холмами. По пріѣздѣ Вейнсбергъ, Погодинъ спросилъ у извощика: „Знаешь ли т где живетъ Юстинъ Кернеръ?—Какъ не знать стараго Ке-нера, отвѣчалъ онъ.

Но Кернеръ въ это время уѣхалъ въ Вильдбадъ; тѣ не менѣе, Погодинъ вошелъ въ его домъ и попросилъ хозяй показать ему, по крайней мѣрѣ, портретъ Кернера. Меж тѣмъ, какъ Погодинъ разсматривалъ портреты и картины, развѣшанные по стѣнамъ, вдругъ взглядъ его остановился на статуѣ, во весь ростъ, Жуковскаго. „Какъ онъ явился здѣсь?“ вопрошаетъ Погодинъ.

Вскорѣ послѣ того, въ Баденъ-Баденѣ, Погодину удалось узнать отъ князя А. М. Горчакова, что Жуковскій поручалъ Кернеру переводить *Странствующаго Жида*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Горчаковъ сообщилъ Погодину о двухъ посланіяхъ Кернера, „весьма удавшихся“: первое—къ Виртембергскому королю, котораго проситъ онъ о помилованіи его сына, изгнанника, провинившагося въ мятежахъ 1848 года, второе—посланіе къ сыну, которому объясняетъ, что̀ такое истинная свобода“.

Изъ комнатъ, гдѣ все говоритъ „о благочестіи“ Кернера, Погодина „повели въ его садъ“, гдѣ онъ, пробираясь по дорожкамъ, „вдругъ обернулся въ сторону“, и увидѣлъ предъ собою лѣпное Распятіе...

LXXXIV.

Послѣ завтрака, Погодинъ поплылъ на пароходѣ по Неккару, берега котораго „славятся своими прелестями“. Отсюда, писалъ Погодинъ, „прилетѣлъ ангелъ, котораго спрашивалъ Жуковскій:

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой.
Прилетѣлъ я изъ прекрасной
Полуденной стороны,
Гдѣ безъ зноя небо ясно,
Гдѣ предѣлъ младой весны.
Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
Сѣнолиственны шумятъ,
Гдѣ на холмахъ пурпуровый
Созрѣваетъ виноградъ.

Эти стихи не сходили у меня съ языка, я повторялъ ихъ про себя, и Нѣмецкимъ моимъ спутникамъ, съ которыми вскорѣ познакомился, чтобъ подать имъ понятіе о Русскихъ звукахъ, отнюдь не такъ грубыхъ, какъ многимъ изъ нихъ кажется".

Берега Неккара „милѣе Рейнскихъ, горы положе, больше зелени, нѣтъ такихъ утесовъ, какъ тамъ, виды пріятнѣе".

Спутниками Погодина были Нѣмцы, большею частію изъ Сѣверной Германіи. Въ числѣ спутниковъ былъ также знакомый уже намъ конскій охотникъ; кромѣ того, онъ былъ асессоръ изъ одного города въ Ганноверскомъ Королевствѣ. На этотъ разъ онъ показался Погодину „очень умнымъ, дѣльнымъ и расположеннымъ къ справедливости человѣкомъ". Вчера,—пишетъ Погодинъ,—„подъ вліяніемъ только что полученныхъ впечатлѣній, онъ не могъ, видно, воздержать свое удивленіе предъ Стутгартскими заводами и изливался въ патетической рѣчи только объ Англійскихъ жеребцахъ и Арабскихъ кобылахъ; нынѣ — онъ совсѣмъ другой человѣкъ, и разговоръ нашъ коснулся до всѣхъ предметовъ Европейскихъ".

Къ Погодину и его спутникамъ присоединилось нѣсколько другихъ собесѣдниковъ. Нашъ путешественникъ вступилъ въ весьма любопытное состязаніе съ Нѣмцами: „Прежде всего, разумѣется",—писалъ Погодинъ,—„надо было мнѣ отвѣчать на Нѣмецкія обвиненія".

Нѣмцы:—Вы хотите быть нашими покровителями и руководителями. Это Нѣмецкій конекъ.

Погодинъ: „Да Богъ съ вами совсѣмъ. Какая польза намъ отъ этого покровительства и руководства. Изъ чего намъ хлопотать. Хоть бы вы на головахъ ходили, лишь бы намъ отъ того не происходило вреда. Впрочемъ, Россія предъ глазами всей Европы остановила въ прошломъ году войну Австріи и Пруссіи: что же—не должны вы благодарить насъ за это? Участіе полезно было вамъ или нѣтъ"?

Нѣмцы:—Вы хотите завоеваній.

Погодинъ: „На что намъ они? Россія такъ велика, что никакія Европейскія завоеванія не могутъ увеличить ее. Вы считаете милями, а у насъ сотни миль ни почемъ. Въ нашихъ предѣлахъ есть множество странъ, ожидающихъ воздѣланія: Новая Россія, Сибирь, Крымъ, Кавказъ и Закавказье, страны около Каспійскаго моря, Бѣлаго, Восточнаго океана. А средняя Азія, пожалуй, хоть съ Индіей и Китаемъ, развѣ не открытѣе для насъ, чѣмъ Европейскія какія-нибудь вымѣренныя провинціи? Мы не знаемъ еще, какъ справиться съ собственными нашими силами: на что намъ теперь чужія. Дайте срокъ"...

Нѣмцы:—А для чего же притѣсняете вы Турцію?

Погодинъ: „Стыдитесь говорить объ этихъ притѣсненіяхъ: Россія вступается за христіанъ, и требуетъ настоятельно, чтобъ обѣщанія Турокъ были исполнены, а вы эти священныя требованія называете притѣсненіями? Давно ли христіанская Европа сдружилась такъ съ Магометомъ? Вѣдь это ренегатство"!

Нѣмцы:—Ваши требованія—только личина, но подъ ними скрываются другія намѣренія.

Погодинъ: „Не лучше ли было намъ исполнить эти намѣренія въ 1848 году, когда вся Европа была занята своими дѣлами, какъ сказано справедливо въ нотѣ графа Нессельрода, и неоткуда было ожидать намъ сопротивленія? Нынѣшній государь, въ продолженіи своего царствованія, десять разъ, можетъ быть, имѣлъ случай пріобрѣсти, чтб ему угодно, но онъ не хотѣлъ ими пользоваться; кромѣ 1848 года,

онъ могъ взять Константинополь въ 1830 году, онъ могъ получить Галицію за спасеніе Австріи въ 1849 году. Не смотря на всѣ эти доказательства, вы ему не вѣрите, ну такъ не пеняйте, если онъ потеряетъ терпѣніе"...

Нѣмцы:—Чего же вы хотите?

Погодинъ: „Чтобъ наши братья-христіане жили въ Европѣ такъ, какъ люди, какъ граждане, а не какъ звѣри".

Нѣмцы:—Почему же прежде вы этого не хотѣли?

Погодинъ: „Хотѣли всегда, безпрестанно повторяли, и какъ наконецъ удостовѣрились, что требованія исполняются только на словахъ, то приступили къ дѣлу; но приступили слишкомъ тихо, слишкомъ умѣренно: только безпредѣльная наша довѣренность къ государю смыкаетъ уста ропота. Сколько дѣлаемо было отсрочекъ, сколько послѣднихъ и послѣднѣйшихъ условій, сколько уступокъ! Наконецъ, собственная нота Европейскихъ государствъ принята имъ, чего же вы хотите? Нашъ государь дѣлалъ все, дѣлалъ больше, чѣмъ возможно, для сохраненія мира и только интриги"...

Нѣмцы:—Да, да, интриги мѣшаютъ вамъ, также какъ и намъ. Вотъ кто виноватъ... Позвольте предложить вамъ еще вопросъ: Отъ чего Греки, Греческое духовенство, не хотятъ вашего покровительства?

Погодинъ: „Это и не могло быть иначе, во-первыхъ потому, что духовенство основано въ Константинополѣ большею частію на святокупствѣ, котораго Россія, разумѣется, никогда не допуститъ. Всѣ злоупотребленія охраняются Турками. Въ этомъ положеніи дѣлъ, для всего христіанскаго населенія, Греки тяжеле Турокъ. Вы знаете-ли это въ Европѣ? А Турецкіе христіане суть Славяне, наши единоплеменники, которые говорятъ однимъ съ нами почти языкомъ, исповѣдуютъ одну съ нами вѣру,—эту вѣру мы получили отъ нихъ и чрезъ нихъ. Слѣдовательно, несчастная ихъ судьба живо трогаетъ наше сердце"...

Нѣмцы:—Но Турки перестали уже давно притѣснять ихъ.

Погодинъ: Кому вы вѣрите! Позвольте мнѣ здѣсь от-

вѣчать вамъ рѣшительно и положительно. Славяне—это моя спеціальность. Больше двадцати лѣтъ я слѣжу за ихъ судьбою, и имѣю самыя вѣрныя извѣстія объ ихъ положеніи, вездѣ, въ Турціи, точно какъ и въ Австріи“!

Нѣмцы:—Ну какъ же они живутъ въ Турціи?

Погодинъ: „А вотъ какъ: священникъ не совершаетъ литургіи, не приноситъ Святыхъ Даровъ безъ того, чтобъ не имѣть кинжала на престолѣ подлѣ чаши Господней, въ Босніи. А въ Болгаріи... Ну, да читайте ваши собственныя газеты, кои наполнены извѣстіями о христіанскихъ притѣсненіяхъ на вторыхъ своихъ столпцахъ, между тѣмъ какъ первые красуются восклицаніями о терпимости и любезности Турокъ“!

Нѣмцы:—Такъ вы желаете войны?

Погодинъ: „Страшно выговорить это желаніе!—Пусть будетъ, что угодно Богу! Причины войны—святы. Мы обязаны вступиться за нашихъ единоплеменниковъ, единственныхъ друзей нашихъ, извините, въ Европѣ. Когда государь выговорилъ имя вѣры, всѣ сердца встрепенулись... Да и предателей проучить не мѣшаетъ“.

Между тѣмъ, берега, мимо которыхъ несся пароходъ, становились красивѣе и красивѣе. Собесѣдники разошлись по обѣимъ сторонамъ, чтобъ любоваться видами. Погодинъ прошелъ мимо одной группы, и слышалъ слова: diese Russen... а другіе Нѣмцы поглядывали на него искоса.

Чрезъ нѣсколько минутъ бесѣда возобновилась.

Нѣмцы:—Скажите намъ о состояніи Просвѣщенія въ Россіи и его характерѣ.

Погодинъ: „Просвѣщеніе распространяется, учечое сословіе обезпечено такъ, какъ нигдѣ болѣе въ Европѣ, и мы можемъ умирать спокойно, не тревожась о судьбѣ своихъ семействъ, которыя, по нашей смерти, будутъ получать все наше содержаніе, — а характеръ принимаетъ наше Просвѣщеніе національный. Эта слава принадлежитъ послѣднему царствованію. Александръ заключилъ собою Европейскій пе-

ріодъ Русской Исторіи. Нынѣшній государь, открывъ источники Русской Исторіи, допустивъ новое поколѣніе пользоваться ими безвозбранно, издавъ на своемъ иждивеніи болѣе двухъсотъ томовъ, полагаетъ *основаніе новаго нашего Просвѣщенія, Русскаго, національнаго.* Вотъ чего должны вы опасаться, если уже непремѣнно хотите опасаться чего-нибудь, — когда мы узнаемъ свои силы, свои средства, свои выгоды и преимущества. Это познаніе будетъ позначительнѣе какой угодно новой провинціи. И дальновидные изъ вашихъ политиковъ понимаютъ это, потому и стараются отводить намъ глаза и развлекать наше вниманіе всякими призраками".

Нѣмцы:—Скажите откровенно, Русскіе терпѣть не могутъ Нѣмцевъ?

Погодинъ: „А вы насъ любите? Читая всѣ ваши газеты, и не видя ничего кромѣ ругательствъ, по-неволѣ приходишь къ заключенію, что вы насъ не жалуете.—Отъ чего, напримѣръ, вы не учитесь по-Русски, и вообще ни одному Славянскому нарѣчію, между тѣмъ какъ въ потѣ лица своего трудитесь, безъ словарей и грамматики, надъ изученіемъ всѣхъ нарѣчій Азіи, Африки и Америки? Вотъ вамъ самое ясное доказательство Нѣмецкой антипатіи къ Славянамъ; Россія у васъ бѣльмо на глазу"...

Нѣмцы: — Вы говорите все объ насъ, нѣтъ, скажите искренно о себѣ.

Погодинъ: „Я разскажу вамъ анекдотъ: одинъ господинъ у насъ, всѣхъ Европейцевъ называлъ Нѣмцами. Его спросили, къ кому онъ чувствуетъ болѣе расположенія между всѣми Европейцами, или, по его терминологіи, Нѣмцами. Надо вамъ сказать еще, что онъ былъ заика.—Пор...рту...гальцевъ, отвѣчалъ онъ, я люблю больше. За что Португальцевъ вы любите больше?—Они по...даль...ше отъ насъ"!

Нѣмцы:—А вы?

Погодинъ: „И я люблю тѣхъ Нѣмцевъ, которые въ Бременѣ на корабли садятся. Нѣтъ, господа, безъ шутокъ. Русскіе добры, и любятъ Нѣмцевъ во всякомъ случаѣ гораздо

больше, чѣмъ Нѣмцы Русскихъ. Нѣкоторые даже черезъ чур... прости Господи ихъ согрѣшеніе. Мы всѣ учимся по-Нѣмецк... охотно! Нѣмцевъ, въ Германіи, мы уважаемъ по достоинству... Нѣмцевъ, которые живутъ съ нами, и имѣютъ только Нѣмец... кія имена, а душею и языкомъ Русскіе, какъ себя называют... и сами, мы и уважаемъ и любимъ; терпѣть не можемъ тольк... амфибій. Петръ I послѣ Полтавской побѣды пилъ за здоровь... учителей своихъ Шведовъ, такъ и мы не забудемъ тѣхъ бла... годѣяній, какія оказали намъ Нѣмцы, въ началѣ нашего... курса; но теперь, мы хотимъ сами испытать свои силы, показать вамъ въ нашей Исторіи, въ нашей Церкви, въ нашихъ учрежденіяхъ, въ нашемъ языкѣ, въ нашемъ искусствѣ—такія вещи, какихъ вы и не чаете".

Нѣмцы:—Когда же это будетъ? — спросилъ меня одинъ Нѣмецъ съ сардонической улыбкой.

Погодинъ: „Когда васъ перестанемъ слушать, какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ, и станемъ смотрѣть на вещи своими глазами, а не вашими".

Новыя восклицанія спутниковъ предъ какимъ-то Гартенфельсомъ или Хогенбергомъ разсѣяли собесѣдниковъ.

— Sie sind ein Stockrusse? сказалъ Погодину одинъ Нѣмецъ, отходя отъ него всторону.

„Ihnen zu dienen", отвѣчалъ Погодинъ.

За симъ, бесѣда перешла къ явленіямъ изъ міра невидимаго. Асессоръ оказался чистымъ раціоналистомъ.

Потомъ Погодинъ бесѣдовалъ много съ Нѣмцами о нашихъ чиновникахъ и крестьянахъ. Ганноверскіе крестьяне, сколько ему удалось замѣтить, „пользуются наилучшимъ благосостояніемъ во всей Германіи".

На пароходѣ случилось Погодину провѣрить замѣчанія свои о Нѣмецкихъ племенахъ. „До сихъ поръ онѣ различаются рѣзко: Шваба, Австрійца, Баварца, Прусака, Гессенца, Ганноверца, Саксонца, можно различать съ перваго взгляда". Изъ всѣхъ племенъ, Погодинъ считаетъ „лучшимъ и добрѣйшимъ Швабовъ, то-есть, Виртембергцевъ".

LXXXV.

Въ 3-мъ часу, нашъ путешественникъ приплылъ въ Гейдельбергъ, и оттуда по желѣзной дорогѣ, въ тотъ же день отправился въ Баденъ-Баденъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, Погодинъ „отыскалъ“ М. С. Щепкина, съ которымъ на другой день „обошелъ городъ и мѣста прогулокъ, залы, гдѣ играютъ въ рулетку и въ прочія азартныя игры, которыя привлекаютъ сюда народу гораздо больше, чѣмъ воды“. Потомъ Погодинъ отыскалъ нѣкоторыхъ Москвитянъ: семейство А. Д. Черткова, и отъ нихъ узналъ о кончинѣ „добраго, любезнаго“ Геништы.

Съ именемъ этого талантливаго музыканта у Погодина было связано множество дорогихъ воспоминаній о любезномъ для него Знаменскомъ. „Миръ его праху“,—писалъ онъ,—„и благодарное воспоминаніе: при первомъ вступленіи моемъ на поприщѣ жизни, онъ подалъ мнѣ руку помощи! Тридцать пять лѣтъ мы были знакомы, видѣлись въ послѣднее время по разу въ годъ, но сохранили другъ къ другу одно и то же дружеское расположеніе“ *).

Вообще это путешествіе Погодина было омрачено частыми извѣстіями изъ Отечества о кончинѣ близкихъ ему людей. „Третій мѣсяцъ я только за границею“,—писалъ онъ,—„и вотъ уже слышу пятую скорбную вѣсть. И. Т. Кокоревъ, Л. С. Севрукъ, И. Н. Царскій, М. А. Окуловъ, О. О. Геништа. Съ Л. С. Севрукомъ (профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ Анатоміи) я простился въ Петербургѣ, крѣпкимъ, здоровымъ, веселымъ! Царскаго видѣлъ почти наканунѣ отъѣзда, въ совершенномъ здоровьѣ! Кокоревъ далъ честное слово приняться за работу и заниматься усердно *Москвитяниномъ* до моего пріѣзда!“

Погодинъ весьма сожалѣлъ, что не засталъ въ Баденъ-Баденѣ „любезнаго“ князя Владиміра Алексѣевича Щерба-

---

*) См. *Жизнь и труды М. П. Погодина*, въ книгахъ: *первой, второй, третьей и пятой*.

това, къ семейству котораго онъ питалъ чувства особеннаго уваженія. „Вотъ что называется“,—писалъ онъ,—„доброе семейство! Какое пріятное, любезное впечатлѣніе оставили всѣ члены его вездѣ, гдѣ имъ случилось пробыть нѣсколько времени. И никого не встрѣчалъ я, кто бы этого не чувствовалъ, и не былъ имъ благодаренъ. Добру приходится иногда худо, но все-таки оно живо почувствуется нынѣ или завтра и получитъ себѣ награду, и внутри и внѣ. Вотъ вамъ общее мѣсто, которое не мѣшаетъ иногда повторять съ прочими“.

Въ это время въ Баденъ-Баденѣ пребывалъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, съ которымъ предъ тѣмъ Погодинъ имѣлъ честь познакомиться у Н. А. Муханова, и провести съ нимъ на гуляньѣ „пріятнѣйшій часъ въ занимательной бесѣдѣ о дорогихъ вопросахъ“.

Погодину очень желалось видѣть домъ, гдѣ скончался Жуковскій. Наведя справку и отыскавъ домъ, онъ остановился на бульварѣ и смотрѣлъ на окошко. Вдругъ подходитъ къ нему „молодой человѣкъ“ и приглашаетъ отъ имени князя А. М. Горчакова войдти въ домъ. Князь Горчаковъ занималъ именно тѣ комнаты, гдѣ жилъ и скончался Жуковскій, и разсказалъ Погодину много любопытныхъ подробностей о послѣднихъ годахъ жизни нашего писателя, и объ его литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. Погодинъ сталъ просить показать ему мѣсто, гдѣ стоялъ смертный одръ Жуковскаго. Когда желаніе его исполнили, онъ „перекрестился и помянулъ покойника тамъ, гдѣ онъ испустилъ духъ“.

На князя Горчакова, Погодинъ произвелъ видимо пріятное впечатлѣніе; ибо черезъ годъ послѣ этого свиданія, а именно 10 августа 1854 г., изъ Вѣны, князь Горчаковъ писалъ ему: „Душевно благодарю Баденъ-Баденскаго путешественника за присланное. Читаю со вниманіемъ и пользою. Въ путевыхъ запискахъ, въ особенности, нашелъ много для меня новаго, для всѣхъ насъ полезнаго и необыкновенную проницательность“.

Изъ Баденъ-Бадена, Погодинъ, вмѣстѣ съ Щепкинымъ, вы-

ѣхалъ въ Страсбургъ. На Французской границѣ надо было записать имена. Погодинъ сказалъ свое имя, которое офицеръ и записалъ, но „не безъ труда“. Когда же дошла очередь до Щепкина, то офицеръ „вышелъ просто изъ себя“: какъ ни бился, никакъ не могъ справиться: T, s, c, h! Comment, monsieur? T, s, c, h, e, p, k! Attendez, monsieur p, k, t, s... Mais non, c'est impossible, отъ смѣха не могъ выговорить онъ ни слова, T, p, k, non monsieur, j'ecrirai tout bonnement: monsieur a quatorze consonnes, и опять Французъ покатился со смѣха; хохоталъ такъ живо,—пишетъ Погодинъ,—искренно, что мы всѣ захохотали. Вообще „въѣздъ М. С. Щепкина во Францію“,—добавляетъ Погодинъ—„былъ самый комическій и забавный“.

Погодинъ остался въ восторгѣ отъ желѣзныхъ дорогъ. „Въ теперешнихъ поѣздахъ“,—пишетъ онъ,—„право, есть что-то волшебное.—Ну какъ, третьяго дня бралъ я еще ванну въ Вильдбадѣ, успѣлъ послѣ того побывать въ Стутгардѣ, и все-таки видѣлъ тамъ что нибудь, съѣздилъ въ Гейльброннъ, изъ Гейльбронна толкнулся въ Вейнсбергъ, взадъ и впередъ, проѣхалъ все теченіе Неккара, со всѣми его поворотами, познакомился съ десятками лицъ, со всѣхъ концевъ Германіи, промчался вдоль Рейна отъ Гейдельберга до Келя, осмотрѣлъ Баденъ-Баденъ, и увидѣлся тамъ съ Московскими пріятелями, а теперь ужъ я ночую въ Страсбургѣ, и завтра буду въ Парижѣ, пожалуй хоть въ Лондонѣ“!..

Въ Страсбургѣ наши путешественники едва нашли „двѣ каморки, въ гостинницѣ Меца, и повалились спать какъ разбитые“.

На другой день, осмотрѣвъ Страсбургъ, наши путешественники, въ полдень, отправились въ Парижъ, куда, какъ замѣчаетъ Погодинъ, они „уже не ѣхали, не скакали, не мчались, а летѣли. Это былъ какой-то особенный скорый поѣздъ. На станціяхъ останавливались по три, по пяти минутъ не болѣе. Надо было видѣть, что была за толкотня, давка, рванье около буфетовъ, какъ разсчитывались продавцы

и покупатели. Un poulet,... un vers de vin,... deux pains,... dix sous,... deux francs... le reste... Allons, allons, messieurs! Звонокъ, всѣ бѣгутъ, спотыкаются, allons, allons, messieurs! Свистъ—и опять покатились вагоны, на всемъ лету садится всѣ по мѣстамъ, какъ угорѣлые, жуютъ, обтираются и насилу, насилу опомниваются".

„Но вотъ",—пишетъ Погодинъ,—„Эперней, столица Шампаніи. На галлереѣ буквами въ аршинъ написано: Buffet d'Epernay, a 50 centimes le vers! Эпернейскій буфетъ! Шампанское по 40 к. за бокалъ. Машина остановилась, дверцы всѣ расперлись, путешественники поскакали благимъ матомъ къ буфету. Du Champagne, du Champagne! Виночерпіи, въ бѣлыхъ передникахъ, бѣгаютъ взадъ и впередъ. Пробки въ потолокъ. Перестрѣлка не умолкаетъ. Шшшъ, шшшъ.... бокалы пѣнятся! Спросили и мы по полубутылки. Поздравили Францію! Выпили по другому бокалу, закусили. Allons, allons, messieurs! А захотѣлось уже еще. Encore une demi-bouteille, но звонокъ, раздался, некогда.... побѣжали, сѣли, — и двинулись".

Наконецъ, наши путешественники достигли Парижа. „У дверей",—пишетъ Погодинъ,—„ожидаютъ омнибусы. Куда, куда? Hotel de Louvre.... Hotel des Princes.... Hotel Molière, au boulevard des Italiens. Сюда, сюда! Готово. Сѣли. Поѣхали. Hotel Molière. Deux francs. Et pour le conducteur, monsieur, ce qu'il bon vous plaira. А хозяева у дверей дожидаются; подаютъ руки,—милости просимъ! Пожалуйте! Par ici, monsieur, encore un petit bout d'escallier. Encore trois degrés, и полѣзли тяжелые Москвитяне, ошеломленные, отуманенные, ослѣпленные по крутой лѣстницѣ, въ пятнадцатый этажъ, подъ самое небо, куда-нибудь, лишь бы отдохнуть,—а ужъ стало весело" [326]).

10 августа 1853 года, Погодинъ изъ Парижа писалъ въ Москву: „Пируемъ, кутимъ, танцуемъ и пляшемъ! Вчера были впрочемъ у обѣдни и помолились Русскому Богу на Русстѣмъ языкѣ. Завтра, думаю, отправиться въ Нормандію, посовѣтуясь нынѣ съ Тьери. Пробуду, вѣроятно, дня два. По-

томъ день въ Фонтенебло—къ Трубецкимъ. Еще дня два въ Парижѣ и домой!“

На другой день, по пріѣздѣ въ Парижъ, 6-го августа 1853 года, Погодинъ обводилъ своихъ путниковъ „по главнымъ точкамъ Парижа, начавъ съ Итальянскаго бульвара, мимо Вандомской колонны, къ Магдалинѣ, оттуда на площадь de la Concorde, къ обелиску, гдѣ видны, съ одной стороны, Елисейскія поля, а съ другой—Тюльери; потомъ чрезъ Тюльерійскую рощу и садъ, мимо дворца и Лувра, въ Палерояль“.

„Парижъ все тотъ же“,—замѣчаетъ Погодинъ—„то же богатство въ магазинахъ, великолѣпіе въ кофейняхъ, движеніе на улицахъ, если посмотрѣть съ перваго взгляда; но если всмотрѣться, то и замѣтишь, что у всѣхъ есть какая-то задняя мысль, что всѣ какъ будто въ дорогѣ, на ходу, а не дома, что ожидается что-то, а что̀—неизвѣстно. Неудовольствія непримѣтно да и спокойствія также. Никто, кажется, не поручится за завтрашній день, а еще менѣе за слѣдующій годъ, хотя, вѣроятно, и наступитъ онъ безъ всякой перемѣны,—перемѣны неизбѣжной, но чрезъ должайшее время. Теперь Парижъ похожъ на человѣка, оглушеннаго сильнымъ нечаяннымъ ударомъ: онъ не можетъ собраться ни съ силами, ни съ мыслями... Построекъ очень много, и откуда берутся деньги, не понимаетъ никто... Какъ будто откупщикъ, внесшій въ отчаяніи огромную сумму, далеко превышающую все его имѣніе, употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы пустить въ ходъ всѣ дѣла, обезпечить весь успѣхъ, изобрѣтаетъ всякія штуки чтобы споить народъ, и на первыхъ порахъ, кажется, успѣваетъ: пьяныхъ встрѣчается больше;—но нѣтъ, ночью скребетъ у него на сердцѣ и роковая минута приближается! Рано-ли, поздно-ли, а посидитъ Генрихъ V на Французскомъ престолѣ“.

Взирая на безчисленное множество магазиновъ въ Парижѣ, Погодинъ вопрошалъ: „Кто же покупаетъ въ нихъ?.. Отъ Нѣмцевъ не разживешься. Итальянцамъ самимъ ѣсть нечего. Остаются Англичане и Русскіе“.

Пообѣдавъ у „знаменитыхъ Провансальскихъ братьевъ“,

наши путешественники отправились въ театръ — смотрѣть Розу Шери, въ *Филибертѣ Ожье*, и „не нашли въ ней ничего особеннаго: порядочная актриса,—вотъ все, что объ ней сказать можно“.

Въ воскресный день, Погодинъ съ своими спутниками отправился къ обѣднѣ въ Русскую церковь. „То же скромное помѣщеніе“,—замѣчаетъ онъ,—„тотъ же смиренный иконостасъ, какъ и въ 1839 году; но пѣніе прекрасное, и служба вообще благоговѣйная“. Съ большою похвалою отозвался Погодинъ о тогдашнемъ настоятелѣ храма. „Нынѣшній священникъ Іосифъ Васильевичъ Васильевъ“,—писалъ онъ,—„отличается особеннымъ рвеніемъ, и своими достоинствами заслужилъ себѣ почтенное имя не только между Русскими, но и Французами. Онъ хлопочетъ о построеніи Русской церкви. Да и странно не имѣть въ Парижѣ церкви Русскимъ, когда Турки строятъ себѣ мечеть“.

Въ тотъ же день Погодинъ повезъ своихъ спутниковъ въ Версаль. „Я люблю Версаль“,—пишетъ онъ,—„съ его великолѣпными галлереями, широкими корридорами, безконечными переходами, парадными лѣстницами, широкими террасами, стрижеными аллеями, разнообразными боскетами, эрмитажами, прудами, фонтанами, съ его Людовикомъ XIV, который, кажется, еще живъ и смотритъ изъ окошка“.

Прогулка по заламъ, украшеннымъ картинами Французской Исторіи, дала поводъ Погодину замѣтить: „Всякая Исторія имѣетъ свои достоинства, но нельзя не согласиться, что движенія нигдѣ нѣтъ больше, чѣмъ во Французской; молодому человѣку есть о чемъ подумать, помечтать, есть надъ чѣмъ восторгаться“; но тѣмъ не менѣе наши путешественники съ удовольствіемъ „вырвались изъ душныхъ залъ на свѣжій воздухъ“, къ тому успѣвъ уже и проголодаться. „А вотъ и закуска у самаго входа въ садъ“,—восклицаетъ Погодинъ,—„но къ сожалѣнію, состоящая изъ однихъ сластей съ разными соками“.

По причинѣ давки, наши путешественники съ большимъ

трудомъ возвратились изъ Версаля въ Парижъ. „Потъ катился градомъ со всѣхъ ихъ лицъ“; но, тѣмъ не менѣе, Погодинъ записалъ въ своемъ Дорожномъ Дневникѣ: „Вотъ вамъ и другой день въ Парижѣ“; а на третій день въ его Дневникѣ читаемъ: „На третій день — но я уже позабылъ, что дѣлалъ на третій день. Кажется, были мы въ Луврѣ“...

LXXXVI.

Пребываніе Погодина въ Парижѣ ознаменовалось свиданіемъ съ знаменитымъ историкомъ Тьери.

Тьери жилъ за Люксембургомъ, въ самой уединенной части города, въ домѣ извѣстной графини Бельжойозо. Тьери слѣпотствуетъ уже лѣтъ тридцать. Въ предисловіи къ одному изъ первыхъ изданій своего сочиненія, *Завоеваніе Англіи Норманнами* (1830 г.), онъ говорилъ уже о своей болѣзни. Погодину удалось узнать механизмъ его работы: „Онъ заставляетъ себѣ читать источники: лѣтописи, грамоты, потомъ указываетъ, что̀ надо изъ нихъ выписать, подъ извѣстныя подраздѣленія. Когда накопится, по его соображенію, достаточное количество выписокъ о данномъ предметѣ, онъ заставляетъ перечитывать себѣ ихъ сряду, и выводитъ свои заключенія, кои потомъ вмѣстѣ съ цитатами диктуетъ, переслушиваетъ, исправляетъ и приводитъ въ порядокъ“.

О вышеупомянутомъ сочиненіи Тьери: *Исторія покоренія Англіи Норманнами*, Погодинъ отзывается такимъ образомъ: „Книга эта устарѣла: видишь на всякой страницѣ Француза, который ищетъ занимательности описаній, картинности положеній, разительности подробностей, и скользитъ по источникамъ, не давая себѣ времени въ нихъ углубляться. Вы читаете, напримѣръ, безчисленныя описанія опустошеній, и безпрестанно видите опустошенныя мѣста вновь населенными; значитъ, что описанія лѣтописцевъ исполнены общихъ мѣстъ, завалены соромъ, котораго надо разгребать много,

чтобъ добраться до истины, а онъ только что очищаетъ и перелагаетъ ихъ, угождая вкусу".

Изъ бесѣдъ съ молодымъ поколѣніемъ ученыхъ о Тьери, Погодинъ узналъ, что оно „осуждаетъ его пристрастіе къ старинѣ побѣжденной, что было впрочемъ a l'ordre du jour, во время его вступленія на поприще. Другіе недовольны его недостаточной оцѣнкой заслугъ духовенства и дворянства. Вездѣ слышатся голоса партій или старыхъ предразсудковъ".

Тьери принялъ Погодина „очень ласково". По описанію Погодина, „ему лѣтъ шестьдесятъ. Голосъ у него не совсѣмъ пріятный, сиплый. Увидя его на его низкихъ креслахъ, точь-въ-точь въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ видалъ многихъ больныхъ въ Вильдбадѣ, и наслышавшись о чудесныхъ дѣйствіяхъ тамошнихъ водъ, Погодинъ заговорилъ объ его болѣзни, тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій, и предложилъ ему путешествіе въ Вильдбадъ. Тьери былъ очень тронутъ и поблагодарилъ Погодина за его участіе. *Нѣтъ не могу я рѣшиться*,—сказалъ онъ со вздохомъ. *Какъ мнѣ можно думать о дальнемъ путешествіи, когда перемѣна квартиры меня мучитъ*.

Собираясь въ Нормандію, Погодинъ просилъ Тьери совѣтовъ для путешествія по этой странѣ, и Тьери указалъ ему на сочиненіе молодаго ученаго Делиля о земледѣльческомъ классѣ, преимущественно въ Нормандіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ бесѣдовалъ съ Тьери о раздѣленіи земли въ Нормандіи и Англіи, и при этомъ онъ предложилъ ему свои „недоумѣнія объ отсутствіи ленъ въ древней Россіи, и сообщили ему Несторовы извѣстія о первомъ водвореніи Норманновъ".

Поздно вечеромъ оставилъ Погодинъ „бѣднаго" Тьери, котораго видъ „возбуждалъ состраданіе".

Четвертый день своего пребыванія въ Парижѣ, Погодинъ посвятилъ Фонтенебло, гдѣ жилъ его старый воспитанникъ князь Николай Ивановичъ Трубецкой. „Мнѣ,—писалъ Погодинъ,—„очень пріятно былъ увидѣться съ нимъ и вспомнить

давно прошедшее время. Вмѣстѣ обошли мы обширныя аллеи и палаты столько знаменитыя во Французской Исторіи... И покойный Людовикъ Филиппъ поработалъ много,—думалъ ли онъ, что хлопочетъ для Бонапартова племянника, своего Гамскаго плѣнника. Что за коловратность во Французской Исторіи. Послѣ объѣхали мы по всѣмъ направленіямъ обширнѣйшіе лѣса, окружающіе замокъ, и осмотрѣли нѣкоторыя равнины, по коимъ разсыпаны огромные камни въ ужасномъ, но піитическомъ безпорядкѣ, вслѣдствіе какого-то всемірнаго переворота. Поразительно видѣть эти дикія пустыни околопотопнаго времени въ сосѣдствѣ съ монументами новой роскоши, разнообразнаго великолѣпія и изысканнаго искусства".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ продолжалъ письменно бесѣду съ своимъ ученикомъ княземъ Н. И. Трубецкимъ, которую онъ велъ съ нимъ въ Фонтенебло. Въ отвѣтъ, князь Трубецкой, 2-го февраля 1854 года, изъ Bellefontaine писалъ: „Почтеннѣйшій другъ и наставникъ. Ваше письмо я получилъ, не сердясь, а съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности и радости, яко бы отзывъ Славянскихъ сочувствій, столь глубоко отзывающихся въ моемъ Славянскомъ же сердцѣ. Въ упрекахъ вашихъ есть и правда, но есть и такое, которое требуетъ хотя объясненія, а потому хочу отвѣчать на каждый обвинительный пунктъ отдѣльно: Вы пишете о душевныхъ смущеніяхъ; да откуда же вы ихъ взяли? Развѣ потому что въ Москвѣ нашъ общій пріятель и другіе часто заводятъ ѳеологическія пренія, изъ того ли слѣдуетъ душевное ихъ смущеніе? Повѣрьте, во мнѣ такихъ смущеній нѣтъ и ежели когда и бывали, то какъ и не быть по самой той причинѣ, о которой вы *напѣваете: нелѣпое мое воспитаніе*. Напротивъ, я весьма твердъ въ томъ мнѣніи, что убѣжденія, сильныя и непреклонныя, безъ которыхъ нѣтъ нравственныхъ достоинствъ, только тогда возможны, когда глубины душевныя таковыхъ убѣжденій остаются тайною между Богомъ и душею и никто не дерзаетъ поднять завѣсу, скрывающую ихъ отъ взоровъ людскихъ. Но не

мѣшаетъ же это иногда и сказать свое словцо, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ *историческихъ древностей*, о которыхъ, кажется, и была только рѣчь. Второй упрекъ не болѣе основательный, и я вашими же словами уничтожу ваши баттареи, какъ наши воины-герои бусурманскими же пушками уничтожаютъ бусурманъ. „Люби Бога, а ближняго какъ самого себя“—пишете вы; позвольте спросить, неужели мой ближній единый Россъ? И Спаситель имѣлъ ли его въ виду, когда произнесъ спасительныя слова? Крестьянъ я никогда не признавалъ *моею собственностію*, а понимаю, что по обоюдному тайному, не вымолвленному условію, нашъ Славянскій работникъ согласился платить мнѣ работою за участокъ земли имъ владѣемой, а потому логически я почитаю себя хозяиномъ того, что мнѣ уплачено и имъ стараюсь распоряжаться по христіански, т.-е., раздѣляя съ ближнимъ. Однако, изъ вышеписаннаго не поймите, ради Бога, чтобы я отвергалъ спасительную нашу общину, и ставилъ бы нашего брата Славянина наряду съ работникомъ-пролетаріемъ западнымъ; о нѣтъ, по моему, наша община владѣетъ и должна владѣть, но только злоупотребленія вкрались, сдѣлались столѣтіями какимъ-то правомъ, отчасти и справедливымъ для того помѣщика, который добылъ своими трудами землю, которая по истинѣ есть общинная и возмездіе дѣлается необходимымъ. Пока нѣтъ, то трудъ рабочій оплачиваетъ землю помѣщичью и продуктъ есть его собственность. Не хочу хвалиться, но скажу ко славѣ Господа Бога, который внушилъ мнѣ эту мысль, что у моихъ дѣтей, Славянскихъ крестьянъ, водятся въ каждой вотчинѣ госпитали, богадѣльни, кассы для ссуды крестьянамъ, и сумма громадская въ Малороссіи и мірская въ Великороссіи. То безчестно ли мнѣ давать *ближнему по Христу*, хотя онъ и Чухонецъ и Франкъ безтолковый, лишній кусокъ хлѣба, либо одежду, либо хоть и копѣйку, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ на ложу въ театрѣ, или даже на худыя дѣла, безнравственныя и вредныя. Неужели же грѣшнѣе любить бусурма-

янина, нежели ту же копѣйку, *нажитую потомъ брата Славянина*, употребить на пышный обѣдъ въ Москвѣ, или на ложу въ театрѣ, хоть наономъ и самъ Щепкинъ обворажи валъ бы *Скупымъ* Пушкина; такъ скажите же мнѣ, что значатъ слова Христовы? Любить ли значитъ словами или дѣлами, а если дѣлами то неужели на одной Руси? Вотъ, любезный другъ и добрый мой наставникъ, вотъ что значитъ вашъ Русской богъ; по моему, люби отчизну болѣе самого себя, а *Бога и болѣе отчизны*, а потому я во имя Спасителя даю Русскую копѣйку и Нѣмцу и Французу и хотя готовъ дать самого себя отчизнѣ. Тертій пунктъ такъ справедливъ, что заглаживаетъ и всѣ оправданія прочихъ; правда, правда ваша; грѣхъ, стыдъ и вредъ оставлять старика, добрѣйшаго отца, безъ семьи, безъ ощутительной любви, безъ опоры въ случаѣ болѣзни, тоски, усталости семидесяти слишкомъ лѣтъ *). Но какъ же вамъ-то не грѣшно, видѣвши меня на чужой сторонѣ, мою любовь, мою тоску по родинѣ, какъ же можете упрекать въ томъ, что дѣлаетъ мое несчастіе и что такъ мало зависитъ отъ меня? Моя жена больна и больна не на шутку; цѣлый день почти проводитъ лежа, съ разными примочками и грѣлками на животѣ; питается супомъ и ягодами и только иногда цыпленкомъ; неужели она все это дѣлаетъ на шутку? Вы видѣли ее; притомъ же нескоро ее свяжешь и посадишь въ карету противъ воли и погонишь въ Москву. Желѣзная дорога до Варшавы; хорошо, а далѣе? Повѣрьте же, что не одинъ, а нѣсколько разъ я истощалъ слова, пренія, угрозы, моленія, а до толку не добился. Правда, что могла бы она испробовать другія средства леченія и въ томъ совершенно она одна виновата, но то-то и бѣда матеріальной медицины Француз-

---

*) Князь Н. И. Трубецкой былъ женатъ на дочери бывшаго Московскаго губернскаго предводителя Дворянства графа Андрея Ивановича Гудовича, графинѣ Аннѣ Андреевнѣ. Дочь ихъ, княжна Екатерина Николаевна Трубецкая, была за мужемъ за княземъ Николаемъ Алексѣевичемъ Орловымъ.—*Н. Б.*

ской, основанной на однихъ фактахъ, являющихся вслѣдствіе употребленнаго средства; опіумъ потушаетъ боль немедленно, слѣдовательно я должна принимать опіумъ, чтобы избавиться отъ боли, и болѣе она ни слышать, ни знать не хочетъ. Правда, что ужасно дорогою страдать животною болью, и вотъ что извиняетъ столь страшиться путешествія, что одна мысль онаго приводитъ ее въ изступленіе. Впрочемъ, теперь нечего дѣлать; ѣхать надобно и Богъ дастъ скоро насъ здѣсь не будетъ, ибо кажется посолъ идетъ. Выше сказанное отвѣчаетъ и на 6-й пунктъ, упрекающій жить въ лѣсу; все манитъ домой, и отдѣлка Знаменскаго парка, и дома, и собственныя хозяйственныя дѣла, до которыхъ я страстный охотникъ, и охота, наслѣдственная моя страсть, и рысаки мои, требующіе моего надзора; неужели все это легко оставить? Что же касается до дочки, о! дочка моя будетъ за Славяниномъ, ежели Богъ позволитъ, и никогда за Французомъ, Нѣмцомъ или даже Британцемъ. Кстати, что же вы обѣщали ей наставницу Русскую; хороши же, и ежели бы на васъ только надѣяться, то остаться моей Катѣ безъ упражненія въ Русскомъ языкѣ и слѣдовательно безъ возможности пріучиться говорить хорошо по-Русски. Къ счастію, нашъ добрый графъ (Гудовичъ) не забылъ по вашему и нашелъ какого-то феникса, котораго нехудо бы вамъ посмотрѣть; она воспитанница Катерининскаго Института, по прозвищу Голоушева, и говорятъ хорошо училась и отличная музыкантша. Вы также забыли, любезный другъ, объ обѣщаніи прислать мнѣ хоть реестръ книгъ Русскихъ о Русской Исторіи; книги-то можетъ купить графъ и прислать, ибо не только для меня, но и для Кати нужны эти книги. Версенъ *) кончилъ свою жалкую жизнь въ Альзасѣ близъ Мюльгуза, въ деревнѣ, гдѣ живетъ его племянница отъ сестры его покойной; несчастное воспитаніе его и постоянное отрицаніе всего сверхпостижимаго разуму человѣческому, лишили

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, I, Спб. 1888, стр. 238—239.

его единственнаго наслажденія при смертномъ одрѣ, укрѣпиться духомъ, успокоеніемъ совѣсти и пріобщеніемъ тѣлу и крови Христовой. Впрочемъ, пишутъ, что скончался тихо. Намъ остается молить Господа Милосердія о упокоеніи души его. Кажется, на все отвѣчалъ; остается извиниться за столь длинное письмо и прибавить по вашему: надо же и честь знать. Письмо перешлю къ сестрѣ *); она все хвораетъ, но духомъ бодра; вотъ жизнь мученицы. Единственное ея утѣшеніе дѣти, а за гробомъ любовь къ Богу, но любовь дѣйствительная, а не только на словахъ. Еще слово о моемъ нелѣпомъ воспитаніи; но кто же виноватъ? не я ли? Если что я и знаю, то право обязанъ болѣе себѣ; спасибо хотя за то, что чувство безпредѣльной любви къ Отечеству есть плодъ вашихъ наставленій и это со мною сойдетъ во гробъ. Жена моя и Катя помнятъ съ радостію о вашемъ посѣщеніи Bellfontin'а и просятъ и имъ посвятить мѣстечко въ вашей памяти. А я васъ обнимаю сердечно и остаюсь навсегда вамъ душевно преданный"...

Въ это время Погодинъ получаетъ слѣдующую записочку отъ князя В. А. Черкасскаго: „Сдѣлайте милость, добудьте отъ Бодянскаго, Георгія Конисскаго Записки, для отправленія ихъ въ Парижъ, къ Трубецкому (Николаю Ивановичу), коему я посылаю черезъ Гудовича цѣлую кипу книгъ".

LXXXVII.

Предъ своимъ отъѣздомъ въ Нормандію, Погодинъ, по указанію Тьери, познакомился съ ученымъ Делилемъ, который самъ родомъ изъ Нормандіи. Онъ написалъ ему маршрутъ, и снабдилъ его письмами ко всѣмъ ученымъ въ Руанъ, Канъ, Байе.

Поручивъ дѣтей своихъ попеченіямъ М. С. Щепкина,

---

*) Княгиня Александра Ивановна Мещерская, рожденная княжна Трубецкая. *Н. Б.*

Погодинъ отправился въ Руанъ. Черезъ пять часовъ онъ уже былъ въ столицѣ Нормандіи. По пріѣздѣ туда, онъ тотчасъ же отыскалъ архиваріуса Городского Архива Борепера, и засталъ его окруженнаго пергаментными грамотами, съ которыхъ и началъ Погодинъ свое обозрѣніе. Потомъ они обошли соборъ, знаменитѣйшее готическое зданіе во Франціи, обозрѣли Городскую Думу, помянули славную Орлеанскую дѣву на мѣстѣ ея казни, разсмотрѣли въ одномъ частномъ домѣ, на наружныхъ стѣнахъ, лѣпныя изображенія горельефами, встрѣчу и свиданіе Франциска I съ Генрихомъ VIII, совершили поѣздку въ загородную церковь, гдѣ умеръ или положенъ былъ Вильгельмъ Завоеватель. Въ Городской Библіотекѣ Погодинъ разсмотрѣлъ хронику Дудона Сенъ-Кентенскаго и попросилъ Борепера отыскать ему мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о первомъ дѣленіи Норманнами земли веревкою. При этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что „дѣленіе веревкою встрѣчается и у насъ по грамотамъ".

„Чѣмъ свѣтъ" пріѣхалъ Погодинъ изъ Руана въ Канъ, „усталый измученный", но не хотѣлъ тамъ оставаться, и спѣшилъ къ цѣли своего путешествія—въ Байе. „Позавтракавъ кое-какъ", онъ „пустился въ какомъ-то омнибусѣ", и чрезъ два часа былъ уже на мѣстѣ. Отыскалъ смотрителя Городской Библіотеки Ламбера, который тотчасъ и повелъ его смотрѣть знаменитые ковры или, правильнѣе, холстины Матильды Фландрійской, королевы Англійской, дюшесы Нормандской, супруги Вильгельма Завоевателя.

„Это такой памятникъ",—замѣчаетъ Погодинъ,—„для котораго стоитъ труда нарочно пріѣхать изъ Россіи въ Байе. Я позабылъ свою усталость и насладился вдоволь подробнымъ обозрѣніемъ всѣхъ изображеній, подъ руководствомъ любезнаго библіотекаря".

На этихъ коврахъ,—далѣе замѣчаетъ Погодинъ,—„вы видите покореніе Англіи Норманнами съ перваго шага до совершеннаго окончанія. Вотъ они рубятъ лѣсъ, вотъ строятъ лодки, спускаютъ на воду, вотъ плывутъ по морю, высажи-

ваются на берегъ, отправляютъ посольства, вступаютъ въ сраженіе, побѣждаютъ, берутъ плѣнниковъ, предаютъ все огню и мечу, вступаютъ во владѣніе, пируютъ и проч. и проч. Это цѣлая Исторія въ лицахъ. Одежды, оружіе, — мечи, шлемы, щиты, копья,—утварь, посуда, точь въ точь, какія мы видимъ въ рисункахъ, приложенныхъ ко харатейному житію св. Бориса и Глѣба, на изображеніи въ Святославовомъ Сборникѣ, и на образахъ св. Владиміра съ сыновьями".

Ковры эти вышиты разноцвѣтными шерстями. Рисунокъ „грубый младенческій, въ родѣ нашихъ древнихъ образовъ. Въ современности ихъ съ событіемъ (1066 г.) сомнѣнія нѣтъ: столько здѣсь есть частностей и подробностей, коихъ нельзя ни выдумать, ни знать никому, кромѣ современника".

Погодину хотѣлось доѣхать до моря, чтобъ видѣть мѣсто, куда причаливали Норманны во время оно, но сильный вѣтеръ помѣшалъ этому, и онъ ограничился „восхожденіемъ на колокольню", съ которой видно море.

Позавтракавъ въ Байе „наивкуснѣйшею рыбою", Погодинъ возвратился въ Канъ. Здѣсь онъ отыскалъ профессора Шарма. „Это",—замѣчаетъ Погодинъ,—„любезный, добрый, простосердечный ученый. Я напалъ на него врасплохъ, по окончаніи экзаменовъ, въ Коллегіи, и онъ, разумѣется, усталый, нисколько однако же не остановился отъ новаго труда водить по городу неизвѣстнаго путешественника и показывать ему всѣ достопамятности". Въ вознагражденіе, Погодинъ долженъ былъ отвѣчать ему „на множество вопросовъ о Россіи, историческихъ учрежденіяхъ, лицахъ и проч.".

Возвратившись въ Парижъ, Погодинъ нашелъ свою молодежь въ такихъ попыхахъ со спектаклей, концертовъ, косморамъ, діорамъ, панорамъ, магазиновъ и разныхъ гуляній", что тотчасъ рѣшилъ: „пора домой!"

Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа, Погодина посѣтилъ священникъ Василій Петровичъ Полисадовъ, въ то время назначенный въ Берлинъ. О. Полисадовъ сообщилъ Погодину много любопытныхъ свѣдѣній о графѣ Александрѣ Ивановичѣ Остер-

манѣ-Толстомъ, одномъ изъ героевъ 1812 года, кончавшемъ вѣкъ свой на берегу Женевскаго озера. Онъ поручилъ о. Полисадову привезти ему изъ Парижа портретъ Алексѣя Петровича Ермолова, которому передалъ онъ, по полученіи раны, начальство надъ нашимъ войскомъ подъ Кульмомъ, и который столь славно совершилъ тогда свой великій историческій подвигъ. „Эта черта", весьма тронула Погодина, и онъ въ ту же минуту написалъ въ Москву, къ А. П. Ермолову, о „желаніи его маститаго товарища".

Разставшись съ „любезнымъ своимъ спутникомъ" М. С. Щепкинымъ, „который вдругъ собрался въ Англію", Погодинъ отправился въ обратный путь на Брюссель [327]). Осмотрѣлъ Мангеймъ, заѣзжалъ въ Ульмъ для свиданія съ Византійцемъ Тафелемъ, который пріѣзжалъ къ Погодину въ Эмсъ, чтобъ побесѣдовать о средствахъ для предполагаемаго имъ изданія неизданныхъ Византійцевъ. Затѣмъ, Погодинъ посѣтилъ Вѣну и Прагу [328]).

Вспоминая о пребываніи Погодина въ Прагѣ, Шафарикъ, 16 октября 1853 года, писалъ ему: „Вѣроятно, дрожайшій другъ, вы уже отдохнули подъ домашнею крышею отъ всѣхъ тяжестей и утомленій путешествія. Съ вашимъ отъѣздомъ изъ Праги, ушло какъ будто отъ насъ ласковое небо—бодрость. Со всѣхъ сторонъ только темныя облака и бѣдствія. Въ день вашего отъѣзда, вечеромъ (23 сентября), Болгаринъ Шоповъ перерѣзалъ себѣ горло, вѣроятно въ припадкѣ меланхоліи, а можетъ быть вслѣдствіе разрыва съ братомъ, купцомъ въ Измаилѣ. Такъ какъ извѣстіе объ этомъ пришло ко мнѣ уже на слѣдующее утро, и мой Ярославъ, какъ ближайшій его знакомый, долженъ былъ позаботиться о его похоронахъ, то это происшествіе коснулось насъ очень близко. Болгаре несчастливы въ своихъ сынахъ, которые посвящаютъ себя трудамъ" [329]).

Еще до возвращенія Погодина въ Москву, Н. И. Крыловъ, 15 сентября 1853 года, писалъ ему: „Слухи носятся, что Михаилъ Петровичъ долженъ прибыть въ Москву къ 15

сентября. Если это такъ случится, то я прошу васъ убѣдительнѣйше, посѣтить имянинника и порадовать всю нашу братію своимъ возвращеніемъ изъ заморскихъ странъ".

20 сентября 1853 года, Погодинъ возвратился въ Москву. „Наши ожиданія",—писалъ ему (13 октября) А. Ѳ. Бычковъ,—„встрѣтить васъ здѣсь въ Петербургѣ, по возвращеніи вашемъ изъ-за границы, къ сожалѣнію, не исполнились. Какими-то окольными путями вы добрались до Бѣлокаменной и лишили насъ удовольствія, такимъ образомъ, и видѣть васъ, и побесѣдовать съ вами. Сердечно благодарю васъ, и за письмо, и за доброе ко мнѣ расположеніе. Безъ фразъ, къ которымъ я не привыкъ, скажу откровенно, что питаю къ вамъ издавна, со временъ еще моего студенчества, душевную привязанность, съ которою соединена и сознательная благодарность, потому что вамъ исключительно я обязанъ многимъ, чѣмъ пользуюсь въ настоящее время. Примите это за монету настоящую, а не поддѣльную — до сихъ поръ я еще не съумѣлъ стать въ уровень съ эгоистическимъ направленіемъ нашего вѣка".

Извѣстная писательница Юлія Жадовская также привѣтствовала возвращеніе Погодина въ Отечество. „Поздравляю",—писала она,—„съ пріѣздомъ на родину, а родину съ вашимъ возвращеніемъ. Желаю, чтобъ вы привезли изъ чужбины для себя — больше здоровья, для насъ — запасъ занимательныхъ листковъ вашего путешествія. Не шутя: мнѣ сдается, что умъ, даровитость и наука въ рукахъ такого человѣка, какъ вы—именно тотъ философскій камень, котораго такъ искали древніе: стоитъ только коснуться имъ какого-нибудь предмета, чтобъ предметъ этотъ обратить въ золото".

LXXXVIII.

Погодинъ возвратился изъ своего путешествія по Европѣ предъ самымъ началомъ Восточной войны.

25 ноября 1853 года, графиня А. Д. Блудова писала ему: „Напишите мнѣ, что̀ видѣли и слышали въ ваше пу-

тешествіе? Напишите какія доходили до васъ интриги иностранныя противъ насъ въ тѣхъ краяхъ.—Такъ много ѣздитъ людей знакомыхъ изъ Москвы сюда, что кто нибудь найдется, ктобъ привезъ мнѣ отъ васъ такую записочку, а всѣ свѣдѣнія теперь такъ интересны! Пришлите *поскорѣе;* оно можетъ и пригодиться".

На это воззваніе Погодинъ отвѣчалъ: „Съ какою цѣлію буду *я* писать къ вамъ этотъ отчетъ? Если не произвело никакого дѣйствія и пропало безъ вѣсти мое донесеніе 1842 года, которое такъ великолѣпно и удивительно, даже для меня самого, паче чаянія, оправдалось и оправдывается послѣдующими событіями, съ нынѣшними включительно, то какую пользу можетъ принести краткая записка?"

Какъ бы то ни было, Погодинъ исполнилъ желаніе графини Блудовой, и при этомъ сознавался, что у него самого „давно уже порывалася рука, давно уже волновалася желчь при чтеніи иностранныхъ газетъ".

Долго не думая, Погодинъ немедленно же приступилъ за исполненіе возложеннаго на него порученія, такъ что 7-го декабря того же 1853 года, политическое письмо было уже готово и немедленно отправлено къ графинѣ Блудовой, которая (19 декабря) писала Погодину: „Г. Потѣхинъ принесъ ваше письмо сегодня. — Не сердитесь на меня — я отъ того къ вамъ еще ничего не писала о вашемъ прежнемъ письмѣ, что хочется узнать, что̀ съ нимъ будетъ?—А кажется, свѣтъ какъ бы пробивается сквозь темноту тумана—авось возсіяетъ ожидаемый давно день ихъ красный!"

Но вслѣдъ за симъ (20 декабря), графиня Блудова писала Погодину: „Ваша Записка очень понравилась батюшкѣ, и была у великой княгини Елены Павловны—теперь передана великой княгинѣ-цесаревнѣ и мы ждемъ возвращенія одного человѣка, который не на долго отлучился, чтобъ представить наслѣднику, который, *можетъ быть*, покажетъ самому государю, какъ показалъ недавно одну Записку пространную о томъ же предметѣ, которая очень государю полюбилась".

Подъ 1-мъ января 1854 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Поутру Ржевскій прислалъ извѣстіе, что пріѣзжіе Петербургскіе разсказывали ему о фурорѣ, произведенномъ моею статьею. Какою же? Неужели политическою? Но какъ попала она въ публику“!...

— 21 — — —: „Аксаковъ съ восторгомъ о письмѣ. Нѣкоторыя черты въ Исторію. Слухи прекрасные, а мнѣ хоть бы плюнулъ кто“.

Но еще въ день Рождества Христова (1852 г.), графиня Блудова писала Погодину: „Поздравляю васъ съ праздниками и пользуюсь *вѣрной окказіей*, чтобъ сказать вамъ, что ваша Записка была у государя и отъ него пришла съ многими отмѣтками по краямъ, его рукою. Разумѣется, что̀ въ этихъ отмѣткахъ я не знаю и не буду знать. Дѣло въ томъ, что голосъ правдивый человѣка, знакомаго съ симъ дѣломъ, дошелъ до государя. Вообще, кажется (не изурочить бы только), что только *разсвѣтаетъ у насъ*, и теперь нужно единодушно и безкорыстно помогать государю всѣмъ и каждому! — Кто̀ ближе видитъ, какая у него душа, какой здравый взглядъ на вещи (когда только допускаютъ до зрѣнія его вещи) и ка́къ горячо и безкорыстно любитъ онъ Россію, не можетъ не молить Бога отъ всей души, да спасетъ его отъ тѣхъ *невольныхъ* враговъ, которые, изъ невѣжества или трусости, безъ злого намѣренія, обманываютъ его безпрестанно!“

Обрадованный этимъ извѣщеніемъ, Погодинъ писалъ графинѣ Блудовой: „Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ радъ вашему извѣстію, хоть и очень позднему, что моя Записка полюбилась государю императору. Она была написана отъ сердца, такъ видно и нашла путь къ сердцу. Слава Богу! А я начиналъ было сомнѣваться и колебаться. Странно однакожъ, что до сихъ поръ не дано мнѣ знать о томъ, ни прямо, ни косвенно. Вы пишете: теперь всѣмъ и каждому должно служить и помогать государю единодушно и безкорыстно. Рады стараться, отвѣчу я вамъ, какъ отвѣчаютъ наши славные солдаты, но для моей службы нужно настав-

леніе: чтобъ писать съ успѣхомъ, надо знать всѣ обстоятельства, намѣренія и цѣли. Надо писать такъ, чтобъ иголочкой нельзя было подточиться никакому господину Друенъ-де-Люису. Нынѣ, по Русской пословицѣ, вѣдь *всякое лыко въ строку*. Писать на-удачу, на-обумъ, на-угадъ, въ мои лѣта не стоитъ труда. У меня есть дѣло поважнѣе журнальныхъ статеекъ, дѣло, которому посвящена была вся моя жизнь, и которое теперь приближается къ концу. Минуту оторвать отъ Исторіи я считаю грѣхомъ. Послѣ нея, у меня на душѣ другое дѣло, не менѣе важное—написать для правительства Записку о Русскомъ ученіи, образованіи, Просвѣщеніи, Литературѣ, цензурѣ, училищахъ, гимназіяхъ, университетахъ—предметъ знакомый мнѣ, какъ свои пять пальцевъ. Я родился, выросъ и старѣюсь въ этой области, пройденной мною вдоль и поперекъ по всѣмъ степенямъ. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; но мнѣ кажется, что надлежащее устройство этой части, пренебрегаемой, кривотолкуемой или плоховедомой, важнѣе для насъ пріобрѣтенія цѣлыхъ областей. Молю Бога, чтобъ онъ послалъ мнѣ силу выразить мои мысли убѣдительно, и представить ихъ года черезъ два-три царю, въ благодарность за то, что онъ меня успокоилъ, и въ исполненіе своего долга предъ Отечествомъ. Видите, что меня занимаетъ денно и нощно, но я радъ въ нынѣшнихъ важныхъ обстоятельствахъ, принесть жертву и оторваться отъ своего дѣла, хоть и съ жестокой болью. Только повторяю, мнѣ нужно откровенное, довѣренное, полное наставленіе. Если рѣшено окончательно что-нибудь великое, то надо бы заранѣе приготовляться къ статьѣ исторической, Европейской, которою можно бы было поворотить общее мнѣніе (я разумѣю, благонамѣренную и безпристрастную часть публики Европейской) въ пользу нашего дѣла, на тему Крестоваго похода: *Такъ угодно Богу*! Мы воскликнемъ только смиренно: Господи! буди воля твоя! Другая статья должна быть Русская, въ pendant къ Нижегородской рѣчи Козмы Минина, чтобъ разогрѣтъ всѣ сердца. Графъ Ростопчинъ говорилъ съ народомъ очень по-

средственно (для нашей онѣмеченной, офранцуженной и англизированной знати и то было въ диковинку), но какое дѣйствіе производили его афишки! Можно поговорить и покрѣпче. А пожертвованія! Онѣ посыплются, но въ кружку, которую вы поставите, напримѣръ, передъ дверьми Успенскаго собора, а форменные циркуляры, которые напишутся къ тому же полуграмотными подъячими—плохая подмога. Разумѣется, къ такимъ средствамъ прибѣгать слѣдуетъ при великомъ рѣшеніи: на муху съ обухомъ выходить нечего. Теперь мнѣ хотѣлось бы только отдѣлать Парижскаго франта, господина Друенъ-де-Люиса, да такъ, чтобы и Англійскому старому хрычу лорду Линдгурсту (который такъ осрамилъ наши ноты), кинулось въ носъ. Извините грубое выраженіе, попавшееся подъ перо. Никакъ не могутъ у насъ привыкнуть къ мысли, что слово есть мечъ, и что порохъ въ наше время дѣлается не изъ одной селитры съ сѣрою. Взятіе Николаевскаго форта Турками, муки, въ коихъ они умертвили нашъ гарнизонъ, должно бы описать со всѣми ужасными подробностями, и собрать слезы со всей Россіи, слезы горячія, плодоносныя и животворныя. Я увѣренъ, что всякій солдатъ умиралъ тамъ, цѣлуя свой крестъ-тѣльникъ и молясь за царя и Отечество. Помните—въ одномъ описаніи, кажется, Цюрихскаго сраженія—Французъ-очевидецъ удивлялся, что въ окостенѣлыхъ рукахъ у убитыхъ Русскихъ солдатъ онъ видѣлъ кресты и образки. Какъ вы думаете—въ этихъ предсмертныхъ молитвахъ есть сила или нѣтъ? Солдаты и офицеры, погибшіе въ Николаевскомъ фортѣ, представляются мнѣ первыми чистыми искупительными жертвами крови на олтарѣ Отечества. По моему, это святое начало для великаго дѣла: какъ будто мощи мучениковъ, положенныя подъ престоломъ, при построеніи церкви, по древнему обычаю Христіанства. А вотъ это прекрасно собирать и печатать извѣстія о разныхъ частныхъ случаяхъ и подвигахъ. Вы не можете себѣ представить, съ какою жадностію читаетъ ихъ народъ! Возвращеніе Андроникова въ Тифлисъ, смерть Орбеліани, Севастопольскій пиръ, отвѣтъ

Нахимова—это все драгоцѣнныя описанія, которыми, какъ бы посредственно онѣ ни были сдѣланы, питается народное чувство. Извините за безпорядокъ письма. Да напишите мнѣ, Христа ради, нашли ль вы мое донесеніе 1842 года *) съ его предсказаніями, и успѣли ль вы довести его до высшаго воззрѣнія. Какъ бы я желалъ этого. Что̀ я теперь говорю, то̀ можно отвергать или утверждать, но что̀ я говорилъ за десять лѣтъ, и что̀ исполнилось передъ нашими глазами, то̀ кажется должно бы возбудить вниманіе къ моимъ словамъ, и убѣдить, что я вижу иногда то̀, чего не видятъ другіе, и говорю не на вѣтеръ. Божусь вамъ, что здѣсь, если и замѣшивается самолюбіе, то меньше желанія общей пользы. Я увѣренъ, что еслибъ могъ я прочесть когда-нибудь государю мои донесенія 1839 и 1842 годовъ, то онъ погладилъ бы меня по головкѣ. Содержаніе этого письма я отдаю въ полное ваше распоряженіе. Вы вызвали меня на первое, вы должны знать, что и какъ должно сдѣлать изъ этого, а я спорить и прекословить не буду, какъ говорится въ нашихъ довѣренностяхъ. Я хотѣлъ только описать вамъ свое положеніе и сказать вамъ, что если велятъ мнѣ что̀ дѣлать, то я радъ буду дѣлать, какъ умѣю. Еще вопросъ: я слышу, что первое письмо ходитъ въ Петербургѣ по рукамъ. Какъ это случилось? Я держалъ его въ секретѣ, и прочелъ нѣкоторымъ пріятелямъ только тогда, какъ услышалъ, что оно не тайна“.

LXXXIX.

Гдѣ взоръ государя, тамъ вниманіе народа, сказалъ святитель Филаретъ. „Вчера видѣлъ я“,—писалъ Ржевскій Погодину,—„одного человѣка, возвратившагося изъ Петербурга, и слышалъ какъ онъ разсказывалъ, что какая-то статья М. П. Погодина (это его слова) ходитъ изъ рукъ въ руки и

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1893, кн. VII, стр. 63–71.

производитъ такой энтузіазмъ, какого и въ Москвѣ нѣтъ. Это разсказывалъ человѣкъ умный и не болтунъ".

„Свербеевъ пріѣхалъ изъ Петербурга," —писалъ Шевыревъ Погодину,—„и разсказывалъ, что твоя статья была въ рукахъ у царя и прочитана имъ, и возбудила полное удовольствіе его, и что она-то ходитъ теперь по всему Петербургу. Леди Сеймуръ давала вечеръ на весь Петербургъ. Ни одна дама къ ней не поѣхала. Пріѣхала часть кавалеровъ изъ дипломатическаго корпуса—и только. Англійскій посланникъ выѣзжаетъ изъ Петербурга... Французскій тоже... Говорятъ, на дняхъ разрѣшатъ цензурѣ пропускать всѣ статьи въ пользу христіанскаго Славянскаго вопроса..."

Въ томъ же письмѣ Шевыревъ сообщаетъ: „Назимовъ говоритъ, что Мусинъ-Пушкинъ, Булгаринъ и Дубельтъ поклялись не пропускать ничего, на чемъ стоитъ имя Гоголя... Ѣду обѣдать къ графу Уварову... Я говорилъ, что тебѣ надобно бы побывать въ Петербургѣ. На дняхъ, говорятъ, должно ожидать важныхъ новостей изъ Петербурга".

Записка Погодина произвела сильное впечатлѣніе и на М. А. Дмитріева. „Ваша рукопись",—писалъ онъ, 4 января 1854 года,—„написана прекрасно, сильно, съ душой и съ прозрѣніемъ дипломата". Въ то же время С. Т. Аксаковъ писалъ ему: „Всѣ почему-то ждали васъ въ Абрамцево... А каковы дѣла совершаются въ мірѣ! Громадность начинающихся событій подавляетъ меня". Въ другомъ своемъ письмѣ (20 января 1854 года), С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Ура! Обнимаю и поздравляю васъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, съ славнымъ подвигомъ. Письмо ваше не будетъ забыто Исторіей. Оно доставило мнѣ не только истинное удовольствіе, но оставило отрадное чувство въ душѣ. Я совершенно имъ доволенъ; потому что, говорю совершенно искренно, ожидалъ гораздо бо́льшихъ уступокъ. Вы умѣли благородно обойти неизбѣжныя обстановки. Чтеніе этого письма *съ великимъ удовольствіемъ*, дѣлаетъ большую честь государю-наслѣднику".

Самъ митрополитъ Филаретъ, прочитавъ Записку Погодина, 19 января 1854 года, писалъ ему: „Возвращаю двѣ рукописи, къ содержанію которыхъ не можетъ быть равнодушенъ Россіянинъ. Трудно сказать, болѣе ли ненавистно, въ настоящее время, дѣйствованіе Турокъ, враговъ Христіанства, или именующихъ себя христіанами, поддерживающихъ Турокъ во время самаго ихъ неистовства. Господь уготова на судъ престолъ свой: надобно подвизаться, чтобы мы были или сдѣлались достойны защищать Его дѣло. Богъ да благословитъ любовь къ царю и Отечеству, которая управляла вашимъ словомъ и перомъ“.

Однимъ словомъ, успѣхъ политическаго письма, отъ 7 декабря 1853 года, былъ полный. „Ваше письмо о дѣлахъ политическихъ“,—писалъ Погодину М. А. Коркуновъ,—„ходитъ у насъ по рукамъ и читается съ жадностію“.

Пріѣзжіе изъ Петербурга сообщили Ю. Ѳ. Самарину, что статья Погодина „понравилась до-нельзя государю-наслѣднику и великому князю Константину Николаевичу; но за-то, какъ сообщаетъ Самаринъ, „публика Петербургская сильно противъ нея негодуетъ и противопоставляетъ вашей статьѣ статью Попова; изъ двухъ золъ избрала меньшее“. Почти одновременно съ этимъ письмомъ, А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Записку вашу, отъ 7 декабря, я читалъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ раздѣляетъ ваши мысли“.

Весьма любопытно также письмо къ Погодину И. И. Давыдова (7 февраля 1854 г.): „Записку вашу читалъ съ большимъ наслажденіемъ. По мыслямъ и духу она прекрасна; но тонъ ея не всѣмъ можетъ нравиться. Вѣдь не даромъ Русскіе говорятъ: ласковое дитя двухъ матокъ сосетъ. Натискъ хорошъ, когда дѣло до штыковъ доходитъ; но въ убѣжденіи ума и воли онъ не годится. Впрочемъ, по стеченію обстоятельствъ, Записка произвела большое дѣйствіе въ отношеніи къ патріотическимъ чувствованіямъ“.

Самъ же Погодинъ, подъ 26 января 1854 года, записалъ

въ своемъ *Дневникѣ*: „Грановскій сказалъ, что мое заключеніе не понравилось. Можетъ быть. Это голосъ партіи".

Тѣмъ не менѣе, вотъ что̀ писалъ Погодину изъ Петербурга (28 марта 1854 г.) В. И. Панаевъ: „Вамъ вѣроятно извѣстно, что письмо ваше о настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ надѣлало здѣсь много шума. Оно переходило изъ рукъ въ руки. Я, раздѣляющій вполнѣ ваши мнѣнія, поддерживалъ ихъ съ жаромъ убѣжденія, старался расширять кругъ ихъ, возводить выше. И какъ сбываются ваши предреченія, высказанныя за пять мѣсяцевъ назадъ! Ужъ не достигла ли статья ваша до Парижа и Лондона, что Западныя державы такъ проворно, такъ торжественно (и разумѣется, такъ коварно) явились защитницами угнетенныхъ христіанъ нашего исповѣданія?"

К. А. Коссовичъ, очевидно, по порученію барона М. А. Корфа, съ нѣкіимъ упрекомъ писалъ Погодину (24 марта 1854 г.): „Слѣдовало передать вамъ мой душевный отголосокъ послѣ прочтенія вашей статьи. И безъ меня вы награждены высокимъ и живымъ сочувствіемъ, но и моей души голосъ также чистъ, какъ и другихъ, раздѣлившихъ ваши чувства. Однако, я долженъ сказать, дражайшій Михайло Петровичъ, что же такое? Вы какъ будто разсердились на нашего барона. Я замѣчалъ, что онъ былъ опечаленъ три мѣсяца тому назадъ, когда статья ваша ходила по рукамъ въ Петербургѣ, а онъ не имѣлъ объ ней никакого понятія. Не замѣчалъ я ни малѣйшаго оттѣнка претензіи, но его печалило, что онъ будто не нашелъ въ васъ къ себѣ на столько довѣрія. У меня каждый разъ спрашиваетъ: *что Михайло Петровичъ? Что Погодинъ? Здоровъ-ли?* Что же я могу отвѣчать? Здоровъ, живъ: Петербургъ не безъ вѣстей же о Москвѣ. Умоляю васъ, дайте о себѣ знать *немедленно*—барону Модесту Андреевичу, если только вы не перемѣнились къ нему въ вашихъ чувствахъ".

Политическое письмо Погодина, отъ 7 декабря 1853 года, облетѣло всю Россію и читалось всѣми сословіями Русскаго Царства съ восторгомъ.

М. А. Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, 17 марта 1854 года, писалъ своему другу: „Ты погружаешься въ политику; и у насъ уже прошла молва о твоей, какъ говорятъ, превосходной Запискѣ, ея же и копія уже въ ходу, и надѣюсь достать ее“. Шевыревъ же сообщилъ Погодину слѣдующее: „Кошелевъ пишетъ, что письмо твое переписываютъ и читаютъ всѣ лавочники и сидѣльцы въ Рязани. Поздравляю тебя съ народною извѣстностію“.

Самъ же Погодинъ, подъ 13 мая 1854 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Успѣхъ отличный. Много разсказовъ о первомъ письмѣ, которое читается вездѣ: въ Рязани, Орлѣ и проч.“.

Въ то время, когда Погодинъ ликовалъ отъ успѣховъ, произведенныхъ его политическимъ письмомъ, И. М. Снегиревъ сдѣлалъ на него какой-то доносъ, что̀ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ записей *Дневника* Погодина:

Подъ *11 апрѣля 1854 года*: „Ржевскій вечеромъ о пакостяхъ Снегирева и доносахъ“.

— *15* — —: „А Снегиреву чуть ли не придется упасть въ эту яму, которую копалъ мнѣ злой человѣкъ“.

Эта послѣдняя запись вызвана слѣдующимъ письмомъ Шевырева къ Погодину (отъ 14 апрѣля 1854 г.): „На Страстной недѣлѣ, Попечитель говорилъ мнѣ о доносахъ на тебя одного лица, но говорилъ съ такимъ презрѣніемъ къ самому доносителю, что я никакъ не могу вѣрить тому, чтобы онъ обнаружилъ къ нимъ какое-нибудь вниманіе. Я не счелъ за нужное передавать тебѣ эти слухи на Страстной, когда ты говѣлъ, и въ первый день праздника. Да неужели можно обращать на это какое-нибудь вниманіе; не только онъ, но даже и другой, кто посильнѣе его, не могъ-бы ничего съ своею гнусною болтовнею сдѣлать тебѣ, котораго *письмо* было въ рукахъ у государя и потомъ у всѣхъ читающихъ жителей обѣихъ столицъ, а теперь гуляетъ по всей Россіи“ [330]).

LC.

Теперь послушаемъ отзывы о знаменитомъ политическомъ письмѣ Погодина, П. Х. Граббе, которому это письмо доставилъ князь В. В. Долгоруковъ. „Я“,—писалъ Граббе,—„прочелъ Записку два раза со вниманіемъ, котораго она заслуживаетъ. Но она изобличаетъ ученаго и патріота, а не политика. Написанная въ декабрѣ (1853 г.) и доведенная до высшаго начальства, она могла имѣть небезвредное вліяніе на ходъ этого дѣла. Она написана по внушенію негодованія противъ вмѣшательства Запада въ наше дѣло съ Турціей; но въ политикѣ не сердятся, а хладнокровно разсчитываютъ пользы, силы и благовременность дѣйствій. Въ Запискѣ указываются наше право и благость цѣли, къ которой мы стремимся. Все это хорошо, но прежде всего будьте сильны и изберите вѣрно ваше время: тогда и другое прекрасно; иначе они обратятся противъ васъ. Въ политикѣ нѣтъ ничего простаго, все сложно. Успѣхъ все вѣнчаетъ, все оправдываетъ.—Если же вы взяты будто врасплохъ, когда тѣ, которыхъ вы почитали своими союзниками, колеблятся даже оставаться нейтральными и готовы присоединиться къ вашимъ врагамъ; если двѣ морскія державы, враждебно недовѣрявшія одна другой, по первому приступу вашему къ дѣлу вдругъ соединились и за одно возстали противъ васъ и явились вмѣстѣ тамъ, откуда слѣдовало вамъ начать: вы сдѣлали ошибку, и вопросъ, кажется, можно было отложить до удобнѣйшаго времени. Въ дальнѣйшемъ логическомъ развитіи своего мнѣнія, авторъ, въ выходкѣ противъ Австріи, полагаетъ, что лучше имѣть ее противъ себя, чѣмъ за насъ; безъ сомнѣнія, но ее одну, а не съ цѣлымъ Западомъ. Въ Турецкомъ вопросѣ мы именно съ Австріей въ столкновеніи, и по землямъ и по народностямъ, о которыхъ дѣло идетъ... Развѣ Европа и особливо Австрія могли допустить Россію овладѣть всею Европейскою Турціей? Чтò имъ до варварства

управленія Турецкаго и угнетенія христіанъ!.. Но какъ имъ темную для нихъ, какъ говоритъ авторъ, Россію, допустить въ Константинополь безъ сильнѣйшаго сопротивленія?.... Къ рѣшенію его, безъ удостовѣренія полнаго, какъ намѣрена дѣйствовать Австрія, приступать не слѣдовало. Въ Запискѣ своей авторъ, въ упоеніи славянизма, говоритъ, что Славяне вездѣ сотнями тысячъ готовы подняться за насъ; но для этого прежде нужно побѣдою очистить себѣ путь до нихъ и тогда еще вооружить и устроить..." [331]).

Познакомимся теперь съ обратившею на себя всеобщее вниманіе Запискою Погодина. „Есть двѣ Европы",—пишетъ онъ,—„Европа газетъ и журналовъ и Европа настоящая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаетъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и объ акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, и не заботится ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ выгодамъ".

Остальное народонаселеніе Погодинъ раздѣляетъ на три категоріи: „Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ-трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое Отечество еще хуже его. Церковь называется ересью, всѣ учрежденія считаются дикими, личность беззащитною, Литература—безгласною, и вся Исторія—вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ вездѣ произволъ. Наше молчаніе, глубокое, могильное, утверждаетъ ихъ въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ. Они не могутъ понять, чтобъ можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія... Вотъ вредъ, происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ.

„Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду, удались бы гораздо полнѣе... Слѣдовательно, всякое увеличеніе Русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы,

для развитія, для просвѣщенія, и потому непремѣнно во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо.

„Къ третьей категоріи принадлежатъ различные выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ терять нечего, радикалы, которые имѣютъ цѣлію только въ мутной водѣ рыбу ловить. Они желаютъ войны, какой бы то ни было, надѣясь вызвать ею новыя происшествія, новыя столкновенія, полезныя для осуществленія ихъ замысловъ, частныхъ и общихъ. Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяютъ войною вмѣстѣ и чувству личной мести“.

Высказавъ это мнѣніе о народахъ и массахъ, Погодинъ продолжаетъ: „Литература играетъ въ Европѣ жалкую роль: или невѣжество или пристрастіе внушаетъ ея рѣчи, преимущественно въ продажныхъ газетахъ и журналахъ, служащихъ отголосками партій, или потакающихъ толпѣ изъ корыстныхъ видовъ. Правительства почти всѣ противъ насъ: однѣ изъ зависти, другія изъ страха, изъ личныхъ побужденій. Даже Австрія, недавно спасенная нами отъ конечной гибели, объявляетъ себя только что нейтральною, и во многихъ случаяхъ, особенно судя по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣйствуетъ за одно съ морскими державами“.

Сказавъ, что „союзники наши въ Европѣ, и единственные, и надежные, и могущественные,—Славяне, родные намъ по крови, по языку, по сердцу, по исторіи, по вѣрѣ, а ихъ десять милліоновъ въ Турціи и двадцать милліоновъ въ Австріи“,— Погодинъ заключаетъ свое письмо такими словами: „Да! Если мы не воспользуемся теперь благопріятными обстоятельствами, если пожертвуемъ Славянскими интересами, если обманемъ ихъ разцвѣтшую надежду, или предоставимъ ихъ судьбу рѣшеніямъ другихъ державъ, тогда мы будемъ имѣть противъ себя не одну Польшу, а десять, чего только враги и желаютъ, о чемъ и заботятся,—и Петровы, Екатеринины высокія предположенія и предначертанія—простите на вѣкъ! Имѣя противъ себя Славянъ,—и это будутъ уже самые лютые враги Россіи,—укрѣпляйте Кіевъ, и чините Годуновскую стѣну въ

Смоленскѣ, Россія снизойдетъ на степень державъ второго класса, ко времени Андрусовскаго мира, поруганная и осрамленная, не только въ глазахъ современниковъ, но и потомства, не умѣвъ исполнить своего историческаго предназначенія. Самая великая и торжественная минута наступила для нея, какой не бывало, можетъ быть, съ Полтавскаго и Бородинскаго дня! Если не впередъ, то назадъ — таковъ непреложный законъ Исторіи".

„Неужели назадъ?",—вопрошаетъ Погодинъ.—„Неужели это случится въ царствованіе императора Николая, за его неутомимую и безпримѣрную, послѣ Петровой, службу Отечеству, впродолженіе тридцати почти лѣтъ, отъ ранняго утра до поздняго вечера, безъ отпусковъ, болѣзней и промежутковъ? Нѣтъ, этого не будетъ, и Богъ его и насъ съ нимъ такъ не накажетъ. Съ нимъ не пойдемъ мы назадъ. Нѣтъ! Благородное, великодушное Русское сердце его чуетъ, и мы все это видимъ, какія двѣ страницы, не въ примѣръ другимъ, предоставлены ему въ Отечественной Исторіи! Неужели промѣняетъ онъ ихъ на ту, гдѣ было бъ сказано: Петръ основалъ владычество Россіи на Востокѣ, Екатерина утвердила, Александръ распространилъ, а Николай предалъ его Западу. Нѣтъ! Этого не можетъ быть, и этого не будетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Боже, Царя храни"! [332]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

5 ноября 1897 г.
Пенза.

1) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* Съ введеніемъ и примѣчаніями Л. Майкова. М. 1894, стр. 43.

2) *Письма*, XXI.

3) *Сѣверная Пчела*, 1852, № 87.

4) *Дневникъ*, 1852, 3 мая.

5) *Письма*, XXI.

6) *Москвитянинъ*, 1852. III. Смѣсь, стр. 59—60.

7) *Русскій Архивъ*, 1895. № 2, стр. 276.

8) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 23.

9) *Письма*, XXI.

10) *Русскій Вѣстникъ*, 1896. Май, стр. 118.

11) *Письма*, XXI

12) *Дневникъ*, 1852, мая 1-го.

13) *Письма*, XXI.

14) *Сочиненія И. С. Тургенева.* М. 1880. I, 93.

15) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 19.

16) *Письма*, XXI—XXII.

17) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1882. VII. 485—499.

18) *Москвитянинъ*, 1852. II, Московск. Изв., стр. 114—116.

19) *Письма*, XXI.

20) *Сочиненія В. А. Жуковскаго.* Изд. 8-е. Спб. 1885, Т. V, 157—159.

21) *Сѣверная Пчела*, 1852 № 107.

22) *Письма*, XXI.

23) *Сѣверная Пчела*, 1852, № 120.

24) *Письма*, XXI.

25) *Москвитянинъ*, 1852. V. Русск. Слов., стр. 113—126.

26) *Письма*, XXII.

27) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 407.

28) *Сочиненія Н. В. Гоголя.* Спб. 1893. V, 11—12.

29) *Письма*, XXI.

30) *Сочиненія И. С. Тургенева.* М. 1880. I, 82—83.

31) *Москвитянинъ*, 1852. IV. Московск. Изв., стр. 89—90.

32) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 34.

33) *Вѣстникъ Европы*, 1894. Янв., стр. 341.

34) *Русскій Архивъ*, 1893, № 8, стр. 577—578.

35) *Письма*, XXI.

36) *Современникъ*, 1852. XXXIV. Совр. Замѣтки, стр. 317.

37) *Письма*, XXI; *Вѣстникъ Европы*, 1894, январь, стр. 341.

38) *Москвитянинъ*, 1852. IV. Соврем. Изв. загран., стр. 95—96. V. Смѣсь, стр. 56—57.

39) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель.* М. 1879, стр. 383—384.

40) *Труды перваго Археол. Съѣзда въ Москвѣ 1869 г.*, М. 1871. II, 633.

41) *Москвитянинъ*, 1852. V. Науки, стр. 39—77.

42) *Письма*, XXI.

43) *Москвитянинъ*, 1852. V. Науки, стр. 39—80.

44) *Письма*, XXI.

45) *Памяти графа А. С. Уварова.* Казань, 1885, стр. 11—12.

46) *Письма*, XXI.

47) *Памяти графа А. С. Уварова*, стр. 12.

48) *Письма*, XXII, XXI.

49) *Дневникъ*, 1852. 1—2 апрѣль.

50) *Письма*, XXI.

51) *Дневникъ*, 1852. 9—10 іюля.

52) *Письма*, XXI.

53) *Москвитянинъ*, 1852. V. Русск Слов., стр. 187—190.

54) *Письма*, XXI.

55) *Москвитянинъ*, 1852. I. Науки, стр. 53—60. V. Смѣсь, стр. 110.

56) *Письма*, XXI.

57) *Протоколы засѣданій Археогр. Коммиссіи.* Спб. 1892. III, 103—105.

58) *Письма*, XXI.

59) *Дневникъ*, 1852. 26 апрѣля.

60) *Письма*, XXI.

61) *Русскій Архивъ*, 1886. № 10, стр. 252—253.

62) *Письма*, XXI.

63) *Москвитянинъ*, 1852. II. Смѣсь, стр. 75—76.

64) *Письма*, XXI.

65) *Сѣверная Пчела*, 1852. № 19.

66) *Москвитянинъ*, 1852. I. Смѣсь, стр. 110.

67) *Письма*, XXI.

68) *Сѣверная Пчела*, 1852. № 78.

69) *Москвитянинъ*, 1852. III. Смѣсь, 57—59.

70) *Записки и Дневникъ*, I, 533.

71) *Письма*, XXI; *Москвитянинъ*, 1852. I, Смѣсь. стр. 24—25.

72) *Письма*, XXI.

73) *Москвитянинъ*, 1852. VI. Ист. Матер., стр. 3—18.

74) *Письма*, XXI.

75) *Москвитянинъ*, 1852. IV. Совр. Изв., стр. 119—128.

76) *Письма*, XXI.

77) Титовъ. *Рукописи Славянскія и Русскія, принадл. И. А. Вахрамѣеву.* М. 1892. II, I—II.

78) *Письма*, XXI.

79) *Рукописи Славянскія и Русскія—И. А. Вахрамѣева.* Сергіев.-Посадъ. 1892. Вып. III.

80) *Русскій Архивъ*, 1896. № 3, стр. 372.

81) *И. С. Аксаковъ* М. 1892. III, I—II.

82) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 12.

83) *И. С. Аксаковъ*, III, прил., стр. 14—15.

84) *Письма*, XXI.

85) *И. С. Аксаковъ*, III, II—III.

86) *Письма*, XXI.

87) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 18—19.

88) *Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, л. 1.

89) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 26.

90) *Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, л. 1 об.—2.

91) *И. С. Аксаковъ*, III, III.

92) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

93) *Русскій Архивъ*, 1896. № 3, стр. 464—470; 1895. № 12, стр. 445—446.

94) *Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, л. 2 и об.

95) *И. С. Аксаковъ*, III, III.

96) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*; *Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, л. 3.

97) *Записки и Дневникъ* I, 534—535.

98) *И. С. Аксаковъ*, III, IV.

99) *Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, л. 3—4.

100) *Русскій Архивъ*, 1879, III, 337.

101) *Письма*, XXI.

102) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 25—26.

103) Сухомлиновъ. *Изслѣдованія и статьи по Русской Литературѣ и Просвѣщенію.* Спб. 1889, II, 464—471.

104) *Русскій Архивъ*, 1884. № 4, стр. 318–319; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1882. VII, 29.

105) *Изслѣдованія и статьи по Русской Литературѣ*. II, 464—471.

106) *Русскій Архивъ*, 1879, III, 389; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VII, 30–31.

107) *Русскій Архивъ*, 1879. III. 337.

108) *Письма*, XXII.

109) *Русскій Архивъ*, 1881, II, 32—38; 1884, стр. 317—318; 1879 III, 339.

110) *Письма м. М. Филарета къ Алексѣю архіеп. Тверскому*, М. 1883, стр. 99—100; *Письма*, XXI.

111) *Русскій Архивъ*, 1878. № 7, стр. 367—368.

112) *Письма*, XXII.

113) *Русскій Архивъ*, 1878, № 7, стр. 366 и 367.

114) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

115) *Письма*, XXII.

116) *Русь*, 1880, № 7, стр. 14.

117) *Письма*, XXII.

118) *Русскій Архивъ*, 1879. № 11, стр. 340.

119) *Письма*, XXII.

120) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 97—98.

121) *Вѣстникъ Европы*, 1894, февраль, стр. 479.

122) *Московскія Вѣдомости*, 1852. № 153.

123) *Москвитянинъ*, 1853. I Смѣсь, стр. 50–54.

124) *Письма*, XXII.

125) *Москвитянинъ*, 1853. Смѣсь, стр. 66.

126) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 53, 46.

127) *И. С. Аксаковъ*, М. 1892. III, VI–VII.

128) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 97.

129) *Вѣстникъ Европы*, 1894, февр., стр. 478—479.

130) *И. С. Аксаковъ*, III, IX.

131) *Вѣстникъ Европы*, 1894, февр., стр. 480; *И. С. Аксаковъ*, III, 95, XI—XII.

132) *Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ.* Спб. 1858, стр. 41.

133) *Письма*. XXI.

134) *Москвитянинъ*, 1852. II, Критика, стр. 106—120.

135) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1886. X, 137.

136) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 24—25, 23.

137) *Отчетъ И. Публ. Библіотеки* за 1890. Спб. 1893. Прил., стр. 22.

138) *Русскій Архивъ*, 1896. № 1, стр. 153—156.

139) *Письма*, XXI—XXII.

140) *Изслѣдованія и статьи по Русской Литературѣ и Просвѣщенію*. Спб. 1889. II, 470—472.

141) *Вѣстникъ Европы*, 1894. Февр., стр. 472—473.

142) *Письма*, XXII

143) *Русскій Архивъ*, 1879. № 11, стр. 361.

144) *Москвитянинъ*. 1852. № 2. кн. 2. V. Ист. Матер., стр. 1—48; *Письма*, XXI.

145) *Письма*, XXI.

146) *Москвитянинъ*, 1852. V. Русская Словесн., стр. 213—228.

147) *Письма*, XXI.

148) *Москвитянинъ*, 1852. IV. Науки, стр. 21—44.

149) *Письма*, XXI.

150) *Москвитянинъ*, 1852. I. Русск. Слов., стр. 121—163.

151) *Письма*, XXI.

152) *Москвитянинъ*, 1852, I. Русск. Слов., стр. 169—212.

153) *Письма*, XXI.

154) *Москвитянинъ*, 1852. № 8, кн. 2.

155) *Письма*, XXI.

156) *Москвитянинъ*, 1852. II, Смѣсь, стр. 109.

157) *Письма*, XXI.

158) *Москвитянинъ*, 1852. V. Смѣсь, стр. 1—28.

159) *Письма*, XXI.
160) *Дневникъ*, 1852. Сент. 2.
161) *Письма*, XXI.
162) *Москвитянинъ*, 1852. V. Крит. и Библіогр., стр. 57—76. VI, Крит. и Библіогр., стр. 79—81.
163) *Письма*, XXI.
164) *Москвитянинъ*, 1852. V. Иностр. книги, стр. 1—19.
165) *Записки и Дневникъ*, I, 538—539.
166) *Наши Дѣятели*. Спб. 1879. VI, 69—70; *Письма*, XXIII.
167) *Письма*, XXI.
168) *Москвитянинъ*, 1852. I. Русск. Слов, стр. 167—168.
169) *Письма*, XXI.
170) *Москвитянинъ*, 1852. № 7, кн. 1.
171) *Дневникъ*, 1852, 12 февр.
172) *Письма*, XXI.
173) *Современникъ*, 1852, XXVIII, стр. 5—39.
174) *Письма*, XXI.
175) *Москвитянинъ*, 1852, V. Смѣсь, стр. 65—70.
176) *Письма*, XXI—XXII.
177) *Москвитянинъ*, 1852. III, Критика и Библіогр., стр. 139—149.
178) *Письма*, XXI.
179) *Москвитянинъ*, 1852. X. 1—4.
180) *Письма*, XXI.
181) *Москвитянинъ*, 1853. IV. Русск. Сл., стр. 1—56.
182) *Современникъ*, 1853, XL. Соврем. Замѣтки. стр. 187—190; *Москвитянинъ*, 1853. № 18, стр. 44.
183) *Письма*, XXII.
184) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1887. XI. 3—7.
185) *Письма*, XX.
186) *Отечественныя Записки*, 1853, LXXXVIII, Словесность, стр. 243—245.
187) *Письма*, XXI—XXII.
188) *Русскій Архивъ*, 1893. № 8, стр. 573.
189) *Письма*, XXII.
190) *Москвитянинъ*, 1853, II. Науки, стр. 73—98. I, стр. 123 и слѣд.
191) *Отечественныя Записки*, 1853. LXXXVI. Журналистика, стр. 40—42.
192) *Письма*, XXII.
193) Веселовскій: *В. В. Григорьевъ*. Спб. 1887, стр. 132.
194) *Письма*, XXII.
195) *В. В. Григорьевъ*, стр. 133.
196) *Письма*, XXII.
197) *Москвитянинъ*, 1853. III. Науки, стр. 1—36.
198) *Письма*, XXII.
199) *Пропилеи*. Изд. 2-е. М. 1858. Книга III-я, стр. 177.
200) *Письма*, XXII.
201) *Москвитянинъ*, 1853. I. Ист. Матер., стр. 3—16.
202) *Вѣстникъ Европы*, 1894, янв., стр. 342.
203) *Москвитянинъ*, 1853, январь, Кн. 2-я.
204) *Письма*, XXII.
205) *Отечественныя Записки*, 1853, XCI. Науки и Худож., стр. 1—20; *Т. Н. Грановскій и* его *переписка*, II, 472.
206) *Московскія Вѣдомости*, 1853. № 18, 33.
207) *Отечественныя Записки*, 1853. LXXXVI, Журналистика, стр. 39.
208) *Письма*, XXII
209) *Отечественныя Записки*, 1853.
210) *Сѣверная Пчела*, 1853. № 39.
211) *Москвитянинъ*, 1853. II. Смѣсь, стр. 66.
212) *Письма*, XXII.
213) *Москвитянинъ*, 1853. II. Совр. Изв., стр. 130—136.
214) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. М. 1894, стр. 65.
215) *Письма*, XXII.
216) *Отечественныя Записки*, 1853. XC. Журналистика, стр. 109.
217) *Письма*, XXII.
218) *Дневникъ*, 1853, подъ 7 декабря.
219) *Письма*, XXII.
220) *Образованіе*, 1896. № 5—6. II Отд., стр. 100—101.

221) *Москвитянинъ*, 1853. I Крит. и Библіогр., стр. 1—64.
222) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1853. № 21.
223) *Письма*, XXII.
224) *Стихотворенія Бориса Алмазова*. М. 1874, стр. 771.
225) *Московскія Вѣдомости*, 1852. № 4.
226) *Письма*, XXII.
227) *Москвитянинъ*, 1853. IV. М. Изв., стр. 127—131.
228) *Вѣстникъ Европы*, 1894, февр., стр. 476.
229) *Письма*, XXII—XXIII.
230) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 63—64.
231) *Письма*, XXI.
232) *Дневникъ*, 1852, апр.
233) *Письма*, XXI.
234) *Записка и Дневникъ*, 1852, I, 535.
235) *Письма*, XXI.
236) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 63—64.
237) *Письма*, XXI.
238) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1852, № 199.
239) *Письма*, XXI.
240) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 475.
241) *Письма*, XXI.
242) *Дневникъ*, 1852, 10—16 декабря.
243) *Письма*, XXI—XXII.
244) *Русское Обозрѣніе*, 1896, май, стр. 379—380, 382.
245) *Москвитянинъ*, 1853. № 4.
246) *Письма*, XXII.
247) *Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи*. М. 1855, VI, VII.
248) *Письма*, XXII.
249) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1892, VI, 387—389.
250) *Извѣстія И. Академіи Наукъ*. 1852. Т. I, л. 20—22; т. II, л. 21—24.
251) *Письма*, XXII.
252) *Москвитянинъ*, 1853, III. Науки, стр. 65—96.
253) *Отечественныя Записки*, 1853, LXXXIX. Журналистика, стр. 122—124.
254) *Письма*, XXII.
255) *Москвитянинъ*, 1853, V. Смѣсь, стр. 121.
256) *Строевъ. Списки Іерарховъ*. Спб. 1887, стр. 416.
257) *Письма*, XXII.
258) *Москвитянинъ*, 1853, V. Смѣсь, стр. 60—70.
259) *Письма*, XXII.
260) *Москвитянинъ*, 1853, II. Смѣсь, стр. 65—66.
261) *Письма*, XXII.
262) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1886, X, 68—69; XI. Спб. 1887, стр. 57.
263) *Москвитянинъ*, 1853, II. Ист. Матер., стр. 87—97.
264) *Письма*, XXII.
265) *Москвитянинъ*, 1853, I. Крит. и Библіогр., стр. 159—212.
266) *Письма*, XXII.
267) *Дневникъ*, 1853, 16 января.
268) *Письма м. М. Филарета къ архимандриту Антонію*. М. 1883, III, 200, 202.
269) *Осмнадцатый Вѣкъ*. М. 1876, I, 503—514.
270) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III. 202—204.
271) *Письма*, XXII.
272) *Москвитянинъ*, 1853. III. Смѣсь, стр. 200.
273) *Письма*, XXII—XXIII; *Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1854, LXXXIII. Новости и Смѣсь, стр. 30—31; *Записки и Дневникъ А. В. Никитенко*, I, 573—574.
274) *Москвитянинъ*, 1853, II. Критика и Библіографія, стр. 49—53.
275) *Письма*, XXII.
276) *Московскія Вѣдомости*, 1853, № 6.
277) *Москвитянинъ*, 1853, I, Моск. Изв., стр. 59—60.

278) *Московскія Вѣдомости*, 1853. № 6.

279) *Москвитянинъ*, 1853. I. Моск. Изв., стр. 59—60; *Письма*, XXII; *Записки и Дневникъ*, I. 540; *Письма*, XXII; *Дневникъ*, 1853, подъ 3 января; *Письма*, XXII; *Русскій Вѣстникъ*, 1896, май, стр. 127; *Письма*, XXII.

280) *Письма*, XXII.

281) *Записки и Дневникъ*, I, 558—559.

282) *Письма*, XXII.

283) *Записки и Дневникъ*, I, 542.

284) *Письма*, XXII.

285) *Русскій Вѣстникъ*, 1896, май, стр. 125.

286) *Записки и Дневникъ*, I, 552—554.

287) *Письма*, XXII; *Дневникъ*, 1853, подъ 8 мая.

288) *Письма*, XXII.

289) *Русскій Вѣстникъ*, 1896, май, стр. 125—126; *Письма*, XXIII.

290) *Московскія Вѣдомости*, 1853, № 43.

291) *Письма*, XXII.

292) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, 225.

293) *Московскія Вѣдомости*, 1853, № 57.

294) *Письма*, XXII.

295) *Русскій Архивъ*, 1893, № 8, стр. 579—580; 1894 № 2, стр. 214—219.

296) *Отчетъ И. Пуб. Библіотеки за 1892*. Спб. 1895. Прил., стр. 144—145.

297) *Русскій Архивъ*, 1893, № 8, стр. 579—580.

298) *Отчетъ И. Пуб. Библіотеки за 1892*, прил., стр. 141—142.

299) *Письма*, XXII; *Русскій Архивъ*, 1878, № 7, стр 361.

300) *Письма*, XXII; *Отчетъ И. Пуб. Библіотеки за 1892*, прил., стр. 130—133.

301) *Русскій Архивъ*, 1893, № 8, стр. 579—580.

302) *Отчетъ И. Публ. Библіотеки за 1892*, прил., 152—153.

303) *Русскій Архивъ*, 1893. № 8, стр. 579—580.

304) *Отчетъ И. Публ. Библіотеки за 1892*, прил., 145, 148, 153, 137, 146, 159.

305) *Русскій Архивъ*, 1894. № 2, стр. 218, 214.

306) *Письма*, XXII.

307) *Московскія Вѣдомости*, 1853. № 32.

308) *Русскій Архивъ*, 1879. № 11 стр. 361—362.

309) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. М. 1894, стр. 69—70.

310) *Дневникъ*, 1853.

311) *Письма*, XXII.

312) *Москвитянинъ*, 1853. № 10.

313) *Письма*, XXII.

314) *Москвитянинъ*, 1853. № 10.

315) *Рѣчи, произнесенныя М. П. Погодинымъ*. М. 1872, стр. 171—172.

316) *Москвитянинъ*, 1853. № 10.

317) *Письма*, XXII.

318) *Москвитянинъ*, 1853. Отд. VII, стр. 161—188.

319) *Письма*, XXII.

320) *Москвитянинъ*, 1853. V. Совр. Изв., стр. 1—16.

321) *Письма*, XXII.

322) *Москвитянинъ*, 1853. V. Совр. Изв. стр. 1—16.

323) *Письма*, XXII.

324) *Москвитянинъ*, 1853. VII. Совр. Извѣстія заграничныя, стр. 24—25.

325) *Письма*, XXII.

326) *Москвитянинъ*, 1853. VII. Совр. Извѣстія заграничныя, 1854. 25—39, 7—12.

327) *Письма*, XXII—XXIII; *Москвитянинъ*, 1854, I, 12—24.

328) *Біографическій Словарь Профессоровъ Московскаго Университета*. М. 1855. II, 260.

329) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*. М. 1879, стр. 284—385.

330. *Письма*, XXII—XXIII.

331. *Русскій Архивъ*, 1883. № 4. стр. 555—557.

332) *Историко-Политическія письма*. 1853—1856, М. 1874, стр. 70—80.

Дополнительныя свѣдѣнія къ стр. 115—116.

И. В. Кирѣевскій, отправляя къ А. В. Веневитинову оттискъ своего письма *О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи*, просилъ своего друга, сказать „искреннее мнѣніе“ и сообщить „частныя“ о немъ замѣчанія.

Говоря объ этомъ, я замѣтилъ: „Не знаемъ, исполнилъ ли А. В. Веневитиновъ возложенное на него порученіе“ (стр. 116).

Это недоразумѣніе положительно разрѣшено М. А. Веневитиновымъ, въ его статьѣ, напечатанной въ октябрской книжкѣ *Русскаго Архива* прошлаго 1897 года, подъ заглавіемъ: *И. В. Кирѣевскій и цензура Московскаго Сборника 1852 года* (стр. 287 — 291). Изъ этой статьи оказывается, что А. В. Веневитиновъ исполнилъ въ точности и съ любовію порученіе друга своего.

Къ величайшему моему прискорбію, съ статьею М. А. Веневитинова я познакомился, за отсутствіемъ изъ Петербурга, только тогда, когда 8-й листъ настоящей *двѣнадцатой* книги былъ уже отпечатанъ; а вслѣдъ за симъ, я получилъ изъ Москвы, отъ М. А. Веневитинова, письмо, въ которомъ, между прочимъ, прочелъ: „Я надѣюсь, что моимъ сообщеніемъ въ *Русскомъ Архивѣ*, о перепискѣ моего отца съ И. В. Кирѣевскимъ, я не опоздалъ для хода вашей работы по біографіи Погодина, такъ какъ, главнымъ образомъ, эту біографію я имѣлъ въ виду при помѣщеніи моего сообщенія въ *Русскомъ Архивѣ*“.

Stanford University Libraries
3 6105 013 551 382

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изд. въ книж. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28